Михаил Базанков

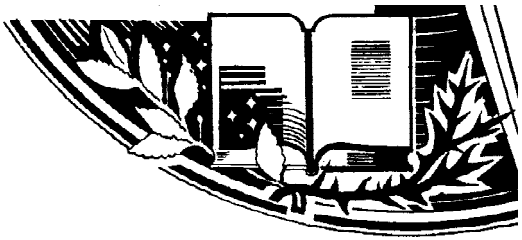
Запоминай дорогу

Повести и рассказы

Кострома
2007

Б17
ББК 84 (Рос-Рус) 44

© М.Ф.Базанков, 2007.
© М.Ф.Базанков, оформление, 2007.



«Читайте такие книги»

Об авторе, его книгах по отзывам читателей и рецензентов

Литературные этюды, короткие рассказы и сказки студента художественно-графического факультета Михаила Базанкова прочитал писатель Леонид Воробьев в городе Кологриве, что на Унже, впадающей в Волгу. Некоторые сочинения молодого автора писателю понравились, он даже предопределил с надеждой творческую судьбу: «Это — начало, а оно обещающее, у автора все впереди».

Что же привлекло внимание первого читателя и критика? Он выделил основные достоинства этюдов. Лиризм. Деталь. Жизнеутверждающие ноты. Откровенность, там, где она в рамках общего, а не личного. Одностильность. Любовь к родному краю. Настоящая любовь к людям. Большинство рассказов написаны светло, лирично с молодой энергичной верой в жизнь. «Чувствуется по всему, в большинстве случаев Михаил Базанков близко знаком с жизненным материалом, на котором строит рассказы, обостренно в индивидуальном колорите видит природу, хорошо слышит народную речь. Отсюда и точная деталь, которая, будучи художественно поданной, трогает, привлекает».

Это было в начале, это было давно, но подмеченные достоинства постепенно развивались в литературной работе, укреплялись чтением хороших книг и постоянной учебой. Очерки, рассказы, новеллы печатались в областных и центральных газетах, журналах и коллективных сборниках. По итогам нескольких литературных конкурсов были отмечены премиями. К тому времени Михаил Федорович, по его собственным словам, лесной человек — дитя естественной природы, уже познал и городскую жизнь. Он родом и памятью оттуда, где «возможна жизнь без помпы и парада».

Детство его прошло в лесной деревеньке Межевского района. Там закончил среднюю школу, а в городе — сначала лесомеханический техникум, затем — с отличием художественно-графический факультет пединститута, позднее — двухгодичные высшие литературные курсы

Союза писателей СССР в Москве. А первая книга «С чем ты идешь» вышла тридцать лет назад. Издательство так представило: «Написана книга с любовью и уважением к человеку труда, с чувствованием человеческой души — взрослого и ребенка. Но не только психологизм отличает книгу — рассказы М. Базанкова поэтичны, пронизаны лирическим светом, да и вся книга пронизана добрым и светлым мироощущением. Какой ты человек? С чем идешь по жизни, что дашь людям? И какой след на земле оставишь? — С такой нравственной меркой подходит автор к своим героям».

Известный писатель Василий Смирнов, автор романа «Открытие мира», заметил в родном Верхневолжье нового автора, написал: «Радуюсь тому, что вы серьезно беретесь за литературное дело. Грешно зарывать несомненные способности, как говорится, в землю. Развивайте их литературным трудом, активным участием в жизни и учебой, постоянной. Вы человек образованный и мне не надо говорить вам о том, что читать. Обязательно свяжитесь с Костромским отделением Союза писателей. Если у вас напишется что-либо детское или юношеское, шлите в издательство «Детская литература». Больших успехов вам на литературном пути. Не смущайтесь трудностей, неудач — путь сей каменист, но иного у вас нет и быть не может, — упрямо, настойчиво работайте. И успех будет».

Потому и получилась вторая книга под названием «Самая сладкая рябина», предназначенная для детей среднего возраста.(Москва, «Детская литература»). Опять подтвердилась правота Леонида Воробьева. Так бывало в последующие годы. Вдруг прислал письмо главный редактор журнала: «Подписал рассказ в печать. Вы человек, бесспорно одаренный, и мне бы очень хотелось не потерять Вас, внимательно следить за вашим творческим ростом — Не стесняйтесь, пишите мне, предлагайте новые вещи, в любом жанре (рассказ, очерк, статья). Догадываюсь, вы хорошо знаете деревенского русского человека. И проблемы — тоже. И это знание в конце концов скажется». А вскоре — второе письмо от главного редактора. Сергей Викулов поздравлял с первой публикацией, добавляя бодрости: «Мы верим, что Ваше искреннее, высокохудожественное произведение будет по достоинству оценено читателями и надеемся, что в дальнейшем Вы будете успешно сотрудничать с нами».

Надежда на читательское внимание подтвердилась десятками писем, к автору обращались через редакцию журнала и напрямую, если удавалось найти служебный или домашний адрес. Из Томска Александр Соловьев признался: «Недели две назад прочитал рассказ и до сих пор во рту привкус льняного масла. И запах его чую почти явственно. Удивительно хорош рассказ! Ненавязчивый, светлый, точный, какие детали! Я грешным делом, тоже в детстве бывал у маслобойщика — мать водила.Но я ничего не запомнил. Но вот прочитал рассказ и снова почувствовал ТО масло на губах, и про холодный гороховый кисель — все

точно. Безусловно талантливый рассказ. Я как прочитал его, так снова заныло все внутри — захотелось на родину. В два часа ночи разбудил жену, говорю: «Поехали на родину, в Печенкино!» А она: «Опять на тебя нашло». Спасибо за рассказ, Миша. Не удержался и вот решил хоть этим отвести душу — написал. Адреса и не знаю, но думаю, что в районной редакции бываешь — передадут».

А читатель из Красноярска написал в редакцию: «Меня очень старого вологодского крестьянина, особенно восхитил рассказ Михаила Базанкова. Я хочу сказать ему: «Спасибо тебе, несомненно, земляк! Словно шел с тобой по родной Вологодчине. Словно помогал тебе, мальчику, забивать клинья нехитрого, но очень умного заводика конструкции «просто клинья». И оба мы видели, как рождается янтарек, как стекает в деревянный бочонок льняное масло янтарного цвета. Спасибо. С уважением к журналу и автору П.Ларионов».

Прошли годы. Опубликованный в журнале «Волга» роман «Право памяти» был отмечен первой премией как лучшие художественные произведения года. Вскоре издательство «Современник» выпустило книгу с одноименным названием. Профессионалы не оставили ее без внимания. «Воссоздавая историю возрождения человеческой памяти, интересную тонко выписанными психологическими подробностями, писатель побуждает к восприятию мысли о ценности памяти прежде всего как категории нравственной, коренящейся в общей нравственности человека, которая определяется в первую очередь отношением к труду». (А. Демченко).

«Хотя роман М.Базанкова не отличается масштабностью повествования: место действия в нем предельно локально, — тем не менее достоверность изображаемых событий, яркие, запоминающиеся характеры, острота нравственных конфликтов и проблем позволили писателю зримо, с эпической широтой создать пронзительное по силе воздействия произведение о послевоенной деревне, о чувстве Родины, о народной памяти». (И.Симонова).

Созвучно с этими мнение критика П. Корнилова, когда он завершает осмысление другого объемного, в трех частях, романа «Вольному воля». «В созданных писателем образах ясно проступает русский национальный характер, выраженный не только в типе лица, в особенностях речи и поступков, в облике при различных состояниях природы, в деталях быта и труда, но и в тональности, эмоциональном строе произведения — в его свете и цвете, музыке и живописи. Без мелодраматического нагнетания сюжета, приемов приключенческой броскости и различных внешних эффектов роман держит читательское внимание серьезностью мысли, отчетливо звучащей любовью».

Изданы разными издательствами шестнадцать книг. Даже по названиям чувствуется «вектор» художественного осмысления жизни современников: «Заветные поляны», «Признание в любви», «Русское поле», «Не ищи жар-птицу за морем», «Самое дорогое», «Цвет и свет

судьбы», «Мазуркин», «Дорога через поле» — о старшеклассниках, «Спасенному — рай», «Веселья час», «Поклон землякам» и другие. Каждая требует особого критического разбора достоинств и недостатков. Но у этого предисловия другая цель: закладывается основа внимания к новому изданию короткими выписками из рецензий на предыдущие.

Заинтересованные читатели, критики и литературоведы заметили авторское признание: «Не идиллию воссоздать хочется, — пишет в литературных заметках М. Базанков, — а трудовую земледельческую жизнь в согласии, доброте и любви. Не стариной умиляемся, не о патриархальности плачем, а о том, что наполняет бытие красотой и смыслом». Его занимает не умильно-созерцательное отношение к природе и действительности, к причинам отчужденности людей от земли и друг от друга, а философско-психологическое исследование душевных взаимоотношений. Не событийная занимательность, внешняя драматичность являются главной задачей писателя. Душевный разлад современников, обусловленный частыми переменами общественной атмосферы, прежде всего должен преодолеть человек, чтобы обрести или восстановить естественность взаимодействия с людьми и природой.

Анализируя роман-хронику «Вольному воля», критик и литературовед Ирина Стрелкова обратила внимание на эпиграф к первой главе: «Допамятуй до сроку, да напамятуй мне». В содержании романа по судьбам героев выстраивается мысль о том, что надо вернуть неприкаянному память, вернуть опыт прежних поколений, он горек и целебен. «Разве в правде нашей и печали нет положительного? — пишет Михаил Базанков, обращаясь к своему герою хроники Василию Иванову. — Разве терпение твое, Василий, страстное желание справедливости — не есть положительное?» И далее он напоминает сегодняшнему, завтрашнему читателю: «Ничто не происходит только сегодня в наших судьбах, все начиналось когда-то раньше». Но такое чтение для возрастающих читателей.

Критик не оставляет без внимания и другую новую книгу. «У Михаила Базанкова в повести о наших днях, вошедшей в одноименный сборник «Самое дорогое (Книга для родителей, учителей и старшеклассников)», есть эпизод киносъемок на вокзале. Съемка как съемка, с вопросами из толпы, будут ли платить за массовку. Работают местные кинолюбители, уже в чем-то поднаторевшие, опьяненные возможностью сотворить какую хотят картину: «Рассказывай, тетка, свои бывальщины. Давай, пока время не вышло. Запишут на вечную память». Может быть, автор этой книги свои правдивые, душевные произведения записывал в противовес массовым изощренным фальсификациям, выполняемым с помощью наисовременнейших технологий и потому обратился к доверчивому детскому восприятию.

На многих дорогах Родины и в других странах, в том числе и за океаном, встречались интересные люди, чьи характеры и судьбы

привлекали Михаила Базанкова. Об этих людях он писал рассказы, повести, романы; несколько книг — о детях, для детей и родителей при особом настроении, когда вспоминал собственные ранние годы в сравнении с жизнью возрастающих детей и внуков. У Михаила Федоровича два сына, четверо внучат и правнук. Про них, для них, для всех незнакомых мальчиков и девочек постепенно складывалась и эта книга, начатая повестью «Чудесное приглашение». Некоторые произведения печатались в других изданиях — автор получал отзывы заинтересованных читателей.

Содержание новых сочинений привлекательно и забавно. Мечтая освоить новейший компьютер, мальчишки готовятся к полетам на аппарате собственной конструкции, проводят первые подводные испытания, во время штурма отвесной скалы готовят себя к покорению вершин, осваивают кузнечное дело, работают на особых агрегатах, называемых «стрекоталками-брекоталками». Они завидуют своему командиру и подражают ему.

По отзывам писателей Н. Шорина и Б. Бочкарева, повесть и рассказы рассчитаны на детей среднего возраста. Точно рассчитаны, но прочитать могут и дети помладше, и старшие школьники, даже родителям полезны такие книги. Главный герой повести Ваня Летунов и его братишка Василек зримо и убедительно заявлены автором. Разные по характерам, вроде ссорятся, как нынче говорят, конфликтуют нередко, каждый свою волю проявляет, но какие они дружные братья, красивые в родственных отношениях! Ваня незаметно, а все-таки «пыжится», желая выглядеть большим, он берет соответствующий тон там, где нужно. Ох, как неприятно, когда зовут «мелюзгой», да еще и «сопливой» — иногда старшие выражений будто бы не выбирают. Ваня, не помня обид, ранним утром спешит в тот мир, где можно самостоятельность проявить. Сколько всего интересного ожидает его.

Утренняя встреча с игривыми белками благодаря возможности рассуждать, отвечая на вопросы верной собаки, обнаруживает и показывает его осмотрительным, разумно бережливым: мол, нечего летом зазря зверьков пугать, не бегай, Арта, напрасно не суетись. По взрослому разумению, лайку в лесу не надо бы брать на поводок, пусть она учится, натаскивается по пушному зверю, а вот Ваня решает иначе. У него своя логика.

И во взаимоотношениях братьев привлекательная логика. В вопросах младшего, в интересных диалогах и в действиях обнаруживается любопытное начальное мышление — это надо понимать, чувствовать! Оно будто бы не угадано автором, а подслушано, увидено в реальности, потому художественно убеждает. Словесная вопросительная игра может быть даже использована учителями и родителями в качестве примера. «Почему собака на лапы не надела лапти?» —спрашивает Василек и, не дожидаясь ответа, сам выстраивает сообразительный ряд, тут же озадачивается другими вопросами. Такая игра удачна, и по возрасту в соответствии с замыслом. Познавательный интерес в действиях

и скромность в поступках. У Василька она природная, просматривается как семейная особенность. Семья-то и есть самая надежная основа, потому и привлекательна позиция автора, примечательна повесть, полезная в наши дни.

Особым согревающим светом домашних отношений наполнены главы, посвященные утренним сборам, «банной компании». С каким знанием и чувством выписаны отношения детей и взрослых в семье. А чаек с «зам-маникой»? Куда там нынешним рекламным тусовкам до таких семейных застолий...А демонстрация диафильма (заметим, вместо убойных «видошников») как прописана? А деревенская кузница какова? Тут же и «штурм отвесной скалы» с эмоциональной и смысловой нагрузкой. Пригодится и для школы игра в сочинение по данным Виталием Груздевым ключевым словам: работа, кукушка, петух. В каждом сочинении — характеры, возможности мальчишек. А сенокосный день на поляне почему увлекательный получился? Опять интересы, мечтания, характеры проявляются. Вот где выстроен мир и согласие между людьми, где формируется восприятие ценности человека по труду, где каждый обретает собственное самочувствие и положение среди людей, не только близких и родных, но и среди незнакомцев.

По всей повести автором разбросано так много добрых чудес из «решета народной жизни», что вправду удивляешься: откуда только берутся они при такой трудной повседневности. Автор не играет в сказочность, он видит детскую способность каждодневно выстраивать собственные сказки без подражания телевизионным крикливым торопыгам. В написании рассказов о детях и для детей — давно замечено — многих авторов частенько «заумь» уводит в назидание или «сюсюканье». А здесь художественность складывается естественно, повествование выдержано в доверительной тональности, передающей радость познания и преодоления первых трудностей. Автор сам провел детство в деревне, ему ли изучать жизнь на природе. Потому его наблюдениям веришь, как своим, завидуешь удачам — образным находкам.

Соглашаешься с автором: описания не всегда бывают лишними. Вот лисенок, он зверь, ему лес нужен; даже прирученный, он туда стремится. А глухарята? Верно, что молодежь из семейства тетеревиных к осени «пробует голос», учится токовать: тетеревята чуфыкать и гурлыкать, а глухарята пока что по-сухому щелкают створками клюва. Но это у них выходит без удачи, а они «как бы смущаются». Или есть у автора синий заяц. Как так? Может, это кроль? Беляк в такое время — серовато-дымчатый, а русак светло-коричневый, если быть точным. Значит, был беляк, да еще в особом освещении-восприятии. Если для образности, то и заяц может быть синим, и солнце черным...

В рассказах естественны переходы из своего авторского детства — к настроению в настоящем времени, от воспоминаний — к новым откровениям. «Будничные» сюжеты обретают художественную емкость, мысль автора органически входит в систему образов, а язык повество-

вания, точная интонация гармонируют с миром и психологией «мальчишества».

«Интересные зайцы получаются, — говорит Н.Шорин. — И медведи — тоже. А люди какие привлекательные встречаются, если к ним с добротой идешь! Правильно видишь и слышишь». Живопись красочным слогом получается и в пейзажах, не копия с натуры, а создание детского пространства, обживаемого постепенно, день за днем. Так по доброте своей автор поддерживает у детей и взрослых творческое воображение, разнообразное и чуткое отношение ко всему, что окружает. Каждый рассказ от «Запоминай дорогу» до коротких этюдов добавляет читателям новых чудес-открытий. Такие книги нынче появляются редко, издавать в провинции с хорошим качеством при достаточных тиражах невозможно. Придется только сожалеть, если авторские открытия, его удачи в повести и в рассказах окажутся незамеченными.

«Каждый день долог. И каждый день происходят непредвиденные события. Взрослым кажется, что дети просто играют, беспечно отдыхая летом. Это взрослые думают, что безделье, баловство, какие-то вольные забавы нужны маленькому человеку, больше ему ничего не требуется, обойдется без внимания старших, пробегает все лето, лишь бы накормили вовремя». — Рассуждает старший «предводитель» ребячьего отряда школьник Виталий Груздев. Начатый Виталием дневник еще не раскрывает всех «педагогических» способностей, на будущих страницах возможны новые замыслы.

«За низенькой зеленой оградой на игровой площадке суетятся очень занятые детсадники: копают песок, грузят на деревянный лесовоз». От этих простых слов веет теплом и сердечным наблюдением, — пишет рецензент Б.Бочкарев, — Я намеренно не беру десятки живописных примеров, отрадных откровений — они придут к читателям во множестве прекрасных деталей, картин, в описаниях милых сердцу забав детства. Рыбалка, плоты, мальчишеское мудрствование с бочкой-батискафом, участие в повседневных трудах и заботах — все это незаменимо урбанизированным комфортом, пестрым шумом и лоском. Читаешь повесть, рассказы и вспоминаешь, что есть мир простой, влекущий, отрадный, что рядом идет естественная жизнь, что еще сохраняются места, где без опаски можно шагать в лесу, по взгорьям и низинам былых лугов, «узенькой тропочкой в бурьянистой траве», где «голубеют разлапистые головки репейника», где «синица весело, вон как игриво перепархивает с одной тычины на другую». Читаешь и чувствуешь особенность этого мира, где «над яркими гривами кустов на противоположном берегу, над оранжевым сосняком и низким синим ельником, над белесой водой, отражающей небо, перелетел звонкий ребяческий голос».

Душевное привольное звучание овевает рукопись М. Базанкова. Вспомнится читателям многое из благодатного естественного мира, где «шелестели редкие листья, желтыми огоньками кружились в воздухе, а

вдали фиолетовой лентой катился к горизонту лес, манил и звал к себе». Что-то чудесно светило и светит еще там в стране детства, привлекает простыми тихими и чистыми радостями, деликатно уводит от упрощенного, назойливо разрекламированного потребления. Сопричастность к месту жительства, к делам взрослых, сметливость и фантазерство, трудолюбие и чувство свободы, первые конфликты и общие радости оказываются важными в становлении характеров и, может быть, определяют судьбы.

— Все в этом мире касаемо между собой, — вспоминаются простые слова литературного героя. — Человек создан, чтобы видеть и радоваться, чуткой душой соединять разумно необходимое и красивое.

Пришел год чтения, год русского языка. Ко времени издается новый сборник Михаила Базанкова. Родителям и детям, всем, кто желает знать земляков, любит свою родину, пора читать такие книги, чтобы благодарно помнить прародителей и предков, уважать себя и других в главных человеческих достоинствах.

И. Смирнов

ЧУДЕСНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Повесть

ЧУДЕСНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Детям среднего и старшего возраста, родителям и педагогам

Быль расскажу, но она такова,
что покажется сказкой.

Овидий

Не исчезают лучшие первые тропинки. Из далекого да-лека, из моего детства, иногда долетает отзывчивое эхо. Од-нажды, рассказывая сыну и его друзьям о своих давних дорожных приключениях, заприметил увлеченного и довер-чивого Ваню Летунова, в предчувствии интересных событий последовал за его фантазиями, снова проходил сокровенны-ми земляничными полянами, радовался, что верю еще в чудеса, способен отчетливо вспоминать былые мальчишеские походы, мечтательные изобретения и могу устраивать забавы для вну-ков. Не утратилась способность оставаться самим собой. Прислушиваюсь к своему сердцу, доверяю непосредствен-ному восприятию, потому что сохранена возможность вер-нуться единственной дорогой к последнему чистому роднику, каждый раз вспоминая поговорку дедушки: «Поживи на свете, повидай чудес».

«Куда ты, Летунов?»

Однажды тихонький да застеничивый мальчик случайно подслушал разговор старшеклассинков про тайную испыта-тельную команду, какой нигде не бывало. «А мы тоже при-думаем такое, — хотел удивить, — такое удивительное, расчудесное...». Но что именно — не смог сказать. И все же самый важный среди тех таинственно настроенных ребят Виталий Грузде обратил на него внимание:

— Смотрите и слушайте все... В нашу испытательную команду мечтает вступить Иван Николаевич Летунов, — тор-жественно представил он. — Теперь, добрый малый, подумай хорошенько и отвечай. Скажи, ты готов к дальнему полету или в своей Березовке останешься? — главный всем задавал трудные вопросы, но последний, самый трудный, достался но-венькому.

— Когда мы вернемся? Сухарей сколько сушить, а соль и спички нужны? Можно родителей спрашивать о том, чего не знаешь пока?

— Отец не будет против. Матери лучше не докладывать. Мужчины сами все решают. — Груздев говорил уверенно, будто уже советовался с отцом.

— А домашние дела кто будет делать? У меня их много.

— Вообще — то родители и без тебя обойдутся.

— Ой, нет. Мне поручили... за братиком смотреть.

Что верно, то верно: немало поручений. Разумеет Ваня в домашних делах. Скотину с пастбища встретит, огурцы в парнике польет, куриц накормит, дров наносит, в магазин за хлебом сбегает. И братика Васю без внимания не оставит, когда поручено доглядывать. Все, что положено, знает и умеет этот

деревенский мальчик, книг, правда, прочитал меньше, чем дво-
юродный брат Сеня Семечкин, который на все лето приехал
из Волгореченска к бабушке Анне. Она часто называет его
самостоятельным. Зато Ваня еще зимой летательный аппа-
рат придумал, но держит мысленное изобретение в тайне.

Однажды он прочитал в толстенной книге о том, что сно-
видения помогают ученым делать открытия, музыкантам пи-
сать музыку, художникам—картины, писателям — книги, вот и
приснилась подсказка. Осталось раздобыть материалы, де-
тали разные и можно монтировать конструкцию, чтобы по-
лучилось взрослым и детям на удивление. Конечно, и другие
ребята чего-то придумывают, изобретают, важный Женька
Белов, например, и настырный Коля Заботин, наверно, даже
тихоня Славик Фиолетов чего-то затеял да скрывает. Ко-
нечно, у каждого имеется какой-то удивительный секретный
план. Но самый лучший — у Летунова.

Даже папа и мама ничего не узнают до тех пор, пока не
взлетит над деревней изобретательный старший сын, как зап-
ланировано у него. Трудно все держать в тайне, а что поде-
лаешь. Отцу бы признаться, помощи попросить... Рановато
еще, самому надо хорошенько покумекать, все предусмотреть.
Отец не раз в разговоре с мамой настаивал:

— Пусть Иван к самостоятельности привыкает, ему нужна
свобода.

— О какой свободе ты говоришь? — возмущалась мама.

— Однажды он заблудился в ближнем лесу после твоих
россказней, а нынешним летом куда устремится, что у него на
уме, чего ему хочется — ты не спрашивал и не знаешь. Мо-
жешь угадать?

— Хорошей погоды, по утрам — синевы туманной...

— Вечно ты отшучиваешься да фантазируешь. Чудесные
поляны, чудесные птицы, летательные аппараты, разбойники да
пираты, космонавты да эндонавты... Там таинственный доб-
родушный зверь прячется, а там — кто-то ворочается, храпит
и вздыхает. Жар-птица зовет самых смелых к себе... Чудеса
в решете. Птицы-небылицы... Наговорил всего, а ему и снится.

— Детство свое вспомни. Что тебе больше всего нрави-
лось? Не только матрешки да тряпочки. И в лес, и на реку, и
на озеро, и на дальние поляны. Помнишь, «там чудеса, там
леший бродит...» Сама песню хотела сочинить про розовую
доверчивую птицу.

Отец мечтает услышать мамину песню о птице фламинго,
которую очень давно, еще в школе, начала она сочинять: «Про-
летели розовые птицы в синеве туманной. Мы с тобой оста-
лись на своей поляне». Вот бы продолжить эту песню. Говорят,

у таких птиц есть свои небесные дороги. Весной прилетают они из далекой Африки на северный и восточный берега Каспийского моря, еще к озерам Казахстана. Большими ста — ями прилетают чудные птицы с длинной шеей, с длинными ногами, оперенье у них нежно — розовое, крылья яркого крас — но — пурпурного цвета, черная оторочка на крыльях. Стая в полете похожа на подвижное пламя, потому и называют фла — минго пылающей птицей. Она по таинственным причинам иногда залетает до самых малых северных притоков Волги, будто ищет в этих местах то, чего нигде больше найти нельзя. Фламинго пугливы и очень дружны, они строят свои гнезда колониями. А когда забредают в воду, издали кажутся удиви — тельными розовыми цветами. Все это папа Коля рассказы — вал. Он добрый, сны ему снятся интересные, очень длинные, за целый день не рассказать.

А вот Ване для хороших снов ночи не хватает, они обры — ваются на самом интересном и трудные вопросы остаются без ответов. Собака Арта это знает.

Она, вызывая Ваню, тихо лаяла под окном, когда поняла, что Летунок рано проснулся, но почему — то на улицу не вы — ходит, размечтался, наверно.

Ваня слышал, как мама доила корову, провожала ее до ворот и спросила пастуха Ефима бородатого, где сегодня бу — дут пасти стадо. Слышал он и хныканье брата Василечка, не желающего умываться. Вася все — таки бренчал умываль — ником, а потом пил парное молоко, даже добавки просил, но мама отказала — в детском саду не будет завтракать. Она помогла ему застегнуть ремешки на сандалиях. Возле ка — литки что — то наказывала, целуя в обе щеки. Заботливо смотрела вслед пока не перешел дорогу, не скрылся в детсадовском сквере. И только тогда вернулась к крыльцу, взяла ведра, чтобы принести воды. Возле общего деревенского колодца, перего — варивалась с соседкой Татьяной, потому что та всегда от — крывает окно как только мама Нина идет по воду. Соседка обязательно спрашивает: «Куда сегодня собираться — то, бри — гадирка?». Она такая, эта Валентина — Валек: ей все укажи да подскажи, будто сама не видит, не чувствует что подступает лето сенокосное.

Отец перекладывал железяки в гараже, видно, никак не мог найти, которая требуется. По стуку можно определить: спешит папа Коля. Он сердится, если спешит куда — нибудь. Теперь по утрам рано уходит на работу, потому что получил новый лесовоз, в дальние рейсы ездит. И сыну велит раньше на часик вставать. Вот сейчас начнет приговаривать. Точно, по ступенькам топает.

— У тебя, сынок, много дел впереди! — отец заглянул в полог, придавил пальцем кончик Ванькиного носа, бибикнул.—Вставай. Хозяйничать будешь. А я поехал. На новом—то лесовозе можно за сутки два рейса сделать. Так что и я, видно, на ступеньку выше поднялся, будто в другой класс перешел. Теперь у нас взлетное настроение, Иван. Чтобы лето не проспать, надо с солнышком вставать, будет некогда скучать, потягиваться и зевать.

Приятно слышать такое. Правильно отец советовал: «Гони ты эту ленивую качку—раскачку. Как проснулся, так и чувствуй себя человеком с хорошей фамилией! Держи семейный авторитет. На деда и отца равняйся. Летуновы мы! Доверяют нам, вишь, новую машину отец получил.» Конечно, приятно. Еще бы! Мощный лесовоз с прицепом — классная машина, управлять такой не каждый сумеет. А колеса какие большущие, а кабина огромная, просторная она, с кондиционером — свой микроклимат. Обзор из кабины на все стороны, с высоты все видно. Для дальних рейсов агрегат. Бревна, брусья, доски половые, пиломатериалы разные нагрузят, вези на стройку в подарок: получайте горожане от сельских жителей, мы — добрые. Привыкай, папа, осваивай новую технику, потом и сыну доверишь управление.

Пошел за калитку отец. Ваня — сразу к окну, чтобы проводить его. Арта начала себя показывать, припала к земле, виляя рыжеватым хвостом, негромко тявкнула. В глазах у нее— радость и нетерпенье. Вот сейчас выпрыгни Ваня из окна — начнет обхватывать лапами ноги. Она такая, только дай волю. С ней надо построже, чтобы не разбаловалась. Сейчас она послушная, верная, целый день может под окном просидеть в ожидании. Вишь, терпеливо поджидает, когда выйдет требовательный хозяин. И вот он уже на крыльце. Бодрый, уверенный, смелый, чувствует взлетное настроение.

— Пошли! Вперед! — приказал мальчик.

Собака выбежала на улицу, вернулась, словно сказать хотела: можно в любую сторону идти, нигде нет никаких препятствий, никто не остановит.

Арта, конечно, знает куда надо, бежит старательно, даже не обратила внимания на грозную соседскую кошку Василису.

Ничто вроде бы не интересует, не пугает, не останавливает ее. Даже вопрос «Ты куда?» не остановил. Это Сенечка городской кричал.

Редко он так спрашивает, а сегодня поинтересовался почему—то. Наверно, надоело одному рыбачить, хотел в компанию пригласить. Нет уж, есть дела интересные и важные, по своей тропинке надо раньше всех убежать.

Так и бегут они под гору к реке. Арта впереди проверяет дорогу, Ваня по ее следу, нисколько не отставая, шлепает босыми ногами. Добрый хозяин. На нем все те же белесые джинсы, та же голубая майка — видно, опять будет тепло, солнечно и радостно.

За деревней, в ржаном поле, тропинка торная, тут каждый день ребятишки снуют. Но Арта сворачивает к мастерским, потому что там, возле гаража, фермерские тракторы тарахтят — значит, Ваня тоже должен посмотреть, кто приехал. Точно, на малых оборотах лопочет оранжевый «гусеничник» из соседней деревни. Таких тракторов много, но у каждого есть своя приметина. У этого щиток перед радиатором — в полосочку, второму гусеничнику достался щиток в горошек (множество дырок насверлено). Третий трактор с прицепом, его недавно дядя Егор, отец Виталия Груздева, из ремонта получил, плоховато трактор на заводе отремонтировали, а топливный бак заменили, зеленый поставлен. Арта наверно, различает который гусеничник кому принадлежит. Она и лошадей узнает: свои или чужие — по-разному лает.

— С добрым утром! — кричит Ваня механизаторам.

— Здорово, Ванек-летунок! Куда навострился? — спрашивает Виталий Груздев, хотя сам знать обязан. Он для березовских мальчишек — главный командир. Ему хорошо: восемь классов окончил, через год может поступать в любое училище. Ему сейчас доверяют, дедушка в кузнице молотобойцем иногда называет. И конюшит Виталий вместе с дедом, четыре коня в его распоряжении. Бинокль настоящий есть и книга амбарная для записей по фермерскому хозяйству, что-бы учет хозяйственный вести. Он любого может о чем-ни-будь спросить и ответ в книгу запишет.

На всякий случай Ваня помедлил с ответом и схитрил:

— По землянику.

— Рано еще, не поспела. Зеленцы да цветочки.

— А я найду на припеках, — продолжает он придумывать.

— Тебя бы не пришлось искать. У матери спрашивался? Бабушке сказался?

— Дома не было. Не знаешь разве, где она. На работу тебя, кто назначал? А бабушка видела.

— Сами с усами. От дела не бежим —лежебоками лежим. Помогай нам, веселей будет, — шутливо зазывает Виталий под свое руководство — видно ведь: собираются трактора готовить к работе.

— Некогда. Говорю тебе! — очень громко отказывается Летунов. — Некогда мне! Очень важное задание — сам знаешь, забыл разве?

— Помню, помню. Не ходи — ка лучше, а то заблудишься без меня,—тоже громко посоветовал Виталий, чтобы задеть мальчишеское самолюбие.

Значит, еще маленьким считают, думает Ваня. Куда ни пойдешь, обязательно кто — нибудь да увидит и начнет отго — варивать. То бабушка Анна из кухонного окна углядит, то пастух Ефим бородатый, то механизаторы к себе зовут, то дев — чонки старших классов приглашают в сводный отряд. Правда, не зря люди за него беспокоятся: прошлым летом надумал Ваня узнать, что там голубеет вдали за рекой Светлянкой, да и заплутал в густых зарослях ольховника, закружился и давай реветь, чтобы в деревне было слышно. Ладно, бабушка родная поблизости оказалась, она коровий раст — цветочки такие нежные голубенькие собирала, вот и выручила, спасла, а то уж от страха жутко стало. Вывела внука на взгорок, чтобы де — ревню было видно, да еще и крапивой хотела настегать эта — кого вольника, только крапивы — то под руку не попалось — не выросла она, едва первые листочки зазеленели, так те и не жгутся. «Настегаю крапивой, — говорила строгая бабушка, — тогда и впрямь заголубеет у тебя сзади — то, так заголубеет, что и сесть будет нельзя. Ну — ка, я его, чтобы не самовольничал».

«Прости, больше так делать не буду, — спешно обещал тогда. — Прости, бабушка, я сам виноват». За зиму Ваня вырос, теперь ему можно и за реку, только не в ольховники, а к ближ — ним озерам, там тоже березовая роща есть. Небольшая, правда, рощица, но за ней луговины, похожие на поляны, очень даже ровные, для аэродрома подходящие. Теперь он знает, как до — рогу запоминать. Да и не один, верная собака при нем всегда.

Медленно, чтобы походка важная получалась, Ваня спус — кался к реке. Знал, механизаторы на него смотрят, вот и важ — ничал. Арта суетилась впереди: то петляла по мягкой песчаной дороге, то зачем — то ныряла в кусты, мелькала в просветах между ними. Когда дорога увернулась за ржище, Ваня тоже начал подпрыгивать, а потом быстро бежал к деревянному мосту, под которым загадочно бурлюкает на камешках то — ропливая Светлянка. На мосту хорошо. Перегнешься через перила—видно: шмыгнул — промелькнул по песчаному дну пескарик, за ним плывет еще один, покрупнее, а чуть ниже по течению — целая стая крупнущих пескарей на одном месте колышется, глядят пескари ласково, выпрашивают гостинцы какие — нибудь.

Он перебежал на другую сторону, швырнул оттуда сладкие крошки печенья — пускай к пескарям поднесет. И сам — обратно, на прежнее место, говорит приветливо, будто рыбки его понимают:

— Проголодались, пескарики?!

А они взблескивают серебристыми боками, теснят друг друга. Все дальше и дальше сносит их течением. Ничего, когда все крошечки подберут, обратно вернутся. Точно, снова медленно возвращаются, будто бы еще просят еды.

Ваня отвязывает подвешенный к брючному ремню узелок с запасом провизии, разламывает пирожок пополам. Арта тут как тут. Облизывается, специально дышит часто, словно сильно ус-тала, подкормиться надо.

— Получай свою долю да больше не лезь. И не топай, бестолковая, всю рыбу распугаешь.

Зная, что вслед за пескарями могут подплыть черноспинные голавли, Ваня экономит подкормку, но пирожок все-таки убывает. Кидать приходится все дальше. Только после третьей порции в отдалении плавным полукругом наплыла над ровным песчаным дном едва видимая тень — это приходил на разведку вожак голавлиной стаи. Значит, где-то сбоку, на глубине, лениво пошевеливая хвостами, подкрадываются крупные рыбины, целый косяк. Если стоять на противоположном берегу, можно увидеть и пересчитать голавлей. Вчера было восемь, а недавно Женька-технарь будто бы двадцать пять насчитал. Он, Женька-то Белов, не только в технике хорошо разбирается, рыбу удачливее других ловит. Нынче, правда, у него другие интересы, потому что на первое место в рыбной ловле вышел Сенечка городской.

Увлечен «технарь» техническими интересами. И другие за ним потянулись, Ваня Летунов тоже не отстал. Теперь и у него технический сезон. Еще бы, испытательные работы вот-вот начнутся. Виталий Груздев какой-то экспериментальный полет задумал и место старта уже определено — на дальней сенокосной поляне, куда на тяжелой технике не проедешь, придется старинным дедовским сенокосом заняться: мужики литовками траву скосят, а детская бригада будет траву грести, примитивную технику применяя. Об этом однажды мама Нина всем ребятам говорила. Так что все еще впереди: и наиграться можно и серьезно поработать. А рыба из реки не уплывет, тут ей хорошо и не проголодается.

Ваня, на цыпочках прошел вдоль моста, спустился с насыпи на плотную береговую тропку. Арта кинулась за ним, первая подбежала к самой воде, начала назойливо тявкать.

— Ах ты, такая-сякая! Опять голавлей пугаешь! — Ваня даже замахнулся, чтобы собака молчала. Но Арта все равно лает, правда, глядит она вверх, так и дергает мордочкой, будто указывает: смотри туда, смотри-ка!

Ваня пригляделся: вот это да — а! Сразу три белки! Рыжие — прерыжие, только под брюшками да на хвостиках дымчатость шелковистая. Вот красавицы! И сидят смирно, будто орешки грызут, хоть фотографируй. Вспомнилось: «А орешки не простые, все скорлупки золотые». В зеленой листве рыжие белки отчетливо видны. Ваня и рад поглядеть: любуется, ждет, что они дальше делать будут. «Доброе утро, белочки!» Они на другое дерево перепрыгнули, будто исчезли совсем — и собака не лает. Затаенки получились. Вдруг зашурготело поверху. Теперь уже на ольшине. И снова — на елке. А с нее на березу переметнулись. Помелькали на ветках, повертелись, словно приглашая за собой, и еще дальше упрыгали. Собака увязалась за ними. Шумит, прыгает в густой траве, взлаивает тоненьким голосочком, все дальше забивается в чернолесье. Вот ведь какая: даже на крик хозяина не реагирует. Глупая. Разве догонишь белок. Дразнят они тебя, поиграть с тобой хочется.

Ваня выбрался из зарослей, не оглядываясь пошел берегом. Гряда чернолесья тянулась прямо на взгорье к лесу, который состоит из хвойных деревьев—елки, пихты, сосны. В краснолесье нечего искать взлетную поляну, решает он. Значит, надо перебираться через овраг и брать левее к Теплому озеру, там и дубы, и клены, и березы, и липы, и шумливые осины рядами стоят. Между этими рядами — гривами множество больших и маленьких полян — умаешься, пока обследуешь каждую.

Арта подала голос — видно, устала в росной траве гоняться за белками, прыгающими вверху с дерева на дерево. Как всегда, ненадолго ее хватило. Выскочила из зарослей, встряхнулась всем телом, чтобы обсушиться, чтобы не такой худенькой да жалкой выглядеть, и рассеяла водяную пыль. Готовая выслушать упреки, виновато припадая к земле и виляя хвостом, вернулась к хозяину. Но он не упрекнул ее за вольность — не портил настроение.

— Вперед! — опять скомандовал Ваня.

Собака смотрит на него вопросительно: чего, мол, еще искать? белок нашла, так тебе не интересно, теперь рябчиков вспугнуть или зорянок? Она вроде бы отрицательно качала головой: нельзя сейчас птиц тревожить, ведь на гнездах сидят — так понял хозяин. И взял Арту на поводок:

— Пробежалась—хватит. Теперь вместе пойдем. Надежнее.

Важно, как настоящий охотник шагает, пристально поглядывая по сторонам. Арта, довольная и счастливая, бежит, не натягивая поводка — она умеет быть рядом, но чуть впереди.

В ближнем осиннике, на самой верхушке высоченной сухостоины промелькнула птичка. Это малиновка. Точно, с розовой грудкой, нарядная очень. Птичка вроде бы кого-то окликает короткими посвистами. Ваня уже не раз слыхал такую песню. Весной от зари до зари поют малиновки, потому и называют их зорянками. Мама говорила, что эти помощники соловья самые способные певцы. Зорянкам помогает жаворонок. Он всегда поет высоко в небе, а гнездо у него на земле, в траве гнездышко спрятано, рядом пройдешь—не заметишь, но жаворонок и сверху его хорошо видит. У зорянок свои повадки и секреты, под облаками они петь не умеют, а вот на деревьях под зоревым светом у них получается красиво.

В роще возле озера не умолкает птичий гам, хотя кончается уже пора веселья, начались заботы о птенцах. Иногда на озеро прилетают гуси, даже лебеди иногда прилетают. Вон, между березами, виднеется озеро, оно словно зеркало, отражает солнечный свет. Там вдруг кто-то удивился:

— Вот это да-а!

Что бы это значило? Почему кто-то удивленно ахнул опять? И все вокруг будто бы замерло, даже птицы умолкли. На деревьях листва не колыхнется. Осока в низине и та не шумит, не качается.

— Я тоже видел, — совсем близко за кустами сказал тонюсеньким голоском Славик Фиолетов и, убегая к озеру, зашуршал в осоке. Следом за ним — слышно ведь — побежали еще двое или трое. Куда они так спешат? Неужели чего-нибудь необычное увидели? Только верить-то этому Фиолетову нельзя, он и нарочно всех взбаламутит, мастак придумывать, всякому пустяку удивляется, гнездо воронье увидит и то глаза выпучит, рот раскроет, так же кричит: «Вот это да-а! Вы не видали, а я видел еще больше этого! Да, побольше этого видел! Орлиное гнездо, наверно, меньше такого гнездища!»

Ваня тоже волновался, спешил к озеру. Добежал до старицы, остановился, чтобы еще раз прислушаться. Почувствовал ногами: тропинка горячая уже, нагрелась, значит, купаться можно, вода как раз. А, была не была. Быстрее ведь надо, пока раздеваешься. к самому главному опоздаешь, спросят: «А ты видел?» И сказать будет нечего. Придумаешь чего — не поверят.

— Быстрее, быстрее! Ну, плыть надо. Не бойся, — он подтолкнул Арту в воду. Она словно бы обрадовалась, весело булькает передними лапами.

Арта впереди плывет, Ваня, держась одной рукой за поводок, кое-как, следом бултыхается. Только бы переплыть. Правда, не широко тут. И вода теплая. Хорошо, что ноги иногда

касаются дна. Неужели не успеть? Неужели спугнут ребята то самое необыкновенное? А сил все меньше и меньше. А ноги уже до дна не дотягиваются. Крикнуть бы: на помощь! Как кричать — то? Захлебнуться можно. И поводок из руки выскользнул — держаться теперь не за что... Ап — ап! — напряженно и панически Ваня хватает ртом воздух.

— То — о — ну! — очень слабо, пожалуй, только для себя выкрикнул, но Арта поняла, видно, вернулась к нему на по — мощь. — Вот какая умная! — с трудом выговорил он, когда схватился за ошейник. И тут почувствовал под ногами на — дежную опору — плотное песчаное дно.

— Ну, ты даешь! — крикнул технарь Белов.— Недурно устроился. На буксире сидишь. Арта пузыри пускает, гляди, обессилела.

Откуда он кричит, этот всевидящий технарь? Наверно, высоко забрался.

И тут Ваня, чтобы доказать самостоятельность плаванья, отцепился с «буксира», ловко вымахнул сначала правую, по — том левую руку. И — вот чудо! — ведь получилось у него, саженками начал плыть. Пошло, пошло! Гребанет под себя, переваливаясь на бок, выкинет руку вперед, чтобы подальше захватить упругую воду, и в этот миг вдыхает. Раз, раз! Правой, левой! Правой, левой! Ура! Саженками получилось! Он опять касался дна—мелко тут, а все равно махал и махал руками!

— Разбултыхался. Ну,ботало! Всю озерину взмутил! — уп — рекает технаристый Женька. — Вообще — то, молодец ты, Лету — нок! Теперь и в команду можно, найдется пост и для такого.

Женька на черемухе, ему оттуда все видно. Ловкий тех — нарь: легко переметнулся с одной черемухи на другую, что пониже, взявшись за сучок, вымахнул, словно на турнике, да и спрыгнул.

— Давай, подтяну, а то скользко ведь, — говорит Женька. Он подал руку, помог выбраться на берег. И нисколечко не важничал. Говорил просто, не командирским голосом, как обычно младшими командует, а по — товарищески. Вообще — то часто строгости разводит, напускает на себя, когда коман — довать надо, а так добрый, заступчивый, никого поменьше себя не обидит и в обиду не даст. Он почти на два гада старше Вани Летунова, в шестом классе будет всех выше ростом, его побаиваются шалуны. Но с ним интересно всегда.

— Только тихо, не шуми больше, — объясняет Женька.— Я один с этой стороны пришел. За своими посмотреть хочу, как они без меня готовятся. Тут Фиолетов кричал или мне послышалось?

— Конечно, Фиолетов,—подтвердил Ваня.

— Пройдохи! — Женька воровато оглянулся. — Опять, начерно, лебедей пугают, им нравится смотреть на взлетающих.

— Разве лебеди прилетели?

— Давно уже, но никто кроме нас не знает.

— Мне бы хоть разочек увидать.

— Посчастливится — увидишь. Только осторожней надо, утречком пораньше как-нито. До рассвета. Затаимся до рас-света, вот и...

— Правда, меня возьмете?

— Ладно. Когда-нибудь соберемся. Сейчас некогда. Порученья всякие. Строго у нас. Виталий много требует. Команду надо готовить. Знаешь, сколько хлопот. Испытанья начинаются, а дисциплины нет в команде. Могу я на них надеяться, на таких вислоухих? Нет полной уверенности. — Это Женька подражает своему отцу Ивану Яковлевичу, за-ведующему техническими мастерскими. Весной, на посевную приехали два практиканта из училища механизации, вот Иван Яковлевич так же и говорил про новичков, а Женька перенял у него, теперь отцовские слова повторяет.

— Жень, для чего команду готовите?

— Здрасьте, он не знает еще, — отвечает технарь, дело-вито закатывая рукава клетчатой рубахи, она у него с погон-чиками. — Нашлись бестолковые помощники. Возятся бестолково. Коллектив хороший нужен. Мы будем самые организованные, дисциплинированные, — он повторил слова отца, Ваня это чувствовал, не трудно было догадаться; даже подбоченился Белов точно так, как его отец подбоченивается. — Кто ты есть? Кустарь, одиночка. Почему в сводный отряд не ходишь? Тебе в коллектив надо, намного интереснее будет. Может, в свою команду возьмем. Фамилия хорошая, нам такая летательная фамилия нужна для важности.

— У меня свой план, — Ваня спохватился, что не подумав ляпнул: вдруг технарь догадается, на смех поднимет, всем рас-скажет.

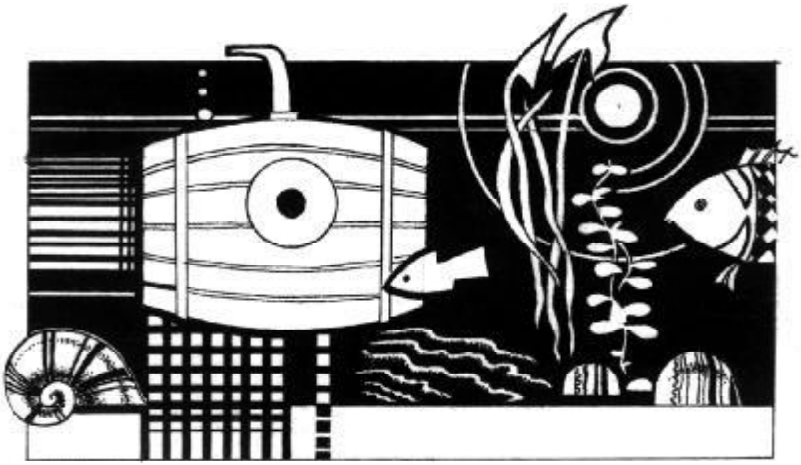
— А у кого его нет? Каждый по-своему должен приду-мывать. Но лучше объединиться, тогда что-то важное можно сотворить. Давай рассказывай, а мы посмотрим хорошо ли одиночка напланировал.

— Чего рассказывать-то?

К счастью на другой стороне озера ребята в несколько голосов закричали:

— Вот это машина! Вот это техника!

Белов понял в чем дело и помчался туда. Арта, до этого дремавшая в траве, с лаем бросилась вдогонку. Ну и Ваня, конечно, — за ними...



Испытание батискафа

— Отставить, отставить! — технарь подпрыгивает, взма — хами скрещивает руки над головой, чтобы мальчишки уви — дели.

...Виталий Груздев в это время таился неподалеку. Он только что навел порядок в конюшне, почистил кормушки и вывел коней на пастбище. Теперь можно было проследить, чем за — нимаются «подопечные», как они ладят между собой — в звене испытателей происходит притирка характеров.

Театральный бинокль уже не первый раз пригодился. Старый дедовский бинокль, а все еще служит добрую службу, потому что обращаются с ним бережно. Семейная реликвия. В молодости дед Степан купил этот бинокль для молодю — сенькой жены, когда пошли в столичный театр смотреть оперу «Иван Сусанин». Аня все удивлялась: «Ой как близко! Ой, как страшно в лесу — то!» А теперь приближение кажется слишком слабым, нельзя разглядеть, что выражают лица ре — бят. А видеть и понимать хочется каждого. Виталий тща — тельно настраивает бинокль, чувствуя, что от него пахнет старинными духами. Конечно, запах этот лишь в воображе — нии, но дед Степан утверждает, что в футляре сохранился аромат каких — то райских роз, которые теперь никогда и нигде уже не растут. Золотистые ободки окуляров нагрелись под солнцем — глазам от них тепло. Но Виталий смотрит долго и напряженно.

Над озером вибрирует испарение, оно смазывает четкость.

Теплынь. Марево рябится. Будто на волнах тягучего воз—духа качается синяя синичка. Шмель, похожий на тяжелый вертолет, летает над травой.

Ну, чего они там медлят? Женька—то Белов чего, ведь инструктаж получил по всей форме, забыл, что ли, с чего на—чинать? Может, ребята ему не подчиняются? Может, с но—вичком не знает как поступить?

«После этих испытаний надо что—то придумать еще, — планирует Виталий. — А если сейчас не оправдаются рас—четы? Ничего, ничего. Каких—то три метра надо преодолеть под водой, а потом — всплытие».

...У ребят началось действие, они целеустремленно скры—лись за кустами.

Арта, радостно виляя хвостом, приближается к редким иво—вым кустикам, за которыми краснеет что—то огромное, непо—нятное — приглядывается она.

Оказалось, это обыкновенная бочка на колесах — такую недавно красил возле пожарки дедушка технаря. Вот так чу—деса, вот так удивили. Эка невидаль — бочка на колесах стоит в воде. Замачивать, наверно, привезли бочку—то. Только и всего. Но когда Ваня обошел вокруг нее — удивился: бочка старая, испорчена, в переднем днище окошечко, в него встав—лена трехлитровая банка, словно бы огромный выпуклый глаз торчит. И сбоку — такой же. Его протирает мокрой тряпкой только что кричавший Славик Фиолетов.

— Вылезайте! — приказал технарь.

Из той бочки гнусаво отозвался Коля Заботин:

— А мы сиденье делаем. Настоящее. От косилки подо—шло как раз. Сена подложили — мягко получилось. — Он, видимо, ворохнулся там и бочка качнулась на колесах, словно самоходка. Приподнялась крышка, похожая на маленькую дверцу в подполье, нет, на крышку люка, у военных вездеходов, кажется, такие бывают или у танка. — Сиденье—загляденье, к проекту дополнение. Нельзя разве? — спросил он. — Еще я длинный шланг притащил. Значит, мне можно — я свой вклад сделал.

— И я поливальный—то принесу, таких у нас два. — Хвастает Фиолетов. Он тоже отчет держит перед Виталием.

Заботин удивленно высунулся—он, как всегда, в беско—зырке, в той самой, которую подарил ему старший брат, при—езжавший в отпуск:

— Правда, принесем! Пусть Фиолетик не бахвалится — не сможет он. Одному не принести, силенок маловато. Вдвоем тащить надо.

— Вот это порядок! — обрадовался технарь. — Хорошо, будут два шланга. Тащите быстрее!

— Недалеко бежать — то? Я с тобой? — Славка прямо с бочки прыгнул в мелководье, но не устоял, ткнулся на руки — насмешил всех.

Белов на этот раз не обозвал его размазней, даже похвалил, великодушно:

— Смелый прыжок! Кузнечиком, хорошо толкают тонкие ноги.

Тогда и Коля Заботин выбрался на колесо, не раздумывая прыгнул. Он такой, уступать ни в чем не хочет, спортивный азарт проявляет.

Ребята сунулись в кусты, некоторое время пыхтели там, спорили, упрекая друг друга в неловкости, и выкатили два резиновых колеса к ногам Белова. Шланги — черный и оранжевый — были смотаны в «баранки» одинаково плотно, поэтому «колеса» катились рядышком и упали одновременно.

— Вот теперь полный порядок. Можно посовещаться да и за дело. Все есть, пора начинать. — Женька опять подбоченился, важно отставил правую ногу. — Садись, братва. Слушать меня внимательно.

Мальчишки уселись рядком на валежину. Никто не спросил, почему Летунов тут. Правда, Коля Заботин посматривал косо: это, мол, еще кто такой, а собака здесь и совсем ни к чему, она только мешает. Раньше — то он говорил, что Арта глупенькая, наивная, как сам Летунок. От них, от Коли да Славика, всего ожидай, всегда придираются к тем, кто помоложе.

Славик только на словах очень храбрый, но за себя постоять не может, когда про него девчонки поют: «Рыжий, рыжий, конопатый...». А еще зовут его рябенький, потому что зимой и летом все тело веснушками обсыпано. Он тоже в шестой перешел, а на голову выше Летунова. Заботин — тот коренастый, плотный и настырный, очень настырный. В отца. Так — то они оба хорошие, думает Ваня, только со всякими задиринками.

Белов достал из кармана записную книжечку в красных помятых корочках, раскрыл ее посередине и начал читать:

— Батискаф — глубоководный корабль, предназначенный для наблюдения жизни в морях и океанах. Один ученый в таком корабле спускался на дно Марианской впадины. Это в Тихом океане.

— Ясно все. Давно известно. — Ребята важничали, гордились, что больше Ванькиного знают, зазнайство свое начали доказывать.

— Теперь напоминаю обязанности. Капитан Белов руководит погружением, он действует по строгой инструкции нашего Генерального конструктора. Помощник Заботин отвечает за бортовые системы снаружи. Матрос Фиолетов присутствует как сигнальщик и делает отмашку по команде капитана. Матрос Летунов. — Наступила тягостная пауза, капитан не сразу принял решение. — Место расположения матроса — спасательный плот.

Женька все время поглядывал на противоположный берег, словно оттуда кто-то ему подсказывал, давал условные знаки. Именно туда должен перебраться батискаф по дну озера. Но как он туда поплывет?

— А отчего он будет двигаться, ведь мотора-то нет? — спросил Ваня и снова пожалел, что высунулся: назовут недотепой, отстранят от испытаний.

— Передвижение осуществляется мотором в одну лошадиную силу, как в прошлый раз .— Должно получиться: балласта достаточно.

Никакого прошлого раза Ваня не знал — значит, первое испытание без него было. И про балласт он впервые услышал.

— Что такое балласт? Я не знаю, — признался он. — Это горючее такое для мотора? А где мотор? — никак не представлял, что дальше-то, как это придумано с технической стороны — такие слова отец говорит иногда.

— Чудак бестолковый. Без балласта не будет погружения. Камни это. Вон их сколько на телегу мы нагрузили вчера. — Теперь Фиолетов своими знаниями хвастался. Ему хорошо, не первый раз попал на испытания.

Ребята, видно, давно готовились. Все у них было припасено. Оказалось, что под корнями старой ветлы, возле которой Сеня городской пробовал рыбачить, замаскирован потайной вход. Там — кладовая. Из нее капитан достал длинную веревку, топорик, охотничий бинокль, ласты, керосиновый фонарь «Летучая мышь» — это уж совсем непонятно для чего, обыкновенный багор, какими работают сплавщики, будильник, спортивный секундомер, волейбольный мяч, две алюминиевые лыжные палки без кружков. Все надо, все требовалось, только фонарь обратно спрятали—он для ночных испытаний. Капитан пояснил, что берет мяч для чрезвычайных сигналов: если он не всплывает, держится на глубине — значит, все в порядке. А всплыл — надо всем бросаться на помощь, но в первую очередь пусть ныряет лучший ныряльщик Заботин. Так что мяч привязали к бочке не зря. А из двух лыжных палок получились обыкновенные

духовые ружья, точно как у индейцев; при каждом четыре стрелы с пенопластиковыми пробочками вместо оперения.

— Это для защиты. Например, к батискафу крадется спрут. Со стороны его видно, а капитан изнутри не видит, — азартно объясняет Фиолетов. — Берешь этого спрута на прицел и шарах! Как фукнешь—так и нет его.

— Летунок и стрелять—то не умеет. Чего ты ему зря объясняешь, — хорохорится Заботин, форсисто сдвинув набекрень бескозырку. — Давай лучше мне одно ружье, а другое сам бери.

— Не самовольничать! — потребовал Белов.—Как раньше наметили, так и будем действовать. Приказы не обсуждаются.

Закончив приготовления, некоторое время сидели на бегу — есть такой обычай: перед дорогой надо посидеть молча. Ваня украдчиво гладил прижавшуюся к ноге Арту, чтобы она тоже вела себя тихо. А ребята вроде бы смотрели на озеро. Но нет, взгляды их устремлены дальше, туда на противоположный берег, на поляну, еще дальше — к перелеску, возле которого вольно пасется добрая и послушная лощадь. Она всегда гуляет по лугам, ей все можно, все разрешается, потому что она Красотка—мать жеребенка Сокола.

Было жарко и тихо. Штилевая погода. Лебеди в этот день на озеро не прилетали. Утки тоже кормятся где—ни—будь в другом месте. Так что пугать некого, можно начинать испытания. На том берегу в перелеске вроде бы кто—то тихонько свистнул подряд три раза: фю—ить, фюить, фю—ить. Может быть, это Ване послышалось. Но капитан поднялся, всем велел оставаться на местах, а сам решил еще раз осмотреть корабль.

— Без балласта нет батискафа, — опять многозначительно сказал Белов. Он чего—то потрогал под бочкой и, встряхнув руки, поднял их над головой, а потом разом обеими махнул — отмашку сигнальную сделал.

Глазастая бочка с откинутой крышкой люка, с отходящими в стороны шлангами казалась похожей на космический корабль, наполовину погруженный в таинственную жидкость. Большие колеса, окованные железными полосами, да ящики с балластом едва выставлялись. С берега на корабль можно пройти только по тесине, перекинутой между плотиком и колесом. Конечно, каждому из мальчишек, даже Ване Летунову, хотелось туда, на этот особый корабль, но кроме капитана никто не имел права.

— По местам! — Требовательно звучал голос капитана.

—Может, не надо? Может, только у берега? А вдруг... Вылезать—то как ты будешь? — спрашивает Фиолетов.

— Отставить разговоры! — Капитан строго посмотрел на членов команды и почему-то подмигнул Ване: мол, не робей, не слушай нытиков, все продумано. — Фарватер проверен. Вы хоть знаете, что это такое?

— Знаем, знаем, — дружно ответили мальчишки. Только Ваня промолчал: слово такое слышать — слышал, а вот объяснить, если бы его спросили, не мог.

Капитан, наверно, догадался — объясняет:

—Та часть русла, которая пригодна для судоходства. Нам генеральный конструктор давно рассказывал.

— Проверено все, — подтвердил Заботин и, вроде бы подражая Женьке Белову, тоже подбоченился, ногу отставил в сторону. — Дрейфить тут нечего. Свое дело знаем.— Он всегда так говорит, потому что самоуверенный очень.

— Женька еще в первом классе эту заливину перенырival, — подпел дружку согласливый Славик Фиолетов. — Подумаешь, лужица!

— А мне все равно страшно, — признался Ваня. — Может, там потайной омут или обрыв, как затянет туда вьюном, вьюны-то на смерч бывают похожи.

— Отстрани его, отстрани! — советует вредный Заботин. — Видишь, только паника от такого малыша. И собака — лишняя, не было собаки по плану. — Шумит, а сам ждет, что теперь будет делать, что скажет новичок, есть ли у него характер, проявит ли его, как положено испытателю.

Но Летунов молчит — он не знает, что в этой команде надо проявлять свой характер на словах и на деле, в споре и даже в драке.

— Ну, чего мямлишь, словно мятный пряник? — торопит Заботин.

— Отставить разговоры! Это приказ! — Белов держится строго, говорит грубоватым голосом, посматривает сурово.

— Ничего, матрос Летунок, на плоте не утонешь. Только слушай, чего я сообщать буду. Дам команду «всплытие!» — ты делай отмашку, вот так! — он сверху вниз резанул рукой.

— Я понял, все понял! — и гордость, и восторг, и тревогу, и зависть испытывает Ваня. Арта, его понимая, тоже не знала куда себя деть: то ляжет у ног, то вдруг встанет и мелко перебирает лапами сыпучий песок, вроде бы метит перепрыгнуть на причаленный к берегу плот, но к самой воде не лезет.

— Ждите команду! — капитан неторопливо опустился в корабль, потянул за собой крышку люка. И она словно бы придавила его. Арта жалобно заскулила, метнулась в одну, потом в другую сторону, выбирая кратчайший путь до батискафа, и прыгнула, но... плюхнулась в воду.

— Уберите! Немедленно уберите собаку! — приказывает капитан переменившимся голосом. В бочках всегда голос у человека меняется, думает Ваня, а эта бочка особенная, с при-борами разными.

Собака жалобно скуля, царапает когтями скользкие сте-ны: она решила, что Белов скрылся под водой, начал тонуть и хотела спасти.

— Ванька, отзови ее! — звенело в двух местах, потому что шланги связи были закреплены с разных сторон плота.

— Она все оборвет, Ваня! Ну, что вы стоите, ротозеи?! — это уже своим помощникам кричал капитан.

Заботин схватил палку, переломил через колено с трес-ком — Арта напугалась, поспешно отплыла в сторону. Ваня позвал:

— Арта! Иди ко мне, иди! Мы с тобой на посту должны быть.

Собака обрадовалась, что увидела своего хозяина, и пере-бралась на плот. Теперь можно было начинать испытание. По условному сигналу Белова «пошел!» Заботин схватил топорик, с одного взмаха перерубил канат, которым был при-вязан батискаф, чтобы не скатился раньше времени на глу-бину. Трехжильная мочальная веревка, названная канатом, с треском разлетелась в разные стороны. Некоторое время батискаф качался на месте, словно ему не хватало смелости, а потом плавно пошел к противоположному берегу, все силь-нее погружаясь. И вдруг исчез; над ним сомкнулись волны, только две вертикально торчащие трубки, как перископы под-водной лодки, показывали место нахождения подводного ап-парата.

— Зачем так резко! Сбросить обороты двигателя! — кричит испытатель для того, кто должен был принимать его коман-ды. — Так, теперь нормально! Все в порядке. Приступаю к настройке бортовых систем. — Голос его стал шершавым. По шлангам доносилось даже пыхтенье и позванивание. — В одном месте каплет. Сейчас подтяну винт, чтобы прокладку сильнее прижать... Так. Вот теперь вроде хорошо. Пошло, пошло дело. Чудеса! Чудесно здесь!

— Чего там? Рассказывай, чего видишь, — просит матрос Фиолетов.

Заботин повторяет просьбу. Разве утерпишь, не ведая что там происходит под водой, что виднеется в иллюминаторах.

Эти двое подплыли на камере к месту погружения и, пе-регнувшись через круглый «борт», вглядываются, но ничего в мутной воде углядеть не могут.

— Пузырьки от тебя идут! — кричит Славик Фиолетов.

— Точно! — подтвердил Заботин. — Значит, есть утечка воздуха.

— Ну и что. Зато подача законная! — Заботин говорит со знаньем дела. — Смотри, протекает, Жень! — сообщает он через трубку.

— Ерунда! — успокаивает капитан, хотя сидит там по пояс в воде, а увидеть ничего интересного не успел: донца стеклянных банок все — таки просвечивали плохо, словно запотели. — Ерунда, говорю. Видимость нулевая, а чувствуется хорошо. Сказка да и только.

— Рассказывай, Женя, чего видишь, — осмелился попросить Ваня Летунов, страстно желая тоже быть там, внутри батискафа.

Капитан молчал, очень долго молчал. Слышалось через шланги его сопение. Матросы в наблюдательной лодке тоже молчали. Ваня встал на четвереньки, приклонялся ухом то к одному, то к другому шлангу. И Арта тянулась, улавливая знакомый запах.

И вдруг оба матроса разом сорвались с наблюдательной лодки — камеры, исчезли под водой: наверно, они поспешили сбрасывать балласт. В то же время батискаф быстро поплыл к противоположному берегу. Случайно Ваня заметил, как лошадь, гулявшая невдалеке, будто бы испугалась чего, побежала к перелеску. Что — то щелкнуло, затем чвакнуло. Плот дернулся и тоже поплыл, словно подхватило его быстрым течением. Арта металась от одного края к другому—она не понимала, что происходит, какая сила и куда тащит плот.

— Ура! Как здорово! Я будто лечу! — из глубины кричит капитан. Еще не понимая, чему он так радуется, Ваня спросил:

— А можно мне посмотреть?

В ответ раздался хохот мальчишек. Они уже стояли возле берега.

Батискаф двигался все быстрее, он был весь на виду. Колеса крутились как заводные — батискаф будто бы приподымался, норовя взлететь...

Сперва он был похожим на автомобиль, скорость его тут же увеличилась — через мгновение, легко взмыл на высокий берег, словно вертолет Что — то звякнуло. Люк автоматически открылся, с треском отломилась крышка. Тем временем и плотик набрал скорость. Ваня думал: возможно корабле — крушение, потому что плот превратился в большой парусный корабль, под шквальным ветром летящий на скалы.

Чудеса... Казалось, плот — корабль вот — вот поднимется в небо, проплывет между высокими клубистыми облаками, тоже похожими на парусные корабли, подравняется с ними, и трудно

будет различить из деревни, где тот самый плотик, на котором сидит, затаив дыхание, начинающий мореплаватель Ваня Ле-тунов, а рядом с ним — верная собака Арта

— Стой! Витаха, останавливай! Стой, хватит! — орали мат-росы.

— Стоп, стоп!! — это уже кричит капитан. — Тррр, тпппрррры! — вроде бы лошадь он останавливает. — Держи ее, Виталий.

Но при чем тут лошадь? Почему они кричат? Неужели поблизости был Виталий Груздев? Неужели все происходило под его наблюдением?

Точно, так оно и есть. Испытание, оказывается, проводи-лось по замыслу Виталия Груздева, генерального конструк-тора. Как он здесь оказался, ведь возле фермы недавно видел его Ваня?

С самого начала, с первой минуты капитан Белов дей-ствовал по разработанному плану. Он уже не раз делал проб-ные погружения. И теперь цель достигнута: хорошо подготовленный батискаф прокатил по илистому дну через всю заливину. Этого оказалось достаточно. «Цель достиг-нута, — сказал Белов, — первый этап взят». Нет, конечно, не своим ходом батискаф прошел под водой, а с помощью той лошаденки, которая будто бы паслась на берегу. Появилась она тут не по своей воле, ее привели тоже по плану. Она, значит, была двигателем в одну лошадиную силу.

Только почему-то поторопилась, в галоп побежала.

Виталий Груздев выскочил навстречу, остановил Кра-сотку и тревожно спрашивает:

— Все целы?!

— Нормально! — Женька Белов глядит, словно пилот из кабины самолета. — Законно прошло. Вода чуть-чуть по-капала и перестала. Жаль, слишком быстро проехали, ничего не разглядел. Двух окуньков, правда, видел. Стекла какие-то мутные. А трава, знаете, лианами извивается. Красиво.

— Э-э, ничего почти не видал, а расписывает. Что ты за пятьдесят восемь секунд узнать успел? То-то. — Коля За-ботин присмотрелся к циферблату спортивного секундомера, который был в руках у Виталия Груздева.

— За минуту можно много увидать, если все нормально. Я ведь не торопился, хоть бы час просидел, — хорохорится Белов. — Сами тут прохлопали. Давайте снова!..

— Отставить! — потребовал Груздев. — Это я могу це-лый час, генеральный сам за все в ответе. А несовершенно-летним нельзя. Вылезай, капитан. Осмотрю технику. — Он помог Женьке спуститься на землю.

И тут свободный батискаф рванул с места и, подпрыгивая на ухабах, полетел к перелеску. Плот сходу ткнулся в берег — зазевавшийся Ваня Летунов, вскрикнув, взмахнул руками и плюхнулся в воду.

Арта кинулась его спасать, хотя у берега очень мелко — курице по колено. Когда Ваня выбрался на берег, впереди, за перелеском, бухнуло и зазвенело.

— Почему она рванула с места, почему понеслась, будто сумасшедшая? — недоумевает сам Виталий Груздев. — Что-то напугало Красотку.

Все пошли через примятые мелкие кустики к месту аварии. Арта семенила рядом, иногда забегала вперед. Вдруг она взвизгнула и, жалобно заскулив, словно бы ввинтилась в траву.

—Осы!Тут осы!—догадался генеральный.—Вот в чем дело.

Теперь стало ясно, почему взбесилась Красотка, почему бросилась в перелесок и на узенькие дощечки разнесла только что испытанный батискаф.

— Ротозеи мы, ротозеи, — сокрушался капитан Белов.— Испытания идут успешно. Обрадовались с дуру. Что теперь делать будем?

— Да-а, — раздумчиво произнес генеральный . — Вот новая задача.

— Да-а, — подражал ему технарь. — Обрадовались с дуру. Ладно, что-нибудь придумаем. Что один не сделает, сделаем вместе.

— Может быть, может быть. Думайте сами, решайте сами. Мне пока некогда. Вот запчастей привезу, начнем кумекать возле кузницы.

— А чего кумекать? — спрашивает нетерпеливый Славик Фиолетов. Теперь он чувствует себя уверенно, ноги для устойчивости широко расставил, руки на бедрах — глядите важный какой, будто он капитаном был.

— Чем-нибудь серьезным займемся. И — только на суше. С водой, смотрю, шутки плохи. Нам пока на земле надо, чтобы к небу подготовиться. Понятно? Теперь будете сухопутными. Без меня никаких водных испытаний не затевать, — приказывает Груздев басистым голосом.

— Согласны! — дружно ответили мальчишки.

— Только чтобы интересно было и шумно, — высказал пожелание Славик Фиолетов, видно, ему не понравилось, надоело ничего не делать при испытаниях. — А то всегда только смотри да смотри...

— Учтем!—генеральный конструктор продолжал рассудительным голосом: — Белов остается за главного, подчиняться

ему беспрекословно, только и он пусть не все на себя берет. Другим надо больше доверять, чтобы каждый при деле был, свои замыслы предлагал.

— Понятно, — вяло отозвался Женька. — Летунов тоже с нами?

— Конечно. Как же иначе. Доверие оправдал, в трудную минуту до последнего был на посту. В трудную минуту не растерялся.

— Пускай тогда доски складывает.

— Где они, товарищ главный? — Ваня решил, что именно так надо спрашивать. — Какие доски — то и для чего?

— Обыкновенные, из которых бочка была сделана. Де — душка Степан хоть бы что снова бочку соберет. Он раньше бондарем работал. Сам и клепку тесал, ну, дощечки — то эти. Сам и обручи выковывал. Дощечки по кругу подгонит, обручи наколотит — вот и все. Ты собирай, раз велят, да поменьше спрашивай, — серьезно требует Женька.

— Сам все могу собрать, только укажите, что куда скла — дывать! — Ваня побежал вдоль берега меж примятых кус — тиков, зорко высматривая по сторонам, чтобы ничего не пропустить, не оставить. Но его старание не понравилось Заботину — тут же явился и, наклоняясь, украдчиво шипит:

— Звали тебя. Больно — то нужен. Ты — летунок — бол — тунок. Тебе нельзя доверять — разболтаешь. Убери отсюда свою собаку, только путается под ногами! — он тихонько руг — нул Арту глупенькой и бросил в нее пучком травы.. Собака решила, что с ней играют, игриво завиляла хвостом, убегая вперед. Схватила зубами оранжевый шланг, приподняла: по — жалуйста, глядите, мол, вот где лежит, неужели не видите, не — путевые испытатели.

— Молодец, Арта! Умница, такая на любом маршруте бу — дет полезна: в походе, полете, в подъеме на вершину горы. Деловой друг человека, наш общий друг, — похвалил Виталий Груздев, зная , что эта похвала и для Вани Летунова приятна, он хозяин и дрессировщик собаки.

Тогда и Заботин притих, небось, прикусил язычок, чтобы, не ляпнуть чего — нибудь зловредное. Фиолетик тоже притих, не писклявит, а губами шевелит, будто стих давно придуман — ный вспоминает: «а ошибку признал и краснеешь — значит чистую совесть имеешь».

Подвесной мостик

Что — то будет через два дня? Какое — то новое дело нач — нется возле кузницы. Сухопутное дело... Дожить бы скорее и узнать, что придумал Виталий Груздев для своей команды. Так долго ждать: вечер, ночь, утро, целый день и опять вечер, ночь, утро, целый день, и еще вечер, ночь, утро. Ваня пригибает пальцы и думает, чем бы таким интересным заняться, чтобы время быстрее промелькнуло и родители были довольны.

Виталий Груздев в это время тоже размышлял вполне се — рьезно. Он сидел в тени возле конюшни в ожидании деда Степана, а мысли были у него не о себе — о других. Осоз — навая взятое на себя обязательство, даже решил, что такие хорошие мысли можно и в дневник записать.

Из дневника Виталия Груздева

Родители не знают своих детей. Они могут спросить сына: где был? что делал? куда ходил? И никогда не спрашивают: о чем думаешь? Мать заботится, чтобы накормить, чисто одеть. Отец иногда может поиграть — побарахтаться, прокатить в ма — шине, на мотоцикле или на велосипеде. Вся забота сводится к контролю да ограничению. Если послушен — хорошо. Если не подчиняется — получит наказание. «Папа, почему ты сер — дишься? — могут спрашивать дети. — Я опять делаю не так,

как ты хочешь?» А разве родители не должны спрашивать своих детей? Учитель дал задание — конечно, надо выполнить. Никаких «но» не может быть. Ты—ученик, тебя учат и будь любезен выполнять все, что тебе велят. И не спросят: о чем ты мечтаешь, добрый человек? Что тебе нравится и не нравится? Кто твой лучший друг, какую книгу прочитал и чем она запомнилась? А стихи о природе любишь? Такие вопросы всегда найдутся.

Разве родители не могут спросить сына: почему ты никогда не поешь, есть ли у тебя любимая песня? А какой пейзаж сегодня удивил тебя, сынок? Что ты почувствовал, глядя на облака? Что представлялось тебе там за облаками, за дальним синим лесом, за рекой, за лугом и полем? Какая песня тебе слышится иногда в шуме ветра, в лепете листвы или в гуденье работающего комбайна?

...Надо придумывать новые песни, придумать хотя бы одну песню для всех. Свою, необычную, с переменным ритмом. О дружбе. О родной деревне, о птицах. О родной реке, чтобы тайна была тоже. И мечта...Не сразу песня получится, тут время для предварительной работы необходимо.

Загадки, пословицы и поговорки тоже можно свои, деревенские, вспоминать. Пусть к разговору старших ребята прислушиваются. А загадку про подушку никто из них не отгадал. Белов сказал, что не любит зоологические загадки. Фиолетов решил, что это самовар, находя у него два брюшка, четыре ушка. Бабушка знает много таких старинных загадок, надо у нее еще спросить. Конечно, ребята не думают о покое и потому не догадались, что это подушка с двумя брюшками и четырьмя ушками. Сообразительность нужна всегда. Начнем потихоньку развивать. Каким способом? Надо думать.

Вчера хорошая девочка Лена спросила: «Почему назвался груздем, а в клуб не ходишь?» Ее бы тоже посадить в батискаф... Нет, девчонкам такое поручать нельзя, даже тем, которые считают себя всезнайками. Она хорошо отвечала на уроках, а на пляже в молчанку играет, даже загадку не стала отгадывать, хотя повторил для нее пять раз: «Два брюшка, четыре ушка. Что это?» Только губки скривила и... Зазналась, сводным отрядом руководит. А новый нашенский отряд испытателей во сто раз лучше. Таинственный он, без показухи и всяческой отчетности. Только надо сделать так, чтобы однажды получилось доброе дело, чтобы всем видно стало: в Березовке ребята не лоботрясы, даже самые маленькие, как Ваня Летунов, могут работать, даже приезжий Сенечка не остался в стороне. Тогда и станет понятно, кто лучше руководит, для будущей общей жизни какой отряд полезнее.

* * *

Виталий кусал травинку, глядя на лошадей, пасущихся в логу, выстраивал свои планы. Красотке он уже придумал применение, отменно участвовала в испытаниях батискафа. Теперь Цыгана и Битюка надо бы чем—то занять. Кони без дела тоже скучают. Зачем же их купили тогда, в отремонти—рованную конюшню определили. Дед Степан говорит, раньше на лошадях—то и пахали, и боронили, и сеяли. Сенокос по—дойдет — косьба, гребь без коня не обойдется. Косилку и конные грабли на высоких колесах надо таскать. На жатве в жнейку впрягали. Сено из—за реки привезти, дрова из лесу — нужен работящий конь. А с ветерком прокатиться просто так, для красоты — тоже приятно для души, для здоровья по—лезно. И для отдыха и для работы лошади нужны. Да мало ли в деревне работы изо дня в день надо переделать. Ну и по праздникам без коней плохо. Без тройки под бубенцами. Или свадьба опять же. Так и слышится голос деда Степана: «Пролетит тройка, прозвенит бубенцами, рассыплет веселье по всей округе!» Верно, кони не только для труда нужны. И для радости—тоже. Для души. Умные они, красивые! На хо—рошем коне и человек выглядит красиво. Вспомнилась кар—тина «Три богатыря». И себя представил на главном коне, даже синяя футболка показалась кольчугой.

Он взглянул на часы. «Пожалуй, коней—то поить пора». Раздумчиво шел низинным лугом, под шелестом берез через перелесок. Пахло смолой, березовым соком, вербным медом. Слева от деревни по косогору спускался к старой кузнице дед Степан. Рубаха его тоже похожа на кольчугу. Седая борода серебрится, из—под шляпы свисают на уши желто—ватые волосы. Надо с дедом посоветоваться, решил Виталий, может, чего дельное придумает...Он без дела, как сам говорит, ни единого дня скоротать не может. Вот старая кузница, бу—рьяном заросшая, вроде бы никому не нужна была, а он ре—шил: от кузнечного дела старому да малому польза учтенная и неучтенная в душу впитывается, разве можно без кузницы проживать, надо чтобы звон кузнечный человека окликал, по—тому и возродил кузницу, разогрел жаровенку. И пошли к нему люди с просьбами, начали заказывать изготовление не—обходимого для техники и домашнего хозяйства. В подарки ребятишкам даже поделки разные кует и не только игру—шечные. Мастеровой человек. Зазвенит наковальня — при—зовет ребятню любопытную — пускай наблюдают.

А пока Ваня Летунов скучает на домашнем низком крыльце, рядом Арта вроде бы дремлет, но сама тоже, наверно, думает, как дальше жить, чем заниматься. Солнце еще высоко, сильно греет. В отдалении, на шоссе, гудит машина—понятно, она мчится мимо деревни. Нет, еще не едет папин лесовоз...

Древесины заготовлено много, надо возить по хорошей дороге до осенних дождей, два рейса в сутки — нагрузка серьезная, а надо марку держать. Ваня мысленно повторяет объяснение отца. И машине тяжело, придется делать технический уход: машина любит ласку, чистоту и смазку, разумную скорость и тяжесть, рациональный режим не только на грузовом, но и на холостом ходу. Быстрей бы пришло время технического ухода. Сыновья будут обколачивать грязь с колес, вытирать пыль в кабине, все прочистят, промоют — лесовоз новенький заблестит, фары радостно вспыхнут ослепительным светом...

Ваня подсчитывает, когда примерно настанет тот день. К сожалению, ни завтра, ни послезавтра машину на технический уход ставить нельзя, потому что рано, и первый штабель заготовленных для строительства срубов не отправлен. Значит, надо придумывать какое-то свое занятие. Что же такое придумать-то, Арта? — он смотрит на верную собачонку; она дремлет, чуть-чуть склонив голову к хозяину, одно ухо вздрагивает, другое приподнялось. Спит глазок, спит другой, а уши все-таки не спят. За оградой шумнуло сухое сено — бабушка Анна начала его сгребать, но Арта даже глаза не открыла: знает, кто там.

Бабушка раньше других начинает сенокос, ей не терпится. Другие косы еще не приготовили, не поклепали, не замочили в кадках, чтобы разбухли клинья, а она уже первую копешку высушила, сегодня на сарай будет отметывать. Помочь ей, что ли? Но Ване вроде бы лень вставать, пригрело на крыльце, разморило. Ничего делать не охота и думается плохо. Он жмурится от солнца, клонит голову все ниже. Поблизости приятно шуршит под граблями сухая трава, от нее земляной пахнет, иногда сушеной малиной.

— Ванятка, за хлебом пора! Вань, тебе мать чего наказывала, али запамятовал? — кричит бабушка Анна. — Поди скорее. Может, мне буханочку ржаного принесешь, подаст продавщица — обещала.

— Принесу, — вяло отзывается Летунок, вспомнилось ему как однажды бабушка выручила, из леса вывела и не наказала самовольника, хотя обещала в другой раз крапивой поучить. — Тебе, бауш, нашего или забайкальского?

— Ржаного, ржаного.

Ничего не поделаешь. Надо идти. Рюкзак в чулане, деньги в мамином кошельке на комоде. Все под рукой, знаешь где взять — не первый раз. Схватил да и побежал, весело обещая:

— Мигом слетаю, бабушка!

— Вот и ладно, выручишь старую работницу. Копешеч — ку — то пока и поставлю, вечером еще подкошу маленько. Ступай, ангел. Послушному только скажи. Правильно, очень даже справедливо Миколай назвал тебя. Не похулишь парня, — бабушка хвалит во след, а сама и не взглянула на убегающего мальчика, некогда ей по сторонам поглядывать...

* * *

Ваня идет вдоль проулка узенькой тропочкой в бурьяни — стой траве. По сторонам голубеют разлапистые головки ре — пейника и хотя они не цветут еще, пчелы жужжат, вроде прилетели отдыхать под широкими листьями. Вспомнилось: на Красотку напали осы, вот и помчалась по кустарникам. Она не виновата, что бочку разбила, растрясла оборудование. Жаль, конечно, очень жаль. Можно бы и самому испытание провести тайком от ребят. Вечером и ночью никого не бы — вает возле озера. Вот не знал для чего там бочка стояла. Вот не догадался. Мало в разведку за околицу ходил. Одному при тайном замысле очень даже интересно.

Арта взлаяла на порхающую синицу — трясогузку, погна — лась за ней. Ай, глупая. Разве догонишь синицу. Зря собака прыгает вдоль тына, а может и не зря: нравится и прыгает, веселее так — то. И синице весело, вон как игриво перепар — хивает с одной тычины на другую. Чик — чирик — и дальше перепорхнула. Чик — чирик — и еще дальше! Лови — хватай! Будто дразнит: чуть — чуть да еще чуть — чуть, догони, попробуй, догони. Чик — чирик, поиграем в догонялки. Будто бы хохочет синица, заливисто хохочет, сама, наверно, от своего гнезда по — дальше собаку уводит. Чик — чирик! Бойкая какая! Ваня тоже начал подпрыгивать, присвистывать. Весело с подпрыгива — ньем бежал, рюкзак по спине хлоп да хлоп! Шумно хлопает рюкзак, обдает холодком, дергает ремни, а те будто бы ладош — ками дружески шлепают по плечам.

Интересно в магазин за хлебом сгонять, потому что там обязательно кого — нибудь из одноклассников увидишь. А еще потому, что возле пекарни всегда пахнет поджаристыми ко — рочками, еще потому, что там старухи всякие разговоры го — ворят про прежнюю жизнь, про бога и про войну, про

шаловливых внуков и непослушную скотину, которая теперь сама домой не ходит, все за куском хлеба надо водить... А еще потому, что продавщица тетя Поля всегда приветливо встре-чает, называет долгожданным, глаза у тети Поли голубые-голубые, очень добрые, всегда ласковые, даже если она ничего не скажет, только посмотрит с улыбкой — и душе Ванькиной радостно. Надо бы сначала к пекарне бежать, но ведь и на реку хочется: там, наверно, опять тощий горожанчик Сенечка рыбачит, словно жадина.

Заядлый рыбак этот Сенечка, того гляди, всю рыбу в Свет-лянке переловит. Сказать бы: не каждый день лови, а то ни-чего в реке не останется, да больно уж важный, строгий городской-то рыбак — не подступись, только издали по-смотреть можно, братом приходится, а к себе, если клев хоро-ший, не пускает — издалека на него смотри, а близко подходить нельзя, он такой, наверно, городских друзей вот так же и к компьютеру не подпускает.

Ваня взмахивает снятым с плеч рюкзаком, оглядывается на девчонок возле хлебного окна — соображает, что есть еще время, и бежит под гору, к подвесному мосту. Мост этот над Светлянкой натягивают каждый год заново, когда отшумит ледоход и осядет, войдет в берега отбушевавшая полой водой река. Перевозчик Ефим Созинов, добродушный мужик, од-нажды дает сам себе команду — «суши весла», причаливает к мосткам лодку-завозню, кидает на столбик чалку, некоторое время стоит, пуская папиросный дым, словно разговаривает прощально со Светлянкой: вот и пришло время расставаться до следующей весны, будет покатался, поплавал от берега до берега, на другую работу пора переходить — наверно, опять в пастухи. Он во время водополи перевозил по широкому раз-ливу работных лесозаготовителей, тешил шутками-приба-утками своих пассажиров, теперь другое время настало, отдыхай, река, люди по мосту будут ходить торопливо — прохлаж-даться некогда.

Нынешней весной Летунов сам видел все и теперь от-четливо представляет. Вот Ефим медленно поднимается на берег, тянет-выбирает мокрую веревку, а к той веревке привязана проволока, к проволоке — тяжелый трос. Ефим машет рукой, подзывая тракториста: подгоняй, дескать, насколько позволяет. Алексей Левашов — тракторист опытный, он привязывает к прицепу подтянутую проволоку и едет в гору, перетаскивая трос. Потом второй трос так же перетаскивают. При помощи блоков трактором натягивают эти тросы, укрепляют на корот-ких столбах. Мальчишки издали смотрят как это делается. Некоторые даже воображают себя канатоходцами, говорят, что

если бы разрешили, можно на другой берег, словно по канату перейти. Случалось, и пробовали, но еще никто ни разу не делал больше трех—четырех шагов. Может быть, смелости не хватало, может быть, ловкости. Ваня верит: когда—нибудь именно он покажет себя самым смелым и ловким. Нынче весной даже тренироваться начал: по жердочке возле крыльца ходил.

Теперь на тросах тесовый настил. Качается над рекой зыбкий прогнутый мостик. Бывает, мальчишки специально его раскачивают, если никого из взрослых нет поблизости. Ух, как страшно! Очень страшно на такой вышине.

— Сеня! Сенечка, клюет у тебя? — издали спрашивает Ваня. Но рыболов будто не слышит. Тогда Ваня кричит еще громче:

— Сколько поймал?

Сеня сосредоточенно смотрит на яркий желтенький поплавок, все сильнее вытягивает руки, с трудом удерживая удилище, потому что поплавок быстро несет течением. Вот рыбак уже перегнулся через перила, того гляди, сорвется с моста, а поклевки все нет и нет.

— Иди—ка сюда, подкачнешь маленько, — впервые просит Сеня.

Летунов только этого и ждал. Он вбегает на мостик, широко расставив ноги, начинает раскачивать. Подоспела Арта, шумно топоча, прошмыгнула к другому берегу и там, на выходе, как бы сбилась, зашаталась, даже от страха взвизгнула — и ей страшно на шатком подвесном мостике.

— Сильней качай! — требует рыбак, — дотянуться не могу. Не понимаешь разве?

Видно, решил он, что уклейки клюют ниже по течению на середине реки, но леска чуть—чуть коротковата. Рыбак перегнулся через защитный трос, спину под жгучее солнце подставил. У Сенечки плечи от загара недавно были красные, теперь шелушатся и потому — Ваня знает — бабка Анна каждый вечер мажет сметаной. А он все равно не одевается, в одних плавках рыбачит. Говорят, закаленный этот Сенечка Семечкин, потому что все дни на реке.

— Ты вправо сильней подталкивай! — требует рыбак. Ваня старается изо всех сил. Интересно, клюнет или нет теперь с его помощью. Рраз—и поплавок исчез! Рыболов дернул да видно опоздал с подсечкой.

— Ты не зевай только, — советует Ваня.

— Не знают без тебя. Качай сильнее, говорят!

— Я и так стараюсь. А если трос порвется? Ведь оба упадем. Кто кого спасать будет? Наверно, ты меня.

— Ну и что. Качай, говорят!

Летунов по честному качает, аж ноги устали. Дергается из стороны в сторону, словно в индейском танце. Рюкзак по спине хлоп да хлоп, но прохлады не хватает, спина тоже вспотела уже.

— Скоро ли поймаешь?

— Не знают без тебя, — повторяет Сенечка, опять сильно вытягивается, рисково перегибаясь через «перила».

— Улькнешь ведь.

— Ну и что. Я с вышки нырял. Какчай, какчай! — сбивчиво просит азартный рыбак. — Оппа!—он выхватывает трепещущую рыбешку, бросает удилище на дощатый настил, а леску выбирает широкими размахами. — Тормози, дурень. Тормози, говорят. Стравливай амплитуду колебания.

— Как тормозить—то эту амплитуду? — Ваня действительно не знает каким способом можно остановить качку. Теперь он сильнее упирается влево при том же ритме — напрасно: по—прежнему хлябает и скрипит разволнованный мосток. Сенечка теряет равновесие, не успевает схватить блестящую рыбешку. Она срывается и, серебрясь, летит вниз; как Ване показалось, с веселым плиньканьем исчезла — обрадовалась.

Ваня тоже обрадовался:

— Ушла! Ушла!

Семечкин рассердился, злой подбежал, толкнул Ваню:

— Вали отсюда, малявка!

Ваня даже не обиделся, не захныкал, начал дразнить, перекоряться:

— Вали, вали. Сам ты... Уклеешник. У нас такой рыбы нет в реке. Верхотыки это, а не уклейки. Чего они уклеивают?

— Верхотыки, верхотыки. Деревня необразованная.

— Верхоплавки тогда. Верхоплавки они, поверху плавают, а клюют тык—тык—тык, значит верхотыки!1 — крикливо объясняет Ваня на безопасном расстоянии — знает, сердитый двоюродник не пощадит, забывает он бабушкин совет: братья — родная кровь, не сердитесь друг на друга, не деритесь. Ваня помнит совет да и справедливость на его стороне. — Верхоплавки — они же верхотыки, потому что на поверхности клюют.

Но форсистый Сенечка вроде бы и не слышит, он торопливо нанизывает на махонький крючок свежего червя.

— Не поймать, ничего не поймать.

Летунов сейчас очень хотел стать волшебником, чтобы по его хотенью, по щучьему веленью вся рыба дальше вниз ушла, чтобы заядлый рыбак не дотянулся до самой клевой быстринки, где пасется стайка рыбешек.

— Ты Иванушка — дурачок разве?

— Ну и что, ну и что. — Ваня повторил Сенечкины слова. — Вали отсюда, а то Женьке скажу. Он разберется: кто прав — кто виноват.

— Ох, напугал. Он мне родня. Женька — тоже двою — родный брат. Тут почти все мне родня.

— Родня какая. С половина дня. Подумаешь. Белов и мне родня да еще мой командир, понял? Наша команда сильная, наша команда дружная. А у тебя команды нет, одиночка ты. Единоличник жаднючий.

Арта тоже начала лаять—дразнить рыболова, мешать ему: «Гав, гав! Рыболов костляв. Гав, гав! Он не прав!»

— Чем бы бросить в собаку твою?! — грозится Сеня Се — мечкин.

— Фигоньки. Не получится. Не получится. Чем ты ее отшугнешь? Удильником своим коленчатым? Не ври хоть. Тебе жаль его. Пожалеешь ломать да бросать. Лучше поки — дай семечек. Ну что? У тебя их нет. Значит, и фамилию свою оправдать не можешь.

— Найду чем, вот подожди.

— А ты кепочкой, кепочкой своей желтенькой! — Ваня тоже в азарт вошел, надрывно хохочет, озорничая, приплясы — вает, чертика из себя строит, чтобы хоть как — то досадить ры — болову. Глядя на хозяина, Арта тоже суетилась, бегала возле самой воды с пронзительным лаем. Дружный шум получил — ся. Но Сенечка под этот шум выудил одну махонькую рыбку, такую в садок не посадишь. Вот и побежал с этой рыбкой на противоположный берег — там, в заливинке, он устраивает озерцо для мальков, говорит, для аквариума самые — то кра — сивые уклеечки. Вот какой, ведь знает, что речная рыба не будет жить в аквариуме, а все равно мучает— это, говорит, научное испытание, лосей даже одомашнивают на ферме возле Костромы, значит, и речных обитателей можно одомашнивать. А зачем мальков таких одомашнивать, разве не жаль вытас — кивать из родной водной стихии? Тут лоси — не пример, они в лесу пасутся, сами подкормиться да на дойку приходят. Они тоже людскую ласку любят, заботу и внимание понимают.

— Отпусти, мучитель! — просит Ваня. — Отпусти, Се — нечка. Я тебе теплого хлеба принесу, на хлеб они лучше ло — вятся уклейки — то, большую поймаешь. Правду говорю.

— Когда принесешь, когда большую поймаю, тогда и ма — леньких отпущу.

— Ага, хитрый какой. Чтобы клевало, надо подвесной мост качать. Издеваешься надо мной, да? Всегда чего — нибудь вредное придумываешь.

— Это тебе показалось, Вань. Не обижайся. Мы с тобой родня. Давай пошустрее сбегай за хлебом. Не в службу, а в дружбу. В гости к нам приедешь на каникулы, будем на ком-пьютере чего-нибудь придумывать.

— Ладно, тогда! Ссчас, я мигом! — Ваня во весь дух уст-ремляется к хлебному магазину и как раз вовремя поспевает.

— Чего стороной пробег? — тетя Поля улыбается лас-ково. — Три буханочки приготовила, жду-поджидаю давно. Твоя-то очередь промелькнула, Колюня Заботин на тебя за-нимал. Вот две забайкальского — это ваши, буханочка ржа-ного — Анне Ивановне. Унесешь?

Ваня получил сдачу. Тетя Поля помогла ему рюкзак увя-зать:

— Сильно-то не тряси — прихлопаешь весь, теплый хле-бушко.

— Ладно, знаю ведь. — Он пошел вроде бы осторожно, маленькими шажками, а едва скрылся за углом, припустил опять во весь дух. Девчонки с визгом шарахнулись в стороны, но тут же, узнав его, начали кричать:

— Летунок, летунок! Пташечка, канареечка! Посиди на скамеечке, поклюй семечек, порхай над полянкой — подра-жай зорянкам.

Погрозить бы им кулаком, подразнить бы их, обозвать мат-решками с поварешками да некогда: рыбак поджидает.

Но Сенечки на подвесном мостике уже не было. Может, большая рыба клюкнула, удалось ее вытащить — на радостях убежал перед бабушкой хвастать, может, перешел рыбачить на перекат или где-нибудь землянику ищет. Ваня вбегает на высокий взгорок под березами, смотрит через луговину на склоны оврага, потом — на дальний перекат, где заядлый рыбак иногда пескарей ловил, если другая рыба не клевала. И там его нет. Исчез куда-то, спрятался и Арту с собой сманил. На уступчике возле омута тоже нет. Никого не видно и на запеске. А как повернулся, глянул вниз по течению — сразу все понял: повезло рыбаку! С верховьев, наверно, приплыл плотик! Так часто бывает на Светлянке, потому что спин-нингисты уходят к рыбным местам, кошмят плотики, чтобы спускаться вниз и блеснить щуку. Целый день плывут, бро-сая блесны то к одному, то к другому берегу, когда солнышко сядет, причаливают где-нибудь в закоске, оставляют плоты, второпях не надежно закрепляя, вот течением и сносит эти плоты к Березовке, до Барановицы, а то и дальше. Не всегда ребятишкам удается поймать такой ничейный плот, завладеть им и распоряжаться по своему усмотрению. Сенечка, видно, везучий.

— Се — ня — я — аа, подожди меня — ааа! Се — не — чка — аа, подо — ждии!

На крик отозвалась Арта, она услыхала голос хозяина и решила, что ее зовут, вот и начала в ответ лаять:

— Гав, гав! Тут я тут! — она прыгнула с плота в воду, шлепая лапами, высоко приподымая мордочку, грабастается против течения. Издали было видно: подается у нее медлен — но. Вот непутевая, подумал Ваня, к берегу бы сначала надо плыть. Собака и сама поняла: повернула к берегу, скрылась за грядой обвислых ивовых кустов. Вскоре она встретила Ваню, встряхиваясь, виновато суетилась перед ним и просила прощения.

— Как не стыдно, кто поманит, к тому и липнешь, ла — па — у — хая. Вишь, на плотик забралась. Забыла про аварию на испытаниях.

Арта высунула розовый тоненький язычок, прищурила глаза и проскулила, отбегая в сторону: «Интересно ведь, охота ведь...».

— Мало ли что охота. На всякое хотенье бывает и тер — пенье. Мне на вертолете хочется полетать, а где он, вертолет?

— Гав, гав, рррр! — собака знает, как урчит вертолет, по — нимает, что его надо высматривать в небе, когда из — за леса появится.

— Ваня, слушай внимательно! — издали кричит Сенечка, четко, по слогам обращается с просьбой: — Ку — пи ржа — но — го хле — ба, ба — буш — ка ве — ле — ла. Вань, купи. Я совсем забыл, не сказал тебе в первый раз. Очень прошу! Мне не — когда, а потом закроют магазин. Я плесом до Барановицы поплыву, там, на перекате буду причаливать. Понял?

— По — о — о — нял! — Летунов решил, что надо исполнить просьбу, хотя Сенечке было велено хлеб для бабушки купить. Постоял на берегу, завистливо глядя на уплывающего вдаль капитана, и пошел обратно к магазину.

Но ржаного хлеба больше не осталось. Он купил бу — ханку белого: раз были две просьбы, значит, две буханки и требуются бабушке Анне. Мало ли для чего, может пастух Ефим вечером на ужин придет. Просьбу не исполнишь — у других людей настроение испортится...

Водоворот, плот, бидончик с молоком и чудесные птицы

Бабушка Анна сидела на крыльце — наверно, поджидала внука. Копна свежего сена была аккуратно очесана граблями, накрыта сверху половичком, а с боков обставлена узенькими досками — словно, шатер или шалашик хороший получился. Глядит на эту копешку старая Анна Ивановна и хорошо ей от того, что дело сделано, прибрана трава первого укоса, до росы укладена ровно и красиво. Рядом дремлет дымчатая кошка Василиса, иногда она шевелит ушами — прислушивается, наверно, чтобы знать, где играет котенок; он только на время затаился под крыльцом, когда подошел Ваня.

— Не видал там нашего греховодника — рыболова?

— У моста он, бабушка. Опять у моста. Хлеба велел купить, только ржаного больше не было. — Ваня достает из рюкзака две буханки.

— Или обе нам принес? — удивляется Анна Ивановна.

— Ты, баушк, велела и он, Сенечка — то, просил.

— Ой, греховодник. Самого не докличешься. Хорош помощничек приехал... Ладно. Спасибо тебе, голубок. Спасибо. — Она взяла грабли, опираясь на них, распрямилась и взошла на ступеньку повыше, чтобы дальше было видно, пристально смотрела вдоль тропиночки. — Не видать, не идет домой рыбак.

И силы — то поди не осталось на обратную дорогу. Ты, Ва — ня,сбегал бы, встретил. Поесть унеси, заголодал ведь на реке день — деньской. Молочка с творожком в бидоне унесешь.

Ваня даже обрадовался такому поручению: теперь на реку к Барановице бежать, может, Сенечка на плот пустит! По — спешил домой, оставил рюкзак с хлебом в чулане, схватил кусок пирога — ай — да на улицу. Бабушка Анна как раз вынесла маленький эмалированный бидончик—с ним иногда Семен Семечкин ходил на реку.

— Молока топленого налила, творожку положила да вот хлебца белого отрезала. Неси, пускай подкрепится, а то ведь опять обессилеет.

— Унесу. Меня ребята звали. Возле моста собрались, — придумал Ваня.

— Беги тогда. Не расплескай только. Беги живо, вече — реет уже. Коровы придут, Зорьку вашу сама застану.

— Теленка только, баушк, не выпусти. Шаловливый больно: дверь откроешь, норовит убежать. Смотри, бодливый он, рогов нет, а боднуть может.

— Тоже дитятко. Порезвиться охота. Детки все так, за — бываются, заигрываются. — Анна Ивановна только теперь вспомнила, для чего держит в руке зеленую штормовку. — Одежку нашему — то унеси, комары там заедят.

— Не, он закаленный, — отмахивается Летунов — воз — вращаться ему неохота, некогда просто, а то еще свою куртку придется тащить.

И снова раздается в переулке, который бабушка проулком называет, очень звонкий торопливый топот. Ровная, плотная тропинка возле тына, с другой стороны — тесовый забор, словно в туннеле всякие звуки толкаются в этом коридоре, потому и кажутся громче. Эхом перекатывается Ванькин ответ: «Не, он каленый — закаленый — перекаленый!» Должна бы Арта слы — шать его топот, его голос, но не выскочила из палисадника.

Постой — ка, думает Ваня, так ведь и не было ее возле крыльца, значит, не возвращалась домой, отстала где — то, может, возле хлебного магазина? Может, к детсаду побежала. Вот и ладно, Ваську домой приведет. Так и надо сказать, в случае чего: Арту за братом послал, пускай не бранит мама Нина.

От Березовки до Барановицы недалеко. Через школьный двор прямушкой срезать на дорогу, которая ведет к нефте — базе, а от нефтебазы только под гору спустись, тут и начина — ется другая деревня. За ней — река.

Ваня оглянулся на кузницу, но против низкого солнца плохо разглядел ее: стены фиолетово — темные, крыша покатая бле — стит — недавно свежим тесом покрыли; неподалеку два старых

комбайна чудищами стоят, колесный трактор без кабины при—таился за черемухой. Вот и все, больше ничего не видать, ничего особенного. Что же придумал «генеральный конст—руктор?» Ладно, на обратном пути надо привернуть, хоро—шенько осмотреть, нет ли чего нового возле кузницы, решает мальчишка.

В чужой деревне лучше поторапливаться, чтобы никто не приставал. Да и приставать—то некому: ни души на улице, и девчонок не видать и малышей детсадовских, небось, мульти—ки по телевизору показывают, вот и затаились ребятишки. В некоторых окнах свет голубеет. И музыку слышно. Вроде бы сказка идет, точно, Кощей слуг своих сзывает: «Слуги мои верные...» Подумалось Летунову, что и сам он теперь на слугу похож, а Сенечка на Кощея. «Действуйте, злодействуйте! — доносится из многих окон приказ. — Действуйте, злодей—ствуйте! — словно бы эхо перекатывается по деревне. — Действуйте, злодействуйте, слуги мои верные!» Нет уж, фи—гоньки, Ваня Летунов не по чьей указке злодействовать ни—когда не будет, приказ действовать — злодействовать, конечно, не для него. Вот сейчас принесет молоко, скажет этому Се—нечке, что бабушка Анна велела немедля домой бежать и сам— быстрее к кузнице. Может, к тому времени папа Коля из рейса вернется. А тут и сумерки по деревне разольются. На один день меньше останется до того воскресенья, когда надо приходить к кузнице на деловой сбор.

Еще и на берег не выбежал, только миновал крайний дом да свернул, чтобы прямо к перекату угадать, позвал невиди—мого Сенечку:

— Где ты—ыы, Сеня?

Над яркими гривами кустов на противоположном берегу, над оранжевым сосняком и низким синим ельником, над зер—кальной водой, отражающей небо, перелетал его звонкий го—лос. Вроде бы остановилась река, замерли на деревьях птицы, даже ласточки не мечутся над ближними березами. Все ос—тановилось и замерло. Только чего—то шепчет молоко в би—доне.

— Сенечка—ааа?! — еще раз, уже печальнее, тревожнее позвал Ваня. — Ааау—у! Сеня Се—меч—кин! Отзовись!

Теперь в ответ донеслось воркованье воды на перекате. Где—то плеснулась крупная рыба. Возле куста над обрывом комары толкутся, а писка не слыхать, словно они играют в молчанку, гоняясь друг за другом. Ваня подбежал к высокому обрыву, рассек руками комариную толкучку, напряженно смот—рит влево, против течения. Там, от самого моста до Баранови—цы, протянулась над водой тонкая слоинка тумана.

— Се — не — чкаа — а!

— Семечки... Семечки, семечки, — кто — то, повторяет в тумане.

Опять плеснулась крупная рыба. Пошли по воде там и тут круги — наверно, голавли мошек с поверхности ловят.

Нет, не видно плота. Он ведь не соломинка, можно бы в прямом — то плесе увидать. Неужели вниз, к омуту, уплыл Се — нечка? Неужели за поворотом скрылся, за той густо — зеленой гривой ольховника? Вот бессовестный, не подумает, не вспомнит, что бабушка ждет, волнуется. Как же теперь быть? Уйти бы, пускай останется, если так, пускай голодный плавает, быстрей одумается. И нельзя уходить: что тогда бабка Анна подумает? Она в панике позовет людей, деда Степана начнет понукать: иди, скликай ребят, искать надо парня, чуть свет ушел и до сих пор нет.

— Се — ня — яа! — Летунов по уступчикам спустился на запесок, рядом с водой бежит во всю прыть, иногда, не оста — навливаясь, зовет:

— А — уу, Се — э — няа! Это я. Не плавай дальше. Там в омуте водоворот!

— Ну и что! — нехотя отзывается храбрый Семечкин. — Подумаешь, водоворот. Видал, как интересно? Дремлю себе, а меня крутит на самой середине. Чего кричал — то? Молока, что ли, принес? Давай сюда.

Лежит этот беспечный Сенечка на куче веток, удобно устроился, руки под головой, ноги по — богатырски раскину — ты. А плот кругами ходит осередь омута—тут всегда крутит, если не грести ни чем, целый день, целую ночь и еще день, до воскресного вечера, а то и дольше может прокрутить, разве потянет ветерок или дождь разойдется, вода прибудет, тогда снесет сначала к левому берегу, потом подхватит струей — выплывешь на другой перекат, только успевай за кусты хва — таться, чтобы возле берега тащило — не сядешь на мель.

— Сеня, ты греби чем — нибудь.

— Нечем. Да и не надо. Пускай так, медленно крутит — интересно.

— На ночь, разве, останешься?

— Ну и что. Ты как — нибудь молоко переправь сюда.

— Не знаю как. Да и комары ведь заедят, Сеня.

— Боюсь твоих комаров. У меня эмульсионная защита, немного, правда, осталось. Ладно тебе, кончай зубы заговари — вать. Молока охота.

— Сейчас чего — нибудь придумаю.

— Придумаешь. Может, еще к своему генеральному кон — структору побежишь? Может бригаду на совет соберете?

Летунов поставил, слегка вдавил бидончик в песок, мет—нулся туда—сюда по берегу. Быстро отыскал три подходя—щих чурбачка, обломок доски. Неподалеку попался ивовый куст с хорошими гибкими прутиками. Этими гибкими пру—тиками можно через палочку—перекладину можно связать чурбачки. Получилось! Задумал — удалось: малюсенький плотик получился. Теперь белый эмалированный бидон от—правился на собственном плотике вниз по течению.

Сенечке тоже понравилось изобретение, встал, руки по—тирает, вроде бы улыбается даже, сказать хочет: молодец, Летунок, но помалкивает — горделивый какой, всегда хочет, чтобы лучше всех только у него получалось. А у самого тонкие ноги в коленках дрожат. От холода или от голода? Может, от страха, может, он потому и лежал, что шевель—нуться один—то боялся. Омут большой, вода в нем жутко темная, вечером еще страшнее на такой воде, в ней русалки и водяной могут быть.

— Лови, Сеня! — Летунов с нетерпеньем топчется на пес—чаной кромке. Когда совсем близко поднесло маленький пло—тик к большому плоту, он даже по колена в воду забрел, напрягся — переживает.

Сенечка вытянул вперед руки, а достать, дотянуться до бидончика еще не может—далековато. Соображает: как быть?

— Воду подгребай, воду! Потянет тогда бидончик к тебе!

— Без тебя знаю. — Семечкин начинает булькать, гребет волны к себе.

— Потихонечку, Сень. Не надо так, не делай бурю.

— Эх ты, буря!.. Маленький шторм нужен, балла три—четыре.

— А ты спустись с плота—то, спустись да проплыви ма—ленько, только не саженками, а по—собачьи.

— По—собачьи ты сам плавай, понял.

— А есть охота тебе? От голода ведь дрожишь. Вот и старайся.

— Больно—то мне надо дрожать, я и не столько терпел, не в таких бывал переплетах! — Сенечка бодрится, хорохорится. Он такой, пожалуй, зафорсит, молоко выплеснет. Лучше уж ничего не говорить капризайчику. Вон как захазил, бурю ка—кую поднял. Теперь ногами бултыхает.

— Не плескай шибко—то. Вишь, плотик разъезжается.

— Плохо сделано, вот и расползлось. Сперва надо было семь раз примерять, а потом связывать. Проволоку нашел бы для крепости.

— Торопился ведь я. За тебя страшно было, помогать спешил.

— А кто тебе велел страшиться. Поспешишь — людей насмешишь.

— Сенечка манерно выгнулся, хотел похохотать да пе—чально у него получилось: ах, ах вместо ха—ха.

— Не кривляйся, а то упадешь. Глубоко тут.

— Не знают без тебя. Глубиной напугал. Да я, если хо—чешь знать, с десятиметровой вышки прыгаю. Понял,, нет?

Пока переговаривались, пока бахвалился, разогревался заносчивый Сенечка, бидончик кругами медленно прибли—жался и снова отплывал, словно дразнил голодного мореп—лавателя. Теперь Ване казалось, что Сенечка уже не на плоте, а на необитаемом острове.

— Удочку—то где свою оставил? — спрашивает Ваня.

— Так я и сказал. Спрятано как следует, надежно, никто не уведет.

— Ну и зря. С собой надо было взять.

— Обойдусь как—нибудь! — Сенечка начинает гибким прутиком, словно удилищем, тянуться к маленькому плоту. Какой—то петелькой удачно цепляет за сучочек или за щелку и тихонечко подтягивает к себе.

— Уррра! — от чистого сердца радуется Летунов, хлопает в ладоши, весело прыгает на запеске. Теперь и ему хочется туда, на воображаемый остров. — Ой, хлебца тебе не послал, — спохватился он. — Как ты будешь без хлеба—то пить молоко? Я могу еще один плотик связать.

— Не надо. Без хлеба, зато с творогом. — Сенечка уже открыл бидончик.

Он сидит себе посреди омута, как на острове, с наслаж—дением, неторопливо ест молоко с творогом, будто и не хо—лодно и не страшно ему, и комары будто бы не донимают. Почти голый, в одних пятнистых шортиках да в желтенькой кепочке. Смелым и сильным кажется издали.

— Сеня, давай поскорей. Мне домой надо.

— А кто держит? Беги без оглядки.

— Не—ет, не пойду один. Как тебя оставляю? Нет, не пойду, ждать буду.

— Выберусь — по шее за это получишь. Не обидишься?

— Когда—нибудь рассчитаемся, если так, — Ваня чув—ствует бодрую Сенечкину шутку.

— Считарь нашелся. Смотри, у меня мускулатура не твоей чета. В секции бокса полгода занимался, между прочим. — Точно, в шутку ведь он бахвалится, никогда раньше силой не хвастал — решил себе храбрости добавить.

— Подумаешь. У меня третье место по бегу. — Ваня тоже переходит на шутливое бахвальство. — Я на машине

ездить умею, видел погружение батискафа, когда его испы—тывали, и еще чего—то увижу, может быть, даже сам приду—маю, может, это самое, батискаф—вертолет получится.

...Не придумаешь чего не было или не может быть — Ваня в этом уверен, только писатели—фантасты придумывают всякое такое необыкновенное, подводные страны, например, или могущественные аппараты для полетов на многие мил—лионы километров, а потом все это люди на самом деле изоб—ретают. Наш ученый Циолковский предсказывал полеты в космос и, пожалуйста. Можно бы и про это Сенечке сказать, так ведь он еще больше и лучше знает, все—таки в музее Космонавтики на экскурсии был, опять туда собирается.

— А еще, если хочешь знать, — продолжает придумывать Летунов, потому что Сенечка пренебрежительно махнул в его сторону резкой рукой, — мы такое придумаем, такое, что за—качаешься.

— Ты уж напридумывал, хоть пруд пруди твоими изоб—ретениями. Свалку, значит, пора устраивать. Не фантазируй, надоело.

Ваня сламывает веточку, чтобы отмахиваться от назой—ливых комаров, топчется на берегу, но мысль не теряет:

— Правду говорю. Я всегда правду говорю о том, что было и будет. Батискаф у нас был? Был! И батискаф — вер—толет будет!

— Ври больше. — Сенечка запрокидывает голову, допи—вая молоко из бидона, крякает от удовольствия.

— Давай на необитаемом острове останемся,—вдруг предлагает Ваня, обрадовавшись этой мысли, — уж так на плоте хотелось по омуту покружить, вдвоем не страшно, на—верно, будет, один—то Ваня не посмел бы, да и как до плота доберешься? Ой, Сенечка, если захочет, может приплыть, чем—нубудь подгребая.

— Сеня—а, ты веник из прутьев—то свяжи, вот и полу—чится весло, подгребать будешь, тогда и вырвешься из круго—верти надоедливой.

— А то без тебя не знаю. Давно сам придумал.

Но видно было, Сенечка обрадовался такой подсказке, спешно начал собирать ветки и прутья, на которых недавно будто бы беспечно нежился.

Правильно, получился веник, похожий чуточку на весло. Можно грести—то, упористо получается. Двинулся плот — оп—ределил Семечкин, что не пропадет теперь, не останется но—чевать посреди омута. Для форсу опять уселся, важничает, запрокинув голову, зачем—то в небо смотрит. Ваня завидует ему:

— Как трудно ждать—то, Сенечка.

— Подождешь, не барин.

Тихо. Дымится — курится полосами туман по — над ому — том. Возле поворота под обрывистым берегом сгустилась синева. Прохладно стало. Комары угомонились, не так сильно донимают. Шумно, на посвистывающих крыльях пронеслись утки, штук девять или десять — Ваня сосчитать не успел, они за высокой березовой грядой скрылись, словно упали в мрач — ный ельник.

— Как хочешь тогда, я пошел.

— Ну и что, сам спохватишься — пожалеешь.

— Так ведь трудно ждать. Мне к старой кузнице охота привернуть.

— Железяку какую — нибудь слямзить?

— Что ты, Сеня, сказал?

— Слямзить чего — нибудь хочешь. Или не понятно? Сво — ровать, значит. Есть такое слово.— И тут Сенечка вроде бы испуганно повернулся, замер, напряженно смотрит, даже на цыпочки привстал, словно чудо какое заметил.

— Лебеди!!! — теряя дыхание, Ваня проговорил без — звучно и тоже замер на месте, даже не опустил приподнятую руку — только что хотел помахать на прощание этому заз — наистому Сеньке. — Лебеди! Правда, лебеди!

Откуда — то объявились вдруг важные птицы. И тут же пробился закатный розовый свет, словно, бы полоска зари упала на омут. Три лебедя!!! Три розовых лебедя! Вот один из них, приподымает и расправляет крылья. Розовеет гладь реки. И берег, и даже березы на противоположном берегу розовеют...

Птицы тихим виденьем плыли друг за другом, иногда по — ворачивались, высоко поднимали головы с толстыми клювами, которые почему — то виделись как бы надломленными. Ро — зовые лебеди, может быть, они всегда жили возле этого Чер — ного омута? Может быть, не каждому дано их видеть? Однажды Женька Белов говорил, что подкрадываться надо осторожно, пораньше приходить, утречком, до рассвета затаиваться, если повезет — увидишь. Почему только утречком? Вот они, ле — беди чудесные, под вечерним светом. Самые прекрасные, са — мые чудесные, какие только в сказках бывают! Плывут, плывут возле высокого берега, наверно, к Ване плывут, чтобы он, доб — рый мальчик, если ему посчастливилось, мог получше раз — глядеть, навсегда их запомнить. Только нельзя шевелиться, даже дышать сдержанно, чуть слышно — не сопеть и не пых — теть. Замереть положено.

Радостный лай бегущей песчаным откосом Арты вспуг — нул — лебеди взлетели один за другим, словно жар — птицы озарили все вокруг, отражаясь в зеркальной глади, медленно

скружили над лесом и вскоре исчезли, словно растворились в синеве туманной...

Арта поняла свою оплошность и спряталась в осоке, долго копошилась там, боясь показываться.

— Красиво... Чудесные. Это лебеди, Сеня? — тихо спрашивает Летунов.

— Эх ты, Ванек — летунок необразованный. Таких птиц не знаешь. Фламинго это. Фла — мин — го! Я точно таких около Астрахани видел. С папкой на пароходе плавали туристами, вот и видел, целые стаи. Взлетят—словно, облако розовое, Вечерней зарей бывает покажется эта стая... Пламенные гуси, понял? Фла — мин — го. Особенные, редко в наших местах появляются, по Волге у них ориентир, на волжские притоки Унжу и Ветлугу залетают и дальше еще. Не веришь? Такие, как ты, ни во что с первого раза не верятю

— Знаю. Виталий рассказывал. — Ваня и тут начинает гордиться. Пускай Сенечка завидует. — Смелый, он почти совсем взрослый наш Виталий Груздев, начитанный очень и фантазия у него гениальная, он такое может рассказать, что другим и не снилось, не приснится никогда. У нас дружба с ним крепкая, на испытаниях проверена. Наша дружба — сталь, а слово — олово.

На Сенечку это подействовало, переменил отношение, быстро подгреб к берегу, пригласил Ваню постоять немного на капитанском мостике, вглядываясь из — под руки в ту сторону, куда улетели фламинго.

Даже позволил суетиться, когда закрепляли палками плот возле отмели. Даже подал руку, когда поднимались на высокий берег. Даже обещал взять с собой следующий раз в плаванье по омуту, если его плот не уведут рыбаки. Даже не бранил Арту, когда она путалась под ногами. Даже признался, что он давно мечтал и здесь, на папиной родине, увидеть розовую птицу фламинго. Давно ждал этого часа, потому что папа рассказывал, как в детстве ходил по утрам на озеро, затаивался в ожидании и считал себя самым счастливым в Березовке, когда прилетали фламинго.

В туманной тишине по белесой накатанной дороге мимо Барановицы, окольным путем, неторопливо возвращаются домой — это казалось со стороны — запоздалые мальчишки — рыболовы, которых давно уже поджидают в двух соседних домах и, наверное, тревожатся родные, не зная где искать.

Мальчишкам казалось, что где — то там, в самой дальней небесной дали, вот точно так же тепло и тихо, есть такая же мягкая песчаная дорога и такие же друг другом довольные дети возвращаются в родную космическую деревню...

* * *

Покорный Ваня Летунов получил все, что причиталось ему от матери, в доме опять стало уютно, даже было слышно удовлетворенное посапывание младшего брата Василечка, довольного тем, что в этот вечер не одного его бранили за опоздание к семейному ужину.

Мама Нина достала из печи чугунок с теплой водой, велела вымыть ноги, а потом, не спрашивая согласия, намазала сметаной искусанные комарьем уши, руки и ноги.. Ваня молча подчинялся, но тихонько хныкал, будто ему было больно, прикрывая глаза ладошками, подглядывал, чтобы понять мамино настроение, не сердится ли она еще, не подшлепнет ли сейчас, отправляя в постель. Видно, определил, что мама успокоилась, и говорит:

— Все равно папу пойду встречать.

— Поговори у меня. Ночь глубокая. Сейчас рассветать начнет.

— А почему бабушка Анна еще не спит?

— Давно бы спала. Да покоя нет с хорошим внуком. Тоже самовольный, не слушает, упрямец такой. Вишь, перекоряется со старой.

Правильно, очень даже хорошо слышно — в обоих домах по одному противоположному окну раскрыто, одинаковые сеточки вставлены— не только разговоры, а каждое движение понятно. Вот Сенечка тоже брякает ковшом, наливая воду в таз, вот булькается, обмывая шершавые коленки, а потом — пятаки. Сам вынес на улицу и выплеснул воду, зачем-то стоит на крыльце.

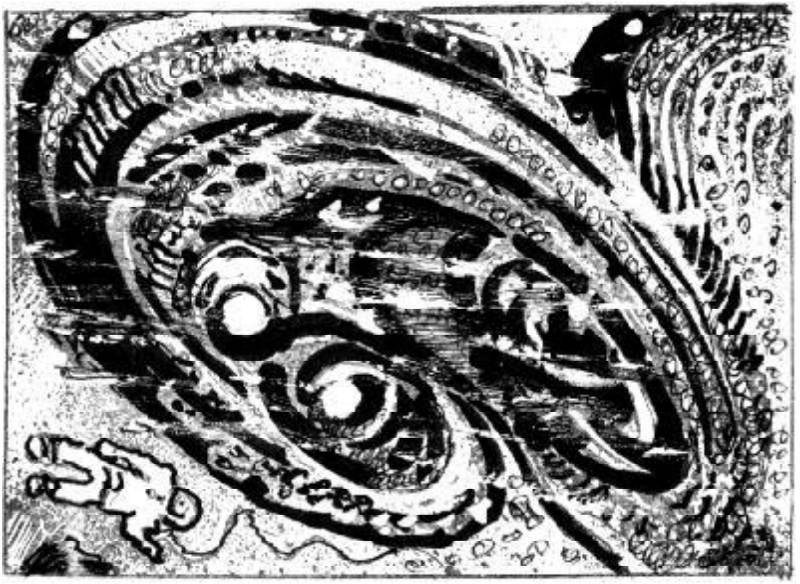
Он, наверно, хорошо видит Ваню возле окна и нарочно рассуждает погромче, чтобы всем было слышно:

— На Луне комаров не бывает. На Луне комары не кусают, потому что там комаров не бывает. И река по Луне ни одна не бежит. И фламинго туда не летит. Эй, кто там не спит на Луне? Откликнись, пожалуйста, мне.

И тут что-то произошло, что-то подтолкнуло Ваню — он впервые заговорил так же, как Сенечка, необычно, почти стихами:

— Ночью нам светит Луна. У нас на Земле тишина. Травы уснули в лугах, птицы уснули в лесах. Только фламинго не спит, все куда-то летит и летит.

Я под пологом тихо лежу... Папа приедет — ему расскажу...



Бесшумный батискаф-вертолет

Родители Вани Летунова всегда заняты, о сыновьях вроде бы и не заботятся, потому что в соседстве живет бабушка Анна: чуть что — доглядит — досмотрит, окажет внимание и накормит.

Конечно, Анна Ивановна и дед Степан Федорович — самые мудрые в Березовке люди: они вроде бы никогда не следят за внуком Сенечкой, но точно могут сказать, где сейчас он, что с ним. Если все хорошо, они спокойны. «Пускай занимается своими делами». Если беда какая — бабушка сердцем это чувствует. «Люди добрые, взгляните там, чтобы не набедокурил чего...».

А что он может набедокурить там, где нравится? Случайности, конечно, всякие бывают. Увлеченный человек забыться может и заблудиться даже, как Ваня недавно между березами заблудился, потерял направление, не мог определить в какой стороне родная Березовка. По реке можно далеко уплыть, она извилистая, в направлениях совсем запутаешься, если компаса нет и приметы никакие не знаешь, определить не умеешь, где север и где юг. Без компаса в плаванье отправляться опасно.

Хорошо прокатиться на плоте. Самостоятельно. Вот твой корабль. И ты — капитан на этом корабле. Никакие штормы тебе не страшны. Плыви, корабль. И ветер — в твои паруса. «Белеет парус одинокий...». Когда ты один, река может пре—вратиться в бескрайнее море. Вот так же бывает ночью в поле, если оно распахано. Трактор высвечивает светом фар пе—нистые гребешки волн. Но дальше, дальше во тьме— беско—нечность. Земля и небо сливаются. Темно и тихо, будто в космосе...

— Ну, Сенька, ну, греховодник! — шумит бабушка Анна, чем—то деревянным выстукивает о подоконник угрозу. — Придется родителям писать: пускай приезжают, сколько можно терпеть выходки неслуха.

— Чего случилось, ну, чего, бабуля, случилось—то? Ну, чего я такого сделал? — жалобно канючит Сенечка, нехотя воз—вращаясь в избу.

Ваня Летунов сочувствует двоюродном брату, готов идти на защиту.

— Нельзя старым людям досаждать, — говорит мама Нина ласковым голосом. Но Ваня тоже канючит:

— Ну, чего он такого сделал? Просто так сочиняет всегда...

— А то, что старому человеку отдыхать пора, бабушка Анна с рассветом встает. Надо печку топить, надо деда кормить. С самого утра и до позднего вечера сколько дел и забот. Ус—тала она. Бабушке покой нужен. Внук, будто маленький, как наш Василек, ничего не смыслит. Бегайте за ним, ищите его. Объявился — опять своим упрямством докучает.

— Они в городе поздно ложатся спать, даже в двенадцать часов ночи — значит, в двадцать четыре.

— Мало ли что в городе бывает. У нас в деревне другой распорядок. Пора бы ему понимать, не первое лето гостит.

— Каждое лето — новое. Я ведь знаю. Виталий сказал: «Чудесное лето — для нас. И для Сенечки — тоже. Все равно он хороший. Все равно он смелый, сильный, ловкий, начитанный, музыкальный, точь—в—точь как Женька Белов, изобретательный.

— Ты у меня тоже хороший растешь. Укладывайся по—ловчее и засыпай. Ну, спокойной ночи, сынок. Хочешь, уба—юкаю. Баюшки—баю...

— Нет, я сам! — понравилась Ване мамина доброта, можно бы колыбельную послушать, но и Василек еще не спит. Он маленький, его в первую очередь надо убаюкивать.

Ваня свернулся калачиком, сложенные ладони под щеку подпихнул, но так неудобно было. Перевернулся на спину, вы—тянулся, раскинул руки в стороны... и увлекло его ласковым

баюкающим течением. Теперь он уже не знал, во сне или наяву слышит осторожные мамины шаги в сенях, ласковый шепот Василька, спрашивающего почему папа так долго задержался в дальнем рейсе. Нет. Не слышно отдаленного гуденья машины

Скрип ступенек на крыльце, шорох прикрываемой двери, вслед за этим — возня Арты в конуре, а потом облегченный шумный вздох Зорьки во дворе, ворохтанье кур на насесте и какой-то стукоток на крыше, будто бы маленький камушек сверху скатился. Тягучий ветер обгладил стены, раскрутил до этого молчавший пропеллер деревянного самолетика-флюгера, залепетал в листве черемух и берез. В лугах кого-то укладывала перепелка: спать пора, спать пора. Невнятно, едва слышно с печальным сожалением Ваня сказал: «А папа не приехал, папы что-то долго нет».

Мама Нина щелкнула выключателем и в темноте, бесшумно ступая босыми ногами по прохладному полу, подошла к раскрытому окну, отодвинула занавеску, чтобы смотреть. Иногда ветер доносил едва слышимое урчанье машины, свет над лесом то качался, то подпрыгивал все ярче, все ближе.

Через некоторое время папа Коля подойдет к кровати, зажимая в большущей ладони свет маленького аккумуляторного фонарика, глянет в полог, едва прикоснется к волосам спящего сына и спросит:

— Как они тут?

— Убегались, — тихо отзовется мама. — Маленький-то сам пришел и собаку на поводке привел. А большого весь вечер искали, с ног прямо сбилась. Ладно, бабушка успокоила: придут, говорит, никуда не денутся.

— Мы редко видим наших детей, — сказал папа.

Вот и все. Благополучно все кончилось в этот длинный-предлинный день. Теперь началась ночь.

В детстве ночи всегда кажутся короче, даже зимние, это уже потом, когда вырастет человек, будет казаться, что ночь бесконечно длинна.

В тот самый миг, когда папа с фонариком, спрятанным в просвеченной руке, заглянул в полог, повторилось виденье туманного вечера. И снова, полоской зари отражаясь в зеркальной воде, бесшумно взлетали розовые таинственно бесшумные фламинго...

Высветилась едва заметная тропка. А там, на дальнем бугре, за редкими сиреневыми стволами на ровной поляне будто бы мерцает, искрится перо жар-птицы. Ваня и Сенечка, понимая друг друга, едва касаясь земли, бегут по этой солнечной роще, потому что надо спешить, надо не прозевать

счастливый миг, когда перо жар — птицы превратится в осо — бенный летательный аппарат, тот самый, случайно упомяну — тый тогда вечером возле омута, названный, изобретенный вдруг Ваней Летуновым не наяву, а только в мыслях еще, в мечта — тельном воображении.

Ноги вязнут в мокром песке, жесткая осока режет коле — ни. А сзади кто — то улюлюкает угрожающе. Сзади — пого — ня! Будто бы стрелы тычутся в спину. Сенечка фукает из блестящего флакончика защитной эмульсией. Хорошо дей — ствует эта эмульсия: она превращает стрелы в слабеньких пискливых комаров, только махни рукой — и ни единого на спине. Ваня с благодарностью кричит Сенечке: «Спасибо, друг! Молодец, Се — не — чка!» И понимает, что отстал, слабея с каж — дым шагом. Оглянулся — видит, что тянет за собой толстый канат; как — то сумел заарканить его коварный Коля Заботин.

Топориком бы канат перерубить, а топорика — то и нету. Бабушка Анна будто бы говорит: «Разве без топора ходят в чащу...».

«— Пусти, Забота! Пусти, немедленно!» — требует Ваня.

«— Погоди, Летунок. Отвечай сначала: ты с этим Се — нечкой приезжим или с нами? Мы ведь можем из команды тебя вычеркнуть».

«— Как это?»

«— А вот так! — Заботин Коля форсисто цвиркает слюной сквозь зубы — у Женьки Белова перенял. — Кому мост да плот, кому — батискаф да вертолет А кому — звездные дали».

«— Не ссорьтесь из — за пустяков, ребята! — откуда — то говорит Виталий Груздев. Он высвободил Ваню и пальцем погрозил Заботе. — Ишь, ты какой, Николаха, хочешь, чтобы только по — твоему было. Каждому дается, чего достоин, чего добьется. Беги, Летунов. Может, успеешь».

Во сне все как — то одновременно и быстро происходит, это уже потом, когда будешь рассказывать виденное, выстра — ивается последовательное движение действия, приходят сами или придумываются объяснения. Интересно сон домысли — вать, пересказывать фантазируя и присочиняя.

Ване Летунову снился в эту ночь такой сон. По высокой мокрой от росы траве, сквозь мерцающие сеточки паутины, пробираясь между колючих кустов цветущего шиповника по — рывисто и угловато, словно Чарли Чаплин в кино, Ваня подбе — жал к поляне.

А там стоит готовый к полету никем невиданный еще, но — вейший из особо прочных материалов собранный батискаф — вертолет с бесшумным двигателем, без выхлопной трубы, послушный не рычагам и кнопочкам, не педалям и штурвалу, хотя все это есть в кабине, а мысли сидящего в кресле человека.

Только в аварийных случаях может отключится — нарушается мысленное управление, откажет чувствительная автоматика. «Но у добрых людей— так написано на щитке — аварийных слу—чайностей не бывает. Злым и нечестным наша система не под—чиняется. Под водой управление механическое, над землей — мыслительно—чувственное».

«— Какие это аварийные случаи?» — спросил Ваня.

«— Поясняем, — отвечает машинно—загадочный голос.— Зазнайство, чванство, бахвальство, желание выделиться, пове—левать другими, злоупотребление возможностями, отсутствие чувства меры и красоты, жажда наживы, коварная предна—меренность...».

«— Мне вроде бы не понятно», — признался Летунов.

«— Наша система действует соответственно возрасту. Каждому — свое. Ты, мальчик, не зазнавайся. Помни, другим тоже хочется полетать, другие тоже достойны такого полета, они тоже хотят прокладывать дороги между звезд».

«— Теперь понятно».

«— Счастливого пути».

Значит, можно потихонечку трогать, подумал Ваня. Вспом—нилась песня: «Заправлены в планшеты космические кар—ты...». Батискаф—вертолет вздрогнул, словно очнулся, шевельнулись сдвоенные лопасти винта, похожие на стре—козиные крылья и, вдруг ярко—розовые кусты шиповника словно бы упали вниз, деревья тоже очутились внизу. Но тут с упреком залаяла Арта: «Гав, гав, хозяин не прав, любимую собаку на земле оставил!» Надо и Арту взять в полет, подумал Ваня, и снова спустился на землю.

Автоматически открылся круглый люк, точь—в—точь та—кой по размеру, как иллюминатор, выдвинулась удобной сту—пенькой гладко—струганая досочка. Арта впрыгнула на эту ступеньку, радостно вильнула хвостом и — шмыг в другой от—сек, на специальное собачье сиденье, будто бы случайно хлоп—нула передней лапкой по оранжевой клавише. И — о чудо! разноцветные переливы света зазвучали нежной электронной музыкой. «Пропала собака, пропала собака, пропала собака по кличке Дружок...». Неужели потерялся Дружок у Коли Забо—тина? — так подумал Ваня и тут же батискаф—вертолет, на—кренившаясь, проплыл над крышами поселка, в котором живут Заботины, бесшумно притормозил над палисадником и, мед—ленно спускаясь, трепетал, словно стрекоза, над цветком кипрея, над маленькой березой, возле той березки сидел на цепи тол—столапый ленивый Дружок. Значит, песня просто кому—то на—поминала, чтобы всегда берегли своих верных друзей, не теряли собак беспечные хозяева. Может быть, Арта хотела напомнить Ване об этом; мысли ее сразу почувствовал аппарат...

Как просторно и солнечно вокруг. Никого здесь не видно, ни одного человека на улице. А где же мальчишки? И снова накреняваясь, скруживает батискаф — вертолет, плавно наби — рает высоту, чтобы дальше было видно. Вон там, в Березовке, виднеется дом под шиферной крышей с белыми наличника — ми, от дома ведут тропинки в разные стороны: одна к поселку, другая — в Барановицу, по той тропиночке каждое утро ходит мама Нина, чтобы приглашать людей на работу, а по третьей тропинке ходит в детский сад Василек Летунов, четвертая, что ведет к гаражу и кузнице, — для дедушки Степана и для лучшего водителя Летунова Николая Сергеевича, самая за — метная эта тропинка, потому что и Ваня по ней чаще всего бегает. Каждый камушек, каждая вмятинка, яминка, даже каждая травинка видна с высоты. Но где же мальчишки, где они затаились, почему прячутся от Вани? Разве он в чем — нибудь провинился перед ними?

Ваня оказался над кузницей и понял, что в ней тоже ни — кого нет. А вот в отдалении на лугу пасется стадо, пастух Ефим сидит в тени — сверху только соломенную шляпу видно, едва выставляющуюся курительную трубку да руки, лежащие на коленях, большие коричневые руки с заскорузлыми паль — цами, на которых даже белесость по краям видна. Этими ру — ками, говорят, в молодости Ефим гнул подковы, но после ранения на какой — то войне правую руку перекосило, а левая начала сохнуть и плохо слушается. Опять Ваня пожалел Ефима, по — тому что недавно у него умерла жена Полинарья. Словно бы понял Ефим сочувствующие думы парящего в небе мальчика, руку приложил козырьком над глазами, прищуренно смотрит в вышину и, наверно, не видит против солнца этот бесшумный прозрачный вертолет.

Снижаться Ваня не решился — вроде как бахвальство получится: смотри, мол, старик, завидуй тому, у кого обе руки хорошо слушаются, у кого и мама и папа еще молодые, бра — тик есть и бабушка с дедом рядом живут, и двоюродный брат городской — Сеня Семечкин, и в особенную команду при — няли этого вертолетчика, способного освоить любую новую технику..

Вертолет послушно и незаметно удалялся, Ваня едва ус — пел разглядеть кошку Василису на разостланном Ефимовом пиджаке. Задремала Василиса. Отдохнет и опять, наверно, пойдет к перекатной протоке, чтобы ловить рыбу для своего котенка. Вот посмотреть бы сверху, как она ловит. Дедушка рассказывал, но ведь лучше увидеть. Вон, рябится та самая протока. И, кажется, крупная рыба там плеснулась, в разные стороны прыснули мальки, шмыгнули пескари на глубину, в тени затаились голавли, а беспечные уклейки серебристо

взблескивают на поверхности. Чья-то удочка лежит в траве, чуть дальше — желтая кепочка. «Се-ня-а! — опять кричит Летунов. — Где ты-ы?» Тревожно лает Арта: «Гав, гав! Се-мечкин в беду попав!»

На берегу толпятся люди с баграми, веревками. Даже кто-то в водолазном костюме. Мальчишки ныряют с обрыва, чаще других ныряет Женька Белов и, всякий раз выныривая, качает головой: «Нет, не видал. Ничего не видал». Бурлит и пенится вода в омуте. Кружит водоворот, похожий на кратер потухшего вулкана. Такой кратер с вертолета снимали, чтобы показать кинопутешественникам по телевизору. Неужели закружился плот, на котором Сенечка плыл? Быстрее туда, быстрее на помощь!

Бесшумный вертолет опустился на воду под кустами у самого берега так, что его никто не замечает. Вертолет превращается в батискаф, вот уже началось погружение. Словно чудовищные космы качаются в желтой мути зеленоватые водоросли. Проплывают верхоплавки, голавлики, красноперки... Еще глубже появились окуни, в стороне за корягой притаилась щука, похожая на акулу, в жутко темной канаве ворочаются выпуклые глаза огромного сома, только глаза и видно, да по глазам-то можно предположить какое страшилище прячется на дне. Вроде бы русалка проплыла. Нет, это кто-то из ныряющих мальчишек. Как быстро они грабастаются из глубины на поверхность, потому что холодно. Ваня погружается все глубже, продвигаясь по течению.

На илистом дне заметны восемь полосок, прочерченных бревнами плота. Теперь можно искать по следу. «Сеня! — обрадовался Летунов. — Я вижу тебя!» Плот стремительно тащит по дну, постепенно приподымается левый край, на котором лежит беспечный Сенечка, вздумавший ночевать посреди омута, вот его сонного и унесло на глубину. Ваня, напряженно разглядывая подводное царство, склонился влево и батискаф послушно описал плавную кривую, пришвартовался к плоту так, что через потайной люк мощным насосом втянуло Сенечку в камеру экстренной помощи. Как только батискаф взмыл на поверхность, завертелся винт, пенистым фонтаном вылетела из камеры вода. Хлынул чистый боровой воздух. Сенечка глубоко вздохнул, раскрыл глаза:

«— Ваня, это ты меня спас?»

Летунов слышал вопрос, но ничего не ответил: пусть Сенечке кажется, что все только приснилось. Вертолет спускается в ложбинку за черемухами. Распахнулись полукруглые створки. Сенечка вывалился на теплую траву родного берега. Протер глаза кулаками, встал и пошел к людям:

«— Я здесь, бабушка. Ничего со мной не случилось».

Теперь можно возвращаться в Березовку, чтобы всех опе — редить. Вертолет поднимается высоко — высоко. Вокруг только малиновое небо. Вдали, над горизонтом, над синим разливом лесов, словно розовые фламинго, плывут три облачка. От вы — соты, простора и радости захватывает дух.

* * *

Мысли из дневника Виталия Груздева

Мечтательные, наверно, всегда застенчивы. Тихий, но взволнованный Ваня Летунов рассказывал свой сон. Ему не хотелось, чтобы все это слышал насмешник Заботин, но Забо — тину было бы полезно. Вот Сеня Семечкин способен слушать с пониманием, всерьез. Он даже порадовался: «Неожиданное решение! Это здорово ты придумал, Вань. Почему конструк — торы до сих пор не додумались. Батискаф — вертолет очень удобен для различных исследований. Надо бы ученым под — сказать. Как приеду домой, обязательно позвоню. Есть у меня знакомый доктор, который другим специалистам раздаривает идеи, а они создают новые аппараты. Сам он всегда в тени, особенно не выставляется. Главное для него — заинтересо — вать других, расшевелить, чтобы думали все».

Если бы передалось хотя бы немного фантазии от Се — нечки Женьке Белову, от Вани—Коле Заботину. Если бы ре — шительность и настойчивость Белова частично перешла к Ване и Славке Фиолетову. Так думал Виталий Груздев.

В каких условиях развиваются лучшие качества человека? Можно ли повсюду и каждый день создавать подходящие ус — ловия? И надо ли? А кто этим должен заниматься? Все созда — ют друг для друга лучшие условия. Чуткость и внимание. Доверие и вера. Искренность и простота. Правда и доброду — шие. Во всем. В игре. В работе. Каждый день, каждый час. Общий труд, общая радость. Общая песня. Игра и работа, ра — бота и фантазия. Жажда поэзии. Ощущение чуда. Идеал. Это — мечта. Нужны ребята — мечтатели не только для ис — пытательной команды, для повседневной жизни необходимы, чтобы в маленькой деревне возле поселка лесного не посели — лось равнодушие, чтобы никто не скучал от безделья и лени.

Жесткая реальность и нежная мечтательность. О чем ты думаешь сейчас? Что тебя волнует, милый человек? Ты пре — краснее всех. Скажем друг другу: «Кто ты — тебя я не знаю, но верю в твою доброту».

В каждом человеке таится особая птица. Одноклассни — ца Леночка говорит, что в детстве она казалась сама себе

ласточкой. Рассказала об этом девчонкам. Они наперебой начали хвалиться: «Я тоже во сне бываю птицей». «Я тоже ласточкой была». «А я — чайкой». Самая самолюбивая назвала себя голубкой, но другие считают, что она — сова.

Хорошо ли быть орлом? Или ястребом? Пусть каждый определит в себе птицу. А потом поговорим, посоветуемся, даже поспорить можем ради общего дела, чтобы заинтересованно и добродушно помогать Друг Другу. Просто так. И не торопитесь уйти, приходить торопитесь. Верно, ребята? Из этого дня уйдешь — его уже больше не будет. Все лучшее из него возьмем с собой. Об этом надо говорить с членами своей команды (Решил В. Г.).

Поклонись старику, еще раз поклонись. Пробегая мимо, хотя бы улыбайся ему. Ты знаешь деда Степана? Хорошо ли ты знаешь нашего старого кузнеца? Правильно, сказки рассказывает иногда. И про войну под настроение может рассказать. Два ордена имеет: один боевой, другой — трудовой. Шесть сыновей было у него да четыре дочери. Два сына погибли. Один подо льдом Невы оказался. По ледовой дороге на старенькой полуторке возил хлеб.

Скажи, Ваня Летунов, ты вспоминаешь иногда своего прадеда, никогда не вспоминаешь? Ты его не видел? Но ведь есть фотографии. В школьном музее на третьей странице альбома приклеена заметка из фронтовой газеты «Пулеметчик Шмель». И никто не показал тебе этот старый пожелтевший альбом? Беги сейчас же в школу, стучись к директору и кричи: «Открывайте комнату боевой Славы! Почему она закрыта на все лето?!» Не побежишь? Стесняешься? Как, ты не знаешь, что у твоего прадеда была партизанская кличка Шмель? И отец твой тебе об этом не говорил?

А ты, Коля Заботин, что можешь сказать про своего прадеда? В каких морях он плавал? Какие награды получил? В каком морском бою отличился? Сколько лет он пахал да сеял на этой земле? С малых лет за плугом ходил, литовкой (ручная коса так называется) по гектару выкашивал.

Что ты можешь сказать про своих родных? Я на тебя гляжу, Слава Фиолетов? Ну, ребята... Стыдно за вас. Берите пример у нового товарища и друга Сени Семечкина из города Волгореченска. Он гордится своей родословной. Сочинение написал для конкурса. В городской газете «Век» это сочинение было опубликовано. Жаль, поскромничал автор, не привез в нашу школу свой рассказ о предках — о бабушках и прабабушках, о дедушках и прадедушках. Можно написать просьбу — пришлют копию»...

«Ты нужен, без тебя не начнут...»

За горизонтом вставали горы. За встающими горами, покрытыми снежной белизной, начиналась знойная Африка, куда летал знаменитый доктор Ай-болит, чтобы лечить зверей. А зачем он в первую очередь откликнулся на просьбу африканских бегемотов? — с этой мыслью Ваня Летунов оглянулся на родную Березовку. — Здесь разве никто не ждал?

Некоторое время Ваня сидел, прислушиваясь к тишине родного дома, пытался определить который теперь час. Над крышей глухо проворчал гром, словно раскатилась по полу рассыпанная картошка. Показалось, стая сорок прилетела на черемухи. Стрекочут — балаболят белобокие сплетницы. Вдоль деревни лошадь простучала копытами, пробренчала телегой. В отдалении на окольной дороге прошумела машина, не папина, чья-то чужая, следом за ней, словно волна хлынула к лесу, покатился еще какой-то шум.

— Выйди, Ваня, — зовет Семечкин.

— Сенечка, я сейчас! Подожди меня!

А Сенечка весь мокрый, словно купаный прямо в одежде, сидит на самой верхней ступеньке в печальной позе — локтями уперся в колени, кулачками острый подбородок подпирает. Усталым, синевато-бледным показался он Ване:

— Ты чего такой?

— Какой такой?

— Ну, это самое, печальный? Не заболел? Доктор нужен?

— Да просто устал. Через все росное поле под страшной тучей бежать пришлось. Думал, хлесткая гроза будет, а сверкнуло всего три раза. И гром неуверенный прокатился над низкими тучами.

— Это к ненастью, — с сожалением думая о планах на завтрашний воскресный день, сказал Ваня. — Вон, курицы под навесом траву щиплют. И ласточки низко летают.

— Чудак. Только что дождь прошумел, вот-вот солнце выглянет. Не придумывай-ка лучше, а то накаркаешь.

— Ой, поздороваться забыл. С добрым утром, Сеня!

— Ха! — Семечкин скривил губы. — Чучело гороховое, протри глаза-то по-настоящему. Скоро вечереть начнет. Дрыхни дольше, как барсук. Все на свете проспишь. Не раз-будили тебя — ты и рад.

— Я такое видел, Сень! Такое... Правда, настоящее, как на самом деле видел. Батискаф-вертолет. Не веришь? Всю ночь летал.

— Летаешь во сне — значит, растешь. А я вот расту, когда плаваю. Бабушка говорит, у каждого свой рост, свои болезни. Которые пацаны во время болезни только и растут, поэтому нечего их лекарствами пичкать. Организм сам свое возьмет. Главное, закаляться надо. Я вот закаляюсь, только пятки почему-то потрескались и кожа на плечах облезла, теперь без рубашки нельзя.

— Ты утром на плоте плавал? С тобой ничего не случилось?

— Нет плота. Рыбаки увели. Бидончик стоит на берегу, а плота как не бывало, будто приснился он мне.

— Плот был. Может, унесло его?

— Проверял, до самого Завражного залива бегал зазря. У меня удочку спрятали, найти не могу. Или запамятовал.

— Украли, может. Заботин хоть бы что украдет, ему за это уже попадало. Отец два раза лупанку давал. Без наказания, говорит, не воспитаешь.

— Разве? Меня никогда не наказывают, бабушка сказала, что надо.

— Я тоже иногда понимаю: заслужил — накажите, только не ремнем.

— За воровство строгое наказание требуется, чтобы навсегда воровать разучился. Есть такие и у нас в городе. Воруют, чего понравилось. Может, удочка моя кому-то понравилась. Вообще-то бамбуковое удилище Женька Белов на флагшток просил. Точно, ведь я сам ему подал, встретились на реке и подал. А потом забыл с этим плотом да под

дождиком. Ладно без удочки от рыбалки отдохну — бабушке спокойней. Надоело рыбалить. На другие дела интерес появился. У меня — чудесное приглашение.

— Тебя тоже в команду примут?

— Подумаешь. Может, я еще и не хочу. До завтра могу думать. Посмотреть надо сначала. Беги, тебя давно звали. Мне теленка в загородке пасти, пока бабушка на почту ходит, в пастухах посижу. — Сенечка выплеснул воду из кроссовок. — А тебя звали. Ты нужен, поспеши. Будь здоров, Летунок. Пока! Арту не ищи, она около штаба на цепи сидит, по хозяину плачет.

Какой штаб? Где он? Почему там Арта на цепи сидит? Кто ее нацепил и зачем? Ваня ничего понять не может, только предполагает, что и как было в этот день без него. Разве Виталий Груздев уже приехал, запчасти привез? Может, бригада в полном сборе и важные дела делает? Быстрей, быстрее надо туда. А куда туда — то? К кузнице, наверно. Или к подвесному мосту на взгорок, на котором собирались ставить шалаш. Тут же под берегом хотели нырялку устраивать, чтобы с высоты можно было нырять.

Прибежал в избу, чтобы одеться: без джинсовой курточки, пожалуй, холодно. Резиновые сапоги надо надеть — приготовлены. Мамина записочка, как обычно, на полотенце, которым завтрак прикрыт, положена «Сыночек, не торопись. Яишницу не оставляй, надо всю съесть, она сегодня с колбаской. Стакан молока выпей, только с хлебом, не голью. Осередь дня накормишь куриц. Зачерпни ковшичек овса из ларя. Хлеб сегодня дают на два дня — не забудь. Деньги в ящике кухонного стола. Приведешь Васю из детского сада. Не обижай братика. Папа привезет тебе сюрприз, только будь умницей. Далеко никуда не бегай, старайся быть около дома. Целую. Мама.»

Опять все то же: не торопись, накорми куриц, не обижай братика, никуда не бегай. Одни указания, даже в субботу. Ваня думает о том, что у мамы никогда теперь не будет выходных и папа каждый день в рейсах, оставляют детей на произвол судьбы, как бабушка Анна говорит, без догляда и вниманья, делай, что хочешь, расти, как знаешь. Но ведь и выхода нет: лето — припасиха, летом работают не по часикам, а по погоде глядя. Вот — вот сенокос. А пока семенную рожь надо отсортировать для сева озимых. Дело важное — без агронома нельзя. Подсобное хозяйство леспромхоза теперь значится вместо колхоза. Работы не убавилось. А горючее кто будет на зиму запасать для лесопункта и подсобного? Лесовозы тоже требуют солярки. Два рейса в сутки — много

километров получается. Поспешает Николай Летунов. До строителей — потребителей далеко. Им древесину вовремя подавай: кто сказочную Берендеевку за лето построит, кто шикарную дачу. Не задерживай, поставщик. Но не каждый день два рейса получаются. Дождик прошел — не быстро поедешь, того гляди, и буксовать придется; до дальней эстакады в делянке дорога волоком, там такие колеи набиты, смотреть жутко.

Ваня вспоминает рассказы отца. Верится ему, что когда-нибудь древесину будут доставлять на бесшумных вертолетах. Даже про себя подумал, будто бы ведет свой вертолет вслед за папиным. Будто бы огромная пачка бревен задевает вершины старых елок и берез.

Пока управлялся за столом, выполняя мамины наказы, мысленно побывал два раза в лесу возле эстакады. Его вертолет кружил и снижался, ловко зацеплял готовые штабеля и легко поднимал над вершинами хмурых деревьев. Будто бы мигом два раза слетал к большому городу, точно два рейса получилось. Вернулся усталый, но довольный. А в Березовке возле конторы лесхоза в честь его поднят красный флажок, точно такой, как в честь папы когда-то поднимали.

Флажок... Бамбуковый флагшток. Флажок над штабом. И возле штаба Арта на цепи. Да разве можно усидеть за столом, доедая все, что оставлено? Быстрей, быстрей туда, где. ждут давно. Надо спешить. «Получайте, курицы, ковш овса. Получайте еще добавку, чтобы немало было, чтобы не жаловались». Теперь по воду скорей. Половину ведерка свежей водицы для питья надо в дом принести. Ваня бежит с эмалированным ведром к колодцу, шумно опускает бадейку, плечом приторма-живая гладкое деревянное колесо, слушает, когда бадья чох-нется в воду, маслянисто покачается там и зачерпнет ровно столь, сколько требуется. Крути-верти веселей! Вот тебе и зарядка! Сгибаясь, взмахивая вытянутой в сторону рукой, несет он почти полное ведро без единой остановки до самого крыльца, ставит ведро на рундучок, чтобы передохнуть и снова, теперь уже взяв перевесло обеими руками, несет вверх по крутой ле-стнице так осторожно, так аккуратно, как никогда не носил.

Рюкзачок — на плечи, новые деньги — в карман. Ждут ребята встречи — поспешай мальчуган! Так и хочется крик-нуть: «Женя, подождите, я сейчас!» Но в которую сторону кри-чать? Куда метнуться, чтобы не обмануться? Ах, голова бедовая, совсем заспался! Ведь там, возле кузницы, недавно избушка появилась. Настоящая избушечка с двухскатной крышей, двумя окошками! Ее из лесу привезли! Ту самую, в которой зимой на лесозаготовке механизаторы обогревались. Собрались они лес

рубить да хлысты вытреллевывать из-за реки, когда лед хороший наморозило. На неделю поехали в заречный бор, потому что всегда в том бору лучший строительный лес. Сергей Федорович Груздев и говорит, мол, усталым людям негде будет отдохнуть, обогреться и пообедать — надо о рабочем человеке заботиться.

А лесхозовский начальник и говорит — это Ваня своими ушами слышал: «Вот и придумай что-нибудь». Дядя Сережа, конечно, быстро придумал и говорит, что это всегда так получается: критикуешь — предлагай, предлагаешь — желай. Он сам позаботился — из бросовых горбылей соорудил избушку на тракторных санях, в ней поставил печечку, из бочки сварщик печку-то сделал. Хорошая получилась обогревалка. Хвалили мужики, даже Ванин отец зимой хвалил: «У нас там дом передвижной, — рассказывал он сыновьям. — Чай можно пить, рукавицы посушим, отдохнем в тепле-добре».

Точно ведь, на прошлой неделе дядя Сережа ездил на тракторе туда, где хороший бор вырубили, избушку притащил обратно к кузнице на сохранность до поздней осени, чтобы грибники да ягодники залетные не сожгли понарошке или ненароком. Вот и стоит теперь передвижная избушечка возле кузницы. На дверях замок большущий повешен, а ключ от того замка у Виталия Груздева хранится. Как раньше-то об этом не вспомнилось?

Выбежал Ваня за деревню — видит: над той синей избушкой — доски под дождями посинели теперь — на тоненьком бамбуковом флагштоке развевается детский первомайский флажок! И Арта возле дверей на цепи, штаб сторожит. Вон, как высоко подпрыгнула от радости, взлаивает — узнала хозяина. Так и надо тебе, думает Ваня, кто позовет — за тем и бежишь, доверчива больно, вот и сиди теперь, голодная, небось. «Не браню, не браню, не бойся, — успокаивает он собаку. — Правильно, молодец! Выручаешь. Вижу, ради меня старалась, чтобы не вычеркнули из команды. Правда ведь? Дай, лапу пожму». Собака всегда при встрече подает правую — Ваня встряхивает, сжимает слегка, хотя лапа эта мокрая, грязная.

— Арта-артистка, ты не завтракала, наверно?

Она облизывается, умными коричневыми глазами смотрит понимающе и честно признается:

— Рррав, рррав, трры-ра-рав! — и зевает, показывая розовый узенький язык. — Было маленько. В траве запасец был, вот и позавтракала.

Ваня хлопает по карманам, снимает рюкзак и на дне его набирает немного хлебных крошек. Арта слизывает их с

ладони. Мальчик вспомнил, как помогала собака летать во сне на бесшумном вертолете, с особой нежностью теребит шелковистые уши, приговаривает:

— Умница ты у меня. Артистка умная. — Он готов це-ловать мордочку, прижимается щекой. Арта благодарно при-нимает вниманье хозяина.

И вдруг что-то стукнуло в дощатую стену. Арта навос-трилась, тявкнула на ближние кусты — видно там таился кто-то — зверь или человек. Конечно, человек. Зверь не стал бы бросать камушком, вон, камушек-то на дорогу отскочил. Ма-ленький, такими кругляшами Заботин из рогатки стреляет.

— Выходи, Колюня. Нечего. Видим, видим ведь! — кри-чит Ваня, хотя никого не видел, а только предполагал, что там Заботин.

Дзиньк! — в стену воткнулась стрела. Ловко кто-то стре-ляет из лука, не хуже книжного индейца. Это, наверно, Славик Фиолетов? А может, кто-нибудь другой, но Славка тоже хо-рошо стреляет. Лук имеет можжевеловый. Или Женька Бе-лов? Вишь, как сильно гвоздь всадился. Точно в крут! Теперь Ваня заметил, что на стене мелом круг нарисован, а в центре большого круга — маленький, с яблоко, кружочек, в нем — десятка, вот в эту десятку, чуть пониже середины — бывает же так! — воткнулась тонкая, умело выточенная дубовая стрела. Верно, дубовая, отполированная стеклышком и ноздачной бу-магой. Ваня приклонился, вроде бы не видно его, и ждет что дальше-то будет. Теперь ясно, из лука стрелял Женька. Ему дедушка Степан помогал настоящий лук делать, только из такого метко попадается.

Оказалось, когда стрелок объявился сам, когда он тихо подкрался сзади и ладонями зажал Ваньке глаза, стреляли не из кустов, а из кузницы, не мальчишки стреляли, а сам де-душка Степан. Именно он — Ваня по рукам определил, от них землей и кузницей пахнет.

— Дедушка! Это ты дедушка! — выкрикнул догадку.

— Он самой, — кашлянув, по-сказочному басовито при-знался дедушка Степан. — Ты, Ванятка, догадлив. Не лапаух, видать, растешь.

Арта хлопала передними лапами по дедушкиным керза-чам — ластилась. Ко всем она ластится, такая добрая.

— Вот тебе ключ от штаба, — говорит дедушка. — Велено передать. Ты сегодня дежурным назначен. Понятно?

— А кто назначал?

— Мое дело — передать, что велено. Вот и передаю тебе ключ, штабной лук и три стрелы. Будешь часовым пока не сменят. — Дед Степан обе тяжелые руки положил Ваньке

на плечи, показалось, что даже спине стало тепло, будто бу—ханками свежего хлеба греет. — Пойду, пообедаю. Да в сто—лярке брусочки построгаю... А ты тут гляди. Исправно неси службу.

Вот и чудесно! Надо так на посту оказаться доверяют, значит.Никогда не бывало такого поручения. Никогда — нео—жиданно не доверяли ответственное дело. Надо же, сам де—душка Степан велит охранять штаб! А зачем охранять? И что в этом штабе? Когда сменят? И кто придет на смену? Уйма вопросов. Но ведь не будешь после приказания выспраши—вать снова. Сочтут наивным, маленьким, недогадливым. Мо—гут даже отстранить от важных поручений, если сочтут наивным и не догадливым.

— А где мне стоять—то? — все—таки спросил Ваня.

— Нет, стоять не надо. Ты затаись, как я, когда нужно, объявишься, примешь меры. — Дедушка крякнул опять да и пошел степенно. Ваня смотрит ему вслед, сожалея, что ничего толком не смог расспросить.

Вот это да! Один, на посту, надо затаиваться, какие—то меры надо принимать, а потом сменят, когда же будет смена? Сколько нужно быть на тайном посту? С какой стороны ждать опасности? Для чего оставлен ключ от штаба? И что там за этой узенькой дверью из трех досок, за этим большущим зам—ком? И где должна быть Арта? Возле дверей или в кустах? Ей тоже надо затаиваться? Как много переменилось вокруг, как много произошло без него. Может быть, не суббота уже, а воскресенье наступило и потому все неожиданно, необычно? И тихо так, даже в ушах звенит.

Где же затаиваться? Возле кузницы всегда технику ста—вят. Не в гараж, а под навес, еще в старый сарай. За низким ольховым перелеском — заправка: две цистерны приметно белеют. Чтобы увидеть отсюда Барановицу и поселок, надо залезать на кузницу или даже на крышу сарая. Можно бы залезть, посмотреть, не идет ли кто по тропинке, не бегают ли на берегу мальчишки, вздумавшие приспосабливать нырялку над обрывом.

Арта почему—то озирается. А, это она за ласточками сле—дит. Ласточки мечутся над сараем, иногда ныряют под ще—лястый карниз — там у них прилеплены гнезда. Спокойно, без крика летают — значит, никого нет поблизости, никто их не беспокоит. Ваня еще раз вглядывается в ближние кусты. Да и кто полезет в них, в такие мокрые — соображает он. Нет, и сам он не будет прятаться, потому что плохой обзор, всю видимость избушка закрывает, надо в отдалении, чтобы под—ходы были видны. Точно! Кузница ведь не заперта, двери

настежь распахнуты, в горне угольки дотлевают! Тепло. За наковальней или за бочкой можно спрятаться. Через дверь и через окно наблюдай зорко. Дед Степан стрелял из кузни-цы. Ваня вспоминает про лук, лежащий на траве: «Ой, ведь намокнет, ослабнет. И стрелы отсыреют».

Пробежал метров двадцать, пригнулся, перепрыгнул через ноздреватый, словно курицами исклеванный, песок, чтобы следов не оставлять. Сапоги-то сеточку мелкую отпечатывают. Мальчишки знают: только у него такие девчоночьи сапожки — сразу определят, кто тут остался. Он шмыгнул за угол, снова пристально осмотрелся и только тогда выгодную позицию занял.

Сидит мальчик на удобном стуле, через распахнутую дверь кузницы все ему видно, а сам в джинсовой-то курточке при пасмурной погоде неприметен. Хорошо замаскировался, а самому все, что надо, видно. Иногда тихонько потрескивают в горне угли, пускают слабенькие искры, тонко, по комариному пищат. Слышно шуршанье крыльев проносящихся ласточек и стрижей. Хорошо вот так одному: думай, чего хочется. Мечтать даже можно. Вот когда-нибудь настанет день... Начнет удивляться учительница Елена Александровна: «Не знала, не знала, что он настолько силен в математике. Выходит, не оценила способности этого мальчика, ошибочно вывела четверку за год, а не пятерку». Если честно, даже из-за русского языка, наверно, пожалеет, что поставила троечку с плюсом, хотя можно бы и четверку поставить, если дополнительно позаниматься, четверка с плюсом вышла бы. Елена Александровна так за голову и схватится, взъерошит свою шестимесячную завивку: «Такой тихий, такой нелюдимый, замкнутый, а какие способности проявляет! Большое будущее у этого человека. Очень большое будущее. Он прославит Березовку. Ошибались мы, Лев Константинович, — скажет она директору школы. — В тихом, неуверенном ребенке очень трудно разглядеть талант. Помните, такой необщительный был в школьные годы Иван-то Николаевич, бывало и обижали его в классе, потому что не давал отпора, хотя натурой посильнее других оказался». Конечно, к разговору подойдет учитель физкультуры Евгений Иванович, он важный такой, говорит мало, только командовать умеет: раз, два, три, четырь, но тут слово свое непременно вставит: «Я всегда замечал на уроках физподготовки, что Иван Николаевич меньше всего помышляет отличиться, занять первое место, тогда уже понимал и догадывался: не какие-то пустячки, не скоки-подскоки были у него на уме. У Летунова, казалось, посредственные внешние данные, но он

всегда отличался выдержкой, силой воли, умственной работой при подходе к любому спортснаряду. И добивался хороших результатов, когда другие утрачивали интерес и все делали спустя рукава, исполняли без души любое упражнение».

Разомкнулись облака, проглянуло солнышко. Ласточка в белой сорочке с красным воротником уселась на бамбуковый флагшток, разглядывает рисунок на флажке — серп и молот там, земной шар изображен. Первое Мая —отчетливым шрифтом напечатано. Давний флажок, а яркость не утратил, не выгорел, не выцвел — любо посмотреть, даже птичке по—нравился. Разглядела она, веселым ласковым щебетаньем что—то проговорила солнцу, небу, реке и лесу. Будто бы она довольна всем на свете, все у нее получается, как хочет, будто самая счастливая. Отдохнет немного и снова щебечет. Не высок флагшток, но уселась на него ласточка и поет, песня, наверно, звенит над всей землей. Пока поет ласточка, пока сидит она тут, нечего бояться.

Но вот быстрые тени пробежали по крыше сарая, по ку—стам, по земле. Спряталось испуганное солнце. Снова пас—мурно стало. Нарастающий гул тяжелого самолета будто бы разрывал за облаками голубой небосвод. Вспорхнула, взмет—нулась ласточка...

Легкий топот послышался с левой стороны, как раз оттуда, где нет окна. Следом — другой, редкий тяжелый топот. Ваня схватил лук и стрелу, решительно шагнул через высокий порог кузницы готовый принять неравный бой на подступах к штабу.

Кто там скачет на коне? Какой завоеватель приближа—ется? Воин Чингис—Хана, шведского или турецкого короля, Наполеона или Гитлера? Кто там угрожает копьем и мечом? А что черное у него за спиной? Может, бомбу везет самую страшную? Кто такой? Откуда, куда, зачем?

— Стой! Стрелять буду! Останови коня! Останови коня!

Всадник осаживает разъяренного скакуна:

— Слезай! Оружие — на землю! А руки, руки за голову! Стой на расстоянии десяти шагов! Отвечай, кто тебя послал?

— Перестань хоть притворяться, изображать из себя — не боюсь. Думаешь, испугался, — говорит Коля Заботин, до этого выполнивший все, как было велено, как приказывал Женька Белов. — Вообще—то правильно. Молодец ты, Иван. Так и надо. Кто научил? Ведь ты не был на инструктаже.

— Никто. Я сам. На посту встал — значит, неси службу

— А Семечкин ваш чего—нибудь говорил? — выведы—вает Коля.

— Ничего. Из него словечка не вытянешь.

— Кто тебе вахту передал? — новый вопрос.

— Военная тайна.

— Дед Степан, я ведь знаю, как должно быть, чего запи—раешься?

— Военная тайна.

— Ври только не мне. Кто сменить должен?

— Военная тайна.

— Что хранится в штабе?

— Военная тайна.

— Проверка окончена, давай ключ.

— Ваши полномочия? Документ показывай, — требует Ваня.

— Вот мои полномочия, — Коля разводит руки, вдруг де—лает резкий присед, подныривает как бы и кубарем катится под ноги Летунова, хватает его и ловко сваливает на землю. Лук со стрелой летят в сторону.

Ближний бой, схватка. Рукопашная! Ах, так! Не на того напал. Есть, есть у Вани скрытые возможности! Он не стру—сит, он не отступит! Насмерть будет стоять. Только против—ник счтрашно силен, только противник страшно коварен и хорошо подготовлен. Оказывается, он владеет приемами самбо и каратэ, еще какими—то приемами русского рукопашного боя.

Мальчишки борются, мальчишки верят в себя. Мальчишки хотят побеждать. Особенно трудно Ване Летунову. Он меньше ростом, он моложе, он легче весом. Но ловок и увертлив. Два раза выныривал, цепко ухватывал противника сзади, приги—бал к земле, даже казалось, что вот—вот положит на лопатки, оставалось чуть—чуть поднажать.

— Сдаюсь. Сдаюсь! — взмолился Заботин. — Сдаюсь — положено по уговору, командир установку давал.

— Так я тебе и поверил! — Ваня сопит, стиснув зубы, снова гнет противника к земле и чувствует, что Заботин слабо сопротивляется, только вроде бы обхлопывает Ванькины кар—маны, угадывает в котором ключ — такая у него коварная цель. — А—а, тебе нужен ключ от штаба. Да? Говори, говори!

— Отставить! Проверка окончена. — Над ними появ—ляется Женька Белов. Уверенность в себе, старшинство в воз—расте придают ему силу и право командовать. — Очередное испытание убеждает в выборе часовых мы не ошиблись. Ключ — мне! Коня навязать поблизости. Спецзапас — в хранили—ще! Мое решение такое — Летунов остается в команде на полных правах, без продолжения испытательного срока.

— А я не знал, что сегодня приходить, — признается Ваня.

— Разговорчики! Словесных оправданий не принимаю. Вину, если ее чувствуешь за собой, надо искупать не словом, а поступком.

— Женя, за хлебом ведь мне, вдруг опоздаю, сегодня на два дня дают. Можно, а? Стремглав слетаю туда и обратно.

Белов не стал требовать повторного обращения по форме, взглянул на свои старенькие часы с желтым циферблатом — отец давно подарил за успешное окончание пятого класса:

— Давай, быстрее! Шмелем! — говорит он, а сам улы-бается.

— Жень, а что такое спецзапас?

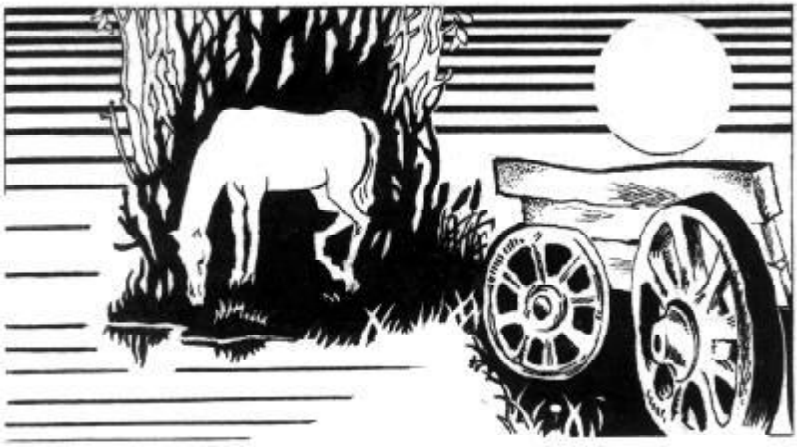
— Военная тайна, — Заботин опередил.

— Не тебя спрашивают. Поясняю, Летунов: запасные ча-сти к тем агрегатам, которые будем модернизировать. А те-перь, марш бегом!

— Есть бегом! — Ваня радостно козырнул. И побежал было, забыв рюкзак, не проверив тут ли, не обронил ли из кар-мана приготовленные деньги... Белов догадался, ловко бросил ему рюкзак — Ваня поймал и рад своей ловкости. Хлопнул по нагрудному карману.

— Но помни, Летунов, в нашей особой команде будет очень трудно. Впереди еще много испытаний. Простых чудес не бывает.

Ваня не знает, о чем речь, но чувствует в себе уверенность: ничего не боится человек с хорошей фамилией, оправдает доверие, к любым ответственным и чудесным заданиям готов.



Все хорошо в свой час

На закатной стороне прояснилось небо, оторвались от леса, бегут, бегут облака, освобождая путь для солнца. Вот — вот выглянет оно, уже просвечивает кое — где. Теперь не трудно определить, что нет еще трех часов, до вечера далеко.

Смогут ли ребята вечером сказать: «Чудесный был день!» Для всех ли он будет интересен? Виталий Груздев теперь часто задумывается, сам себе задает вопросы, потому что думает о других.

Из дневника Виталия Груздева

Был сегодня на полянах. Земляничные поляны. Хорошо назвали. Отрадновский хутор. Тоже хорошо. Соловьиная роща, Дарьина кулига. А как же называется поле возле кузницы? Всегда говорят: «Поедешь пахать возле кузницы». «Пойдешь Настасьиной тропой на Раменский бор». Найти свою тропу, свое поле, чтобы навсегда в памяти сохранились. Надо рассказать об этом ребятам. Вот не станет деревни, исчезнет, как многие другие, а в памяти она сохранится, по названию на карте обозначена. Разъедутся люди во все стороны — в другие области, но в документах будут указывать место рождения — деревня Березовка, Костромская область, Россия. Все по именам помнится: деревня, поселок, поле, роща, бор, лес, река и озеро. Потому даже для игры можно сделать именную привязку, к примеру так: штаб возле кузницы Степана Лебедева,

поход по Завражной низине, испытание на Земляничной поляне. И в дневнике записывать с указанием места действия.

Одноклассница Леночка упрекает за эти игры, будто бы ничего другого придумать нельзя. «Чего ты нянчишься с ними? Раздумья в дневник записываешь зачем?» А я не стал ей доказывать, в дневнике можно высказать свои доказательства, пусть когда — нибудь прочитает.

Леночка Светланова, конечно, самая клёвая девчонка, но слишком важничает и рассуждает будто ученая. Часто повторяет она: видишь ли, надо учитывать возрастные особенности, а родители не учитывают, они по своей «школьной психологии» читают душу детей. Вот именно, уже забыли свои детские переживания, помнят внешние факты, оценивают поведение сына или дочери сравнительно со своим в пору детства и отрочества. Книжки подсовывает она: почитай, почитай. Еще упрекает: вот и ты, как родители, так же — по себе меряешь, а подопечные твои другие. Подсунула она книжку да брошюру. Полистал, почитал. Есть справедливые рассуждения, кое — что совпадает. Писатель Рощин глядит на поведение школьников с удивлением: «Что они творят! Они волокут в школу все: огонь, воду, землю, дерево, металлы и минералы, фауну и флору. Они приходят утром дети как дети, а выпетают после уроков будто их пять часов черти драли... Тридцать семь пятиклассников, дай им волю, могут за день разрушить небольшую цивилизацию».

А мою цивилизацию они не разрушат — в этом я уверен. Интересная цивилизация, на природных законах выстроена, действовать будем по системе перспективных линий, с учетом домашних наставлений и психологического настроения, дифференцированно, вот. Характер каждого пацана давно знаю, индивидуальный подход могу обеспечить. Даже городскому Семечкину. Сначала он похвалялся знанием компьютера, говорил, что в школьном компьютерном классе азы прошел, игры освоил. А теперь на природе и не вспоминает об этих играх. Здесь все иначе: живое, подвижное, требующее смекалки, физических усилий, при активном личном участии интереснее. Посмотрим, как он впишется в нашу сельскую команду.

Конечно, Леночка права: есть возрастные особенности, сказывается влияние среды. Вот ученый пишет: раннее отрочество — период своенравия, упрямства, эмоциональная неуравновешенность есть проявление резкой психической перестройки. Дома одиннадцатилетний ведет себя хуже, чем вне его (в школе, у приятеля и т.д.). Он осознает себя как личность, самоутверждается в столкновениях и противоборстве, поэтому среди одиннадцатилетних нередки кулачные бои

с целью выяснить, кто самый сильный, кто на втором, на тре—тьем месте. Агрессивность их — это поиски своего «Я». Что ж, пусть каждый свой характер покажет.

Ладно, Леночка, я почитал твои книжки. И другие тоже читал. Я и сам умею находить то, что мне нужно. В моем отряде хорошие ребята, с ними интересно. У них проявля—ются сейчас порывы и увлечения. В твоей брошюре, Леночка, и такое подмечено: если уж чем заинтересуется отрок, то горячо и пылко, в рассказах все преувеличивает, на вопрос «летал ли ты на самолете?» ответ: «сто тысяч миллионов раз!» Я согласен с выводом: но ничто так не объединяет людей и не создает такого духа солидарности, как совместное пре—одоление трудностей, дружная работа. Знаю, не красноречи—вые уговоры и призывы нужны, а общее увлечение, общая игра и работа. Вот так!

Все говорят детям: «Подожди, потерпи, придет твой час». Говорят: еще успеешь, наработаешься. Говорят: утро вечера мудренее, подожди — все твое придет. А оно уже пришло живое интересное время для каждого. Определяй себя во времени и пространстве, запоминай место, где стоишь, запо—минай, что и для чего делаешь, какие пейзажи видишь, звуки, слова, песни слышатся.

Школьники летом должны сами идти к тому, чего ждут. Чтобы увидеть белого медведя, представь себя на Севере или иди в зоопарк, или включай телевизор и смотри передачу «В мире животных». Ты увидишь белого медведя. В крайнем случае, на картинке. Тебя это устраивает? А нет — поставь цель на будущее, храни мечту, живи с перспективой. Чтобы преодолеть отвесную скалу, надо сначала подойти к ней настоящей. На картинке она другая. Если нет настоящей отвесной скалы, встань перед стеной и задери голову вверх. Только стоять надо как можно ближе. Кажется, что стена падает на тебя — она клонится к тебе навстречу, она зовет: преодолей! Преодо—ление может начаться в игре. Скала условная, но усилия твои — настоящие. Серьезная игра требует усилий, иногда полной самоотдачи. Начинай действовать, время уходит. Все хорошо в свой час. День начинается росой и туманом, соловьиной пес—ней, гуденьем трактора, мычаньем теленка. И твоим уверен—ным первым шагом по тропинке от родного крыльца.

Каждый день долог. И каждый день случаются непредви—денные события. Это взрослым кажется, что дети просто играют, беспечно отдыхают в летние каникулы. Это только взрослые думают, что безделье, баловство, какие—то особенные игры нужны маленькому человеку, больше ему ничего не требуется, обой—дется без внимания старших, без папы и мамы, пробегает все

лето, лишь бы накормили вовремя. Требуется, чтобы иногда, хотя бы в воскресенье отец или мать оказались рядом, просто так побежали за сыном, куда его глаза глядят, куда ему хочется, так же задавали вопросы, придумывали чего-нибудь, изобретали. Но признаются отцы, что не знают своих детей, некогда вместе побыть. Конечно, хорошо бы вместе. Как было бы здорово. А то Ваня, например, жалуется, что у него целый день одни поручения, одни поручения: за хлебом, за коровой, за теленком, за братиком! Только вечером и спросит мать: «Где был, что делал, не болит ли чего, не наколол ли ногу, не «гуси» ли на руках?» Только вечером, даже поздно ночью возвращается из дальнего рейса Николай Летунов. Глянет на сына спящего: «Как он тут, ничего не натворил, слушается ли, за хлебом-то ходит, корову пригнал? Теленка пасти не хочет? А куриц не забыл накормить? Тебе не кажется, что исхудал он? Наверно, ничего не ест, собаку свою раскармливает, чтобы резвее бегала?»

Бывает, вздохнет виновато отец. А другой — и не взглянет на ребятишек своих, жене пожалуется на какие-то бесполезные порядки в лесном хозяйстве, мол, под загрузкой долго задерживают, или на то, что в делянках никак не удосужатся сделать подъезды, да и свою работу начнет ругать: вечные эти рейсы бросать надо, хватит, наколотился по бездорожью, поглотал пыли, потаскал грязи на сапогах, пусть другие теперь узнают по чем фунт лиха обходится при больших зарботках. «Работу надо менять, чтобы к дому ближе. Все-таки два сына, им догляд нужен. Правда, Николай однажды при людях жену спрашивал: «Верно говорю, Нинуль?»

* * *

Ваня Летунов слышал — мама тоже вздыхает: «Летом у всех так. Зимой больше вниманья уделяй, папаша. Когда учатся они, не только в дневник должны заглядывать родители. А ты и дневника-то по месяцу не видишь».

«Да причем тут дневник?! — папа возмущенно повышает голос и начинает крутить то левый, то правый ус — он всегда так крутит, если волнуется. — Придумали, дневник — зеркало ученика. Да не дневник, а душа его — зеркало, настроение парня — зеркало, отношение к делу, живой интерес в глазах — вот какое зеркало нужно!»

«Говорить-то ты мастер, можно на трибуну вызывать. А в самом деле на сыновей взглянуть тебе некогда, — горячится мама. — То на охоту по осени, то на рыбалку зимой, то пивка попить с мужиками. Детей как и нет у тебя. Ладно, бабка Анна помогает. Эта всегда приглядит».

«Свалила на старую все заботы, думаешь, и проблемы

решены, — шумит папа, переходя в наступление. — Днем ты в поле, вечером на ферму бежишь или на планерку, а то еще и на митинг. Деловая ты у меня, общественница».

«Третьего надо рожать, тогда и посижу с ними, займусь воспитанием, а то отобьются от рук, поздно будет. Василек, вон какой своенравный...»

А ведь было когда — то очень хорошо: утречком, нежась в постели, во сне или наяву слышал Ваня осторожные шаги в доме, неторопливые тихие разговоры то на кухне за завтра — ком, то в палисаднике возле огуречной грядки, то во дворе у Зорьки, когда мама доила ее — папа всегда был рядом, всегда можно было слышать его шаги, его голос. Он даже угадывал, когда проснется Ваня, брал на руки сыночка, нес умываться к умывальнику, который на улице. Не появилась новая машина, старая стояла на ремонте, вот и не спешил папа. Иногда он брал старшего сына с собой на работу. Шли они по узенькой тропке до поселка, а там, среди необычных продолговатых домов, встречали много знакомых людей — папа Коля здоровался с ними, Ваня тоже иногда руку подавал. Один старый дядень — ка — начальник из леспромхоза даже приподнял Ваню за ло — котки: «Ух, какой воробьишка!» А другой — широкоплечий, в синем пиджаке и при галстуке уговарил папу перейти к ним в гараж, мол, не хуже, смотри, заработок вдвое больше и ста — жевые — надбавка к зарплате за каждый год, дополнительно трехгодичный отпуск, да и техники на лесопункте побольше, чуть забарахлила машина, сразу в капиталку на ремонтный завод погнали, взамен другую получай.

Теперь Ваня самостоятельно бегает в этот поселок за хле — бом. Каждый день бегает. И никто уже не приподымет его за локотки, не называют воробьишкой; а папу не сманивают к себе на работу, никто больше не зовет, потому что тогда папа наотрез отказался. Он говорил, отказываясь: «Не всем — рай, кому и похуже, если по условиям да по зарплате судить. Главное не в заработке, а в том, чего любишь да ценишь, к чему с дет — ства привлекает.»

Конечно, хочется и Ване жить не хуже других, чтобы отец всегда находился неподалеку, чтобы в любую минуту можно было подбежать, просто быть рядом. Мама тоже, наверно, об этом давно мечтает. Младший брат Василек равнодушный какой — то, ему наплевать, где папа, куда ездит, скоро ли придет, ему только бы мама была. Мама не обидит, мама приласкает, у мамы хоть чего можно выпросить, если притвориться пе — чальным, очень усталым или даже больным, похныкать и при — пугнуть, что в садик нельзя идти, голова болит и ноги чего — то ослабли. Мама поверит, приласкает, приголубит, чем — нибудь

да подправит настроение. Но Ваня уже большой, он не умеет, как Василек, хитрить — выпрашивать ничего не умеет. Давно хочется новенький велосипед «Орленок», точь—в—точь та—кой, как у тети Полиной Светки, а ни разу не попросил. Эх, какой шикарный велосипедик! Ободья никелированные, си—денье мягкое с белыми полосками, динамка есть и фара боль—шущая. С такой фарой, наверно, и ночью светло. Девчонки боятся по ночам ездить. Ваня не побоялся бы. Может, вдво—ем—то и Светка согласилась бы в темноте покататься. Здо—рово! Ваня впереди, а одноклассница Света Скороспелова — за ним! Но папа и не знает об этой мечте. И мама не знает. Она говорит, сюрприз будет. Какой такой сюрприз? Да разве до сюрпризов отцу в трудной дороге после дождя? Со вторым рейсом опять запоздает.

Измотается отец, усталому не до разговоров, с вопросами к нему не лезь, это надоедливый Васечка когда ему вздума—ется почемучкает...

За несколько минут на крылечке хлебного магазина мальчик успел о многом подумать, даже в какой—то миг оказался в прозрачной кабине вертолета и сверху оглядел поселок: нет ли где тети Поли, может, она возле другого магазина, возле ап—теки или возле клуба с кем—нибудь беседует. А вдруг она совсем не придет? Что тогда на два дня без хлеба оставаться? Надо еще минут десять подождать, а потом — будь, что будет — домой вместе с Василечком — его пора из детского сада брать.

Прошлым летом, когда не было места в детском саду, все заботы о младшем брате свалились на Ваню: а с таким не—смышленышем далеко ли убежишь, что придумать можно, о чем пофантазируешь? Но мать и отец были довольны: оба сыночка около дома, песчаные крепости строят, в прятки иг—рают. Тогда, помнится, родители не жаловались на занятость и не собирались отказываться от своей любимой работы. Правда, отец беспокоился, что Ваня оторван от ребячьего кол—лектива, от товарищей, а потому потеряет уверенность среди ровесников. Так ведь и получилось: ребята меньше доверяют, в любое дело — с испытательным сроком.

Арта прибежала, тяжело дыша, легла возле ног. Она вы—сунула язык — значит устала, нелегко ей было найти хозяи—на. Отпустили ее или сама с цепи сорвалась? Молодец, в трудную минуту оказалась рядом, вдвоем и ожидать легче. Одна беда на двоих — полбеды.

Легкий ветерок наносит запах земляники, а от реки морем напахнуло, тем самым, Каспийским морем, по которому плавал Сенечка Семечкин. Бывает же, на привычном крылечке можно почувствовать себя там, где не приходилось бывать и, может

быть, никогда не придется. Ваня будто бы сидит у самого моря в хорошую погоду; слышен шелест мелких волн на при—брежных камешках, видна в отдалении огромная стая розовых птиц. И какой—то страх ожидания охватывает со всех сто—рон — сжался Иван, обхватил плечи руками.

Собака насторожилась — увидала тетю Полю и ее дочь Свету Скороспелову. Ой, какая нарядная Светка—то! В но—вом красном плаще, только что, видно, купили в промтоварном. Вот это да—а! Наверно, этот шикарный плащ многие тысячи стоит, на такой родители не поскупились.

— Ванюша! Ваня! — кричит тетя Поля. — Зазря ведь сидишь. Куплено вам хлеба. Сенечка городской два раза прибегал. Поди скорей в детский сад, раньше сегодня де—тей—то берут, братишка тебя поджидает.

Светка почему—то спряталась и выглядывает из—за ма—тери — так она выглядывала из—за косяка в последний школь—ный день, заигрывая с Ваней, чтобы он догонял. Может, собаки боится теперь?

— Арта, ко мне! — требует Ваня. Собака не обращает внимания на строгость в голосе, припадает перед Скороспе—ловыми, вертит хвостом, будто выпрашивает чего. Вот бессо—вестная, опозорит совсем. И так, и этак крутится, лает еще. Однажды Светка за это и назвала собаку пустолайкой. Спра—ведливо, значит, назвала, если Арта не понимает, что на хоро—ших людей лаять нельзя, что нарядную девчонку можно напугать, она от страха упадет и новенький шикарный плащ испачкает, даже порвать может.

— Слышь, куплено хлеба—то. — Тетя Поля повторяет громко.

— Понятно. Спасибо, большое спасибо, тетя Поля. .

Заботливая Светкина мама, всегда рядом, всегда около дома, хлеб сама покупает и доченьку за руку водит, если дорога скользкая.

Он тут же представил себя в таком же плаще рядом со своей матерью, будто держится за руку. Нет, нет! Так не пойдет. Давно за ручку его не водят. Ээх, лучше одному! Лучше сам по себе. Лучше самому о других заботиться, других за ручку водить!.. Он братика возьмет, два брата — дружные ребята.

За низенькой зеленой оградой на игровой площадке суетятся очень занятые детсадники: копают песок, грузят на площадку деревянного лесовоза какие—то разноцвет—ные палочки, игрушечными бульдозерами выглаживают из—вилистые дороги. Две девочки, не участвующие в общей кутерьме, неторопливо примеривают на белые столбики свои панамы. Вредный Василек, пробегая мимо, подтолкнул одну, другую, сбил с одного столба голубую панамку так что она

взметнулась вверх, словно бабочка.

— Не приставай! Не мешай! — девочки дружно кричат, и снова примеривают панамы, но уже на другие столбики.

— Урррааа! Ура, ура! — кричит Василек. — Ванька за мной пришел. Мы в войну будем играть! Ведь правда, будем?! — а сам пробегает мимо.

Пришлось подтвердить, чтобы домой поторопился, а то и не заманишь его: такой проныра, обязательно ушмыгнет куда-нибудь. И тут Ваня подумал: завтра воскресенье, этот Василек на весь день увяжется. Может, папа поставит свой новый лесовоз на техуход? Хорошо бы. Может, мама не поедет на дальний покос, останется возле деревни и младшего сына возьмет? Пусть он поблизости на лужайке забавляется.

Василек скрылся за цветными клумбами, а потом слышно было, как он топает по лестнице, вызывает воспитательницу Майю Сергеевну:

— За мной пришли, за мной Ванька пришел! Где наш хлеб?!

Воспитательница выглянула в окошко — вроде обрадовалась, что сегодня раньше за детьми приходят. У нее ведь тоже дома дела. И на реку хочется, потому что любит по высокому берегу под березами гулять. От шума-гама отдохнуть, а то на танцах в клубе опять шум-гам. По субботам всегда бывают танцы, музыку всякую очень далеко слышно. Другой раз эта дерганая бухающая музыка даже в Березовке мешает людям спать.

Вышла Майя Сергеевна на площадку без халата и белой косыночки, в красной кофте, коричневой юбке и в красных туфельках. За то, что она самая красивая, дети и любят ее. Самая красивая, добрая и веселая.

— Иван! Ваня, ты слышишь меня! — окликает она. — Летунов!

Ваня даже и не подумал сначала, что это его зовут.

— Гляди! Отец ваш приехал. Машина с той стороны остановилась, — радостно сообщает воспитательница.

Вот обрадовала! Молодец, Майя Сергеевна! От нее всем добро, всем хорошо, думал он, стрелой пролетая между кустами. А вынырнул к крыльцу — там, где главный вход, резко остановился, потому что чуть на огромную машину не наткнулся — от нее так жаром пахнуло.

— Папа! Папочка родной! Мы с тобой!

Но его нет в кабине. Он стоит на крыльце. В руке оранжевая сетка с хлебом, большая, раздутая сетка-то, все-таки в ней шесть буханок — Сенечка такую тяжелую принес. Василек уже прилип к отцу, ластится, обнимает. Ваня не маленький, он липнуть не будет.

— Ну, братва, поехали! — отец шагает по ступенькам ос — торожно, не обступиться бы. Майя Сергеевна подняла руку, прощально шевелит тоненькими пальчиками. Ваня помнит — нежная у нее рука.

Василек ответно машет кепочкой и сообщает «новость»:

— Я завтра не приду, Майя Сергеевна. Отдыхайте без меня.

— До скорой встречи, Василек. Маме привет передай. Скажи, что я сегодня тобой довольна .

Воспитательница тоже подходит к машине, улыбчиво смотрит снизу и рассказывает отцу:

— Насмешил он сегодня всех. Такие вопросы задает — не знаешь, как ответить. В нем столько интересного любо — пытства?! Веселый, весь в отца. Да и мать ведь тоже веселая. Он так и объяснил.

— Маме некогда, она бригадирит. — Василек шаловливо качается на новом сиденье, показывает, как пружинит оно.

— Видали! Папина машина лучше всех.

Отец хлопает дверцей. Взревел мотор — огромный тре — хосный лесовоз выехал из проулка на песчаную дорогу, на — бирает скорость. И кажется Ване Летунову, что вот — вот машина превратится в вертолет. Трепещет радость в груди — не унять. Радость за отца, радость за себя и за братика. Хо — рошо втроем! Василек посередине, нарочно подпрыгивает, по — тому что хочется ему неровной дороги, потому что хочется преодолевать ухабы и колеи, по каким ездит папа в Заречен — ской низине, вон, грязь на капоте, даже на стеклах грязь.

— Пап, твоя машина прожорливая?

— Нормально работает, лишнего горючего ей не надо.

— Дядя Сережа говорил, старый трактор больно много жрет горючего. Значит, прожорливый очень. А почему?

— Потому что старый, подработалось все.

— А почему курица умеет на одной ноге спать, а корова не умеет. Почему кошка лапой умывается и лицо не цара — пает. У нее ведь когти? Правда, когда нырнешь, вода через ноздри заходит, а через уши выходит? — строчит вопросы надоедливый Василек, потому что воспитательница похвалила, вот и показывает себя: и свои вопросы задает и чужие—это уж точно. Но Ване и самому хочется спрашивать:

— Папа, отвесные скалы только в горах бывают? У нас нет отвесных скал? А можно что — нибудь высокое с отвесной стеной выстроить?

— Конечно... Или сам — то не знаешь.

— А ты, папа, когда — нибудь большую розовую птицу видел?

— Давно, в детстве. А недавно приснилась отчетливо. Но почему ты об этом спрашиваешь? С чего это у вас столько вопросов вдруг накопилось?

Банная кампания, чай с зам-маникой, телевизор в отпуске, перекрестные поцелуи и песня друга

Проехали гордо по всему поселку, прибыли домой, погоняли возле крыльца синий резиновый мяч, забивая голы в воротца калитки. Папа Коля утихомирил, охладил спортивный азарт и говорит:

— Теперь никто никуда не спешит. Так, братва, сегодня проведем банную кампанию. Все! Сегодня — баня. С утра истоплена. Слышали, по радио вещают: за период сенокосной кампании надо привести в действие все резервы заготовки кормов... Вот ведь как. Значит — впереди не сенокос, а кампания, даже период сенокосной кампании. Значит, и у нас не просто баня сегодня, а банная кампания, период банной кампании и надо привести в действие все резервы хорошего настроения! — странно как-то, необычно говорит сегодня отец, словно свои слова не помнит, наслушался разнообразного вещания.

— А мне в баню нельзя, — захныкал Василек.

— Снова, что ли, голова кружится? — Ваня знает эти уловки.

— Майя Сергеевна сказала, не надо загар смывать, — быстро придумывает Василек новую причину. — Я скоро индейцем на утреннике буду. Я похож на индейца, пап? А ты сам сможешь быть индейцем?

Отец будто не слышит, старательно бренчит умывальником, отмывая грязь с голубеньких сандалей, которые Василек еще вчера спрятал под крыльцом:

— Ты в новых — то сандальках, видно, глину на кирпичном заводе месил?

— Они вчера такие были. На завод я и босиком сбегал бы.

— Сегодня, ребята, всей мужской компанией пойдем, банную кампанию, как положено проведем, — отец не шумит, не возмущается, угадывая хитрые капризы Василька. — Матери нет, ждать ее долго, в бане совсем выстынет. Надо идти. Собирайтесь. Иван, ты приготовил белье?

Вот и опять обращение к старшему сыну. А что сделаешь? С него спрос.

— Сейчас папа. Тебе тельняшку или футболку? — Ваня спрашивает на всякий случай, хотя знает: после бани отец любит одевать старенькую тельняшку, белые полотняные джинсы, которые мама сама кроила по бумажным выкройкам и сама шила, а полотно выпросила у бабушки Анны в обмен на ситец; ситцу как раз хватило бабке на кофту и сарафан — наряжается теперь по воскресеньям, чтобы себя и других радовать.

Ваня бежит в избу. В каком ящике взять — давно известно. Носочки, трусики, маечка и полотенце с петухом — для Василька. Носки серые, трусики цветастые, футболку голубую, полотенце с ласточкой — себе. Теперь для папы самое привычное — тельняшку и спортивные брюки. Каждому — комплект.

— Вперед! Ах, да! Веник? Ой, вспомнил! Там, в тазу мокнет. Мочалку погрубее надо взять, папа такую любит, остальные — в бане. Все готово! Три минуты — и готово. Когда все знаешь — быстро получается.

Ваня выбегает опять на крыльцо. И — пошли. Отец ведет младшего сына за руку — так надежнее: не убежит, не спрячется, а то затеет игру, прятаться начнет. Старший дорогу знает. По тропинке возле тына втроем хорошо идти. Только мама не глядит из окна, только мама не увидит сегодня, как дружно они пошли... Солнце светит, несколько ласточек, пять или шесть, проносятся над папиной головой и снова взмывают в небо, к розовому облаку, похожему на фламинго.

— Папа, отремонтируй велосипед трехколесный, — просит Василек.

— Ладно. Скоро новенький будет. Заказал. Может купит дядя Костя в городе на Неве. «Орленок» подойдет, конечно, для тебя на вырост, а старшему — что — нибудь придумаем. Пусть ожидает, надежда и ожидание всегда приятны.

Оказывается, Фиолетовы — дядя Костя и его сын Славик — сегодня утром ехали с папой до станции. Они родных навестить собрались, потому что у дяди Кости отпуск. На лесопункте отпуск почти всегда летом дают, а в подсобном у мамы лето — самая горячая пора. Хотела она съездить за покупками да отложила до осени. И все равно, значит, будет новенький велик! Пока Василек в детском саду, можно пока-таться, думает Ваня. Он завидовать не стал, не пустился в расспросы, чтобы узнать, еще чего папа заказал и какой сюр-приз для старшего сына приготовлен. Надо потерпеть, не выказывать нетерпеливый характер.

— Раз, два! Раз, два! Веселей братва! — командует папа. Хорошее у него настроение. Волосы всклокочены, перепутались, скатались кудряшки на затылке, шея коричневая от загара и руки до локтей коричневые, будто в длинных перчатках. Плечи у папы широкие, только лопатки под рубахой что-то сильно вы-пирают, сутулится папа немножечко, а Ване всегда говорит: «Не сутулься, держись прямей, выше голову, шире плечи!»

В предбаннике пахнет распаренным березовым веником. А как растворили дверь да шагнули в баню-то через высо-кий порог—будто в кузницу вошли, сумеречно тут, раскален-ными камнями и железом пахнет и еще хлебным духом, как в пекарне. Запоминается такой особенный воздух.

— Ой, душно, ой, горячо, — пищит Василек.—Пошли ско-рее отсюда.

Он тянется к одежде, хочет схватить да убежать.

Отец приоткрывает дверь, чтобы прохладного воздуха пу-стить, и это успокаивает малыша. А как увидал Вася свою цинковую ванну, полную воды, убедился, что она, вода-то не горячая, только тепленькая, сразу полез купаться. Пускай рас-плескивает — для него и приготовлено! Лишь бы не хныкал.

Ваня знает, что и как. Самостоятельно наливает воду в эмалированный таз, сначала два черпака холодной, потом — два горячей. И еще один горячей потребовался, чтобы не хо-лодней, чем в ванной у малыша было.

— Ванюша, не торопись. Распариться надо, разогреться. Посидим, друг на друга поглядим. Может, на полок слазаем, попаримся веничком слегка? Самую малость попаримся, — отец подмигивает, кивая на младшего сына, играющего плас-тмассовым водолазом, который с утра был принесен в баню, опять же на всякий случай; если бы Василек начал упираться, отказываться от бани, ему было бы сказано, что его любимый водолаз давно моется.

Папа зачерпывает горячей воды из котла, плещет на ка-менку. Сердитое шипенье выфукнуло оттуда, клубы пара

ударились в потолок и ласковым теплом начали оседать на голову, плечи, постепенно обволокли все тело. Приятно, будто в жаркий день на песочке. Теперь и уши не палит. Василек тоже доволен, движения у него ленивые. Млеет парнишка.

— Лужайка—это там, где лужа? А на лугу — лугайка? — вяло спрашивает он, приподнимая из воды водолазика. — Полазай по лугайке, поищи гайки.

— Лужайка, Василий, — это ровный лужочек,—поясняет отец. — Посреди нашей деревни есть лужайка. А кто там потерял гайки? Не ты ли, малыш?

— Я играю да не теряю. Про лужайку так спросил, от нечего делать... Зойка говорит, снаружи я похож на нутрию. А я ей сказал, что она из нутрии похожа на снаружию. Правильно пап? А Витька Левашов меня спрашивает: знаешь, есть рыба путасу? А я говорю, не знаю. А Витька говорит: не знаешь, так сейчас поймаешь. А я спросил, как поймаю—то? А он мне и пообещал злым голосом: такую, говорит, большую путасовку задам, на три варева хватит, как следует три раза реветь будешь — вот чего это значит.

Отец улыбается, склонился к сыну, трогает его нежные матово—розовые плечики, пальцем проверяет мускулатуру на руках.

— Ты у нас крепкий, никакой потасовки не испугаешься, правда? Витька, просто шутит. И ты не сердись в ответ, шутливое слово скажи.

— Хороши эти шуточки. Я ведь вижу куда клонится, к драке ведет, давно Витька—то к драке дело клонит. Можно, я ему дам по зубам, у него зубы дразнятся, вот. И рот полорот. От этого бобра не жди добра.

— Где ты такое слышал?

— Девчонки сказали, они все знают. Надоел им этот Витек, по зубам давно просит, девчонки сказали. Я ему дам по зубам, папа? Драка будет, правда?

— Первый не начинай. Но и не трусь в крайнем случае.

— А чего трусить? Ты ведь сильнее Витькиного отца, сильнее и моложе. И ростом выше. У тебя вон какие каш—ники кулаки—то! За меня и Ванька заступится. А у Ваньки друзей много. Женька Белов, знаешь, какой ловкий. Коля Заботин настырный, настырнее всех. Так и лезет, так и подпрыгивает с кулаками. И Сенечка Семечкин за нас, поможет. Он на гитаре умеет играть, у него руки развитые.

Отец снова украдчиво улыбается, но поддерживает разговор, поддакивает. Даже задает вопросы:

— Значит, не струсишь?

— Нет, струшу. И правой и левой могу. Тоже как подпрыгну, как дам! — Василек ударяет левой ладошкой по воде,

чтобы звучно получилось. Он пытается привстать, но скользит и падает на папины ладони — сам не заметил падения и продолжает: — Папа, скоро зима. Купи Ваньке лыжи, мне коньки с ботинками, а себе снегоход — маму и нас покатаешь.

— Готовить, значит, сани летом , а телегу — зимой.

— Ой, телеги не надо, папа. Лучше танкетку вездеходную.

Вроде и хитренький Василек да наивный все равно, ду — мает, больно приятно отцу пустяковые разговоры вести, на — стырные выходки терпеть. С одного на другое, с одного на другое перескакивают затеи малыша: то пищит, то спраши — вает, то хнычет, то от щекотки хохочет — заливается. С таким в баню ходить одна морока, ну, разве это мытье? Вот Ваня без лишних разговоров, без лишних вопросов забрался на полок, хлещет себя распаренным веником, со всего маху дубасит, только крякает да краснеет. Еще бы разок на каменку плес — нуть. Еще бы парку маленько поддать! Но из — за этого ма — лыша нельзя.

— Кто эскаватором копает — эскаваторщик?

— Научись выговаривать — потом спрашивай. — Со — ветует старший брат младшему. — Экскаватор. Понял?

— А кто лопатой — лопатник, да? — Василек будто не слышал. — А кто вилами — вилыцик? — Снова сыплет воп — росы, никак не уймется. — Почему собаки не носят лапти, у них ведь лапы? Почему куриц много, а петух один? Почему поют «бура — бурый Буратино», он ведь желтый, из дерева? Зачем живого из дерева сделали, а? Чтобы крепче был, да? А верхолазы что ли верхом лазают? Чего молчишь, ты разве не знаешь, папа?

— Думаю, сынок. Очень хорошо думаю: спрашиваешь пра — вильно — значит растешь, ума набираешься. Приятно слушать.

— А девчонки про Витьку — драчуна сказали: сила есть — ума не надо.

— Мужчины, вы тут? — это с улицы спрашивает мама и хлопает дверью предбанника. — Со всех ног бегу, думаю, успеть бы пока баня не выстыла. Ах, вы мои хорошие, мои розовые, чистенькие, пригожие, — тараторит она.

— Зря торопилась, у нас полный порядок. Банная кам — пания в разгаре. А у вас как? К сенокосной кампании гото — вы? — интересуется отец.

— По — прежнему. Хлопот полно. Работы да заботы не убывает, а лодырей нынче развелось.—Мама бренчит эма — лированным ведром. — Не выстыло в бане — то, Коля? Хоро — шо, березовыми дровами протоплено. От веников аромат.

— Как раз. Одного вымыл, другой — самостоятельно

— Я к маме хочу, я с мамой буду мыться, — ноет Василек.

— Сыночек мой, — ласково говорит мама Нина, приотк — рывая дверь. — Давайте его сюда, давайте его мне скорее. Ох ты, груздочек какой! Ой, пирожочек розовый. Мой хоро — ший, — она входит в баню.

Ваня еще сильнее хлопает веником, показывая свое уме — ние. Он будто и не смотрит на маму Нину, но знает, как она выглядит: румяная, волосы выбились из — под косынки, две прядки прилипли кольчиками на лбу. И руки у мамы заго — релые до плеч, потому что в безрукавной кофточке ходит. Юбка на ней коротенькая со складочками спереди. Ване нравится эта зеленая — защитного цвета — юбочка, в ней мама выг — лядит еще моложе, чем в коричневой.

Теперь все внимание Василечку. Его окатывают, тетеш — кают, хвалят за то, что упитанный, плотненький мальчик, и цвет кожи у него хороший, забурелый, и ссадины на коленках под — живают. А как одели возле дверей да приготовили его рас — паренного, чтобы на руки взять, Василек и глаза зажмурил, притворился спящим: несите, пожалуйста.

Вот теперь хорошо! Остались с папой вдвоем! Теперь настоящая мужская компания! — радуется Ваня. Можно на всю катушку, как отец говорит, полный жар и полный пар!

— Папа, плесни черпачок! — просит Иван, чувствуя в себе взросление.

Эх, как заплясала вода на горячих камнях! Ох, как заши — пело в печи, как зафырчала, зафыркала паром, расфорсилась каменка, заклубила, затуманила в бане! А всего — то два непол — ных черпака в самую даль плеснул папа Коля. Ловко плеснул, с хитрецой — воду веером сумел разбрызнуть. Знает, как надо: сбоку встанет, словно спрячется от кого — то, плавно замахнётся да как шуранет с вывертом! И оттуда, из печи, из — за дверцы маленькой, вроде как змей — горыныч фукнет сначала, а потом шипит. Так — то, значит, два раза сердилась каменка. Некото — рое время кажется, что там, в кирпичной кладке,закипает са — мовар, а потом — будто бы осенние листья под ветром шумят. Засветилась электрическая лампочка — мама, видно, пришла домой, щелкнула выключателем, который на кухне специально для бани поставлен, свет в баню подала. Догадливая мама.

Отец крякает от удовольствия, шумно вдыхает жаркий воз — дух. Он теребит, вихрит в руках распаренный веник — оро — шает себя и сына. Ваня лежит вниз лицом, положив голову на руки. Сейчас — он точно знает — начнется самое приятное. Отец легонько хлестнул себя по груди и тут же точно так хлестнул Ваню по спине. И пошло! Веник играет, припля — сывает, захватывая пар, шумит маслянистой листвой. Сначала пахло земляникой, потом — малиной, а потом — свежим мед —

ком, будто бы вот раскрыли в жаркий день хорошо работающий улей: пчелы гудят на рамках, пчелы вентилируют между рамками, чтобы мед от жары не разжижался и не вытекал из ячеек. «В жару-то пчелам работисто, — однажды говорила бабушка Анна. — Меду наноси по крупицам да вентилируй его пока соты не закрыты. Вот и продувают. Слышь, как они крылышками гонят прохладу».

— Теперь на прохладу пора, — говорит отец. — Тебе, сынок, хватит. Детям нельзя долго! От излишества пользы не бывает.

— Вот так долго. Я ведь закаленный, пап. Можно еще?

— Хватит, хватит, — настаивает отец. Ничего не поделаешь: значит, надо слезать с полка. Ваня ногами нащупывает ступеньки, потому что зажмурился от жары, ничего не видит. Вот так же, наверно, трудно смотреть, если спускаешься по отвесной скале, думает он и решается спросить:

— А скалолазы обратно тоже по отвесной скале спускаются? Им ведь в тумане плохо видно?

— Скалолазы? — отец медлит с ответом, размышляя, почему-то с удивленьем посмотрел на сына. — Они специально для этого подготовлены. Друг друга выручают. У них подстраховка. В случае чего и вертолет на помощь прилетит. Сейчас подъемы надежно организованы. Спуски — тоже.

— Я знаю. Только все равно непонятно: почему они по отвесной скале на гору лезут, можно бы обойти.

— Интересно им. Себя испытывают. Каждый человек хочет знать на что он способен, — отец все-таки подумал, что упарился сынок, надо заканчивать банную кампанию. — Фу, жара-то какая! Руки прямо не терпят. — Он приоткрыл дверь, чтобы пустить свежего воздуха. — В голове-то не тункает, Ванюша? Сказывай, если упарился.

— Ой, да еще сколько угодно могу, — храбрится Ваня. — Скалолазы, водолазы, летчики, вертолетчики, подводники всегда самые крепкие, самые закаленные. Но самые, самые, самые — это космонавты, правда?

Николай окатывает сына тепленькой водой, но тот просит воду похолоднее. Что ж, можно развести, добавить в таз еще холодненькой.

— Ну-ка, руки по швам! Солдатиком стой. Вот хорошо. Молодец, не дрогнул. Значит, привыкаешь. Мы с тобой не первый раз так-то. Нравится, ли?

Конечно, очень нравится. Ваня доволен: хорошо в баньке! Ох, приятно! Он хочет стать взрослее, крепким, уверенным. Даже в движеньях старается подражать отцу. Одевался так же неторопливо. И так же пыхтел, крякал от удовольствия. И так же огляделся вокруг, когда вышли из бани.

Небо на закатной стороне малиновое, лишь кое — где виб — рируют тонкие последние облака. Далеко — далеко кукует ку — кушка. Возле кузницы звякают железки — небось, Груздевы разгружают запчасти. Вот сейчас сбегать бы туда.

Но сегодня банный день. Никто никуда не имеет права убегать. Сегодня семья в сборе. И будет какой — то сюрприз.

Возле крыльца Ваню дружески окликнул Сеня Семечкин:

— Постой, Ваня! Ва — а — нь, постой, чего — то скажу.

Отец не остановился, взмахнув полотенцем, прыжками вбе — гает на крыльцо — отличное, значит, у него настроение.

— Слушай, — шепотом говорит Сенечка. — Четыре ящика чего — то Груздевы привезли. Не знаешь, чего?

— Не — ет, не знаю. Запчасти какие — то для ремонта.

— Ребята говорят, стрекоталки — брекоталки начали кон — струировать. Это что за чудо такое стрекотально — бреко — тальное?

— Военная тайна, — на всякий случай сказал Ваня, хотя и сам не знал о чем речь, какие запчасти привезли, что будут ремонтировать.

— А мне мама письмо написала.... Если здесь хорошо буду себя вести, осенью купит компьютер. Я умею управлять компьютером, комбинации всякие могу составить и чертежи разрабатывать научусь.

— В нашей школе нет компьютеров, нас этому не учат пока. Мы, наверно, в большой город с папой поедем какой — нибудь сюрприз подбирать, — Ваня вдруг вспомнил, что у Се — нечки почему — то нет родного отца, только осенью появится отчим. Так однажды Сенечка говорил и признался, что иногда он завидует всем, у кого заботливые отцы. Ваня спохватился, сочувствуя закадычному другу, и поспешил уточнить. — Так я придумал, никуда мы не поедем, родителей начальство не от — пустит. Вот кончится летняя страда, мама Нина пойдет в отпуск и повезет сынов к сестре Тамаре в Волгореченск.

— А я щуку поймал, во — о — от такую! — Сенечка по — спешно размахнул руки, показывая размер, упоминание своей матери, своего города будто бы и не слышал. — Хорошая щука взяла, на полтора кило будет. Сейчас бабка уху варит. Попробовать хочешь?

— Нет, некогда. У нас праздничное застолье сегодня. Приходи.

— Нет, тоже некогда. Ну, покедова. — Сенечка дружески приобнял Ваню, а потом хлопнул по плечу. — Завтра встре — тимся. Ой, совсем забыл. Я сегодня тебе собственную песню подарю. На день рождения.

— Разве у меня день рождения? Ура — аа! Сейчас маме скажу.

Конечно, постесняется он сказать, не станет на поздравления напрашиваться: сами родители должны сюрпризы готовить. Может быть, все продумано у них, все приготовлено.

...Когда мама пришла из бани, распустила волнистые черные волосы по плечам да как улыбнулась папе, в комнате сразу светлее, теплее, уютнее стало. Пыхтит на столе самовар. Чайный сервиз золотыми листиками сверкает. А на тарелке приманчиво пахнет земляника с медом. Аромат стоит! Вкуснятина!

Василек, будто у него день рождения, на главный стул забрался — самое любимое место этот стул с высокой зеленой спинкой. Сидит Василек-Царевич, принимает нежности родителей с двух сторон, чмокает, прикасаясь пальчиком к землянике, и нетерпеливо повторяет:

— Чайку хочу, чайку с зам-маничкой,—так он землянику называет, потому что она его больше всего манит, ни печенье, ни пряники, ни конфеты шоколадные—ничего не нравится, если мамочка приготовила такое лакомство.

— Всем надо попробовать, — говорит мать. — Но самому маленькому в первую очередь. Остальные за ним — по росту.

Вот так всегда. Ваня привык к этому первенству младшего брата за столом. Пускай себе наслаждается, раньше Ваня тоже был самым первым, единственным даже. Он мог бы и не пробовать эти ягоды, прямо с веток не хуже еще. Конечно, те, которые мама нашла, ароматнее, слаще, вкуснее. Мамина ягода самая сладкая! Но ведь Ваня и сам умеет землянику на пригорках искать. Если на то пошло, завтра он может целый литровый бидончик принести, ягоды вызреют на пригорках, обязательно посчастливится.

— Пап, а когда всю зам-манику скушаем, чего будем делать? — запасает для себя обещания хитроватый Василек. — А телик, то есть телевизор, — исправляется он, — сегодня чего показывает?

— Телевизор у нас в отпуске, ребята! — конкретно говорит отец и опять взглядывает на маму. — Сегодня семейный просмотр сказки «Золотой ключик». Вот попьем чайку, по-семейному будем беседовать.

Но теперь Василек начинает спешить — не терпится. И земляника не так сильно заманивает — быстрей бы ее уплести и ладно. Вытер пальчики салфеткой, с растопыренными руками слезает с высокого стула:

— Где теперь садится-то?

Родители опять потакают его желаниям — торопятся, чтобы не квилить перед сном. Чаепитие свернули, не долго наслаждались. И разговоров интересных не получилось. Вышли

из — за стола, поставили стулья в рядок. Три стула — для Ва — силечка, для папы, для мамы. А для Вани и стула не постав — лено, ему особое место предназначено.

— Киномехаником будешь у нас! — отец выносит из — за переборки большую яркую коробку. Неужели компьютер — тогда это настоящий сюрприз?! Увы, только фильмоскоп. По — думаешь. Разве это сюрприз. Давно, года три назад, у него был такой, разобрать пришлось: линзы подарил Женьке Бе — лову да Коле Заботину, чтобы от дружбы не отказались.

Долго ли подготовить фильмоскоп? Ваня раскрыл коробку, размотал рябенький шнур. Рамочку взял, пленку зарядил. Штепсель уткнул в розетку. И — можно начинать. Вместо экрана — белая переборка. Вместо зрительного зала комната субботних чаепитий. А вход свободный. Располагайтесь, ува — жаемые зрители. Перед сеансом лекцию послушать не хо — тите ли? Лекцию о воспитании детей? Может, лучше про детские капризы? Может, чего — нибудь из цикла «Родителям о детях?» Или из цикла «Детям о родителях»? Или из цикла «Для за — бывчивых пап и мам»? Что, родители, угодно вам?

— Внимание, начинаем! — Ваня, словно заправский кино — механик, важно сидит на маленьком детском стулике, — в этот раз не пожалел его жадный Василек. На экране уже светится название, Ваня сказочно читает: — «Золотой ключик или при — ключения Буратино». — И от себя демонстратор добавил по — яснение: — Эту сказку написал Алексей Толстой, потому что в детстве он читал книгу о похождениях деревянной куклы, но потом эта книга потерялась, пришлось по памяти записать ска — зочную историю и вот теперь необычайная история издана много раз, по ней сняты фильмы, диафильмы и мультфильмы, даже сериал «мультяшек» придумывают смелые постановщики.

Тишина наступила. Отдаленный писк комара слышно.

«Столяру Джузеппе попалось под руку полено, которое пищало человеческим голосом...» — читает Ваня.

Чуть — чуть повернет колесико, передвинет кадр и снова читает, обязательно что — нибудь добавляя от себя. Наверно, получалось интересно — зрители сидели очень тихо, затаив дыхание, ждали что будет дальше.

«Ох, ох, на горе себе я сделал деревянного мальчишку!» А Буратино поднял нос, огляделся и побежал домой...

Пошло, пошло стремительно одно действие за другим. В диафильме все кратко, но Ваня дополняет. Он многое помнит и дополнять умеет. Родители это ценят, а Василек не дога — дывается: ему хоть чего рассказывай — поверит. Он даже верит, что есть где — то на самом деле Страна Дураков, лиса Алиса, кот Базилио, есть такие разбойники, девочка с голубыми

волосами, благородный Артемон...и события забавные про—исходят

— «Вытащите из—под себя ногу и опустите ее под стол. Не ешьте руками, для этого есть ложки и вилки».

«От возмущения она хлопала ресницами,—по памяти до—бавляет Ваня и продолжает читать:

«— Кто вас воспитывает, скажите, пожалуйста?»

«— Когда папа Карло воспитывает, а когда никто», — от—вечает Буратино, а девочка с голубыми волосами и говорит:

«— Теперь я займусь вашим воспитанием, будьте покойны».

«Вот так влип!» — подумал Буратино.

Мама Нина рассмеялась. Папа Коля улыбнулся. А наи—вный Василек тут же похвастал: «Меня воспитательница вос—питывает».

Когда же дело дошло до Карабаса Барабаса и Мальвина трясла руками: «Боюсь, боюсь!», Василек опять признался, что он тоже боится. Ваня нарочно сгущал голос и придумывал всяческие страшные слова.

— Перед сном страшное нельзя рассказывать, — сказала мама.

— Будто первый раз,—сказал папа.

— Мне страшно интересно, — примирил их Василек.

Диафильм досмотрели до конца. Всем было радостно: Карабас Барабас «так и остался сидеть в луже под дождем», а куклы сумели удрать от него.

Мама поцеловала маленького сыночка. Папа тоже его поцеловал, а потом потянулся к маме и ее чмокнул в щеку. Им было приятно от того, что все хорошо кончилось. Сказки всегда хорошо кончаются—Ваня об этом знает давно. Ваня верит: добрые мальчики сильнее злых волшебников, но доб—рым мальчикам всегда трудно, у них чаще появляются на пути отвесные скалы. Он упаковывает фильмоскоп обратно в ко—робку и ждет, когда папа скажет что—нибудь доброе. Доброе слово и кошке приятно.

— Видишь, мать, какой сын деловой. Тут же и прибрал все. А ты упрекаешь: никогда ничего за собой не прибирают эти мужчины.

Мама, покачивая Василечка на руках, несет в кровать. Целует, конечно, в обе щечки. А отец с благодарностью по—жимает Ване руку и тоже чмокает его в затылок для общего порядка — мужчинам особые нежности не нужны.

— Молодец, умница. Иди спать. Спокойной ночи, сынок.

Ване хочется, чтобы и его проводили до полога. Он медлит и потому передвигает стулья, словно решил навести порядок в комнате.

— Еще зам — манички хочу, — вяло, уже засыпая, говорит Василек.

— Завтра. Завтра еще принесу. Спи теперь, мой хороший.

Ване кажется, что ласковые убаюкивающие слова и к нему относятся. Раньше всегда его так укладывали. Теперь Иван Летунов — парень самостоятельный. Он убегает в сени и там, словно в туман, ныряет в полог. Но эта торопливость обеспокоила отца. Может, отец почувствовал, догадался чего хочется Ване, почему обидно ему. И тоже вышел в сени. Заглянул в полог, по головке сына погладил, а молчит — ничего не обещает.

— Папа, почему человек летает во сне? — спросил Ваня.

— Я тоже в детстве летал.

— А на чем, папа? У тебя тоже был батискаф — вертолет?

— У меня были крылья.

— А теперь они у тебя бывают?

— Конечно, бывают. Иногда мне такие хорошие сны снятся, будто бы всюду на планете нашей отличные дороги, а машина моя летит легко и бесшумно, словно на огромных птичьих крыльях...

На улице, возле дома бабушки Анны, брякнула гитара. Это Сенечка тронул струны. Он хотел подарить песню. Хорошо умеет играть городской мальчик, красиво и чувствительно у него получается. А струнные звуки все ближе.

— Папа, купишь мне когда — нибудь гитару? — спрашивает Ваня.

— Конечно, куплю, если нравится, если хочешь играть. Я вот на гармошке пробовал, самостоятельно хотел научиться да терпенья не хватило. — Признался папа, правду сказал. — Ко всякому хотенью, сынок, нужно терпенье.

— У меня терпенья много. Я—терпеливый. Это точно, проверено. И транзистор купишь? И кассетный магнитофон? Еще кроссовки «адидас»?» И штаны»бананы?» И компьютер нам с Василечком? Когда стажевые выплатят, купишь? Еще велосипед с наворотами, чтобы не хуже других, правда?

— Ой, как много всего сегодня хочется, а завтра поубавишь? Спи, терпеливый. Утро вечера мудренее.—Отец уходит, чтобы долго разговаривать с мамой про семейные и домашние дела, про лето красное, которое припасихой называется, да еще о работе неотложной. Слушать их не переслушать. И говорят они едва слышно, шепотом, чтобы дети все секреты не знали.

...Сенечка играет совсем близко, кажется, он пришел на крыльцо к Летуновым. Немного медлит, помурлыкал подбирая ноты, некоторое время сидел в тишине и начал петь свое подарочное сочинение:

Гордо и смело плыву на плоте
По бурной реке в темноте
На поиски розовой птицы фламинго.
Пой, гитара моя, веселей,
Приглашая надежных друзей
На поиски розовой птицы фламинго.

Он повторял свою песенку несколько раз. Все тише, задумчивее пел Сенечка. Может, и не пел, а только играл найденную мелодию. Так долго играл, что Ваня, сочувствуя, успел заснуть.

И показалось ему во сне: в этот раз он быстро нашел поляну, с которой только что поднялись дружной стаей розовые птицы. И рассвело. Ваня хотел тоже взлететь вслед за ними. Но вместо бесшумного батискафа — вертолета высветился другой летательный аппарат, похожий на сдвоенные тарелки, будто три пары сдвоенных тарелок—трехэтажный аппарат. Невидимая стена преградила путь. Требовался золотой ключик, чтобы открыть потайные ворота. Будто бы Света Скороспелова, похожая на Мальвину — волосы у нее тоже стали голубыми, идет по березовой роще, а рядом с ней катится новенький велосипед, надежный подростковый велосипед марки «Сюрприз», с седлом из коричневой кожи, на четырех пружинах, с тремя звездочками на втулке и переключателем передач, две фары есть и две динамки. А на руле того велосипеда махонькая зеленая подушечка, на подушечке — слепящий блеском золотой волшебный ключик, которым можно осуществлять новые замыслы...

Но за кустами лает Арта... трубит пастущий рожок. На близкой дороге, набирая скорость, гудит папина машина, а возле мастерских рычат моторы трех отремонтированных тракторов.

Наплывали туманно — сонные видения. Из — под дальних облаков явился Виталий Груздев, выполняя чье — то поручение, проскакал на белом крылатом коне. За ним в готовности исполнить любой приказ устремились на легких тачанках дружные отроки, увлеченные новым испытанием.

Кузнец кует для правнуков даже в день испытаний

— В одну шеренгу становись! — командует Виталий Груздев лучше учителя физкультуры. Жестом указывает место построения и сам стоит четко, по-солдатски. Потертые джинсы с кожаными нашивками на коленях ладно подогнаны, закатаны рукава зеленой рубашки, погончики на плечах кстати, рябая соломенная шляпа «Сомбреро» сдвинута на затылок.

Дедушка Степан стукнул молоточком по наковальне.

— Суетливый пусть потерпит, младший пусть поучится.

— Скала условная. Стена сарая вместо скалы, — поясняет строгий руководитель. — Надо представить, что там, за ней, кто-то нуждается в помощи. Иного пути нет, ты должен преодолеть эту скалу, чтобы спасти попавшего в трудную ситуацию. Итак, стартует операция «Скалолазы».

— Смогу! Готов выполнить! — Белов делает шаг вперед, растопырив руки, втягивает живот, чтобы плотнее завязать монтерский пояс. Коля Заботин проявил расторопность, словно по команде, занял место у подстраховки — на углу, тут, оказывается, прикреплен второй блок — валик с шестеренкой, изогнутой ручкой и стопорным рычажком-трещеткой. Механизация! Тоже изобретение руководителя — сразу видать, по тем чертежам, которые он в школьной мастерской разрабатывал, сделано. Когда только успели дружные ребята оснащение это приспособить! Им, наверно, дед Степан помогал. Вот жалость-то, думает Ваня, как раз вчера банная кампания

была, а Сенечка ни словом ни обмолвился, песенки сочинял, развлекался, нет бы поделиться такой новостью. Теперь по-здно предъявлять претензии. Виталий засекает время:

— Восхождение началось!

Женька подбегает к стене. Сверху летит белый мешочек с песком—груз, который притянул веревку. Одного уверен-ного движения было достаточно, чтобы со щелчком зацепить карабин и проверить прочность:

— Готово!

— Пошел! — раздается команда.

Какое-то мгновение Женька был похож на суетливого растерявшегося пожарника. Но вот, подпрыгнул, уцепился обеими руками за нижнюю скобу, рывком вынес ноги в сто-рону, качнулся и взлетел, дотянулся ногами до штыря. Пови-сел так мгновение, цепляясь левой рукой за щель, вышел в упор на правую руку, обеими ногами — на прочную метал-лическую ступеньку, с нее, подавшись чуть вправо, перешел выше, а там снова — влево и чуть выше, так зигзагами, уве-ренно, в темпе добрался до самого конька.

— Минута и сорок! — объявляет Виталий Груздев.—Лучше вчерашнего на десять секунд. Заметный рывок! Как там, да-леко видишь?

— Далеко, очень далеко. За перелеском косари косят зак-рай возле ржи. Пастух Ефим на берегу отдыхает. Наверно, смотрит, как наша кошка Василиса ловит рыбу своему ко-тенку. А вдали тракторист Левашов картошку окучивает. Ка-кая-то машина за рекой пылит, вроде «уазик».

— Если все высмотрел, разрешаю спуск!

Сенечка прикасается к Ванькиной спине и шепчет:

— Сейчас ты пойдешь на скалу. Начинай с правой сто-роны, там сделаны ступеньки почаще — для первого прохода.

Летунов встал точно так, как стоял перед стартом Женька Белов. Он тоже приподнял руки, выдохнул шумно и сильно втянул живот.

— Хи, какой комарик! — хихикнул Заботин. — Да он перервется сейчас.

— Я еще тоньше, да ни разу не перервался.—Сенечка, защищая друга, одернул Колю. — Тебя не спрашивали. По-молчал бы, настырник.

Летунов Иван остался один перед отвесной «скалой». Думает: стена похожа на обрывистый берег, потом сравнил ее с пожарной вышкой. И вдруг вслед за петушиным кри-ком прислышался ему зов на помощь: «По-моги-те-е!» Он вспомнил, как прошлым летом на заречном болоте, когда ходили за брусникой, отстала Света Скороспелова, она

провалилась в трясину возле пенька, не сильно провали—лась—то, не глубоко, но ужасно испугалась и так сильно кричала, что вмиг со всех сторон подбежали к ней на помощь маль—чишки — выручили из трудной ситуации.

— Можно, я буду Светку спасать? — спрашивает он так тихо, чтобы слышал только Виталий, проверяющий надеж—ность крепления веревки к поясу. — Я на помощь сейчас иду. Разрешается так думать?

— Можно. Представь, что Света в большой опасности, ты, только ты можешь спасти, а путь у тебя один, самый крат—чайший, но самый трудный. Пошел! — ободряюще подтолк—нул командир. — На взлет, то—есть на штурм! Ну, как тебе нравится. Наверно, лучше на взлет?

Ваня пока не знает, что лучше: взбираться или взлетать. Может, в словах был намек: смелей, в случае чего, мол, подтяну — пташкой взлетишь до самого верха, не бойся! Надежные товарищи рядом и наготове.

Отдаленно поет петух, а слышится: «Помоги—тее!». Пер—вую часть взлетного пути Ваня преодолел вроде бы легко и быстро, потому что взял вправо, где скобы размещены ближе друг к другу. Удобно подвернулось под ногу узенькое око—шечко, пропиленное в стене сарая. Тут можно задержаться, чтобы собрать силы и осмотреться. Он глянул вниз и понял, что взлетел невысоко, на уровень собственного роста. А впе—реди — как вверх—то посмотришь — огромная синяя скала, вроде бы накренилась она, вроде бы падать начала. Это по—казалось, просто показалось, потому что в небе плывут легкие быстрые облака... Страшно́.

— Смелей! Вперед! В честь дня рождения — твое вос—хождение!

Ваня раскачнулся, как это делал Белов, и сумел заце—питься сразу обеими ногами за другую скобу, но теперь надо все тело вынести снизу вверх, чтобы принять удобную ус—тойчивость, а не висеть, словно в гамаке? Быстрее надо, си—лы—то убывают. Мальчик напрягается и чувствует легкость в теле, вроде пояс теперь помогает ему, тянет вверх. Можно бы за веревку схватиться и тогда взбирайся по ней, как по канату. Но такой взлет будет не по правилам. Возле скал веревки никто не подвешивает заранее.

Теперь ему кажется, что он действительно карабкается по каменной скале, отыскивая щели, уступчики, а не взлетает. Мед—ленно получается, но надо спешить. Там, наверху, все слабее зовут на помощь. До карниза — верхнего выступа не так уж много осталось, три Ваниных роста. Глянуть бы вниз, далеко ли до земли. Потным виском он прижимается к теплому бугорку

— так ему кажется, именно на бугорок похоже бревно, ведь не все бревно видно, а только часть его, ту часть, что перед самым носом. Выше, еще выше! Ну, подтянись, подтянись чуть — чуть и достанешь правой рукой до предпоследней ступеньки! Но тело ослабло, не повинуется. От усталости, от страха? Руки цепко ухватились за прохладную скобу, все силы уходят на то, чтобы держаться, а на подтягивание не остается. К лицу лезут на — доедливые мухи, глаза щиплет соленый пот. Ваня теряет, почти теряет волю над собой, не знает, что делать дальше, и висит так, словно распятый, выпустив из — под ног опору, не пытаясь ее поймать. Внизу жалобно скулит — переживает за него Арта.

И снова снизу кто — то подталкивает. И снова сам себе он кажется легче. Приходит второе дыхание, пусть не само по себе, а с помощью Виталия Груздева. Он ведь только чуть — чуть помог, самую малость, так помог, что никто ничего не за — метил, даже Коля Заботин молчит, он — то сразу бы захихикал.

— Садись на слегу и держись за нее, уверенно смотри вперед и выше.

Вдруг исчезают и слега, и крыша, и блок, и веревка. Ка — жется, в бесшумном прозрачном вертолете парит Ваня над лугом, над кузницей, над картофельным полем, над дорогой, по которой каждый день проезжает отец. Вот бы углядел он издалека своего сына сейчас, вспомнил бы о том, что никогда забывать нельзя, если обещал — обязательно выполняй.

— Рассказывай, что видишь, — приказывает Виталий Груз — дев, а сам, беспокоясь за младшего в команде скалолазов, стоит настороже с приподнятыми руками ладонями к небу.

— Вижу, все вижу! — Ваня сообщает и еще сильнее дер — жится за слегу. — Как просторно, ребята. Красиво — то как! — Он начинает фантазировать, но ему , конечно, верят. — А река вся блестит чешуйками, только на омуте гладко. Ой, там фламинго! Правда, фламинго. Взлетели. Опять взлетели... Может, кто — то спугнул. Кажется, там кто — то с ружьем ше — велится. Я сейчас крикну. Можно?

— Кричи, если дыханье не перехватило.

А крикнуть не смог почему — то. Он и сам не знает, точно ли видел этих птиц, человека с ружьем или просто так поду — малось вдруг, потому что мелькнули птицы и тут же исчезли, словно растаяли, а куст под ветром на человека в плаще и с ружьем на мгновение сделался похожим.

— Еще чего видишь, Ваня? Плота не видать там? — Сеня спросил.

— Нет, не видно. Дядя Леша на тракторе через реку пе — реезжает. Точно, он — у трактора щиток в горошинку. Чего — то на санях везет. А за ним — еще кто — то на новеньком

трактore. Вот повернули, за кустами скрылись. Через Бара — новицу, видать, поедут... А там бабушка Анна теленка навя — зывать в ограду повела. Брыкается теленок — то. Бинокль бы сейчас. Отсюда все разглядеть можно, и деревню, и поселок, и дальнюю дорогу.

— Повторяю: объявлен спуск. Восхождение засчитыва — ется. Спускайся, Ваня! — уже третий раз просит руководи — тель. Но не хочется расставаться с простором и высотой. Теперь не страшно. Ничуть не страшно. Ваня не боится, он любит высоту, она его ласкает и помогает держать равновесие.

— За рекой два лесовоза под разгрузку пришли. Коля Заботин, там вроде бы отец твой приехал.

— Пускай, — отмахивается Заботин.—Подумаешь. Он четыре раза в день приезжает. Четыре рейса — две нормы. Завсегда две.

— Мама! Я маму вижу. Она отдыхает. И Василек рядом. Опять его мама земляникой кормит.

Летунов нарушает правила игры «Скалолаз», но на него не сильно обижаются. На него почему — то терпеливо смот — рят, внизу ожидают с победой.

— Но по ступенькам сбегать я не умею, — признается мальчик. — Я так не умею. Можно, я полечу. — Сначала он боязливо держится за слегу, потом за верхнюю скобу, хочет ногами нащупать опору и никак не получается обратного бега по отвесной скале. Жутко теснит в груди. Сердце сжимается, ощущая падение. Надежный пояс возвращает уверенность. И вот Ваня планирует, раскинув ноги в стороны и растопырив руки, выдающие желание побыстрее приземлиться, все — таки летит, ему даже кажется, что парит над землей.

— Хе — хи — ха! — напоминает о себе Коля Заботин. — Вернулась кое — как лягушка — путешественница.

— Разговорчики, — обрывает руководитель. — Хорошо, что он не смотрел вниз, а все время вверх. Вот и выдержал испытание.

Ваня торопится встать, но земля почему — то выскальзы — вает из — под ног и качается. Неужели в коротком парении так сильно укачало?

— Его теперь и на стрекоталку — грохоталку можно пус — кать? — спрашивает Заботин, будто ему хочется, чтобы Лету — нова не зачислили в особую сенокосную бригаду и сейчас при подведении итогов об этом объявили.

Теперь смелый Семечкин полноправно на скалу пошел. Он ловкий, потому что тонкий, гибкий, ему себя поднимать не трудно. Как червячок — шагомер шагает вверх по стене, вроде и не цепляется за скобы, мигом вынырнул над крышей, ловко

вкарабкался и, встав уверенно во весь рост, развел руки, вот-вот полетит на зависть детям и взрослым.

— Я сейчас выше всех. И дальше всех вижу! — похвастал Сенечка. Сделал несколько шагов по коньку. — Покачивает, правда, будто на подвесном мостике над рекой. Ребята, вы такие маленькие внизу-то... А меня, наверно, видят эндонавты, которые вон за тем облаком спрятались. Видите, там ихняя летающая тарелка, над лесом, видите, зависла?

Такое наблюдение только что взошедшего на «скалу» никого не удивляет: любит этот Семечкин фантазировать, он много читал книг, компьютером может управлять, знает всякую всячину про другие цивилизации, очень загадочно может рассказывать, если слушатели подходящие собираются.

А Сенечка продолжает:

— Прямо по воздуху идет ко мне. Точно ведь, ко мне идет маленький эндонавт. Вот протягивает руку. Я первый из людей поздороваюсь с ним! Чур, я первый! — и закачался, замахал руками, того гляди, сорвется фантазер.

— Верхом садись! — тревожным шероховатым голосом просит Виталий Груздев. Но Сенечка сделал вид, что не слышит команду.

— Да не упаду! — хорохорится еще.

— Балансируй руками! Шире руки-то разведи! — советует Виталий.

Дед Степан тоже из дверей кузницы советует:

— Только не наклоняйся, не гляди под ноги!

Страшно всем стало. За Сенечку страшно. Каждый из мальчишек представлял себя на его месте: один на такой высоте, а тут еще про эндонавтов придумано да и покрасоваться перед деревенскими хочется.

Виталий Груздев ловким акробатическим размахом выметнул ноги вверх, зацепился носками за скобу, рывком подтянулся, встал — и уже возле верхней слеги, рядом с Сенечкой. Почему-то не доверяет подстраховке. Почему-то кинулся выручать? Может, ему показалось: мальчик в опасности. Может, поверил, что эндонавт по воздуху идет, что с этим эндонавтом вздумается мальчику полететь намного быстрее звука? Он знает, он читал. В каком-то романе написано: можно летать даже со скоростью мысли. Да-да, так и написано. Фантазия? Может и не фантазия, когда-нибудь получится такойц полет. Подумает человек: надо там-то побывать, нажмет кнопочку и — пожалуйста, уже на другой планете, и на землю смотрит оттуда, маленькая земля-то, такая маленькая, что жаль ее, как маму, когда далеко уезжаешь. И не так страшен космос, если есть куда возвращаться.

Сидят на крыше двое, а снизу на них завистливо смотрят еще пять человек. Вот бы всем в один корабль, вот бы всем вместе.

— Красота! Сверху земля всегда красивее кажется, по-тому что больше видишь! — восхищается Виталий Груздев, прижимая к себе фантазера Сенечку, мечтает о самой близ-кой возможности для отряда. — Теперь можно и на дальние поляны ехать. Будем осваивать забытую технику. С нее нач-нем. — Он посмотрел на деда. — Третий день кузнец кует для нас, ребята. Вообще-то он всегда для других работает, но в эти дни столько сделано. Давайте дружно скажем «Спаси-бо! Спасибо кузнецу!»

Мальчишки еще и не знали, что именно ковал кузнец для них, но все равно крикнули отчетливо по слогам:

— Спа-си-бо! Спа-си-бо! Спа-си-бо!

Дедушка Степан только прищурился, будто не слышал благодарности, но жестом пригласил ребят: А им только это и надо для разнообразия. Именно так и сказал Виталий:

— Одно другому не мешает. Полезно для разнообразия.

— Теперь на огонь глядите. Полезно у горна постоять, — дед подтвердил.

Он помешал угли в горне маленькой кочережкой и по-дает ее Женьке:

— Шуруй легонько, нагартывай уголь на огонь.

Нагартывай — значит, подправляй, накатывай, потому что сейчас уркнет включенный электромоторчик, погонит воздух и снова станет в кузнице жарко. Женька старается, важность в себе чувствует. Ребята стоят тут же, возле опечка, низкого горна, который еще кузнечным очагом называется. Гудит в горне, искрится, синеет кузнечный жар, способный калить ме-талл до бело-желтой вязкости. Два прута, уткнутые в этот жар, быстро подготовятся для поковки. Они распланированы, размечены легкими метками по местам сгибов. Но что будет выковано из этих заготовок — ребятам пока неведомо, знают одно: сейчас кузнец опять будет ковать для них точно по размерам, не зря же Виталий складным метром обмеривал у каждого длину бедра, голени и стопы. «Кузнец кует для нас». А как он делает это, как орудует молоточком — всегда любо глядеть. Интересно. В кузнице всегда интересно.

Каждый летний день часа три кузнец Степан Федорович работает возле этого горна, возле этой наковальни. И сам он стар и кузница состарилась, осела. Собирались было ее раз-ломать да новую поставить, только дедушка не дал согласия: «На мой век хватит, — сказал, — придет другой мастер, по его заказу будете строить». Это он директору говорил, Ваня слы-

шал.— Крыша есть, ветром не дует, мехи не качай. Чего еще надо. — Тоже дедушкины слова. — Тиски да наковальня тут, уголечку напасем. Знай, стучи — не ленись».

По утрам слышна работа — дедушка Степан в кузнице вызванивает словно бы на весь белый свет успокаивающее, доброе: дон—дон—дилинь. И вот теперь он согласился ко—вать для ребят, конечно, по заказу Виталия Груздева. Не про—сто так, не на глаз, а по чертежам, на которых размеры указаны стрелочками и обозначены миллиметрами, точь—в—точь, как на чертежах для уроков труда в школьной мастерской, где азы столярного и токарного дела можно осваивать.

Коля Заботин не вытерпел и давай похваляться, что знает:

— Стрекоталки—брекоталки будем налаживать. Дума—ешь, Виталий просто так твои ноги измерял? — шепчет он Летунову. — Фигоньки, просто так не бывает. Надо подо—гнать педали, чтобы вокурат было.

Какие стрекоталки—брекоталки с педалями, для чего раз—мер бедра, голени, стопы потребовался? Не терпится узнать, а не спросишь заранее, нельзя спешить — поторапливать, свое незнание выказывать. Ваня стоит возле горна и воображает, что находится в каком—то огромном цехе, где разрабатывают и собирают новейшие летательные аппараты.

Белов легонько нагартывает уголь на огонь— ему дове—рено, он может, а другим, значит, еще рано доверять. Коля Заботин из проволоки выгнул кочережечку, тоже тянется не—заметно, чтобы понагартывать, а Женька его отпихивает лок—тем: «Не лезь, не мешай!» Сенечка нашел обломок рессоры:

— Может, на педаль подойдет? Или сиденье укреплять?

— Прибери, пригодится, — сказал Виталий.

И опять Ване пока не ясно: какая педаль, какое сиденье? Вот как плохо, когда не знаешь что к чему. Проронишь, про—пустишь хотя бы час один, и уже отстал, меньше других зна—ешь, не понятно ничего.

Примагничивает к себе кузнечный огонь. Красно оза—рились ребячьи лица и от этого они кажутся чересчур се—рьезными. Даже Коля Заботин не хихикает, не подталкивает Ваню и не оттесняет его. Не раз бывал Ваня в кузнице, и всегда чудное волнение, какой—то особенный азарт охваты—вает его так, что забывается зачем пришел, чего непременно хотелось.

— Не пережги, — буркнул дед Степан, взмелькнув взглядом на гневно ревущий огонь. — Притрави, притрави заслонку—то.

Но кому он сказал? Виталию? Женьке? Может, Коле За—ботину? Наверно тому, кто ближе всех стоит к продувной трубе? Значит, Сенечке. Значит, ему повезло. И точно ведь, Сенечка

торопливо приплюнул на ладони и, взявшись за рычаг, на-пыжился, словно в самом деле было очень тяжело. И Коля Заботин рядом, тоже пыжится, раздувает щеки, закусив ниж-нюю губу, пристально смотрит, будто ему доверено притра-вить, то-есть слегка прикрыть заслонкой отверстие воздуховода. Но вот гуденье ослабло, пламя присело. Теперь меньше искрится в горне. Получилось, значит, точно так, как дедушка велел.

— Будет. Около дела, — кузнец длинными клещами ткнул в наковальню, наверно, для плотности в руке, ловко раздвоил их (будто большая птица раскрыла клюв) и наклонил к огню. Вот выхватил раскаленный прут, положил на наковальню, об-стукал молоточком, вдруг вместо молоточка оказалось у него в руке кузнечное зубило, похожее вроде бы на тамагавк.

Виталий приподнял приготовленную кувалду-молот и не ударил, а только опустил. Вязко, как в масле, прошло зубило. Вместо одного прута стало два кусочка. Ваня подумал, что мама точно так разрезает накатыш из теста, когда печет ба-раночки. Дедушка тут же из одного куска-обрубка скрутил желто-красное кольцо, обстукивая на заостренном конце на-ковальни, соединил, как спаял. А потом второе так же.

— Этими шайбы прижмем, чтобы на осях люфта не было, чтобы не шатались ходовые колеса.

— Точно. Понятно, — отвечает Виталий. — А из двух рессорных обломков сделаем планки прорезные, чтобы вы-соту сиденья можно было регулировать под седока любого роста.

— Когда это седло для кучера регулятор имело? Никогда не делалось. Ты чего? — дедушка вроде бы возмутился, но ковать не передумал. Только покачал головой. И жесткая борода его, упираясь в нагрудник заскорузлого фартука, шумливо шаркнула из стороны в сторону. — Ох, ребята нонче догад-ливые... Только бы улучшать, только бы переделывать. Лад-но. Привлекательно, значит быть. Пускай по-вашему. Для вас куем сегодня — так было велено, команду дали — ис-полняем. Нет возражений. Ну, по какому размеру сначала пойдем приспосабливать?

Дед поправляет очки, привязанные бечевкой, чтобы хо-рошо держались, когда на лоб сдвинуты:

— Ты говори, как следует. Чего меня носом тычешь, все равно не увижу. А со слов пойму. Вон гармонист на слух музыку берет. Заказывай, Виталий.

— Две планки тут нужны. Пластинчатая пружина болтом должна крепиться. Прорезь посередине — сто пятьдесят на четырнадцать.

— Так и говори,—дед повышает голос просто для важности, он ведь мастер, ему заказывают, он исполнять берется — качество гарантирует.

— Может, повторить?

— Чай, не на школьном уроке повторять-то. Я не шибко головой вертел при твоих задачах, все слышал. — Дед Степан сунул заготовку в горн, велит прибавить жару. Коля Заботин опять закусил нижнюю губу, показывая старательность, напыжился и оттесняет Сенечку от рычага. Теперь глядя на огонь, осторожно передвигает рычажок — увеличивает подачу воздуха, чтобы веселей раздувалось, нарастало пляшущее пламя — давало жару.

— Сперва пробойничком пройдем, а потом — гладилкой. Бери-ка, Виталий, средний молот. За один нагрев пластину-то изладим, тут — и вторую по готовому пути. Всего-то сколь надо?

— Четыре. Как раз четыре. На двои грабли.

— Рессорную сталь не жалко для этого? — вопрос к Виталию.

— Запас имеется. Из мастерской обломков-то привезли.

— Умно, значит, ведешь дело, Виталий. По отцову приметру. Отец у тебя тоже неспешный, обдумчивый, не торопыга. Не обидься, прими совет. Может, вместо прорези-то четыре отверстия пробьем. Вот и вставляй болты, на какой размер вздумаешь — так и устанавливай.

— Правильно. Согласен. — Виталий благодарно смотрит на деда. — Еще два рычага надо оттягивать, у обоих — прогиб, так вот, — он согнул пальцы чуть-чуть, — градусов на пятнадцать.

— Сделаем. Все сделаем, как надо. Для вас куем сегодня, молодые соколы, ребята удалые, — добродушно настроен дедушка.

— Мне бы попробовать кувалдой, — говорит Женька Белов, желая хоть разочек ударить по команде кузнеца в то место, куда он молоточком укажет.

— И мне! — выкрикивает Коля Заботин.

— Я тоже могу! — Сенечка заявил.

— А я пробовал уже, с папой начинали один раз,—вспомнил Ваня Летунов. — Мы в бане кочережку сгибали.

— Гляди-ка, все разом мастера-ковали. Раньше кузнецов-то ковалями называли. Бывали юные ковали, как раз при ваших возрастах. Рано подручными детей ставили. — Дед качает головой, и опять шумаркает по переднику желтоватая борода. На щеках у него веселые румяные «зайчата» притаились, в глазах искорки отсвечивают, усы приподнимаются.

Кузнец взял из ящика третий — самый меньший ударный молоток. И самый гладенький, аккуратный, блестящий. По работникам инструмент нужен — любит дедушка повторять и теперь повторил:

— Вот этот подходящий, по работникам. Бери, Ваня, ты первый. Вот, вот. Так надо, как топор — то берут.

Ваня ухватился за черенок, от натуги у него стиснулись зубы. Еще и не приподнял кувалду над плечом, а тяжесть ее чувствует.

— Ну — ка, замахнись. Да не шибко! Вот, вот. А ноги пошире. Отступи на шажок. Плотнее вставай. Так. — Дед приклоняет Ваню к себе, утверждая его на месте молотобойца.

Летунов видывал, как молотобойцы орудуют кувалдой, как метко бьют они в то самое место, которое укажет легкий разговорчивый молоточек кузнеца. Пружинисто себя держит, ждет указательный стук.

Дед стукнул по холодной железке — и Ваня в то место опустил кувалду. Бухнуло так, что в ушах звенит.

— Еще разок,—дед вызванивает молоточком динь — ди — линь.

— Да — а уж, по холодному не интересно, — признался молотобоец.

И тогда кузнец выхватил клещами раскаленный прут:

— Давай, парень. Гранить будем!

Неуверенно, а все — таки точно Ваня ударяет кувалдой три раза подряд. И трижды фырскнул искрами раскаленный прут — осердился, наверно.

— Молодец! Хватит с тебя! Пусть другой подходит, — дедушка Степан охаживает заготовку своим послушным молоточком.

Женька Белов дело молотобойца знает — видно ведь по замаху. И бьет сильнее. Спортивная тренировка сказывается, сноровка на виду.

— Другой теперь берись, — требует Степан.

По очереди пробовали ребятишки кузнечить. Конечно, не настоящая работа получалась, чего и говорить. Но ведь все равно здорово. Надо когда — то начинать. Здорово! Настоящий молот в руках! Возле настоящей наковальни стоишь. Для тебя раскален в горне металл. И старый кузнец просит разговорчивым добрым молоточком, просит тебя ударить в указанное место. Начни серьезное дело — смотришь, получается маленько, уверенность приходит постепенно, лишь бы старание было к месту.

— Все попробовали? Будет пока. Теперь отстранись, ребята, подальше. Еще подальше. Пускай Виталий размахнется.

Молотобойцем стал — любо поглядеть, вон, у него какая мускулатура на руках, так и перекатывается. А ударит кувалдой—сильно, точно, словно припечатает. Дед Степан доволен напарником, крякает от удовольствия, довольная улыбка из бороды проглянула. Он держит раскаленный металл клещами: то приподнимет рессорную пластину, то на ребро поставит, торопко тюкнет молоточком и словно бы уронит его — второй удар пускает вхолостую по наковальне, поэтому получается перезвончатое «динь—дилинь». В это время успевает кузнец осмотреть, оценить поковку, определяет надо ли еще оттягивать, утончать ее, вроде прицеливается сам, где нужен сильный удар кувалды, взлетающей по велению надежного молотобойца.

Когда вот так настоящий кузнец работает, все вокруг замирают и не могут вблизи заниматься каким-нибудь другим делом. Только смотрят и слушают. Очаровывает перезвон и свет металла, запах жара и окалины. А уж если выкованное для закалки окунают в ушат с водой— совсем чудно: шипит, клубится пар, тянется в дымник, словно сообщает миру ближнему и дальнему о выполнении еще одного заказа.

Теперь все реже и реже кует дедушка Степан в этой кузнице, потому что есть в мастерской станки — строгальный, токарный, сверлильный, даже кузнечный механический молот устанавливают, но мелкие заказы никто другой, кроме деда Степана, не берется исполнять. Старый мастер никогда не будет без дела. Не будет от взрослого населения заказов, школьники свои придумывают, чтобы вместе кузнечить.

— Так что заказывайте, братва. Если будут заказы ваши серьезные, всегда буду ковать что по силам, — говорит дедушка, заталкивая в угли еще одну заготовку. — От работы вся радость. В работе жизнь красна.

И снова гудит огонь, летит угольная крошка. Снова калится краснеет металл. Дед Степан округло оглаживает бороду и зачем-то шуршит жесткими ладонями над огнем, размышляя, хмыкает и покрякивает, а затем говорит:

— Это, брат, дело. Для тебя, добрый человек. Для вас, юные правнуки. Растите, силы да ума набирайтесь.

И снова взбодрился, придумал чего-то, просит Виталия:

— Ну-ка, Груздев, еще покажись в ловкости! Покажись — порадуюсь.

Когда вспотевшие кузнецы дед Степан и Виталий отдыхали на пороге, огонь утих и задремал в горне, стало понято, что все эти кольца, рычаги, крючки, полукружья нужны для ремонта и оборудования старых конных граблей, тех самых, которые давно стоят под навесом, как непригодные. Они, эти

железные грабли с пружинами загребущими, нынче оказа—лись нужны, потому что Виталий пообещал директору школы поставить их на ход силами ученической бригады и пустить в работу на малых полянах, где с большими тракторными граб—лями трудно разворачиваться.

Дедушка выходит из кузницы, усаживается на низенькую скамеечку, чтобы солнышком пригревало. Вспотел, а на при—пек садится. Зачем? Чтобы не сразу остыть, а постепенно прохладиться.

Раскурил, задымил дед трубочку. Жмурится, разглажи—вает бороду, хорошо ему. Наверно молодость вспоминает или детство свое давнее. О чем он в детстве мечтал? Сбывались, сбываются ли его мечты? Доволен ли сыновьями, внуками, правнуками? Спросить бы когда—нибудь.

Постараешься — получится

Коренастый Коля Заботин торопкими мелкими шажками ходит вокруг терпеливой лошади Красотки, грубовато по-крикивает, чтобы не клонила голову, стояла бодрее. Он строг лицом, нетороплив в движеньях. Лошадей запрягать Колюня научился еще в третьем классе, точнее, летом после третьего класса — значит, у него приличный стаж запрягалыцика. Теперь Заботин в шестой перешел, вместе с командиром особой бригады Беловым учится, даже целый год на одной парте сидел. Это чего-нибудь да стоит, конечно. По запряганью лошадей он, может, командира ловчее. Самый ловкий. Ваня завидует Колюне. Еще бы не завидовать: не приходилось зап-рягать без помощи взрослых, верхом-то два раза катался да и то рысцой только, а рысцой — одна тряска, никакого удо-вольствия, вот галопом бы, чтобы ветер свистел в ушах.

Заботин, упираясь коленом, засупонил хомут, тронул дугу — прочно ли сидит, продел в колечко, привязал повод, подтя-нул чересседельник и расправил ременные вожжи. Упряжь налажена по правилам. Готово!

— Ухх! Жарко! — он рукавом вытер пот со лба. — Фи-олетик там в городе, наверно, пломбир кушает, лимонад или даже фанту попивает.

Не зря вспомнил Славку Фиолетова, все-таки дружок-подпевала, иногда и поможет, не все самому делать, за сбруей,

например, можно было и Фиолетика в конюшню послать, сбегал бы, не отказался. А сегодня все сам — употел Колюня, уторопыжился торопыга зазнаистый и настырный.

— Ладно запрягаешь. Оглобли не сильно выставил. И подтянул по делу, — похвалил дед Степан. — А другие так-то смогут? Ну-ка, соколы!

— Сможем! — за всех сказал Женька.

— А я погляжу. Ну-ка, вот ты, Сеня, распряги, — просит дед Степан для порядку. — Распрягать тоже надо как следует.

Лошадь удивленно глядит на Сенечку, сторожко вострит уши. Но когда упали оглобли на землю, она почувствовала облегчение, замахала хвостом, отгоняя мух, мелких мошек и слепней. Довольна — освободили.

— Не надо, не снимай хомут. Закладывай сызнова.

Тут-то Сенечка и удивил: ловко у него пошло. Ловко и правильно. Приподнял оглоблю, положил на колено, а снизу кверху на конец оглобли наложил гуж раздвоенной петлей, в которую вставил конец дуги. Правильно вставил — кольцо на дуге сперва назад гласило, а как перекинул ее на другую сторону — спереди оказалось. С другой стороны гуж заладывал уже сверху на низ, чтобы натянуть на выступающий кончик дуги, чтобы оглобля как раз в вырезной канавке была. Вот он подтолкнул плечом хомут, начал стягивать супонью. В два приема сумел стянуть, правильно — перекидным узлом с петелькой завязал. Самое главное — засупонить, а чересседельник теперь хоть кто подтянуть может, если высоко, не достанешь, потому что ростом мал, — встань на ящик или остулок, чтобы оглобли с покачиванием приподымать.

— Взнуздать сумеешь? — спрашивает Виталий.

— А чего это? А как?—Сенечка не понял, о чем речь.

Коля Заботин—его генеральный призвал на подмогу — ловко вставил удила, показывая, объясняя при этом Сенечке:

— Видал, как надо! Смелей, робких лошадь не любит.

— Тебе бы железяку в рот пихали. Зачем взнуздывать-то?

— А затем, — важничает Коля и опять мелкошажно топчется возле упряжки, проверяет все ли ладно. — Затем, что заартачится, заупрямится конь и не управить вожжами. Не взнузданный попрет куда-либо, хоть реви — не удержать. Вишь, как она забрякала удилами-то. Не по нраву, небось. Хитрая, смотри, Красотка. Она только с виду умная да покорная, а взбредет чего в голову — тогда держись, начнет выкамаривать, повозку растрясет.

— Да уж хитрая, — говорит Ваня Летунов. — Не наговаривай на Красотку. Я все повадки знаю. Она у того хитрит,

кто к ней плохо относится, вот. Давно замечено: не гони коня кнутом, а гони овсом.

Ване пришлось распрягать Красотку в том же порядке, как это делал Семечкин. Распрягать не трудно, только раз-вязывай. А вот оглобли поднять, дугу вставить сумел бы? Почему не дают попробовать? Надо быстрее самому, без команды. Не успели оглобли брякнуться на землю, Ваня тут же подхватил и норовит дугу в гуж вставить, а не получается, одной рукой такую тяжелую разве впихнешь.

— Подмоги, Коль, — просит он. В этот раз не хихикал Заботин, сразу помог. Вместе быстро все по правилам сделали — снова лошадь в упряжке.

— Скоро сам будешь управляться, — говорит дедушка Степан. — Дело нехитрое, ежели с охоткой. Было бы желанье, навык придет в свой час.

Понятливая Красотка прикоснулась прохладной губой к Ваниной щеке и насмешливо фыркнула. И тут подбегает Арта, наверно, думала, что обижают хозяина, грозно тявкает: смотри, не больно ершись, Красотка, а то худо будет! Но лошадь стоит себе спокойно, не обращает на собаку вниманья ни ухом, ни глазом — видала она таких Мосек, способных и на слона лаять.

— Ну-ка, Иван Николаевич, примеривай теперь кучерский облучок — по твоему размеру установлен. — Дед почему-то назвал сиденье облучком.

Опираясь руками, Ваня впрыгнул на грабельную раму, уселся в низенькое, похожее на кресло, сиденье. Интересно его оборудовали: вокруг перильца, обмотанные мешковиной; если спереди застежку ременную застегнуть, не вывалишься при любой тряске. Удобное кресло-сиденье. С подушечкой соломенной. И ноги как раз упираются. Под правой ногой — педаль, она с удлиненным рычагом, чтобы удобней было нажимать.

— Прокатись, да не торопись только, — разрешает старший. — Грабли-то сможешь отпустить? Толкни левой рукой рычаг — и сами упадут.

Ваня огляделся, потрогал длинный рычаг и показалось ему, что сидит высоко-высоко, словно в прозрачной кабине батискафа-вертолета. Вот только тронь этот рычаг и грохнутся пружинные зубья-царапки вниз, а сиденье, наверно, катапультирует кучера так сильно вверх, что подлетит он до облаков. Но ничего такого не случилось. Вздрогнул рычаг, наискосок отклонился вперед, а скопище пружинных зубьев с грохотаньем уткнулось в землю. Красотка сама поняла, что теперь надо идти неторопливо.

— На соломку, на соломку наворачивай! — кричат маль-чишки, суетясь около; они наперебой подсказывают, куда сво-рачивать, как держать вожжи, почему надо поставить ногу на педаль и когда включать подъем. На дорожном закрайке на-кидана полосками прошлогодняя ржаная солома — на те-лятник везли в тракторной тележке, вот и накрошили, потому что воз велик был. Правильно, потерянное сгрести надо, в кучу сложить, чтобы не пропадала хорошая солома, она на дворе пригодна.

Красотка бредет себе тихонько, вроде ленится даже — знает она, не надо спешить, раз не понукают. Ваня все равно натягивает вожжи — притормаживает Красотку, потому что побаивается: канавки тут, слегка накренило грабли в одну, потом в другую сторону, того гляди, равновесие потеряешь и упа-дешь. Думается так, на самом-то деле невозможно выпасть из этого кресла, да и грабли широкие, устойчивые, любой по-возки устойчивее. Лошадь оглянулась— может, решила, что на луга уже поехали, а жеребеночек Соколик в конюшне ос-тался. Точно, вроде бы тоненькое ржание донеслось от ко-нюшни. Или так пружинные грабли повизгивают?

— Нажми на педаль-то, нажми, — азартно командует сбоку торопливый Коля Заботин, он всегда в указчики подо-спеет, чтобы толковость показать.

— Рано еще, мало набралось, — отвечает Ваня, но и на педаль нажать хочется побыстрее. Он смотрит на Виталия Груздева и на деда Степана — дадут сигнал, когда надо, они тут самые главные.

Зеленой травы нацарапали грабли, накрутили вместе с соломой в валок, вот и кажется валок переливчатым.

— Нажимай! Пора уже.

Ваня торопливо топнул по педали — не сработало. Нет, не пинком надо, а плавным нажимом включать. Вот педаль поддалась, уклонилась вперед, по обе стороны в колесах щел-кнуло — значит «собачки» — зацепы в обоих колесных втулках сработали. Пружинные огромные серпообразные зубья с бренчаньем поднялись, мгновение продержались в воздухе и тут же падают, оставляя соломенный валок.

— Получилось! Получилось! — кричит Ваня и подпры-гивает на зыбком сиденье. Радость охватила его, словно под-нялся в летательном аппарате к облакам, словно бы увидал стаю розовых фламинго.

— Так. У этого тоже пойдет, кажись, дело. — Дедушка Степан доволен, смотрит ласково, помогает Ване высвобо-диться из кресла. — Малый сумел. Теперь в бригаде целый отряд гребщиков. Радуйся Нина Васильевна. Нынче, значит,

прибавится работников на лугу, — о чем-то подумал еще, почесывая бороду. — После войны только ребятишки на конных граблях работали. А тут почему-то отпихивать стали, мол, не случилось бы чего, все-таки несовершеннолетние. Да-а... Было, было. И взяли моду трактористов по лугам гонять. А луга-то не везде широкие... Ты, Виталий, нынче под свой контроль это дело бери. Грести подладитесь, и в копны можно сено складывать. Тоже ведь не хитро. Бригаду сколотили, технику конную изладили, начинать пора. Так Васильевне и скажу: не сомневайся, мол, получится у ребят. На клеверищах опять пускай пресс-подборщиками гребут, а на полянах без конных граблей как же. Тут и нужна особая бригада. Верно говорю?

— Мы знаем.

Мы согласны. Мы давно придумали. — Белов за всех отвечает. — Я сам прошлый год еще пробовал — получалось.

Дед тоже не спешил сегодня домой. Он сидел в штабе на передней скамейке, задумчиво оглаживал бороду, чему-то едва заметно улыбался. Хорошо ему было. Может, свое детство вспоминал, поглядывая на ребятишек, собравшихся за дощатым столом выполнять письменное задание.

— Даю три слова: работа, кукушка, петух. Надо эти слова применить так, чтобы получилось складно. Главная мысль — работа. Вот каждому листок бумаги, карандаш. Десять минут на размышления, — озадачил Виталий.

— А прошлый раз было пятнадцать. И то ведь не хватало.—Коля Заботин не очень-то любит сочинять, у него по школьным сочинениям два да три, потому и просит времени побольше, чтобы затянулось все, чтобы выбились из установленного графика, не успели внимательно проверить.

— Можно кроме кукушки, петуха и работы еще фламинго упомянуть? — Сенечка уже соображает, ему легко, он быстро сочинит, есть опыт, даже в газете городской его сочинение печатали. — Можно не записывать, у меня почерк плохой, я лучше на память. Можно или нельзя?

— Условие общее. Все пишут. Основные слова даны, а дополнительные — какие угодно, пожалуйста. Творите, сочиняйте, ребята.

— Ну, Виталий, ты подход имеешь и требовательный, — хвалит руководителя дедушка Степан. — Мастак ребятню увлекать. Приглядно это, руководи, руководи, не стану урок задерживать.

— Начинаем. Замечаю время, — предупреждает Виталий Груздев.

А дед отвернулся к окну, мечтательно говорит:

— Хорошо бы на учителя выучился Виталий Сергеевич.

— Начали! — повторяет Виталий. — Время замечено. Он расстегнул ремешок и положил часы на стол. Слышно, тикают торопливо.

— А я все. У меня готово!—объявляет Белов.

— Не мешай другим. — Виталий берет у Женьки листок и, повернув его чистой стороной кверху, кладет под планшет — прячет сочиненное. Не подглядишь. Ваня отворачивается к окну, задумчиво кусает кончик карандаша и смотрит, смотрит на тот самый луг, закрайки которого между кустами обкашивает мама. И вдруг представилось ему туманное утро, солнце едва показало макушку над дальней березовой рощей и осторожно глянуло на деревню Березовку, скользнуло первыми лучами по крышам, черемухам и тополям. Как-то отдаленно и осторожно пропел петух, за речкой Светлянкой отозвалась ему кукушка. Соседка Татьяна распахнула окно и спрашивает маму Нину, пришедшую по колодезную воду: «Куда сегодня? Наверно, стоговать пора?» Тут-то и начало сочиняться, побежали строки по бумаге:

Утром рано, на заре,
Когда туманно на дворе,
Поет петух кукареку,
Кричит кукушечка куку:
Хватит спать,
Пора вставать,
Пора работу начинать!

Ваня торопливо записывал. Но и другие не отстали от него, тоже управились. Вот легли один за другим тетрадные листочки на стол. Виталий по почерку, конечно, определит кому они принадлежат, а пока перетасовал эти листы, вкладывает в тетрадку и, приподняв ее, чтобы не подглядывали сочинители, начинает читать с чувством, с толком, расстановкой: «Не кричит петух кукареку. Меня баюкает куку. Мне бы надо на работу — просыпаться не охота». Ребята переглядываются, определяя автора.

— Слушайте дальше, — говорит Виталий и читает со второго листа: «Думал, думал — не придумал про работу ничего. Не кричит петух чего-то. И кукушечка молчит. Очень я люблю того-то, кто писать стихи учит».

Виталий словно бы поперхнулся, сдерживая улыбку, прикладывает руку к губам. Он, конечно, знает, чье это сочинение. А вот Ваня Летунов не может определить, кто написал

первое и второе, в котором последнее слово приходится чи — тать с неправильным ударением. Можно бы сразу руку поднять, сказать, что заметил неправильность. Но он волнуется, ожи — дая, когда будут прочитаны его строки.

«— Ну какая тут работа? — продолжает читать Виталий. — У меня свои заботы. Не уснуть опять до двух. Кукарекает петух. И кукушечка — ку — ку: приходи — ка на реку».

Это, наверно, Сенечка сочинил: у него всегда на уме река да рыбалка. Другое, не Ванино, сочинение читает Виталий Груз — дев. Без листа, по памяти :

Много дней по утрам тарарам —
Петухи поднимают гам,
Зазывая людей на работу.
Быстро время течет, как вода.
Кукушка считает мне дни и года.
Гудят тяжело в небесах самолеты.
Мне в десантники завтра охота,
Но поляны зовут на работу...

Хорошо, торжественно прочитал Виталий — приятно слу — шать.

Ваня сжал трепетно вздрагивающие ладошки, чтобы хлопок не вырвался. Арта и на расстоянии поняла его волненье, скре — бется в дверь, словно сказать чего — то хочет, чтобы чувство — вал ее мнение.

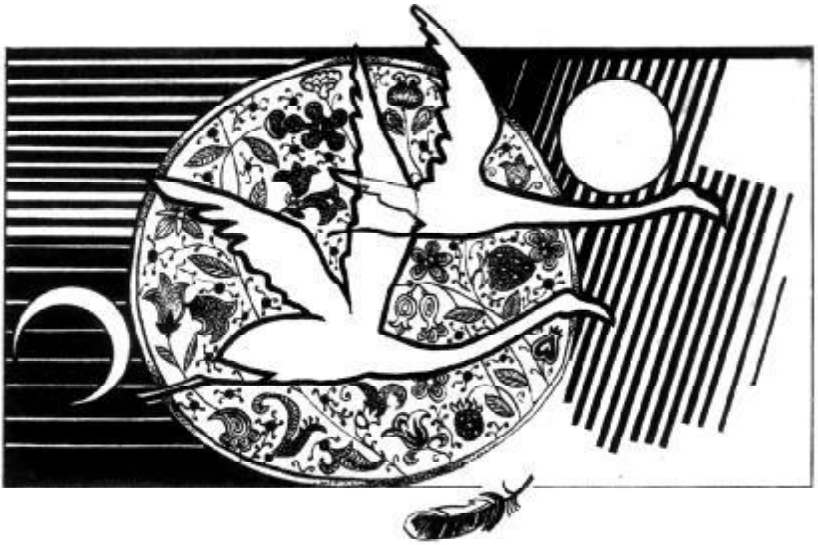
«— Не кукуй, кукушка, — слушать тебя не охота. Петух давно позвал меня на работу». —Виталий вздохнул. — Вот и все. Вы довольны? Узнали, догадались кто и что сказал? До — гадались у каких строк кто автор?

— Ой, не все, — подсказывает Белов. — Там еще один листочек должен быть. Там, наверно, самое интересное. Чи — тайте, читайте сочинение Ваньки Летунова, — просит он, под — няв руку будто на уроке.

Напрасно Коля Заботин чего — то шептал Сенечке и сдавленно хихикал, предполагая, что на последнем листочке — наивщина, нескладенушка, хуже той, которую он с непра — вильным ударением придумал.

Медленно, с выражением читал Виталий Груздев, как он сам сказал, незатейливые, простые, но очень верные, точные по содержанию строки. И Ваня уже не верил, что именно сам он такое придумал...

— Утром рано, на заре, когда туманно на дворе, поет петух кукареку.



Пролетели розовые птицы

Манили к себе дальние сенокосные луга, украшенные ве-точками нежных колокольчиков да краснеющими головками клевера. Кто из деревенских ребятишек не бродил по зак-райкам таких лугов, отыскивая на холмиках землянику, а в грибную пору — подберезовики, иногда белые грибы — бе-лики. Кто не бегал по тем лугам впереди конной или трак-торной косилки, чтобы, похлестывая прутиком по траве и улюлюкая, вышугивать малых трусливых зайчат-настовичков (рожденных весной при снежной корочке, называемой на-стом), да глупеньких, прижимающихся к земле в затаенности перепелят? Кого не приводил в восторг распахнутый выко-шенный, словно приглаженный простор, наполненный аро-матом подвяленных трав, тем особенным ароматом, который настаивается на нежной невзрачной душице, способной хра-нить сенокосные запахи в сене до глубокой зимы?

Однажды в раннем детстве каждый деревенский житель имел возможность внезапно и впервые увидеть раздольный луг, вдохнуть с особым чувством вольный душистый воздух обласканных обильными росами покосов. Но с этого непов-торимого мгновения просыпается в человеке ощущение кра-соты, единства, нерасторжимости с природой. С того дня человек умеет каждый год с удивлением и радостью смот-

реть окрест, по-особому видеть, понимая, что все это родное, близкое, незаменимое, доверчиво открытое.

Где-то поет жаворонок. Прикрываясь рукой от солнца, долго выглядываешь его в лиловеющей синеве, но он, трепыхающий неудержимой радостью, оказывается совсем низко над тобой, хочет о чем-то поведать, да не может выразить своим птичьим языком, чтобы стало понятно каждому, кто его слушает. И вдруг, обидчиво умолкая, ныряет вниз, некоторое время теряется — ждет, когда заметят или позовут желанием еще послушать переливчатый звон под высоким куполом небосвода. Может, в такие минуты он просто затаивается, чтобы отдохнуть и самому прислушаться к тишине, охраняемой стрекотом кузнечиков или короткими предупредительными посвистами другой неуверенной птицы.

У кого не бывало так: выбежишь на поляну, не зная, что она уже выкошена, заставлена копнами, и остолбенеешь ошеломленный холодком неожиданности виденья, будто бы в другой мир попал? Стоишь в сдавленной немоте с приоткрытым ртом и распахнутыми глазами, а напротив шагах в десяти на чистине столбиком навострился огромный — так покажется — русак и тоже дивится, то ли на тебя, то ли на копны. Вот он первый разгадал неожиданное виденье, одумался, как-то медленно, бесшумно заковылял, оставляя в дымчатости росных теней прерывистую зеленую тропу. Осторожно на цыпочках, ощущая босыми ногами каждый травяной пенечек недавней кошевины, тянешься словно примагниченный за тем привидевшимся или на самом деле убегающим от тебя зайцем. Напрасно стараешься разглядеть следы на слегка примятой, похожей на смазанную маслом, траве под кустами, потому что и нет уже тех следов, осталось только парящее шевеление листиков да унизанных мельчайшим бисером паутинок.

Луга с весны до поздней осени переливчато переменчивы: то густо неподвижно зеленеют, то пестрея волнятся, то выкошенные кажутся седыми, то вновь покрываются гладкими зеленями отавы, такими чистыми, нежными, что на них робко падают первые желтые листья берез. В наших местах очень много покосов как раз на таких невеликих лугах, окруженных перелесками. Вот эти луга и называются теперь сенокосными полянами. Если они расположены по берегам рек и реченок, еще называют их пойменными. У каждой такой поляны есть название: Овражная, Залысина, Переходная, Уканка, Дальняя, Расчистная, Задорная, Тетеревиная, Десятистожная, Рамешки, Починки, Вылетово, Гариль, Дачка, Раменье, Заречье...

Эти названия обусловлены чем-то существенным, длительным, былым. Они памятью обусловлены теперь. Иногда

— просто расположением поляны или особенностью травостоя. Например, Метлицыно. Раньше там одна метлица росла да по низинкам быльник. Метлицу по осеням косили, в подстилку коровам или другой скотине. А недавно прокультивировали, процарапали замшелый дерн, прикатали снова да удобрили, клеверку подсеяли, тимофеевки — опять коси кормовую траву, на зиму сено заготавливай.

На многих дальних полянах уже не косят несколько лет, в запустении они, там теперь только грибы да ягоды собирать. Есть еще Шипицыно. Так назвали поляну потому, что вокруг по мелколесью очень много шиповника. В пору цветения диких роз кажется, будто поляна венком огромным окружена. Как раз теперь шиповник расцвел вовсю, вот ребята и определяют по нему, что наступило настоящее лето. Значит, сенокосная страда разыгралась! Чудесное приглашение к этой страде и придумал Виталий.

* * *

Ваня Летунов шестилеткой бывал на Починковском лугу — очень понравилось там! Еще бы! Он впервые видел, как вырастают друг за другом в одном ряду высоченные стога, какие огромные пласты поднимал отец и подавал высоко-высоко, к самому облаку, под которым стояла на стогу мама.

Вот и снился ему предстоящий сенокосный день. Только во сне все было иначе: поляна чище, без кустарников, котел, в котором варили общий суп, казался сказочно огромным, потому что на обед хотели придти косари, гребцы-щики, копновозы, метальщики, стоялыцики хозяйства «Дальние зори».

Наяву — не так. На самом деле косят, сушат сено, складывают в копны и мечут в стога даже не бригадами, а звеньями, которые давным — давно сошлись на добровольных началах. Люди знают кому с кем лучше. Знают и когда на какую поляну идти, на какой поляне в первую очередь косить. Родство, приятельство, взаимное уважение, разговорчивость или молчаливость, хмурый или веселый нрав — тоже принимаются во внимание. Правда, замечено давно: на время сенокоса люди как бы меняются, забывают прежние обиды, ссоры, начинают относиться между собой внимательнее, добрее. Даже старые бодрятся, находят новые силы, даже ленивые превращаются в азартных и расторопных работников.

Сенокосные заботы сближают, роднят людей от мала до велика. Особенно это нравится детям. Они ощущают перемены в старших и радуются этим переменам, доброжелательной свежести общения, сами между собой реже ссорятся,

завязывают настоящую — не на словах, а на деле — необхо-димую дружбу. Так что сборы на луга всегда волнуют ребя-тишек обещанием чего-то нового, неиспытанного еще. У каждого по-своему рождается это волнение — предчув-ствие. Ваню Летунова манит на дальние поляны мечта о по-летах и желание увидеть розовых птиц. Странно, правда? А что поделаешь: каждому — свое. Знает он, помнит, что мама так и не додумала до конца свою песню. Ей тоже полезно было бы еще раз увидеть на поляне фламинго.

На следующий день, как было условлено, в предобеденное время особая конно-механизированная команда гребцов по-ехала на выкошенный дальний березовский луг. Негустая трава была уже готова под гребь. Ребятам были выделены самые спокойные и надежные лошади: хитроватая, но по-слушная Красотка, покорный и неторопливый по старости конь Цыган, у которого отвисает нижняя губа, отчего рот все время приоткрыт; неповоротливый седогривый тяжеловоз Битюк, способный не только двухколесные грохочущие грабли тас-кать, но и выдергивать забуксовавшую машину-легковушку — было такое не раз. Запрягли этих коней в оглобли граблей, возле кузницы будто три древние колесницы выстроились друг за другом: Красотка впереди, за ней — Цыган, а потом — самый громоздкий Битюк. Три коня, три упряжки, трои граб-ли. Три кучера с помощниками.

Виталий сначала выспрашивал желание каждого из ре-бят, потом составил какой-то список-график, чтобы в буду-щем чередоваться, и объявил напарников на первый сенокосный день. Пришлось тут все учитывать: и характеры, и желания, и рост, и возраст, и сноровку, и уменье управлять конем. Самые опытные поедут впереди на Красотке — один верхом, другой — в кресле. Женька Белов да Коля Заботин. На Цыгане — самостоятельный Сенечка. На Битюке — Ле-тунов под присмотром верхового Груздева. Тяжеловоз Битюк выдержит кого угодно, спина у него широкая, поэтому можно верхом садиться. Виталий ловко впрыгнул, опираясь на ог-лоблю, боком уселся, словно дамочка, с гитарой в руках. Сверху ему хорошо видно всю бригаду, можно командовать:

— Трогай! — кричит он и, уверенно брякает по струнам.

Дорога затравенела да к тому же петляет закрайками ржа-ного поля, проходит через ольховники, березняки. По узкому прорубу не так-то просто проехать с широкими конными граблями. Кой-где генеральный вынужден спешиваться, ма-хать топором, убирать валежины. В одном месте он сам про-водил и Красотку, и Цыгана, и Битюка. А проехали трудные места, перебрались через низину, опять — простор. За тем

простором осталось миновать перелесок, лесхозовскую вы—рубку, поросшую малинником да кипреем, перебраться через Журчеек — тут и Починки.

На вырубке искали землянику, только мало попалось. Ваня всего одну веточку нашел, четыре ягоды на веточке — одна спелая — переспелая, другая — почти спелая, третья — чуть красненькая, а четвертая желтенькая еще, зеленчик, можно сказать. Сразу съесть, никому не показывая? Другие — то будут хвастаться, сколько нашли. Надо бы в нагрудный карман по—ложить, чтобы сберечь ягоды для Василечка, но вдруг да раз—давишь. Ваня все же решил съесть все четыре ягоды: и хвастать не надо, и весь день хранить, беречь. Если повезет, на покосе тоже можно землянику найти. А малины в этот год много выкраснится на свежих малинниках. Зеленцов — то! Подрумяненные чуток. Скоро — скоро на припеках поспеет и малина, тогда тут бери, сколь хочешь, Трехлитровый бидон—чик запросто можно набрать. Мальчишки дивятся, про ягоды разговор, будто и забыли куда собрались.

А солнышко припекает все сильнее. На вырубках всегда особенно жарко, потому что они обросли мелколесьем, окру—жены густо — лиственным подростом. Кони уже беспокоятся, вытоптали до черноты ровненький зеленевший до этого взлобок под старыми березами на закрайке, фыркают, бьются под натиском овода. Ехать бы надо, но Груздев сидит хоть бы что, не волнуется, не окрикивает ребят. Наверно, ждет, когда они опомнятся, когда совесть у каждого заговорит, чувство ответ—ственности проснется..

— Ну, будет здесь малинки! — удивляется Женька, с лю—бопытством проламывающий свежий малинник — знает, в проломах — то ягоды быстрее поспевают. — Прошлым летом Фиолетик с отцом тут сразу ведро набрали.

Нынче не наберет. На асфальте не ломно, вот и нет ма—линников, — рассуждает Коля Заботин, хотя ни разу не бывал в городе и завидует Славке, который каждый год у род—ственников гостит. — Зато там киоски всякие на каждом шагу, глазей на товары яркие, выбирай по деньгам.

— А мне Фиолетовы привезут велосипед — папа зака—зывал, — впервые хвастает Ваня Летунов. — Новейший, с наворотами: зеркало, фара, тормоза и...

— Привезут, либо нет, — прерывает его Заботин. — В городе не только возьми, не сразу найдешь велосипед какой нравится... Сезон.

— Ну и что. Сезон давно начался, все накупили, кому надо. Катаются, — со знаньем, будто бы кто сообщал ему, говорит Женька Белов.

— Это грязюка долго не просохнет, асфальт — быстро. Зато у них там сенокоса не бывает, на конных граблях не покатаешься, летом городским скучно, делать нечего. Правда, Сеня? Если бы не скучно, ты там оставался и каждое лето не удирал в деревню.

— Бабушка у меня здесь, — говорит Сенечка. — Мамины тропинки, река любимая. В этой реке я плавать научился. Вот и приезжаю.

— И правильно делаешь, — генеральный не вмешивается в разговор, глядя на небо, щурится, а может, это у него улыбка такая при солнечном свете, может он поджидал кого, вот и медлил. — Погодка, что надо. Летная сегодня погода. Пора дальше ехать, ребята.

Ваня опять устроился в зыбком кресле, взял вожжи, а Виталий на Битюке — верхом. Поехали. Ваня и знает дорогу, но не дергает, не подсказывает раньше времени коню, нечего зря-то. Конь понятливо идет следом за другими ни шатко ни валко, толстые мохнатые ноги копытами вдавливают траву в мягкую землю. Виталий сидит как на диване, даже не держится ни за седелку, ни за поводья. В руках цветок ромашки, наверно, для того, чтобы погадать «любит — не любит» та самая, с которой он всегда танцует на школьных вечерах. Красивая Леночка Светланова, самая форсистая восьмиклассница, нет, теперь уже девятиклассница. Ваня Летунов думает, что когда-нибудь сам вот так же уверенно пригласит Свету Скороспелову; у нее будут такие же белые туфельки на высоком тонком каблучке, шелковое платье в голубой горошек и длинные, до пояса, косы... Ему тоже хочется гадать на ромашке про Свету, но ведь не спрыгнешь, не побежишь обратно к ржаному закрайку, чтобы сорвать несколько цветков.

— Иван, ты не дремлешь? — спрашивает Виталий.

— Не-е-ет. Я управляю, у меня вожжи в руках.

Колеса подминают на обочинах бурьян, мелкие прутики, ягильник. Взбрякиванье, щелканье, треск сучьев и чавканье грязи. Оглянешься — темно, прохладно сзади, ну, не так уж темно, все же не ночь, а сумрачно, потому что ольховые заросли, трава да густые елочки-подростки кажутся синими. А впереди — просвеченная листва берез, что кружево, понизу видится яркий простор. Там — Починки. Там раньше была небольшая деревня. И ребятишки, наверно, бегали через этот лес за грибами, за ягодами, охотились на рябчиков, тетеревов, ездили в ночное иногда.

У кого-то из них была любимая земляничная поляна. У кого-то любимый омуток в Журчейке. У кого-то самое высокое дерево на взгорке, своя таинственная тропинка возле

него и свой взгорок, с которого очень далеко видно, видно даже то, что за горизонтом. Наверно, и экзотические птицы сюда прилетали, возможно опять прилетят...

Остановились под березами; толстенные они, заскоруз — лые, старая береста потрескалась, почернела, а ветви коре — жистые. Может, березам этим больше ста, а то двести лет. Приметно прошлогоднее кострище, даже скамеечка из двух березовых жердин сохранилась, тут работники отдыхали.

Ребята травяными жгутами обтирали грязь с колес, чис — тили забрызганные ноги и подбрюшины лошадей. Надо бы оглядеться, унять волнение перед этим просторным лугом, приглаженным широкими белесовато — зелеными лентами скошенной травы. Вот сейчас впервые Ваня Летунов поедет на конных граблях не просто прокатиться ради потехи, а по — настоящему работать. Ему еще не верится, ему, наверно, еще кажется: все не на самом деле, не всерьез, а так, только игра, он думает, что и взяли — то на поляну жалеючи — одному и возле кузницы ведь не интересно.

— Шабашим чуток, — сказал Виталий, явно подражая деду Степану, тот всегда так говорит, когда предлагает отдохнуть. — Надо пошабашить да и — за дело. Не торопясь, с пере — дышками для себя и для коней.

Уселись на шумных охапках сена, кружочком уселись, будто мужики работящие, посерьезнели враз, приумолкли в нео — бычной тишине, глядя друг на друга, ждали, что еще скажет старший, какие наставления будут.

Кукушка сказалась как — то печально с хрипотцой: «кок — ку» и не было больше повторного кукованья — ответа, потому что в эту пору птицы затаиваются, все реже подают голоса. Утром некоторые из них еще гомонят, а ближе к полудню редко посвистывают, тенькают или вот так обронит кукушка укороченное ку — ку, словно подавилась колосом. Бывает, сви — стит иволга или где — нибудь возле овражка вспомнит по ча — стям свою весеннюю песню соловей, а то самый запоздалый проскрипит коростель, случается, он и днем вздумает скри — петь, будто спохватиться, вспомнит, что ночью не сказывался.

Знакомая земляничная поляна ласкает мальчишек вол — нами запашистого воздуха, солнечным светом, особенным, необъяснимо до сладкой теплоты в груди, родным простором. И невелик этот простор, со всех сторон близок лесной окаем, а вот кажется, что широко, вольно тут и потому хорошо каждому, уютно, как на огородце возле своего дома. Только легкая тень прошла по земле, маленькая, распластанная, и все сразу гля — нули в небо. Там лениво скруживал ястреб — канюк. Не его ли боялись затаенно молчащие птицы?

Ястреб — канюк это или ворон?.. Ястреб — тетеревятник... Есть, есть и в наших местах птицы, наводящие тревогу. Бес — шумный полет пернатого хищника, пусть самого маленького, волнует мальчишек. Они ждут, что вот — вот, выследив добычу, ястреб спикирует вниз и тогда всполохнутся стаи дружных пташек, защищающих детей, сестер и братьев. Ваня вскочил, хватает ольховую ветку; давай кружить, махать над головой, выкрикивая:

— Вот тебе, кышь, пошел! — так он дома охранял цыплят. — Ух ты — ы!

— Зачем? Он просто парит. Не пугай, не надо, — урезо — нивает Женя Белов. — Мышку может выследит, а птицу ему не взять, любая увернется, они насторожились, чувствуют опас — ность, не врасплох теперь, ничего у него не получится. Да и нас видит — постесняется, чай.

— Конечно, так просто кружит, владенья свои осматри — вает. Он видит людей, разинули рты — то. — Коля Заботин тоже встает и, взяв охапку сена, направляется к лошадям. Обе — регая Красотку от слепней, распотрошил сено ей на спину. Ваня тоже догадался, подошел ветку ольховую прикрепить к седелке, чтобы слепней отпугивала. Сломил и еще три ветки. Эти приспособил возле дуги. Затея понравилась всем ре — бятам, они тоже украсили ветками своих коней. Виталий Груздев не поднялся, но и не запрещал, наоборот похвалил:

— Так, так. Совершенно верно. Теперь, братва, ложитесь около меня. Поблаженствуем еще. В небо поглядим пока трава подсыхает.

Он словно бы ленился, лежал широко раскинув ноги, по — ложив голову на скрещенные руки. Загорелая грудь лосни — лась под солнцем. И вот на эту сильную грудь села зеленая стрекоза, притаилась — не шелохнется. Крылья у нее похо — жи на винтовые лопасти батискафа — вертолета.

Мальчишки не знали, что Виталий млеет на солнышке, под сладостно — дремотное лепетание листвы и жужжание пчел над близкими метелками кипрея, думает про свою Леночку.

В закрайке зашуршало, захлопала крыльями невидимая птица, а потом раздался веселый хитроватый хохот. Это ку — кушка. Она хохотала, не желая больше куковать, но Коля За — ботин сказал, что подавилась колосом и теперь не может никак выплюнуть.

Опять лежали тихо, наблюдая за тем же ястребом. Мо — жет, не злой, не хищник планирующий в высоте этот ястреб, может, ждет он, когда появятся на поляне работные люди, потому что знает, когда здесь косили траву. Теперь на по — ляне уже не тарахтит трактор, нет запахов техники. Теперь

появилась другая бригада на стрекоталках — брекоталках, без грохота моторов. Бригада особого назначения. Виталий Груздев, вспоминая недавнюю работу в механизированном звене с опытными трактористами, сказал:

— Один шум работ умолк, сейчас другой начнется. — Он пружинисто отталкивается от земли, встает. — Грести надо загонками.

— Не вдоль, а поперек покосив, правда? — Белов хочет утвердиться в том, как следует загребать, да и другим чтобы понятно было. — Вместе поедем, по общей загонке, сразу ши — рокую полосу пройдем.

— Ну вот. А я один хотел, — признается Коля Заботин. — Скалу штурмовать по одному, а работать — все вместе. Способности разные, между прочим, у кого как получатся бу — дет, кто на что способен.

— Вместе еще и лучше. — Семечкин даже рад. — У нас на всех одна поляна. У кого не заладится — помогать будем.

Груздев подсадил Ваню, помог устроиться в зыбком кресле, застегнул спереди страховочный ремень:

— Сиди смело—не вытряхнет.—А сам взял вожжи, на — правил медлительного Битюка поперек покосив, прицельно определяя направление по каким — то приметам вдали, пошел сбоку, начал перепрыгивать через кошенину.

Летунов думает, что надо бы взглянуть, как у Сенечки по — лучается, но снизу волной подпирает шумливое сено и пора уже, наверно, подпинывать педаль, чтобы разгружалось. Ка — жется, грабли сейчас взыграют сами, а Виталий не дает ко — манду, будто не видит.

— Ну, чего замер? Действуй, Иван, пока притормаживаю! — негромко, без команды, по — простому говорит кучер и еще заметнее натягивает вожжи — понятно для чего: медленный ход нужен, очень медленный, грабли первый раз пускай без грохота поднимутся, чтобы конь и работник не испугались.

Ваня уперся локтями в перильца и, ощущая как ловко нога — то зацепилась каблуком ботинка, нажал легонько на высокую педаль. Включился зацеп! Скопище пружин, словно огромная загребущая рука, со скрипом приподнимается, выталкивая не — жно — зеленый пушистый травяной гребень. Дальше все кажется просто: Ваня на граблях рычагами заведует, а кучер направляет коня, прыгая через покосива. Ни разу не видал Ваня, чтобы так на конных граблях гребли, это только в особой бригаде по — особому. Виталий считает прыжки: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь — снова подсказывает:

— Действуй, механик! По команде надо действовать.

Конечно, теперь Ваня Летунов стал механиком, потому что

техникой управляет. «Гляди, механик!» Ровно через семь по-косив набирается валок, значит, надо нажимать на педаль — делает вывод начинающий работник. Да и зря. Покос не везде одинаков, трава где пореже, где погуще, по-разному нагребается. Где и совсем мало сена, только припорошено. Выходит, не всегда через семь, другой раз — и через десять покосив. Тут сам смотри, соображай. Так что некогда зыркать по сторонам, ворон считать, жаворонков в небе выглядывать. Работа!

Вот проехали от березового закрайка до сосен, под которыми — огромный, что копна, каменюка. Этот валун, говорят, давным-давно притащен ледниками. Задержаться бы возле камня поговорить о ледниковом периоде, чтобы прохладнее стало на поляне.

Поворачивали возле синего древнего камня, будто перед сказочной глыбой, на которой написано: «Прямо поедешь — в болото угодишь, налево повернешь — грабли сломаешь, направо — будет людям радость». А уж как повернули направо — Ваня увидал и других гребщиков: вон какие умелые да смелые они едут! Ровно, чисто получается. Сразу широкая полоса сгребена. Результат заметен. И валки сомкнулись поперек полосы, удобно так грести — закатывать сено, в копны потом складывай аккуратно, а копны свезут и будут складывать в стога для хранения до глубокой зимы.

— Пойдет дело, ребята! — Виталий опять откидывает со лба надоедливый чуб и с прищуром смотрит вдаль. — Пойдет, получится у нас, все получится. Слышишь, мальчик?! Ну-ка, самостоятельно. Да не робей! Конь вспомнил, что к чему, рядом с кромочкой сам пойдет, разве на поворотах ему подскажешь вожжой. На, бери управление, кучер!

Вот так раз, самому, значит, надо и конем править, и на грабли смотри, определяй, когда подъем включить, и вперед и по сторонам поглядывай. Задача! А, была не была, не боги горшки обжигают. Пан или пропал. Или грудь в крестах или голова в кустах — мигом вспомнились присловья бабушки Анны. «Василек у вас, конечно, мал, но этот — погляжу — догадлив и удал. Прилежный растет и душевный. — Так она маме Нине говорила однажды вечером. — И без лишнего догляда растет справно».

Вперед! Вперед! Поехали!

Битюк согласно помахивает гривой и все косит глазом, чтобы видеть самочувствие молоденького кучера. Не трудно таким конем управлять. Не успел Ваня обдуматься-оглядеться, а уже зашумело, подпирает сено. Легонько толкнул педаль вперед — трах-трибидах. И — разгружено. Остался

позади валок, правда, немного размазанный, не впритык с основным рядом пришелся. Ничего. Не торопись, не торопись, милый Битючок. Не торопись, мой хороший Битючишка. Будешь умницей — кучер мягоньким клеверком тебя накормит, когда придет время отдыха. Прямо, как по линеечке шагай. Не фырскай, не тряси шибко гривой, а то собьешься с прямого пути. Не надо скривлять. Видишь, там кустик ивовый, на огромного зайца-русака похожий, вот на него иди. А, слепни у тебя на спине. Вот их — вожжой! Что, уже опять сено подпирает? Шесть, семь... Снова — трах-тибидах. Дальше едем! Один, два, три, четыре, пять... О, так мало нагреблось, разве это валок. Старушечье покосивце — не больше. Как быть-то? Напротив большой травяной гребень накручен, тут разгружать бы надо, а нечего. Ладно, пусть мало да — в ряд-док. Семь! Трах-тиби-дах. Щелк-пощелк. Получается.

— Чего тягомотину развел! — кричит сзади Коля Заботин. — Погоняй его, а то уснет конь ленивый. Погоняй, говорят.

— Зачем? Быстро нельзя, — Ваня повернулся. А слева почти вровень с граблями встряхивает цыганской гривой другой конь, чуть подальше — третий. Белолобый. А, это — Красотка. Зачем они ее торопят, она ведь уже старенькая, ей жарко? — Зачем коней торопить? И так вспотели.

— Поезжай, не рассусоливай! — Это опять Заботин. Значит, он тоже сам управляет? А Сенечка где? Один прирабо-тался. Какой форсистый! Король. Женька Белов, значит, сначала ему доверил управлять. Значит, теперь механиками он — Ваня Летунов, Коля Заботин и Сеня Семечкин. Вот так звено. Справа по чистой полосе — как сразу-то их не заметил — идут Виталий Груздев да Женька Белов. Два бога-тыря. Добрыня Никитыч... Нет, не так. Илья Муромец да Добрыня Никитыч.

— Разгружай, чучело! Травяная борода тащится уже! — подсказывает Женька. Тоже командир нашелся. Ой, правда, лишку сена набилось! Шух-порошурх-трибидах. Разгрузилось все-таки. Никакого грохотанья. Только загребанье. И мелькают, мелькают мысли, такие быстрые, такие приятные, что немного кружится голова, будто в бане. А все равно работается хорошо. Жаль, очень жаль, что братишка Василек еще маленький, можно бы в напарники взять. Жаль что... Семь... Девять... Трибидах-трах... Жаль, бабушка Анна не видит. И кузнец не придет, наверно, на поляну. Жаль, что мамы Нины еще нет. Хорошо бы отец приехал интересоваться.

Ничего, на другой день и папа приедет, ему тоже помнится давняя работа на земляничных полянах. Трах-ти-

бидах... Словно, по Щучьему веленью работают грабли. А старательное управление обеспечивает Иван Летунов. Хочется ему, чтобы все получалось, чтобы работалось, как надо, не хуже всех.

Он подторапливает вожжами послушного коня, не глядя на загребущие пружины, определяет по шуму сколько набралось сена, когда наступает момент разгрузки. Нога сама находит педаль. Намного легче теперь. Ой, да разве это сложно — грести?! Щелк — пощелк, трах — тибидах! И — дальше. «Если веришь в себя, если веришь в друзей... Так летите, чудесные птицы, в Березовку нашу скорей». Так поется в груди. Он видит идущих впереди двух богатырей и снова повторяет: «Если веришь в себя, если веришь в друзей... Так летите, летите, фламинго...»

Уже потом, когда поработали хорошо и подходила к концу Ванина часовая смена, стало понятно: у каждого получается, каждый из младших гребцов приноровился, понял что делать в последовательности, как выруливать на поворотах в низине. Еще шире, просторнее показалась поляна. Белесые волны остановились на трети покоса. Время передохнуть.

И тут как раз послышались за березняком удивленные женские голоса. Работницы подоспели. Опираясь на грабли и вилы, стоят женщины перед волнистым покосом и глазам своим не верят. А особая бригада, довольная собой, выходит из — за кустов на взгорок. Теперь уже не два, а пять богатырей в чистом поле на просторе гордятся результатом своего бригадного труда.

— Работники! Вон они где, работники наши! — радуется мама Нина и, размахнув руки, бежит навстречу, чтобы на каждого взглянуть ласковыми благодарными глазами. Ваня знает, что у нее теперь именно такие глаза, отражается в них синее высокое небо с тремя облаками, похожими на фламинго, и нежно — зеленый земляничный луг, похожий на волнистое море. Может быть, думает он, это и есть мамина таинственная поляна.

А с другой стороны от березовой опушки поднималась на взгорок самая красивая девятиклассница, которую пригласил и поджидал Виталий. Она принесла в подарок шесть букетиков земляники.

У каждого своя песня

Теперь после согласованной жаркой работы все вместе взрослые и дети дружной семьей расположились на отдых в тени под березами. Женщины вспоминают школьные годы, а ребята, лежа на валках свежего пахучего сена, вслушиваются в разговор, мечтательно поглядывают в небо. Шелестит ра—зомлелая листва, перекликаются чибисы.

— Глядите, глядите! — взволнованно шепчет Сенечка.

— Фла—мин—го—оо!

И все повернулись в ту сторону, куда он показывал.

Розоватым облачком поднялись за оврагом над другим еще некошеным сиреневым лугом три дивные птицы и будто бы растаяли — исчезли в широком лесном проеме. Ваня даже разглядеть по—хорошему не успел, разволновался только. Хотелось спросить маму: видела она или нет?

— Точно, это птицы фламинго. Дедушка про них рас—сказывал, — говорит Виталий Груздев, глядя на Леночку, спра—шивает: — Правда, чудесные?

— Конечно. Я знаю, Виталик. Я видела, они возле омута бывают.

— Издалека только и увидишь. Пугливые очень... Ког—да—то на нашей реке у некоторых из них была родина. — Нина Васильевна пристально посмотрела на сына. — Про—летели розовые птицы в синеве туманной. Мы с тобой оста—лись на своей поляне, — произнесла она песенным голосом. — Очень давно я хотела сочинить песню, такое начало было. Хорошо бы свою песню спеть, правда?

— Запевай — подпоем, — сказалась отзывчивая соседка Татьяна. — Раньше бывало певали. Сколько песен хороших, а вспоминаем редко. Слушайте, птицы для нас поют.

Над поляной радостно заливались удивленные жаво—ронки. Они перекликались нескончаемыми песнями, неви—димые звенели и трудно было определить сколько их в этот день поднялось в безоблачное небо. Птицы славили новых работников, про которых Виталий почему—то горделиво ска—зал своей Леночке Светлановой:

— Мои ребята никакую цивилизацию уже не разрушат.

Он медленно перебирает струны, вспоминая свою мелодию.

* * *

Может быть, кто — то на следующий день выбежит на эту поляну, не зная, что она уже выкошена, заставлена копнами, и остолбенеет охваченный холодком неожиданности, будто бы в другой мир попал. Пусть завтра прибежит сюда опоздавший к началу сенокоса Славик Фиолетов, будет стоять с приотк — рытым от удивления ртом, а шагах в десяти от него на чисти — не столбиком встанет русак, из — под березы выйдет огромная доверчивая лосиха с лосенком, а за оврагом над другой по — ляной розовым виденьем, словно облачко,, проплывут чудес — ные пугливые птицы. Завтра снова появятся здесь работники.

Вечером усталый Ваня Летунов думал о возвращении на поляну, тихонечко приговаривал верную Арту, с нетерпеньем ждавшую хозяина возле крыльца — она не догадалась, где он, что делает, а то примчалась бы, может, и сообразила куда по — девался, но не хотела мешать. Вот за эту догадливость и бла — годарил ее Ваня, прижимаясь щекой к ее щеке, поглаживал шелковую шерстку между ушами. Она понимала его, не су — етилась нисколько, не скулила, не взлаивала, а только нежно прижималась, сочувствуя усталости.

Нет, не смог он долго сидеть на крыльце в ожидании, когда мама подоит корову, принесет хлеб от бабушки Анны и позо — вет ужинать. Сморило его, не хватило сил дождаться отца. Даже сквозь сон в этот раз не слышал, как папа Коля тихими шагами поднимается по лестнице, заглядывает в полог, при — клоняясь, ощупью находит на подушке раскинутые руки сына — будто он плывет на спинке и размахнулся, чтобы гребануть под себя. Отец осторожно целует приоткрытую ладошку и нежно шепчет: «Устал, Ванюша». А потом так же склоняется над младшим и тоже целует.

Некоторое время отец стоит в темной тишине, прислуши — ваясь к дыханию спящих детей. Вздохнул, медленно открывает дверь в избу, широко перешагивает через порог, там уже громко, не шепотом, говорит чего — то про погоду, метанье стогов на земляничной поляне, вспоминает безразличного к таким де — лам директора, которому непременно надо позвонить, объяс — нить обстановку. Мама Нина снимает трубку телефона и просит, чтобы папа прикрыл дверь — нечего ребятишек бес — покоить. Она набирает номер, ждет когда длинные гудки при — зовут начальника на разговор.

А Ваня уже странствует во сне. Он выходит из туманного ельника, склоняется, чтобы притронуться к земле, узнать какая она теплая — теплая, и понизу под туманом видит просвет между рядами копен, ведущий как раз туда, к соснам, к тому древнему

камню — валуну. Босые ноги ощущают тепло земли и холод травы одновременно. При каждом шаге капли росы ударя — ются в мелкие листья, переливчато звенят, словно струны ги — тары. «Пролетели розовые птицы в синеве туманной...»

Под эту мелодию видится полет, о котором давно мечта — лось. «Разрешаю взлет всем экипажам!» — торжественно звучит голос ответственного за лето Виталия Сергеевича Груз — дева. Сегодня он руководит полетом. Сегодня его команда выполняет особое чудесное задание — делает погоду над сенокосными полянами.тВместе и погоду можно переменить, если она заненастит.

Словно огромные стеклянные шары из глубины омута, взле — тели поверх облаков батискафы — вертолеты. Они начали стре — котать, потому что пружинными граблями трудно разгрести густые тяжелые облака, нависшие над лесами, полями, лугами. Полоска просвета постепенно расширяется, и уже видна внизу ярко освещенная сенокосная поляна, на ней рядами постав — лены сто тридцать три копны — как раз на три хороших стога.

«Ура! Ура!» — кричат мальчишки в летательных аппа — ратах и сами слышат, понимают друг друга. Каждого из них слышит и понимает тот самый Виталий Груздев, которому давно хотелось быть десантником, генеральным конструктором и директором школы.

Он дает команду:

«Заглушить моторы! Бесшумно и доверчиво приземляй — тесь. Не пугайте розовую птицу. Помните, у нее есть тайна, которую ничем заменить нельзя».

Поют петухи, задиристо, радостно. Под карнизом копо — шатся ласточки; одна устроилась на проводе и журчащей скороговоркой сообщает: «Видите, заря занялась, скоро сол — нце, взойдет»...

Ваня слышит и не слышит это утреннее щебетанье ка — сатки. Уже несколько раз повернулся он с боку на бок, а совсем проснуться не может, хотя знает, что мама Нина по — доила и отправила пастись корову Зорьку, папа приготовил полустоговые и стоговые вилы, запряг в телегу и привел к дому седогривого медлительного Битюка, на котором они всей семьей поедут на поляну, и Сенечка, конечно, с ними поедет. Конь фыркает, взбрякивает свободными удилами и обмахи — вается хвостом. В отдалении слышится ржание Красотки, ок — ликающей своего жеребенка — малыша. От кузницы долетает звон наковальни. Приглушенно урчит на развороте возле мастерских колесный трактор с косилкой. Пронзительным голосом кричит Фиолетик: «А я не останусь, поеду, Новый день начинается, а Ваня все еще летит за розовой

птицей. Но слышит, слышит сквозь сон — Семечкин припев новой песни повторяет под гитару:

— Синие в зареве алом зайцы плывут на бревне.

Ване нравится припев, но будто бы видит Василису.

Мама не сразу решилась будить:

— Сынок, Ванюша, проснись. Вставай, Иван, вставай!

На улице соседка Татьяна кричит:

— Догоняйте. Мы поехали.

— Ладно. Дорога знакомая, — отзывается папа Коля. — Ребят своих никак не раскачаем. Не выспались, разнежились.

Иван приоткрывает глаза, вяло потягивается, широко зевает и снова заталкивает сложенные ладошки под щеку. Проходит еще несколько минут. Опять кричит петух, лает Арта. Даже братик Василий проснулся, ворочается, маму хныканьем зовет к себе. А она еще старшего никак не растормошит, будто забыл он свою первую песенку. Утром рано, на заре, когда туманно на дворе...

Хорошо вставать ранним утром, когда чувствуешь, что ты очень нужен, что тебя ждут добрые люди, друзья приглашают на дальнюю поляну.

— Так сладко ты спал, — ласковый голос. — Не хотелось будить.

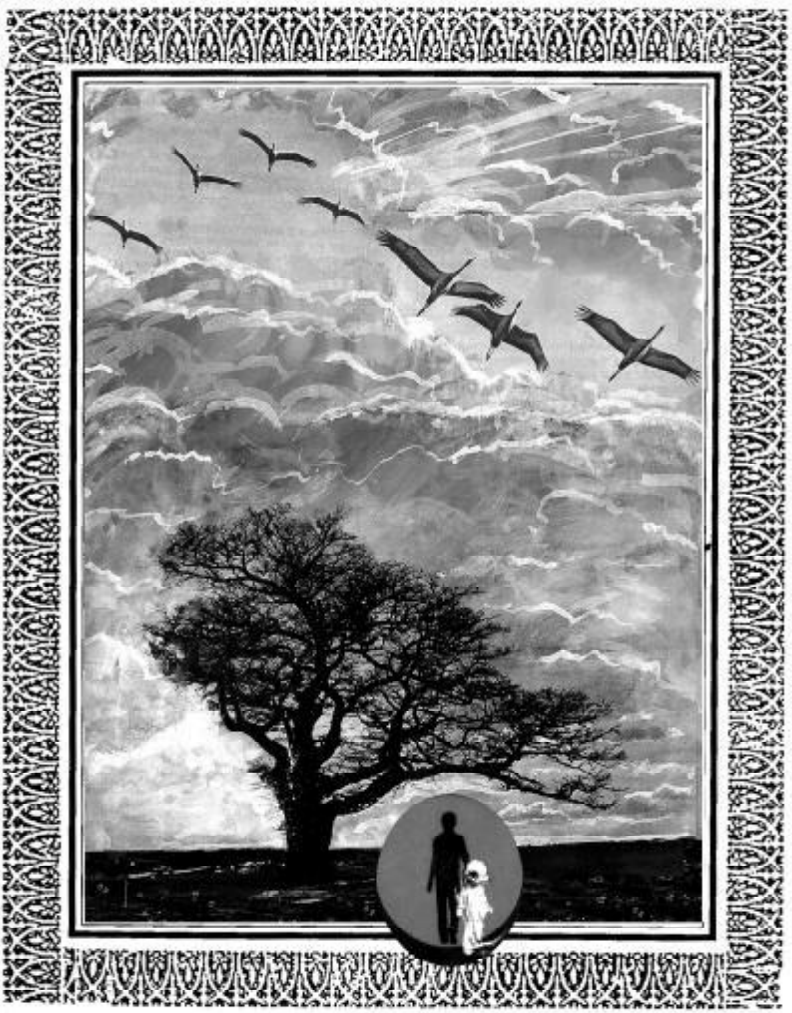
— Я готов, мама! — взбодрился Иван. — Поднимай своего Василька.

Слышится требовательный голос Виталия Груздева:

— Пять минут на сборы. И — выходи строится!

Ожидая испытательную команду, он перебирает струны, выстраивает мелодию, поет, наверно, для идущей к нему Светланы:

— Будут сниться чудесные птицы моих земляничных полян.

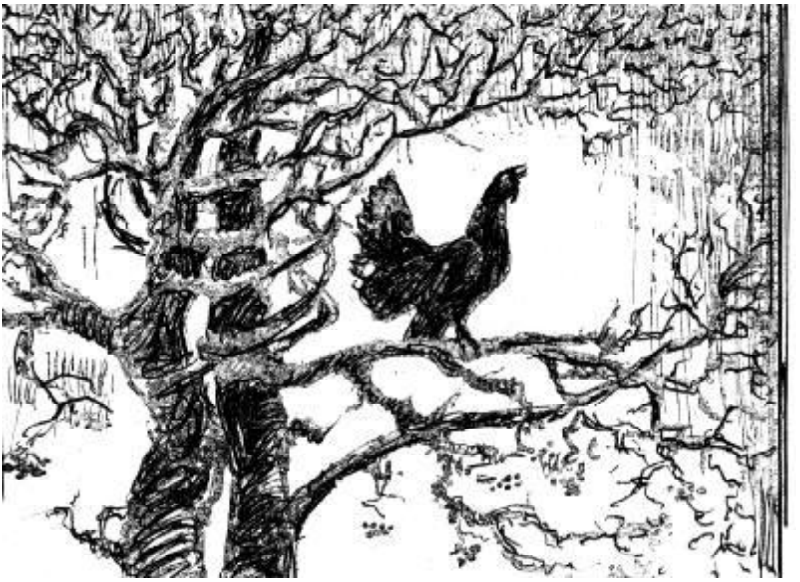


ЗАПОМИНАЙ ДОРОГУ

Повесть рассказываю детям и внукам

У памяти моей свои законы,
Я рвусь вперед, стремителен маршрут,
Ее обозы сзади многотонны,
Скрипят возы и медленно ползут.

Павел Боцу.



Увидишь и поймешь

Неопознанные летающие объекты все чаще упомина-ются в заманчивых публикациях. Даже районные издания несколько раз сообщали о том, что Большое болото кто-то сверху изучает в безоблачные ночи. Но по дороге в свой лю-бимый лес я забываю о газетной модной болтовне.

Свежая стылая синева на земле, а на небе — нежная веселая зелень. Перелески прозрачны настолько, что через них виднеется и второе, и третье поле в ровной белизне. Ка-жется, каждый шорох отдается тягучим эхом высоко над го-ловой, словно и там, в небе, есть такие же леса. В низинном перелеске, раздвоенном оврагом, начинается болото. Ближе к чернолесью, если пройти в сторону реки, оно, цепляясь упру-гой зеленью зыбких мхов, постепенно расползается. Чем даль-ше идешь, тем труднее выбирать тропу: надо обходить разлапистые кочки, покрытые куржавинкой обильного инея, перепрыгивать с холмика на холмик, чтобы не проломиться в замаскированную ненадежным льдом вязкую лужу. Но все равно в пору первых заморозков на болоте разобьешь не одно ледяное зеркало.

Вспорхнут раз — другой рябчики. И снова пересвисты — ваются в низкорослом чахлом сосняке. Где — то над бугрин — ным закрайком с веселым три — та — та поднимутся косачи, а вслед за ними будто бы спросонья тяжело захлопает кры — льями глухарь, расталкивающий густое переплетенье ветви — стого березняка, вставшего на пути яркой рябью тонких стволов. Хотя этот взлет не первый, все равно он волнует охотничью страсть, и, настораживаясь, слышу собственное ды — хание, только свое дыхание и ничего более — все опять за — таилось.

Вдруг бесшумно явилась другая тяжелая птица, села не — подалеку на вершину сосны. И забываешь о спелой клюкве, ради которой пробирался сюда, на середину Большого болота — знаю, оно невелико, просто так называется, мы в детстве его так назвали, потому что тут заблудились.

Болотце окружено сосновыми бугринами да стайками сизоватого ельника, покрытого иневой бахромой. Тут свой мир, свои хозяева тишины. Наверно, самый главный из них — осторожный реликтовый глухарь. Прислушиваясь, раз — двигаю ветви, чтобы высмотреть его. А — а, вон где! Словно черный лебедь, изгибая шею, кланяется с вершины сосновой густоты и на кого — то приглушенно бубнит — ругает, должно быть, за то, что возятся, шебуршат безоглядно молодые косачи. Борода у него трясется, черная клочковатая бородка — то, а мне, как в детстве, представляется большущей, волшебной, иногда она отливает голубым, а то и лазурным атласом. В приотк — рытом клюве у глухаря будто бы брусничинка алеет. И весь он теперь не черный, а разноцветный: при свете утреннего неуверенного солнца оперение переливается радужным мно — гоцветьем.

Надеюсь, что глухарь успокоится, будет сидеть на вер — шине, подставив грудь ласковому солнцу, и, довольный всем происходящим вокруг, уверенно, влюбленно запоет. Но ред — кая эта птица, говорят охотники, удивительно осторожна, по — этому поет мало. Надо бы получше разглядеть глухаря — нечасто попадаются они в наших местах, может случиться так, что и совсем скоро переведутся. Подойти бы поближе. Но трогаться с места можно только во время песни: знаю, опыт — ные охотники даже весной, в пору дружного токованья этих больших птиц, когда вся природа любовью взбудоражена, кра — дутся на выстрел умелыми прыжками. У меня нет ружья, подкрадываться вроде бы незачем, вообще считаю ковар — ством затаиванье под песню, какой бы страстью ни оправ — дывалась глухариная охота. Мне достаточно и того, что вижу редкую птицу над заиндевелым болотом и терпеливо жду

по — весеннему волнующей песни удивительного природного певца; он все же выжил нынешним ненастным летом, спасаясь в перелесках между полями, которые опыляли ядохимикатами, борясь с какой — то льняной блошкой и кустистым новым сорняком, заполоняющим злаки...

Вот глухарь нацелился, едва размахнув крылья, тяжело, но почти бесшумно, разве что взволнив воздух, опустился на запорошенный снежной синевой болотный мох. Приподымаюсь на цыпочки, выглядываю из — за мелких ветвей, а потом взбираюсь на обледенелый пень и замираю в напряженном ожидании. Должен, думаю, глухарь обнаружить себя там, под сосной. Он тоже, видимо, затаился, схитрил — не пробежал, не взлетел, а все — таки исчез. Вместо него, словно голубой мячик, выскочил откуда — то развеселый заяц. Увлеченный азартной игрой, понятной только ему.

Точно, была игра. Радостная, утренняя игра. То появлялся один голубой мячик, то выскакивали из — за холмиков два или три сразу. Иногда в заячью беготню вмешивались яркие, отраженные от стволов солнечные блики. Ба, да и зайчики нынче сохранились, уцелели, очень шустрые они, жизнерадостные, словно и не было тяжелых дождей, опыления лесов, химобработки на полях. Вот мелькнул оранжевый хвост лисицы, бегающей по кругу, в центре которого, навострив уши, сгрудились три зайца. Похоже, догонялки у них, догонялки да затаенки — детские игры. Ну не может быть, чтобы зайчики молодые и лиса вместе играли. Хоть глазам своим не верь.

Грохотнуло в стороне, словно эхо выстрела прокатилось. И переменился лес, пасмурно стало в нем. Через некоторое время опять промелькнул синий комок — заяц, конечно, а следом за ним — лиса. Снова — настороженная тишина. И вдруг я отчетливо почувствовал на себе взгляд того исчезнувшего глухаря, он смотрел на меня из кустов можжевельника. Оттуда же и зайцы на меня глядели, и лиса, хитро прищуриваясь, смеялась надо мной.

Снова выглянуло солнышко. Все вокруг смотрело на меня вишневыми глазами, смотрело доверчиво и весело. Может быть, в тихий и добрый час, желая открыть нам свои очаровательные, ранее никому не доступные тайны, сама природа так смотрит? Внимательность и осторожность в лесу, душевный человеческий отзыв на каждое движенье, каждую перемену в привычном мире, чуткость и доброта ко всему живому воздаются таким таинственно — благодарным взглядом.

Только успел так подумать, настойчиво потянул верховой ветер, закачало деревья, и рассеялась над болотцем желтая пыль. Небольшая дымчато — клубистая туча вставала все выше

и выше, угрожающе нависая над лесом. Исчезли солнечные блики, помрачнели, испепелились недавно казавшиеся голу — быми тени от деревьев. Опять стало пустынно, глухо, лишь неунывающая, смелая птица где — то вызвенькивала зимнюю песенку. Она этой песенкой вызвала солнце из — за тучи — заиграли другие краски, снова отовсюду смотрели на меня веселые, доверчивые вишневые глаза. Пригляделся внима — тельнее, приглушая восхищение практичным интересом, — вишневые глаза тут же превратились в спелую крупную клюк — ву. И стало понятно: иней покрыл ягоды ровной голубоватой изморозью, а когда солнце пригрело, оказались они ярко — вишневыми. Все очень просто. Иногда и чудеса легко объяс — нить. Только иногда.

Случаются, случаются еще чудеса на болоте, которое в дет — стве казалось Большим, но только при особенном свете, когда прорывается он сквозь дымную завесу. Бывает, неделями не выглядывает солнце. И ждешь терпеливо свой день, свой чу — десный час, в который многое открывается. Природа богата неразгаданными тайнами, она хранит красоту и чудеса для тебя, добрый человек. Если не зачерствела твоя душа, ты уви — дишь и поймешь.

Рябиновый свет

Кружатся, все слабее мелькают разноцветные листья. Кроны деревьев похожи на кружева. В роще стволы берез стали еще белее, и только на опушках, освещенных вечерним солнцем, они по-летнему сиреневые. Под тяжелыми вет-вями нахмуренных елей проходишь словно под сводами изум-рудной пещеры. В этом сказочном сумраке, под тревожным лесным шумом представляешь себя в далеком робком детстве, когда кажется, что заблудился.

И вдруг там, в новом просвете что-то вспыхнуло, заиск-рилось и призывает к себе, указывая дорогу. Радуешься, при-ближаясь и узнавая рябину. А дальше другая, еще ярче. Кажется, что яркие гроздья излучают ласковое тепло. Огля-дываешься вокруг и находишь еще такую же рябину. Ви-дишь в той стороне, куда тебе надо идти. Видишь и радуешься.

А лес гудит, волнами раскатывается гул в низинах и ов-рагах, вдоль реки. Листобой гуляет, куролесит и гасит листву, а рябины все светят и светят.

Падут заморозки, пройдут первые непроглядные снего-пады. И прилетят к рябинам птицы. И придет человек, ос-торожно сломит несколько веток с гроздьями, унесет домой. И повесит на чердаке под самой крышей, у высокого окна, чтобы каждый прохожий мог видеть в этом чердачном окне рябиновый свет.

В моем краю возле каждого дома растут рябины. Бре-венчатые дома будто мрачнеют, если нет поблизости хотя бы маленькой рябинки, способной украсить яблоневый или виш-невый сад. Знаю, многих моих земляков сквозь годы и рас-стояния греет это домашнее тепло рябинового света. Мне рябины дороги с тех суровых военных лет, когда и в глубоком тылу не только что о сахаре — о настоящем хлебе не реша-лись вслух вспоминать. Мы, школьники и дошколята, бегали по первым заморозкам к манящим лесным рябинам, собирали ветки с ягодами и охапками носили на чердаки, а средь зимы матери выдавали нам рябиновое лакомство.

Не могу представить свое детство, единственный непов-торимый край, который не выбирают, ни родной дом, которого давно уже нет, без далекого зовущего дерева. А разве осень без рябинового света можно представить?

Лакомство для прицепщика

Первая, самая первая по берегам оврагов, на теплых сол—нечных закрайках, манящая поспевает ягода. Еще белые цве—тики с желтыми глазками радостно светятся в траве, а можно найти крупную сочно—красную земляничину на заветном бугорочке под коряжистой березой. Хватает терпенья, так и этак склонишься над ней, глотая слюну, но срывать не спе—шишь. Чудо да и только! Никто не видел, никто не знает, что земляника поспела, а ты видишь ее над мохнатеньким рез—ным листочком, и в глазах у тебя рябит, поэтому кажется, по—этому верится: ты — самый счастливый из всех мальчишек! Можно бы и не срывать эту ягоду, чтобы завтра снова ее найти, а вдруг кто—нибудь другой сорвет! Чур, моя! Чур, самая первая — вот в чем особенная сладость. Листочек—розе—точку найду, лучистую земляничину, согревая дыханьем, на этом листе домой принесу и покажу маме, надеясь, что похвалит, как однажды, скажет: «Я тоже нашла, — и подаст младшему сыну букетик земляники. — Твоя доля. Тебе сберегла».

«Где так много? Где ты, мама, нашла? Никому не говори, только мне шепни, я постараюсь найду, я находчивый».

«Жадный какой. Ягоды для всех одинаково растут, — ска—жет она. — Нынче на залежах уйма выкраснится».

На залежах... Это я знаю, где залежи — старая пахота, мелкой травой затянуло, задернило ее, на таком удобье и раз—рослась земляника. Дети ближних селений об этом знают, иногда кажется: они родились, дотошно зная что и где растет, чем каждое поле, каждый перелесок примечательны, чем ода—рить могут. Прибежишь, а не ты первый. Там самые ма—ленькие ползают на четвереньках, отыскивая землянику в траве.

Я и сейчас помню, где и какие попадались грибы, где луч—шие малинники, орешники, чернишники. Под какой сосной маслята стайками прячутся в траве, под какой березой вызре—вают самые сладкие ягоды. Почему—то про залежи в горо—ховском поле впервые вспомнилось. На взгорке за грядой белоствольных берез (давно—то у них розовые стволы были) давно мужики луговину конными плугами распахали. А не стало главных работников — начала зарастать пахотная земля.

После войны пришло время снова пахать. Бригадир на—значил меня в прицепщики: «Невелик работник, а на плуге—то посидит, — объяснял он матери. — Пусть к технике привыкает».

Серьезную работу доверили мне. Сидел я в железном кресле, на поворотах веревкой дергал рычаг, чтобы поднялся,

высвободился плуг, да иногда большущее колесо крутил для соблюдения пахотной глубины. И на тракториста погляды-вал: доволен ли он плугарем-прицепщиком?

Ездили мы по полю, бороздили плугом залежи луговые. Спелая подвяленная земляника все время мелькала в траве, словно выпрыгивала на гребень переворачивающегося пла-ста. А колесник с блестящими шпорами на огромных коле-сах рокотал, оглядывая фарами бугристую пахоту.

В ночную смену работалось не очень весело. Всю ночь ползал неутомимый трактор взад-вперед, словно тракто-рист-подросток Валька Крутиков не знал, как его остановить для передышки.

На заре меня все-таки сморило, сколь ни бодрился. Уснул, значит, крепким сном в покачивающемся сиденье — вижу, будто бы тайно выключаю на некоторое время плуг посередине поля, чтобы пропуски получались и сохранялся приманчивый ягодник: мол, потом, когда все ягоды будут собраны, сам по осени вскопаю лопатой это место. Такое на всякий случай и во сне придумалось оправдание. Но кто-то закричал надо мной, со всего маху врезал по спине кнутовищем. Я вскрик-нул — очнулся, да не сразу сообразил, что лежу под кустом в теплой постели из березовых листьев, а Валька сидит рядом, палочкой толчет ягоды в берестяном туеске — землянику, слад-кую как мед, даже слаще меда, готовит к раннему завтраку. Когда он успел столько земляники насобирать? Еще и меня похваливает:

— Молодец, догадался. Как ты в темноте-то углядел, плуг вовремя выключил, когда наехали на каменюку?

Ничего я не видел, никакой каменюка вроде бы не попа-дался, все время только земляника краснела, и наяву, и во сне.

— Ну, проснулся, плугарь? Насовсем проснулся? Тогда ешь толченку, да пахать надо по холодку, может, завершим загонку.

С этой розовой ароматной толченкой липовые лепешки еще вкуснее показались. Никогда больше такого завтрака у меня не было. И не будет. Потому что нет моей родной де-ревни — Малое Тюково. Все перелески выжжены, малотю-ковские поля в одну огромную полосу распаханы.

Деревни нет, земляника в былых полях не растет, а только на гарях былых вырубок. Иногда при печальных воспоми-наниях чувствую, что сохраняется у лесных ягод привкус осо-бенный, как будто бы они солоновато пригарчивают, дымом от них пахнет. Но и такая земляника, собранная возле обгоре-лых пней и валежин, в давние сороковые годы бывала особым спасительным лакомством и ожидаемой радостью.

Наша крапива

Как сейчас вижу наш высокий пятистенок в окружении старых развалистых черемух, молодых лип и берез — эти посажены старшими братьями, а я свое дерево вместе с ними не успел посадить по малости лет, два кустика малины из лесу принес. Но разросшийся малинник заглушила крапива, сильная, дружная, точно такая, что в буреломах да на вырубках буйно разрастается до тех пор, пока подрост силу не заберет, не заявит определенно: тут будет березовая роща.

Посреди малотюковского взгорья высокие стояли бере—зы. А деревенька—то наша, чудо, как хороша была! Большие бревенчатые дома с белыми наличниками будто взялись за руки — заборы их соединяют, точнее, и не заборы, а обыкно—венный тын (с соседом дружись, а тын городи). Посреди деревни — ровная лужайка, ни трактор, ни машина не смели на нее въезжать. Тут, возле звонка — вагонный буфер на столбе висел, его подростки от железной дороги из Манту—рова привезли, когда ездили на станцию хлебным обозом, — собирались на собрания, перед началом работы. В день По—беды этот звонок сзывал народ к великой радости. Тогда люди стали другими, они ликовали, вдруг подхватили и высоко подняли на руках председательницу Любовь Майдакову, кри—чали ура!

Здесь же, посреди деревни, вручали маме орден «Мате—ринская слава». И здесь меня хотели опозорить крапивой, потому что дрожащими руками воровски выкапывал кар—тошку—самосадку на зеленом пшеничном поле. За крапивой недалеко было ходить, тут, возле столба, и росла она...

Крапивный куст на зеленой лужайке посреди Малого Тюкова. Никто не сбивал его, не рубил сплеча палками, по—хожими на длинный меч. За этой крапивой не прятались при любой игре. А мы, дети, много всяких забав да игр знали: прятки, палочка—выручалочка, лапта, чиж, лепки, затаенки... Бежишь, пока «вода» считает, времени — чувствуешь — ос—тается мало, надо бы за крапивой притаиться, а нет, нельзя почему—то; с давних пор так повелось: нельзя — и все. Тра—диция! Возле крапивы не таись.

Деревенька моя Малое Тюково не только крапивой па—мятна. Но в сторону Дачки глянешь — так назывались даль—ние поля с перелесками — вспомнишь, как, продираясь сквозь крапиву, подползал из оврага к клеверному полю и рвал пу—шистые розовые головки, из которых мама пекла лепешки.

Перемешает с мукой из липовых да крапивных листьев, не-множко крахмалу или муки для сдобности добавит, и получа-ются зелено-дымчатые лепешечки. Такие очень вкусны, если достанется чашка синего обезжиренного молока — обрата каждому из нас: шестнадцать лепешек — по две, восемь ста-канов обрата — вот и завтрак на свежей траве под окном.

На восход солнца смотреть — значит, в сторону горохо-вых полей, так они всегда и назывались, хотя на них не только горох высевали. В привлекательном этом поле однажды догнал меня сердитый всадник — он из райцентра ехал на вороном коне — и в наказание за горсточку стручков огрел кнутом, когда я вроде бы спасся, в изнеможении упав на меже в вы-сокий бурьян с крапивой. Запомнилось: крапива тогда не жгла.

Говорят, обиды не помнятся, говорят, из детства остаются нам только светлые воспоминания. Конечно, есть и светлые, аж дух захватывает. Сам себя вижу издалека: лечу на белом коне, забыв, что он хромает — задняя левая нога у него после ранения короче, воображаю себя красным конником, взма-хиваю прутиком налево и направо: расступись, вражья сила! Расступись, крапива, которая не виновата ни в чем перед нами!

Или вот купаться на Федьковку бежим. Срываем рубахи, сбрасываем штанишки и несемся ватагой, ликуя в наготе! А почтальонка тетя Поля, как на грех, поднимается в гору и, всплеснув руками, кричит: «Ой, какие первобытные! Ну-ко, счас крапивой-то!» Кто не успел до моста добежать, да ныр-нуть суетливо, словно пескарик, на мелкоте скрыться, тот в закраек у дороги сунулся. И вылезает потом весь в белых пупырышках, пыхтит-сопит, больно, конечно, разве не больно, а реветь-то нельзя, только что на бегу ликовал — радостно улюлюкал и тут же, через минуту, слезы?!

Крапивы в нашем детстве хватало. Не только щи из нее варили да лепешки пекли, бывало, крапивой наказывали. Может, на пользу, может, она в теле здоровье оберегала, душу закаляла и характер укрепить могла.

Там, где пятистенок родной стоял, давно крапива растет. Одна только крапива, но и малина пробивается, березы да черемухи гибким подростом встают. Впервые своего млад-шего сына веду зарастающими тропинками, рассказывая где чей дом стоял, по какой дороге куда люди ездили, и пре-дупреждаю: не обожгись, тут крапивы много.

Обоз

Через многие зимы возвращаюсь к дальним полям и дорогам, возвращаюсь в деревню, которой нет. Среди зарослей представляю осенний путь — по нему возили зерно свежего намолота для государства.

В той стороне, где встает солнце, по ржаному полю, недалеко от нашей деревни, проходила большая дорога. А под горою протекала Федьковка. Река не широкая, так, речонка, но купались в ней: с одного берега нырнешь, у другого вынырнешь. Если и не умеешь плавать — ныряй смело: не утонешь. Рыба в реке водилась, только на удочку редко ловили: хариус — чуткая и хитрая рыба. Иногда мне казалось, мы живем на острове, потому что в солнечную погоду дальние леса похожи на море. Где кончается оно, мы не знали. И что за этим морем, тоже не знали. Я ни разу дальше своих полей не бывал. А хотелось побывать.

Однажды с хлебным обозом нас отрядили: поезжайте, ребята, хоть и малы, да управитесь, кроме вас посылать некого. Большой получился обоз, потому что подъехали на быках и лошадях погонщики из других деревень.

— Как встали в цепочку, так до станции держитесь этим строгим порядком, чтобы никто не отстал, не потерялся, мало ли что. — Советы председателя, конечно, были нужны. Он еще раз прошел вдоль обоза, проверяя, все ли ладно, махнул рукой — подал сигнал «головному» кучеру: «Трогай!»

«До свиданья, мама. Не бойся, ничего не случится».

Не знаю, почему она плакала: ведь я не на фронт уезжал. Правда, и мне было трудно, крепился, чтобы не зареветь. Попробуй, покажи слезы — тут же из обоза отчислят. И так учитель не сразу согласился отпустить третьеклассников, мог и меня задержать.

— Не отставайте! — командует Егор Бахвалов, назначенный обозным командиром. — Эй, чего там?! Подтянись! — Он бежит вдоль обоза, подгоняет быков, лошадей, что-то советует обозникам.

Я дернул вожжи, взмахнул кнутом, и Косой (так звали быка, управлять которым пришлось мне), напрягаясь изо всех сил, пошел быстрее.

Когда въехали в лес, колеса застучали по корням деревьев. Мохнатые еловые «лапы» норовили сдернуть кепку. Над телегами пролетела ворона, словно пересчитала возы, и кар-кнула. Ленька взмахнул кнутом — ворона, извернувшись, нырнула в рябинник, хлопая крыльями по веткам, сбивая тяжелые ягоды, улетела.

Кто-то кричал в темной чаще — так, наверно, в заколдованном лесу сказочные чудовища кричат. Ленька прибежал ко мне, чтобы успокоить:

— Боишься?

— Нечего бояться. Это — сова.

— Верно. А чуть что — меня зови. Вот так: «Лё!» — и

все. Догадаюсь: друг в опасности или чего-нибудь особенное заметил. Насторожит чего — тоже подзывай. А вообще-то дорога проверена.

Я подумал: кто ее проверял, кто ее охраняет? А если диверсанты или шпионы нападут на обоз?

— По-о-ше-ол! В гору с ходу пошел! — командовал главный.

— По-шел! Ну! Еще, еще! А ну, рразом! — кричали впереди бойкие погонщики их тех, кто не первый раз преодолевал эту крутизну.

— Ну, Косой! Не подведи, — шепотом просил я своего покорного быка. — Но, Косой, пошел! Эх торопись, напрягайся, Косой!

— Ты поласковей с ним. Не обзывай. — Егор опять возвратился к последним подводам.

— Да его так зовут. Давай, милый. Вези, милок! — просил я как можно ласковее. Бык, вытягиваясь, мотался из стороны в сторону, сильно хрипел, но продвигался в общей растянувшейся цепи.

Разорванные звенья обоза, подводы, на горе вновь соединились. И натужно, неторопливо, как в начале пути, двигались по разбитой, изрезанной тележными колесами дороге.

После очередного подъема в гору вновь перестроился обоз: по приказанию Егора последним поехал Ленька на сильном быке Буяне. «Смотрю, шустрый ты, парень! Замыкающим пойдешь. А этот, — он показал на меня, — мал еще, видать, робеет!»

— Нет, он смелый. Мы вместе, везде вместе. И в школе — на одной парте.

— Так должно быть, ребята. Всюду и всегда так! — похвалил Егор.

Наступила ночь. Ветер растащил тучи, чтобы луна могла освещать дорогу, груженные мешками телеги, напряженные спины коней и быков. Наверно, обоз с высоты казался маленьким, на такой нападать никто не захочет. Я затолкал озябшие ноги под теплые мешки. Подсушенное в овине зерно, согревало и успокаивало. По-прежнему поскрипывали телеги, фыркали лошади, пофукивали быки, тихонько перегоравались ребята. Кто-то впереди крикливо запел: «По долинам и по взгорьям...» Но песня осталась недопетой — небось, Егор Бахвалов запретил орать.

Луна — в этом я уверен — старалась посветить мне. Там, на луне, увидел дорогу, колдобистую и грязную. Подумалось, что и по той дороге везут хлеб мальчишки, среди которых есть маленькие и робкие.

Колеса больше не стучали, телеги не скрипели. Обоз спускался в овраг по мягкой, песчаной дороге. Я видел во сне, как мы на станции сдаем зерно небольшому вооруженному отряду, командует этим отрядом Ленькин отец. Легко, без осо-бого труда, кидаем мешки в вагоны. И не хватило одного! Куда подевался? Всюду разыскивали мы этот мешок. А над нами кружили самолеты. За каждым кустом, за каждым де-ревом таились фашисты в чернокрылых накидках, задумав-шие бесшумно взять нас в плен. Они схватили меня, опутали ноги цепью. Я кусался, орал, веря в то, что у фрицев от моего крика в ушах лопнут барабанные перепонки.

«Сюда! Ленька, ко мне! — звал на помощь. — Леня, вы-ручай!» И эхо разнесло над всей землей: «Оня-ру-чай-чай!» А кто поймет такой крик? Только мой друг.

— Чего ты, с ума сошел? — Он растормошил меня. — Тут я. Гляжу, спишь. Вот и привязал веревкой, а то вывалишься.

— Егор слышал мой крик?

— Нет, конечно. Ты ведь тихонько. Не спи больше, скоро утро. Знаешь, как чудно в тумане-то, будто на пароме.

— Да уж, чудно... ничего не видно, в таком молоке...

На рассвете обоз подъехал к переправе. Но паром был неисправен, пришлось заниматься ремонтом. На реке за-держались до полудня. Старшие ребята помогали двум жен-щинам-паромщицам подвозить бревна, рубили, пилили, приколачивали, стучали топорами, как заправские плотники; кто поменьше, наши деревенские — Яша, Рудик и я — кор-мили быков и лошадей, охраняли мешки, разводили костры, пекли картошку.

Переправлялись через широкую мутноватую Унжу на пароме. Быки упирались, никак не хотели идти с берега, бо-ялись, наверно, воды и свежих тесаных жердей, положенных в настил. Чтобы скатить первую подводу на паром, общими си-лами толкали телегу и упирающегося быка. По такому опыту дело пошло быстрее, но все равно было трудно. На другой берег с парома быки выходили уверенно. Лошади с трудом вытягивали тяжелые возы.

Опять подталкивали обозники подводу за подводой на крутой высокий берег. Измозолили, исцарапали руки, пере-пачкались в глине, измучились. Вместе с нами сбивали паром с мели, толкали возы, понукали лошадей две худенькие, с вос-паленными красными глазами, женщины. И все время по-торапливали: «Живей, живей! Вот-вот кологривские подъедут. Задерживать их никак нельзя — дорога дальняя». Одна, по-моложе, которую звали Дарьей, наказывала: «Держитесь правой стороны — перекосов меньше, колеи не так глубоки».

Предупреждала она не зря. Уже в первой низине у одной телеги лопнула ось, у другой — колесо подвихнулось. Ось запасная нашлась, а колесо просили в попутной деревне. Не отказал хромой конюх, снял с молоковозки и подал: «Берите, ребята, — говорит, — на «подвязнике» не уедешь».

— Ой, хоть бы что, — бахвалится бывалый Петька.

Он по этой дороге третий раз едет, поэтому в головную часть обоза поставили, вроде как и не наш деревенский, поглядывает на малотюковских свысока. Но уверяет, что, в случае чего, на подмогу всегда прибежит, если потребуется. Может, и не хуже так-то: он впереди, а мы — в замыкающих, везде наши есть, хорошо распределились.

Теперь нечего бояться, потому что большой лес кончился, едем редким березняком, за ним — поле. И снова — березняк. Перелески ольховые попадаются в низинах, а по взгорьям светло и просторно. Вдоль дороги одно селенье за другим. В маленькой деревне девчонки, завидев обоз, почему-то напугались и побежали. Чудачки. Будто первый раз такой обоз увидали. Высокий старик, похожий на нашего кузнеца Прохора, с бородой, упирающейся в грудь, успокаивал девчонок: «Ну, глядите! Это — ребята наши, тюковские, соколовские, зареченские. Издалека они да наши». А девчонки все равно прятались, боязливо выглядывали из-за деда. Егор Бахвалов, улыбаясь, подошел к ним — не испугались. Пока старик объяснял, как лучше проехать, девчонки, раскрыв рты, глазели на Егора: какой он, главный этого обоза, бравый, смелый и красивый.

Старик объяснил, что требовалось, и начал расспрашивать, как идут дела в Тюкове, Соколове, Заречье, кто жив, а кто погиб, кто с каким ранением с фронта вернулся? Егор отвечал охотно, обстоятельно — видно, не только про своих деревенских и про наших все ему известно. Старик назвал Малое Тюково «бабьей деревней», потому что все женщины солдатками оказались.

Он пожелал нам доброго пути и напомнил, что надо почаще проверять сбрую, чтобы тягловых быков и лошадей потертостями не изуродовать.

И в каждом селенье местные люди дивились на нас. А впереди был город, невиданный, долгожданный. Невеликий, двухэтажных домов совсем немного, Петька говорил.

Показался, словно вырос вдруг, горбатый железнодорожный мост. Промчался по нему пыхтящий паровоз, скрылся за домами. Домов-то сколько! И конца не видно! Рядами, рядами — в разные стороны. Думалось, что, может быть кто-нибудь видит меня из окна и понимает: «А тот, на

предпоследнем возу, в городе ни разу не бывал, дома большие впервые видит, а делает вид, что ему не интересно, знай вожжами быка дергает. Фи, какой неопытный. И бык у него смешной, смешной, косоглазит очень забавно...»

Из большого кирпичного дома стайка девчонок выбежала. Среди тех бойких горожанок я выделил одну девочку с большим белым бантиком на голове. На меня, значит, уставилась, кричит что-то. А-а, вот что: «Пить хочешь?! Пить хочешь?» — спрашивает. Конечно, хочу! «Подожди!» — С бидончиком подбежала, со стаканом. — Нашего морсу попробуй. Мы сами сделали, сладенький, на сахарине». Старуха преклоненная, в черном платке, шумит ворчливо: «Да что ты одного, Динка, угощаешь? Всех потчуй. Несите ведро и потчуйте. Ведра-то, поди, хватит на такой отряд».

Обоз остановился. Девчонки притащили ведро с морсом: «Пейте, мы еще сделаем. Мама сахарину много принесла». — Динка эта только на меня смотрит, будто я ей больше всех понравился.

— Дальние? — спросила старуха.

— Из-за реки, — ответил Егор.

— Давеча такие тоже проехали. Все везут хлебушко-то. И все туда, туда. На станции отгружать не поспеют.

— Нас не задержат. Знаем, не первый раз.

Ехали теперь между двухэтажных городских домов. Медленно двигался обоз по извилистой узкой улице. На тротуарах стояли чьи-то матери, деды и бабушки. «Откуда вы?» — спрашивали. «Из Малого Тюкова», — и я осмелился сказаться. «Все?» — «Больно много захотели, — отвечает Егор, — из разных деревень. Соседи. Земляки. Поля рядом. Один комбайн на четыре деревни. И тот поломался...»

У вокзала на широкой площади горели костры. Галдели подростки, обозники, как мы. Иногда появлялись мужики в заскорузлых комбинезонах, они спорили, устанавливая очередность, кого-то бранили за головотяпство. А тихие, безвластные обозники ждали очереди на разгрузку и забавлялись кто чем мог. Возле костра два мальчугана пели частушки:

— Гитлер думает про нас, Что мы испугаемся... А мы встанем в строй сейчас, фашизмом рассчитаемся.

Один, тоненький такой, в большой, съезжающей с плеч тельняшке, прицепил черные, как у Гитлера, усы и, важно вышагивая, поглядывал на публику, выкрикивал непонятные, наверно, немецкие слова.

Другой, рыжий, весь в конопатинках, со вздернутым кверху носом, декламировал:

— Свой народ утешу — Гитлера повешу. Вот и кончится война! Живи спасенная страна!

Тоненький голос вывел знакомую частушку:

— Распроклятая война — я теперь горюй одна. — Кто же это из наших осмелился? Вот здорово! Ребята не унывают. Так, Яша! Молодец! И он, Яша Иванов, хлестнул кнутовищем по сапогу, бросил кепку под ноги и точно таким ходом, как плясал его отец, пошел вприсядку. — И эх, и эх, и эх, и эх! Горевать сегодня грех. Мы не станем горевать. Отчизну надо защищать!

Всем понравилась пляска. Хлопали в ладоши: «Молодец! Молодец!» Позавидуешь. Мне бы так пройтись! Вот если бы умел плясать, обязательно вышел в круг и что-нибудь весе-лое спел!

Чего не умеешь, тому и хочется научиться. Умелому за-видуешь, умелым гордишься. Мне казалось, что Яша просто так всегда хорохорился, чтобы ни в чем не уступать брату, а он, и правда, парень ходовой, не растерялся на большом народе в чужом-то месте. С таким нигде не пропадешь.

Угомонились нескоро, будто и спать никому не хотелось. Младших, самых слабосильных, все-таки свалила усталость, а старшие долго разговаривали возле костра. Я слышал раз-говоры, и казалось мне, что это партизаны обсуждают пред-стоящий бой с фашистами.

А утром таскали мешки на весы по широким, отполиро-ванным доскам, с весов — по таким же доскам — в вагон. Там, в вагоне, женщина и однорукий мужик ловко укладывали мешки плотными рядами, здорово, хватко они управлялись и нас хвалили за подхват вовремя: «Давай, молодцы! Ах, молод-цы, сильные какие! Хорошо! Выше!»

Работали дружно и не заметили, что к вокзалу подошел поезд. Ухнул паровоз, запыхтел, распуская белые паровые усищи. А труба — хлоп да хлоп. Из последнего вагона выс-кочили четыре солдата — и давай нам помогать. Мешки-то, словно мячики, влетали в вагон. «Вот так! — сказал молодой высоченный солдат со смешными, пучочком, усиками, — на-скоком, духом брать надо. Ничего, подрастете, окрепнете, пойдет дело. Пока, ребята! До новых встреч! — Он приподнял меня, смотрит, будто вспоминает, где видел. — Брательник вроде тебя есть у меня». От солдата — я это сразу почувствовал — пахло порохом и мазутом.

Все это произошло так быстро и неожиданно, что мы не успели опомниться, ни одного вопроса не успели задать. Кто-то догадался крикнуть: «До свиданья! Счастливого пути!»

Солдаты вскочили в последний вагон, долго махали пи-лотками. Спросить бы надо, куда они, на какой фронт.

А тут другой поезд приходит. И Ленька вдруг побежал к паровозу.

— Куда ты, вернись, говорю! — требует Егор Бахвалов. Но Ленька бежит вдоль вагонов, вдоль всего состава и не оглядывается. Неужели уезжать собрался, все оставит: под — воду свою, дом родной, мать, школу и меня?

— Стой, Леня! Подожди! Подожди, я с тобой. — Хочу тоже бежать, а ноги не слушаются.

Ленька все дальше, бежит и бежит к паровозу. Из каби — ны по лесенке спустился машинист, наклонился и что — то стал объяснять. Ленька выслушал его, будто примерный учe — ник. Но обратно не идет. Машинист немного проводил его, даже подтолкнул слегка и говорит: :»Домой иди, к матери. В тылу работать кому — то надо. Фронт тылом крепок».

— Чего там? Зачем он? — спрашивают ребята.

— Чего, чего... Поговорил с машинистом, и все, — ответил Егор. Когда Ленька вернулся, Егор дружески похлопал его по плечу. — Ты думаешь, другим легко, другим к отцу не хочется? У меня, например, батьку в первый день недалеко от Бреста... — Егор свернул «козью ножку», кресалом ударив по кремню, добыл искру, прикурил. И, попыхивая табачным ды — мом, перебрал накладные — документы на сданное зерно, ак — куратно свернул их, положил в нагрудный карман.

— По коням, — тихо сказал он. — За мной! Из города уезжали по узкой извилистой улице. Провожали нас пе — чальные женщины. И снова девчонки угощали морсом, возле меня долго стояла молчаливая Динка. Я не смущался и не сообразил, что надо бы поблагодарить и сказать: до новой встречи

Дорога домой была короче. Утром следующего дня доб — рались до знакомого леса, остановились, чтобы еще раз огля — деть телеги, сбрую, немного покормить лошадей и быков. Егор принес откуда — то две пилы, четыре топора и приказал за — готавливать дрова: «Порожняком возвращаться нельзя!» На — верно, каждый думал о том, что матери обязательно похвалят.

— А вы, пацаны, рябину пока клюйте, — распорядился Бахвалов.

Разбрелись по лесу, по берегам овражков. Шумим, аука — емся, чтобы всяческая нечисть разбегалась, чтобы у дивер — сантов, если они в самом деле прячутся по лесам, волосы дыбом встали. Через некоторое время тут и там затрещало, зашур — шало — значит, нашли, напали на рябину.

— Ой, какая сладкая! — кричат ребята.

Рябины было очень много. У меня даже появилась жад — ность: всю бы собрать, уложить на чердаке, пускай подвялится,

подмерзнет! Много набрал, прижимая узел к груди, проби—раюсь на поляну. «Только бы не упасть, только бы не упа—сть».Идти трудно не потому, что ноша тяжела: под ноги не посмотришь, неловко перешагивать через колдобины. Да и голова кружится, словно бы угорел. «Ничего, ничего. Сейчас рябинки поем, и пройдет».

— Обозники! — кричит Егор Бахвалов. — Все в сборе! Трогаем!

Хорошо возвращаться дружным обозом: путь знаком, лес расступается, солнце греет затылок и спину, понукать Косого не надо, некого бояться. Ленька перебежал ко мне, сидит рядом в телеге. Нам не о чем спорить, нечего уточнять: все хорошо действовали. И рябина у нас общая.

Сестренка

Мы верили в нашу Победу... Но война не кончалась. И никто не знал, когда она кончится. На деревню все еще на—летали свирепые метели, хотя начинался весенний месяц. Взрослые говорили о том, что по лесу бродят невиданные бе—лые волки; будто бы эти волки нападают на одиноких путни—ков. Почему появлялись такие разговоры, трудно было детям объяснить.

Девчонки — вечные трусихи. А мы, мальчишки, не боя—лись ни серых, ни белых волков, ни зубастых гитлеровцев, ка—ких изображали художники в «Крокодиле». Мы тоже придумывали карикатуры на гитлеровцев, рисовали их прямо на снегу по обе стороны тропинки от самой школы и до

деревни. Метель смахнет, снова рисуем безобразных пузатых немцев с аршинными зубами. Особенно много карикатур рисовал второклассник Колюня, признанный у нас лучшим художником. А Ленька, недавно названный моим братом, од-нажды твердо сказал, что больше никогда не будет изобра-жать таких выродков. «Если кому хочется, тот пусть и придумывает. Попробуйте смешно изобразить, а я погляжу».

Колюня прочертил палкой несколько длинных пересе-кающихся линий, словно хотел нарисовать свастику, потом обвел их прямоугольником, а сверху пририсовал тыквооб-разную голову. Но начатое не довел до конца, перешел на другое место. И, широко расставив короткие в стоптанных подшитых валенках ноги, распахнул пальтишко, сдвинул на затылок лохматую отцовскую шапку, чтобы удобнее было ри-совать. Теперь он начал с головы; вытягиваясь, напрягаясь, закруглил что-то похожее на немецкую каску, двумя ко-роткими взмахами прорубил вместо рта глубокую яму, а в ней клыкастые зубы изобразил...

— И нисколько не страшно. Эх ты, закаляка! Дай-ка я. — Ленька выхватил у Колюни палку и решительно прошел вперед к нетронутому снегу. — Не мешайте! Я сам. Один придумаю.

Долго примеривался там, чертил, снова заравнивал и резко прикасался к приглаженной поверхности. И вдруг рассер-дился, хлестнул палкой так, что она переломилась с сильным, похожим на выстрел треском. Он поднял обломки и швыр-нул далеко-далеко...

— Не рисовать их надо, а убивать! — хрипло сказал.

— А почему тогда в газетах и в «Крокодиле» рисуют? — спросил Колюня.

— Не приставай с вопросами! И так тошно!

Больше ничего нельзя было говорить, потому что рас-строился человек, у которого погиб отец и умерла мать. Ленька жил у нас, но все равно его иногда женщины печально на-зывали сиротой. А виноваты в его сиротстве фашисты. Они затеяли войну, они жгли, убивали...

Вроде бы и не ссорились, ничего обидного не сказали друг другу, но Ленька расстроился и пошел в деревню, не желая больше видеть двух несмышленышей — меня и Ко-люню. И дома он сердился будто бы, не стал есть со мной из одного блюда похлебку и отобрал книгу «Маугли», которую накануне дал почитать; вообще и близко не допускал к себе. Мама, конечно, как вернулась с фермы, поняла: братья чего-то не поделили, и старалась чем-нибудь порадовать нас. Начала сказку рассказывать да передумала.

— А я вам завтра сестренку привезу. Нянчиться — то с ней будете?

Мы знали, что неподалеку от нашей деревни начальники велели приготовить помещение для детского дома. Учитель наш, однорукий Иван Федорович, убеждал на общем собрании жителей соседних деревень, что надо хотя бы временно приютить детей, вывезенных из Москвы и Ленинграда. От имени малотюковских женщин мама негромко сказала:

— Бабы, война столько натворила, столько детей осиротила, отнимает у них дом, хлеб... — Она вытерла выступившие на глазах слезы, оглядела собравшихся. — Нелегко нам, и солдаткам и вдовам. Но материнское сердце всегда примет пострадавшее дитя. Разрешат взять — возьму в свой дом. Пусть будет в моей семье еще ребенок. Не объест.

— Верно, Елена, говоришь. Правильно! Детдом когда — то наладят, а мы приласкаем, обогреем не хуже других. Надо ехать! — раздались голоса. — Как будут прибывать дети на станцию, сообщайте незамедлительно.

Конечно, и мы обрадовались, что будет у нас городская сестренка. С нетерпением ждали, когда она приедет. Хорошо, что недолго ждать пришлось — вскоре сообщили. И вот мама засобиралась в дорогу. Вечером затопила печь, вымылась на кухне, постирала и погладила одежду, навела порядок в избе, потом села штопать вязаную кофту, подшивать валенки. Она и спать не ложилась в эту ночь. Мы тоже долго не могли уснуть, а под утро забылись.

Разбудил вкусный запах пирогов... Не знаю, где мама нашла хорошей муки, — в нашем доме давно не бывало даже настоящего хлеба. А тут она вынимала из печи ароматные красивые гостинцы — румяные «жаворонки» с черничными глазами. Только мало их было — всего три, а раньше, бывало, и по два противня сразу. Мама пекла и бублики, и завитушки, и пирожки с черемухой, капустой, луком, и звездочки, и белочек, и зайчиков. Но теперь не из чего было стряпать, муки — то всего три горсточки набралось...

Уехала мама на станцию, увезла печеные «жаворонки». Признаюсь, я тайно надеялся, что городской девчонке трех «жаворонков» не съесть, пусть даже одного мама должна привезти обратно или в крайнем случае взамен что — нибудь необыкновенно вкусное.

Школьное время тянулось долго. А ночью о многом успели переговорить с Ленькой... Ночь осталась в памяти как долгое ожидание, а вот наступивший день сохранился на всегда с многочисленными подробностями.

Светило солнце. Еще не оттаявшие, искореженные ря—бины и черемухи клонились под тугим ветром, чтобы за—глянуть в нашу избу. На стуле возле печи стояла девочка. Запомнились ее большие испуганные голубые глаза.

Эльза... Маленькая Эльза. Веснушчатое лицо со вздер—нутым носом. Жиденькие белые волосы. Короткое платье в синий горошек и большущие серые валенки. Она, расто—пырив пальцы, удивленно смотрела на сбежавшихся людей. Мама подошла к девочке, приласкала, поправила платье и во—лосы, взяла ее на колени, стала рассказывать собравшимся:

— Приехали, значит... Вокурат приехали, не запоздали. Гля—жу, народу собралось, как на праздник. Бабы и девки в наряд—ных платках, полушалках. У коих в руках на длинных льняных вышивках — весенние хлебные гостинцы. Ну, и у меня «жа—вороночки» были, не помялися в дороге. Все честь по чести для дорогих гостей... Ждем. Уж глаза проглядели: поезд—то опаз—дывал, задержка под Ярославлем получилася... Дымок сначала над лесом увидали — идет, значит. Хоть бежать навстречу... А когда подошел эшелон совсем близко, хлынули к путям—то и замерли прихорошенные, чтобы понравиться...

А ребятню и везли всего в двух вагонах. Быстро, чуть ли не на ходу высадили их... Мама родная!.. Захватило сердце. Ковыляют они, что цветики, морозом прихваченные... Эту издали заприметила в толчее. Личико у нее серое, будто покрыто пылью. И глазенки испуганные... Ой, дайте передохну, бабы. И не обсказать, что было. — Мама дышала тяжело, словно ей воздуха не хватало. И побледнела она, а на лбу мелкий пот выступил. — Ой, родненькие, как вам дальше—то пояснять... Собралися, значит, в вокзале. Тут уж медсестры в белых ха—латах правеж в свои руки взяли. Одна, бойкая такая, за глав—ную, видать, спрашивает: «Вы хоть сами—то все детные?» Девушки и те кричат: «Детные, знамо, неужели бездетные!» — «Любить ведь чужого ребенка не всякая сумеет, милые. Знаете об этом?» — старшая свою линию ведет. «Может, легче еще! — кой—кто отвечает. — Ты нас об этом не пытай...» Они—то, дети малые, в другой зале пока находились. Слышим — кто ревет, кто лепечет, кто маму призывает...

Ну и вот, первые, кто вперед протиснулся, уже пригля—дываются: выбирают, подарками, гостинцами к себе облю—бованных приманивают. Манят одного, а другие льнут. Как быть—то, не ошибиться бы. Уж больно мне эта сердце тро—нула. А нету ее, уже и взяли, поди, приласкали. Тех и других махоньких трогаю. Шум какой—то затеялся. Одна баба кричит на сестру: «Я за столько—то верст приехала, а ты велишь слабенькую такую да почти что немую брать. Куда я потом с

ней, с немтарем — то этаким? Ты сама прикинь. Что дома ска — жут? Вот — вот. Подрастет она. Да. Помереть — то не дадим, хоть уж что тут. Подрастать будет, каля — баля залепечет. И понять не поймешь. Нет, нет. Эту не возьму». Такая тут за — ковырка получилася... Такая заковырка...

Мама опять умолкла. А девочка осмелела, спустилась с коленей, на середину избы вышла, чтобы себя показать: а вдруг не все разглядели, какая она хорошая — прехорошая.

— Вижу, кои уже понесли, — совсем тихо, осторожно про — должала мама рассказывать. — В маленьких ручонках по — плыли мои — то «жаворонки». Я их, что цыплят, в ладошки протянутые клала. А сама туда, на шум, норовлю пробраться. «Так кто же девчонку берет?» — спрашивают. «Чего вы, оша — лели, что ли? Да я возьму», — говорю, а у самой сердце сжи — мается... Эта смотрит на меня — поняла, поди, радехонька. «Ее, говорю, мне на имя Сорокиной Елены Николаевны за — пишите». Вымолвила адрес, а сама уже обнимаю ее, ласкаю, целую. Хватилася, а гостинца — то и нет, не осталось... Ладно, лампасеинку сберегла. «Послушайте, — сказал какой — то начальник, — я должен вас предупредить: девочка не гово — рит. Немая, что ли... Фамилии не знаем, реагирует на имя «Эльза». Предполагают, от испуга у нее молва отнялась. Ты, мать, не робей, бери: дитя и есть дитя. Поправится».

— Чего, чего, ты сказала? — спросила строгая бабушка Акулина, платок с головы сняла, чтобы не мешал слушать. — Елена, растолкуй все по порядку, не тараторь только, понятней сказывай.

— Говорят тебе русским языком: Эльзой звать ребенка, — отчетливо так, громко сказала председательница Любовь Сте — пановна. — К примеру, будет Эльза Ивановна. А по нашему проще: Елизавета! Так я понимаю али нет?

— Ага, — поспешно согласилась мама, чтобы бригадирка больше ничего не сказала грубым своим голосом и не напу — гала девочку.

— Ох — ххх! Хо — хо! — вырвалось у бабушки. — Нем — тарь, значит быть...

— Дитё она чье — то несчастное. С перепугу, поди, молва отнялась у крошечной такой, — предположил кто — то из женщин.

— Вот они, кровопивцы — то, что наделали! Ребенок только жизнь начал, уже пострадал. Душегубы! — взвились сразу несколько голосов. — Жгут, убивают, бомбят... Осиротили детей, покалечили...

Мама моя в растерянности быстрыми взглядами металась от одной женщины к другой, не зная больше, что сказать, что

делать... А Эльза, эта чужая обыкновенная девчонка, смотрела на меня. Я видел ее большие — большие глаза, полные слез. И не знал, как быть. В застывших глазах ее отразилось мое растерянное лицо. Может быть, она хотела спрятаться. А может быть, я показался ей братом? Раскрытым ртом она часто хватала воздух, была похожа на птенца, выброшенного бурей из гнезда. Я попятился, снова забился в угол и хотел сказать: «Ну, беги сюда, беги скорее!»

— Куда с ней с такой, господи — батюшка, — вымолвила бабушка Акулина и начала пробираться к выходу, сердито расталкивая людей.

Некоторые из женщин повернулись за ней — не уходить собрались, а слезы свои скрывали. Мама встревожилась:

— Куда же вы? Не посоветовали и — до свидания. Оста — вайся, как хочешь... Как быть — то?

— Сама решила... Мы не советчики, — буркнула бабушка, взявшись за дверную скобу.

— Да — а, привезла ты, Елена, заботушку. Не думали, не гадали... А горевать нечего. Так девчонка приглядная, не хво — рая, — тетя Люба вздохнула и решительно приказала: — Ну — ка, бабы, все по местам! Уймитесь, остыньте поначалу, нечего при ребенке выхаживаться — бушевать! Запрещаю всякие вопли и выкрики. Али я не власть для вас?! Категорически запрещаю! Вы что?

Тихо стало в избе. Вернулись бабы от порога, уселись, кому где место нашлось, и как — то враз остыли, припечали — лись. Сгорбилась, поникла и призадумалась бабушка Аку — лина. А потом, обратившись к иконе, перекрестилась и упавшим голосом чуть слышно произнесла:

— Девчонка невиноватая. Ребенок ведь, дитё несчастное. Веры — то хоть какой она?

— Еще чего придумаешь! — Любовья сказала в ответ. — Нашей, советской веры. Понятно?

— Так — то так, по — вашему так, — согласилась бабушка.— Вот, Елена, как с ней? А коли вырастет она, ведь отца — мать искать кинется... Товды от сердца отрывать? Она, малютка эта, родителей вспомнит.

— Уж больно ты далеко, Акулина Прохоровна, глядишь. Нам бы сейчас ее выходить, уберечь. А там судьба опреде — лится. Не в лесу, чай, среди людей. Без войны оно легше будет. Оглядимся, обживемся.

Любовь Степановна, видно, сказала все, что требовалось, скрестила руки на груди и, отклонив голову назад, улыбчиво, ласково оглядела девочку. А та вдруг заплакала так жалостно, что сердце у меня кольнуло и в ушах зазвенело. Страшно

стало. Мама поняла мой страх и с вызовом глянула на всех:

— Что же вы, бабы, страху нагнали... Я ее взяла. Мое дитя! Мне и хлопотать, воспитывать. Успокоится — попра-вится, заикаться бы вот только не стала. — И склонилась над девочкой, что-то шепнула ей на ухо. Эльза, вскинув ручонки, обвила мамину шею... Мама гладила ее острые плечи.

— Натерпелась она. Хоть и мала, а понимает небось, да сказать не может.

— Слышь, Елена. Может, ко мне девчонку-то... У тебя все-таки ребята... А вдруг не поладят... Ленька, Сергеев сын, вон какой сурьезный, — высказала Любовь Степановна бес-покойство. — Танюшка моя ласковая, сроднились бы...

Стучали ходики в напряженной тишине, четко, уверенно стучали, чтобы показывать правильное время. А я думал о том, как мы будем с Эльзой играть, и где она спать будет, и какая ложка ей понравится — деревянная или алюминиевая, и с кем я в первую очередь познакомлю девочку, и что Леньке расскажу, когда он явится из школы. Ленька мне, можно сказать, настоящим братом стал. А кем эта девочка будет?

— Ты бы хоть побольше коя брала, — сказала Варя, мать Колюни, собираясь уходить.

А мама на это ответила:

— Как увидела... Как прижала к себе... Сердечко у нее, что у воробышка, бьется, и дрожит она вся. Право, оробела, когда начальник сказал, в груди захолонуло: как, думаю, быть-то с ней...

Женщины, будто бы все разом, вздохнули облегченно: «На-ладится». И тут я словно бы спохватился, захныкал, начал тереть глаза кулаками: у меня, наверно, ревность шевельну-лась, и я подумал: «Чужая, а еще обнимает. Не тронь мою маму». Но разве мог я это сказать?

— Ну, Елена, хлебнешь ты с ними, — посочувствовала тетя Люба. — Меня для распорядку зови когда. А ты-то, сынок (это ко мне), вылезай из-за печи, бери сестренку за руки. Вместе теплее, веселее. Ну, чего ж ты, Андреев сын? Иди! Не бойся, не укусит. Иди же, Виктор Андреевич!

Если Любовь Степановна зовет — попробуй не послу-шаться. Главная она в деревне, надо подчиняться, а то что же может получиться: все в раздерягу, словно лебедь, рак да щука. Неуверенно, боком-боком, мелкими шажочками, чувствуя, как немеют ноги, приблизился я к чужой девочке и, словно боясь обжечься, протянул к ней обе руки. Она охотно подала свою тоненькую руку, соскользнула с маминых коленей и встала рядом со мной.

— Гляди, и родня получилась! — радостно сказала Лю-бовь Степановна.

Женщины, тихо улыбаясь, смотрели на нас, а потом все они почему-то сдержанно всхлипывали. Девочка опять вышла на середину, хлопнула в ладоши, подняла хилые ручонки над головой и закружилась на месте в каком-то танце, чтобы развеселить матерей...

В это время и вернулся Ленька из школы. Конечно, он удивился, что такую маленькую девочку привезли, враз насупился.

— Жить у вас не буду, — сказал, — и без меня теперь забот хватит.

Мама долго его уговаривала. Подвела к нему Эльзу:

— Видишь, она такая же девочка, как все. Маленькая только. Все вместе дружно проживем. Еще интересней будет.

Он что-то неопределенное выкрикнул и побежал из дому. Нашел я его в сарае и спросил:

— Как быть нам теперь, Лень?

— Не маленький, один буду жить. Хватит с меня, нельзя ходить в нахлебниках. Вообще-то пора за ум браться. Если хорошо подумать, то.

В избу мы вернулись, когда совсем уже стемнело, хотя мама два раза приходила звать. Спать устроились на печи. А девочка Лиза с мамой легла.

Утром проснулись от незнакомого слабого крика:

— Ле-ня, Ле-ня! — Девочка пыталась заглянуть на печь. И — о чудо! — выговаривала трудное для нее имя.

Ленька радостно вскочил, ударился головой о потолок:

— А ты чего врал, что она говорить не умеет? — Это он на меня закричал.

...Каждый день после уроков мы пилили в сарае дрова, чтобы мама хорошо топила печь и было теплее в избе — для девочки старались, не для себя, конечно. Эльза к нам помогать приходила, только не знала как.

Все чаще мама собирала ее на улицу: наряжала в свою плюшевую кофту и выпускала погулять.

В солнечных лучах на синем-синем снегу стояла маленькая девочка, тянула бледные свои руки и кричала по слогам: «Дети, дети!»

Ленька спустился, вниз, спросил:

— А можешь сказать «мама»?

— Ма-ма, ма-ма, — горделиво повторяла девочка.

Я тоже хотел учить ее. Ткнул девочку в грудь пальцем, сказал: «Эльза». Стукнул кулаком по своей выпяченной груди и сказал: «Витя». Она, смешно кривя губы, выговорила мое имя, но еще раз у нее не получилось.

Ленька помогал выразительно, она вскоре совсем хорошо повторила три раза: «Ви-тя, Ви-тя, Ви-тя».

После мы узнали, что уже в дороге от станции мама ос—торожно узнавала, совсем или нет пятилетняя Эльза потеряла дар речи, учила ее говорить и объяснила, что у нее будут два братика — Леня и Витя.

...Теперь в нашем доме было всех интереснее. Вечерами женщины, старики, мальчишки и девчонки приходили, как у нас называют, на беседки. Пока мама доила корову Комолену, наперебой учили девочку разговаривать. Но она быстро ус—тавала, отказывалась: «Не ко—чу!» — и убегала, топая ок—репшими ножонками по ступенькам, залезала на печь, выглядывала оттуда удивленно и весело — глаза озорно бле—стели, а на щеках выступал румянец. Почему—то особенно нравился ей дед Ефим (впрочем, и всем малотюковским ре—бятишкам). С ним она любила поиграть. Смело себя чув—ствовала, даже иногда с печи дразнила деда: «Фи—ма, Фи—ма!»

Мама приносила парное молоко, наливала в первую оче—редь целую чашку Эльзе и подавала на печь. Девочка аппе—титно причмокивала и быстро выпивала молоко. Взрослые говорили: будет есть — будет расти.

...Однажды, когда Эльза крепко спала, разметав белые во—лосенки на цветастой подушке, я слышал разговор наших деревенских. Мама говорила, что, если бы еще одну раз—решили взять, взяла бы.

— В детдоме они все равно без материнского догляду.— Это Любовь Степановна сказала. — Надо потолковать. И в каждую семью — по ребеночку...

— Прокормили бы, вырастили, сами как—нибудь, — рас—суждала Марья Лапина. — Колюня тоже хнычет, велит на станцию, где детей выдают, ехать.

— Вам только волю дай! А кому работать в поле? Му—жиков—то, гляжу, не прибавилось... — Прохор приглушенно басил, поглядывая на Эльзу: боялся разбудить. — Да, не при—бавилось, а семьи растут.

— Вот и ладно. Работа наша никуда не уйдет. Хлеба народится... Надо письменное прошение от имени всех кол—хозников направить: будут привозить детей, пусть загодя со—общают, чтоб не врасплох, не так... Возьмем.

Вот и стали мы дружно жить—поживать. Веселее жизнь пошла, интереснее. Из школы сразу домой торопимся. Игры и шалости — в сторону. Все внимание — сестренке. Мы любили с ней заниматься, потому что знали: ее ведь тоже надо было к учебе в школе готовить. По вечерам, поджидая маму с фермы, втроем мы лежали на печи. Слушали шум влажного весеннего ветра в трубе и, вспоминая про белых волков, сестренке ничего страшного не рассказывали.

Засыпала она неожиданно. Во сне часто вздрагивала. А мы с Ленькой лежали тихо, боясь шелохнуться, охраняли по-кой сестренки, готовые насмерть сразиться с любым фаши-стом, появись он тут, у нашего порога.

Стакан земляники

За березовой рощей недалеко от деревни Аленкина мама косила траву, Аленка собирала цветы. По близкой дороге про-носились машины, на дальнем увале рокотал трактор. В реке полоскалось солнце, а в голубой вышине иногда пролетали серебристые самолеты, но девочка думала, что и не самолеты это вовсе, а большие белые ласточки — так ей хотелось.

Мама на небо не смотрела, она работала — косила траву коровам, чтобы они больше давали молока и не скучали во дворе. Об этом тоже думала Аленка — все-то она знала, все понимала уже, хотя мама часто называла ее малышкой-глу-пышкой.

— Аленка, беги ко мне скорее, я еще земляничину нашла! — позвала мама.

Девочка торопилась к матери, падала и, падая, всякий раз кричала:

— Я сейчас, мамочка!

Мать, отложив косу, ждала.

И вдруг вспомнила свое детство. И увидела поле широ-кое, пыльную дорогу, несжатую полегшую рожь, услышала тя-желый гул самолетов...

Аленка губами взяла земляничину, и маме показалось, что дочка поцеловала ей руку, она от счастья закрыла глаза, об-няла девочку, прижала к груди.

А потом они шли к реке и молчали. Когда раздевались, Аленка хихикала и радовалась: «Ветерок со мной в щекотки играет». Развеселилась она, расшалилась. И маме весело стало. Они бегали по перекату, зачерпывая пригоршнями воду, об-сыпали друг друга искристыми брызгами.

— Ах, какая звонкая, ласковая вода! — говорила мама. И смеялась.

Пробежал ветер, зарябил реку, заволнил осоку, качнул высокие березы — переменилось все вокруг. И вода на пе-рекате звенеть перестала.

— Пора выходить, простудимся, — сказала мама.

Аленка согласилась. Они поднялись на высокий берег. Грелись на солнышке. Теплый ветер то пушинки над ними кружил, то щекотал волосами щеки, то гонял вокруг мотыльков. А когда ветер устал играть и затаился в прибрежных ивах, они начали неторопливо одеваться. Сначала Аленка, подняв руки к небу, смотрела через тонкое платье на солнце, а потом мама через свое платье смотрела. И обе они видели небо, покрытое солнечными шарами...

Взявшись за руки, стояли возле самой воды и слушали, что шепчут мелкие волны песчаному берегу. И обе удивлялись, когда игривые уклейки выпрыгивали на поверхность. Речка опять начала серебриться и звенеть.

Аленка увидела лодку. И мама поняла ее желание, привела эту большую лодку.

— Мама, мама! — радовалась Аленка, подпрыгивала и хлопала в ладоши.

Они сели в шершавую «смолянистую» долбленку, доской оттолкнулись от берега. Плыли медленно. Лодка сама плыла. И высокие берега завистливо смотрели на них земляничными глазами. И ласточки завидовали, кружились, то касались воды, то взлетали вверх, когда мама перекладывала весло с одной стороны на другую, чтобы выровнять лодку по течению, а потом опять снижались, норовили сесть на Аленкины колени и просили: «Возьми, возьми с собой!»

— Возьмите меня, ведь и мне полетать хочется. А — а, не берете?

Лодка немного быстрее плыла по течению, и теперь маме нечего было делать, она смотрела на свою доченьку. Их было только двое во всем мире, потому что ласточки обиделись и, наверно, домой к своим малышам улетели.

Аленка пальчиком прикоснулась к воде, провела невидимую черточку и спросила:

— Почему у ласточек крылья шуршат?

— Это они воздух рассекают.

— А как это — рассекают? А кто потом воздух склеивает? А где этот воздух? Где начинается он и где кончается?

— Я тебе отвечать не успеваю.

— Ну и не отвечай... А почему вода — вода?

— Не знаю.

— Такая большая, совсем большая, и не знаешь! Я вот знаю: она — водяная вода, такая водянистая, чистая — чистая.

Лодка вздрогнула, уткнувшись в берег, и Аленка забыла самый трудный вопрос, который собиралась задать маме, — она хотела опять спросить: почему у всех есть бабушки, а вот у нее нет.

— Не бойся, — сказала мама.

— Я не боюсь... Я... я ягод хочу, вот. — Аленка уже решила, что, пока мама собирает землянику, можно побыть одной и всяких вопросов напридумывать.

Но землянику стали собирать вместе — так мама хотела. Много насобирали. Полный стакан! Да еще горсточку. Устали даже. Сели отдохнуть.

— Небо — это крыша, да?

— Нет, это... воздух... — Мама задумчиво повторила это слово два раза.

— Мама, ты чего?

Мама. молчала. Мама гладила Аленкины плечи и молчала.

«И ничего — то не знает моя мама», — решила Аленка и не стала больше ни о чем спрашивать.

Так и сидели молча. А время тикало в часиках на маминой руке. Часы, наверно, считали свои вопросы, а потом напомнили, что пора идти обратно, к березам, за которыми отдыхало солнце.

Долго шли, медленно. И солнце, поджидая их, выглядывало сквозь ветки.

Мама устало легла на валок сена, заложила руки под голову и стала смотреть на одинокое розовое облако, остановившееся над поляной. Она вспомнила, увидела себя

такой же, как Аленка, средь изрытого, обгорелого ржаного поля возле охваченной пламенем машины... Она увидела и услышала, как кричала до боли в груди, звала, будила самую родную, единственную на свете... Все вокруг гудело и разрывалось. В небе висел самолет, похожий на черный крест, и что-то крошил на землю...

Аленка на цыпочках подошла ближе и смотрела маме в лицо — по глазам хотела догадаться, о чем она думает, но мама закрыла лицо руками.

«А я убегу, — решила девочка. — Пускай ей покажется, что я стала невидимкой. Убегу и спрячусь. Пусть ищет, аукает, а я буду откликаться».

Тихонько, на цыпочках попятилась, пригнулась и убежала. Спряталась за кустами и дыхание затаила.

Ветер с кем-то шептался вверху. Далеко-далеко разговаривал папин трактор. Серебристый самолет белой линией разделял небо на две половины. Ворона совсем близко каркнула. Аленка струсила и помчалась обратно.

Мама поймала ее.

— Не пущу, больше не пущу. Ты больно расшалилась, моя хорошая. А мне ведь одной скучно.

— Мам, я домой хочу. Мы и так много наработали.

Взглянув на солнце, мать засобиралась — пора домой:

— Слышь, коровы мычат. Меня зовут. На дойку пришли. Побежали, Аленка, скорее.

Девочка спешила, старалась, но все равно ей хотелось на руки. Она не просилась. Шагали они рядом. И обеим нравилось так идти.

В деревне все, конечно, смотрели на Аленку, улыбались и говорили:

— Ах ты, мамина помощница!

— Я на сенокос ходила, понятно вам?— хвасталась она, высоко поднимая над головой стакан с земляникой.

А ночью девочка видела во сне все сразу: и небо в сол-нечных шарах, и волнистый белый от ромашек луг, и голубую реку, по которой плыла красная красивая-прекрасивая лодка, и ныряющих в глубину белых ласточек, и высокие берега с земляничными глазами, и себя на маминых руках. И так ей хорошо, сладко спалось под далекий ровный рокот папиного трактора...

У самого изголовья, на подоконнике, стоял стакан с ду-шистой земляникой.

Девочка не знала, что мама сидит у окна и смотрит на темное небо.

Тихие радости

Отец смотрит на Витяню удивленно, будто впервые замечает, как он вырос по весне, как выстручился, выпер из штанов и рубахи.

— Пойдем, Витя!

По деревне идут они рядом. За воротами немного постояли, советуясь, какой тропой лучше пробираться к берегу. Обхлестываться мокрой травой не охота, и тропинкой слишком велик крюк получается. Для сына тропинкой лучше — решил Иван.

В спины ласкается солнышко. Возле реки запоздало славит отцветающую зарю малиновка, посвисты ее, выделяющиеся в птичьем гомоне, особенно радостны. Над ржищем вовсю трепещут и заливают жаворонки.

— Пап, крюки — то сейчас проверять?

— А подумай... Ежели голодная щука хапнула,—говорит Иван, не очень надеясь на рыбацкую удачу сына,—та никуда

не денется. В воде по такой жарыни еще и лучше, не сопреет до вечера.

— Я тоже так думал. Да посмотреть охота.

— Мы с тобой на рыбалку или на работу пошли?

— Так ведь по пути. Я мигом сбегаю. В захабе, возле омута хуторского...

— Ишь распалился.—Отец не упускает случая поучить выдержке своего сына.—Мало ли что вздумается. Чего теперь важней? Сенокос—главное. Часом потеряешь, неделей не наверстаешь. Дело сделаем, тогда и по пути будет. Сейчас версты три крюк туда.

Витяня ничуть не обижается на запреты отца: без грубостей, без ругани объяснено—как не понять. Да разве и отстал бы или убежал он сейчас, разве не интересно вот так идти следом за отцом—давно об этом мечталось. Неторопливо разговаривают они, вспоминая, где рыба весной клевала, в котором месте с обрыва видели стаю большущих черноспинных голавлей, сколько ивовых прутьев собирались нарубить в оврагах да наплести верш и нарот, чтобы ставить потом в уходящую воду Федьковки, выше деревни впадающей в Таволгу. Ну и что печалиться, если не успели, не получилось задуманное? Всё еще впереди. Отец теперь навсегда пришел, всегда будет дома! Парнишка забегает вперед, чтобы самому показаться и на отца взглянуть. Какое у него настроение? Всё, порядок!

Иван Поляков так же вот, как Витяня сейчас, бывало, шел с отцом по берегу. И тоже не терпелось ему исполнить свои задумки мальчишеские, а отец Егор строгих запретов не ставил, но и не потакал всякой прихоти, частенько придерживал: «Потерпи. Выдержку имей. Головой сначала реши, а не порывом. Голова—то для чего тебе дадена?» Теперь сам поучает. Слава богу, есть кого наставлять. Пятеро. Через все мытарства прошли, оба с Лизаветой на заботу—работу способны, и заботиться есть о ком.

— Ты, пап, чего молчишь? Второй раз прикуриваешь, а молчишь. Смотри, табаку опять не хватит.

— Пойдем—ка веселее. По холодку...

Вспомнилась ему зимняя тропа. Морозная зима—то была, трескучая, кой день птицы мерзли на лету... А тропу свою торить в задичалых лесах нужда неминучая заставила. На огненных фронтовых дорогах намотался, под водой Северного Ледовитого плавал в подлодке; потом, списанный на берег, ходил в атаку; вытаскивал с поля боя тяжело раненных товарищей, бывал в разведке и верил: с победой все несчастья исчезнут, ничто не будет омрачать его самого и жену

Лизавету... Спокойной и доброй представлялась жизнь, ради такой жизни прошел он многие версты под цепким взглядом смерти, все время согреваясь одной мыслью, что, если его убьют, останутся четыре сына и две дочери, особенно важно было сознавать, что есть сыновья. Лизавета писала редко, но жизнь в деревне незримо пробивалась от одного письма к другому: в деревне тоже несладко, остались одни бабы, старики да малые дети. Лизавета просила беречь себя, беречь не только ради детей, но и ради всей деревни. Может, не понимала она, как бывает на фронте; может, наивно верила, что как-то можно уберечь себя, затаиться от пуль и снарядов, отсидеться где-нибудь за деревом или в окопе, пока кто-то другой строчит из автомата или с гранатами бросается под танк. До сих пор, сколько бы ни рассказывал Иван жене про свои дороги, она по-своему убеждена, что к такой-то семье он мог бы и по-раньше прийти.

За три года он изменился, но и Лизавета совсем другой стала. В дороге, на холодных полутемных вокзалах с задымленными стеклами, в толпах пострадавших людей иногда выхватывал он похожие женские лица, такие же открытые, добрые, с широко поставленными глазами, но не мог представить, допустить, что самое родное лицо стало продолговатым и серым... Всю дорогу видел ее такой, какую оставил. Шел неторными проселками по заметенным деревенькам, по лесам задичалым. И видел перед собой малышню белоголовую да Лизавету—молодую, красивую, в белом ситцевом платье. Всю войну такой виделась.

Возвращение подладилось к вечеру. Отдышался за околицей, зачем-то прополз к тем неизменившимся могучим соснам на бугре, издали смотрел на темный свой дом, словно боялся, что не все живы. А уж как в деревню-то вошел—выпрямился, стараясь не хромать, солдатским шагом пропечатал. У калитки на столб навалился—помутнело в глазах, голова закружилась от родного запаха. Хватаясь за верхушки смородиновых кустов, пролез до стены, долго стоял, припадая то левым, то правым ухом, улавливал вроде бы какие-то шорохи, дыханье. Вдруг не сдержался, крикнул: «Ли-и-за! Лизавета моя...»

Опомнился, когда детки облепили. А потом слышал, как старший, Славеня, одноклассникам своим расписывал: «Пришел папка-то. Пять медалей у него. И гимнастерка простреленная — семь дырок мама насчитала...»

Первый мужик оттуда вернулся. Пришлось обо всей деревне беспокоиться. В домах посильный ремонтишко произвел, кое-где печи переложил...

Остановился Иван перед первой поляной, выбирает, ко—торым закрайком лучше пройти, чтобы траву не мять. Вдоль противоположной опушки, мелькая белыми пахами да под—брюшиной, вышагивает лосиха. И лосеночек вымелькнул из—за куста. Мать подталкивает его мордой, дальше велит идти через овражину. Ишь как вольно гуляют.

—Папа, лоси ведь! — Витяня радуется, что увидал.— Эти опять тут. Я вчера их видел, только тебе сказать забыл.

—Спокойно, сытно им теперь.

Витяня хлопает в ладоши, пронзительно свистит — инте—ресно, куда и как метнутся звери. А они хоть бы что, постояли даже чуть—чуть да в спокойной трусце и кажут себя вдоль всей опушки: пока за грядой ивняка не скрылись, можно было их разглядывать.

—Летом и волки лосям не страшны, правда, папа?

— Нет, не страшны.—Иван опять подпаливает самокрутку.

На вторую поляну Иван выходил осторожно: глухари, бы—вает, на бугринках под сосенками греются; может, не взлетят загодя—пускай Витяня посмотрит, подивится, сам—то шумно бегает, без особого скраду, не все видит—замечает. И верно, выглядели глухарей штук пять—в песке ворохтались. Ух, как они захлопали, поднимаясь, как тяжело проламывались через густой березняк.

Тишина опять повисла синевой в густых закрайках. Отец и сын, охваченные невольным восторгом перед картинами лесной жизни, вроде и забыли обо всем на свете, идут нето—ропливо, разговаривают о том, что надо человеку понимать все живое, что природа не только лечит тело и душу, кормит и оберегает людей, в самые трудные времена помогает выжить, но и одаривает тихими радостями, красотой, даже чудесами. Пожалуй, впервые так вот рассуждал Иван, впервые хотелось ему сказать для сына какие—то особенные слова...

Хуторская поляна уже тронута первым прокосом возле остожий—сам бригадир, наверно, в сторонке одной—то своей рукой приноравливался—не больно ровно выкосилось. Трава тут добрая набралась, одной рукой разве вымахнешь как следует. Иван потирает ладони, плотно сдавливает паль—цы то на одной, то на другой руке, словно пытает, крепки ли свои—то руки, посеченные осколками, зачем—то разгля—дывает аккуратный плотницкий топорик, будто только те—перь вспомнил, что есть он за поясом, вот вытащил да и узнает: тот ли взял, который хотел. Витяня, подражая отцу, тоже крутит топоренко—осматривает. Он знает уже: оба эти топора Тимофеевой работы, в то лето кованы, когда По—ляковы строились.

— Мне бы кузнечить научиться, — признается сын в новой своей мечте.

— А на прошлой неделе в трактористы собирался. — Отец знает давние и новые желания детской души.—Раньше, мать сказывала, в пулеметчики, в танкисты да в летчики просился, теперь, значит, в кузнецы. Ладно, выбирай, пока время есть... Мне самому на курсы охота. Чего я завсегда в разнорабочих?

— Отпустят... Ты ведь выучишься... А потом и мне порулить дашь. Ладно?

— С тобой-то мы договоримся, сынок. Это легче... Опоздля. Давай-ка за дело. Соловья басни не кормят,—больше-то для сына сказал Иван пословицу, чем для собственного утешения.

Сначала убирали хлам от старых остожий, скопнили его для порядку.

— Надо, чтобы подстилка посуху легла, пускай продух под стогом-то будет, вот и не подгниет сено,—пояснил отец.— На кроватку сушняку нарубим. Чащоба рядом, тонкомерника сухого сколь хочешь. Колья хорошие подберем, вицы еловенькие. Тут, видишь, по-бабски сделано, на скору руку, неважнецкие стоговища, неважнецкие.

— Те-то четыре стожара?—Витяня кивает на другую сторону луга, где на такой же верхотинке ровной шеренгой, метрах в пятнадцати друг от друга, стоят прямые, одинаковой высоты жердины, посинелые от дождей и снега.

— Семь кладей выдержали, не покачнулись. Вот это сработано на совесть. Кузнец Тимофей ладил, сам и сено в стога складывал. Его работу, бывало, издали определишь. Акку-ратно работал старик. Мы с тобой тоже такой стог рядышком поставим. Травы нынче много, лишнее стоговище не помешает.

Желание отца сработать не хуже Тимофея понравилось Витяне:

— Ты тоже давно умеешь, пап?

— Как же. В крестьянстве без этого нельзя. Всё умей и моги: стожары ставить, коня ковать, лапти плести, печи класть и срубы рубить... Я бы, понимаешь, за пять лет сколько мог сделать, понять и освоить. Вырваны, проронились те годы, наверстывать приходится, сынок. Наверстывать. Помогай мне. Дело помогает нам. Только не пересиливайся, чувствуй себя. Зачем вот валежину такую тяжелую на плечо поднял, таском тащи, таском.

Обоим приятно было работать, перекидываясь в разговоре с одного на другое, хотя, в общем-то, об одном думалось

Ивану: нет, ничем не заменить отцовской радости вот таких простых наставлений малому, да очень похожему на тебя самого, ничем боле не поголубишь свое сердце столь чувст—вительно, как заботой о детях, пожеланием для них лучшей доли. Любо, уж так любо...

Сколь ни маши топором, старательно крякая и гхекая, сколь ни потей в работе, а нет—нет да и захолонет под сер—дцем печаль. Пошли сухостоины вырубать: Витяня впереди важничает со своим любимым топориком на плече...

В распадке прохладно и сыро. Кое—где тенькают птицы, словно копеечки роняют в чашку. Белка рыжая с елочки на ольшину перемелькнула, качнула одну—другую ветку и—на березу теперь, бежит, бежит по стволу, осыпая белые бере—стяные пленочки; до самого верху добежала, высветилась да и потерялась там в переливчатости марева. Чу, дятел цефк—нул,—значит, нашел сушину, сейчас упрется на хвостик и давай долбить. Точно, долбит ведь.

— Пап, там сухостоина.

— Нам не подойдет такая. Велика да и дрябла, по стуку слыхать.

— Как это ты догадался? Не видел, а догадался...

— Раз, другой—и ты поймешь. Когда сравнил да понял, сдогадка сама придет. Во всем так, Витяня.

Пробрались до густой чащуги, тут тебе и колья, и жерди, и вицы — чего хочешь руби. Звенькает острый, хорошо каленный плотницкий топор, обирая мелкие сучочки по—низу. Витяня тоже готовится срубить облюбованную ело—вину на колья. Топор у него вроде не так звенит, вроде аппетитно похрумкивает. Отец расчистил место, поудобнее встал, вдавливая сапоги для устойчивости. Оглядывается: не помешает ли чего замаху? Сын подражает ему. Вот и смотрят какое—то время друг на друга. А потом сквозь переплетение ветвей—на небо. Отсюда, из прохладной тени, небо еще синее кажется, синева даже ломит глаза, заставляет прищуриваться.

— Так!—говорит Иван.—Почали.—И первый удар то—пора повторяет: так.

— Сначала подрубаем, да?

— Правильно, подрубаем. Верно, сынок, верно!

Застучали топоры, перекликаясь: так—тюк, так—тюк. Ясно, маленький топорик не особливо в себе уверен, вот и тюкает, но ничего, ничего, подходяще рубится. Пошла, милая! Пошла, пошла... По одной деревинке свалили. По другой. По тре—тьей. Обчистили, пролысили. Теперь можно вымеривать длину кольев да и разрубать. Ведомо, понятно Витяне. В азарт

вошел. Пыхтит, гхекает, как отец. Есть хватка, есть. Мужик в парне чувствуется. Мужик...

Передохнули, спокойно подышали хвойной прохладцей и снова — уверенно — за ту же работу. Конечно, рубить лучше, интереснее, чем вытаскивать жерди. А куда денешься: наго — товил —вытрелевывай по обходинкам да примятинкам след в след. Легче, путь выверен, знаешь, где раньше поворот сде — лать, чтобы не запружинивало между мелколесинами, где по — дальше пройти с захватом влево, а потом уж правый поворот делать. Наука! Не нахрапом надо, а с расчетом—уразумел Витяня.

Ну, досталось, конечно, обоим. У отца на спине — то гим — настерка потемнела, у сына толстовочка тоже взмокла.

— Вот оно, вот... А ты как думал...

— Ой, да и не устал нисколько.

— Храбрись, храбрись, но не петушись. Нужна передышка.

Отдыхали теперь на чистине, чтобы солнышко плечи при — гревало. Березовых веток накидали—мягко получилось. Ба — ней запахло.

— Искупаться охота, пап?

— А вот и нельзя. Раскипелся — распарился, потому к хо — лодной воде не лезь.

— Я не люблю нырять.

— Не любишь, не уверен — пока и не надо. Придет твой срок.

Обедали с опозданием — переработали. Ничего, аппе — титнее. Сынок не заметил, как пирожок съел, тянется до от — цовского пая, отщипывает. Пускай. Иван специально медлил в еде.

Подошло время работу осматривать. Ничего, стожары — то крепкие, — может, не одну зиму выдюжат. Только и по — требовалось вицу сменить да несколько клинышков для укрепы вколотить. Ремонтишко мелкий. Хорошо сработано. Иван оп — ределял секрет надежности: тоже окорены, парь, колья — то, заглавная жердина по комлю не тесана, нигде топориком не тронуто, кора содрана, да и только. Ладно...

Подладили, разметили в рядок новое остожье. Посередке ко — лышком оцентровку пробили. Подняли высоченную жердь, ак — куратно подправили заостренность. Теперь с маху утыкать надо. Встали напротив—ноги вширь на целый шаг. Как можно выше вымахнули на вытянутых руках прямую, что стрела, жердину— заломило плечо у отца, а не выказал боль перед сыном, только зубы стиснул. Р — рра — аз! Всадили острую жердь, словно вы — стрел из лука получился. Раскачали, кое — как вытянули обратно да снова вверх ее, чтобы еще раз втиснуть по тому же следу.

— Вот это мы! Могём... Сваи бить и то, пожалуй, можно. Двое — не один, маху не дадим...

Витяня доволен, отступил назад, оценивает: ровно ли стоит стожарина, не торчит ли выше Тимофеевых.

— В аккурат, папа. Как по линеечке.

— Порядок! Нам тут есть на кого равняться. — Иван тоже из-под руки смотрит, прищуриваясь. — Гляди-ка, угадали.

Всадили с четырех сторон насупротив колья, связали раз-двоенной еловой вицей — из всего лесу будто бы выбрана, ровная да длинная, — словно шарфик получился на шейке крестовины. Порядок! Кроватку-подстилку выложили. Ос-новательно! Видать мастеров по работе...

— Вот она, жизнь...— тихо сказал отец.

А Витяня и не понял еще, о чем это он размышляет, со своими заботами не дает покоя отцу:

— Теперь можно, теперь пойду?

— Посиди маленько. Полюбуйся, как мы с тобой хорошо изладили.

Вот она, жизнь... День промелькнет—не увидишь как, но позднее, через годы, может через пять или десять, возвратится он согревающей памятью, увидится просторная хуторская по-ляна возле тихой, неслышной реки, повеет с нее запахом ду-шицы, смолы и распаренных березовых листьев. Будет невидимая птичка ронять звучные копеечки в чашку, зарябит в глазах от синевы. А вдали увидится, словно бы на воде, не-большая, уютно расположенная по взгорью деревня Зоряна — дома-то хороводом вокруг берез... Вновь сердце тронется жалостью к тому, кто раньше тебя видел все это да не видит больше.

Вот она, жизнь... Поработал, выдохся, а все равно хорошо. Душа Ивана встревожена удивляющим чувством: будто бы-вал уже такой день, будто ставил он свой стожар в один порядок с Тимофеевыми, будто и дорога до сенокосов такая, и слова сегодняшние были давно сказаны, как будто в смутном далеке радовал прилежаньем сын Витяня. Чудно... Будто все это было когда-то, да только точно не скажешь когда.

Витяня заложил руки под голову, ноги — вразброс, бо-сые, с короткими пальчиками, в разводах перетертой под боль-шими ботинками грязи. Ботиночки в сторону отброшены, просыхают. Рубаха задрана до подбородка — приятно не-бось, как же, не жарко теперь. Смотрит сын в дальнюю даль неба, мимо недвижных розоватых облаков, смотрит и тоже видит что-то свое, особенное. И наверно, душа его так же встревожена, только не узнаваньем, не предчувствием, что все уже это было когда-то, а провидческой уверенностью,

что повторится такой день через много — много лет, когда уже сам он станет отцом. Так же будет лежать его сын, так же таинственно замрет все вокруг, и только беленький мотылек, сидящий на крупной горошине пупка, будет сонно покачивать сдвоенные в парус матовые крылья. Сын затаит дыхание, что — бы не двигался впалый живот — не тревожил доверчивый, но чуткий крохотный парус, вздрагивающий при каждом ударе человеческого сердца.

Но почему, почему память так переметчива, почему в свет — лые думы приносит она былые горечи и обиды? Вот ведь только что был доволен Иван: и тем, что работалось, что день погожий на исходе и пора на отдых, и тем, что все на прежнем месте, главное — сам — то он по — прежнему видит и понимает... А колыхнулась трава перед глазами, зашипела крапива возле ос — тожья, и взыграл обидой прошлогодний случай. Будь ты не — ладен, этот Скороходов, привязался к инвалиду: люди, мол, говорят, не вовремя на свою корову косишь; на колхозном покосе дак руки не гнутся, не оттаяли еще... другие чем хуже? Копешку и натяпал — то всего по оврагу, надо было руку разрабатывать, вот и рвал, а не косил еще по — хорошему. Или бросать траву — то, пускай гниет? Так до осени и не дал. Опосля других и пич — кался по заморозкам, ночами таскать довелось...

— Закурить надо, — потянулся Иван за кисетом, а сын просит:

— Не шевелись, папа. Вспугнешь.

Мотылек замелькал в угловатом танце. Долго на него смотрели. Пока мельтешил он по — над травою, вроде и не дышали оба.

— Ладно, пусть себе летает... Домой пора. Не забыл про рыбу — то? Вот и пойдем берегом до захаба.

Нет, не верил отец в рыболовную удачу сына. Какие там снасти — крюки самодельные, леска из портяных ниток вчет — веро кручена, поводец из обожженной проволоки, рогатульки черемуховые. Поставил — то, поди, наспех, помятых живцов на — цепил да и кинул где придется, а надеждой сам — то рыбак весь день горит.

Выходит, надежда удачу ведет. Смотри — ка, первая жер — лица размотана, удильник — в воде концом. Может, плохо воткнуто было, вот и упал? Торопится Витяня, прыгает с ус — тупа на уступ под обрывчик — трепещет в радости:

— Взяла! Точно, взяла!

Место подходящее. Подбережная быстринка на выходе из омута.

— Не шибко хватай! — азартно кричит отец, а сам тоже, как мальчишка, несется вниз, подминая кусты. — На уход

рванет — слабину давай!

— Запутано — перепутано. — Витяня приподнял, выбрал на себя половину удильника.

— Ай — ай. Коряжник тут, не видал раньше? — упрекает отец.

— Возле коряжника ставить надо. Я ведь знаю. Весной тут же взяла. И теперя хапнула...

Суетились, вглядывались в затемневшую под вечер воду, натягивали размокшую льняную лесу. Ладно, нит — ки — то крепко прядены... Определилось досконально: есть щука, есть, даже видно, как брюхо белеет! Вот и хорошо, эта отгуляла—не уйдет.

— Вить, купайся теперь.

— Ой, страшно.

— Мне разве купаться хотелось?

Витяня стучит зубами, стаскивая штаны, шатко топчется то на одной, то на другой ноге. Дрожа всем телом, пятится в воду, чтобы снизу против теченья зайти.

— Знаю как, знаю, — сдавленным голосом заверяет сын.— Пять саженок вымахну — и вставать можно. Песчаная бровка тут. Знаю ведь. Это мое любимое место.

Он погружается по шейку, подпрыгнув, вымахивает резко тонкие руки и торопливо плывет саженками — надежно пла — вает парень. Точно, саженей пять проплыл, встал там и на — косик бредет по скрытой песчаной косе обратно к берегу, руками плавно выщупывает полукружья, вот — вот в одно из них врежется острый сучок валежной ольшины.

— Не поранься, смотри, сучок там.

— Да знаю ведь.

Витяня ухватывает этот острый сук, качает, тянет на себя гибкую вершину, и в волнах приближается к нему щука фун — тов на шесть. Еще не верится, что она уже мертва, не встре — пенется, не попытается уйти, поэтому рыболов осторожен и расчетлив. Волосенки на макушке вздыбились у него, торчат петушиным гребнем. Тощее тело — кожа да кости, каждое ребрышко обозначено, каждый суставчик — угловато, да на — стойчиво в движеньях. Вот он дотянулся до лесы, распутывает, выбирает ее, стаскивая с гибких сучьев, а мертвая рыба ка — чается белизной кверху.

—Т яни теперь, пап.

Отец тянет пойманную, на счастье Витяне, рыбину и сам волнуется, будто мальчишка. Хочется, чтобы взыграла она, плес — нулась, пошла в глубину, до струнности натягивая леску. Пу — скай вскрикнет — прикажет сынок: «Слабую давай! Слабую!»

Если бы сопротивлялась она, беспокойством, азартом, не — объяснимым трепетом радовала, грозя вырваться... Мало, мало

удачи, если не всколыхнулась душа, не охватил ее детский восторг, если не почувствовалось, что опять ты мальчишка. Некая зависть к настроению Витяни, напористо, игриво ле-тящего саженками обратно, к его только что оказанной уве-ренности, ловкости, сообразительности припечалила отца, потому что подумалось: не повторится, не бывать мальчиком, счастливым и беспечным...

Вторая жерлица была не тронута. Третья порадовала дерганьем в разные стороны натянутой лески, качаньем удильника.

— Дай, сынок, я сам выведу.

Витяня держит в руках недавно снятую щуку, словно по-лотенце, ощущение большой добычи удовлетворяет его впол-не. Наверно определив, что на третий крюк сел небольшой щуренчишка, охотно доверяет его отцу.

— Только сразу на берег высаживай, а то, за траву заце-пишь если, сойти может, — со знаньем дела подсказывает он.

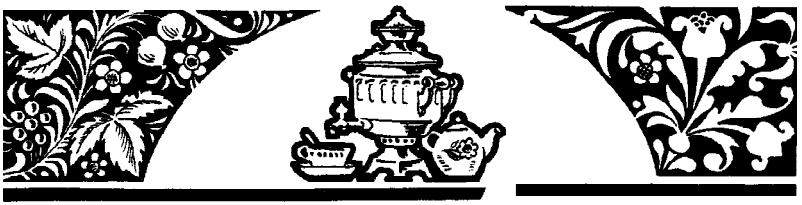
Длинное удилище позволяет, не задевая близких кустов, поднять щуренка из воды, прежде чем успеет он ткнуться под берег. Ловко получилось — правильно было подсказано.

— Отец не ротозей у тебя, верно?

— Молодец, молодец! — великодушно подхваливает Витя-ня. Он даже посоветовал: — Не суетись, папа. Никуда не де-нется. В заглот взял. Крючок надежный, выдержит не такую.

— О, и этот хорош, чай, с килограмм. — Отец качает иг-рающую на леске рыбу. — Поболе, пожалуй. Сейчас точно скажу. — Он хватает щуренка за жабры, определяет вес: — Фунта три. Ловко мы с тобой работнули сегодня.

Довольные возвращались в деревню. Когда поднимались в гору от реки, казалось Ивану, что не одни идут, будто бы следом шлепают по тропинке босыми ногами догоняющие ребятишки — те, что без отцов растут.



Запоминай дорогу

Запоминай дорогу

Мама провожала меня в первую дальнюю поездку. Все было приготовлено с вечера, но на рассвете она повторяла наставления:

— Не робей, тебя никто не тронет. Если неполадка какая, люди добрые помогут. Запоминай дорогу. Быка не дергай, бывал он тут. От дому пойдет не ходко, обратно — поживее. Вечером поджидать буду. Ну, поезжай с богом. — Эти напутственные слова матери, видимо, должны уберечь меня от всяческих случайностей.

Проводив за два километра к большаку, она снова растолковала путь до Портюга и заставила повторить, где какого края держаться, которые деревни останутся в стороне, как переезжать через реку, чем покормить быка, сколько давать ему воды, что сказать маслобойщику Ермилову. Я повторял, а она, словно учительница, подбадривала:

— Так, правильно. Так, молодец, хорошо запомнил.

У мамы вздрагивали губы.

Было грустно, и я собрался разреветься, как это делают другие при расставании, но напустил важность, похвастался даже:

— Ладно, мама. Не маленький. Две недели молоко в Середнюю возил, и ничего не случилось, справился ведь, правда?

— Справился, справился, сын. И трудодни заработал, и я на поле больше успела. Нету другого помощника. Поезжай, сынок.

Дернул вожжи, прикрикнул на быка:

— Ну, Горька, пошел!

Но хитрый бык не послушал. Значит, надо дергать вожжи сильнее, для острастки взмахивать плетью, кричать басовито, точно пахарь Костюнька, у которого — взрослые говорили — на пахоте голос грубеет.

— Эй, ты, мотовило, мотайся! Смотри у меня!

Горька из-под оглобли оглядывался на березовый разноцветный перелесок, скрывший родную деревню Малое Тюково, словно раздумывал, идти или не идти по песчаной дороге вдоль цепочки телеграфных столбов. Мама догадалась, в чем дело, подбодрила и его:

— Поди, поди. Не ленись, не намаешься. Дорога легкая нынче. — Похлопывая Горьку по коричневым исхлестанным

бокам, она проверила упряжь и решила, что второпях мы все-таки плохо запрягли. Развязала супонь, перезаложила дугу, чтобы не выставлялись слишком длинные концы оглобель. — Конь любит все в аккурат, рогатый — особливо. Поезжай теперь, и мне бежать надо, а то корова недоена.

Горька осторожно качнулся, как бы проверяя тяжесть таратайки, пошел без понукания, пыхтел и обнюхивал дорогу, нацеливал короткие толстые рога в дальний лесной проем, отчетливо видимый на втором увале. Этот проем, похожий на коридор, заполненный синевой, напомнил мне позапрошлую осень, когда мы с отцом ездили в хлебном обозе до Николы. Нам пришлось тогда толкать андрец — развалистую сноповую телегу — на длинном подъеме. Отец как-то однобоко упирался в перекладину и тяжело дышал. Подводила его, как он сам однажды признался, прорешеченная спина. (Ранен он был сильно, а домой из госпиталя выпросился пораньше, думал, дома-то легче будет.) После той поездки отец слег совсем и больше не вставал. По первому снегу Горька вез его на кладбище; на моих щеках стыли слезы... Бык, наверное, помнил тот печальный день и потому теперь оглянулся на меня, мотнул головой и принюхался к той стороне, где было большое кладбище. Белая церковь высилась над лесом. Всегда, увидев ее из деревни, я вспоминал отца, а в день Победы кричал, складывая руки рупором: «Папа, фашистов победили! Ты слышишь, папа!» Тогда я был мал и верил, что отец слышит меня.

Мне почудился ужасающий вопль — так кричала мама в день похорон. С тревогой оглянулся: она была возле перелеска, от которого до деревни оставалось полкилометра, и прощально махала рукой. Я снял кепку и крикнул ей: «До свидания, мама!» И сразу почувствовал себя увереннее. Выпрыгнул из таратайки, взявшись за искосину, зашагал по-мужски широко.

Таратайка — одноосная телега, похожая на арбу, — была удобна и потому, что для нее требовалось колес в два раза меньше. Катила она бесшумно, оставляя вихлястый след в пес-чаной колее, лишь иногда подпрыгивала на попадавшихся кам-нях. Деревянный бочонок, привязанный у передка мочальной веревкой, вздрагивал, прерывисто гудел. Этот звук беспокоил Горьку, он вопросительно косил выпуклый глаз: мол, кучер, неужели не слышишь, с поклажей непорядок. Я догадался, что надо сделать. Нарвал на клеверище росной отавы (и на корм пригодится), напихал под бочонок, вокруг накидал. Проверил, тут ли топор и узелок с печеной картошкой, клеверными колобками, бутылкой синеватого обрата. Дал Горьке пучок отавы. Бык захватил ее длинным шершавым языком и начал

жевать, от удовольствия покачивая головой. Шагал он легко, и мне было приятно ступать по мягкому влажноватому песку.

На вершине увала, перед тем как войти в лес, бык остановился, принюхался к палевым листьям, которыми была усыпана дорога. Несколько листьев вспорхнули и разлетелись. Это Горьке понравилось, и он низко склонялся, шумно выдыхал через широкие ноздри. Но на спуске шел как-то настороженно. Тревожный холодок загнал меня в таратайку, я сжался, словно затаился, и нащупал ногами топорище. Только бы не напали волки или медведи, только бы не вышли на дорогу бандиты. Они, по россказням, в ту пору скрывались в лесах.

Из чащуги тянуло пихтовой трухлявиной, гнилым осинником, смолевиной и грибами. Где-то дятел звонко простукивал тонкую сухостоину. Надо бы посмотреть на дятла, но повернуться не решаюсь: уперся взглядом вдоль дороги и мигнуть не смею. А Горька идет себе да идет. Вдруг выскочил на дорогу линяющий заяц, сделал стойку, навострил уши, опасливо оглянулся и прыгнул за куст можжевельника. Бык не заметил зайца. Может быть, при таком равнодушии к окружающему он и медведя не заметил бы?

В болотистой низине колеса застучали по гати, загрохотала расхлябанная таратайка, и от этого грохота лес будто проснулся: закачались близкие деревья, прошумел верховой ветер, перелетела дорогу нарядная сойка, старая ворона дребезжаще каркнула, кланяясь кому-то невидимому, замелькали в еловых зарослях торопливые рябчики. И стало спокойнее у меня на душе. Поудобнее уселся в передке, и вскоре босые ноги, настуженные росой, разогрелись под мешковиной словно в печурке.

Из-за поворота лихо выкатила встречная подвода: ретивый каурый мерин, высоко вскинув голову, почти по воздуху нес новенький черный тарантас, в котором сидел важный кучер в синем кителе с глухим воротом. Это я потом вспомнил и синий китель, и кожаный блестящий картуз, и праздничную сбрую на кауром мерине, и круглый колоколец под дугой. «Вот черти несут!» — ругнулся я привычными мамиными словами. Встал на колени, поспешно потянул быка вожжами на обочину, а тот не подчинился: голову в сторону воротит, перекошенными ноздрями трясет, но все равно прет по колее. Чуть не наскочил на нас ретивый конь с лихим наездником — показалось, что все, подминают; я даже зажмурил глаза. В лицо ударили песчинки — на резком повороте колеса сильно резанули песок. Когда я наконец смог оглянуться, тарантас был далеко, а дядька, оскалив зубы, ругался и грозил кнутовищем плетеного кнута.

— Упрямый ты, Горька, совсем бессовестный! Важному человеку дорогу не уступил! — Я замахнулся плетью, но бык швыркнул хвостом по кнутовищу, выбил его из руки и сам тут же остановился: ждет, когда плеть подберу. Такая понятливость смягчила мое отношение к Горьке. Я решил, что не надо махаться, а то он и совсем закапризничает. Ведь известно: в упряжи быку не сладко, он привык к вольной жизни, а его впрягли из-за нехватки лошадей, и он, ничего не понимая и не сочувствуя, не хочет быть покорной тягловой силой, артачится, упрямится вроде бы ни с того ни с сего. Если обидишь, придется испытать его упрямство. Горька был на это способен: заупрямится, ляжет где попало, тогда ни вожжами, ни криком, ни плетью, ни «пропеллером» не заставишь его подняться и идти дальше, пока не измотает тебя. «Пропеллер» — последнее средство. Был такой жестокий способ: крутить быкам хвосты, когда они своенравничают, не хотят подчиняться.

— Ладно, больше не буду. Иди как знаешь.

Снова устроился возле бочонка и стал смотреть по сторонам, замечать дорогу. Мечтал теперь только о том, чтобы не встретилась машина, потому что не знал, как поведет себя Горька. Сам-то я несколько раз видел машину, даже катался в кабине с приветливым шофером, который приезжал сватать нашу учительницу Галину Ивановну. Вспомнив про учительницу, я решил в понедельник рассказать в классе о том, как нахрапистый, крикливый бригадир Большаков вдруг доверил мне дальнюю поездку за маслом, потому что все взрослые были заняты на картошке и молотьбе льна. Представил, какие удивленные лица будут у всех моих одноклассников.

Солнце поднялось над лесом, высветило летящую через дорогу паутину, загнало туман в дальние ложбины. Как-то просторнее стало вокруг. Открылись белесые и сизоватые поляны, впереди показались крыши никольских домов — много строений в большом и древнем селе Никола-граф. А дальше — об этом мама говорила — за селом, оставшимся в стороне, пойдет редкий сосновый бор. По такому бору ехать одно удовольствие, издалека можно увидеть ягоды, грибы или какого-нибудь зверька, бурундука например.

Все было просто: сиди в таратайке, изредка для порядку покрикивай на быка, чтобы не засыпал на ходу, и на всякий случай поглядывай вперед, чтобы, завидев машину, вовремя выпрыгнуть, за кольцо вывести Горьку на обочин подальше от дороги. К счастью, ни одной машины не появилось, все деревни оставались в стороне то слева, то справа. Я думал, что

благополучно доеду до Портюга, все идет так, как мама об—сказывала. Скучновато было ехать, потому что ни ездока, ни пешего на дороге. Раза три пытался подторопить Горьку, но лихой езды не вышло: бык то трусил несколько метров, вих—ляясь и мотая головой, то резко затормаживал, словно пу—гался какой—нибудь ямины, колдобины или близкого куста, и снова медленно шлепал раздвоенными копытами, роняя тя—гучие обрывки слюны. Он, наверно, хотел пить. По моим предположениям, скоро должна была показаться река. А там оставалось переправиться вброд и подняться на пологую гору. За Сорвином окликнула меня старушонка с белой полотня—ной котомкой за плечами:

— Хоть до отворота подвези, милый.

Она поставила аккуратный лапоток на ступицу колеса, перешагнула на искосину и тут же присела, нахохлилась, словно клуша.

— В Баламыкино мне. До почты ходила, посылочку от—правила. Крахмальцу свежего припасла да картохи насу—шила. Мнуку в Кострому, в фазау тама. Пропитанья—то, поди, не хватает. Нынче везде несладко. Хлеба не народилось, картошка — одна мелочь... А ты чей будешь? По обличью не разберу, а вижу: не дальний.

Старушка дотошно расспрашивала, я охотно отвечал, ста—раясь выглядеть взрослее. И оказалось, что мы с ней родня какая—то. Вот это хорошо, думал я, ладно, что посадил, а то плохо получилось бы, если родственницу не подвез. Своей—то бабушки у меня не было, а эта, как родная, обо всем рас—спросила, посоветовала, как лучше на трудном пути с глинистой горы спускаться, и даже дала голубоватый крахмальный пря—ник. Прощаясь, она погладила мои ершистые волосы и за—ботливо оглядела, все ли ладно у Горьки в упряжи.

— Доедешь, не торопись. Конь рогатый заартачится — не убивайся, люди добрые помогут. — Она прошептала еще что—то и перекрестилась. — Поезжай. Управляйся разум—но. Бог с тобой.

По сыпучей боровой дороге таратайка катилась мягко, лишь изредка громыхала, тыкаясь колесами в высокие выбитые кор—ни. Под сосенками виднелись коричневые маслята, как у нас говорят, мостами. И это радовало: поеду обратно, целый ворох наберу, а пока не трону: все равно очервивеют. Сосны по—степенно снизились, перемешались с мелким ельничком, а потом и совсем затерялись в дымчатом ольховнике. Все чаще и чаще обозначались поляны с копенками можжевельника. Перед рекой и кусты можжевельника, и разлапистые елочки широко разбежались. Между ними был разостлан вовремя выте—

ребленный и обмолоченный лен, чтобы треста вылеживалась на росах.

Бык упирался, словно не хотел идти под гору, вплотную притулил к передку таратайки измазанный зеленью мосла — стый зад. Он так и вылезал из хомута, скользил широко рас — ставленными ногами по мокрой глине. Наконец Горьке надоело упираться, он вдруг дернул и галопом помчался к широкой воде, отрывая от земли и подбрасывая таратайку. Напрасно я натягивал вожжи, пытался его удержать. Зря не послушал бабушкиного совета, надо было пропихнуть в колеса какую — нибудь валежину.

Перед самой водой бык опять резко затормозил и, словно на лыжах, съехал в бурлящее перекатное течение. С ужасом подумалось: а вдруг тут ему с рожками? Но воды было Горьке по колено. Он жадно уткнулся, торопясь смыть пену с нозд — рей, загуркал горлом.

Вода бурлила в колесах, вихрилась вокруг седоватых бы — чьих ног и увлекала течением тяжелый расслабленный хвост. Хотя и неглубоко тут, но невозможно было разглядеть дно, и потому жутковатой казалась незнакомая вода. Горька пил недолго. Приподнял морду и пошел к другому берегу, ура — дывая направление без моей помощи, по выбоинам. На вы — езде, метрах в десяти от берега, он встал: то ли ему приятно было оттого, что вода обмывает заскорузлое пузо, то ли хотел еще попить.

Вдруг выполз из — за бугра трактор с большими бунке — рами по бокам, такого я еще не видывал. Это был трелевоч — ный «газген», один из тех, для которых по зимам в колхозах заготавливали березовую чурку на топливо. Урчащее чудище удивило Горьку, он выпучил глаза и набычился.

Тракторист, узколицый парень в шлеме танкиста, и те двое, что стояли за кабиной, могли подождать там, на горе, или свер — нуть в сторону и пропустить нас, но им, видно, не терпелось. Трактор, грохоча и фыркая сизым дымом, торопливо и грозно сползал меж двух холмов по узкой дороге и, как я понял, не мог, не желал никуда свернуть.

Неистово выкрикивая ругательства, как это делал пахарь Костюнька, левой вожжой я пытался стянуть Горьку в сторону, но бык стоял на своем, уступать дорогу не думал.

Трактор был совсем близко, вот — вот змеевистые по — блескивающие гусеницы накроют, растопчут и быка, и тара — тайку, и меня... Оставалось последнее средство. Я схватил скользкий зеленоватый бычий хвост почти за самый конец, полагая, что так легче будет провернуть, и начал крутить, уве — ренный в том, что «пропеллер» сдвинет быка с места, а тогда

можно направить его вдоль берега, ведь и машины легче по-ворачиваются на ходу. Может быть, я сделал это боязливо, неуверенно, может быть, у меня просто не хватило силенок. Бык, упруго изогнув хвост, вызволил его, со всего маху плюх-нул мне по спине и тут же плотно притулился к таратайке. Встречные парни захохотали. Я не смотрел на них, но хохот, конечно, слышал; мне показалось, что он заглушил урчание близкого мотора. Тут-то я разозлился на Горьку. Выскочил в воду и, сжатый холодом, пробирался вдоль оглобли, которую нельзя было выпускать из рук. Борясь с течением, цепляясь пальцами ног за камни на дне, я добрался все-таки до бы-чьей морды и, стиснув зубы, потянул за кольцо. Ноздри у Горьки вытянулись, порозовели и вздрагивали, а глаза, боль-шие, омытые слезами, удивленно таращились и просили: не мучай ты меня, все равно не пойду.

И тут я наконец-то зацепился ногами за что-то там на дне, ударил по этой мокрой непослушной морде кнутовищем и со всей силы рванул кольцо. Но Горька только пустил мелкую дрожь по загривку и, выкатив испещренные красными жилками белки, скосил глаза на трактор, ворчавший совсем близко. Это еще обиднее: он в мою сторону и глядеть не желает, за свою шкуру дрожит, а упорствует по-прежнему, словно совсем бес-толковый. Ах ты, такой-сякой! Вот тебе — только взмаха не получилось, потому что опора вывернулась из-под ног.

Почему-то я знал, что делают те двое за кабиной. Они орали, размахивали руками, давали советы.

Тут-то и пожалел быка, будто бы понял его: с какой стати мы должны уступать дорогу этому металлическому чудищу?

Навсегда запомнился рыжий широкорожий парень в тельняшке, на которого — было такое мгновение — я наде-ялся больше всех, верил, что именно он мне как-нибудь по-может, не зря же парень носит тельняшку. Но рыжий набрал березовых чурок и начал бросать в Горьку, удачливо попадая то в хребет, то в голову. Рыжего поддержал другой, безликий, не запомнившийся. Сначала они кидали в быка, чтобы он дви-нулся и уступил дорогу.

— Тяни сильнее, сопленосый! — орал рыжий, кидая чурки и, как мне показалось, стараясь попасть Горьке в глаза. Я заслонил своим телом бычью морду. Теперь чурками кидали точно в мои лопатки. Я заревел, не от боли, конечно, а от обиды и на бестолкового быка, и на этих нахальных парней.

Кто-то из парней, видимо, сжалился, вышел в воду и пы-тался меня оторвать от Горьки...

То ли послушался бык понуканий постороннего, то ли, не видя, меньше боялся трактора, но вдруг пошел, легонько

подталкивая меня своим широким лбом. Вода опускалась все ниже и ниже... Я оглянулся — трактора и близко не было, угол его кабины да крышки бункеров выглядывали из — за бугра. Узколицый тракторист в мокром комбинезоне подбежал к рыжему, который все еще хохотал, коротко и сильно ударил. Рыжий нагнулся, словно хотел боднуть тракториста в живот, и схватился за лицо.

— Сволочь! — Тракторист выругался и замахнулся, но второй раз не ударил, оглянулся на нас с Горькой. Подбежал, поставил меня в таратайку, вскочил сам, держась правой рукой за вожжи, взмахнул кнутом — видно левша он.

Горька рванулся и попер в гору, пригибал голову к земле, оттянув хвост, торопливо перебирал ногами. Таратайка бренчала, тараторила, а зубы у меня стучали, коленки вздрагивали.

Парень приклонился надо мной, спросил:

— Ты куда, орлик, правишься?

— За мм — ма — аа — слом...

— Куда за маслом — то? В Портюг, что ли, к маслобойщику Ермилову?

— Ага. К дяде Ерми — лу.

— Утри сопли, теплей будет. Вот так.

«Подрулив» к крайней пятистенной избе, над крышей которой вился из трубы желтоватый дым, парень остановил Горьку у коновязи, намотал вожжи на колья. Взял меня, словно грудного ребенка, и, хлюпая размокшими сапогами по ступенькам, вбежал на высокую лестницу, толкнул дверь плечом: пахнуло жареными льняными семечками. Вошел в избу и посадил меня на просторную печь, велел снимать штаны и сушиться:

— Оттаивай тут, орлик конопатый.

А хозяину, которого я не видел, пояснил:

— Гость к тебе дальний. Подмоченный, правда, немного. Обиходь его, дед Митрий. — И сам — за дверь. На улице — с печи хорошо было видно — парень бросил Горьке охапку отавы и ослабил чересседельник.

— А — а, побег ошалелый. Все спешит, не посидит, не потолкует ни очем.

Густой голос хозяина гудел где — то снизу. Я выглянул из — за кожуха: совсем близко увидел желтобородого мужика, шурующего в печи ухватом.

— Ты малотюковский, что ли? — спросил мужик и, не дождавшись ответа, продолжал: — Раненько чуток, пока тут то да се, и отогреешься. Одного, значит, снарядили? А ты и давай взахлеб пробовать, чем у взрослых жизнь сладка. Дороги познавать надумал смело, так ведь? Себя пробуешь тоже.

— Я не пробовал, чего мне пробовать. Само так вышло. Тут трактор, а Горька боится.

— Вона что. Чего сам — то вплавь ударился, сидел бы в таратайке.

— И не плавал совсем. Быка выводил...

— Понятно, раз так. Сам — то крепкий аль хилый будешь?

— Крепкий, конечно, крепкий. Никогда не болею. Мне и не холодно нисколечко, жарко даже теперь.

— Поговори у меня. Сохни покамест, а потом я тебя на подмогу призову. Марья, хозяйка моя, нонче на стлище льняное пошла, я опять один толку и парю — надо исполнять заказы.

Вот как повезло: в помощники хозяин пригласил. Я — то думал, все скучно будет: приеду, в бочонок нальют масла — и пили обратно. Радость вдруг нахлынула — не унять, будто и не было долгой дороги с постоянным страхом перед каким — нибудь происшествием, с постоянным ожиданием какой — ни — будь опасности, будто и не бился из последних силенок на перекате, уступая дорогу леспромхозовскому трактору, защи — щая Горьку. Тихо, тепло, как дома.

— Чей парень — то тебя доставил?

— Он — тракторист.

— Из новеньких, видать, из фезеушников, а знает, к кому идти. И так подумать: знать меня должны, потому как на всю округу работаю. С фронта раньше других коверканый зая — вился. Маслобойничаю по совести.

Тут только я увидел, что левой — то руки у Ермилова со — всем нет. Когда он в печи кочергой шуровал, казалось: все как следует у него, а распрямился — пустой рукав болтается. Трудно Митрию одной рукой маслобойничать.

— А ты, милок, утепляйся, помогать будешь, — по свойски говорит он.

Я напялил женскую кофтенку, украшенную вместо кар — манов малиновыми заплатами, надел длинные штаны, закатал штанины до колен и — прыг на пол солдатиком, готовый исполнять указания.

— Жарко мне на печи. Конечно, помогать буду.

— Прыткий какой. Погодь. Вот клинья придержать — твое будет занятие. Воды с колодца принесешь аль нет? Не суметь, поди?

— Ой, не суметь! Мигом!

— Тебя как звать?

— Митька...

— Так, Митрий. Тезка, значит. На матерь похожий. Когда она льносемя привозила, я, брат, пластом лежал — хворь на — валилась, а теперь ничего. С маслом домой поедешь. Изда — дим на твою долю.

Маслобойщик дал бадью, не велел наливать полную, чтобы не надсадиться, надо будет — можно повторить:

— Еще воденка потребуется — колодец рядом.

Весело выбежал я на улицу, взглянул на солнце, которое уже скатилось с полудня, и ласково спросил быка:

— Горька, Горюшка, скучно тебе?

Следом за мной вышел Митрий, когда я опускал бадью в колодец, наставительно предупредил:

— Через срубник не перегибайся, а то улькнешь.

Он хлопнул Горьку по боку сильной лопатистой рукой, коленом подтолкнул снизу бычью морду и ловко рассупонил хомут, сбросил гужи. Звучно ткнулись в землю оглобли, та — ратайка задрала зад, словно курица, клюющая зерно. Высокие колеса просыхали, освобождались от грязи.

— Пускай скотина от сбруи отдохнет. — Дед еще раз хлопнул Горьку и повел за огород на луговину — навязал его там, чтобы не ушел далеко.

Вернулся Митрий, осмотрел таратайку, приподнял ог — лобли и под одну из них поставил дугу. Хомут перенес к тыну, привалил хомутиной наружу. И молча наблюдал, как я, перебирая гладкий шест, быстро опускаю бадью во второй раз, потому что в первый из — за торопливости ничего не за — черпнул. Вот бадья чохнулась об воду, вздрогнул и замер вверху, на комле журавля, обрубок бревна, привязанный про — волокой. Я придавил шест вниз, и бадья захлебнулась, ис — чезла под синеватыми блестящими кругами, но тут же упруго вынырнула, быстро побежала на свет.

— Ловкий! Выливай тогда в колоду, раз еще зачерпнул. — Дед взял бочонок из таратайки, пошел домой, шаркая обувкой — берестяными ступенками, поднялся на крыльцо и огля — нулся. Следом за ним — и я, как большой, несу бадью в одной руке, стараясь не сгибаться.

...Эта изба не похожа на мою родную — тут просторно и вроде бы неуютно: ни стола под льняной скатертью, ни сту — льев, ни кровати, ни фотокарточек в рамках. Посередине — большущая колода, положенная концами на два стула, под ней прямо на полу — корыто с покатцем в одну сторону и свер — леным ходочком, заткнутым деревянным штырем. На длин — ной скамейке в рядок положены желтые, будто бы подсвеченные изнутри деревянные плашки и клинья да большущий дере — вянный молоток с бойками, обжатыми металлическими обо — дьями. У передней стены плотно друг к другу поставлены четыре корчаги разной величины, а на шестике между опеч — ком и поставцом повешены блестящие, словно хром, холсти — ны. В нижнем ярусе поставца было около десяти плиток жмыха. Все это маслянисто переливалось в солнечном свете.

Митрий пихнул левый пустой рукав в ворот рубахи, зас—тегнул первую снизу пуговицу, обгладил грудь, чтобы рубаха к телу плотно прилегла.

Пузатая корчага, накрытая большой сковородой, точно ог—ромный гриб с толстенной ножкой, плавно поворачиваясь, яви—лась из печи на шесток. Брякнул ухват, приставленный к стене. Ловко и почти бесшумно сдвинув сковороду, дед, не боясь об—жечься о парящую корчагу, аккуратно обложил ее фартуком и прижал к себе. Повернулся к столу, тряхнул корчагу над ра—зостланной холстиной. Толченное в ступе и распаренное льня—ное семя оказалось на столе вязким с виду ворохом, тут же потянулся, обволакивая его, желтоватый ароматный туман. Но ворох враз был расплюснут одним движением руки Митрия, захлестнутый холстиной со всех сторон, переплыл на расто—пыренной ладони со стола к колоде и шмякнулся между пла—шек. Вот клинья уткнулись носами по обе стороны от плашек, а молоток короткими ударами вогнал их до половины. Мас—лобойщик широко улыбнулся; подпаленные, тоже желтоватые, усы его приподнялись, расползлись по щекам, глаза блеснули добром и приветливостью:

— Так сюда садись на корточки. Да гляди в оба. Первую росинку не прозевай, когда увидишь — радуйся, чтобы слышно было.

Он ударил сначала по одному, потом, помедлив, по друго—му клину немного сильнее, чем вначале, и, ловко пихнув моло—ток под локоть, быстро вставил два дополнительных подклинка.

— Подтаяло в аккурат, — тихо, с какой—то особой азарт—ностью вымолвил Митрий и пригладил усы к щекам. — Будем смелее теперь, росить надо. А ты, как янтарек родится, ска—зывай мне. Вот тут, посередке, ожидай, — показал он на под—брюшину колоды.

Не имея представления о каком—то янтарьке, все—таки я навострился, чтобы не прокараулить. Молоток по очереди, вежливо кланяясь, клевал то клинья, то подклинки, а в колоде все тоньше и тоньше чвакало. Маслянисто шуршал над моей головой вспархивающий фартук деда. И вот вроде бы то—ненько пискнула тяжелая пчела, так она пищит, когда с ношей пролезает в узкий леток. И верно! Внизу, в зеленоватом сум—раке, вдруг появилась желтая, словно обсыпанная вербной пыльцой, и нагруженная пчелка. Я побоялся, что ее там может прижать, и, чтобы спугнуть, прикоснулся к ней, но вместо пчелы увидел на пальце пенистую капельку.

— Вот она, появилась! — кричу. — Что теперь делать—то?

— Не прозевал. Молодец! Не суетись теперь. Тут сей—час и янтарек родится. — Маслобойщик еще раз легонько

ударил. Крупная золотистая капля, похожая на гладкий про—зрачный камушек, нет, на кругляшок застывшей сосновой смолы, беззвучно упала в корыто и тут же растаяла. Но за ней по—явилась вторая, еще ярче, золотистей, похожая на маленький пожелтевший березовый листочек — таких на боровой до—роге много.

— Пошло! — басовито радовался дед. — Пошло, слава богу. В ручеек теперь растянется. Зажурчит как положено. По варке и журчалка.

И действительно, потянулся тоненький, вязкий, словно ме—довый, ручей, от которого, кажется, пахло и свежим медом, и голубыми цветочками льна, и протопленным сухим овином, и горячим гороховым киселем.

Митрий понял, что мне очень хочется попробовать све—жего масла; подставив чайное блюдечко, подождал, когда жур—чеек скроет дно.

— Макать будешь. — Усадил меня к подоконнику, дал большой ломоть настоящего ржаного хлеба.

Ничего нет вкуснее свежего хлеба с теплым льняным маслом, думал я, осторожненько прикасаясь куском к чудной лакомой желтизне. Чтобы растянуть удовольствие, не жевал хлеб, а просто ждал, когда он растает во рту. Я был счастлив! И солнце светило для меня, и масло струилось для меня, и дед мне улыбался. Наконец—то я попал в сказочное царство, где каждый может как сыр в масле кататься, если будет добрым, трудолюбивым и послушным.

Маслобойщик был доволен; сделав очередную закладку, он прикоснулся теплой ладонью к моим волосам и опять дал команду: «На дозор!»

Еще четыре раза я ожидал тонкий писк, сгонял «пчел—ку» и видел, как янтарик падает в корыто, в котором все при—бывало и прибывало долгожданное масло, предназначенное для всех людей нашей малотюковской бригады. Это масло из корыта, поставленного на скамейку, журчало через ходок в поющий, а затем гудящий бочонок; удалось наполнить его (после всех повторных проколачиваний жмыха) только на три четверти.

Дед успел расспросить меня о домашнем житье. Я рас—сказывал всю правду, даже самую горькую. И про отца — тоже.

Маслобойщик Ермилов больше не задавал вопросов, на—чал закуривать, но долго не мог прикурить: потому, наверное, что самодельные серные спички ломались; положил трубку на подоконник, пристально посмотрел в окно и в признатель—ной грусти заговорил:

— Хотелось до Берлина дойти. Да вот руку оторвало... Надо бы гранату схватить да по танку швырнуть, а хватать — то и нечем...

Я с ужасом глянул на пустой рукав и, жалея Митрия, едва сдержался, чтобы не зареветь.

— Ладно, — говорит Митрий. — Не горюй, малый. И без отца вырастешь, не даст народ в обиду. Работать будешь, все привьется.

Снова легли на скамейку клинья, подклинки и молоток, встали в ряд пузатые корчаги, порожняя колода засветилась плавкой желтизной, а фартук маслобойщика висел перед опечком. На верхней полке поставца, словно пироги, лежали четыре плитки жмыха, на которых можно было разглядеть четкую сеточку, пропечатанную от холстины.

Задумчивый Митрий сидел на пороге открытой двери, глядел на низкое оранжевое солнце, которое будто бы кати — лось к дому.

— Бочонок можно закупоривать. И поезжай, не то шибко запоздаешь.

— Я дорогу запомни. Мама встретит.

— Вот и ладно. Доедешь. Бык дорогу найдет. Бык — что мужик, всегда к дому веселей шагает.

Вместе запрягали Горьку, увивали соломенное гнездо для бочонка и смазывали колеса дегтем. Жмых положили в пос — леднюю очередь, я и забыл бы про него, а вот маслобойщик помнил обо всем, что надо вернуть.

Он проводил меня до реки, направил Горьку по перека — ту. У другого берега бык успел схватить несколько глотков фиолетовой вечерней воды и приемисто попер в гору.

— До свиданья, дядя Митрий! — Теперь он мне казался не таким уж старым. — Когда — нибудь еще приеду.

— Приезжай. Ожидать буду, — отозвался Митрий сла — бым голосом, глядя на меня из — под руки.

— Обязательно приеду, — легко пообещал, не зная, что больше никогда не придется бывать на маслобойне и про — бовать льняное масло, такое же сладкое, как это, доставшееся мне на маслобойне в специальном блюдечке.

Я вез домой колхозное масло, оно, казалось, шептало мне что — то ласковое.

В сосновом бору меж стволов уже путались полоски ту — мана: дали сделались фиолетово — синими, а песчаная дорога была похожа на портянину, которую положили на наст отбе — ливаться. Горька шагал по ней легко, с удовольствием. Что — бы не прислушиваться к тишине, я начал орать песню:

На границе тучи ходят хмуро...

Потом пришли на память «Катюша», песня про девушку Татьяну, которая с рассветом вышла из тумана, но ее схватили немцы и потащили в хату на допрос... Подумалось, что из чащи могут выйти немцы, отнимут бочонок с маслом, будут пытать меня, дознаваясь, где живет маслобойщик и сколько бочонков масла в день он может набить. Я знал, что умру под пытками, но ничего не скажу. И в мыслях об этом забыл про пустячные дорожные страхи, которые — уверен — подстерегали за каждым поворотом, за каждым лохматым деревом или взъерошенным кустом. А о грибах и не вспомнил даже.

Близкие деревни оставались в стороне, но старались успокоить меня скрипом колодезных журавлей, хлопаньем пастушьего кнута, бренчаньем андрецов, веселыми криками ребятишек и запахом печеной картошки. Так и ехал от деревни к деревне. Круглая красноватая луна катилась слева над лесом, не желая ни отставать, ни обгонять. Лунное лицо улыбалось, точно так, как маслобойщик. Постепенно умеряшаясь, оно становилось ярче и утрачивало определенность выражения, просто светило, и все — чтобы ясно была видна дорога. Острый Горькин хребет позеленел от лунного света, а солома в таратайке показалась облитой льняным маслом. Я с тревогой ощупал бочонок, успокоился: нигде и капельки не подтекало.

До моста через большую по моим понятиям реку Межу проехал без приключений, хотя постоянно предчувствовал: должно что-нибудь случиться.

Вдруг впереди опять послышался звон колокольца. Прежде чем ступить на деревянный мост, Горька насторожился, заводил ушами. Совсем близко смеялась, словно от щекотки, веселая женщина. Заржал ретивый конь. Думалось: кто-то пасет его у реки. Ну и пусть, мне ехать надо. Подшевелил Горьку вожжами, он пошел серединой моста, обнюхивая настил. Внизу шелестела черная вода — это я не слышал, но, прислушиваясь к нарастающему грохоту колес, предполагал, что вода именно шелестит. Впереди действительно грохотали колеса таранта-са. Не успел управить Горьку ближе к перилам, как ретивый встречный конь коваными копытами будто бы застучал по бычьему хребту, взметнувшись, свернул чуть вбок, продрал тарантас между перилами и таратайкой. Взвизгнула, захохотала женщина, трехэтажно выругался знакомый кучер и громовито сказал спутнице: «Опять этот белобрысый сопляк на большаке». Долго перекатывался грохот над рекой, над лесом, по небесам, а в ушах у меня звенело.

Сначала напугался за них, за этих бесшабашных ездоков: ведь могли с моста рухнуть, они ближе были к краю, ладно,

перила выдержали. Но потом проклинал их, запоздало кричал, выхватив топор и потрясая им: «Вот увидишь, что тебе будет! Вот увидишь, когда вырасту!»

Быстрый тарантас зацепил и раздернул колесо моей таратайки. Не зная, что делать дальше, я был способен только проклинать и охрипшим плаксивым голосом костил лихого кучера самыми скверными словами. А напоследок погрозил: «Погоди вот, трактор тебе встретится!»

Не знаю, куда ездил тот человек, зачем спешил, почему лихачил и презрительно назвал меня белобрысым сопляком.

Теперь я узнал бы его при встрече и на базаре, и на вокзале, и в городской площади — в любой шумной толчее. Узнал бы всем опытом своей жизни в трудные годы смелого выживания вопреки всем невзгодам. Потому что и сейчас кажется: тот человек из таких, кто не оглядывается, причинив боль, кто не возвращается, чтобы помочь, кому всякий другой человек — помеха.

Темнота обступила меня. Луна почему-то не хотела больше светить, спряталась за тяжелым облаком. Вспомнилось: «Бык найдет дорогу домой, — говорил дядя Митрий. — Тяга к дому сильна». Вспомнилось, как я гордился: свою дорогу хорошо запомнил. От этого стало спокойнее.

Подумаешь, колесо, оно и так еле держалось. Не на мосту, так где-нибудь в канаве все равно бы рассыпалось.

Подобрал обод, части расколотой ступицы, спицы, — может быть, пойдут в дело. Тут и топор понадобился: с ним не страшно в темноте было, да и смастерить приспособление в виде полоза можно. Теперь я деловито и спокойно копошился возле таратайки, примерялся пропихнуть кусок жерди под ось, чтобы привязать его вожжами к оглобле. Доедем! Горька дорогу домой найдет, он все понимает. Я ему помог, защитил его глаза, он мне поможет.

При помощи ваги как-то сумел приподнять таратайку, пропихнул гибкий обрубок жерди, крепко привязал вдоль оглобли и расклинил. Какое-то время сидел на земле, не решаясь испробовать приспособление, но Горька сам дернул с места и убедил, что так ехать можно. Уже потом, когда, прислонившись к бочонку, наслаждался мягким покачиванием, почувствовал, что не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой. Помню, не хотелось, чтобы встречала мама, я сам должен был все исполнить до конца. Теперь ничего не боялся.

Было не страшно, спокойно, тепло. Легкий ветер обволок меня покоем. И видел я себя дома ранним утром, в солнечной избе. Топилась печь, отсветы играли на стенах. Сладко сопели братья и сестренки, не знали они, что приготовлено уго-

щение. В каждой из семи тарелок брусочками нарезан хо—лодный гороховый кисель, намазанный поверху свежим льня—ным маслом. Пора было вставать, умываться и расхватывать ложки. Но мама почему—то не возвращалась с колхозного двора. Там, возле фермы, которую хорошо видно из наших передних окон, толпились женщины. Было понятно: они об—суждают, где искать меня, потому что я потерялся. Сон затя—гивался, обрастал жуткими подробностями: меня сбивали с пути коварные враги, по бочонку стреляли из пистолетов, и я закрывал пробоины своей грудью.

Измотанный бык тем временем вольно избирал себе путь, он свернул с большака в нашу сторону, пошел знакомой тро—пой, чтобы побыстрее добраться к родному выгону, дотянул до ворот и лег возле них отдыхать. А мама встречала меня по большаку, беспрестанно аукая.

На трудодни нам досталось масла чуть больше полкрин—ки. Но зато какое это было масло, до сих пор аромат по—мнится. С годами все чаще приходит тоскливое желание оказаться в родном деревенском доме. Знаю. Его давно уже нет, но светлеет на душе оттого, что представляю себя там. Будто бы ранним утром, едва проснувшись, вижу, как мама хлопочет возле печки, готовит еду на большую семью. И вскоре появляются на столе наполненные до краев ярко—желтым гороховым киселем фарфоровые тарелки, хохломской рос—писи ложки, пышный поджаристый каравай ржаного хлеба, испеченный на капустном листе, розовые чашки с топленым молоком и чайное блюдечко с льняным маслом. Этот празд—ничный стол накрыт в честь моего благополучного возвра—щения из дальней поездки. Думается мне, хорошо бы за столом вместе с нами оказался дяденька маслобойщик

Рисунок младшего сына

Некуда было спешить. Приехали утренним автобусом после суточного отдыха в райцентре у дальних родственни-ков. От остановки на федеральном шоссе рукой подать до села, обозначенного едва видимой над деревьями обезглав-ленной колокольней. Туда предстояло пройти проселком через ржаное поле и березовый перелесок. Сын повертелся, огля-дываясь, спрашивает:

— А где твой друг детства?

— На работе, наверно. Он и не знает, что мы уже здесь, на неделю раньше обещанного прибыли. Ты сам просил: вези скорее к дяденьке Леониду.

— Пойдем к нему на работу, папа.

— Спешить не надо, Алеша. Мы с тобой степенные ту-ристы. В походе спешка вредна. Местность будем огляды-вать. Рюкзаки у нас не тяжелые.

— У меня легонький, а в твоем всего много. И этюдник с красками сильно тянет. Если устанешь, я тебе помогу.

Шагали с остановками на отдых. Сын жаловался на жару, усталость, вспоминал маму, потому что она умела зимой но-сить его на руках. Он шел этой дорогой впервые, все было внове и оказывалось поводом для остановки с разговорами. Возле колодца тоже остановились, привлекло устройство сруба и приспособления для подъема воды из подземной глубины.

Пока в согласии медленно крутили ворот, вытягивая тя-желую деревянную бадью, окованную металлическими по-лосами, чтобы наполнить походную бутыль, не заметили, как подъехала повозка. Присвистнув на лошадь, древний старик подрулил к привязи, молодцевато выпрыгнул из телеги, под-ходя оглядел путников придирчиво и произнес командирским наигранным голосом:

— А на каждый-то колодец не кидайтесь. В жару жажду наспех, ребята, не утоляйте — перетерпливать надо. — И спро-сил: — В гости к нам или мимоходом?

— Побывать захотелось.Сыну дорогу показываю, чтобы помнил, — говорю, узнав Ефима Ивановича после многих лет.

— Давно не показывался молодец, а вижу чей да откуда, — подтвердил и он свое узнавание земляка. — Садитесь раз так. Недалече ехать да вместе охотнее. Скучно одному в мол-чанке существовать. Тихо косы да грабли со склада везу. Бри-гадир говорит: «Поезжай, Ефим Иванович, на лошадке, машину

гнать не из — за чего». На лошадке и самому приятно, при — вычный, чай, кавалерист бывалый. В девятый десяток доска — киваю, лихач этакий. Выходит, кони мне веку прибавили: бывает

похвораю, да снова людям на пользу живу. Здоровье мне на долгую жизнь дано, вот и тружусь.

Поскрипывала телега, переваливаясь то на одну, то на другую сторону дороги — лошадь никак не хотела идти серединой, из одной колеи в другую моталась, выбирая удобства по своим копытам.

— Тоже исхитряется, — пояснил дед. — Вытеснили машины наших лошадок на обочину. Везде теперь сторонимся. — И, разглаживая усы, продолжал: — Дело такое, а совсем без коня нельзя. Зимой конь особенно нужен. В сенокосную пору — тоже. Страдная пора сенокосом начинается, а копкой картошки кончается. — И помолчав: — Картошка нынче будет хороша. Полило вовремя. И солнышко греет. Посевам полезно. Травы по всем лугам набрались к сенокосу .

Ефим Иванович, не дожидаясь вопросов, прошелся своими замечаниями по сельским делам и заботам, оценил работу специалистов — агрономов, зоотехников, инженеров, расторопность и деловитость молодого бригадира. Пока ехали, успел обрисовать жизнь по всем направлениям и заинтересовал своими суждениями. Удивляло неравнодушие, привлекала свежесть речи. Не удержался, высказал ему свое желание зайти как-нибудь потолковать по душам о прошлом и настоящем, записать на память. Дед рассудил по-своему:

— Чего толковать-то сейчас. Работать надо. Приехал — пособи в жаркую пору. А для разговоров зимой приезжай. Про свои георгиевские кресты похвастаюсь, чай, полный кавалер. Никогда не сказывал, а теперь время подходит былое вспоминать. О сыновьях и внуках военных скажу. Приезжай потом. А сейчас что — некогда. — Помолчал, бородку оглаживая. — На вечер хватит вам с другом детства разговоров. Леонид сказывал, поджидает.

Ладно, согласен: разговоры говорить не время, но после долгой разлуки вернуться туда, где дом родной стоял, необходимо в первую очередь. Для того и приехал с младшим сыном. После отдыха в тени под черемухами и ответов на дотошные вопросы бабки Спиридоновны пошли туда на взгорок, где деревня моя была. Особых примет от деревни не осталось, памятью угадывались тропинки. На отцовском подворье, на давних маминых овощных грядках разворачивался самодовольно ревущий гусеничный трактор. Молодой рыжеволосый тракторист, высовываясь из кабины, удивленно посмотрел на незнакомцев, подмигнул привлекательному мальчику, изобразил рукой витиеватый жест: видал, малыш, как шурует дяденька, как хорошо он пашет, завидуй, учись, перенимай. Над бывшей деревней печально кричали чибисы

— горевали. Они горевали свое горе и сочувствовали при — шедшим с большим опозданием.

«Папа, пойдем куда глаза глядят — ты, слышишь, папа. Я знаю куда».

Он сам выбирал дорогу, шагал, как ему любо, то важничал, двигался с достоинством, понятным только ему, то вдруг на — чинал семенить ножками, шлепая великоватыми сандалями по плотной луговине, то останавливался и что — то разгляды — вал, может быть, просто поджидал папу. Я шагал с трудом, словно навсегда отрывался от этого взгорья. Алеша, весело смеясь, убегал дальше, снимал со светловолосой курчавой го — ловенки панаму и нес ее в руке, словно огромную ромашку. Иногда сворачивал с едва заметной дороги, путался в высо — кой траве . Он поднимал панаму, как мог высоко, и кричал: «Папа, я один! Найди скорее меня!» По большому белому «цветку» — он был уверен в этом — отец и находил его. Брал на руки, выносил на сохранившуюся для них дорогу. Но через некоторое время мальчик снова прятался в траве. Так и шли в вечернюю сторону к дому заметно постаревшего друга — так сочувственно думалось.

Алеша, конечно, измаялся. На отдыхе перед последней частью короткого пути начал дремать. Пришлось взять его на руки, нести по безлюдной улице до крыльца. И в привет — ливом доме под заботливым старушечьим говорком ребенок не проснулся, так без ужина и уложили его в по — стель

— Пускай парень растет. — Леонид несколько раз по — вторил, пока сидели за семейным столом, разговаривая о пе — режитом и памятном.

Он, обликом и на словах похожий на деда Ефима, тоже душевно относился ко всему, что окружает, и к тому, что в мире происходит, как выстраивается деревенская жизнь и мировая политика. О, эти нескончаемые разговоры давних друзей после долгой разлуки. Не для коротких ночей такие застольные беседы. Вспомнили слова Ефима Ивановича: «Зимой приез — жай — поговорим». Перед Леонидом от меня требовалось оправдание: редко приходится бывать — некогда, семейные заботы, творческая работа, общественные обязанности.

— Да отговорки это все, — определила Анфиса, жена Ле — онида. — Оторвались вы все там, зачерствели.

Леонид простительно вздыхал. Вскоре продиктовал рас — порядок, крепко обнял, велел отдыхать — набираться сил. Как бывало давным — давно я лежал в сарае на свежем сене и чувствовал убывание многолетней городской усталости. Слышно было отдаленное поскрипывание тяжелой телеги,

отфыркивались от назойливых комаров свободно гуляющие кони. Где-то в другом конце села на крыльцо вышел гармонист, робко тронул клавиши, а потом заиграл увереннее, веселее, словно обрадовался, что вспомнил незатейливую стушечную мелодию. Играл веселую не напрасно — отозвалась девушка:

— Если хочешь полюбить, приходи в луга косить. Если хочешь целовать, приходи стога метать.

— На стогометателе приеду! — пообещал гармонист и заиграл еще громче, еще веселее. А девушка пела другую частушку.

Во дворе звенели струи молока и облегченно вздыхала корова. Анфиса уговаривала: «Сто-ой, Беляна, сто-ой! Травы-то я тебе для чего припасла». Потом несколько раз прошуршала в сенях осторожно прикрываемая дверь — женщина берегла удивительный покой Алеши в новой непривычной постели.

Дышалось легко, вольно расправлялась моя душа. Я вслушивался в целебную тишину, печально думал о самой родной, единственной, которой давно уже нет и, сглатывая давние подступающие слезы, шептал: «Мама, родная моя, милая, разбрелись, растерялись мы все». Кажется, и уснуть не успел, но уже перекликались вторые петухи, заботливо переговаривались соседи, влажно вжикала в огороде размашистая косалитовка.

— Эй, на сеновале! Который сон доглядываешь? — спросил Леонид. — Кончай туман крутить, завтра досмотришь. Протирай глаза кулаками да прыгай сюда — умываться будем.

С демонстративной бодростью выпрыгнул из сарая, подбегаю к колодцу.

— Во, чудак! Не трудился, а уже пить. — Леонид оттеснил от бадьи, выплеснул воду в колоду. — Жди от такого работника подмоги. — Он рассмеялся, пятерней расчесал белесый чуб, снова надел кепку и форсисто заломил козырек, словно хотел показать лысину. — Сейчас плотненького чегонибудь рубани — Анфиса приготовила. Завтракай, завтракай. Подожду.

Все по велению, подчиняясь хозяйке: проглотил блинчик с мясом да еще один простой запил молоком. Глянул на Алешу. Он мило спал в прохладном полотняном пологе. Леонид тоже полюбовался:

— Мы когда-то так же спали. У меня девки, с ними не так интересно. Угораздило, три подряд. Выросли — в города. Старшая замужем, две другие — в институте. Видные девчонки, толковые. А сын, пожалуй, другими интересами

радовал бы. У тебя — отряд: и сам в силе да два сына — два бойца. Младший подрастает. Бери-ка его, пусть с тобой. Бери-ка своего орла. Там ему палатку соорудим. — Но сам же и одумался. — Маловат, пожалуй, для дальних сенокосов, оставим — Бабуля доглядит.

А ты не забыл, как, бывало, и косили, и пахали, и молотили от зари до зари?

— Помню, все помню. Деревню, детство. Работу всякую и тех, с кем вместе работали, вместе горевали, не дождавшись отцов с войны

— Да, при отце другая жизнь была бы. — Леонид прихлопнул на голове форсисто заломленную кепку, поправил козырек над бровями. — Пойдем, друг, на посадку в грузовик, наверно, все уже собрались.

Ехали на быстрой машине по просторным увалам. Сидели рядком плечо в плечо. Бывало и в школе сидели за одной партой. Учились в одном классе, хотя Ленька постарше на год, хорошо читали стихи и решали задачки, дружно отстаивали справедливость, еще не осознавая истинных причин многих бед и страданий, решительно делили людей на злых и добрых, красивых и некрасивых. Вместе писали письма на фронт непременно героическим отцам, а потом другим солдатам, которые отвечали вместо отцов. После школы дороги разошлись. Но друг другу изредка сообщали о самых значительных переменах в жизни. Иногда переписка затухала — наверное, потому, что надеялись скоро встретиться, но возникали причины: дети, работа, болезни, безденежье.

— Вот все-таки свиделись, — сказал приглушенным голосом Леонид. — Рядышком побудем, как братки.

Настроение было долгожданное. В детстве у нас было так много общего, что и теперь есть все основания испытывать чувство родства. Но если бы не просьбы Леонида, и нынче не приехал бы в эти родные места: жена отговаривала от поездки — сын казался ей слишком слабым для дальней дороги и резкого изменения бытовых условий. Она категорически возражала, потому что в своем городе не могла знать, не испытывала ностальгической тоски. А Леонид написал: «Зазнались вы все».

— Спасибо тебе, Леня, — говорю ему, а он — недоуменно хмыкнул.

— Зря не взяли Алешку на покос. Правда, будить не хотелось. А зря... Думаешь, некусаный проживет? — Леониду казалось, что мы вообще напрасно нежим парня — так не воспитывают будущего мужчину.

Машина, скрипнув тормозами, будто уткнулась в травяни — стый закраек. Женщины закопошились, разбирая грабли и вилы, а мужики уверенно перешагивали через борта, прыгали в траву и крякали довольные своей ловкостью. Они не сразу отзывались на просьбу женщин принять грабли, узелки с едой, на шутливое предложение взять своих ненаглядных на руки.

— Нежности какие, — сказал Леонид, но все — таки помог своей дородной Анфисе. Спустилась она последней и объяс — нила, что побоялась подмять кого — нибудь, лучше подождать вниманья своего муженька.

— Он у тебя жилистый — стерпит. Не каждой такой достался, — говорили женщины. — На твоего можно обло — котиться.

— Ничего еще, не жалуюсь, — отшучивалась Анфиса. — Перебарывает.

Начались обычные шутки — прибаутки. Всем весело, будто ни у кого и не было печали, переговариваясь, балагуря и ра — ботали: ворошили, а потом сгребали сено, подкатывали его к стожарам, чтобы с полудня начать стогование. Заботливый и все понимающий Леонид не оставлял друга без внимания:

— Мы с тобой

Помнишь, как бывало. Бери — ка вилы, тряхни стариной.

Вспомнились мамины слова: «Ну — ка, сынок, тащи самые длинные вилы. Вершить будем». Лучше всех она умела вер — шить стога. Как заправский метальщик в длинной полотня — ной рубахе, отяжелевшей от пота, ходила вокруг стога, поднимая высоко — высоко пласты коричневого из — за ненастья сена, словно хотела забросить его на остановившееся облако.

— Понимаю тебя. — Леонид угадал причину печали. — Берись за работу, она облегчает воспоминания.

Вместе начали обметывать стожар. Как — то легко и ловко набирались пласты ароматного сенца. Женщины едва ус — певали подкатывать валки. Стог с каждым круговым прохо — дом разрастался, полнел. Иногда я посматривал на старую ветвистую березу, под которой в давние годы мама отдыхала после каждого дометанного стога. И казалось, сердцем чув — ствовалось: кто — то в тени радуется, глядя на умелых ме — тальщиков. Там , под березой, мелькнуло голубое, словно мамина косынка. Щемящий холод прошел в груди. Не сразу дога — дался, что мелькнула белая панамка сына? Алешка выбежал на поляну, наполняя ее счастливым криком: « Папа, ты ви — дишь, я все равно приехал?!»

Мальчика привез на «газике» бригадир. Он объяснил:

— Гляжу, мальчонка хнычет. Сидит в песке на дороге и причитает: «Ой, папочка мой». Спиридоновна возле него только

руками хлопает да ахает: мол, не сладить, весь день проревет теперь без отца. Иди, говорю. Этот подлетает. В глазах — ни единой слезинки. И просит: увезите на сенокос. Поехали, раз так охота. Не ругайся, отец, вдвоем вам охотнее будет.

— А я что говорил, — обрадовался Леонид. — По-моему все равно вышло. Сыну сызмала возле отца в делах серьезных обколачиваться надо. У меня девки, они около матери больше держались.

— Ты, папа, работай. Я не буду мешать, под ногами путаться. — Алешка все решил для себя — он знал, на что идет.

— Ну-ка, сынок, выбирай самые длинные вилы, тащи сюда, — предлагаю серьезное дело.

— Где они, папа? Я сейчас. — Он быстро соображает, берет лежащие на ивовом кусте длиннющие отполированные вилы за острый рог.

Женщины встревожились:

— Что ты, наколешься!

Алешка настаивает на своем, подавшись всем телом назад, стаскивает стожные вилы с куста. Анфиса подступила к нему, готова помочь, оберечь, но дивится, подбадривает: «Молодец какой! Этот работник, не изленился в городском раю. Вот бабушка Анастасия Ивановна на внука поглядела бы».

Осознаю доброе напоминание о матери, повторяю ее давние слова:

— Хорошо теперь, сыну можно сказать: «Ну-ка давай вилы. Будем вершить. Нельзя стог оставлять незавершенным».

Мальчик на удивление всем взрослым выносливо провел день, чем и заслужил похвалу Леонида Николаевича:

— Терпеливый парень. И завтра, если хочешь, возьмем.

Мальчишка, конечно, хотел быть среди работающих. И вечером его не пугали ни комары, ни мошки. Ему приятно было возвращаться в деревню на открытой машине, подставлять разгоряченное лицо ветру и вместе с папой отвечать на вопросы любопытных женщин. Они умеют участливо расспрашивать и взрослого и ребенка. Все сказанное в дорожном разговоре касалось лучших дней, приятных жизненных событий и вызывало светлые воспоминания. Но щемящее чувство вины, неосознанной вины перед теми, кто раньше времени ушел навсегда, оставив свой незавершенный стог, угнетало. Леонид подбодрял:

— Не вешай нос. На тебя счастливый сын смотрит. Пусть радуется.

— А мне хорошо, а мне нравится, — твердил Алеша, когда дружно шагали вдоль села. Он держался за сильные горячие

руки двух высоких и сильных, лучших на свете мужчин. — Скоро вырасту такой большой! Я не боюсь.

— А нам все равно, а нам все равно, — пропел Леонид, забавляя малыша, поддерживая бодрую уверенность. — Не боимся мы волка и сову. Даже в трудный час косим трын—траву.

— Косим, косим, вместе косим трын—траву, — подхватил Алешка.

Ужинали работники дружно и весело. Анфиса, довольная едоками, едва успевала подставлять все, что приготовила ба—бушка Спиридоновна.

— Теперь, орел, пора спать. — Леонид пожал руку ма—лыша. — Ого, есть силенка и в этой ручонке. — До завтра, значит. Спокойной ночи, приятных снов.

— Встретимся на трын—поляне, — пообещал малыш. — Правда, папа?

Снова катилась над лесом раздобревшая луна, звезды просвечивали рассохшиеся двери сарая, ржали в выгоне стре—ноженные кони, перепел напоминал: спать пора, спать пора. Тихо играла гармонь, девушка пела частушки, будто забыла, что летняя ночь коротка.

Несколько дней подряд мы ездили на дальний покос. И честно заработали право на отдых на виду у вечно занятых земляков. Они сами попросили меня взять с собой этюдник: «Знаем, на художника учился, покажи умение, запечатлей наши стога».

Они работали, а я расположился в тени под маминой березой и начал компоновать летний этюд. Писалось ув—леченно и, пожалуй, после надоевших урбанистических мо—тивов, впервые так успешно. Алеша странствовал среди цветов и мелких кустиков на опушке, тихонько разговаривал сам с собой. Все, о чем рассказывали ему зимой, было ря—дом — живое, обласканное солнцем и доверчивое. Ре знал, что сказать кусту, травинке, шумливой осине, бабочке и шмелю, ящерице и синице, потому что они долго ждали его, теперь внимательно слушают и понимают, даже что—то шепчут в ответ.

Такое общение в конце концов утомило, устал он дер—жаться на расстоянии, как бы случайно приблизился ко мне, поинтересовался начатой работой. Прищурив глаза — о, мой мальчик знает, как смотреть живопись, воспринимать коло—рит! — долго глядел на этюд, придирчиво следил за каждым моим движением и касанием картона. Прошел взад—впе—ред возле этюдника с одной и другой стороны: «Папа, ты неуверенно пишешь, да?»

Молчу, не идут никакие слова, говорить еще не могу. Только что думалось о том, как много прошло — промелькнуло лет, давно не бывал в деревне и мало сделал, чтобы могли добром вспо — минать меня близкие мне люди. Я склонился, обнял сына, понимая его ожидание:

— Давай вместе рисовать, Алеша.

— Правда, вместе?! — он подбежал к рюкзаку, достал коробку с акварелью, бутылочку с водой, выбрал колонковую кисть, как настоящий акварелист, проверил ее мягкую упру — гость, приспособил планшет, приклонив на бугорке к стволу. — Не подглядывай только, папа. Нехорошо подглядывать.

— Понятно. Значит, опять конкурс на лучший рисунок. — Надо же подкрепить его старание. — Только ты, Алексей, не торопись.

— Сам знаю.

Пришлось и мне ставить другой картон, начинать новый этюд. Наметил кучевые облака, разомлевшие кроны берез, стройные стога и вдалеке яркий песчаный берег, полоску фиолетово — синей воды, яркие фигуры работников на поляне. Увлекся и не заметил, как подходили любопытные люди, ста — раясь не помешать ни словом, ни движением, ни шорохом. Напряженная получилась тишина, а за спиной появилось сдер — жанное дыхание сына. Оглянулся на него.

— Смотри, папа. Я все нарисовал Я победитель!

— Вот так, завидуй, отец. — Леонид занял сторону юного художника.

— Сейчас поглядим. — Но еще не отвлекаюсь от своей работы, сделаю несколько акцентированных мазков, чтобы за — играло в композиции настроение.

— Будет, будет. И так похоже, очень красиво, — поторап — ливали зрители.

— А ничего, не зря пять лет учили, добавляли к тому, что в школьные годы умел, — сказала Анфиса и, подбоченясь, по — дошла поближе, тоже прищурилась, чтобы лучше разглядеть. — Это ты кого же в картину пристроил — не разберу: все молодые , все стройные, нарядные.

— Все, как надо, изображено. Или мы хуже других. Земля наша — рай, мы тут работники, нас отсюда никакими пряни — ками не выманишь. — Леонид начал философствовать. — Рисовать, конечно, надо по любви, только то, что дорого, чем душа живет. Тогда всем приятно будет. Что душу греет, то — в картину, то и людям на радостное понимание. Сын твой правильно мыслит

Алеша нарисовал свое солнце над едва намеченным пей — зажем. Без теней, полутеней и бликов, получилось оно не плоское,

а трепетно — живое, ласковое. Казалось, от рисунка исходит особенный подвижный свет, негой и покоем наполнен сол — нечный воздух.

— Верно, победил Алешка! — подтверждали женщины, умильно поглядывая на него и на рисунок, над которым он стеснительно наклонялся.

— Маме понравится, — тихо сказал, но все слышали. — Мама тоже красивая. Я нарисую большущий мамин портрет, когда получу диплом.

— Вот хороший мальчик. Правильно надумал. — Зри — тели поняли мечту.

Бывали иногда ласковые деньки. А теперь чувствую, по — нимаю, что этот и другие мои этюды, как бы я этого ни хотел, сколько бы не старался, пожалуй, не наполнятся таким до — верчивым светом, потому что незримо для других вошли, скры — лись за солнечным колоритом печали, думы, тревоги , воспоминания...

По вечерней синеве возвращаемся к машине. Думаю, о предстоящем прощании, о возвращении в загребущий лука — вый город. А сын с достоинством несет свой первый рисунок, выполненный на пленэре. Волнисто плывет в ласкающей си — неве прохлады над скошенной поляной, заставленной свер — шенными стогами, большое естественное солнце. И каждому из нас кажется, что до заката очень далеко. Солнце то плывет, то катится над маминой поляной в ту сторону, где была ее деревня, деревня моего детства.

Однажды утром

Солнце нежилось в лесной постели за самым дальним увалом и разглядывало утреннее, без единого облачка, небо. А потом оно вдруг подпрыгнуло, да так сильно, что сразу над горизонтом оказалось. И увидело солнце: землю — то всю, и деревья, и дома, и даже тракторы ночные туманы обсыпали разноцветными блестящими капельками росы. И увидело солнце, что деревня уже проснулась, в каждом доме топится печь, мамы и бабушки готовят еду — варят суп и картошку, и кашу, жарят котлеты и рыбу, пекут блины и лепешки. Папы и дедушки тоже заняты утренними делами: пилят и строгают, ремонтируют грабли и вилы, клепают — отбивают косы, точат топоры.

А детям можно бы и не спешить — в детский сад в вос — кресенье не ходят: полежать бы им в теплой постели. Можно просто думать, что вот опять пришел самый интересный день, надо сделать что — нибудь необыкновенное, приятное для себя и для взрослых. Только вот почему — то и не лежится, и не думается, а встать побыстрее хочется. Вдруг да без них, без детей, самое интересное ранним утром произойдет?!

Ласточкин Веня тоже не виноват, что рано проснулся, солнце его разбудило. Он, конечно, обрадовался — была для радости причина: мечтал пораньше встать и не проспал. Значит, те — перь старший брат Костик один на новом тракторе не уедет.

С тех пор, как показал Костик отцу четверки да пятерки за девятый класс и права механизатора, полученные в школе, Веня потерял покой. По утрам без желания собирался в детский сад, хотя и оставалось ходить всего последний месяц. Даже наду — мал однажды сказать, что голова болит, но не посмел, потому что мама Лена все равно бы не поверила, поставила градус — ник. И тогда за обман красней, извиняйся. По вечерам, ложась в постель, он спрашивал: «Какой завтра день?» И понедельник, и вторник, и среда, и четверг, и пятница, и даже суббота ему были не нужны. Мечтал только о воскресенье. Он устал ждать этот день недели, так устал, что накануне и сам не заметил, как

уснул. И вот доброе солнце не забыло его разбудить. Оно будто бы на ухо прошептало голосом Костика:

Эх, малышок Веня,
Ты набрался терпенья
Подождать до воскресенья.
А теперь проснись,
Вставай — не ленись:
Труд человека кормит,
А лень портит.

Веня потянулся и — прыг с постели. И сразу — к окну. Ох, хорошо! Не проспал! «Ура! — крикнул он для себя ше — потом, чтобы папа и мама не услыхали. — Ура! Как хорошо! Трактор — на месте!»

Маленький красный трактор стоял под навесом рядом с папиным марки «Беларусь». А Костик на крыльце сидел, кеды зашнуровывал. Надо торопиться, по — солдатски одеваться. Веня ловко натянул зеленый комбинезон,' надел белые бо — тинки и взял легкую кепочку с прозрачным зеленоватым ко — зырьком. Попрощался с игрушечным другом — медвежонком Тишкой. Достал из — под кровати приготовленный вечером гаечный ключ и пошел, как договорились, помогать Костику готовить трактор к работе. Мама не слышала — она ма — лышку Леночку одевала; баба не видела — она на кухне ух — ватами гремела; папа не заметил — он в сеннике косу отбивал.

— Готов? Молодец! — похвалил Костик. — Это мне нра — вится: слово — олово. Порядок уважаю и дисциплину. Если хочешь, чтоб дело получалось и я тебя любил, исполняй, как требую.

— Я и ключ не забыл. Гаечный это...

— А еще какой он?

— Рожковый, семнадцать на девятнадцать, — ответил Веня, хотя и сам еще не понимал, почему ключ так называется. Объяснял ему Костик, да, видно, плохо объяснил.

— Верно. Смогаешь его? — спросил Костик.

— Охапку таких — то смогу. А другой, который у тебя, как его, торцовый — тяжелый больно.

— Еще бы! Этим колеса прикручивают. Их надо хорошо крепить.

Так они шли и разговаривали. Оставались на траве ровные дорожки. Порхали над ними две веселые синички и вык — рикивали: «Утинь, утинь...»

— Кость, о чем синички говорят?

— Они не говорят, они в колокольчики позванивают: тинь — тинь — тинь.

— Вот и неправда. Доброй дороги желают. Утин — это дорога в поле. Между клевером и рожью, например. Мы по утину поедем, ведь правда?

— Точно так. Сейчас технику подготовим и, не торопясь, — на работу. Поспешишь — людей насмешишь. Я думал, ты бегом к трактору ринешься. Молодец, не побежал. Не бес — покойся, у него хватит терпения хозяина подождать. Видишь, как ласково глядит.

Солнце поднялось над горизонтом и освещало теперь окна дома, крыльцо, деревья от вершины до самых корней и оба трактора под высоким навесом. Конечно, Веня хотел бы — стрее подбежать, потрогать и яркий, нагретый солнцем капот, и большие рубчатые колеса, и блестящие стекла фар. Но, под — ражая Костику, он шагал степенно и будто бы что обдумывал.

Подошли. Костик зачем — то качнул рулевое колесо, ры — чаги с черными головками, опершись ногой на специальную ступеньку, хлопнул ладонью по полотняному зонту, стряхнул с него росу. Достал из ящика ветошь и вытер сиденье, «кры — лья», капот.

— Мне чего делать, Костик?

— Сейчас найдем дела. Ты несмелый какой — то. Разве не знаешь, с чего начинать? Сначала умойся, работник... Трак — тор не любит, чтобы с заспанными глазами подходили.

— А ключ в руках не видишь, что ли? Куда мне его девать?

— В инструментальный ящик, конечно, туда, где вчера взял. — Брат подсадил Веню, и он своими руками открыл чудный небольшой ящичек, в котором целое множество всяких клю — чей. Всяких, всяких. И рожковых, и торцовых, и даже два раздвижных. Вот опять бы перекладывать ключи, обтирать их ветошью, чтоб ни грязиночки, ни пылиночки не осталось, чтоб так и блестели. Только утром это делать некогда.

— Нам поторапливаться надо, правда, Костик?

— Правильно говоришь... Вот так, молодцом. Знаешь, что и где лежать должно. А теперь марш к умывальнику!

Такие команды старшего брата Вене очень нравятся.

— Слушаюсь! — отвечает он.

Рядом с летней стоянкой тракторов на низком столбике приспособлен большой бак с водой. За день в нем вода на — гревается, и очень приятно отцу с Костиком обмывать уста — лые мускулы; за ночь вода остывает, и механизаторы умываются утром для бодрости. Тут же возле бака — и по — лотенце махровое, и большой осколок зеркала, и мыло.

Упругая струя, бьющая из крана в ладони, рассыпалась в мелкие колюче—холодные брызги. Солнце отражалось в них и веселило братьев. Они потому и смеялись звонко.

Бабушка выглянула в окно, сказала:

— Коська, застудишь его. Мама Лена выбежала на крыльцо:

— Ребята, не балуйтесь. Вымокнете все.

Отец появился в палисаднике, посмотрел, улыбнулся и не сыновьям, а бабушке сказал:

— Ничего не будет им, Марья Ивановна. Пусть закаляются.

И снова взрослые занялись своими делами: бабушка все еще копошилась возле печи, мама одевала Леночку, а отец ремонтировал педаль у Венькиного велосипеда. Конечно, в любое другое утро Веня возле отца вертелся бы, но теперь никакая сила не могла оторвать его от Костика.

Только солнце и наблюдало за ребятами, оно ведь тоже волновалось, думая о том, как Веня первый раз на новеньком маленьком тракторе с братом поедет. С отцом Венька уже много катался в кабине и зимой, и в посевную, и в сенокос. У Костика трактор совсем не такой, без кабины, с зонтом толь—ко. И мотор у него не гудит, а выговаривает: «тук—тук—тук—тук—тук...» Хорошо гудит маленький «тутунчик», порулить хоть немножко. А вдруг Костик не пустит под зонт, из—под которого очень хорошо и дорогу, и поля оглядывать, не поса—дит рядом с собой на узенькое сиденье? Тревожится Веня. И, обтираясь махровым полотенцем, снизу вверх на Костика по—глядывает. Брат и не обращает на него внимания, перед зер—калом большущей расческой пушит свои жесткие ржавые кудри.

— Готов, парень? — спросил он.

— Давно, Кось, — Веня прижал руки по швам и, не зная, что делать дальше, разглядывает омытые росой, обшарпанные носки белых ботинок.

— Иди с ведром, попроси у отца компрессии для мотора.

— Я сейчас, я мигом, Костя! — И помчался радостный, с новым алюминиевым ведром. Птицей по лестнице, влетел в сенцы, а по другой, раскатисто перебрав ступеньки, сбежал в палисадник:

— Папа! Косте для мотора компрессии надо. Быстрее только, пап.

Отец почему—то рассмеялся, взял Веньку на руки, пошел вокруг дома, приговаривая:

— Ах, Костя, ах, большак! Как с ним пошутили, так и он. Я вот ему...

А Костик за трактором спрятался и хохочет вовсю.

— Костя, зачем над ребенком подшучиваешь? Ничего другого придумать не мог? Рано знать это ему. Стыдно стало — спрятался. Я с тобой еще поговорю, — не строго совестил отец старшего сына, а младшего успокоил:

— Ты, Вениамин, не огорчайся. Раньше и меня посылали за компрессией. Шутка это такая... Компрессию в ведре не принесешь. Но без нее и двигатель не будет работать. По—лучается в цилиндрах, знаешь, где поршень—то бегает. Вон там, между поршнем и цилиндром. Это — плотность. Под—растешь, поучишься в школе, понятно будет.

Но у Вени все—таки испортилось настроение. И если бы не ласковое солнце да не зовущий взгляд «ту—тун—чика», он мог бы расплакаться.

Костик понял печаль, сочувственно приглашает:

— Иди, иди скорей!

Веня соскользнул с отцовских рук, бежит, погромыхивая ведром.

— Чего еще, Костик, надо?

— Вот тут стой, гляди, как заводить буду.

Веня, конечно, замер — весь внимание, успел только кра—ешком глаза на отца, на окна родного дома да на солнце взгля—нуть. Он верит: наблюдать, как пускают мотор нового трактора, — не шутейное занятие. А Костик опять важничает. Нето—ропливо влез на сиденье, потер руки, покачал руль, накло—нился и нажал на какую—то кнопку. Внутри трактора приглушенно заурчало, взвизгнуло и заклохтало. Но эти зву—ки вдруг исчезли, и отчетливо, как часы, заработал мотор — затутункал.

— Костя, куда смотреть—то, Костик? — кричит Веня.

— На трубу, на трубу выхлопную гляди. Вишь, не под—дымливает, — Костик тоже кричит: — Не поддымливает — значит, порядок, значит, регулировка сделана по всем прави—лам. Ну, влезай ко мне. Поедем! Давай скорей, чего стоишь, как не родной?

Веня словно влетел на трактор, втиснулся на колени к брату, и легкая дрожь необыкновенной машины передалась ему. Рот приоткрылся, а уши, наверно, навострились. Ма—кушкой он чувствовал ровное теплое дыхание брата и, заме—рев, ждал, что будет дальше: может быть, Костик опять пошутил, просто даст минутку посидеть за рулем, а потом отправит домой, сказав, что не примет на себя ответственность за та—кого несмышленыша.

— Поехали, — говорит Костик и включает пониженную передачу, на которой — Веня знал уже из многих семейных разговоров старшего брата с отцом — маленький «Дэтик»

меньше километра в час может проехать. Ни один другой трактор так медленно, пожалуй, не ходит. «Почему они так называют? — думал Веня, — никакой он не «Дэтик», а ми-ленький «Тутунчик».

Вздрогнул трактор и пошел, вяло поворачивая большие рубчатые колеса; передние крутились чуть побыстрее — они как бы торопились выбрать дорогу. И запело сердце у Вени. Поехали! Но трактор вдруг остановился. Неужели все? Так мало... А вчера вечером Костик обещал на утреннюю работу взять, к делу привлекать.

— Ребята! Дети, вы позавтракать забыли, — послышался совсем близко голос мамы. Оглянулся Веня и поспешно от-казался: «Неохота».

— Возьмите с собой тогда.

Вместе с мамой к трактору подошла трехлетняя сест-ренка Леночка. Она принесла узелок с едой для Вени, а мама — узелок для Костика.

Когда Костик принял оба узелка, Веня успокоился: не пе-редумал. И поехали! Солнце по небу — за ними. Вся округа стороной катилась, все улыбалось — радовалось. А трактор весело тутукал, полошил купающихся в дорожном песке кур, отгонял к палисадникам медлительных сердитых гусей, и будто сзывал мальчишек и девчонок. Но прибежали только двое — Шурик Меньшиков да Панька Лебедев. Они не усидели дома, за друга Веньку переживали. И завидовали, конечно. У них отцы и братья не умеют техникой управлять. Ребята неко-торое время бежали, что-то кричали, быть может, просились покататься, но поняли: нет, не возьмут, и смирились с тем, что Вене больше всех на свете повезло.

Мелькала около трактора толстолапая соседская соба-чонка Динка, а трактор, покачиваясь, словно большой хворос-тиной, махал подвешенной, задранной вверх косилкой и пугал собаку. У Динки лопнуло терпение, она визгливо полаяла то с одной, то с другой стороны и отстала. Веня все-таки хотел, чтоб кто-нибудь бежал за ними, завидовал и кричал...

Завидовать, конечно, было кому. В домах к окнам при-липли девчонки, из палисадников смотрели, приложив руки ко-зырьками к глазам, деды и бабушки, там и тут петухи на заборы взлетали, громко хлопали крыльями, неистово кричали, при-ветствуя маленький красный трактор. Возле ворот столпи-лись телята и тоже глазели, завистливо мычали. И даже гордые, степенные кони, высоко вскинув головы, засматривались на новую технику. Проскакали вдоль огорода к лесу, обратно вернулись игривые жеребята, взбрыкивали, гонялись кругами друг за другом и снова устремлялись вперед, точно угадывая,

куда поедет трактор. И редкие белые хлопья облаков бежали по небу в стороне. И ласточки метались над дорогой и, устав, садились на провода.

И березы ветвями приветливо махали. Все вокруг дви—галось, разделяло безудержную Венькину радость.

Деревня где—то далеко осталась. И жеребята больше не догоняли. И ласточек не было на проводах. Только синичка порхала, словно на волнах качалась, иногда совсем близко тенькала: «утинь, утинь».

Значит, правильно ехали, верно выбрали путь. Все так же сбоку катилось по невидимой голубой дороге раскаленное солнце. Все отчетливее, увереннее работал мотор, все веселее бежал тутунчик. Тракторист Костик Ласточкин начал под—певать мотору, басил непонятными словами.

И Веньке петь хотелось, только не знал он особенных тракторных слов. Решил просто, широко раскрыв рот, голосом подстраиваться к мелодии.

— Стоп машина! Приехали. — Костик остановил трак—тор, сразу же заглушил мотор. — Отдохнем, подумаем, что к чему, перед началом.

Молчали. Слышно было, как теплый воздух над капотом льется. Порхала над грядой ивовых кустиков синица, и шо—рох крыльев слышался. Над розовым разливом клевера зу—дели пчелы, урчали тяжелые шмели. Где—то над дальним лесом шуршал в небесах реактивник.

— Давай, друг, вылезай. Покатались, и будет,— Костик взял Веню за руки и опустил в траву. — У того ноги так и подкосились, сел тут же. — А ты, Веня, под кустик, в тень иди пока. Отдыхай.

Костик тоже спрыгнул на землю, вскинул руки, словно хотел схватить на небе облако, похожее на белый пирог, по—тянулся. Обошел вокруг трактор, окинул взглядом клеверное поле. «Вот бы тут разгуляться. Эх, будет время!— мечтал он. — А пока крутись на обочине, на зеленку коровам подкаши—вай». Он, задумавшись, облокотился на капот. И Веня увидел на капоте две крупные буквы «ДТ», а рядом с ними — цифру 20. Что означает эта надпись? На папином тракторе напи—сано «МТЗ—50». Так тот давнишний, большущий. Стари—чок—ряботяга, называет его папа. Подумал Веня и сам догадался: ведь у Кости трактор—то маленький, таким даже пятиклассники на пришкольном участке управляют. Вот и выходит: детский трактор. А цифры о чем говорят?

— Цифры для чего, Коськ?

— Какие?

— А вон, на капоте.

— Это марка. Означает: трактор с мотором марки «Д—20». Условно говоря, двигатель имеет двадцать лошадиных сил, то есть двадцать лошадей может заменить..

— Понятно маленько... Только ты не так понимаешь, как я.

— Чего тебе объяснять. Сказал отец, рано вникать в тонкости.

— Нет, не рано. Детский трактор, тутунчик. Детям и надо все знать.

— Узнаешь. Твое время впереди. Ученье и труд все перетрут. Придется еще и тебе покорпеть над учебниками сначала. Понял, малыш? Человек — не птица, должен трудиться, — повторил Костик поговорку отца. — Слышь, Вень. Я сейчас попробую кружочка два на этом загоне сделать, а ты на вот, на куртке в тени посиди. Солнце опять сильно палит. Потерпишь, ладно? Узелки с едой охраняй, а то вон Динка бежит.

— Ладно...

Что делать: раз велят старшие — сиди, поджидай, набирись терпения. Не больно-то охота, правда, сидеть, работать бы надо.

Костик нажал кнопку стартера, и снова загудел трактор, только не весело вроде бы. Уронил он косилку и побрел по траве, оставляя за собой ровную, словно ковровая дорожка, полосу. А солнце не покатилось, задержалось на одном месте и сочувствовало огорченному Вене. В конце загонки трактор, делая разворот, скрылся за бугорком, словно бы растворился в мареве. И Веня с тревогой подумал: только бы не случилось чего, только бы не поломался, вернулся. Оттуда, от трактора, мелькая в прыжках над травой, бежала Динка и лаяла весело. Значит, все в порядке.

Он расстелил под кустом Костину куртку, замаскировал в траве узелки с завтраком и стал ждать. Издалека помахал рукой Костик. И сделалось так хорошо. Оглянулся Веня на солнце, улыбнулся ему и тоже помахал рукой. Втроем-то ждать веселее. Пусть работает Костя, пока не устанет.

Воздух был полон жужжания и стрекота. Совсем близко появился шмель, с басовитым гудением покружился над головками клевера, спустился на цветок. На какое-то время он отвлек Веню от трактора, потому что мальчик шмелей побаивается: однажды ужалил его один такой же большой с черной спинкой и коричневым брюшком, подвязанным белым поясочком. А может быть, тогда ужалила пчела, их много вилось, но Веня, упав от боли в траву, точно такого шмеля видел на цветке. Теперь мальчик и гудения трактора не слышал, и поля не видел. Он настороженно наблюдал за шмелем. Тот исследовал хоботком цветок. И ничего, видно, не сумел найти,

перелетел на другой, совсем склонил его к земле. Динка, тоже наблюдавшая за шмелем, почему-то зарычала: рр-рррра... Послышалось, будто она удивленно выговорила: «рр-рабо-тает». И Венька догадался: большой красивый шмель занят серьезным делом, работает — собирает нектар и носит в крупные, похожие на бочоночки соты, спрятанные где-ни-будь в сухой траве на утине. Даже насекомое трудится. А он, семилетний парень, сидит, бездельничает в прохладной тени. Так обидно сделалось. Решился, выпрыгнул из-под куста и побежал к трактору.

— Веня, куда ты? — послышался голос отца. — Костя сюда сейчас подъедет.

— Папа! — мальчик обрадовался, увидев отца, стоявшего возле старенькой «Беларуси», он, видно, в поле по другой до-роге приехал. — Папа, я без дела сижу, — пожаловался Веня и руками развел.

— Как же так? Маленькое дело лучше большого безде-лья. Ты пока отдыхаешь, сил набираешься. Тоже необходи-мо. И на маленьком тракторе надо по-взрослому работать. Умение требуется, сноровка. Так что приглядывайся пока, — отец подошел, взял сына за руку. — Еще не завтракал, сынок?

— Некогда было. Костик работает, а я жду.

— Мать беспокоится: проголодались, наверно. Нам из окна хорошо видно было, как вы тут...

Вскоре подкатил «тутунчик», проложив рядом с первой еще одну ковровую дорожку, сплетенную из скошенной тра-вы. Веня утерпел, не вскочил, пусть не думает Костик, что гоняется за ним младший брат. Трактор пускал вокруг себя марево, дышал тяжело, устало.

Костик подошел, важничая, говорит:

— Получается. На тележку накосил, можно грузить. Вилы, папа, не забыл положить в тележку?

— Привез. Ты чего вспотел-то? Тяжело, что ли? Волну-ешься небось?

— Жарко. Искупаться бы...

Костик устало сел между отцом и младшим братом. Го-рячий он был, словно из бани вышел. Веня увидел: голубая футболка у Костика на спине от пота стала синей. Нелегко ведь по-взрослому работать.

— Давайте, сынки, завтракать. Кто же работает не поев. Летний день — за зимнюю неделю. Много сил требует. Ба-бушка вам бутылку молока положила, оладушек горяченьких, а вы их, наверно, простудили, — сказал отец, развязывая узелки.

Но оладьи были еще тепленькие. Отец и Костик ели их со сметаной, обмакивая в чашку, а Веня, как всегда — с повидлом и

запивал молоком прямо из бутылки. Таких вкусных оладий Веня вроде и не пробовал еще ни разу. Одну он дал собаке, Динка сразу ее проглотила и долго облизывалась, просила еще... Если бы «ту—тун—чик» умел есть оладьи, Веня отдал бы ему все .

После завтрака грузили траву в тележку. Отец и Костик кидали вилами, а Веня утрамбовывал, чтобы больше вошло, старательно уминал подвяленную уже и нисколечко не мокрую, без росы, травку для подкормки фермерских коров, за которыми мама ухаживает. Он азартно работал. Работал! По-настоящему. Настоящее дело делал!

Снова плыли по небу легкие облака, радовалось вместе с Веней разгоряченное солнце. Ярко светились фары маленького трактора, отдыхающего перед обратной дорогой.

Быстро вырос воз — можно ехать в деревню! Костик на папиной «Беларуси» повез тележку с травой, а Веня с папой на «ту—тун—чике» поехали.

Катилось где-то сбоку застенчивое солнце, довольное трудолюбивым Веней. Бежали вдоль огорода игривые бесперечные жеребята, прыгала то с одной, то с другой стороны весело взлаивала Динка. Качались на проводах белогрудые ласточки, смотрели с высоты. В закрайках дороги краснели любопытные цветочки. Но зря они заманивали к себе Веню, напоминали, что такие нравятся сестренке. Вместе с мотором пел он песню без слов. Невозможно было ехать без песни. Он держался за руль, положив свои маленькие, уже загоревшие ручонки рядом с узловатыми коричневыми руками отца, от которых всегда пахнет полем и трактором.

С отцом нечего бояться, с отцом любое дело получится, если постараешься. Веня еще не знал, не догадывался, что в это воскресное утро все — и папа, и мама, и бабушка, и Костик, и даже крохотная сестренка Леночка — волновались, жили для него...

— Ну, сынок, будь внимателен, передаю управление, — торжественно произнес отец и, включив пониженную передачу, убрал руки с рулевого колеса, положил их на колени. Веня принял управление — вцепился до боли в пальцах, напрягся изо всех сил.

Довольный трактор, тутукая на малых оборотах, медленно катил по ровной полевой дороге. Но казалось, что он летит низко над землей. И ни колдобины, ни ямины, ни камешки уже не попадают ему под колеса.

— Вот так, — басит отец. — Умелый сын — надежный помощник.

Было бы начало...

По этой улице пройдем...

Предпраздничные дни выдались погожие, солнечные. Без особых трудностей собралась городская сестра, без глубокой печали проводил ее до станции Василий Терентьевич Тя—пышев. Не было у него волнений и на обратном пути, хотя добирался на перекладных.

Бывает иногда везение: с одной попутки на другую без томительного ожидания пересаживался. Недолгой была за—держка и на последней развилке—поворотке. Только уст—роился в прохладном тенечке на передышку, его окликнули:

— Эй, старина! Иди, подвезем, если дорогу покажешь.

— Не просто так, значит, а за услугу. Вишь вы какие, — не выказал он поспешной готовности по своей привычной рас—судительности.

— Раньше, говорят, тут бездорожье было... — Здоровенный мужик стоит Гулливером. Одет по-дорожному: защитный костюм на нем, компас вместо часов на левой руке, сапоги тоже зеленые, фасонные.

— С разведкой, значит, по нашим углам? Геологи, небось?

— Так точно, разведываем. А ты, дедок, вроде клюнувши слегка.

— Тяпышев буду, Василий Терентьевич, — слукавил в ответе, не признался, что пару стопок красненького пригубил на станции, — еще не возьмут выпившего пассажира.

— Ну, будем знакомы. Константин Иванович Слепинчуков. — Великан протянул руку помощи — помог выбраться из-под куста.

— Один для нас путь. В тупике живем. Правда, заречной дорогой на вездеходе и до райцентра проскочить можно. Аксеновские разрубы там...

— Вот как раз к разрубам этим и надо. Пошли, пошли, старина. Пойдем, свет Терентий.

— Слышь, чего скажу. — Тяпышев выбирается с подмогой на обочину и, привстав на цыпочки, гордо тянется перед великаном. — Василий Терентьевич я, родом из Костромихи. И не какой-нибудь старина. Это я сразу предупреждаю. Поехать — поеду, но, милые товарищи, только без панибратства. Такое не терплю.

— А вот сейчас вижу, что стариной назвать нельзя. — Великан вежливо повинился, широким жестом пригласил в блестящую, необычно длинную машину.

Тяпышев узрел, что переднее сиденье свободно, и сразу же юркнул туда. Вот как подфартило! Прикачу этаким фрапером домой, пускай соседи ахают, дружок Полинаха присвистывает.

В машине густо всхохотнули мужики — трое, кажись.

— Вот теперь порядок! Свой проводник. — Константин грузно втиснулся, осадил машину. — Можно ехать.

— Поезжайте, дорога-то лентой белеет. Жара нынче, давно дождей не бывало. Сушит и сушит. Цветенье из-нывает — это плохо, перемочка нужна, — начал было рассуждать Василий, но незнакомцы его не слушали, бубнили меж собой.

— Своим-то ходом Сидоров может за реку? — отчетливо произнес главный среди них — великан этот.

— Про которого Сидорова? — встрял Василий Терентьевич. — Не из Аксенихи он будет? Евлампия Сидорова сын? Говорят, шибко зарабатывает и такую же машину собирается купить...

— Нет — нет. Местных в нашем отряде не числится — противопоказано.

— Все дальние, значит. Бывалые ребята, как погляжу. Культурные да на таких машинах к нам редко пока залетают.

— Всему свой резон, папаша. И — свой момент.

— Неспроста, значит, не кое — как. — Тяпышев погладил надбровный шрам и замолчал. Укачивало на зыбкой дороге, клонило в сон, да и не хотелось надоедать людям, нацеленным на какое — то серьезное дело. Они, эти люди, поглядывали по сторонам, словно бы оценивали местность по особым приметам. Невзрачные придорожные перелески привлекали их наличием липняговых куртинок.

— Медовые места, ребята. Запах чувствую, — говорил старшой, потирая пухловатые, должно быть, влажные руки.

— У нас так об эту пору, только нюхай, — возгордился Тяпышев. — По каждому волоку липняги, по каждой ложбине. И по деревням есть. Липовые рощи, аллеи, так сказать, тоже кой — где имеются.

— Особенный древостой — особенный микроклимат. Флора и фауна привлекательная, — вроде бы по — научному говорил великан. — Липовый цвет, зверобой, тысячелистник, калган, прочее лекарственное сырье.

И снова примолкли, так до отворотки ехали. А знакомство состоялось. Тяпышев показал им дорогу на Аксениху, объездную, что проходит неподалеку от его родной деревни. На постой даже приглашал, если долго в работе задержатся эти культурные ребята:

— Не чурайтесь. Переночевать или мало ли что. Потолкуем. С дружком своим Полинахой познакомлю, тот разговористый, все места в разнообразном интересе досконально знает, по любой визире провести может.

— Ладно, ладно. Заглянем при необходимости.

— Поджидать стану. Ну, счастливо, ребята. Левой стороны держитесь. Там видно, что вдоль реки ехать надо на Аксеновское взгорье. Там лет пятнадцать назад геологи тоже бурили — сверлили.

До поселка своего Василий Терентьевич скорехонько дотопал. Привернул в столовую выпить кружечку пивка за компанию с лесорубами, сообщил собеседникам, что вроде опять нагрянули геологи — изыскатели. Домой — то и запоздал, к дружку Крупинову не зашел побеседовать...

А дружок Василия, Аполлинарий Григорьевич Крупинов, поругивая про себя жену Валентину, даже к родительской субботе не вернувшуюся из города от дочерей, одиноко скоротал

вечер. И ночью плохо спал в ожидании нового дня, который намеревался прожить легко и празднично при душевной под—держке закадычного друга. Но управил утренние домашние дела и в раздумье пригорюнился, не хотел никуда идти. Не—которое время сидел на крыльце, опираясь локтями в колени. Теплый ветер иногда перебирал редкие волоски, затаскивая их с висков поперек лысины; шевелил мягкую нежную траву в палисаднике. Вот ведь трава, думалось вроде бы беспри—чинно, была вечор примята, а обласкало солнечным ветерком — взбодрилась опять. Повсюду она так. Топчем, прикаты—ваем тракторными гусеницами даже, которую и косим два раза в лето, все равно растет. Там, где и не было ее десятки лет, где дом, например, целый век стоял... а убрали, порушили его, смотришь — одворье бурьяном затянуло. Бурьян улома—ется, отживет свое — разные травы будут расти, сменяя одна другую...

Родное одворье в Костромихе также вспомнил. Тоскливо стало на душе, будто вот случиться чего должно, — предчув—ствие такое. А предчувствиям своим Аполлинарий в после—дние годы доверял все чаще. Он решил отдохнуть, тяжело поднявшись по ступенькам, пошел в избу. Ой, да какая это изба?! Лесопунктовская квартира в бараке на четыре семьи. Соседи в разбеге, поговорить не с кем. Дружок где—то в раз—гуле. Тихо, никто не стукнет, не брякнет.

Устроился на диване перед распахнутым зарешеченным окном — не специальная сетка, не марля, натянутая на рамку, а обыкновенное решето от старинной веялки в раму встав—лено, потому что как раз подошло. Тут, на свежем воздухе, по утрам и в полдень приятно вздремнуть. Аполлинарий будто бы на ласковых волнах переплывает в воспоминаниях к род—ной Костромихе. На просторном лугу средь полей, распа—ханных к лесу, по—прежнему красуется стройная деревенька.

От нарядного, обшитого свежим тесом крайнего пяти—стенка начинается липовая аллея, посаженная в первый колхозный год: отец, Григорий Митрофанович, избранный председателем, придумал коллективную общинную посадку на память, потому что пчеловодством планировал зани—маться. Видится, как над вершинами мечутся чем—то обес—покоенные ласточки, еще выше, под самым облаком, похожим на парусный корабль, отчетливо трепыхается жаворонок, но без песни почему—то, может, не слышно издалека. Небы—валый в этих местах тяжелый гул накатывает со всех сто—рон по окружному лесу. Уже понятно: железнодорожные составы грохочут. В прогалах лесных можно разглядеть вагоны, груженные всяческим строительным материалом.

А на вагонах сидят костромихинские мужики, ныне здравствующие да проживающие на чужой стороне, и те, что не вернулись с войны. У всех плотницкие топоры так и перекликаются солнечным блеском. Едут мужики, чтобы отстроить, возродить Костромиху, порушенную коверканным житьем...

— Полинаха, вставай! Вишь, разнежился. Как без тебя в такой день? Отдохнул маленько, и ладно, будет. Вставай, земеля, негоже долго спать в родительский день.

Вздрогнул Аполлинарий, сообразил что к чему и признался:

— От скуки прилег, а вздремнулось — не полегчало.

— Без меня тебе завсегда скучно. — Василий Тяпышев прилип щетинистой щекой к ржавой сетке. — Вечор с доктладом планировал — не явился. Опосля думаю: не помешать бы. Ты ведь не одну неделю холостякуешь, молодайку бы не спугнуть с твоего крыльца.

— Холостякуешь тут. Из рук все валится. — Полинаха кое-как раскачался, встал с удобной лежанки, приплюнул на ладонь и обгладил всклокоченные, словно у младенца, волосенки.

— Сам на бессонную стезю попал. Не знаю, куда себя деть.— Тяпышев потер красный фронтовой рубец на лбу.

— Заходи поскорей, Василий, в мой бобыльский неуют. Может, и придумаем чего для душевного облегчения.

— Неплохо бы. В продмаг разве привернуть заодно? А, Полинаха?

— Приверни. Прыток на ногу, мигом слетаешь. Не бойся, рассчитаюсь в день приезда Валентины, — Полинаха сказал с уверенностью: дружок не откажется, безденежным он никогда не ходит, кошелечек тутой имеет — привычка мелкотой бумажной набивать. — Захвати порожняк, может, примут штук десять! — запоздало кричит он. — Вишь, исполнительный какой, на полном газу сорвался вприпрыжку порученье исполнять.

Полинаха долго глядит в окно, мыслью возвращается в прошлую жизнь: было много разных интересов. Строились с Василием в одно лето, помогали друг другу, одной заботой с весны до поздней осени жили. А уж потом, когда в хозяйствах все оказалось прилажено к месту, каждый своим ремеслом занялся. Тяпышев лапти плел, валенки подшивал, иногда охотничал на приволье, а он, Полинаха, деревню снабжал санками да корзинами. Намерзнутся, намаются в глубоких снегах, доставляя из-за реки сено для колхозной скотины, и — по домам, но не на печи греться под боком у женушек, а в уголок, где мастерская приспособлена для ремесла: пилить, строгать, дратву

ладить. Вроде и не тягостно. Ребятня рядом вьется — отцовское ремесло не лишнее. Опосля получилось не так: им оно ненадобно — как восьмилетку который осилит, поехал другую жизнь искать. До сих пор обидно оттого, что дети от родителей по сторонам разбежались.

Расстроенный Аполлинарий Григорьевич встретил дружка вопросом:

— Ты как считаешь, обидно нынче нам или нет?

— В чем дело? — навострился Василий. — Ты чего, Полинаха?

— Обидно. Мы тут, а земля наша где? Я здесь вот как нажился! — Аполлинарий резанул ребром ладони по выпуклому кадыку. — Уют этот казенный. А тебе не обидно?

Тяпышев не торопился с ответом.

— Обидно али нет? Еще как обидно, — признался он. — На старости лет деревенские жители квартиросъемщиками стали. Прихватизаторы теперь — только и всего. А мы для жизни при пахотной земле предназначены.

— Теперь уж не ходить за плугом. Пахоту не поминай — забурьянило, мелколесьем забило. Лучше про охоту или рыбалку скажи. Бывало, у реки — то на зорьке сидишь — сам себе царь природы. А щука ворохнется в травнике, булькнет — аж сердце замрет. Или голавли наплывом по всей реке пойдут — с обрыва хорошо видать. Вода так и кипит от скопища рыбного.

— Помнишь, Полинаша, молотилку новую привезли? Рожь — то как радостно молотили. Хороша ржица была. На трудодни досталось. В каждой избе солоду понаделали. Пивко варили какое!.. А помнишь, овин горел, так в огонь кидались хлебушко спасать. — Тяпышев опять прикоснулся к шраму на лбу.

— Возле Хмелевки тот год и пшеница хороша набралась.

— Нету Хмелевки. Ни сарайчика не осталось. Растащили поспешные ликвидаторы. Еще недавно в хмелевском выгоне кони у меня гуляли. Какие были кони! Любота! Покатался, будет. Терпите, ребята, при многих утратах. Эх, милые, родные! — басил Тяпышев, дергая изломанной бровью, встряхивая приподнятыми перед собой руками, будто держал вожжи. — Эх, залетные! Прокачу милашку с ветерком! Запевай, милашечка, звонку песню радости!

Полинаха, наоборот, говорил все печальнее, все тише:

— За скотиной ходили душевненько. Овцы, к примеру, в крестьянском дворе. У каждой матки четыре — пять ягняток.

— Нынче скотину тоже умеют держать. Это нам с тобой на новом месте все не так да несподручно. Сами другие стали — вот в чем вопрос, не ту политику к нам исхитрили. —

Тяпышев откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и голову горделиво приподнял. — Деревенский житель шибко переменился — ему ведено меняться. Ты, дружок, на себя взгляни: живешь вроде отряселка.

— Это верно. Кто мы в поселке теперь? — по-своему клонил разговор Полинаха.— Разве хозяева? Иждивенцы одни повсюду. И всякий, кто про свое лишь выживанье думает, есть иждивенец.

— Так-то мы с тобой слишком много иждивенцев на-считаем. Это уж ты переборщил, Аполлинарий Григорьевич. Те, которые правят, тоже, значит, иждивенцы? А, ладно, все равно не перебрать наши беды. Давай-ко родителей поминать — такой час по празднику пришелся.

Крупинов тоже на все махнул рукой, взбодрил свою стать, но прежде чем пойти на кухню, чтобы закусочки принести, как-то придирчиво оглядел Василия, заприметил неладное в его одежде и рассмеялся.

— Ты чего, чего ржешь-то? — беспокойно спросил Тя-пышев.

— Так я тебе и сказал, где ночевал, — отшутился Поли-наха и тут же исчез за перегородкой.

— Женушка твоя коли приедет из города? — на всякий случай спросил предусмотрительный Тяпышев.

— У нее спроси. Адрес дам — спроси ласково, мне потом скажешь.

— Да-а, нынче бабы что хотят, то и воротят, куда хотят — туда и едут. А наш брат домовничай, — медленно, с растягом говорил Василий, чтобы не сидеть в пустой тишине. — Ше-велись, Полинах. Времечко летит. Лишнего не придумывай, неси по куску хлеба да по картофелине.

Полинаха, привыкший все делать обстоятельно, вынес на двух тарелках рядочки ломтиков копченого сала, лучок с огур-чиками, мясцо отварное и картошку жареную, а при ней мел-кие груздочки — синеватые кругляши, искусно приготовленные.

— Нам спешить некуда. Посидим, стариков помянем, — рассуждал Крупинов, наводя порядок на столе, а сам думал про недавний сон, о тревожном утреннем предчувствии. — Ты раздевайся, снимай пиджак-от.

— Теплее в пиджаке. И по фасону. Приличие, значит. — Василий придвинулся к столу. — Культура, нагляделся на этих культурных. И зачем они по деревенскому безлюдью теперь ездят, чего еще добирают?

— Ездят, им все надо. Новый подъем Нечерноземья начался, видать, землю начинают расхватывать. А ты уши

прижми и помалкивай, тебя не спрашивали и не спросят. А вякнешь — оглоушат... Чего ждешь — выжидаешь? Разливай, если принес. Это нам пока разрешают, это зелье — пожалуйста, только потребляй — быстрей подохнешь.

— Ну, ты не груби, Полинаха. Ты ведь не такой. Да и грешно сегодня серчать. Сперва не об том наша дума — печаль. — Василий осторожно наполнял рюмки — те, что только по праздникам на стол выставляли: небольшие они, аккуратные, на тонких ножках. — Григория Митрофановича да Серафиму Павловну, Терентия Леонтьевича да Любовью Захаровну грешно не помянуть. Терпеливые были при всех бедах. Совесть имели...

— Поработали старики. И прощать могли. До последнего часу в заботах. Мама говорила: вот подниму ребят, выпихаю в люди, погляжу, как в жизнь наладились, тогда и помирать можно. Восьмерых подняла. На войну трое пошло вслед за отцом... А дождалась одного Полинашку.

— Любовья Захаровна с ней в одном поле, на одной пахоте, в одних оглоблях. Под одной тучей... Земля пухом и вечная благодарная память...

Аккуратно, с вилочек, закусывали, вытирали губы бумажными салфеточками, как в былой хорошей столовой.

— Да — а, подумаешь: может, так — то нас некому будет помянуть. — Тяпышев достал заграничные яркие сигареты, но сморщился и закуривать не стал: очень хотелось при такой выпивке махорки обыкновенной или крепкого самосада, того самого, под который, бывало, лучшую грядку выделяли на своем огородце. Гордость и достоинство давал домашний табачок.

Казалось мужикам, что раньше все было ароматнее, крепче, приятнее. Прошлое стойкими запахами возвращалось к ним с памятных грядок, с лугов и пашен, из зарослей липняга, из оврагов и березовых перелесков, от старых отцовских изб, амбаров и банек, от овинов, конюшни, кузницы, даже от первого трактора, который, проезжая деревней, начадил на целый месяц. В прошлом и морозы были ядреней, и снегопады обильней, и грозы страшней. И общие гулянки песенное согласие давали.

В напряженной тишине они оба отчетливо слышали неровное тиканье: часы словно бы прихрамывали в медленном шаганье по остаткам житейского времени.

Тяпышев надумал преодолеть тягостное молчание, взмахнул усталой рукой и выбрался из — за стола.

— Играй, Полинаша, плясовую, если гармонь не рассохлась! — Достал хромку с шифоньера, вручил приятелю. — Играй веселей!

Он распахнул великоватый пиджак, вздернул коверка-ную бровь и начал дробить, не дожидаясь, когда гармонист приладится с мелодией. Лихо плясал — и на это мастер Тяпышев. Так плясал, что стены дрожали, стаканы с квасом волновались на столе и переборка ухала.

Позавидовал гармонист — и ему дробить захотелось.

— А теперь для меня играй! — разгорелся Полинаха. — Мы тоже можем. Тяпышев согласился, но поставил условие, зная, что Крупинов по-хорошему петь не умеет:

— Только с приговорочками, понял? Начали!

Полинаха топчется на месте — ловит мелодию, подбирая частушку:

В Костромиху мы ходили,
Нам не показалося:
Там всего четыре девки —
Нам и не досталося.

— Правильно, правильно! Совершенно верно! А я парень молодой, оченно примерный! — выкрикивает Василий, встря-хивая плечом.

— Не части, Вась. Под ногу подлажайся, а то издергаешь натуру.

— Топай, парень, смелей. Топай да частушки выстреливай.

— Спою, когда на ум придет.

— Пройдемся в нашу сторону, по всему волоку гаркнем!

— Давай врежем, как бывало. — Тяпышев был когда-то мастаком водить ватаги под хорохористое пение. И запе-вать умел. — Эй, го-во-рят, что запретить по этой улице ходить... — он выиграл витиеватый перебор, снова скосо-боченно рванул гармонь во всю ширь. — Иэ-эх, стены каменны пробьем — по этой улице пройдем!

Полинаха так же напористо и широко вышагивал рядом, расправляя грудь, вскидывая сжатые до белизны кулаки, вык-рикивал нараспев:

Эх, пройдем и пропоем...
Пробивали, проходили
Мы с товарищем вдвоем!

Бодрое пение придавало сил, частушка объединяла, род-нила, как братьев, и возвращала им давнее ухарство, разгуль-ный азарт. Сами себе они казались моложе, увереннее, будто все еще впереди. Свое слово, русское, от которого они вроде бы начали отвыкать под натиском телевизионной говорильни, родное вольное слово — очищало душу. Простор, знакомый и

ласковый, раскрывался перед ними, заманивал дальше и дальше на лесное взгорье. Теперь мужики не спорили, кому первому запевать, само собой получалось чередование. Разыгралась гармонь, распелась душа.

Солнце скатилось за дальние хвойные гривы, но небо озарено ровным ласковым светом. Ни единого облачка на нем, ни единой паутинки. Во всем мире будто бы тишина и благодать, только и слышишь собственное дыхание. Кажется, не идешь, а паришь над дорогой. Вот так же в детстве бывало: вдруг окрылит какая-то легкость, ни с того ни с сего нахлынувшая радость, и трепетно смотришь вокруг, все узнавая, понимая, любя.

Мужики не спрашивали друг друга, куда и зачем идут, не успели заметить расстояние, которое миновали. Кирзовые сапоги стали скороходами, помимо хозяйской воли несли над лужами, иногда отражающими розоватость заката, над глубокими тракторными колеями, над развороченными мосточками и даже над окраинным осиновым лесом, за которым начинались забытые поля. Друзья легко и незаметно прошли весь волок, не успели ни о чем обстоятельно поговорить. А выкатили в простор и встали, чтобы отдышаться, оглядеться.

— При такой земле как жить дальше? — вдруг спросил Полинаха и тем самым остановил, словно вожжами одернул, шагнувшего вперед Василия.

— О чем это ты? — Тяпышев притворился непонятливым — это он умеет, пройдоха. — Опять, что ли, вспомнил, как ехал в телеге без колеса? Ай, пропадай моя телега...

— Про жизнь нашу. Отчего она пошла кое-как, не прямо, а зигзагами обманными по чужому хотению? Отцы-то деревню на кого оставляли? А мы что? Что с ней, с Костромихой, сделали? Предали — и всё! Не притворяйся, что не чуешь своей вины.

— Вина, конечно, есть. Но чьей больше — тут подумать надо: правители дров наломали, или мы дуг нагнули? Не к месту ты, Полинаш, заладил опять. Неуж для этого собрались.

— Отцвели медовым цветом липы в папином саду... Здесь была деревня где-то, но никак я не найду, — уныло пропел Крупинов.

...Через час, может быть, полтора, в минуту горького отчаянья-недоуменья вновь прислышится Тяпышеву этот печальный, с хрипотцой голос друга, земляка и ровесника. А пока они, присмиревшие, отдыхающие, сидели перед туманным полем, будто поджидали кого. Осторожный вяхирь (эти птицы с давних пор все еще гнездятся в низинном березовом

закрайке) окликнул вечернюю зарю глуховатым «гу — гру — у — гу», а потом, помедлив, еще повторил зазывание, но оборвал его шумным вздохом. Низко пролетели к пойменным озерам две утки, посвистывание крыльев вторилось над лесом — будто бы все летит и летит огромная стая. Удивленный вяхирь снова повторил свое «гу — гру — у — гу».

— Слышь, чего говорит? — Василий снял кепку — мешала прислушиваться. — Вот, слышь: Васюта — дурак, живешь ты не так.

— И мне про это сказал. Не нам уже перекраивать нажитую неперспективность деревенскую.

— Напридумывали всего мозгари да умники. Ну их... Пойдем в свою деревню... — Полинаха, извернувшись, глянул в сторону Костромихи. — В отцовском доме за столом возле печки посидим — погорюем.

Усталые, обшлепанные грязью, выкатили они, как тяжелораненые, на взгорок и долго смотрели издалека на смутно, словно сквозь матовый лед, едва видимые постройки.

Туман еще не скатился по оврагу к реке и мешал разглядеть былую Костромиху, скорее она предполагалась в воображении: стройная еще, жилая, с липовой аллеей вдоль порядка домов. Тяпышев слабыми глазами, конечно, ничего не видел, а только представлял, как дома стоят на возвышине. А Крупинов обгладил похолодевшее лицо, сам себе не веря.

— Что такое? Вроде забор тесовый белеет?

И вдруг оттуда, из деревни, резануло пучком света.

— Рыбаки небось машину ставили, — предположил Тяпышев. — Бригадами наезжают...

— Гляди, в избе — то во всех окнах свет разом. Как же это? Ведь амбарный замок повешен, избяную дверь поперечиной заколачивал. — Вспомнилось Крупинову, как прибирал после — дний раз все, что в доме оставалось, надеясь на сохранность: может, еще дачного житья лето придет.

— Не Анна ли тайным манером здесь, — гадал Тяпышев. — Твоя на машине попутной с кем ни то проехала. И моя не зря долго не заявлялась. Бабы, они тоже придумать могут.

— Не эти ли залетные разведчики? Уж больно вроде бы людно да шумно там. Хозяйничают по — наглому в деревне — то нашей.

— Ай, поглядеть спешно надо. Ну — ка, живо туда!

Побежали под гору, спешили луговиной, да выдохлись бы — стро. Отсюда, от реки, за полосой тумана деревня как бы отдалилась, а крайние дома оказались огромными, так и заслонили всю улицу — ничего не видно, будто и не было там белесого забора и яркого света. Только отсветы промелькивали.

Высокие въездные ворота, перекошенно склоненные от де—ревни, только и углядел Василий. Сдернутая от столбов ве—рея, расщепленная, растрепанная гусеницами, лежала поперек дороги.

— Смотри перешагивай!

Но предупреждение запоздало: Полинаха со всего маху саданул ногой во что—то упругое, похожее на проволочную лосиную петлю, приклонился, но упал. Он не пожаловался, что сильно царапнуло, — до того ли, а чувствовал как штанина распахивается, выстручивая бледную наготу колена, хлюпа—ющее голенище размазывает что—то липкое, может быть, кровь.

Тревога за родные дома, за всю деревню бесхозную оди—наково подталкивала мужиков, но все же Полинаха отставал. Тяпышев всегда был поворотливее напористее, характером другой и здоровьишком покрепче, война наградила одним ра—нением, а Крупинова в трех местах прошила осколками, в гос—питале едва

выжил. Пока молодость свое брала, с натугой не уступал дружку—приятелю ни в ходьбе, ни в работе, теперь уж трудно вытягиваться наравне — все догонять надо.

— Сгоряча не ставь порядки! — крикнул Полинаха, боясь, что Василий не стерпит, кто бы там ни был, не сробеет, когда правда за ним, начнет самоуправничать.

Тяпышев взбежал на взгорок и остолбенел: невероятное творилось в Костромихе — по предчувствию вышло.

— Как знал, вот они где, субчики—голубчики.

— Кто тут? — Полинаха еще копошился, карабкаясь по скользкой траве на четвереньках.

— И не понять... — Василий из—под руки глядел вдоль деревни. Свет от машины или трактора высвечивал вместо липовой гряды два ряда белых столбов, только около крайнего пятистенка по—прежнему шатром темнели рослые липы. По и к ним — отчетливо видно против закатной неостывшей сто—роны неба — приближалась огромная клешня. Тяпышев сразу сообразил, что к чему, и все—таки поджидал Крунинова, чего—то бормочущего про свое верное предчувствие, про сон о стро—ительстве деревни и теперешние чудеса.

Впереди скрежетало, ворочалось, взвизгивало. Огромная клешневидная захватущая рука замахнулась над вершинами, лязгнула, продираясь через ветви книзу по стволу дерева. Дзинькнул, прошипел пильный диск. Словно взмахнула про—щально крылом подбитая огромная птица, перекошенно па—дающая в темноту. Дерево оторвалось от земли, накрениваясь, проплыло над крышами, с тяжелым шумом исчезло. Желез—ная рука снова взметнулась наизготовку...

— Ай, что творят! Обдирать эдак приспособились, — уже не голосом, срывающимся хрипом едва выговорил Тяпышев, рьяно выдергивая кол из поваленного на крапиву забора.

— Ай, что творят! — повторил Крупинов. — Лиши об — дирают... корьевщики — ммо — ччаль — нни — ки! — Кольнуло, заныло в груди, глаза еще сильней притуманились, и он шаг — нул вперед незряче, почти механически подражая Тяпышеву, на ощупь искал, чего бы пострашнее взять в руки. Подвер — нулись ржавые с одним отломленным рогом вилы. Выхватил эти вилы из бурьяна, устремленно — откуда и силы взялись — побежал против нахального света. Он бежал на само — уверенное чудовищное урчанье барахтающихся в темноте машин, еще не зная, что будет делать...

Воскресным утром молоденький участковый, еще не при — выкший к новенькой форме, прилежно разбирал происше — ствие, случившееся по вине местных скандалистов. Он записал в бумагу все, что считал необходимым; было тут и про чужую залетную бригаду, которая дерет липовое корье, укладывает его на вымочку в озерины — для чего заготовители пригнали за реку Межу трелевочный трактор, валочно — пакетирующую машину и два грузовика — самосвала; разрешения на заго — товку ни корья, ни мочала, конечно, у них не было. Ни в лес — промхозе, ни в лесничестве они не докладывались.

— Такого — то числа во столько — то часов, — прилежно и важно читал участковый, — бывшие местные жители Кру — пинов А.Г. и Тяпышев В.Т. явились в Костромиху, увидели незнакомых людей за работой и устроили скандал. Гражда — нин Тяпышев с целью нападения толкнул первого встречного рабочего Сидорова, который был выпивши и настырно пре — граждал путь. Тяпышев замахивался длинной палкой на тракториста Завальнова, но не ударил, и просто хотел при — пугнуть. Соучастник гражданин Крупинов никому из людей не угрожал, но вилами тыкал в тракторные гусеницы, разбил черенком вил фару при повороте, нацеленным и на стоящий поблизости автомобиль марки «Волга» (цвет морской волны, номер КОП 00 — 06), а также грозился выбить лобовое стекло у другой легковой автомашины иностранного производства — на стекле обнаружены три характерные трещины. Аполли — нарий Григорьевич согласился со всем, что бьыо прочитано важным голосом. Пришлось стыдливо клонить голову, чтобы не встречаться взглядом с молоденьким милиционером, кото — рого он так и не разглядел. То и дело приглаживал чувстви — тельно встопорщенные на затыке волосы, поспешно кивал повинной головой, подтверждая свое скандальное поведение,

мол, так оно и было, как написано. Правда, проставленная сумма причиненного ущерба показалась слишком большой, на целую корову насчитали, да куда деваться, если своя вина очевидная.

Василий Терентьевич вел себя иначе: гордился своими фронтовыми отметинами, выставлял себя правым, называясь последним и единственным патриотом — защитником отчей земли, где родился и без штанов бегал. Дело свое считал правым: кто-то должен остановить это нашествие обдиральщиков, хлынувших со всех сторон.

Но пухлощекий парень в строгой форменной одежде, совсем еще юноша, проявлял служебную настойчивость, требовал ответов:

— Почему под вечер пошли в Костромиху?

— Разве и родная деревня теперь для нас заперта наглухо? — взвился было Тяпышев, но осекся, не стал больше настырничать, потому что парень начал похмыкивать. — Кабы знать, когда обдиратели приедут, можно бы и воздержаться, дома посиживать, тоску придерживая, не давая воли сердцу. Приходится нынче терпеть, когда землю-матушку терзают и все былое походя втаптывают...

— Не надо, не надо разглагольствовать. Отвечайте, как положено.

— Я вот и отвечаю по правде. Другой манере не учен. Родительская суббота была. Или сам-то не знаешь? Отцов и матерей грешно не помянуть. Заслужили они нашей памяти. Ну, заодно и деревню родную помянули стопариком. Как же, русской деревне надо поклониться, немало за счет ее отстроено было но всем окраинам. Знать это и помнить следует. Может, до моих-то годов доживешь, тоже затоскуешь по родительскому одворью. Ты откудов будешь, милок? — Василий тяжело вздохнул, сморщился и приложил ко лбу ладонь, потому что, бровь опять задергалась.

— Это мое личное дело, гражданин. Я — на службе, при исполнении.

— Милок, не горячись. Ты деревню-то назови свою, не повредит лишний раз достойную повеличать. С Липова родом? Я ведь по обличью определяю — Степана Архипова внучек? Так, нет?

— Откуда знаете? — удивился парень.

— Дак мой отец с той деревни. Тяпышев Терентий Леонтьевич, кузнечных дел мастер. А дедушка твой у него в подручных лет пять стоял до войны-то. Вишь, как получается: земляки мы с тобой. Твоя деревня живет, а моей уже нет. Липы и те налетчики схряпнули. Отцы наши посадили, а они, обдиральщики подлые... целую рощу, можно сказать, ради своей

выгоды, только пенечки высоченные остались. Вон дружок мой пригорюнился на скамейке. — Василий Терентьевич подошел к окну. — Ты думаешь, одну рощу липовую жаль? Не только это печально. Совесть у него болит, память у него плачет. Ты пиши, пиши, сынок, раз надобно, работа твоя такая. Мы тебе по правде оба говорим, выхитривать не станем: что было — то было. Разбирайтесь, кто прав, кто виноват. Была бы деревня жилая — хапуги, может, и не посмели бы, только нынче все без совести творится, везде разор кому-то в угоду. Дак могу идти? Свободный теперь? А можно вопрос без протокола?

— Ладно, говорите, что там у вас еще, — снисходительно позволил парень.

— Сынок, ты местных жителей хорошо должен знать, нашу откровенность цени. Отец твой в Костромихе гостил, бывало, и кузнечил не раз. Он подтвердит небось, какие мы на самом деле скандалисты. Они, эти ухари, угощали меня на дороге, да... Угощали, да пить не стал — что-то не понравились они мне сразу. Не зря меня воротило от ихнего коньячного духа. — Василий встряхнулся ознобно. — Наглецы... Клопы во-нючие.

— Когда, где, при каких обстоятельствах угощали? — ожи-вился участковый. — Почему людей клопами, кровососами называете?

— Не было никаких обстоятельств. Обычное дело — до-рога. Сестру тогда провожал. Попутка попалась — ну вот и подвезли. Я еще им проезды растолковывал. Теперь сдоку-ментил: как и что, почему они нюхательный разговор вели про лекарственное и прочее сырье. Плюнуть бы тогда на таких попутчиков, а я раздобрился, дорогу обсказал. Простота наша — хуже воровства:

кто кровь сосет — тому и служим.

Молодой милиционер не перебивал, даже несколько раз поддакнул чему-то: так, мол, так, дядя Вася, очень хорошо по-нимаю, будем разбираться.

С наивным облегчением уходил от него Тяпышев. На волю выкатил и, стоя на крышьце, оглядел окрестности. Друг-приятель, робкий земляк, сидел в ожидании на скамеечке. Он глядел на серую поселковскую улицу без единого деревца и, наверное, думал о траве, которая каждый год при любой по-годе растет.

— Не боись, — сказал Тяпышев Полинахе. — Мы тут, выходит, все земляки. Степана Архипова внук, оказывается, бумаги пишет на последних в этих местах скандалистов. По-терпим и в скандалистах. Что было — видели, что будет — увидим. Пока живы — все видеть надо.

— Я вот, Василий, думаю... Чего меня перед ихней длинной машиной остановило вдруг? Ты видел, нет ли?.. Светом выхватило на переднем сиденье иконный лик... Тут и осекся, остолбенел в замахе... Божья матерь... Для чего-то поставили эту икону большую при таком промысле...

— Нам с тобой этого не понять, Полинаша. Теперь так повелось.

— И все, значит, можно? Не страшась? На неправедное дело пошел — иконой оборонись и твори что хочешь?

— Не у нас надо спрашивать. Есть на то главные правители. Наше дело — стыд за все, что творится. Стыд и виноватость непростительная. Душа в разоре таком...

— А ты не горюй. Кому от нашего горевания легче стало? Только разорителям. Пошли отсюда. И за улыбку привлечь могут. Молодчик-то упредил меня: не улыбайтесь, гражданин!

— Оно и понятно. — Крупинов в болезненной медлительности кое-как распрямился, последовал за Василием.

По необъяснимой бесцельности опять вышли за поселок, но не в сторону родной Костромихи — туда путь заказан, а к заречному кладбищенскому взгорью, обходя заболоченную старицу, через которую когда-то ладился навесной мосточек. Мосточка не оказалось — давно порушен, да только сейчас спохватились мужики, вспомнили об этом: могли бы ведь и сами восстановить переходы там, где они надобны.

Силенок оставалось все меньше и меньше, от усталости пошатывало. Куда, , я какое дело пойдешь при такой слабости в туманную погоду? Старицу миновать не могли. На валежинке возле зеленой стоячей воды примостились отдыхать, видели плечом к плечу. Угнетенные безысходностью, не замечали сеянье вкрадчивого нудного дождика. Курить не хотелось. Ничего не требовалось. Ничего. Ни надежды, ни покоя, ни воли. Ни смысла жить.

— Не с кого спрашивать, — произнес Полинаша, и голос его был юношески чист, без печали-тревоги.

— Виноватого Бог сыщет, — так же легко сказал Василий. — Не с кого спрашивать — и не спрашивай, а то сочтут опасным патриотом.

— Так оно, так. Сквозь последние слезы улыбнемся на прощание. Вот и все. Одно осталось: с прощальной виноватой улыбкой — в последний путь.

Неотделимые от этой земли, долго сидели они во всеохватной задумчивости, будто забытые и не нужные никому.

Осень себя отмечает

В каждом времени года есть своя прелесть, своя мудрость. Давно ли весна радовала первыми проталинами, лето ласкало теплом и раздольем, а теперь напоминает о себе осень. Сначала по вянущим травам тянулась тончайшая пряжа паутинок — тенетников, потом серебрились холодные росы. А когда выполз из низин и подкрался по взгорью к домам густой иней, показалось, что вокруг поседели луга и пахотные полосы. Все чаще слоистая наволочь затягивала зелено-голубое небо, все реже ясная лазурь проглядывала из-за облаков, все скромнее светило солнце над рассветным горизонтом.

Осень поначалу отмечала себя мелкими приметами: вот сорвался с березы, закружился, не торопясь приближается к земле в одиночестве рябенький — зеленое с желтым — листочек; вот увидел его молодой, неопределенной окраски, петух, замер, поджидая, взмахнул короткими крыльями, словно хотел взлететь навстречу. И кукарекнул охрипшим подростковым голосом — тотчас где-то отозвался такой же петушок-подросток; вот над домами черными тенями пролетели два тяжелых ворона, перекликаясь, несколько раз жалобно «скрипнули», словно отворила и затворила дверь старого амбара занятая утренними хлопотами хозяйка; по белесой плотной, хорошо накатанной и еще не ослабленной дождями дороге гуляют взлохмаченные сменой оперенья курицы, подбирают оброненные с грузовиков зерна, а старый важный петух — в гордом одиночестве за тыном; вот проехал запыленный трактор с огромным возом соломы, и долго бежал за ним, азартно взлаивая, толстолапый щенок; на дачных участках там и тут дымят небольшие осторожные костры, и пахнет

по всей округе печеной картошкой. Огородные полосы дыма смешиваются с туманом.

А через день — другой ближняя речка превратится в земную радугу. Вся сплошь покрытая палевой, синей, фиолетовой оранжевой, желтой листвой, она словно остановилась. Легкое движение воздуха наносит от этой речной радуги запах остывающего чая со смородиной и липовым медом.

Спиной чувствуешь наползающий вечерний холодок. Взгляд невольно устремляется к первым звездам в темнеющем небе. Поднимается круглолицая луна и катится средь редких мерцающих звезд. Заметно уже, что крыши, заречный луг и дорога в поле, и уцелевшие на деревьях листья начали белеть. Это устанавливается плотный иней, пришедший на смену тягучему туману. Под луной иней начал искриться — не отражается ли в нем свет падающих метеоритов? Вот только что звезда в небе стояла и вдруг сорвалась в спешное падение и рассыпалась, исчезла, а мерцанье от нее скользит по земному покою.

В привычной последовательности вспыхивает домашний свет — там и тут яркие окна. Зимние рамы еще не вставлены, и все, что делается в избах, о чем говорится там, можно увидеть и услышать. В этом вот допоздна гулявшие малыши отмывают чумазые лица и наперебой рассказывают что-то матери; в другом, возле окна напротив — охотник заряжает патроны; в соседнем доме — школьники выполняют домашние задания, а бабушка баюкает в зыбке малыша, мать процеживает парное молоко в четверть. На каждом крыльце — временно сложены огородные припасы: лук и картошка, тыква и кабачки, свекла и морковь. А капуста еще белеет большущими шарами на грядках, набирается сладости под крепким инеем, ждет первых заморозков.

Приятно воспринимается вечерняя тишина. Остановишься, прислушаешься, и кажется, что рядом кто-то ходит легкий, осторожный. Кошка? Зверек какой-нибудь? Так ведь и не один. Шевелятся, шуршат невидимые существа в кустарниках, в малиннике, по крышам и — чуднее того — по вершинам деревьев, даже в вышине между звездами. И не то чтобы шорох, легкие, но отчетливые шаги слышатся. По канавам, по озерной воде, по лиственному покрывалу над рекой — всюду кто-то осторожно шагает.

Думал-гадал, останавливаясь, и сделал вывод: зимушка подкрадывается.

Утром проснулся, встал возле окна перед свежей белизной и, не сразу поняв удивительную перемену в мире, облегченно вздохнул: вот и снег выпал!

Поздняя песня

Первые синие снега, розовое морозное небо, солнце над неподвижными деревьями, и вдруг песня. Да такая звонкая, летняя! Жаворонок звенит? Откуда? Почему поет? Он же прилетает в апреле. А этот поет в ноябре. Прислушался — сомнения не было: не радио звучало, не магнитофонная за — пись, а пел полевой жаворонок, удивлял знакомой песней, по — хожей на звон серебряного колокольчика. Не веря себе, спешу в полевой простор, где нет посторонних звуков.

Сместилось ощущение времени, чудилось, что бегу по мяг — кому талому снегу весной. Так спешишь в апреле к первым проталинам, над которыми призывно звенит первая весенняя трель. В наших местах скворцы и жаворонки — певцы весны, а лето славят соловьи да ласточки. Жаворонок зазывает солнце на поля и луга. Какое это необыкновенное время! Высокое

пение звенит и звенит с утра до вечера, то опускается к земле, чтоб обратить на себя внимание, то поднимается по невиди — мой лесенке и сливается с небом — не сразу углядишь кро — хотного певца в синеве. Песня накрывает всю землю. Только жаворонок знает такую весеннюю высокую песню.

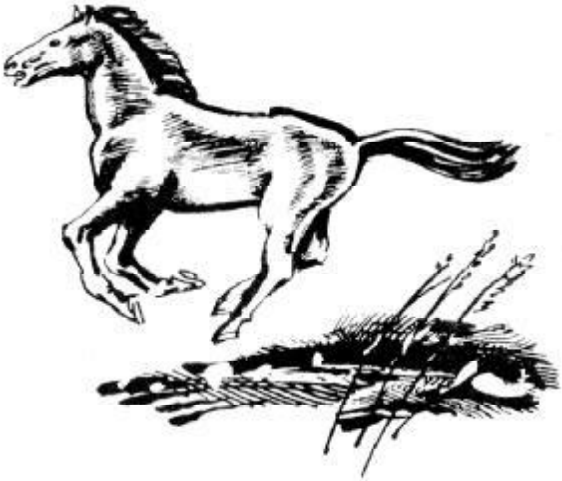
Я бежал по первому снегу, по первым звонким льдинкам. Но песня исчезла. Неужели только почудилась? По летнему опыту знаю: жаворонок может затаиться на земле, чтобы от — дохнуть. Остановился, оглядываюсь — ищу крохотную серую птичку в заснеженной траве. И вдруг из — под ног вспорхнул жаворонок. Однобоко перелетел метра два в сторону и упал в запушенное снегом травяное сплетенье, будто в силки по — пал. Он смотрел на меня печально и виновато, он хотел объяснить, почему остался в предзимнем поле. Дано было по — нять такое объяснение: «Здесь было наше гнездо, над ним все ниже кружил ястреб, высматривал птенцов. Каждый день мы, как могли, отвлекали хищника. Однажды я взлетел на — встречу, ударился в грудь ястреба и повредил крыло.Наши дети выросли, улетели в теплые края. А мне пришлось ос — таться возле своего гнезда в родном поле, чтобы не стать по — мехой в пути. Со мной — песня, она согревает. Но силы покидают меня.»

Он, видимо, очень спешил вырваться из колючего снеж — ного холода. Подпрыгнул и, неровно перебирая крыльями воздух, поднялся, чтобы запеть.

Клочковатые тучи испуганно растянулись и сползли с небосвода за окружные леса. Заливисто, по — весеннему пел надо мной жаворонок. И казалось, вновь отогревается, про — сыпается природа, начинается весна.

Но песня оборвалась на самой высокой ноте. И упала на мерзлую траву. Я подошел, поднял жаворонка и почувствовал, как больно ударило в ладонь маленькое сердце. Тишина зве — нела над застывшим полем. Эта тишина говорила мне: сколько надо сил, чтобы долгими холодными ночами хранить свою песню и ждать доброго человека, способного понимать стра — дания других.

Придет новая солнечная весна. Дружные жаворонки прилетят на родину в апреле. А мне вспомнится прощальная осенняя песня одинокого певца.



На Ветерке прокатиться бы...

Собрались правнуки и самые малые внучата, пришли к Дорофею с поклоном: «Дедушка, разреши на жеребеночке покататься». Дорофей глянул поверх очков, разгладил жел-товатые усы и бороду.

— На жеребеночке? На Ветерке, значит, всем хочется? Ишь, вы, какие скорые. Об этом сначала надо не у меня, а у его матери Карюхи спрашивать. Я тут хозяин невелик. — Прищурил глаза, ребятишек разглядывая, трубку неспешно раскурил и все-таки пообещал: — Вот притрусит землю мяг-ким снежком, запрягу Карюху в красные сани-кошевки, по-катаю тогда. А Ветерок пускай поглядит, как это делается, поучится в последовательности.

Каждое утро в четырех соседних домах раным-ране-хонько просыпались Дорофеевы просители-дошколята (се-меро их вблизи произрастает — четыре девочки да три мальчика, все с хорошими. Ласковыми благозвучными име-нами: Лена, Лида, Луша, Лиза, Леня, Лева и самый забавный четырехлетний Гоша), они на улицу выбегали и воробьиной стаей возле конюшни собирались, весело чивилькали, жере-беночка выглядывая, определяли: вырос Ветерок или нет?

Ждали они с нетерпеньем и первого снега. Но зима еще спала где—то за темным лесом, не торопилась приходить, укрывать землю белым пушистым покрывалом. Но однажды она все же проснулась, заворочалась, вздохнула и зародила холодный ночной ветер. Тогда и стало подмораживать. А ребятам дома было тепло, крепко они в эту ночь спали.

Заботливая Карюха не подремала даже. Она со своим наивным и шустрым Ветерком ходила вокруг конюшни, чтобы он к холоду привыкал. Не щипала траву, не пила из студеного ручья, не будила деревню пугливым ржанием, а только настороженно прислушивалась, вглядывалась в синюю темноту и теплым дыханием держала около себя пугливо вздрагивающего жеребеночка. Она опасливо поглядывала в сторону оврага, за которым однажды видела волков, ей казалось, что там кто—то коварно передвигается.

К утру первый морозец смягчился. Рассвет погасил густые низкие звезды. Запарили луга на взгорье, зазеленели свежо и влажно озими. Засеянные веселыми блестками. (А может, то самые мелкие небесные звезды упали на землю? — так, наверно, думал жеребенок Ветерок). Чтобы избавиться от ночного подозрения, Карюха осторожно подошла к оврагу, попробовала чудную, синеватую траву, которая каждой осенью после первого заморозка казалась незнакомой, странно примятой. Она подумала о том, что опять приближается, совсем близко подкралась коварная зима. И решила рассказать о холодном, трудном времени года своему малышу, доходчиво, на своем лошадином материнском языке. Но стригунок не захотел слушать, подпрыгнул на высоких стройных ножках и пустился галопом через овраг, оставив на траве, покрытой инеем, четкий след.

Карюха тревожно заржала, и, как всегда, ей откликнулся знакомый человеческий голос — отозвался внимательный Дорофей. Этот голос Карюху успокоил, она встряхнула гривой и степенно пошла к конюшне, поглядывая на жеребенка, нарезающего круги на ближней поляне. Конюх, добрый и разговорчивый, похлопал лошадь по крупу, потрепал ее уши и гриву, заглянул в глаза — понял настроение стареющей лошади. «Зима, видать, подходит, — сказал он хрипловатым старческим голосом. — Опять зима». Карюха, соглашаясь фыркнула, мол, опять холодно будет, дадут себя знать трескучие морозы — и в конюшне закуржаветь можно.

— Твой—то крепких морозов не нюхал , прошлая зима не сердитая была, — рассуждал Дорофей, подгоняя непослушного жеребенка к теплой конюшне. — Ничего, в свой срок и этот узнает как мороз потрескивает и метель колючим сне—

гом сечет. Всего отведать придется. Жизнь прожить — не поле перебежать.

Карюха опять, как бы соглашаясь, встряхнула гривой. Подошла к праздничным красным саням — кошевкам, обню — хала, оглядела. И вдруг весело моложаво заржала — рас — смеялась, увидев стайку Дорофеевых просителей: они уж тут как тут, сено в санях обогревают, плотно сидят, словно птенцы в гнезде.

На следующее утро выпал дружный пушистый снежок. Вокруг бело и ровно стало. Карюха легко бежала вдоль де — ревни, чувствовала, как ловко прилажена на ней выездная праздничная сбруя, с начищенными бляхами и кольцами. Под дугой звенел любимый колокольчик — под звон его бывало, жених с невестой в свадебный день катались.

— Эх, залетные! — кричал Дорофей. — Эх, конь ретивой, кованы копыта. Нынче еду к молодой — дорога не забыта!

Шуршал и позванивал под полозьями свежий снежок. Маленькие невидимые птички будто бы игриво взлетали из — под саней. Вились над ребятишками, весело сообщали: « Мы с вами! Мы с вами!»

— Это какие птички? — спросил Гоша. — Они о чем — то все поют и поют.

— Я и сам при веселой езде слышу. Думаю, птички ра — дости. Какие теперь еще могут петь? Для вас они выпархи — вают и стараются. Для вас, мои хорошие... А Карюха думает, что для жеребеночка, для Ветерка. Вишь, как он выправку держит, только грива играет да снежок из — под копыт ис — крится, весело, легко у него бежится.

Редко увидишь теперь и на самых дальних проселках коня, запряженного в сани. А увидишь, охватит вдруг острое мальчишеское желание прокатиться в кошевочках по зыбкой зимней дороге. И представляешь себя в быстрых санях. Ле — тит снег из — под копыт резвого коня, постукивает в санный передок. Вспархивают с деревьев и заборов удивленные во — робьи, сороки, красногрудые снегири, мелькают сохранивши — еся кой — где гроздья рябины. И слышится над головой давний горделивый голос отца: «Вот это мы! Э — эй, кони удалые, ре — бята молодые! Ладно живется — весело поется! Запевай, ре — бятня! Веселей, на всю Вселенную!»

Годы промелькнули. Когда — то и нас катали. Хорошо бы опять прокатиться на Ветерке, детей и внуков порадовать.

Будущая сказка

...Туман закладывался над белесой травой вокруг перелесков. Не в низинах и оврагах, как обычно, а на взгорке в первую очередь. Казалось, деревья подпрыгнули, оторвались от земли, как будто застыли в воздухе.

Такие вечера бывали в детстве. Они приходили, когда устанешь от летних забот, когда заметишь, что теплые дни промелькнули. С полей прибрано; скотина нагулялась, начала привыкать ко двору; свезены под навес и в сарай плуги, бороны, сеялки, жатки, замолчала на току барабанная молотилка; близкий лес просветлел; речка — словно стекло меж прилизанных берегов. Возле родного дома скопилось много дел, но дети все-таки иногда отлынивали, вроде бы случайно это получалось — так много вокруг интересного.

Каждый вечер мама сидела на крыльце, связывая в большие пучки-гроздья крупный оранжевый лук. Возле ног в старых подшитых валенках — ворох обрезков и шелухи. Рядом — свежее мочало, серп, воткнутый в березовый кряж. Этим серпом отрезала она луковые перья и мочальные слоинки, чтобы связывать пучки. Работая, рассказала откуда прилетает предзимняя птица Сиверко, медленно и печально запела: «Синенький скромный платочек...» Раньше она так вспоминала мужа... Когда он был на войне, мы, дети, часто слышали эту песню. В этот памятный вечер на всю песню у мамы не хватило сил, она тяжело вздохнула: «Видно, Сиверко летит».

Мне хотелось увидеть сказочную птицу, потому и всматривался в густеющие над лесом сумерки. Напористо потянул ветер. Слышался шорох перьев в огромных размахнутых крыльях. Жутковатый холод наполнял грудь, хотелось крикнуть: «Мама! Правда, летит Сиверко! Быстро летит!» Но что-то удерживало, а слезы туманили глаза.

«Скучно без отца?», — спросила мама.

«Обидно, — я признался. — Его нет. Он всегда приезжал вечером».

Зима была холодная-прехолодная. Отец работал на лесозаготовках, приезжал домой по субботам. Подарки, гостинцы привозил. Ждали его, зная, что никакая непогода не задержит. Мама топила баню.

Отец приезжал поздно, и мама мыла детей одна. Меня, самого терпеливого, — в последнюю очередь. Довольного одевала и все приговаривала: «Приедет отец — не узнает, какой большой ты стал». Надела свежую полотняную рубаху, сказав,

что в эту рубашечку отец, когда был маленький, только по большим праздникам наряжался. Полотенцем с вышитыми разноцветными петухами голову закутала, ноги в отцовские шерстяные носки спрятала и завернула сына в тулуп с ог—ромным лохматым воротником. Вынесла в предбанник. Про—мерзшие скрипучие санки на снег выставила, подложила на них солому. Усадила распаренного сына, спрашивает:

«Разомлел? Не замерзнешь?»

Нехотя ответил: «Не замерз—ну—уу».

«Поехали тогда».

Скрипел снег под полозьями. Превращался этот скрип в музыку. Словно бы отцовская гармонь где—то под горой играла.

Через щелку в теплое гнездо ко мне луна взглядывала. Она даже дразнилась, раздувая свои круглые щеки.

Я не обиделся, попросил луну: «Свети, свети ярче, чтобы папе светлее было домой ехать. Пусть в лесу будет так же светло, как на небе».

Звезды на снегу играли, перемигивались. Я правую руку высвободил, стал ловить звезды, но поймал только несколько снежинок, которые тут же исчезли, пробежали сквозь пальцы, а руке от них сделалось тепло.

Мама торопилась по узенькой тропке и, не поворачиваясь, без конца предупреждала: «Не вылезай, смотри».

Когда отец неожиданно преградил ей дорогу, она весело рассмеялась — и смех ее показался похожим на блеск сне—жинок, а лицо — на луну.

Отец поднял меня и понес прямо на санках в натоплен—ную избу, освещенную десятилинейной лампой с новым стеклом, которое, видно, он привез.

Отец, улыбаясь, глядел на меня, а я притворялся спящим. Он положил меня осторожно в постель и зачем—то потрогал пятки — может, пощекотал шаловливо. Правда, щекотно было — я с трудом удержался от смеха и ждал, что папа еще раз прикоснется к ногам. Я был уверен: открыв глаза, увижу сто—ящего рядом отца, большого, доброго, сильного, с пышными усами, подкрученными кверху.

Отец, конечно, поверил, что сын заснул, приложив палец к губам, предупредил маму: «Тише. Он сладко спит».

Продолжение той музыки, которая слышалась по дороге из бани, звенело в ушах, не давало уснуть.

Родители долго просидели рядышком за столом, тихо раз—говаривая. Потом отец взял гармонь, тихонько играя, пел: «Я уходил тогда в поход в далекие края. Платком махнула у ворот моя любимая». А кончилась песня, они опять разговаривали

шепотом. Я спал и не спал. Спать — то хотелось, но все думал, что они вот — вот вместе подойдут к кровати, чтобы посмотреть на меня и о чем — нибудь хорошем еще поговорить.

«Расти быстрее, сынок», — мечтательно скажет отец.

«В отца вырастет. И этим сыном будем гордиться.», — скажет мама.

Точно, они подошли и сказали такие слова.

Поздно ночью, когда трещали стены от мороза, я спросил: «А почему снег такой горячий?» Мама ответила: «Потому что скоро весна».

Тогда она говорила еще какие — то хорошие мечтатель — ные слова, но они не запомнились. О весне я думал долго, а лето, кажется, тоже подкралось. Прощальное лето было.

Помню, надумал с утра на черемуху забраться.

— Куда ты, куда, непоседа? — спросила мама.

— На черемухе своей покачаюсь.

— Не упади, смотри.

— Не упаду. Ни разу не падал.

Черемуха наклонилась к земле, меня поджидая. Взбира — юсь по отполированному коричневому стволу, усаживаюсь поудобнее в примитивно оборудованном кресле и раскачи — ваюсь. Взлетаю ввысь, воображаю себя летчиком.

Мама из распахнутого окна пальцем грозит: «Не упади, озорник!»

И снова лечу вверх, еще выше. Вот — вот прикоснусь к небу. Можно бы подняться к вершине, и тогда, наверно, небо еще ближе будет, но страшно. Лучше тут. Развалившись в кресле между ветвей, больше не раскачиваю черемуху и смотрю, смотрю вокруг — с высоты хорошо видно луга, поля, речку, лес и дорогу. Редкие белые облака плывут, на лебедей похожи, то на парусные корабли или на табун белогривых коней. Смотрю, представляю себя там, между облаков, всадником на белом коне. Но как по ним конь будет скакать? Думаю вопроси — тельно, а за первым вопросом другие возникают. Из чего они, эти облака? Такие легкие, белые — из чего? Неужели белое облако превращается в черную грозовую тучу точно так, как из белых черемуховых цветков получаются ягоды черные — пречерные?

На крыльцо выходит отец, праздничный, нарядный. Луч — шая белая вышитая рубаха на нем. Кажется, никогда я не видел его таким праздничным и красивым, потому такой и запомнился навсегда. Он смотрит из — под руки на меня, на черемуху и на облака, тоже, наверно, возникли у него вопросы.

— Сынок, гляди — ка, самолет, кажется, летит.

— Где?

— Вон, за облако спрятался, сейчас вынырнет.

И верно: из-за облака вынырнул серебристый самолет — нет, не самолет, а другое маленькое облачко.

— Пап, а самолеты так высоко разве летают?

— Правда, не самолет. Чего это я придумал, — сказал отец. — Ночью вот сильно гудели самолеты, тяжелые шли.

— Я не слыхал. Почему не разбудил меня?

— Больно сладко спишь, не посмел тревожить . Натревожишься, успеешь. Все впереди, сынок, — ответил отец. Он, видно, тогда уже знал, что скоро начнется война. А я и не догадывался, тараторил свое:

— Ягод хочешь, папа? Тебе на ветке или кистями набрать?

— Сам наслаждайся. Для тебя вызрели. Сладкие, правда?

— Угу! — я причмокнул, подтверждая, что очень сладко и вкусно. А папа черемухи не попросил. Он сказал:

— Ну-ка покачайся еще, посмотрю.

— Сейчас! Смотри! — раскачиваюсь, все выше и выше взлетаю. — Видал как?! Я еще сильней могу!

Я старательно раскачивался для него. Он сел на нижнюю ступеньку нового крыльца, скрестил руки на груди. Над ним порхала синичка, кружились пушинки одуванчиков. Рядом, возле ног, копошились цыплята — одни, без клуши, гуляли, потому что подросли и клуша за ними не успевала.

— Ладно. Молодец, молодец! Вижу, что умеешь. И ловкость и силенка есть. А теперь — довольно. Спускайся на землю.

— Почему? Я ведь не боюсь и не устал.

— Сынок, за конем бы на выгон сходил, недалеко кони пасутся. Как за овражек перебежишь — влево полянка будет, знаешь?

—Знаю. Коня-то которого, Сокола и ли Усача?

— Сокола. На Дачку за плугами съезжу. Прибирать надо

— Я — мигом!

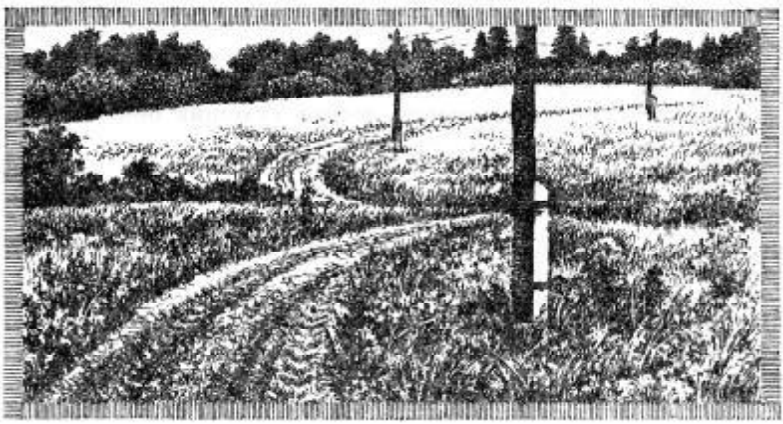
Спускаюсь по стволу, прыгаю на теплую лужайку. Закачалась черемуха и, будто легко вздохнула, прошелестела листьями. Далеко убежал к выгону, оглянулся — черемуха поднялась, распрямилась, на меня смотрела. А папа стоял под черемухой и тоже смотрел на меня. Таким я его запомнил.

Поздними осенними вечерами вместо крыльев таинственной птицы видятся над лесом тяжелые набрякшие облака, вместо шороха слышатся отчетливые шаги, хотя они очень легки и осторожны. Я давно знаю: зима не прилетает, она подкрадывается. Она подкралась насовсем.

Неужели я больше не верю в сказочных птиц из-за

синь — морей? Разве меня уже не радует приближение долгой холодной зимы с бодрящими морозами, закаляющими ветра — ми? Неужели не радует? А тот давний искристый снег, а та давняя музыка из — под легоньких санок? И давняя предво — енная вечерняя песня под гармонь, и долетающие иногда через многие годы слова отца: «Ну — ка покачайся еще, посмотрю».

Пусть подкрадывается зима едва уловимыми шагами, мельканьем неуверенно летящих на землю снежинок. Пусть начинается сказка о том, как ходят по родной земле памят — ливые снежинки — разведчицы, как они однажды опускались на мамин черный платок, но мама молодела и вспоминала веселые песни. Пусть будет в сказке предзимний тихий ве — чер, новая молодая семья выйдет на крыльцо, дети сядут между отцом и матерью, чтобы слушать тихие разговоры, делиться радостями и мечтать.



Вместо эпилога

— Дедушка, кто твою хорошую деревню разломал?

— Не знаю, внучек. Трудно теперь сказать. Виноватого Бог сыщет.

— Когда узнаешь, дедушка, обязательно мне напиши...

Оглавление

«Читайте такие книги» ... 3

Чудесное приглашение. *Повесть* ... 11

«Куда ты, Летунов?» ... 12
Испытание батискафа ... 24
Подвесной мостик ... 35
Водоворот, плот, бидончик с молоком ... 46
и чудесные птицы ... 46
Бесшумный батискаф-вертолет ... 56
«Ты нужен, без тебя не начнут...» ... 65
Все хорошо в свой час ... 76
Банная кампания, чай с зам-маникой... ... 85
Кузнец кует для правнуков даже в день испытаний ... 98
Постараешься — получится ... 111
Пролетели розовые птицы ... 118
У каждого своя песня ... 131

Запоминай дорогу ... 135

Увидишь и поймешь ... 136
Рябиновый свет ... 140
Лакомство для прицепщика ... 141
Наша крапива ... 143
Обоз ... 145
Сестренка ... 153
Стакан земляники ... 162
Тихие радости ... 166
Запоминай дорогу ... 177
Запоминай дорогу ... 178
Рисунок младшего сына ... 194
Однажды утром ... 204
По этой улице пройдем... ... 215
Осень себя отмечает ... 231
Поздняя песня ... 233
На Ветерке прокатиться бы... ... 235
Будущая сказка ... 238
Вместо эпилога ... 242

Б17
ББК 84 (Рос-Рус) 44

Михаил Базанков

ЗАПОМИНАЙ ДОРОГУ

Книга первая

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Авторская редакция
Оформление автора
Дизайн оригинал-макета — А.М.Базанков

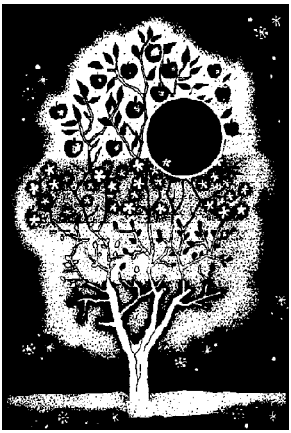
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 16. Усл. п. листов 15,1. Заказ № 3283.
Тираж 800 экз.

Отпечатано в ГП «Областной типографии им. М.Горького»
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.

Михаил Базанков

ВОЗВЫШЕННЫЙ ИНТЕРЕС

ХРОНИКА, КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ОЧЕРКИ, ПУБЛИЦИСТИКА



Кострома, 2007 г.

ББК 84 (2 Рос)6

Литературное издание

© Автор и составитель М.Ф.Базанков
© Костромская областная писательская организация, 2007

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА

Важно не то место, которое мы занимаем, а то направление, в котором мы движемся.
Л. Н. Толстой.

Ясным воскресным утром на берегу Волги у самой кромки спокойной воды подобрал принесенный течением ярко голубеющий цветок с густым набором лепестков. Этот чудный знак родной природы возвратил к тропинкам давнего детства, к встречам и разлукам. Отчетливо представилось первое самостоятельное путешествие: маме сказал, что мальчишки собрались на вечернюю рыбалку и мне обязательно велели быть возле переката, а сам отправился узнавать самую короткую дорогу из своей деревни в соседнюю, за рекой на вырубках сбился с главного направления, не попал на просеку и по мелколесью долго не мог выбраться на просвет к ржаному полю, которое хорошо было видно с нашего домашнего взгорья. Когда спешишь, дорога удлиняется, волнение нарастает и холодок его постепенно затрудняет дыхание, обостренно воспринимаются шорохи в кустах, зрение замечает в колыханье ветвей косматые тени, а капли росы зеленовато взблескивают словно звериные глаза. Слышалось приглушенное рычание то слева, то справа, чудилось коварное преследование. Страшно было оглянуться. Впервые так чувствовал какую-то липкую слежку.

Через много лет не раз вспоминался этот лесной поход: первый опыт самостоятельного передвижения, поиска собственной тропы подкреплял уверенность, если необходимо было принимать решение, сохранять свой взгляд, свое отношение к событиям, фактам, личностям. На развилках и перекрестках взаимоотношений между людьми, о каких мы не ведали в детстве, многое настораживает и вызывает подозрение, приносит ощущение несправедливости, завистливой и коварной возни вокруг естественных трудов. Потому однажды в прологе к роману прорвались строки о том, что даже в мальчишеском возрасте под вечерней грозой в незнакомом лесу не испытывал уничтожающего страха, не приходилось так настораживаться, но в повседневных обстоятельствах другого времени иногда не робость охватывала холодом, не страх за собственную жизнь, а нечто большее, вселенское, не предсказанное нашими мудрыми прадедами, способными ясно определять смысл своего земного срока, родительских забот.

В тот памятный летний вечер впервые по собственной тропе я вышел из-под липкого холода и коварного наблюдения. Двигало вперед единственное спасительное желание — быстрей бы в поле, там просторно и вольно, свободно дышится и потому можно стремительно бежать в гору к деревне. Трижды пересекал похожие овраги, уже отчетливо чувствовал запах печного дыма и слышал петушиный переклик, но не мог определить свои или чужие петухи поют. Идти в неизвестность все труднее, но возвращаться тоже страшно: наверно, волки напали на мой след и подстерегают... Нет уж, только вперед во весь дух! Выбиваясь на подъем из очередного оврага, скользил и падал, хватался за высокие цветки, подкреплял уверенность напряженными стихами, даже песню декламировал: «На границе тучи хмуро, край суровый тишиной объят...». Слышал только себя и потому гуляющее по лесу эхо казалось мною разбуженным и меня подбодряющим. Но это кричали люди, кричали земляки, идущие с четырех сторон искать заблудшего, они аукали, звали кого-то моим именем. Вдруг посветлело, показалось спасительным свечение нежных и теплых лепестков, облепивших мои растопыренные пальцы. Выпрямился и, гордо подняв голову, увидел хорошо накатанную через поле дорогу, увидел крыши и трубы домов озаренной закатом деревни, похожей на мою родную, и понял, что выбрался из сумрака куда нужно, где озабочены моим исчезновением...

Недавно найденный на берегу цветок напомнил о тех, кто кликал меня, звал иногда на помощь, искренне сочувствовал и поддерживал в трудные минуты. Высветились судьбы многих привлекательных земляков, способных по велению души в экстре-

мальных обстоятельствах действовать во благо других и не менять на фальшивые золотые все, что дорого в неповторимом единственном краю, который не выбирают.

Вспомнился неспешный разговор на исходе двадцатого века с Дмитрием Павловичем Крутиковым. Только что привезли очередной том областной Книги Памяти, в подготовке участвовал он, ветеран войны, бывший директор средних школ в Николе и Георгиевском. Радовался фронтовик: еще одно жизненно важное дело удалось. А говорил мужественный человек о пережитом и переживаемом:

— В который раз наломали дров рьяные переустройщики... Они, как истинные предатели, все делают от души, а потом притворно раскаиваются в содеянном, чтобы получить дивиденды от согласия, прощения и примирения... А по совести как быть? Гениальный Лев Николаевич знал: совесть есть память общества, усвояемая отдельным лицом. Реформами память не вычеркнешь. Совесть долго будет болеть, наша совесть. У кого ее нет, тот и не мучается...

* * *

Возвращается иногда в мое уединение робкий сосредоточенный мальчик. Отчетливо вижу его возле школьной новогодней елки, украшенной самодельными снежинками и гирляндами из тусклой газетной бумаги. В зале сумрачно, едва заметны люди, они сидят вдоль стен на длинных скамейках. Когда принесли семилинейную керосиновую лампу со стеклом, застенчивый мальчик сделал шаг вперед, чтобы его могла увидеть мама. Она сказала: «Не печалься, все хорошо. Вот я, сыночек! Пришла, не опоздала».

Сердце щемящей тоской отозвалось — узнаю в том мальчике себя самого и волнуюсь давним волнением. Ясно видимое родное лицо ласковой улыбкой ободряет меня, будто бы мама шепчет впервые вызванному выступать перед народом: «Не робей, сынок, ты знаешь и умеешь, не собьешься». Почему-то делаю несколько шагов вперед — чтобы не стоять в тени? Поближе к маме, чтобы видно было какой я смелый, не робею ни перед кем?

— Гитлер дал войскам приказ… — начал после длительного напряженного молчания не своим, похожим на лесное эхо, шершавым голосом. — И послал солдат немецких... Против всех людей советских... Это значит — против нас...

Может быть, с этого внезапного воспоминания и начать дневник?

Так думаю, открывая только что купленный блокнот. Нужна первая фраза, лучшей не могу подобрать. Начинаю вот с этих маминых слов: «Не робей, ты умеешь...» Осознаю, что вместо маминого

напутствия в грустном настроении любое другое сочетание слов окажется незначительным, неестественным. Новогодние размышления не выстроишь восторженно, безоглядно, без тревог и печалей, без возвращения на свои тропинки.

Вспоминается призыв поэта «Давайте же будем правдивыми/ И впредь, и во всем до конца./ Бренчаниями фальшивыми,/ писаниями хвастливыми/ не разогреть сердца,/ Во имя грядущего нашего/ Попробуем не приукрашивать/ Ни мыслей своих, ни заслуг,/ Ни прошлого, ни настоящего!..» С этого понимания каждый из нас в своем Отечестве мог бы, поощряя желание искренних людей восстановить свою родословную, изучить историю родного края, чтобы можно было в причастности к прошедшему взглянуть на себя, понять, откуда ты родом, чем обусловлена судьба твоя и найти причины происходящего. А секундная стрелка, вздрагивая, бежит по второму ..., пятнадцатому кругу во времени и пространстве тысячелетия, у которого беспредельно разветвленные корни во всех предыдущих. Еще круг, еще... Минутная вниз пошла. Минутные, часовые круги. А потом пойдут годовые кольца, спрессуется время в конкретных событиях, выстроит судьбы, трагедии, исторические периоды, эры, эпохи. Как просто в наивной легкости проскакивать из минувшего в будущее, если ничего конкретного не видеть, никого не помнить, не печалиться и не сожалеть, не тревожиться и не думать о том, что будет в семье, в жизни народа, человечества. Но и скромный опыт познания охлаждает: не загадывай далеко, не уклоняйся от прошлого перед порогом открытой двери, не спеши в одиночество.

А ведь было, было... И не вспоминать узнанного, пережитого, выстраданного? Среди многих житейских историй есть и твоя, есть судьбы, истории родных, близких, знакомых, друзей и врагов, контролеров и доброжелателей. Не вспоминать, притворяясь непомнящим? Не вспоминать не пришедших с Победой, замученных в лагерях и в плену, не вспоминать оклеветанных тыловиков, работавших за «бесхлебную палочку»? И во всех трагедиях уходящего века винить самих себя, свое происхождение? И ссориться между собой по мелочам, чтобы заглушить обиды, унижения иного свойства? Да разве только никчемные раздоры для утешения остались нам на периферийных просторах под роскошными заборами нахального уюта для молниеносно разбогатевших? Не говорить, смириться в покорности овечьей, усмиряясь под высокопарными речами сожалеющих о нехватке наглости?

В стране беда за бедой, убийства и грабеж, обдирание с тела государства «рубашки» из цветных металлов и драгоценных кам-

ней, выкачивание нефти и газа, заповедных лесов и воды святых источников, в стране — стрельба прямой наводкой по верховным домам, в стране — геноцид коренного населения, зарастающие поля и глобальные свалки, технология банкротства и бесконечное голосование. Возможно ли жаловаться только на личные невзгоды? Возможно ли с видом стороннего наблюдателя красиво умничать по поводу падения нравов, слушая заявляющих с экранов «культурной революции» о собственной высокой нравственности и упрекать других за то, что они не так высоко парят с голодухи, воруют по мелочам и пьянствуют?

Обвинять легко... Ничего не изменит в прошлом самая справедливая претензия, в спешных обвинениях можно и ошибиться. Вспомним лучшее, необходимое для будущего. Но вот не получается без печали и горького сожаления: не вернется лучшее прошлое, не повторится. Укрепляешь настроение благодарными воспоминаниями с уверенностью в том, что в вечной борьбе добро побеждает. И все еще надеешься, что искренняя речь нынче может стать поступком, если в основе ее стремление быть государственным человеком: нельзя свое чужим аршином мерить. «Бывали хуже времена, но не было подлей...» Было и прошло? Во имя чего поднималось достоинство и нарастала сила духа?

В бурях двадцатого века, размышляя о взвихренной Руси, Алексей Ремизов, автор много раз «переделанного» романа, рисовал крайнюю жестокость времени, но все-таки верил: гуманистические ценности не исчезли, не извратились, а как бы укрылись, спрятались! Порой в самой земле, в душах людей, и продолжают действовать, вступая в неравный бой с токсичными идеями, чтобы спасать людей и возвращать в национальное самочувствие. Он верил, что и в беде отчетливо бьется великое и справедливое человеческое сердце.

Было суждение из Ясной Поляны — гениальное «Не могу молчать!» Льва Николаевича Толстого. Оказывается, идеи из начала минувшего века актуальны и для нового. Вот завершение его малоизвестного интервью, данного английскому писателю Р. Лонгу: «Я же могу лишь повторить, что как для России, так и повсюду единственным средством улучшения положения вещей является развитие совести и морального чувства населения». А почему народу велено полагаться на привозные рецепты?

Грядут ли перемены к лучшему, о которых так много было шума? Что нынче объединяет и примиряет обманутых? Если не в светлое будущее, то во что же верить? На каких ориентирах нынче духовно возрастает человек? Вопросы, вопросы...

Невозможно уклониться от повседневного вопросительного

настроения. Для чего-то появились «целительные» — скорые на лукавые суждения передачи, имитирующие глас народа, крупными планами дающие тех, кто не будет вставать под мелодию государственного гимна, но и в страны под другими гимнами, куда перекачиваются российские миллиарды, уезжать пока не спешит? О, времена, о, нравы! «В столицах шум, гремят витии...» Давно сказано да не изжито, повторяется все, а вопросы остаются.

А какое оно, наше государство, какие у него идеалы, главные интересы и цели, способно ли оно на почтение к созидающему, а не торгующему в храмах народу? Если не ты сам себя об этом спрашиваешь, то тебе задают самые сложные вопросы дети или внуки, даже отцы и деды, родные и коллеги, попутчики, земляки. Не для праздничных тостов вопросы, не для обыденных душевных разговоров в семейном кругу, они прорываются повсюду, а не только на площадях. Вопросительность остается глубинным течением в торжественном шуме исторического перехода — не умеем, не можем жить одним днем, без устремлений духовного свойства, без чувства любви к Отечеству и памяти о тех, кто воевал и работал за лучшую долю для потомков. На переправе в другой век, из привычного образа жизни — в реформенную суматоху, уже спохватились об утратах, осознаем вину перед теми, кто не придет никогда. «Мы — последние этого века./ Мы великой надеждой больны./ Мы — подснежники./ Мы из-под снега,/ Сумасшедшего снега войны…/ Доверяя словам и молитвам/ И не требуя блага взамен,/ Мы по битвам прошли,/ Как по бритвам,/ Так, что ноги в рубцах до колен». Это признание нашего земляка Владимира Кострова.

Мы — дети не пришедших с полей сражений, дети безропотных солдаток, еще способны аналитической памятью оценить все, что было сделано и пережито в XX веке. Судьбы родителей в значительной мере расширяют наше личное знание о жизни, через передавшееся нам самочувствие отцов и дедов, матерей и бабушек — через все унаследованное выстроилась любовь к Родине. Получается, страдания народа у нас в общей ноше за плечами и на душе. С таким осознанием переходим из одного века в другой, не чувствуя высоту предметного и даже формального порога, все-таки душевно оглядываемся и с гордостью повторяем: это наша судьба, это наша земля, это наша Россия.

Справедливую память прогрессивного значения не удается выстроить без уважительного отношения к предшественникам, потому что без них, по словам Андрея Платонова, без наших отцов, героев и учителей жизнь была бы невозможна ни в физическом, ни в духовном смысле. Без связи с ними (в продолжении справедливого и честного исторического дела), без живой памяти о них люди

могли бы заблудиться на протяжении одного текущего века и озвереть: человечный мир строится лишь союзом многих отношений. Вот это очень важно: союз многих отношений. А основа для них — условия повседневной жизни, порядочность, доброта, справедливость, социальное равноправие. Помнится, деревенские мои земляки говорили: унижения, оскорбления, злоба и зависть, наглость и двуличие, утрата памяти и совести — возбудители многих болезней. Помнится, мама часто повторяла даже в самые голодные годы: «Не завидуйте никому. Все у нас есть. А чего нет, того нам и не надо». Но, сострадая, не уйдешь от вопросов: почему так, почему все взято у малой родины, почему обделяли ее во всем и до сих пор не признаются в ограблении?..

В дальних заокеанских путешествиях, в походах по тропическим лесам, в плаванье по любой реке Мира, на каком-нибудь древнейшем оседающем высокогорье или посреди зеленой долины, под шум прибоя или под шум ливня, слышатся зовущие меня голоса, видится первая тропа через перелесок...

ТРИ ВОПРОСА ОТ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

19-25 января 2005 г.№1(6004)

1. Над чем вы сейчас работаете?

2. Как складывается журнально-издательская судьба ваших произведений? Что из них вышло в свет, что не вышло?

3. Какие работы ваших товарищей и коллег по перу вас порадовали или огорчили?

Михаил БАЗАНКОВ, прозаик, председатель Костромской областной писательской организации

1. Неоконченные рукописи освобождают от суеты, в них возвращаешься к самому себе. Даже изданный роман «Вольному воля» напоминает о недосказанном. В трех частях «Воли» мне удалось высветить технологию страха, особенности тоталитарного порядка для глубокой периферии... Напечатаны рецензии, были читательские конференции, приходят письма-отзывы, но все еще кажется, что главное не выявлено, — такова нынче участь серьезных книг. Да и кто сейчас анализирует, вписывает в литературный процесс изданное в провинции? Но живется и пишется по непредсказуемой траек-

тории: вдруг рецензия, литературный портрет художника или нечто городское под названием «Веселья час», детские приключения, рассказы о жизни в «Доме над лесом» или письма таинственной незнакомке, даже стихи прорываются...

2. Периферийных литераторов одолевают сомнения: так ли надо жить, кому творения нужны и стоит ли объявляться малыми тиражами? Поэты и прозаики не умолкают, но региональные издательства перевелись. Сначала литературный ежемесячник издавал, приложением к нему — поэтическую серию, не сразу, но и проза пошла. Ищу редких благодетелей, редактирую, сочиняю предисловия, рисую иллюстрации. Более семидесяти изданий удалось осуществить. Иногда и сам оказываюсь в журналах Нижнего, Ярославля, Москвы: повести, рассказы, рецензии. Ожидаю обещанную публикацию иронического романа.

3. Из журналов предпочитаю жизненный «Наш современник». Есть вынужденное чтение — работа. Много удручающих рукописей: авторы банально похожи, фантазия зажата телесюжетами... Возвращаюсь к хорошей прозе (Бунин, Лесков, Шмелев, Фолкнер, Гарсиа Маркес), привлекают исторические романы, дневники музыкантов и художников. Появился интерес к «соседним» культурам — южане акклиматизировались и в Костроме. Прочитал две основательные книги о трагических периодах в истории армянского народа, сборник эссе «Из монастыря — о любви». И без поэзии нельзя. Из тех, кого издавал, могу назвать костромичей В. Шапошникова, В. Лапшина, Л. Попова, порадовал известный В. Костров. Верю в поэтический прорыв. Должно что-то долгожданное прорасти из обстоятельств нашего времени.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ И ПОВОРОТАХ

ТВОРЧЕСКОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Теперь готов страдать
за возвышенное дело…
Из блокнота автора, 1985 г.

Каждый имеет право остановиться на удобной для него высоте, чтобы оглядеться и по-настоящему оценить пройденное, пережитое, исполненное, вполне серьезно понять обязательность главного своего человеческого труда, не подвластного элементарному математическому суммированию. На каждого из нас, приходящих в этот мир, негласно возлагалось тяжкое испытание, называемое одиночеством. Рано или поздно приходится это осознавать и собирать душевные силы, самостоятельно освобождаясь «для свободного дыхания и созерцания» из потока «всевозможных ощущений, желаний и страстей», не определяющих смысл жизни.

Читаю интересного собеседника из прошлого века и радуюсь возникающим вопросам — видимо, пришло вопросительное одиночество. «Если мне удалось освободиться от повседневности и из хаоса жизненных содержаний, то мое сердце и моя воля оказываются свободными для лучшего и высшего. В чем же это «лучшее»? «Как найти это «высшее»? — рассуждал в середине прошлого века философ И.А. Ильин. — Неужели я прожил на свете столько лет и никогда не ставил себе этого вопроса? Или ставил, но не умел разрешить его? Но чем же я жил доселе, если не знаю этого священного и светоносного и не умею вызвать его в себе? Чем же заполнена моя повседневная жизнь? Чем освещена она, если не этим светом?» Для каждого желающего освободиться от обыденного и ничтожного, сосредоточиться на самой сущности собственной личности, важны такие вопросы, чтобы осознавать главное в жизни, смысл бытия. Эти вопросы дают дорогу к непознанному и основу самоопределения в минуты свободы и сосредоточенности…

* * *

Пора вернуться к истокам. Начало все начал — родители, родина, небольшая деревня, дом…Личное, сокровенное, автобиографическое, уместное с милыми подробностями в другой ситуации. А пока лишь упоминание: мать и отец, братья и сестры в одной большой семье, пяти-

стенок — разумно поставленный и устроенный светлый ДОМ с большими окнами и резными белыми наличниками, с полным набором жизненно важных пристроек: сени и чуланы, сарай и сенник, двор и хлев, навес и дровяник, склад и амбар, колодец и ледник, а вокруг — березы, липы, черемухи, яблони, высокий хмелевой куст, смородина, малина, рябина, калитка с георгинами, палисад с парником и огуречными грядками, огородец не только под картошку да морковку, на нем ячмень, пшеницу, рожь и горох бывало сеяли, рядом — место для ульев и выгул для теленка. От крыльца, от огородца — тропинка в школу, на другом взгорье она, над лесом и виднеется большая коричневая крыша. Ясно видится, отчетливо. Как на цветной фотографии все, яркое, солнечным днем детства в память впечатанное. Поля и перелески, тележные дороги на четыре стороны за воротами.

Отсюда уходили многие. Сюда возвращались редко, а после войны совсем перестали возвращаться: захирела деревенька, утрачена объявленная неперспективной, только в памяти хранится будто бы живая, увековечена повестью «Самая сладкая рябина» под ласковым названием Малое Тюково. Было еще что-то похожее на балладу с поименным перечислением окрестной детворы, вписанное третьеклассником Б. М., как на уроке чистописания, в амбарную книгу. Однажды накануне Дня Победы по просьбе учителя мы старательно пели, читали стихи с высокого школьного крыльца. И мне удалось обнародовать свое сочинение. В тот солнечный день требовательный учитель Иван Федорович всему классу поставил пятерки по чтению, пению и чистописанию…

* * *

От второй половины пятидесятых годов и до наших дней, подумать только, промелькнуло полвека. Пухлые папки личного «спецхрана» возвращают в лучшие годы — к романтическим дорогам, лиричному восприятию жизни, желаниям рассказывать о земляках, достойно прошедших через все испытания суровых годин.

Итак, пятьдесят лет с коротким периодом «замалчивания». Заметки, зарисовки, короткие рассказы. Затем — областной слет рабселькоров в марте 1959 года. Почетная грамота за активное участие в работе печати, подписанная первыми руководителями области Л. Флорентьевым и М. Барановым Внимание Константина Абатурова, Леонида Воробьева, Александра Часовникова. Один советует: о лесорубах пиши, как работают, отдыхают, какие песни поют. Другой земляком назвал, говорит: ваша Межа в нашу Унжу впадает, есть повод в Кологриве бывать. Третий: стихи? — присылай, рассказ про любовь — напечатаем. (Это для молодежной газеты — начиналась она тогда).

А поступил в институт — Евгений Голубев разыскал: нужен очерк о ветеране войны. На просьбу рассказал о солдате из Костромихи. Вскоре приглашает Игорь Дедков: приходи в редакцию на улицу Симановского. Заинтересованное приглашение на двадцать лет. Одна из подаренных книг «Возвращение к себе» с автографом известного критика: «Мише Базанкову — моему давнему знакомому — в некотором смысле ученику — с самыми добрыми пожеланиями. Игорь Дедков.» Название книги воспринимаю в особом, важном для меня, смысле: литература возвращает к самому себе, учит слушать свое сердце, понимать и ценить душевно близких тебе людей, судьбами и характерами говорить о смысле бытия. Именно критик заинтересовал работой на культуру, удавалось писать размышления «Прекрасное и сельский быт».

Благодарно помнится «газетная» возможность очного и заочного общения, она обозначала внештатные дороги к незнакомым землякам. Интересовался: а кого замечают, ценят опытные газетчики, костромские поэты и писатели Виктор Хохлов, Евгений Старшинов, Юрий Грибов — активно они работали в периодике — газеты печатали литературные страницы, главы повестей и романов с продолжениями, рассказы. Игорь Дедков представил в «Северной правде» Юрия Куранова. В Костромском издательстве (вскоре ликвидированном) вышла книжица «Лето на севере» с иллюстрациями Н.Шувалова. В ней все знакомо: пыщугане, человек на дороге, ласточкин взгляд, любовь, мишино счастье. «Полет от железнодорожной станции Шарья до районного села Пыщуг похож на прыжок кузнечика.» Зримая конкретность смыкалась в цепь привлекательных факторов. Хотелось ехать, лететь, смотреть — интересно и хорошо там. Пришло осознание, важное в моей судьбе: зарастают не все тропинки, одни превращаются в большие дороги, а другие — невидимые, сокровенные — навсегда остаются в сердце и возвращают в неповторимый, единственный край...

Первая подборка зарисовок «Дорога ведет к людям» оказалась в Кологриве у Леонида Воробьева, знакомого по сборникам «Разбуженная рамень», «Коренные и пристяжные», по рассказам в «Северной правде». (Только что вышла его книга «У реки, у Ломенги». Оформлял преподаватель худграфа Юрий Рыжик, на занятиях он показывал нам линогравюры). Первый рецензент писал: «Начало обещающее...Что же привлекает в рассказах? Чувствуется по всему, автор близко знаком с жизненным материалом. Отсюда и точная деталь, которая, будучи художественно поданой, трогает…(выписаны примеры из текста - М.Б.) Свет лиризма. Жизнеутверждающие ноты. Откровенность, там, где она в рамках общего, а не личного. Одностильность. Любовь к род-

ному краю. За эти достоинства можно простить молодому автору многие огрехи». На четырех страницах деликатный разбор. И подпись — «По поручению Костромского отделения Союза писателей — Л.Воробьев, член СП РСФСР, дек. 1962 г.» А в письме автору — обещание: «Повторяю, что более подробно поговорим при встрече. Я следил за твоими выступлениями в «Северной правде», слышал миниатюры по радио. Очерк о Пустыни, о хозяине своей судьбы — так, кажется? — я отнес к хорошим. Это у меня не часто. Сделал ты славно, можно во многом на него ориентироваться».

Так получалось: газета знакомила, останавливала внимание, по ней замечали. Помнится волнение: студента пригласили к телефону в деканат — звонил редактор Иван Иванович Максимов, благодарил за статью. Вскоре получаю фирменную бумагу с нежно-зеленой полосой и обозначенной датой — 5 февраля 1963 года: «Уважаемый тов. Базанков! Ваша статья «Мы с тобой ровесники» признана на летучке лучшим материалом за неделю. Благодарим Вас за нее, просим и впредь активно сотрудничать в нашей газете. С уважением — редактор И.Максимов».

Бывали знаки внимания — увереннее работал внештатник. Тематика разнообразная: успеем ли мы сказать свое слово, молодежная улица, студенческое общежитие, заметки с выставки художников Т. Шуваловой и С. Румянцева, сюжетные рассказы. Газета расширяла жизненное пространство и укрепляла индивидуальность восприятия. Каждого автора тех лет можно узнать по очерку или рассказу без подписи.

Местная уверенность обеспечивала выход на центральные издания. Сохранились газетные и журнальные публикации шестидесятых годов. В отличие от нынешних дней столичные издания будто бы ждали зарисовки, этюды, очерки из глубинки. От областной газеты пробивалась тропинка на поле российской словесности. Время было такое: наступала оттепель, хотя теплые ветры, по замечанию Л. Воробьева в повести о работе районного газетчика, доходят к нам не скоро. Повторяю последнюю строку искреннего повествования: « И до чего же замечательно было жить!»

Но от судьбы не уйдешь. Времена не выбирают… Вдруг вызвали в обком на собеседование. Разговор с пониманием жизненных трудностей, причин творческого молчания. И предложение — штатная работа в должности собственного корреспондента. Придется иметь в виду: партийной газете прежде всего нужны деловые материалы, а не лирические художества. Собкор «Лесной промышленности» К. Абатуров советовал: поездки, встречи, впечатления, личная дисциплина и ответственность. «Нужен свой творческий знак. Возьми за правило: хорошо работаешь — получаешь свободу».

С публикацией рассказа и заказанной статьи пришел в редакцию почти на двенадцать лет (1971 год — фотография на память). И обрел общение, дефицит которого испытывал. Деловое, профессиональное и товарищеское. Опытные журналисты в редакции и собкоры на периферии. Срочные задания, обязательная отработка построчно, количеством авторских на отделы. Первое время — стажировка по промышленности, селу, идеологической и партийной работе. Ну, думаю, началось «натаскивание»: ты — новичок, смотри, запоминай и делай, как велено. О, нет. Ничего подобного. Просто едешь в командировку с Евгением Зайцевым, Людмилой Кирилловой или Юрием Сметаниным. А затем — другие поручения от Ивана Гашина, Александра Соловьева, Елены Протасовой, Игоря Дедкова, нередко бывали, конечно, и прямые редакторские.

И вот — заботы круглогодовой страды. Опорный пункт в Шарье — «Ветлужский край», там тоже ребята бывалые, дают общественные нагрузки — руководство журналистской организацией и литературным объединением «Земляки». Понял: в каждом районе начинай движение от местной всезнающей редакции. Конечно, обязан сказываться в райкомах и горкомах. Поле внимания от Мантурова на восток, но эпизодически бывал и по всей области: выездные редакции, конкурсы по профессиям, слеты, соревнование, взаимопроверки, обмен опытом. Заметил уважительное отношение к журналистам — областная газета с тиражом в сто тысяч экземпляров действительно была авторитетным пропагандистом и организатором. На любой критический материал последует ответ, а не последует — добивайся собкор такого порядка.

Приезжаю впервые на конференцию в Поназырево. В зале собрания особое оформление: на сцене портрет Ильича и флаги союзных республик. По красному бархату плакат «Достойно встретим 50-летие образования СССР!». Первый секретарь райкома О.А. Готовцева представляет журналиста , кто-то предложил избрать в президиум, чтобы его видно было, чтобы и он всех видел. Спрятался за первым рядом президиума, приготовил блокнот, думаю о поруче-

нии вскрыть недостатки в работе с передовиками и отстающими, искать неиспользованные резервы…Гляжу сейчас на фото и сочувствую себе. Слышится голос опытного собкора Ивана Брагова: «Важно вовремя наклоняться, вжимать голову, чтобы над воротником не торчала, но держать уши топориком».

Особое общение между собкорами было обусловлено «кордонными» условиями выживания под перекрестным огнем после каждой критической публикации. Не всегда «волки сыты и овцы целы». Но редакция защищала — это чувствовалось. Собкоровский корпус периодически приглашали в Кострому на «разборы полетов».Руководитель корпуса Игорь Дедков оберегал индивидуальности. Говорили о языке по жанрам — газета последовательно освежала чувство слова. Из отделов бывали претензии. Тамара Дедкова на летучках придирчиво упрекала: Базанков уклоняется от работы на отдел информации. В отделе партийной жизни считали, что не могу освоить особую партийную терминологию. На стажировку к Николаю Ванифатьеву направили. И опять опытный Иван Брагов в дружеском застолье советовал: «А ты попроси трафаретную линейку и строчи, чтобы дырочки совпадали». Он велел укреплять нервы черной солью — каждый раз привозил приготовленную по своей технологии.

Про соль и собкоровское братство надо бы написать рассказ. Одаривал буевлянин солевыми запасами. Ироничный, веселый коллега, душа общений в гостинице, где-нибудь в сквере или на берегу Волги. Хорошие разговоры: областные проблемы, стиль руководства, кадровая политика, сельские перспективы, дорожные ситуации, житейские случайности, анекдоты, хохмы. Мы были интересны друг другу: Анатолий Лесников, Ольга Докудина, Иван Брагов, Саша Данилов, иногда примыкающие районные спецы, редакционные коллеги Юрий Сметанин, Игорь Сапов, Аня Галунина и другие. Сравнительные разговоры, сомнения и радости, неиспользованные в текстах языковые находки, живописные наблюдения освежали чувства. Снова повторяю: «до чего же замечательно было жить!».

Всякое бывало. Иногда сурово спрашивали, вызывали по наветам «под стружку». Но помнится лучшее. Требовательная Протасова умела давать «отдушину»: велела переключиться и просила для публикации рассказ. После «поблажки» веселей готовишь авторские. Чтобы подготовить авторское выступление первого секретаря, предрика, инженера, директора, председателя, агронома вникаешь в специфику производства. Приметы обновления отчетливо видишь: молодежные улицы, новые микрорайоны в Шарье, дорога до Вохмы, мост через Ветлугу, животноводческие комплексы, ясневские поля в Одоевском, большие деревенские семьи, ученические бригады, молодые председатели Моисеев и

Гагарин, новый комплекс машин на лесозаготовках в Якшанге, всесоюзный съезд орсовских работников в Зебляках, успехи домостроительного комбината, экспериментального завода, лесозаготовительных бригад Худякова, Перфильева, сбережение лесного подроста. И самое важное — терпеливые работники, не теряющие надежды на лучшее, в том числе и те, кто траву ненастного сенокоса выметывал на вешала вдоль шоссе, чтобы секретарь обкома видел исполнение указания, и те, кто ставил силосные комбайны на «лыжи». Выстраивалась жизнь, застоя мы не чувствовали. Подлинные патриоты родной земли теперь говорят, имея на то основания: «Если прохудилась крыша, обязательно ли было разрушать стены и даже фундамент». Но вот беда: никто и не мешал «разрушать до сонования».А теперь вдруг все опомнились, прозрели и спохватились.

Многое чувствовалось и понималось. Однажды был затеян семинар по технологии заготовки витаминного сена. Для удобства собеседования длиннющий стол сколотили. Нарядные, при галстуках мужики и расфуфыренные дамочки. У некоторых — портфели пузатые. А один охапку бумажных трубок из машины взял. Заботливо на щит плакатно прикрепляли, разглядывали в ученой важности. Поговорят да и снова разглядывают, будто на бумаге виднее как траву косить и сено сушить. Костер задымился, кашеварить начали приезжие повара. Вкусно торжеством запахло.

А поблизости вечная труженица Павлина навострила косу-литовку и приемисто начала межевой прокос. Пока деловые люди тосты за успехи говорили, она весь свой огородец сдула. И сама собой довольна: вот и ладно , пускай видят начало сенокоса, хоть лишнего не выпьют, может, который матерь свою вспомнит. Словно знала немногословная работница: через пару дней — затяжные дожди. В доверительной беседе она мне свою долю поведала от девичества до последнего сенокоса. «Судьбоносные» подробности не вошли в корреспонденцию о семинаре по технологии, а для рассказа пригодились…Центральному журналу тот рассказ приглянулся, напечатали под названием «Утро вечера мудренее…» с хорошим оформлением .

К началу восьмидесятых осмысление проблем и авторские возможности выходили за рамки газетных требований. Накопленная жизненная «фактура» становилась источником художественных сочинений. Обобщенные впечатления журналиста по нескольким направлениям складывались в книгу очерков «Русское поле», в повести и рассказы. Задуманный роман «Право памяти» отзывал от каждодневной добросовестной газетной службы. Собственный корреспондент перешел «на вольные хлеба».

ФРОНТОВОЙ СВЯЗИСТ

Война уже кончилась, а он не вернулся. И писем от него не было.

Иногда в деревню привозили кино, показывали в затемненном школьном коридоре. Люди собирались из ближних деревень задолго до приезда киношников, тихо разговаривали, вспоминая тех, кто не пришел с войны. Ожидающие надеялись увидеть их на экране. И мы с мамой верили, что однажды увидим Сережу.

Под шум динамо-машины и грохот снарядов мы смотрели фильм о победных боях. Сначала издалека наползали вражеские танки. Казалось совсем близко, в поле за экраном, кто-то хрипло требовал «огня». Но за перелеском его не слышали — не было ответа, связь оборвалась. Приказали делать связь.

По траншее бежит боец... пули цвиркают, шипят и цокают. И фонтаны земли вздымаются — снаряды по бруствeру. А солдат будто бы увертывается. Он с катушкой бежит, провод тянет. Перевалился через бруствер, ползет, карабкается на взгорок... враги заметили — стреляют по нему. Связист выполняет приказ. «Восстановить связь!». Спешит — соединить надо. Он ранен, но зубами сжимает состыкованные провода. Его накрывает оседающим земляным фонтаном.

— Сережа... Сыночек... — тихо простонала мама.

* * *

Он призывался на фронт из Межевского района через Гороховецкий лагерь военной подготовки. Детство прошло на хуторе Шохра Родинского сельсовета, учился в Никольской школе, ходил каждый день за пять километров из деревни Малое Тюково. Мать Базанкова — Анастасия Ивановна, отец — Федор Федорович. Сергей из парней был старшим в большой семье...

Районная газета печатала местную Книгу памяти... Сверху первой строкой обозначено: «Базанков Сергей Федорович, красноармеец, родился в 1923 году, место рождения неизвестно...». А в областной книге его не оказалось.

Душа вздрогнула и оглянулась... Сережа, старший брат... Все известно. И место рождения. И год призыва. Мать многие знают и отца. Сестер и братьев. А он, Сережа наш, без вести пропавший. Писали, искали. «Может быть кто-нибудь что-нибудь знает…» Никакого ответа. Где захоронен? «Скажите, дяденька начальник...»

Гулко и грозно проползла над жестяной крышей низкая свинцовая туча. Кабинетный сумрак постепенно расслоился, тягучим табачным дымом поплыл в окно, застрял меж близких ветвей черемухи и, прошитый сеяньем зачистного дождика, превратился в клочья ту-

мана. Человек в новенькой военной форме положил «беломорину» на край стеклянной граненой пепельницы, поскрипывая хромовыми сапогами и портупеей, вышел из-за массивного двухтумбового стола, чтобы искусственно смягченным, сочувствующим голосом повторить сказанное минуту назад:

— Все проходит ... Понимаю, памяти не прикажешь. Много пережито, в документах мало значится. Да, был, призывался. Но архив районный сгорел, область раньше другая была — Горьковская. Запрашивали: ни в живых, ни в мертвых не обнаружен. Как теперь без вести пропавшего искать? Под Москвой-то тяжело складывалось... Разве это горе только твое, малец? Разве только ты брата своего не можешь найти? Сколько их без вести полегло, потеряно — не учтем...

Другой человек с восковато блестящим лицом старается утешить.

Мы рядом стоим у распахнутого окна, видим памятную дорогу из-за реки к приземистому, несуществующему уже военкомату. Она не такая торная, как прежде, на другом берегу едва проглядывает тропиночкой узкой. И тропа эта скоро исчезнет: вместо тридцати девяти тысяч жителей в предвоенные годы теперь в районе всего-то около семи тысяч. Исчезает тропа, в нежилых деревнях потерялась.

Расстаемся до встречи в надежде: может быть, кто-нибудь знает, видел, помнит моего брата в том огненном подмосковном аду.

Когда я очутился за рекой — оглянулся: мой ровесник все стоял на берегу, будто ждал, что оглянусь и посочувствую ему. Отца и старшего брата все еще ждет он с войны... Он понимал меня — и короткий взмах руки его многое мне сказал...

Неспешным шагом я миновал четыре растерзанные отчуждением и беспамятством деревни, а перед следующей настигла лохматая, взбудораженная гряда облаков, ведущая за собой повторную устрашающую непогоду.

Облака нависали, ослабляя свет. Постоянно казалось: кто-то цепко следит за мной, будто бы читает мысли, предугадывая каждое мое движение. Страшно было оглянуться, но и впереди подозрительно качались, потрескивали кусты, взметывались напуганные птицы, тенью прошмыгнул какой-то страшный зверь. Даже в детстве не приходилось так настораживаться на привычной тропе. Не робость обхватывала меня, не страх за собственную жизнь колотил в виски, а нечто большее, всеохватное властвовало над всем вокруг и надо мной... Но ударил по вершинам берез тугой ветер, облаком вскружил желтую листву, раскачнул нависающие над тропой мрачные лохмотья высоченных елей — сразу стало свободнее, светлее. И деревня родная увиделась на взгорье. Жилая, давняя. Голосистая хромочка вывела песню за околицу, будто старший брат играл... А ноги не слушаются — не могу на взгорок взойти.

Вижу себя маленьким, будто бы стою на широкой скамейке под зеркалом. В избе с распахнутой настежь дверью, вдруг ставшей холодной и тесной, полно взволнованных, но странно молчаливых людей. Незнакомые, да добрые, вроде бы. Все они из разных деревень через наше Тюково шли, зачем-то в нашем доме собрались. И под окнами — люди. Ждут... Кто-то сказал: «Собирайся, Сергей, пора», — словно на работу позвал. А Сережа и заторопился — он никогда в школу не опаздывал.

Вот он прощается. Таким я его никогда не видел: голова наголо стрижена, на щеках блестят дорожки от слез. «До свиданья, братишка, — говорит он. — Ты только не реви, не надо. Не надо реветь, ты — мужчина». О, сколько раз потом без него приходилось утешаться такими словами, когда обидчики давили несправедливостью, ложью, подтасованными подозрениями, когда невинного обвиняли, над безотцовщиной и бедностью издеваясь.

Женщины просят Сергея поиграть на прощание. Он берет нашу родную гармонь с красными мехами, с белыми и серыми кнопочками с одной стороны, с желтыми да красными пуговками — с другой. Ремешок — на плечо. Разошлись, раскраснелись меха, кое-где по ним беленькие цветочки. Играй, хромочка, прощального, играй последний раз. Печально получается, до слез печально.

Брат глядит на меня, будто завидует, что я дома с мамой остаюсь. Он и на маму прощально взглянул. «Ой, Сереженька! Ой, сыночек! Вслед за отцом уходишь...» — заголосила мама.

Хромочку с плеча опустил, пискнула она растяжисто... Сережа маму приобнял и успокаивает какими-то ласковыми словами. Что он шепчет — не понять и не догадаться: не бывало у нас такого прощания. С братьями и сестрами стал прощаться. А потом снова про меня вспомнил, берет на руки и шепчет:

— Не скучай без меня, братик. Как доеду, письмо пришлю с рисунками. И стихи напишу новые. И ты мне пиши, хоть по букве утром и вечером — вот и получится хорошее письмо. Осенью, как только снег выпадет, я и приду. Во-о-он оттуда, как раз из этого окна дорогу видать...

— И папа с тобой придет?

— И папа. Отец — на заводе, его долго не задержат.Ты в окошечко гляди. — Он поставил меня на скамейку возле того окна и «луночку» на запотелости прочистил, чтобы лучше было видно. — Я сейчас во-о-он туда пойду. Ты гляди, я тебе от березы рукой помашу. Ладно? А на улицу не бегай. Только не плачь, не расстраивай маму...

Дождь ли хлещет, вьюга ли гуляет, туман ли утренний приподымается, — всегда, если даль в нашем поле непроглядна, кажется мне, будто бы Сережа в зеленой тужурке напористо идет обратно против

жестокого ветра, домой идет... Сколько раз, обманутый видением, выбегал я в поле встречать, стоял в холодном одиночестве часами и ждал, порываясь навстречу при всяком ветровом шевелении кустов вдали... Иногда приходила почтальонка. Оттуда приходила. Но не было писем, долго не было первого письма. А потом такое было (теперь думаю: как же надсмотрщики его пропустили, этот «треугольничек»?): «Дорогие мои родные... После боевой подготовки нас послали на передовую, а ветром шатает. Со мной друг из Васиялова, Николаем его звать. Помнишь, мама, он в Преображенскую у нас ночевал. Все бы ничего, да есть хочется по ночам. Сейчас бы загорелую корочку после Миши...»

Мало было писем. Да и те пожаром отняло. И его свидетельство о рождении, да фотокарточки. Старший брат. Молодой, красивый, бравый. Веселый, улыбчивый взгляд. Скрученная челка достает до левой брови. Широко разложен воротник белой рубашки. Значки с цепочками — на пиджаке. Листочек бумаги в нагрудном кармане полосочкой белеет и карандашик торчит. Наверно, красный карандашик. Сережа любил красный цвет, флаги да землянику рисовал. Учительница рассказывала: «Все давалось ему. Способный... А сочинять начнет — любо послушать. И споет. И спляшет. И сыграет хоть что, быстро на слух брал...Разносторонний и терпеливый…»

Каждое лето хожу той тропой от одной несуществующей деревни до другой в сторону райцентра, где не сохранился старый райвоенкомат. И слышится мне в порывах сочувствующего ветра голос хромочки, на которой Сережа играл. Где она, хромочка с красными мехами? Кто на ней играет? Знаю, Сережину хромку мама тайком от нас променяла в сорок седьмом на три буханки городского манящего хлеба в придачу с фунтом сахара, похожего на синий вешний лед.

Был Сережа. Кто-то видел его там, на передовой. Кто скажет, что видел его, восемнадцатилетнего связиста...

Часто оглядывается душа на тропинки детства. А память вводит брата зримо в мой самый родной дом, которого давно уже нет. Мы встречаемся там и, все понимая, глядим друг другу в глаза. Мы знаем, кого винить, но не сгорела в нас терпеливая способность прощать. Помнить, понимать и, стиснув зубы, скрывая слезы, прощать!

Се-ре-жа! Тебе еще все восемнадцать... Что ждало тебя в этой жизни? Какие были бы у тебя сыновья, внуки и правнуки? Друг твой тоже не вернулся оттуда... И ровесники почти все не вернулись. Жизнь горька. Правят ею оставшиеся, непризванные или уцелевшие. Или дети уцелевших. Безотцовщина, сам знаешь, чем красна... Все еще надеюсь на чудо, дорогой мой... Спешные военкоматовские записи по каким-то причинам проскочили тебя. Обещано в дополнительном томе обозначить отдельной строкой. Может быть, кто-нибудь что-нибудь знает.

Родителей наших давно уже нет. Мама до последнего часа ждала тебя. Много раз по ночам слышал, как она причитала:

— Сережа, сыночек. Кровиночка моя. Отписали про тебя: без вести пропал... Как же так, без вести, раз в убитых не нашли? Может, жив ты, Сереженька, только лиходеи далеко запрятали. У Марьи Витюшка тоже долго пропадал, да вдруг отыскался, пришел, только изломатый весь. Ох, сыночек, сыночек...

Как в детстве, закрываю глаза плотно сжатыми ладонями, чтобы не разреветься...

Примечание: Базанков Сергей Фёдорович,
1923 г. р., д. Фокино (М. Тюкино), Вавиловский с/с, призван в 1941 г. Межевским РВК, связист, погиб в 1942 г.
Книга памяти, т. 8, стр. 75

ЗЕМЛЯКИ

Наш земляк Павел Александрович Катенин имел цель выработать поэтический стиль, основанный на простом, точном, энергичном языке. На этом пути ему сопутствовал успех, похвально замеченный Пушкиным.

Именно Пушкин оценил и отметил, что Катенин первый из русских поэтов «ввел в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные». Он, Катенин, выступал убежденным противником Жуковского, поэтов его круга, увлеченных сентиментальной мечтательностью, и сыграл заметную роль в борьбе за народность против подражательности.Особая репутация, связь с глубокой костромской провинцией, творческая устремленность и независимость взглядов Катенина, его последовательная работа над созданием национального поэтического стиля привлекли, заинтересовали молодого Пушкина.

* * *

Понять судьбу творческого человека из начала предыдущего столетия помогает сопоставление с другими судьбами и осознание его нашим земляком, выходцем из костромской глубинки. Природа, обычаи, нравы, особенности быта, безусловно, влияли на характер, творческие устремления поэта. И, быть может, определяют паше родство с ним. Немаловажное значение имеет то, откуда человек родом, в каких условиях рос, что формировало его взгляды и убеждения. Сторона наша дальняя, лесная. Известный писатель Иван Касат-

кин в письмах к Горькому называл эти места без фабрик и заводов «волчьей сторонкой».

Леса, значит, леса... И вот сюда, за многие почтовые версты, приходили Павлу Александровичу письма от самого Пушкина. Да и царь Александр I вздумал его здесь навестить. Любопытно представлять отношения между людьми в далеком прошлом. И все чаще возникает это желание вглядеться, попять, установить «связь времен», найти «отеческие» корни людской самобытности. И не только об этом земляке думается, потому других нельзя обойти памятью, хочется поставить в родство, в сопричастность.

Наш Кологривский уезд был богат личностями примечательными. Надо сказать о некоторых судьбах, чтобы и катенинская была более понятной.

Партизан Отечественной войны 1812 года Александр Самойлович Фигнер с 18 лет после окончания кадетского корпуса находился в действующих армиях за границей, участвовал в походах против Турции. Талантливый боевой командир (хорошие артистические данные и свободное владение несколькими иностранными языками) совершил немало легендарных подвигов. Когда отступали французы из Москвы, два отряда — Фигнера и Сеславина отбили транспорт с драгоценностями. Наполеон обещал крупное вознаграждение за голову Фигнера. Было и такое: в 1813 году под видом итальянца Фигнер проник в Данциг и пытался возмутить население против французов. Был схвачен, посажен в тюрьму, но сумел выкрутиться — выпустили за недостатком прямых улик, а затем вошел в доверие к коменданту крепости Раппу до такой степени, что ему поручили важные донесения к Наполеону, которые, конечно, попали в главный штаб русских войск. Опытный разведчик погиб в 26 лет. Уходя от преследования вражеской конницы, не смог переплыть Эльбу. В книге «Денис Давыдов — партизан 1812 года» автор М. Рожкова с достаточной основательностью утверждала, что Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» изобразил Фигнера в лице Долохова, описал некоторые действительные боевые эпизоды из биографии героического партизана.

Эти подробности сейчас нужны для того, чтобы высказать предположение о родстве характеров Фигнера и Катенина, о том, что они, как земляки, где-то встречались. Особенности характера сходятся и с тем, что мы знаем о другом межаке.

Помнится, учитель русского языка и литературы («учитель словесности») Геннадий Васильевич Румянцев в конце сороковых годов, в голодное послевоенное время, поддерживал наш дух рассказами именно о земляках «с характером». Удивляло например, что Федор Толстой, сильный и страстный человек, жестокий проказник и дуэлянт, один из представителей особенно живучего дворянского рода,

в 1803 году в свите Резанова отправился в кругосветное путешествие. Не какой-то Колумб или другой путешественник, а наш земляк — вот удивительно! Как же обидно было узнать, что за всяческие проказы его высадили на малоизвестный остров. В Россию вернулся через Америку «алеутом».

Позднее в книге «Федор Толстой-Американец» нашел я такие строки: «Кто знает, может быть, при другом воспитании и в другой среде его страстность и его выдающиеся способности обратились бы на другое дело, на полезную работу и на служение людям».

Родными были места Кологривского уезда и для Михаила Александровича Фонвизина, родственника знаменитого драматурга. Он отличился в сражениях в Бретани, даже попав в плен, сумел поднять пленных на восстание и завладел целым городом. Из заграничных походов генерал М. А. Фонвизин вернулся с убеждением в несовершенстве строя России и потому примкнул к декабристам, был членом Союза Спасения, Союза Благоденствия и Военного общества декабристов. За что и арестовали, сослали в Сибирь, где пробыл почти 30 лет. К нему в Тобольск приехала жена. Его дом стал местом встреч декабристов.

Конечно же, нельзя не, упомянуть еще одного земляка — известного литератора А. Ф. Писемского, его роман. Он имеет прямое отношение к судьбе Катенина.

В романе «Люди сороковых годов» (1869) есть человек широко образованный, острый на язык и крайне строптивый, прослывший во всей губернии за большого вольнодумца, насмешника и даже богоотступника. Это некий Александр Иванович Коптин, отставной генерал и забытый литератор, речами и манерами он напоминает «с одной стороны, какого-то умного, ловкого светского маркиза, а с другой — азиатского князька!» Читатели поначалу не узрели за портретной точностью Коптина одного из видных и авторитетных литературных деятелей начала века — поэта, драматурга и критика Павла Александровича Катенина, того самого, который в истории русской поэзии занимает, безусловно, самостоятельное место. Катенин скончался за пятнадцать лет до выхода названного романа.

* * *

На могильном памятнике была начертана эпитафия, сочиненная ил самим: «Павел, сын Александров, из роду Катениных, честно отжил свой век, отслужил Отечеству верой и правдой, в Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила. Зла не творил никому, и мене добра, чем хотелось».

...Стремился делать добро. Он получил превосходное образование, в особенности изучив иностранные языки с их литературою (по

записям П. П. Каратыгина), в 1806 году определился на службу по министерству народного просвещения и через два года имел чин титулярного советника. В 1810 году в чине портупей-прапорщика восемнадцатилетний Катенин перешел на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк. Участвовал в битвах под Бородином, при Люцене, Бауцене, Кульме, под Лейпцигом и возле стен Парижа. Личная храбрость молодого офицера отмечена наградами: орден св. Владимира 4-й степени и прусский — Железного Кульмского креста. С обычной последовательностью шли чины: штабс-капитан (1816), капитан (1818), полковник (1820). На тридцатом году жизни он мог получить и генеральские эполеты.

Но этот человек, образованный, умный, даровитый и к тому же не всегда осторожный в выражениях, особенно при исполнении верноподданнических служебных обязанностей, не владел приемами елейности, покорности перед высшим начальством, хотя как командир по человеческому обхождению с подчиненными был одним из отрадных исключений. Его искренне любили сослуживцы.

Непредвзятость суждений о творческой личности позволяет понять, что могут уживаться в одном человеке казалось бы несовместимые черты. Но эгоцентризм, себялюбие мешают нередко увидеть и оценить не только достойных внимания оппонентов, но и своих ближних. Об этом думается, когда вглядишься в литературную и житейскую судьбу нашего земляка.

Шумели непривычные читатели вокруг народной простоты, вокруг того, что находил на своем пути Катенин... Формировалось тогда литературное течение молодых архаистов (ревнителей просторечия, употребления славянизмов, фольклорных форм). Известные приверженцы этого течения Грибоедов и Кюхельбекер по достоинству оценивали стремление к национальной самобытности. Важным, представляется мнение Кс. Полевого о том, что эти люди изучали иностранную словесность и были убеждены, что надо быть прежде всего «чистым сыном своего отечества, заимствовать силу и краски у своего народа и воскрешать старинный и, если можно, то и древний быт, древний язык, древние понятия, потому что все это в нынешнем русском мире преобразовано слишком уж по-иностранному». Не лишним будет повторение этих мыслей, потому что Кс. Полевой увидел в том течении вовсе не националистически настроенных стилизаторов под старину, а чистых сынов своего отечества.

Кюхельбекер так сказал о катенинской «Песни о первом сражении русских с татарами»: «Стихи не Жуковского, не Батюшкова, но стихи, которые бы принесли честь и тому и другому», Через пятнадцать лет он же, пораженный двумя строками из катенинского «Софокла» («Когда же мстить врагам обиду душой великие могли?»), записал в «Дневни-

ке»: «Катенин человек с большим дарованием и не с одним дарованием: чтобы написать такие стихи, надобно иметь не мелкую душу. Благодарю, любезный Павел Александрович, за эти два стиха: желал бы, чтоб их когда-нибудь ко мне приноровили». Но Катенин не узнал эту оценку — не суждено было узнать, она помогала бы ему в глухой костромской провинции залечивать душевные раны...

Откуда еще терпение и силы житейские берутся? Не в таких ли жителях они, как инвалид Горев? Да и сам Катенин явил нам неординарный характер. Сплетни и дерзости вокруг него ходили всякие, а он все-таки остался верен самому себе. Сплетни и слухи в столицах «смаковали» полное нравственное падение Катенина. Но вот воспоминания мемуариста В. П. Погожева, относящиеся к 1848 году, свидетельствуют о званом обеде у Катенина. А приведенный экспромт «Вы здесь играли так прекрасно...» позволяет почувствовать еще твердую руку мастера, не позабывшего свой давний завет:

Что ж делать? петь, пока еще поется.
Не умолкать, пока не онемел.

Не трудно предположить, как и почему он постепенно был оттеснен… Прямой, самолюбивый, вступавший в спор с «богатырями» поэзии и театра, странно и одиноко живущий, не сумевший жениться, к концу дней своих был всеми забытый и страдающий. По словам А. С. Грибоедова, славный человек, ум превосходный, высокое дарование, пламенная душа.Вглядимся еще раз в славного самобытного человека, пропагандиста «свободного образа мыслей», и в доброй памяти поклонимся ему за то, что шел всегда своим путем. Вспомним, поклонимся как благодарные потомки и земляки.

* * *

Жительство Катенина в Костромском краю под гласным надзором полиции (ему был запрещен въезд в обе столицы), было очень трудным. «О чем писать из Кологрива?.. о надворном советнике Матюшкине, который от скуки убил своего старосту железной плиткой из утюга». (Письмо Бахтину 28 января 1823 года) «Крестьяне здешние с голоду мрут, кормлю их чем и как могу», — сообщал в письме 15 апреля 1825 года А. М. Колосовой. Не потому ли часто он попадал в трудное материальное положение, под преследование кредиторов? Это предположение укрепляется (1869 г.) и романом А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов»: «Предобрый!.. Три теперь усадьбы у него прехлебороднейшие, а не в одной из них зерна хлеба пет, только на семена велит оставить, а остальное все бедным раздает!» Бескорыстной добротой были продиктованы и его «простонародные» баллады.

Именно добрые к простому народу люди всегда жили и живут трудно — может быть, идеализируя отчасти и нашего Катенина, мы

все-таки должны это подчеркнуть. Он представитель той небольшой группы, которая носила весьма высокий уровень культуры и «должна была пасть согласно всем законам житейской, обывательской, коммерческой логики», но устояла вопреки злопыхательству вигелей и булгариных, вопреки «мере и расчетам торгаша» (Жуковский). В тот век терпели вещественный ущерб все литераторы, по словам Пушкина, не. находившиеся в приятельских сношениях с издателями «Северной пчелы»... Тогда шел бой романтики и коммерции, высоких идеалов и меркантильных расчетов. Судьба писателей пушкинского круга отмечена социально-психологической борьбой с так называемым «торговым» направлением в литературе, которое набирало силу в двадцатые годы прошлого столетия и как раз в катенинскую пору захватило книжный рынок России. Так что приходится учитывать и эти обстоятельства.

Люди, способные глубоко, полно переживать свою национальную историю, способные оценить и сберечь подлинные духовные ценности с чувством собственного достоинства, не могут обойтись без памяти о судьбе Павла Александровича.

Можно и сегодня заметить, что потомки склонны оценивать катенинскую «гордыню» без учета особых условий. Но Катенин, как и другие талантливые современники его, жил в условиях повышенной трудности, добровольно выбранных.

«Литературная Кострома», №12(43), декабрь 1992 г.

В ДЕРЕВНЕ ВИДНЕЕ ПРИРОДА И ЛЮДИ...

Литературные заметки, 1978 г.

Однажды сердце поэта словами в лучшем порядке призналось:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

...От нее, малой родины, начинаешь отмеривать свои версты переживаний, раздумий, поиска истины, осмысливания жизненных конфликтов и так называемых деревенских проблем. О судьбе единственных, неповторимых уголков земли, которые не выбирают, тревожились многие таланты... Имена тех писателей известны всякому пристрастно читающему. О вологодской, новгородской, псковской, сибирской, воронежской, костромской и прочей российской дерев-

не много написано. И почему литератор, прочитав лучшее о «привычном деле» в деревне, почему он ищет своего героя в обкатанном будто бы деревенском «материале»? Почему молодые литераторы берутся изображать, как однажды обидно упрекали, «расхожих стариков и старух»? И не угрожает ли теперь каждому начинающему литературность, т. е. своего рода вторичность в художественном осмыслении. И где искать силы для вытеснения литературности, из-под пера, для самостоятельного взгляда и почерка?

Много вопросов возникает у каждого, кто стремится познать, увериться с диалектической последовательностью, кто задается вопросом — зачем писать, уже чувствует появление силы для того, чтобы заключить в оптимальное триединство «что», «как», «зачем». Образцов вдохновенного постижения, участия в созидании жизни словом немало. В этом ряду от Радищева, Чехова до Валентина Овечкина и Георгия Радова, Виктора Астафьева, Василия Белова. Гавриила Троепольского, Василия Шукшина, Виктора Лихоносова, Валентина Распутина и других никогда не будет тесно...

Литература «под диктовку» жизни пошла вглубь. «Литература стала пристрастнее исследовать то, что и должна исследовать, — комплекс поступков, как импульсов порой непостижимых человеческих эмоций, анализируя в человеке добро и зло, любовь и ненависть, страх и освобождение от страха, как проявление самоуважения, — говорил Юрий Бондарев. — Эти категории, слава богу, перестали быть только назывными, заданными для геометрического разделения персонажей на «положительных» и «отрицательных». Возникла иная измерительная категория: человечность. Следовательно, серьезное искусство стало более глубинным и более осмысленным. Оно ушло от приблизительности, вязкого и расплывчатого правдоподобия. Оно перешло на сторону большой правды». Сказав это, писатель тут же предостерег. «Если мы хотим быть скромными, то должны сказать: «Мы еще знаем о современном человеке мало, но когда-нибудь узнаем все».

На знамени литературы — партийность, народность, большая правда и человечность. Художественными средствами воспитывать самую высокую человечность, по Ю. Бондареву, — необъятно огромная задача.

Вот почему, накапливая и осознавая личный опыт, многие стремятся на первых порах прикоснуться сердцем к пережитому и выстраданному предыдущим поколением.

...Были последние поклоны. И всегда будут, необходимы эти поклоны, всегда будет такая потребность у тех, кто умеет жалеть стариков, кто словно бы заново, по словам критика Игоря Дедкова, открывает «берег», как образ народного трудового начала, здравого

смысла, живого развития и постоянства средоточия исторически выверенных нравственных ценностей.

В конце концов дети,
вечно блюдя природу,
брали лучшее от отцов!
Уважали лета и раны их,
чутко вслушивались в слова,
чтоб не вырасти
— пусть Иванами, —
Да не помнящими родства

(Сергей Викулов).

В неспешной, несуетной жизни стариков — повседневная мудрая героика. В изображении ее не применишь закрученный мелодраматический сюжет, как сказано уже, с «чисто механическими поворотами», потому что такой сюжет фальшив для деревенской действительности. С времен Пушкина реализм стремился исследовать мир обыденности, житейской прозы, отыскивая там поэзию и красоту, корни человечности, обнаруживал душевное богатство.

Критика много говорила об отношении к изображению знакомой, раззнакомой жизни, того самого предмета искусства, который надо брать в сиюминутной целости и реальной противоречивости, в ее неустанном прогрессивном движении. Неспешные ситуации позволяют пристальнее вглядываться в многогранность предметов художественного исследования — природу людей. Заметим кстати: природу — об этом говорит опыт В. Астафьева и других исследователей — надо рассматривать как духовный, а не только экономический фактор человеческого общения (Ф. Кузнецов).

Не по тому ли молодые, взявшись за перо, начинают с возвращения к корням, к истокам, с попыток скорее не создать образ, а понять непреклонную идейность стариков, рассказать о ней, используя уже сотворенные самой жизнью образы. Наверно, нет в том беды, скорее в том есть смысл и польза. Это уже потом, так сказать, на втором этапе накопления литературного опыта появляется смелость лепить образ для того, чтобы выразить мысли (если вспомнить Веневитинова), чтобы словесность более думала, нежели производила. Встает задача исследовательского освоения действительности, повышения мыслительной емкости текста, трудного постижения человека. Помните, секретарь райкома Нестеренко напутствовал Давыдова: «...человек — тонкая штука и с ним надо, ох, как аккуратно обходиться!». Действительно, необходимо искусство размышлять, отыскивая пути к образу современника.

...Мы, привыкшие к тишине, еще и сейчас иногда можем слышать эхо войны, слышать, как по ночам вскакивают фронтовики, пе-

реживающие во сне один из тех далеких боев, и кричат: «Подпустим поближе, ребята! У нас только четыре снаряда... Только четыре...». И этот крик резкой болью отдается в ваших сердцах. Литературные образы фронтовиков помогают приглядеться к корневым ценностям народной нравственности в современных формах ее проявления, заставляют задавать и самому себе многие вопросы.

Помните, прибегая к испытанному приему лирического, публицистического отступления в автобиографическом рассказе, Василий Шукшин говорит: «...Стою над могилой, думаю. И дума моя о нем — простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что был в этом, в их жизни какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. И не было никакого смысла, а была одна работа, работа... Работали да детей рожали. Видел же я потом других людей... Вовсе не лодырей, нет, но ...свою жизнь они понимают иначе. Да и сам я ее понимаю иначе! Но только когда смотрю на их холмики, я не знаю, кто из нас прав, кто умнее».

Многие писатели, тревожась о том, чтобы не порвалась связь с землей, призывали продлить существование маленькой деревни. «Ничего более благородного, более отвечающего потребностям и духа и тела человеческого, — говорил Глеб Успенский, размышляя о великой силе — власти земли, — я не знаю другого, как то, что можно определить выражением «крестьянский труд».

Меняется содержание труда, многое уходит в прошлое. И уйдет еще по мере претворения в жизнь мероприятий, намеченных обществом. Неоднократно подчеркнуто: наблюдаются изменения характера человека, в отношениях между человеком и землей. Именно тут, на этой грани, сейчас возникает много конфликтов. На полном дыхании процесс урбанизации, а конфликтов не убывает, как сказал Петр Проскурин. Оказалось, что теперь в наше Нечерноземье надо «ехать» осваивать целину. Были писатели, которые много десятилетий назад видели зерна сегодняшних конфликтов. Миграция сельского населения, несмотря ни на что, по-прежнему увеличивается. Будущие литературные герои из сегодняшней жизни со здравостью крестьянского ума должны разрешать «деревенские проблемы». И тут, безусловно, первое слово положительному герою, современному крестьянину. Теперь нужен взгляд на деревню не со стороны приехавшего (гостей по селам прошло немало), а как бы изнутри, кто живет и трудится, разрешает конфликты, кому всегда тут, на этой земле, жить.

У человека деревни появились иные интересы и появятся еще. Они вытекают из двух великих благ, недоступных крестьянину, каким его знал Глеб Успенский: образования и свободного времени, поло-

жительный герой из старшего поколения должен встретиться с новым, молодым, таким прототипом, для создания которого могут послужить многие наши современники, жители и костромской деревни. Мы знаем немало достойных внимания людей... первым фактором нравственного бытия которых, безусловно, можно считать совместный труд и единство с природой.

Написано много книг, в них — немало поэтических страниц посвящено «малой родине», чувству любви к русской деревне, русской природе, бережному, мудрому отношению к ней. Были и на Костромщине талантливые земляки, отыскивали свои, особые проникновенные и точные слова, чтобы выразить глубокую любовь и кровную причастность к прошлому и настоящему мира деревни, «поэзии ее трудов». Один из них (нельзя его не вспомнить) — безвременно ушедший из жизни Леонид Воробьев, открыл колоритного колхозника Щепова...

Извечная задача литературы заключается в создании зримого крупного характера, какой был бы близок всему народу. Не откопаешь новизны, сказав, что проблема положительного героя ощущается сейчас особенно остро. Он, этот герой, во всяком случае прототипы его, могут быть встречены и на костромской земле...

«Ветлужский край», 20 мая 1978 г.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, РОДНЫЕ!

Радостное волнение, особые думы принесла мне весть о возможности встретиться с читателями — земляками. Пора держать творческий отчет перед теми, кому посвятил свой первый роман. Близкие и родные, прошедшие многие испытания суровых сороковых годов, всегда горькой правдой, долготерпеньем и мужеством своим укрепляют чувство ответственности за художественное осмысление доступного мне живого пространства и времени. Не раз приходилось печалиться на давних тропинках детства о том, чего уж нет. Если бы не опалило Родину то страшное военное бедствие, не сломались бы судьбы многих деревень и наши судьбы выстроились бы по-другому.

Сердцу, говорят, не прикажешь. Сама душа оглядывается в прошлое. Что ищет она там! Разве только печаль возвращает к пережитому! И можно ли отмахнуться от пережитого, если есть душа — способность чувствовать, мучиться совестью, сострадать! Сказано уже: совесть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка свершенного. Без памяти совесть не произрастает. Категорический вывод академика Д. С. Лихачева вспоминается

сегодня именно потому, что в родные места зазывает совестливая память. И ощущаешь: действительно, каждое обращение к старому в новых условиях всегда новое обращение.

Состояние души определяется общественным самочувствием личности. Было время— целые десятилетия, когда личность душевная, чувствующая, самостоятельно мыслящая оказывалась неудобной, считалась раздражительной помехой на путях разветвления системы равнодушного потребительства, потому что безличностный, так называемый, функциональный стиль общения утверждался не только в слоях управления, на производстве, но и во всех сферах бытия. Сегодня, оглядываясь в давнее и недавнее прошлое, отчетливо чувствуя многие преимущества для развития личности, можем честно сказать о бедах, неурядицах, неустроенности родной земли, той негромкой лесной сторонки, у которой есть своя значительная история, отражающая этапы первопроходческих социалистических преобразований. Межевская земля тоже должна иметь надежды, новые перспективы. И сегодня малая родина вызывает у нас добрые благодарные чувства. Перед ней мы всегда в долгу.

Новые общественные процессы в государстве, направленные на расширение подлинной демократии, позволяют каждому говорить своим честным голосом. Гласность, как одно из основных условий перестройки, предполагает личную душевную заинтересованность в больших и малых делах, в обновлении жизни. Остро ставятся кадровые вопросы, воспитательные задачи, экономические, нравственные проблемы и, в особенности, проблемы личности, которой дается право на творчество, свое понимание, отношение ко всему происходящему в мире, обществе и в человеке. Не могу предугадать и не хочу предвосхитить содержание предстоящих наших бесед. Пусть вопросы земляков определяют ход моих рассуждений. О чем говорить писателю с читателями! Разумеется, в первую очередь о том, что волнует. Говорить о жизни в самых разнообразных ее проявлениях. Пусть наши встречи рождают добрые чувства. С волнением и радостью говорю: здравствуйте, земляки! Здравствуйте, родные!

«Новая жизнь», 24 февраля 1978 г.

В СЕРДЦЕ ОТОЗВАЛОСЬ

(Гость редакции)

Председатель областной писательской организации, автор многих книг наш земляк Михаил Федорович Базанков, бывая на родине, всегда не преминет зайти в редакцию районной газеты. А визиты его бывают вдвойне приятны, потому что не обходятся без сюрпризов.-

Год назад, летом 2005 года, Михаил Федорович пришел в редакцию с хорошей новостью — в честь 60-летия Победы областная писательская организация выпустила сборник очерков, посвященных костромичам, внесшим свой вклад в Победу. Среди 30 работ журналистов, выбранных для альманаха, оказались две, авторами которых были журналисты нашей редакции: «Охраняла небо над Москвой» — Галины Трефиловой и «Был месяц медовый войной разделен» — Татьяны Жадовой. Не скроем, было приятно.

К тому же, в тот приезд Михаил Федорович подарил нам свою книгу «Веселья час, или Приглашение в Кострому».

И вот совсем на днях М.Ф. Базанков снова побывал у нас. Повод, разумеется, опять был приятным. Выходит в свет очередной литературный сборник «Кострома», посвященный юбилею Костромской областной писательской организации. В его содержании проза, поэзия, хроника литературной жизни, статьи, посвященные истории костромской литературы. И каково же было наше удивление, а потом и восхищение, когда увидели в этом альманахе (а Михаил Федорович именно его привез и подарил нам) наряду с такими уже известными костромскому (и не только) читателю поэтами, как Галина Милова, Леонид Попов, Сергей Потехин, Татьяна Дмитриева и другие, несколько стихов наших коллег — Татьяны Жадовой и Нины Артемовой. Они были опубликованы в разделе «Дебют». Что ж? Все начинается с дебюта. И наверное, эта публикация послужит для авторов новым импульсом в творчестве, а значит, они порадуют новыми стихами и, в первую очередь, межевских читателей.

Слова поддержки и одобрения М.Ф. Базанков сказал и в адрес нашей газеты: в пору жестокости, признания власти денег и отсутствия моральных ценностей газета сохранила свою человечность и душевность. И то, что главные герои газетных страниц — люди межевской земли всех возрастов и разных профессий — это очень важно и правильно. Главное, чтобы слово автора отозвалось в сердце у читателя.

Конечно, писатель высказал нам и свои замечания, и критику. Работа журналиста — творческая. А творчество предполагает «работу над ошибками». Так было всегда.

На прощание в этот раз Михаил Федорович высказал пожелание когда-нибудь встретиться с межевскими авторами за обсуждением вопросов литературы, может быть, в стенах редакции, а может, в районной библиотеке. Что ж? Идея неплоха. Остается воплотить ее в жизнь.

Галина СМИРНОВА,
редактор газеты «Новая Жизнь».

ОТ АВТОРА

Предлагаю читателям газеты главу из повести «Перед дальней дорогой». Повесть эта включена в книгу «Право памяти», которая готовится к печати в издательстве «Современник» и будет издана массовым тиражом в первой половине 1986 года.

Работая над повестью, я всматривался в конкретные судьбы и думал о том, что совестливая память дает нам нравственную силу. Невозможно честно выстроить свою жизнь без воспоминаний, без особенной, иногда щемящей и горькой связи с тем, что было давно, да вдруг высвечивается сожалением о невозможности уже что-то изменить, исправить, переделать или сказать другое — несуетное, душевное слово самому близкому, а то и просто знакомому человеку. Нельзя прожить свой срок безоглядно, если хочешь осознать, откуда ты родом и почему так складывается судьба. Ничто не было только вчера. Говоря по-другому, происходящее сегодня начиналось когда-то раньше и каким-либо образом непременно прорастает в будущем, непременно отразится в характерах и поступках наших детей. Все сцеплено, все взаимосвязано, наши душевные, нравственные поля постоянно взаимодействуют во времени и пространстве, поэтому никаким прогрессом, никакой стремительностью века нельзя оправдать безоглядность, равнодушие. Пусть выдвигает все новые и новые требования к человеку стремительность века, та самая, являющаяся антиподом памяти, та самая, что увлеченно занята собою, но все равно сыновья и дочери рано или поздно должны будут оглянуться, с поклонами подумать о тех, кто дал им живое время. Неужели найдется способный прожить свой срок безоглядно, без обращения к прошлому? И человек ли он, если без прошлого, если не способен воспринимать нравственные уроки?

1985 г.

НА ОСТАТОЧНОМ ПРИНЦИПЕ

О чем ни заговори — о нравственности, культуре, творчестве, — оглядываешься на деревню, в прошлое. Потому, наверно, что многие тревоги, проблемы обусловлены самочувствием тех мест, откуда ты родом.

Однажды земляк Ефим Иванович Смирнов, работящий старик-долгожитель, показывая свои награды — Георгиевские кресты, не без гордости говорил:

— Чай, полный кавалер, а не как-нибудь. Мы, брат, не лыком

шиты. И за себя постоять, и хозяйство вести можем. Ты вот про дороги сказывал: мол, сколько лет мучаемся. Верно. Дорогу пора иметь бриллиантовую в золотой оправе. За наш-то лес, которого бог весть сколько выкачали. Сами, выходит, простаки...

Он погладил окоренное бревно, на котором беседовали мы, и сказал:

— Ты гляди, на чем сидишь-то...

— А на чем?

— Каждый год — миллионы дает область стране...

Да, миллионы кубометров древесины ежегодно вырубают в наших лесах, а девять тонн газетной бумаги — не на бюрократическую печатную продукцию, на писательский вестник — негде раздобыть. Вспоминается разговор с земляком... Как пойдешь по управленческим, ведомственным коридорам, как получишь отписку на запрос, так и вспомнится.

Начинаем вспоминать культурные традиции, костромскую самобытность. В первые годы Советской власти нарком просвещения Луначарский докладывал Владимиру Ильичу Ленину о высокодуховной жизни Костромы. В городе работала тогда образцовая драматическая студия Попова, ставились оперы, музыкальные комедии, спектакли. Местные издательства печатали пьесы, поэтические сборники, впервые была напечатана повесть Бляхина «Красные дьяволята».

Почти тридцать лет с того дня, когда было ликвидировано Костромское книжное издательство — издавались у нас книги, журнал, альманах, — костромские писатели живут мечтой о возрождении этого издательства. Но даже ежемесячную газету нынче пробить не просто: как это так? а кому это надо? а зачем? — много подобных вопросов задавали и задают до сих пор.

Стало очевидным: писательские организации без печатных органов не могут конкретно помочь молодым литераторам. Без последовательных публикаций, без выхода к читателям невозможно становление будущего писателя. Воспитать его без печатания нельзя. Да и не только в этом дело. Активизация всей общественно-культурной жизни в нашей области, консолидация творческих сил должны происходить на какой-то общей основе, «союзом многих отношений».

Четверть века назад (для значительности звучания применяю эту форму отсчета быстротечного времени) наставники молодых сочинителей слишком часто повторяли: «Не спешите печататься. Набирайтесь впечатлений. Выстраивайте собственный характер. Когда жизнь испытает вас на излом, прорвется индивидуальность и окрепнет голос. Помните: «Поэтом можешь ты не быть...».

Наиболее терпеливые, не избалованные поспешным вниманием ученики сумели сохранить до первой книги свой взгляд на мир, понимание творчества, гражданского долга, чувство слова, правды и красоты. Даже первая книга, вышедшая не такой по настроению и содержанию, какой она могла быть и задумывалась, не отняла надежд на то, что рано или поздно, хотя бы к пенсионному возрасту, получится по-своему, автор будет похож только на самого себя. А другие в другой срок в первой же книге очень здраво напишут, не надеясь, что может выйти лет через десять вторая:

Поздно: учиться «петь-танцевать»,
Шаркать подошвой по жаркому кругу.
Стыдно: поклоны впрок раздавать,
Пылко влюбляться в столичную вьюгу,
Верить пожатью казенной руки,
Честью платить за натужную милость.
Время: свои подытожить долги,
Благо достаточно, их накопилось.
Время: припомнить былые грехи,
Чтоб понапрасну душа не гордилась.
Время: вчитаться в чужие стихи,
Чтоб от своих голова не кружилась.
Время: последнюю выгрести медь.
Но до копейки за все расплатиться,
И до рассвета успеть умереть,
Чтоб на рассвете свободным родиться.

Стихи Леонида Попова (он живет на востоке нашей области — в Вохме) впервые услышали в семидесятых. Книга вышла в 1987 году. Может быть, будет вторая. Но когда? Даже тех, кто начинал в шестидесятых, кому сегодня около пятидесяти, наставники по-прежнему сдерживают: «Не спешите печататься, пусть рукопись годика три полежит в столе, дойдет, так сказать, до кондиции...». Но рукописи выдерживаются слишком долго на пути к изданию и вместе с авторами утрачивают молодой романтический дух, светлое мироощущение. Выбираем, рецензируем, обсуждаем в писательской организации рукопись, рекомендуем ее, а молодой редактор издательства с легкостью отвергает: «Не пойдет!». Не корректирует ли издательская практика стиль и методы воспитания литературной смены? Не настраивает ли она каждого лет до ста расти без старости?

Книготорговцы говорят о падении спроса на тоненькие поэтические книжицы, даже самые малые тиражи будто бы не расходятся. Конечно, выгоднее иметь дело с книжным дефицитом, тут никаких

особых форм торговли искать не надо, нечего придумывать способы общения книгопродавца с поэтом и читателями.

Слышны сетования: залеживаются поэтические книги. Вслушаемся, как это звучит: залежи невостребованной поэзии. В залежах— искренность и дум высокое стремленье? Вдумаемся: что же означает невостребование обществом поэтического дара, таланта, сердца горестных замет? Почему? Не трагично ли это для общества? Уже говорилось не раз о невостребованном поколении, о невостребованном потенциале науки, культуры, искусства.

Дело не только в том, что не изданы поэтические книги. Надо учитывать ущемление чувства собственного достоинства, учитывать деформацию психологии. (Человек ценился не по тому, что отдает, а по тому, что имеет.)

Не только великими событиями живет человечество, не только шедеврами формируется литература каждой эпохи. Единый литературный процесс имеет малые и большие реки; наполняют его чистой живительной силой родники, ручейки, глубинные народные колодцы. Потому и понятно давнее признание нашей поэтессы Татьяны Дмитриевой: «Поэтом местного значения в моей стране остаться Честь».

Почему-то надолго замолчала она после первой «кассетной» книжечки. Причиной тому житейские обстоятельства? Вряд ли только они. Долго не издавался после такой книжки Виктор Лапшин. Не печатается Татьяна Балашова, не готовится вторая книга Владимира Рахматова. Около пятнадцати лет определялась судьба первой книги Юрия Бекишева, теперь она уже скоро появится. Пора иметь книги Елене Балашовой, некоторым ребятам из литературного объединения «Ладья». Представляются возможными поэтические сборники (лист-полтора) Виктора Смирнова, Вячеслава Голубцова. Имею мечтательное представление ускоренного, оперативного издания, выхода к костромскому читателю экспериментально издаваемых книг. К примеру, сборник Виктора Смирнова при участии поэта Анатолия Беляева может появиться через три месяца. Даже название предлагаю — «Сенокос». Пусть выплеснется в книжке многолетняя боль за судьбу российской деревни, пусть сохранится она свидетельством для будущего, для истории.

Кое-кто считает, что такие стихи — плач на одну избитую тему, давно надоевшая ностальгия. Разве искренность нынче уже не в цене? Разве мы преодолели равнодушие к истокам, к центральной российской земле? Разве человеческая, творческая судьба местного значения для нас уже не в счет?

Верхне-Волжское издательство «прокатывает» две костромские поэтические рукописи в год. Существует длинная очередь. Даже принятая рекомендованная писательской организацией рукопись прев-

ратится в книгу через четыре-пять лет. А я говорю о возможностях издания в течение трех месяцев. Опытные сдерживатели могут сказать: не сейте иллюзий, не возбуждайте нездоровый ажиотаж среди неоперившихся юнцов, у нас и члены Союза писателей издаются редко, потому что в стране трудно с бумагой...

Многие годы всюду твердят, что главной причиной задержки изданий является дефицит бумаги. С нее начнем. Весомая в эстетическом, духовном смысле, талантливая книга Леонида Попова имеет натуральный, фактурный вес сорок граммов, а если вычесть вес оттиснутой краски, то она содержит чистой бумаги типографской №1 и того меньше. Экономисты могут сделать и точный весовой, затратный анализ. Мне нужна единственная отправная цифра, чтобы сказать: на издание интересной книги тиражом две тысячи экземпляров потребовалось менее восьмидесяти килограммов «дефицита».

Культура обогащается индивидуальностями. Но как растить эти индивидуальности? Способом сдерживания или созданием условий для развития лучшего, что даровано человеку природой? Риторический этот вопрос предполагает однозначный ответ…

Руководство духовной культурной жизнью — дело непростое, требующее такта, понимания природы творчества и непременно любви к литературе и искусству. Многое здесь зависит от умения пропагандировать культурную политику, проводить в жизнь, от справедливости в оценках и доброжелательности, когда речь идет о творчестве, исканиях писателя, композитора, художника, независимо от места жительства.

Каждая писательская организация имеет свои особенности. И наша — тоже. Средний возраст писателей около 65 лет. Разумеется, они, старшие товарищи, при длительных очередях на издание обеспокоены прежде всего судьбой своих рукописей. Потому не только в тревоге за смену, за молодых авторов, но и по собственным интересам постоянно говорят: «Нужно свое издательство».

Ярославль, владеющий Верхне-Волжским издательством, никогда не даст четырем областям справедливо-равноправной основы. Положение костромских литераторов, в особенности молодых, Верхне-Волжское издательство не волнует, оно поставлено в жесткие условия хозрасчета и будет издавать в первую очередь экономически выгодное. Впрочем, это понимают, об этом заявили давно писатели Иванова, Владимира, Костромы. В дискуссиях идет поиск сочетания экономических, идейно-эстетических, художественных и воспитательных задач, раздаются призывы к изменению нынешней издательской тактики. «Особенно это относится к изданию книг молодых, которое не сулит прибытка в условиях хозрасчета и самофинансирования»

(Ал. Михайлов, первый секретарь правления Московской писательской организации).

Привлекает и такая мысль: нелегкое дело — «селекция талантов», и потому тут без риска не обойтись. «Надо издавать молодых рискуя, надо давать выход к читателю и самым дерзким из них, не укладывающимся в привычные представления о прекрасном. Хозрасчет может стать помехой молодым талантам, и забота писателей старшего поколения — сделать все возможное, чтобы этого не случилось». Беру цитату из газеты «Правда» для того, чтобы еще раз подчеркнуть: проблема эта не только в Костроме, где и при двух-трех писателях издательство существовало. Теперь у нас 21 член СП СССР, 3-4 человека, как говорится, на подходе. Литературный актив — 50 человек. А печататься негде.

Каждая российская областная писательская организация страдает, стареет все с теми же проблемами. Большинство писателей утратили было надежду напечататься и в «Литературной России», в региональных журналах. «Волга», например, журнал даже не для саратовских писателей. Конечно, единственное периодическое журнальное издание не в состоянии уделить внимание всем творческим организациям, удовлетворить интересы 55 миллионов россиян, живущих на берегах реки великой. Вот и предлагают напечатать иногда очерк, статейку краеведческого содержания, а до художественной литературы будто бы интереса нет. Дальнее, давнее, конъюнктурно-острое надо давать, чтобы удерживаться в борьбе за подписчика с монопольными журналами. Придется через десятилетия разыскивать забытое, не опубликованное в наше время и удивляться, как еще жила, создавалась российская литература. И вспомнятся потомкам тревожные слова Виктора Астафьева: «Наиболее актуальной темой для литератора, живущего во глубине России, я считаю разговор о положении российской литературы и о жизни писателя на периферии. Положение здесь бедственное».

Живем во времена глобальных трагических потрясений. Бедственное положение творца и духовного радетеля будто бы заметить некому. А сам он даже не ропщет, утешаясь все тем же родительским наставлением: «Не завидуйте другим. Все у нас есть, а чего нет, того нам и не надо». Терпят, терпят братья писатели. Виктор Лапшин в Галиче давно ждет квартиру, хотя, сочувствуя ему, кто только не хлопотал, не обращался к местному руководству. Семидесятилетний Виктор Куликов в Буе давно мечтает улучшить жилищные «шумные» условия. Борису Бочкареву в Судиславле никак не отремонтируют квартиру. Литфонд приличную сумму перечислил, а на месте все изыскивают материалы, рабочую силу и еще какие-то возможности. В областном центре телефон в квартире писателя

считается излишней роскошью, что уж там о дополнительной жилой площади для рабочего кабинета говорить или о месте для гаража). Таких-то примеров ответственный секретарь любой писательской организации может насчитать, загибая пальцы на обеих руках.

Невнимание к творческим людям — одна из печальных особенностей провинциальной жизни. Инакомыслящих здесь стремятся поставить в унизительное положение. Бережное отношение к любому художнику, как и ко всякому честному труженику, должно быть нормой нашей общественной жизни. А.М.Горький часто ставил такие вопросы: достаточно ли осторожно относимся мы к людям? Достаточно ли умело ценим их работу? Способности? Не слишком ли суровы к их ошибкам и проступкам?

Вглядываясь в историю человеческой души, убеждаюсь в необходимости учитывать нравственное самочувствие человека. Писатель не выискивает репортерские сенсации, он менее других склонен к суете, его дело — думать о путях духовной жизни, определяющей режим общей повседневности…Перемены в людях происходят медленно, с большим трудом. И чем сложнее общественные процессы, тем разнообразнее проявляется человеческая сущность, скверная и добрая, — не потому ли стало очевидно падение нравов? Люди не чувствуют стыда за то, что обижают другого человека. Надо всерьез заниматься не только экологией природы, но и экологией культуры, нравственности. Если мы озабочены состоянием нравственности, укреплением духа и самосознания, то нам не обойтись без перестройки образования, переориентации общественного сознания в пользу детства, школы, деревни, провинции. Знание основ народной морали, культуры и лада, знание истории родного края, умение ценить созданное прародителями и чувство собственного достоинства закладываются с детства. Нужно создавать условия, материальную базу общекультурного строительства именно в глубокой провинции, в самой народной среде. Децентрализация культуры неизбежна.

Уверен, требуется иное, уважительное отношение к учителю, художнику, писателю, артисту. К каждому мало-мальски одаренному человеку. Надо увидеть, понять, оценить «местное творчество». Да — и способом создания для него условий. Оглядимся, чтобы понять то, что имеем. Будем уважать свое, не полагаясь на заморское, привозное, от других корней и традиций, потому чуждое нам. Привозная массовая культура духовную жизнь в провинции не выстроит. Нам нужны в Костроме, в районах свои культурные центры, дома интеллигенции, различные студии, школы. Требуется свое телевидение, чтобы ученый, артист, художник, журналист, писатель вели пря-

мой разговор с земляками о наболевшем, убеждали, просвещали. Нужны свои культурные программы, газеты, альманахи, журналы. Пора возрождать Костромское издательство. На культуре экономить больше нельзя.

Михаил БАЗАНКОВ,
«Литературная Россия», №36, 08.09. 1989г.
(Печатается с сокращением).

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Литературные заметки

1.

Реальность естественной, искренней жизни, в ладу с природой и здравым смыслом, от нас ускользает. Призрачные цели, навязанные атмосферой выживания, создают безличностный параллельный мир бездушия, заполненный лишь суррогатами чужого образа существования. Все большее число людей барахтается в нем, уже не вспоминая особенности своего предназначенья. Они изменяют сами себе точно так же, как их предают другие. Двойное предательство избавляет от совести, чести, достоинства. Притупляется, выветривается практицизмом чувство родины, государства, родного языка и культуры, отечественной истории. О национальном достоинстве, патриотизме будто бы не принято и даже опасно вспоминать. Русская литература еще недавно вся светилась любовью к родному слову, оберегала «великий, могучий русский язык», добавляла ему новые краски и живые соки. Сегодня в этом достоинстве она оказывается невостребованной — не на душевном, а на государственном уровне. Исчезают разве писатели, философы, мудрецы, сказочники и сказительницы, способные словом бороться за правду и справедливость, создавать наиболее емкую картину общих страданий и радостей? Немало было сделано для того, чтобы литература добра, сострадания, нравственности, красоты, духовной опоры оказалась отстраненной.

Известный писатель-антифашист настойчиво задавался вопросом: «Что было бы, если бы...?» в его стране сохранился гитлеровский фашизм? Настойчиво и упрямо твердил он еще и еще раз, что вряд ли бы библиотеки вообще сохранились, а на первых полосах всех газет мира однажды появилось бы сообщение о публичном сожжении книг. Герман Кант писал и о том непреложном факте, что литераторы тех стран, куда вторгалась гитлеровская армия, попадали во главу списков зачисленных в смертники, как «видные личности».

Фашизм «обеспечивал» писателям завоеванных стран роль ведущей духовной силы и, сознавая это, торопился их уничтожить, чтобы навсегда замолчали.

Совсем недавно молодой писатель Александр Трапезников заметил: «Раньше в литературу приходили поколениями. Шел вал за валом. Это было широко, массово поставлено, но действительно обеспечивало преемственность». В то время было гораздо больше шансов состояться, например, провинциалу. Профессия писателя не была опасной, сегодня — это зона «повышенного риска». Вместо идеологического давления и несвободы мы не свободны экономически, это очень унизительно. За нами идут два поколения потерянных для литературы; они сориентированы на деньги.

Рискую поставить рядом огонь, пожирающий книги, и огонь чистогана, убивающий душу. Рискую для того, чтобы напомнить еще об одном провидчески предупредительном «Пожаре». Герой повести Валентина Распутина Иван Петрович страдал от того, что развелось невесть сколько каких-то легких людей, которые ни к какому делу душевно не привязаны, живут, как перекати-поле. Он вспоминает о том времени, когда жизнь крепилась привычками и законами общего и слаженного существования, люди держались вместе, чтоб выстоять. В войну спасались, в послевоенные годы спасались и вдруг все «перевернулось с ног на голову, и то, за что держались еще недавно всем миром, что было общим неписаным законом, твердью земной, превратилось в пережиток, в какую-то ненормальность и чуть ли не в предательство». Даже имеющие достаток не живут с уверенностью в завтрашнем дне. Человека словно бьет озноб, и озирается он беспокойно по сторонам. «Не весь, стало быть, достаток, чего-то не достает. Себя, что ли не достает — каким мог он быть при лучшем исходе, и эта разница между тем, чем стал человек и чем он мог быть, взыскивает с него за каждый шаг отклонения».

Но вот беда: сумеет ли человек чувствовать, осознавать это взыскание, проснется ли в нем совестливая душа? Изведав мрак тягучей и жуткой ночи в циничной сытости, сможет ли он понять и оценить, что такое свет, который приносит подлинную радость бытия? Может быть, удовольствуется он принадлежностью к поколению с «новыми ценностями»? Исторический опыт показывает, что новое поколение формируется за десять — пятнадцать лет. Повесть «Пожар» появилась чуть больше десяти лет назад, к началу перестройки, но провидческое предупреждение не сработало. Только сегодня мы это почувствовали с сожалением. Столичные специалисты из Независимого института воспитания, такие, как известный педагог и писатель Юрий Азаров, создающий «живую педагогику» средствами прозы, философии, живописи, предвидя возможную общую беду-погибель, считают ее следствием дурно постав-

ленного или попросту захороненного воспитания. Жестокие всходы уже очевидны: полтора миллиона подростков не учатся и не работают, «совершенствуются» виды подростковых преступлений, а в атмосфере вседозволенности, рыночного цинизма, презрения к великим гуманитарным идеалам века, по словам педагога и писателя, складывается неслыханный и невиданный ранее ни у нас, ни за рубежом тип молодого человека без веры в завтрашний день (куда уж тут ближние, средние, дальние перспективы!), человека, отрицающего семью, родство с другими людьми. Результат отказа от традиционных, свойственных простому человеку ценностей, от заботы о детях, о школах — появление новых людей с фантастически развитыми паразитарными наклонностями, с абсолютной верой в то, что в жизни можно только брать... Если из названных полутора миллионов, продолжает Азаров, лишь пять процентов индивидов реализуют себя в разбое и поджогах, то «Россия с ее грязными рынками, с лавочной психологией, с армией берущих взятки чиновников взлетит на воздух. Будут сметены и преданы огню награбленные ценности разжиревших нуворишей, американизированных циников, ведающих нынешней культурой, образованием, будут раздавлены легионы парламентариев и администраторов с их наплевательским отношением к традициям, к любым указам, в том числе и президентским — имеется в виду и указ номер один об образовании молодого поколения («Литературная газета», № 21, 24.05.95 г.). Вот вам и «перспектива», о которой предупреждали произведения Ф. Абрамова, В.Белова, В. Астафьева, В. Распутина и других русских писателей. Десять лет назад дискуссия о «Печальном детективе» привела разных критиков к суждению о том, что это произведение с предельно допустимым в литературе уровнем «правды жизни». Но уже прорывалась «другая проза», побеждал, по мнению Павла Басинского (участника беседы о постсоветском времени и новых проблемах культуры и литературы в редакции журнала «Москва»), какой-то странный, извращенный вариант «барской» литературы, нервической, высокомерной, клановой». В литературе стали господствовать «антиподы» положительного героя», приведенные Т.Толстой, В.Ерофеевым, Е.Поповым, В.Нарбиковой и другими представителями «новой прозы». К тому же все было сделано для развернутого наступления чужеземной массовой литературы, поющей во имя дохода по преимуществу два «гимна» — «торжествующему телу» и «торжествующей свинье» (К. Кокшенева). Средства массовой информации под новую «идеологию реформ» быстро формировали большую аудиторию потребителей греховной литературы. В ней-то и оказались преимущественно люди молодые, в том числе и те полтора миллиона подростков без учебы и работы, о которых говорил профессор «живой педагогики». Правда, он, Ю.Азаров, на всякий случай подчеркнул, что не собирается нагнетать и без того накаленную атмосферу,

а только хочет предостеречь , при этом веря в лучшие времена и в талант нынешних детей, из которых сформируется через 10 — 15 лет новое поколение. Да, сорок миллионов учащихся, большой отряд студентов, находящихся под опекой униженных учителей и преподавателей, и есть нынче формируемое поколение — наше будущее. Но что получает сегодня, по каким понятиям, ориентирам, ценностям входит в демократическую жизнь это поколение? Верим и мы в лучшие времена, надеемся на здравый смысл и законы самой жизни, тоже разумеем, что спасение заложено в провинции, в скромном трудовом бытии. Вспоминая вечера «громкого» чтения из своего детства, когда книга воспитывала и учила, радуемся возвратному упованию на Слово, которое было вначале. «В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не обьяла его».

Нам еще предстоит, опираясь на Слово, выбиваться из глу-бокого экономического, нравственного и культурного кризиса, деликатно возвращаться к национальному самосознанию и достоинству, к пониманию родного языка, словесности как основы воспитания и культуры. Потому деятели культуры не первый раз обращаются к общественности и власть предержащим с напоминанием о положении школы, о роли литературы в формировании личности. Вопреки заложенным в государственное дело образования тенденциям при языковом беспределе необходимо увеличить количество обязательных (базовых) часов на русский язык и родную литературу. Нам еще предстоит общими усилиями, последовательной работой с уважением к собственным достояниям выстроить не только праздничные дни славянской письменности, но и другую повседневность с возможностями стать грамотнее, чище, лучше, мудрее.

2 .

Откуда, от каких истоков приходит ко всем славянским народам этот праздник? Кто и когда вспомнил, как все начиналось, кем осмыслено явление? Уже создается летопись праздника славянской письменности и культуры, в которой должны быть и костромские страницы с учетом нашей истории, нашего опыта и самобытности. Просвещенные люди знают и помнят: 24 мая — День памяти первоучителей славян, создателей славянской азбуки братьев Кирилла и Мефодия, поэтому, не забираясь в глубину веков, оглянемся на ближний к нам — девятнадцатый. В 1825 году историк М. П. Погодин издал переведенное исследование чеха Йозефа Добровского «Кирилл и Мефодий, славянские первоучители», надеясь этой книгой пробудить в обществе интерес к родным историческим и духовным корням. Но научные круги не заметили, не откликнулись да и ученых-словесников было немного. Только через десять

лет были созданы в четырех университетах кафедры по истории и литературе славян. На 1862 год совпали два великих праздника: 1000-летие России и 1000-летие славянского перевода Библии. Иван Аксаков писал тогда: «Как ни скромно было торжество 11 мая, оно все же было выражением не одной пробудившейся поздней признательности к творцам Славянской письменности, но и возникшей в нашем сознании идеи Славянства. Это празднество служит залогом будущего духовного воссоединения всех славян, звеном, связующим разрозненных братьев». Потом было тысячелетие преставления Кирилла, а в 1885 году — старшего из братьев Мефодия (5 апреля). Это и была дата верхней точки в истории чествования Словунских братьев. В Москве было торжество особое, на литургии в Храме Христа Спасителя присутствовали ученики — по 10-15 от каждой московской школы...

К концу века и в начале двадцатого разрастались другие настроения. В 1909 году состоялся первый выпуск «Энциклопедии славянской филологии». Затем воинствующие безбожники взбунтовались против святых, равноапостольных. Правда, к 1100-летию создания славянской азбуки в 1963 году провели конференцию, но она не свидетельствовала о возрождении праздника славянской письменности: с десяток научных докладов, сотни две слушателей. Нужен был другой праздник, общенародный. Писатели мечтали о таком. Нашелся смелый радетель — мурманский писатель Виталий Маслов. Целый год, полулегально начав осуществлять свой замысел, готовил с помощью школьных учителей, работников культуры базу для возрождения праздника. И 24 мая 1986 года задуманное удалось осуществить... А на следующий год вологжане реализовали более богатую и разнообразную программу: участвовали писатели, критики, историки, фольклористы, литературоведы. Пресса на сей раз проявила интерес. Затем — Новгород, Киев, Минск, Смоленск. И вот — Москва, наконец. Праздник пришел из провинции в столицу, теперь уже на законном основании: постановлением Президиума Верховного Совета России от 30 января 1991 года 24 мая официально признано Днем славянской письменности и культуры. Общенародный, славянский праздник, а не только эстафетно передаваемый из одного города в другой. Но центр его — обязательно формируется в одном из городов: после Москвы — Херсонес, Салоники, Владимир, Белгород. При Фонде славянской письменности и культуры издается «Славянский вестник». Стали как бы традиционными уроки Слова, литературные конкурсы, фольклорные фестивали, дни литературы, выставки, поэтические вечера. К празднику издаются книги и художественные, и по истории отечественной культуры, потому что он обращен к истокам. Тут

главное внимание повседневной работе на возрождение духовности, а не просто массовке, шествию. Конечно, нам по душе массовость и красота народного праздника, в котором каждый может проявить себя, поучаствовать в шествии, посмотреть величественную литургию в храмах, приобщиться к Слову. Праздник прежде всего надо обратить к молодежи, школьникам и студентам, чтобы пробудить у них интерес к национальной культуре, к родному богатому и живописному языку, не опошленному суррогатами инородного происхождения. Пусть они узнают, поймут, что язык — первоэлемент культуры.

Кострома щедро одарена историческим, литературным и фольклорным наследием, потому взоры многих радетелей такого праздника были обращены к нам. Несколько лет назад после съездовских заседаний писатели-волжане в вечернем общении вспомнили о празднике славянской письменности с удивлением: почему впервые состоялся он не на «Золотом кольце», а в северном городе? Нижний Новгород, Кострома и Ярославль очень даже заслуживают такой чести, есть тут достаточно оснований для почтения к славянской письменности. Старший из нас Семен Шуртаков, нижегородский по происхождению, проявлял особенную активность — натура у него такая беспокойная. (Хорошо знаю уже много лет этого писателя, целый год руководил он нашим семинаром прозы на Высших литературных курсах). Показной его активность не бывает: если явилось слово — и дело будет.

Присылает он «летопись праздника» с автографом «в надежде, что тщанием писателей праздник сей пойдет по всей Костромской земле вширь и вглубь». Не трудно почувствовать воспоминание о разговоре волжан и доброжелательный намек на то, что праздник этот — не однодневка, не для писателей только важен и предназначен в первую очередь для детей и внуков наших, обязует к заботам о культуре, духовности и чистоте родного языка.

Без согласования усилий творческого работника, священника, учителя, ученого, библиотекаря, администратора, издателя не обойтись. Без поклонов истокам, нашим предшественникам значение Слова в полноте не осмыслить. Живое общение с желанием постичь основы славянской объединительной культуры — надежный способ движения к празднику. Администрации районов, города и области, управление образования, комитет по культуре, Костромская епархия, творческие союзы — все должны быть заинтересованы, единым стремлением сроднены с момента согласия на проведение этого праздника в Костроме.

И не один-два дня, а на целый год, лучше бы — навсегда. Вот и потребуется нам почтение к собственным достояниям. Отныне, ве-

роятно, литераторы, ученые-словесники, историки и другие учителя и преподаватели, все работники просвещения и культуры окажутся в почтении у администраторов разного ранга. Вероятно, удастся улучшить общую житейскую атмосферу, внести коррективы в культурную политику. На это надеюсь.

Праздник славянский давно носим в душе, только не востребован он был длительное время. Теперь все как бы впервые, хотя костромичи уже имеют опыт работы не только на день сегодняшний. И в смутное время не растерялись, неопустили руки. И театр, и дом народного творчества, и музей, и новые книги им нужны. Не только в областном центре. Центр здесь — понятие географическое, административное. Размышляя о судьбе нации, отечественной культуры, мы все чаще с надеждой уповаем на периферию, провинцию. Потому и общий костромской праздник лучше выстраивать волнами оттуда — из районов, с деревенской улицы, из сельских школ. Словом учителя, повторенным детскими голосами. Пусть Оно будет вначале. И слово священника. И слово писателя.

Праздник идет. Предложение главы областной администрации, архиепископа Костромского и Галичского Александра принято министром культуры Е.Ю.Сидоровым. Началось согласование замысла. В блоках программы, рассчитанной не только на три майских дня, найдется место всем. Важно, чтобы Всероссийский праздник в Костроме получил свой особенный колорит, чтобы он не промелькнул ярким фейерверком, после которого кроме легкой дымки разочарования ничего не останется ни в памяти, ни в душе. Пусть он принесет хотя бы новые знания тем, в ком уже укрепляется чувство любви к родине. Пусть не окажутся отторгнутыми официозом и пышностью именно работающие на культуру. В первую очередь я имею в виду писателей, словесников, учителей, желающих увидеть подлинное уважение к письменности, к Слову, предметно выраженное в новых изданиях. Пыль суеты осядет, а книги останутся...

Можно возродить альманах «Кострома», издававшийся сразу после войны и в пятидесятые годы. Пора завершить издание библиографического справочника «Писатели земли костромской». Нужна антология костромской поэзии. При таком богатом литературном наследии мы не имеем в Костроме литературного музея. Наступает самый подходящий момент осуществить и эту мечту. Уверен, что после праздника останется много полезного, если планировать, готовить и проводить его с учетом своих условий, особенностей и перспектив, помышляя не только об эффекте и ублажении на один день. Именно с этих майских дней, наверно, появится какая-то своя добрая традиция... Произойдет и консолидация творческих сил, для этого созданы предпосылки.

3.

Обращаюсь к изданию с прозаичным названием «Региональные программы по общеобразовательным предметам для школ Костромской области», но нахожу повод для радости. Доверительно воспринимаю первую фразу объяснительной записки к программе по литературе — предмету моего сердца и призвания: «Изучение литературы на современном этапе сопряжено с весьма существенными трудностями». Верно сказано: трудности вызваны ломкой устоявшихся представлений о ценностях, мучительным и подчас драматическим переосмыслением того, что сложилось веками и не подвергалось сомнению или отрицанию. Отдадим должное нашему душевному принципу не отрицать поспешно, а только осмысливать и учитывать сделанное до нас, не боясь «почти инстинктивного недоверия к истинам авторитарным». Но мнение старших не поспешим отмахнуть — вот хотя бы такое: «Наши идеалы изменились, — говорил земляк Виктор Сергеевич Розов, вспоминая свое детство. — Хотя время было жестокое, но дома, в кругу друзей, и в кругу учителей мы воспитывались в понятиях добра, справедливости, чести... А сейчас главный лозунг — «обогащайтесь». Это — мерзкий лозунг, который никогда не может быть стимулом для творчества». Смыкается мысль с тем, что говорил профессор Азаров, упоминаемый выше. Согласуются взгляды на трудности преподавания литературы. Ученые, писатели, составители программы ориентируются на краевую (региональную) культуру, изучая которую, ученик откроет для себя, сколь богата духовно именно эта земля, почувствует сердечно, какая трепетная мысль билась во все времена в краю отцов, дедов и прадедов. И надо помочь ему в этом, предоставляя дополнительные возможности, в том числе — изданием хрестоматии. Педагогический университет, управление образования, администрация сделали важный шаг к сотрудничеству ученых, литераторов, учителей. Перед праздником славянской письменности они жизненно и конкретно ставят всех нас перед необходимостью возвратиться к опыту Ивана Дмитриевича Сытина (его день рождения будем отмечать в мае). Мы не имеем права предавать забвению его грандиозное дело: он издавал и распространял в широких народных массах сотни миллионов хороших книг, провел их в самые глухие углы нашей родины, сделав по дешевизне доступными неимущему рабочему и бедному крестьянину. Впервые в нашей истории И.Д.Сытин предпринял выпуск Народной, Детской и Военной энциклопедий. Книги его были дешевы, портативны и легко могли проникнуть туда, где нет ни лекций, ни лабораторий, ни музеев, ни библиотек. Начав великое дело с единственным достоянием — нравственным здоровьем и кресть-

янской любовью к труду, при почтении к Слову он накануне первой мировой войны давал стране четверть всей книжной продукции. Писатель Леонид Андреев с пафосом приветствовал «его безошибочное чувство жизни», приведшее на тот единственный путь.

* * *

Председатель Союза писателей России, услышав новые стихи из провинции, признался, что у него нарастает чувство беспокойства за Москву. «Почему она живет своей жизнью, своим взглядом, своей литературой потусторонне, а Россия — своей?»

Не вызвано ли это пренебрежением к народной глубинной жизни, к некрикливому здравому смыслу? Не получает ли преимущество в жизнеустроительном смысле наше терпение и наше старание обратить взоры на собственные достояния, оценить по достоинству и сохранить каждый честный совестливый голос, услышать праведное Слово? Каждой новой публикации радуюсь: наконец-то Москва услышала еще один голос с костромской стороны. Раньше были услышаны голоса В.Шапошникова, В. Лапшина, Л. Попова... Так получилось сегодня — душе не прикажешь… Мог бы говорить о многих других. Надеюсь, что буду понят в искреннем желании вывести к читателям одаренных людей так, чтобы услышаны были голоса не только поэтов, но и прозаиков. Надеюсь и прошу земляков: за рыночной суетой, в борьбе за экономическое оздоровление не забывайте о душе, о нравственности и культуре, не забывайте, что рядом с вами живут, работают, сжигают себя в раздумьях ради других и Отечества люди, владеющие божественным глаголом. Не видеть, не знать их, не помогать им, давно знающим цену Слова, — обкрадывать себя, свою землю, свою Родину. Наверно, каждый новый администратор должен начинать свои первые встречи прежде всего с писателями, чтобы сразу же отличить подлинных радетелей духовности и культуры от поспешных ловкачей-самозванцев из литературных кружков с миллиардными претензиями. Однажды на все времена было сказано: талантам надо помогать, бездарности пробьются сами...

«Вестник университета», №1, 1996 г.(С сокращениями)

А ГОДЫ ПРОХОДЯТ...

Хрипло и печально гордился негромкий седой певец: «Мои года — мое богатство». И я, увлеченный мудрой книгой, обратил на него внимание лишь потому, что за несколько страниц до того останавливался в чтении, долго размышлял над словами одного из самых значительных скандинавских писателей, доказавшего своей судьбой в

общем-то простую истину: годы не дают мудрости, кроме старости, годы не дают ничего. Море перемывало Коктебельские камешки, тихо и рассудительно беседовали поблизости литераторы-ветераны, а многократно записанный перетертый голос певца вздрагивал, повторяя припев. В эти минуты острее, пронзительнее было сочувствие к старшим и к тем, кто еще только выстраивает свое мнение о прошлом и настоящем, начиная каторжный творческий путь. Тем и другим не сладко, потому что многолетнее презрение властей к интеллигенции зашло так далеко, пренебрежение к культуре выражено торопливым почтением к коммерции, духовная и материальная сферы обветшали. Многие российские издательства давно ликвидированы, укрупненные (на три — четыре области) озабочены поиском способов выживания не на хлебе только, а чтобы с «валютными» деликатесами, писателей от себя отталкивают все сильнее, хитрее и дальше, отдают все бумажные фонды под договорное, сверхприбыльное издание рыночного чтива. Не о душе коммерсанты пекутся, не о культуре и нравственности, тон в издательских советах задают книготорговцы, огульно «презирающие» поэзию. Да что говорить. Нет потребности в культуре, в горестных заметах сердца. В очередях (за насущными «дефицитами») никто не вспоминает, что культура чувств, любовь к поэзии, понимание прекрасного очищают и возвышают душу. А годы проходят... Кроме старости, годы не дают ничего.

О, если бы человек с юных лет мог это осознавать. Другим было бы отношение к своему краткому сроку, к своим силам и способностям, иным было бы отношение и к тому, что делают, создают, переживают другие. О, если бы в пору первых шагов по дороге российской словесности сотни дерзающих юношей были вовремя ободрены, поддержаны публикациями, если бы у каждого из нас был достаточный запас прочности, чтобы выстоять под натиском лицемерных наставников, сдерживающих все, что не укладывалось в рамки тоталитарной бюрократии. Одним не хватило выдержки, другим одаренности, кто-то измучился в тупиках формальных изысков, воображая себя экспериментатором, кто-то, изменяя самому себе, свойствам своей души, утонул в подражательстве, в страстях групповщины.

Каждый проходит через свои пробы и ошибки, от этого нет оборонительного лекарства, разве только сама жизнь, иные условия существования могут избавить от части напрасных усилий. Разве сама словесность, народность, правда бытия, искренность сочинений без пресловутой «идейной борьбы», без поиска «врагов народа», разве созидание милосердия, братства, добра не придают силы литераторам? Но и они, создатели честных произведений, в одиночку не в силах ничего изменить, если по-прежнему останется дефицитной общая культура, если не займемся культурой среды, отношения к труду, нравственнос-

тью человеческого общенья. Если страна не научится дорожить одаренными людьми, создавать для них условия благоприятствования. Если общество не осознает давно сказанное одним из российских мыслителей: провинция наиболее надежно формирует художника. Приходится напоминать, что в провинции всегда, даже в самые смутные времена, существовала блистательная устная народная литература, почти в каждом крестьянине обнаруживался сочинительский дар божий. Свои сказки, песни, частушки, житейские истории, анекдоты, прибаутки, байки. От всеобщего технократического «одебиливания» общество спасают сочинители. На Руси писателей раньше называли так.

Читаем классику, лучшую «возвращенную» литературу, «деревенскую прозу» и вновь понимаем, что она единственная в своем роде, в ней много мастеров мирового класса и немаловажного «местного значения». Она и сейчас, поспешно обруганная столичными специалистами, считается мировым феноменом, потому что дала особый всплеск и сказала правду о своем народе, она родилась из народных страданий. Обнаружилась ее правота сегодня — вот что важно. Останутся бессмертными книги «деревенщиков», сколько бы ни бесновались гонители, приговаривающие к кончине деревенское направление русской литературы. Как же это происходит, ради чего вытаптывают, вновь сдерживают в журналах, издательствах то, что повествует о современной глубинной жизни? По периодике литературный процесс не чувствуется. Сложилось впечатление, что замолчали нынешние сочинители.

Есть на то причины? Время такое? Происходит процесс накопления?

Читаю давние неоконченные рукописи. Повести, поэмы, романы, рассказы, стихи. Возвращаюсь к тому, что сегодня принято печатать под рубрикой «Из неопубликованного и забытого». Читаю рукописи старших и понимаю трудности каждой судьбы.

Пятидесятые, шестидесятые годы... Читаю краеведческие материалы, воспоминания фронтовиков. Столько боли, страданий, надежды на справедливость, на полную правду. Неужели все останется невостребованным? Неужели история творческой души никому уже не интересна?

И в глубокой костромской провинции всегда были писатели, которые не могли покоряться конъюнктуре, несли в литературу боль и тревогу. Павел Катенин, Алексей Писемский,Иван Касаткин, Сергей Марков, Леонид Воробьев, рожденные в разных веках, по родству характеров и творческих позиций встают передо мной в один ряд непокорных провинциалов. Есть личности значительнее? Конечно, найдутся. А не именитых, не отмеченных премиями, званьями, наградами забыть следует?

За семьдесят лет стремления к светлому будущему много было отверженных, забытых, охаянных. Дорого обошлась нашему обществу диктатура в духовной жизни. Заново приходится искать духовные ориентиры. Толстовские вопросы (и этот титан был охаян за непротивление злу насилием) — что есть добро и зло, что есть совесть, культура, нравственность, как должна протекать духовная жизнь — остаются злободневно поставленными. Сегодня литература имеет достаточно оснований, исторического опыта для уникального положения а культуре. Она опять сострадает униженным и оскорбленным. История человеческой души всегда была драгоценной и обязательной ее частью. Печаль, гнев, искренность, добродушие определяют подход к осмыслению жизни. Только низменные, невеликодушные и потому в общем-то безнравственные натуры могут сладострастно лелеять долгое время в груди мстительное чувство к коллегам, к своему народу и тем самым сжигают в себе художника опустошающей целью. Истинный писатель не ищет виноватых для отмщения, он пытается понять мотивы человеческих поступков, потому гнев его особенный, сострадающий. «Кто живет без печали и гнева, тот не любит Отчизны своей». Но искренние, гневные, в этом смысле, сочинители нередко остаются непонятыми, поощрительных публикаций не получают, даже их «недометанный стог» берется под сомнение осторожными редакторами.

Каждая творческая личность нуждается в особом подходе, понимании. В каждой судьбе — отметины пройденного пути, болевые рубцы пережитого. На долю старшего поколения столько выпало испытаний, не все выстояли, выдержали, чтобы не сломаться. Кажется, вот-вот кто-нибудь из них выйдет на такие откровения, без которых правда эпохи осталась бы урезанной... Не повторения достигнутого ожидаешь, не торопливых сочинений на злобу дня, не умильно-созерцательного описания окружающего, а философского осмысления нашего горького провинциального житья, наших российских невзгод. Верю в открытия, еще не поздно.

Нынешний читатель охоч до сенсаций. Поддаться истерии легко, только делу это не поможет. Истина превыше моды, суеты, крика. Сам способ писательского отношения к жизни, специфика труда учат долготерпенью.

Оглушенные правдой о трагедиях прошлого, люди перестают замечать трагедии и драмы в своем времени. Печально, что теперь мало кого интересует, как написано сочинение (подавай захватывающий, погоночный сюжет, «порнуху» и «чернуху»), с какой болью написано, каким слогом. Интересует: о чем, насколько хлестко и зубасто. От прозы требуют освещения проблем по пятилеткам, будто уже не существуют вечные вопросы, будто политизация разрешит

все нравственные конфликты, будто горячность речей заменит движение подлинного чувства. Если литература откажется от главного своего назначения, от того, что составляет ее силу — от эмоциональности, художественности, займется только публицистикой или «развлекаловкой», погрузится целиком в идеологические, социальные или хозяйственные проблемы и станет пренебрегать историей человеческой души, то непременно превратится в прислужницу. А сама литературная среда измельчает, передерется. Уже есть такие активные творцы-низвергатели среди депутатов, обозначаются они и в литературных кругах. Дождались своего часа, дожили до цеховых скандалов активисты, настроенные утвердиться не творчеством, а за счет смуты? Тешатся тем, что кого-то брыкнули, зацепили побольнее, ударили, оклеветали.

Может быть, уже оправдывается характеристика современной ситуации, как противостояние обманутых душ. Неужели больше не учитывается психология творческого человека, а в ходу только умение противопоставлять одних другим ради того, чтобы для себя расчистить дорогу? Такие действия совместимы с талантом, с заботами сочинителя, художника, творца? Талант и работой, и поведением своим не ублажает средний уровень. Разве можно представить, чтобы Лев Толстой, Иван Бунин, Антон Чехов, Николай Гоголь по какой-либо причине отказались от литературных, писательских забот? Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, став депутатами, не изменили высокой российской словесности.

Но ведь есть и такие, кто специализируется на коллективных жалобах, на бескультурье, на самой настоящей злобе, на криках с пеной у рта.

Приходится повторять: годы не дают мудрости, кроме старости, годы не дают ничего. Приходится тяжело вздыхать, жалея и сочувствуя.

Не хочется забывать о настоящей литературе, как о высокой словесности. Но замечаешь, что нынешняя ругательность взаимоотношений между людьми переходит в сочинения. Сколько прокатилось журнальных публикаций без исконно русского языка, построенных на суррогатах и жаргонизмах. Забывается (или преднамеренно вытесняют?) народная чистая, образная речь. Выметают ее не только из бытового, но и литературного обихода. Будто не в России писали Пушкин, Аксаков, Есенин, Бунин, Чехов, Горький, будто и нет у нас традиций, опыта высочайшей языковой культуры. Будто нет у нас надежного народного истока. И другие из провинции тоже говорят о таких печалях.

Ерничанье, матюганье, натуралистическая пошлость, какой-то похмельный балдеж — становятся приметами «оригинальности».

Некоторые авторы накручивают сюжеты с кровью, ругаются, разносят, опошляют все на свете. Чтобы под шумок напечататься...

Писатель — учитель российской словесности, письменник. Самобытность костромской прозы и поэзии определяется в лучших произведениях прежде всего ненавязчивой сюжетностью, сдержанностью слога, знанием корневого языка. И потому новые надежды связаны с работой тех, кто придерживается этой самобытности, отличается выдержкой и сосредоточенным трудом, а не тех, кто спешит проявить себя а яром критиканстве, тратит время на шумливую активность.

Вспомнился давний завет: должно приучить россиян к уважению собственного. Оказывается, мы плохо видели, знали, понимали и ценили лучшее в людях, не умеем еще применять во благо собственные достоинства — в этом одна из особенностей провинциальной жизни. Красота гонима, искренность подозреваема, а отсутствие коварности, изворотливости будто бы является признаком серого провинциализма, не способный ханжествовать будто бы усложняет жизнь себе. О светлом в людях уже не принято говорить и писать, ретроградством считается интерес к традиционной русской прозе, не престижно восхищаться удачами поэта «местного значения», вроде бы невозможно, грешно любить творчество неизвестного писателя.

«Литературная Кострома», №11, 1990 г.

(С сокращениями)

ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБОРА ОТНОСИТЕЛЬНА

Нетрудно представить растерянность некоторых (и себя в том числе) избирателей, получивших в день выборов пять бюллетеней для тайного голосования. А в каждом листке еще несколько фамилий. Прочитать — вычеркнуть, не задумываясь?

— Что с ними делать-то? — замешкавшись, спросит добросовестная Мария Ивановна. — Наверное, люди все хорошие... А которого оставить, которого вычеркнуть? Не знаю. Видеть не видела, слышать не слышала.

Как же, думаю, выбрать, кто наиболее достоин? Ведь, кроме послужного списка кандидатов, ничего не известно.

Вот бюллетень, в нем шесть претендентов на депутатское место

Округ шестой. Первый в списке, так по алфавиту подошло. Кто он, чей, откуда? И о другом кандидате избиратель может так подумать. Встречи с ним не случилось почему — на встречу не пригла-

шали. Сами в дом не приходили. Постеснялись, наверно. Считают, что неэтично незваным приходить.

Да и что будет, если все двадцать-тридцать кандидатов в депутаты со своими доверенными лицами (у каждого не менее двух) начнут стучаться в квартиры? Совестливый человек таким приемом саморекламы, пожалуй, не воспользуется.

Выходит, в списках неузнанные кандидаты. Вычеркивать придется по принципу: кто под руку попал... Потому что кандидаты весь предвыборный период находились в условиях ограничения нынешней .кампании.

В газетах, по радио, на редких немноголюдных встречах, собираемых не всегда охотно и честно, о кандидатах говорят похвально: хороший руководитель, мыслит по по-государственному. Делает государственное дело. Такие характеристики чаще даются представителям той или иной администрации. Так было при выборах в Верховный Совет СССР, так практикуется и сейчас. Формируются отряды «государственных мыслящих»?

А тот, кто критикует бюрократию, кто защищает Волгу, кто против строительства атомной электростанции, кто борется за правду и социальную справедливость, за внимание к деревне, к трудовому человеку,— они все как мыслят? Эти искренние, беспокойные люди, живущие заботами о лучшем жизнеустройстве для каждого человека, разве заняты частными делами?

Административно-государственных чиновников у нас всегда хватало. Но почему за десятилетие они не смогли обеспечить элементарный порядок ни в одной отрасли, обеспечить продовольственный прожиточный минимум? Чем были заняты избранники народа в течение нескольких десятилетий? Почему они, называемые слугами народа, превращались в машину голосования и тем самым потворствовали беззаконию? Значит, было нечто выше народовластия. И потому теперь перво-наперво следует обеспечить полноту власти.

Но вот вопрос: кто будет пользоваться этой полнотой власти, какие люди получат ее? Что они осознали и осмыслили в нашей действительности, прошлой и настоящей? Задумываются ли над тем, почему при гласности, которая вроде бы начиналась с информации о сталинских порядках и кое-что «допустила», о Брежневе, Хрущеве, недостатки списываются на ушедших? При государственном «мышлении» народных избранников уповали то на погоду, то на последствия татаро-монгольского ига или крепостного права, то на культ личности, субъективизм или волюнтаризм. На кого же списывать беды, когда будет обеспечено полновластие Советов, когда практикуется гласность и плюрализм,

ради чего смели «начать»? На кого станут уповать новые депутаты? Тут-то и встает вопрос о широте взгляда на жизнь, о способностях, об ответственности.

Депутату любого Совета нужна способность видеть и мыслить дальше своей профессии, своих служебных обязанностей. Он должен преодолеть в себе административного функционера, взращенного тоталитарной системой. Придется думать о жизни при всех противоречиях как о едином целом, под одной крышей, в одном доме, чтобы не растаскивать ее по ведомствам, районам, улицам, райкомам и райисполкомам. Нет, я не за обобщенный взгляд и подход, когда забываются конкретные условия труда и проживания конкретного человека.

Моя забота о доме, в котором все равноправно, уютно, сытно, тепло, всем хватает места и внимания: старикам, женщинам, детям, инвалидам. Это не обещание. Это образ жизни и. мысли. Это стремление к порядку и справедливости.

Нельзя легко давать обещания, возлагать все надежды только на нового начальника или нового депутата. Чтобы не обесценить подвиг народа и его долготерпение, не будем замалчивать трудности нашего пути. Признаем, что только социальными средствами, законодательными мерами, без боли и заботы о нравственном самочувствии народа жизнь не поправить. Не мешает вспомнить уроки Льва Николаевича Толстого, воевавшего за духовную активность человека, способного быть верным совести. Сколько ни перестраивай общество, все равно придется думать о человеке, его духовном состоянии. Прежде всего он должен встать сам, чтобы оглядеться кругом и увидеть смысл жизни не в производственных показателях только, а и в стремлении стать лучше, чтобы не давал он всякой сволочи ездить на себе, чтобы избавлялся от застарелой русской болезни — пассивности. Чтобы понял индивидуальное, личностное, избавлялся от групповой, стадной психологии, которая удобна людям посредственным. Таковых повсюду еще много. Качество проживания, сложившаяся система порождали функциональных безличностных людей, угодных номенклатурным учреждениям.

Сколько их, самоуверенных и безразличных, сидят по всяким конторам. Теперь многие получают весомо повышенную зарплату. Без оценки способностей. В районах нашей области немало видывал таких должностных «государственных» лиц. Например, председатель исполкома одного поселкового Совета получает нынче около четырехсот рублей. Малограмотная женщина. Когда в школе училась, тянули ее под лозунгом: три ставим, два в уме. Нигде не проявила себя, никого не защищала, ни за что не боролась. И бороться не будет. И

назначение народной власти осознать на способна. Но опять выдвинута без альтернативы. Это, значит, пройдет, хотя проблемы общего дома ее не волнуют.

Дом — не только собственная квартира, которую каждому хочется иметь уютнее, благоустроеннее, но и все житейское пространство: улица, деревня, город, область, Россия... Каково в нашем доме? Трудно, неуверенно живется. Экологические, экономические, продовольственные, нравственные проблемы нарастают. Падение нравов, отчужденность между людьми, алкоголизация, бездуховное воспитание, упадок семьи. Бюрократия в центре и на местах, коррупция и теневая экономика усиливают социальную напряженность. Преступность породила атмосферу страха. «Теневики», казнокрады, растаскиватели национального богатства и достоинства вместе с продажными бюрократами рвутся к рычагам политической власти.

Общество живет с физическим и моральным перенапряжением. Россия задыхается от загрязнения, ее превращают в фабрику вредных производств, в зону захоронения химических и ядерных отходов. Наш дом разграблен, осквернен, загрязнен. Наши резервы и ресурсы растаскивают. Жесткая централизация забрала у нас миллиарды. А что взамен? Кто и как вернет долги? Какая власть всерьез поставит вопросы сбережения дома и обеспечит социальную справедливость?

Особенность нынешнего текущего момента в том, что носителей власти критикуют за недостатки и промахи, обусловленные провалами прошлых лет. А мы еще прибавляем к старым порокам свои. Перестройка превратилась в многоэтажную болтовню. Страна взбудоражена, ищет панацею от всех бед, а под шумок появляются крикуны и шарлатаны, способные замутить общественное сознание и привести к новым бедам. Тем временем кризис обостряется. И голос здравого смысла не хотят слышать люди, издерганные нуждой, несправедливостью, невниманием.

И все-таки народная власть должна обеспечить каждому человеку прожиточный минимум чистого воздуха, чистой воды, чистого сбалансированного питания. Накормит народ, всю страну только человек-земледелец. С внимания к нему и надо начинать, предоставив свободу на земле, в колхозе. Для этого надо решать политические задачи, пробивать в центре и на местах решение фундаментальных проблем. Собственность, земля, национально-государственное устройство, взаимоотношение партии и государства, положение средств массовой информации...

Полновластие Советов, обеспеченное материально на хозрасчете, — политическая основа республики. Передача всех природных ресурсов в собственность Советов. Наделение землей всех граждан России, желающих ее обрабатывать. Прекращение финансирования

работ, разрушающих природу. Освобождение всех граждан от налога с зарплаты, брать его только с дополнительных доходов, а не с прожиточного минимума. Введение справедливой карточной системы на продукты первой необходимости. Экологически чистые продукты, в первую очередь — беременным женщинам и детям. Прекращение хищнической рубки лесов и эксплуатации рек. Как быстро перечисляется то, о чем, кажется, помнят все. Потому перечисляю лишь часть неотложных задач, помня о многих других. И хорошо знаю: многословие, шум — не показатель активности. Есть ключевой вопрос для партии, для всей партийной работы — необходимость ее обновления. Не перечисляю чисто областные, городские проблемы — они на виду.

Уверен, требуется выдержка, здравомыслие, объединение сил, небезразличных к судьбе Костромы, области, России... Уверен, что семья — центр тревог, центр общества. Всегда нужно знать, каково она себя чувствует. Требуются конкретные дела для нее и право на них тем, кто обладает способностью сочувствовать.

Так что, уважаемые избиратели, дорогие мои земляки, голосование нынче не простое. Вот вы возьмете бюллетень, чтобы определить самого достойного, остановитесь, задумайтесь над той фамилией, над которой удобно остановилась рука с шариковой ручкой. Пусть выбирает сердце и разум. Что я знаю о своих соперниках? Инициалы, возраст, партийность, место работы, должность, послужной список и еще внешний облик. Могу предположить, какие это люди, на что способны.

Возможность выбора относительна. Но она все-таки имеется, если поразмыслить.

«Северная правда», 2 марта 1990 г.
(С сокращением).

СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ?

Существование литературы, интеллектуальный труд, творческая работа поставлены в унижение. Нет механизма правового и экономического регулирования издательской системы в период перехода к рынку, а переход этот очень сильно затягивается: по словам Чубайса, пройдена только десятая часть пути. Экономический крах терпят ранее высокорентабельные издательства, они прекращают свое существование. На смену им приходит «самодеятельность».

Остается уповать на то, что на всех этажах управления найдутся люди, способные осознать: без культуры, духовности, без всестороннего просвещения движение к лучшему невозможно.

Именно поэтому в прошлом году участники второго съезда Ассоциации книгоиздателей обратились к парламентам и президентам независимых государств Содружества и призвали принять безотлагательные меры для спасения системы книгоиздания. Среди мер, которые необходимо принимать: предоставление существенных налоговых льгот или полное освобождение от налогов и сборов издательств, предприятий полиграфии, книжной торговли, так как налоги опять же ложатся на плечи читателей. В этом обращении речь идет и об осуществлении госзаказа на выпуск учебной, детской, научной, справочно-энциклопедической и другой литературы, о гарантированном обеспечении госзаказа бумагой и другими материалами по регулируемым ценам. Сказано было о необходимости разработки законов об издательской деятельности, авторском праве в независимых государствах в соответствии с международными нормами. Тогда же были осуждены административно-командные методы руководства книгоизданием со стороны Министерства печати и информации РФ, выражено недоверие министру М. Н. Полторанину.

Теперь министры меняются часто. А проблем все прибавляется. Читаешь материалы съездов с горечью: все разрушается до основания с безоглядной лихостью, а новое на смену не приходит.

Много проведено различных совещаний, съездов. Протестуем, молим о помощи и в провинциальной бедности надрывно начинаем с нуля там, где был наработан вековой опыт. Вспоминаем, что и в самые суровые военные годы удавалось издавать поэтические сборники, что в Костроме до 60-х годов было свое издательство. Теперь приходится по крохам собирать былой опыт, искать энтузиастов, еще не утративших издательское умение. И потому радуемся появлению изданий, которые осуществляют районные газеты. Если государство не заботится о культуре провинции, сама провинция должна позаботиться о себе.

«Литературная Кострома»

СОГЛАСИЕ И НЕЗАВИСИМОСТЬ

Многие проблемы существования российского творческого Союза в новых государственных условиях были рассмотрены на VIII (чрезвычайном) съезде СП РСФСР. В работе его принимали участие делегаты, избранные на Всесоюзный съезд писателей, так как в Правлении СП СССР власть захватила самозванная группа, а республи-

канские писательские Союзы, кроме писательских организаций Средней Азии, Азербайджана, заявили о своем суверенитете. Опечатывание (разумеется, незаконное) российского писательского Союза, захват власти в СП СССР и Московской писательской организации отчетливо обозначили намерение штурмовать и разрушить последний рубеж — русскую литературу, все то, что проповедуется ею по традициям классики.

Съезд работал два дня по-деловому и спокойно, хотя представители прессы и телевидения ожидали «зацепок», чтобы еще раз компрометировать и шельмовать само стремление литераторов оставаться в независимости. Впрочем, по скудной информации телевидения можно ли было представить, о чем идет речь на чрезвычайном съезде российских писателей, чем он вызван, что ведет к необходимости борьбы за единство и самостоятельность? Естественно, не пошли в эфир слова, к примеру, первого секретаря Московской писательской организации Владимира Гусева, сказанные на съезде: «Все эти дни мы наблюдаем, как некоторые писатели требуют крови своих товарищей. Даже в 30-е годы такого не было, не говоря уж про XIX век. Наши «левые» Евтушенко, Черниченко, Карякин, Виноградов — не буду перечислять всех — выбрали своим оружием донос и клевету».

И вспомнилось мне на съезде доброе, наставительное из прошлого века. Вновь с горечью думалось о собратьях, живущих ныне в смятении, без творческих устремлений, на волне митинговщины. Забываются заповеди классиков. Забывается, что русская литература всегда вступалась за униженных и оскорбленных, что писатели жалели, отстаивали, выручали даже виноватых. Не дело писателей обвинять, преследовать, доносить, требовать политического возмездия за независимость, за неучастие. Писатели, по словам Чехова в письме к Суворину, должны заниматься политикой настолько, поскольку нужно обороняться от нее. Обвинителей, прокуроров, стукачей и жандармов без литераторов хватит. Однако нынче многое делается под флагом политических противостояний, «злоба и скорбь двумя основными потоками разлились сейчас по городам и весям, где мы живем». Развал Союза Писателей СССР произошел при узурпации права задавать политические вопросы от имени демократии: «А где вы были?..». Но разве вся русская литература не учит нас тому, что писатель — свободный творец, которого пугает митинговая демократия и групповое выражение не только художественных пристрастий, что ему прежде всего надо заниматься не прямой политикой, а своим специфическим индивидуальным делом, которое является делом избранных, поскольку основа литературы — талант.

Долгое время в нашей стране с писателем говорили в милицейских тонах, а в каких тонах заговорили нынче и сами литераторы- «пут-

чисты», те самые благополучные миллионщики, имеющие дачи в Переделкине? Оказывается, от этих властолюбцев приходится защищаться, как говорят, рядовому труженику литературы. Именно люди, знающие народную жизнь, боли и тревоги народные, владеющие неподдельным русским словом, сегодня нуждаются в материальной и организационной защите от оголтелых нападок поменявших перо на иные средства самовыражения, от тех. чья политическая активность устрашающа и движется болезненной жаждой отнюдь не творческого свойства. Большинство российских писателей никогда не были причастны и даже попросту внимательны к дележу привилегий и власти в коррумпированных верхах управления творческим Союзом.

Конечно, не только упомянутым определялась работа Чрезвычайного съезда. Правление СП РСФСР приняло постановления в соответствии с законами Президента России о собственности на территории республики. Потребовались поправки к Уставу Союза писателей РСФСР. Разработан Устав конфедерации Союзов писателей и другие документы, в которых, в частности, оговорено с учетом «захватнических» ситуаций, что кардинальные изменения, смена руководства в период между съездами, отчетно-выборными собраниями могут быть законными только при голосовании за них не менее двух третей делегатов съезда, конференции или членов организации. Решения съезда — это было видно в ходе обсуждения — должны были определить стабильность существования творческого Союза в сложнейших экономических условиях, в пору литературных погромов и путчистских экстремальных ситуаций. Чувствовалось стремление российских писателей обрести самостоятельность, в которой прежде всего требуется не митинговщина, а конкретная работа.

Каждый литератор при суверенитете может начать свое дело с нуля и зарабатывать на нем, не претендуя на созданные ранее редакции, малые предприятия, не действуя по принципу: «Редакция журнала была вашей, а теперь будет моей». Так происходило в Союзе писателей СССР последние годы.

Нетрудно заметить, что ни в одной стране мира творческие люди не делят и не захватывают средства, имущество, должности, почести, а объединяются по интересам, создают реальную издательскую базу, находят спонсоров, создают акционерные общества. На этот опыт и было обращено внимание. К поиску издательских возможностей призывали многие выступающие. По-новому выстроится структура творческого союза, а не по образу и подобию министерств. Иной должна быть роль советов по прозе, поэзии, критике. Об этом говорил Владимир Крупин. А секретарь правления СП РСФСР Сергей Лыкошин (кстати, деловитость и отчетливость его суждений была

замечена и оценена делегатами) призывал к сосредоточенной и волевой работе в чрезвычайной обстановке. В полемическом запале, подчеркнул он, не стоит забывать о целях съезда.

Да, речь в первую очередь шла не о политической конфронтации. Главная забота — жизнь российских писателей, поддержка их через издательские и литфондовские структуры, когда Союз писателей РСФСР становится суверенным республиканским писательским Союзом и реорганизуется Союз писателей СССР. Но как быть, существовать на «развалинах» региональным отделениям? — никто не мог определить.

По словам критика Александра Михайлова, в расколотом Союзе писателей СССР образовалось два стана. «Я не хочу, — сказал он, — быть втянутым в их политическую распрю...». А Станислав Рыбас обратил внимание, что сейчас главным вопросом выживания Союза писателей и каждого писателя стал вопрос экономический, для его решения нужны сильный Литфонд, массовая ежедневная, пусть даже с коммерческим уклоном, газета и реорганизация секретариата с введением в него компетентных экономистов, юристов, финансистов, (Замечу в скобках: с такой необходимостью писательские организации столкнулись уже три года назад. Нам тоже нужны предприимчивые люди с издательским, коммерческим «уклоном», но где их взять?)

«Если отвести, — сказал Рыбас, — два десятка политиканствующих писателей, которые благоденствовали при всех правителях, то и среди наших нынешних оппонентов мы увидим таких же, как мы, заложников посткоммунистической, переходной эпохи». Не надо их отталкивать. Если мы деидеологизированы, что нам мешает быть терпимыми?».

В этих заметках обращаю внимание лишь на некоторые выступления, которые дают представление о том, как обсуждались главные вопросы. Сделан вывод: необходимо провести по личным заявлениям перерегистрацию членов российского Союза писателей, выдать новые билеты. Это будет сделано для того, чтобы усилить все звенья социальной защиты писателей, где бы они ни проживали. Приняты резолюции о создании акционерного общества «Российский писатель», о судьбе российских газет и журналов, об издательстве «Современник», об Уставе Литфонда РСФСР, о принятии под юрисдикцию СП РСФСР издательско-производственного объединения СП СССР и еще несколько важных документов. А в дополнениях к Уставу сказано, что избранные руководители берут на себя обязательство на выборный срок не состоять ни в каких политических партиях и движениях, чтобы иметь наиболее объективную независимую позицию.

Чрезвычайный съезд подтвердил приверженность российских писателей традициям, нравственности классической русской литературы и стремление к единству, самостоятельности, поскольку сама литература борется за человека, способного жить по законам братства. Некоторые силы, как заметил Сергей Лыкошин, стараются и писателей развести по «национальным квартирам», забывая, что в основе нашей жизни и единства общая историческая судьба. К сожалению, выступления нескольких делегатов были не лишены мотивов «политического стукачества». Потому секретарь по редакционно-издательским делам и сказал, что желал бы почувствовать у коллег больше внимания, доверия «к экономическим программам и предложениям, над которыми сейчас работает Союз писателей РСФСР». Дело не только в том, чтобы выжить и спасти самих себя, надо еще спасать и Россию.

Михаил БАЗАНКОВ,
делегат Чрезвычайного съезда писателей России.
«ЛК»,№10, 1991 г.

ЖИВИТЕ ЛУЧШЕ НАС

По-разному оценивается теперь начатое в 1917 году, по-разному читают соотечественники Ленинское наследие. Вспомним «Апрельские тезисы». В них сказано и о том, что своеобразие текущего момента (периода перехода от первого этапа революции ко второму, «который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства») требует умения приспособиться к особым условиям партийной работы... В разъяснении к десяти тезисам сказано: «Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить...» Приходится осмысливать заново все, что свершилось в этом веке. И не только, давнее прошлое. Ясно ли теперь, правильно ли оценивается начатое совсем недавно — в апреле 1985 года? Кажется, много времени прошло. Сколько было шума, трагических событий, обещаний, заверений, ошибок, ожиданий. Понимаем ли мы теперь, что происходит с нами, в стране? И ради чего? Трудные вопросы нашего времени. Проведенный референдум даст ли основу для уверенного ответа на них? Каждый человек оценивает настоящее, сравнивая его с прошлым. Здравомыслящие родители наставляют своих детей, дают советы родным, близким, знакомым, опираясь на законы трудовой жизни, на личный горький и радостный путь. Их заботы о лучшей доле. И потому они говорят: «Живите лучше нас».

«Литературная Кострома», №4, 1991 г.

«Я БЫ В СКОТНИКИ ПОШЕЛ...»

Спасибо за приглашение принять участие в творческих семинарах костромских литераторов. Сожалею, но приехать не смогу. Как говорится, рад бы в рай, да грехи не пускают, если считать грехом полную финансовую несостоятельность. Эх, какой выкрутас получился — научный. По иронии судьбы я на данный момент оказался совсем не у дел, в колхозе нет никаких вакансий, даже на должность скотинка конкурс, как в театральный институт, а ничего иного я и делать не умею. Выручает подножный корм: рыбешка, картошка. И люди добрые иногда помогают. Словом, существовать можно, а о поездках-визитах придется забыть до лучших времен...

Думаю, от меня, даже если бы и смог приехать, подзаняв деньжат у сердобольных людей, все равно пользы никакой. Мне всякое чужое творчество-искусство видится в розовом свете, и делать какие-то критические замечания просто язык не повернется.

Вышла в галичской типографии книжонка с нелепым названием «Слеза на песке», а лучше бы окрестить — «Мякина на ветерке». Отобрали туда стихи почему-то старые и слабые, хотя в достатке было свежих, за год написанных. Буду надеяться, что в Новосибирске такой казус не повторится. Там спонсор сам поэт и знает толк в этом деле...

А с вами и всей братией костромской, даст Бог, увидимся летом, когда дороги просохнут. Не обижайтесь, пожалуйста.

«Л. К.», №6, 1993 г.

НОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

Из дневника.

Праздники теперь вообще редко удаются. Люди отвыкли от них, да и веселиться, радоваться, петь да плясать — не «модно», больше митинговать, спорить на собраниях, дебаты разводить приходится. А вот на Меже удались два праздника. В Георгиевском и в Николе готовили их специальные оргкомитеты, долго и серьезно готовили при широкой гласности, привлекая народных мастеров, умельцев, соединяя любовь к родным селам и народный талант. Районная газета «Новая жизнь», работники культуры, библиотек, музея, исполкома райсовета и райкома партии действовали сообща, чтобы праздник помог людям увидеть самих себя, выявил создающих радость для души и для глаз утеху.

Вспоминали историю родных сел, использовали опыт, накопленный в проведении праздников малых деревень, проводили конкурсы на лучший дом, на лучший сквер и приусадебный участок, конкурсы цветоводов, брали интервью у старожилов, у молодых специалистов, проходили и по улицам, чтобы сконцентрировать внимание на благоустройстве, высказать претензии, просьбы народным депутатам, местной власти. Пришлось потрудиться ради праздника, ради родных сел, требующих, как и каждый населенный пункт, особой заботы о чистоте и порядке. Многое можно сделать своими руками, но и райцентр (Георгиевское), и село Никола требуют капиталовложений.

Опубликованные материалы поднимают многие проблемы, но и примеры доброго хозяйствования, подлинного внимания к традициям, к историческому прошлому нашлись. Было замечено, что малопомалу начинают возрождаться старинные обычаи, рукоремесло в районе стали вспоминать, оценили по достоинству деяния умельцев, знаменитых земляков. Это, надо заметить, не только ради годового праздника, но и для потомков.

Георгиевское — село древнее, поселение это, оказывается, в 1242 году основано было и называлось Мерским, а потом уже по церкви св. Мученика Егория (Георгия) стало называться. Оно, как и село Никола (а ближайшее время новая асфальтированная дорога соединит их), укрепилось на торговом пути от Великого Устюга на Макарьев. Об истории своих сел на Меже теперь упоминают часто и с гордостью: глубокие наши корни тут, осознавать это нужно и приучаться к уважению. Проведенные праздники именно потому и удались. Не без помех, конечно, все проходило. Однако смысл такого празднования очевиден, тут тебе и духовное, и материальное сочеталось. Почтенье мастеровым, уважение — интеллигентам, почет — ветеранам, забота — о детях. Своя музыка, свои песни, свои хороводы. Вспомнили героев войны, писателей-земляков. На виду оказались сапожных дел мастер Б. А. Матвеев, кузнец Н. Г. Саблин, мастера на все руки Н. Ф. Глушков, Б. И. Флегонтов, молодая семья Любимцевых, заслуженный учитель Д. П. Крутиков, врач Д. И. Резвов, библиотекарь Н. О. Туранова, старожил А. И. Соколов и многие уважаемые в районе люди, Солисты и ансамбли выступали. Даже турнир шахматный состоялся. В нем участвовали гости из Кологрива и Чухломы.

На этих праздниках вспомнили, что еще в 1918 г. жители села Георгиевского создали драмкружок, который потом стал народным театром. Б. Н. Звонов — активный участник художественной самодеятельности с тридцатых годов — рассказывал о работе театра и сожалел, что последний спектакль на сцене районного Дома культуры был поставлен несколько лет назад. Немало добрых традиций утраче-

но, многое приходится возрождать. Возродить бы почтение к учителю, сельскому интеллигенту, да и к самому крестьянскому труду, к сельскому образу жизни, выстроить заново деревенский лад. Но в первую очередь надо увидеть самих себя и других в неразрывной связи с негромкой землей, со своей малой родиной.

«Л.К.», №10, 1990 г.

ИЗ ДНЕВНИКА

Работу словами не заменишь. Но правдивое слово может быть жизненно важным делом. За четыре года речей мы наслушались — были всякие: честные, с беспокойством за повседневную народную жизнь, и крученые, коварно-расчетливые, с желанием замутить общественную атмосферу и даже угрозливо-предупредительные, смотрите, мол, с этой перестройкой не сломайте себе шею.

Оглядываешься в своем дому, на родной земле и становится ясно: восстановить порушенное очень трудно, духовное возрождение провинции едва намечается. Желающих честно работать меньше, чем устремленных к легкой обеспеченности. Трудовой мужик должен прокормить уже не двух генералов и даже не семерых с ложкой. Кооператоры и неформалы помогают ему лукаво: продовольствия не прибавили, а то, что было, пущено в виде дефицитности за подскочившие цены. Предприимчивыми стараниями под шумок разбазарено, превращено в личные бешеные деньги немало общенародного достояния. А терпеливый оратай пока еще пашет и сеет, хотя на душе нет у него хозяйской радости, не верит он разговорам о социальном равенстве, когда способом эстрадности можно заработать за три дня 56 тысяч рублей или, без стыда ухватив миллионы, платить партийные взносы десятками тысяч в месяц. Именно он, вечный труженик, по здравому смыслу убежден: широкий революционный ремонт страны, оживление экономики, культуры возможны при общих усилиях, направленных на строительство деревни. А ему обещают благополучие, добытое на коммерческой развлекаловке: «Страна у нас большая, — говорят. — Денег всем хватит. Пусть соперничают ансамбли в городах и весях».

Бывало уже: отрывали человека от труда и земли, от законов самой природы, поклонялись идолу централизации материальных и духовных ценностей, а обратно везли тарабарщину...

Лет пятнадцать назад в колхозе «Россия» шарьинский районный управленец стыдил механизаторов за недороды, за низкую производительность труда и. прочие показатели, сопроводив упреки

заключительным вопросом: «Куда идем, товарищи?» Лопнуло у мужиков терпение, в несколько голосов они бросили ответный вопрос: «А куда ведете? Ну, что скажешь, Цицерон?» И растерялся уполномоченный. Действительно, куда вели земледельца через трагические десятилетия, как ему жить дальше после многих постановлений? До нынешних дней такие вопросы не ставили с высоких трибун, но колхозники и тогда смели спрашивать: им терять нечего, порастрясли деревню-то. И вообще она, деревня, имела «право» на вопросы без ответов, на бездорожье, бескультурье, беспенсионность, бесхозяйственность, бесперспективность.

Из всех острых вопросов современности важнее многих — крестьянский, земной, тот самый, который в России всегда был роковым. Без возрождения крестьянства нам не обойтись. Не потому ли писатели до сих пор проявляют свое «провинциальное» участие на традиционном для русской литературы направлении?

То, что раньше не входило в публицистику, не попадало в газетные материалы, можно найти в книгах, в рассказах по разряду почвеннической прозы. Один из моих рассказов, опубликованный в столичном журнале, заканчивался так: «Надомные маслобойни в наших местах перевелись, другие не появляются. Но мне хочется иногда угостить сыновей холодным гороховым киселем с теплым . льняным маслом». Ишь, чего захотел, — говорили доброжелатели. То было время красивых обещаний, кисельных берегов и молочных рек, а я откровенно печалился о том. что порушено, без чего не может быть полноты деревенского мира, лад не выстраивается. Не только о маслобойнях, мельницах, гончарных и других мастерских была печаль. Читателям это понятно. В письмах издалека они вспоминали малую родину, благодарили за правду. Некоторые до сих пор спрашивают: «Когда напишешь про сливочное крестьянское масло?» Напечатают рассказ в новой книге — автор жди еще вопросы: «А когда — про мясо? Про сахарный песок? Когда — про мыло?» Помните о преднамеренных дефицитах..

Обо всем так много было публикаций... Литература не занимается дефицитами материального свойства. Ее забота — нравственные проблемы, дефицит духовности, правды, справедливости, сострадания. Помните лермонтовское: история человеческой души едва ли не интереснее истории целого государства. А и верно: в каком состоянии душа человека, к чему устремлена — этим определяется многое, если не все.

Не хлебом единым жив человек, но когда нет хлеба, как он станет жить, чем он будет жить? Когда с каждым днем все труднее найти чистый хлеб, чистую воду, чистый воздух, какими заботами жить

дальше? И потому пора оглядеться, остепениться человеку и человечеству. Нетрудно подсчитать, если за это возьмутся честные экономисты и социологи, во что обходится обществу отсутствие элементарного порядка на земле, чувства меры во всем, пренебрежение экологией природы, культуры, нравственности.

«Л.К.»,1991 г.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВЕРИТ В РОССИЮ

Возрождение Отечества немыслимо без глубокого и всестороннего анализа провинциальной жизни, десятилетиями копившихся проблем русского народа. Наивно ждать милостей только из столицы — решения, там принимаемые, какими бы мудрыми ни были, не оживят российское пространство. Опять надежда на терпение, согласие и созидательную практику людей, живущих в провинции. Все заметнее крепнет движение за восстановление поруганных святынь, за возрождение разумного хозяйствования . Пока шумят столичные площади и парламенты, скромные люди в деревнях, поселках, городах обыденно работают, как это делали их деды и прадеды. Увидеть, оценить этот подвижнический труд, надеюсь, поможет наша новая газета «Костромской край».

Любая редакция, так или иначе, стремится влиять на общественное сознание, подмечать особенности текущего момента. Нынче все говорят свободно, смело, но не каждое издание печатает материалы, соответствующие народному пониманию происходящего, пишет правду истории, подлинную судьбу России. Но время откровенности пришло. Искреннее русское слово еще не погибло, а где не погибло слово, там и дело живет. Наш родной язык поможет новой газете лучше, точнее определять сущность явлений, событий, фактов. Говорю об этом с надеждой, наблюдая лавинное нашествие иностранщины, услужливо подхваченной прессой, телевидением, парламентами, все эти консенсусы, презентации, инвестиции, приватизации, рейтинги... Терзают они слух и душу крестьянскую. Конечно, мир капитала, рынок диктуют свой общепринятый там язык. Но российскому образу жизни, мысли и труда он противопоказан, как противопоказаны душевность и добро духу чистогана. Газета должна быть в каждом слове народу понятной.

Вспоминается популярный анекдот 20-х годов. Американец-миллионер для поездки вокруг света искал переводчика, который говорил бы на всех языках. Пришел к нему русский, беженец из

России. «Действительно вы говорите на всех языках?» — «О да...». Тронулись в путь, объехали весь свет. Американец потом рассказывал в своем клубе, как хорошо он съездил. «Действительно, — спрашивают его, — твой секретарь говорил на всех языках?». «Да, — ответил миллионер. — Только знаете, как все эти языки похожи?» А русский во время путешествия в любом месте выходил на базарную площадь или в порт и взывал как можно громче: «Православные, помогите!».

К кому в первую очередь на самом понятном языке должен обратиться «Костромской край»? К трудовому, отзывчивому, совестливому человеку. Но что может газета в атмосфере обманутых надежд и развала, когда на каждом перекрестке говорится о том, что возникают новые мафии, похлеще хлопковых, когда нет элементарного порядка, забыто о культуре, душе и совести?!

Обустройство провинции, а значит. России — наше общее конкретное дело. Писанием указов поля не засеешь. Потому на землю и на трудолюбивых земляков, на остатки крестьянства только надежда. «Костромской край» словом своим пусть будет полезен прежде всего земледельческому сословию. Направит внимание в крестьянское пространство — в ту сторону, откуда живем-кормимся. Возрождение утраченной хозяйственности, российской культуры, национальных святынь, народной морали, самосознания и достоинства идет от глубинных, крестьянских корней, от самого духа народного.

С такими надеждами, видимо, и начинается газета, ее важное объединительное дело ради нашей костромской земли, ради самой России, чтобы она одолела, перемогла все коварное, выстояла и осталась сама собой. Пусть будет так, пусть газета помогает находить пути и средства для обустройства Отечества.

«Костромской край», №1, 5 июля 1991 г.

НА ПЕРЕВАЛЕ

ОБРЕТАЮЩИЕ ВЕРУ

В минувшем году на страницах журнала «Русь» в четвертом номере появилась новая повесть костромского писателя Михаила Базанкова. Уже ее название — «Самое дорогое» —говорит нам о том, что автор вложил в своеи заветные мысли и суждения о насущном.

Рискну предположить — лет через двадцать повесть вполне может войти в школьную программу по литературе как достойный образец яркого, а главное, правдивого изображения сегодняшней жизни российской глубинки. М. Базанков, всегда избиравший объектом творчества сельскую жизнь , не изменил себе и на этот раз. Однако последняя вещь литератора выходит за рамки чисто деревенской прозы. Перед нами очень трезвый, а значит болезненный срез с действительности девяностых. Глазами Дарьи Макаровны, главной героини, автор всматривается в новую, постсоветскую деревню, в судьбы обыкновенных людей, волею времени обреченных жить так, как они живут, и... нам становится не по себе. Выполненная в реалистическом ключе, повесть оставляет впечатление, сходное с тем, какое появляется у посмотревшего пьесу в театре абсурда.

Пожилая доярка Дарья Макаровна, живущая «на самом закрайке», где сходятся костромская и вятская земли, вдруг получает анонимное письмо. Автор послания предлагает ей как можно быстрее приехать к племяннику: «сложились такие обстоятельства, помощь нужна». Встревоженная тетушка спешит к сироте, выросшему в ее доме, а теперь живущему своей семьей. Добравшись до нужного поселка, она находит родных на первый взгляд благополучными, но за внешним спокойствием скрывается страшный надрыв. Племянник, его соседи и знакомые, даже дети — все находятся в каком-то пограничном состоянии. Кажется, что вокруг играют в тревожную игру, смысл которой заключается в имитации положительных эмоций без всяких на то оснований. Племянник всеми силами скрывает от тети реальное положение дел в семье, дети, притесняемые в школе из-за ошибок родителей, стараются быть детьми, но это им как-то не удается, они больше походят на маленьких старичков. Вскоре выяснилось, что и письмо как бы ненатуральное, его написала соседка племянника, подруга его жены, которую та подговорила написать сердобольной тетушке, дабы было кому посидеть с детьми, пока хозяйка покупает где-то дефицитный гарнитур.

Читателя не оставляет ощущение трагического несоответствия образа жизни, который ведут персонажи, с их внутренней сущнос-

тью. Люди живут не своей жизнью, они как бы выпали из естественного течения событий, забыли главное, что делало их самими собой. Их мысли, чувства, настроения подчинило себе стремление во что бы то ни стало расстаться с прежней жизнью, трудовой, нелегкой, не всегда в достатке, но естественной и традиционной, такой, какой жили многие поколения предков. «На Канарские острова охота», — говорит один из персонажей. Безобидное, в общем-то, желание, но оно, делаясь всепоглощающим, становится разрушительным. На наших глазах развертывается впечатляющая картина болезненного превращения социалистически ориентированного общества в общество потребления. Персонажи повести в погоне за ранее недоступными благами теряют самое дорогое.

Хочется привести очень показательный отрывок, в котором сконцентрировались все раздумья автора о смысле бытия. «Дитя спит, а мать усталая бредет и бредет по снежному лесу. К полуночи добралась она до старой каменоломни. Забушевало, загрохотало со всех сторон. И разверзлась гора, открылся вход в пещеру. А там сверкают несметные сокровища. Бедная женщина обомлела перед чудом таким. Высокий неземной голос к ней обращается: «Возьми, сколь сможешь унести, но не забудь самое дорогое». Тогда бедная женщина, чтобы освободить руки, положила спящего ребенка на противень у входа и давай нагребать драгоценности в фартук. Неземной голос поторапливает: «Ты должна управиться до последнего удара колокола. Но не забудь самое дорогое!» Некогда размышлять бедной женщине. Гребет и гребет, хватает и хватает, уж полон фартук, подол платья полон, на шее и на руках ожерелья. Кинулась к выходу. Тут третий раз молвил голос: «Не забудь самое дорогое!» Едва шагнула она из пещеры на волю — ударил колокол. Заскрежетала скала и сдвинулась — пещеры как не бывало. А дитятко-ребеночек спящий там остался. Сокровища валятся из рук несчастной женщины, она рвет на себе волосы...».

Этот длинный внутренний монолог Дарьи Макаровны сопряжен с финальной частью повести, в которой главная героиня спешит на встречу с сыном, попавшим при неясных обстоятельствах в беду. У здания вокзала в маленьком районном городишке, где живет сын, только что приехавшая Дарья попадает на съемочную площадку какого-то фильма. Автор сознательно уходит от конкретного рассказа о фильме и его создателях. Мы не знаем названия картины, не имеем представления о ее содержании. Последние, «кинематографические» страницы повести удивительно многослойны. Обыкновенная повседневная история, которая могла случиться с каждым, вдруг вырастает до почти апокалипсических размеров. Персонажи повести, главные и второстепенные, оказавшись, вольно или неволь-

но, участниками съемочного процесса, предстают героями колоссального, вселенского масштаба фильма-фантасмагории, где грешники в мгновение ока становятся праведниками и наоборот.

Буквально в последних строках повести все на той же вокзальной площади в милицейском «воронке» появляется сын Дарьи Макаровны, арестованный за преступление, им не совершенное. Она, ошеломленная нежданными бедами, грозящими раздавить, исковеркать судьбы родных и близких, патрясенно вопрошает к небесам:

«...дети, дети... что с ними стало? Куда их несет судьбина? В какой раздор они втянуты? Кто и зачем разметал крестьянский род? Неужели на то воля твоя, Господи?».

Здравый смысл, унаследованный от предков, возобладал даже в такой ситуации.

«— Ничего... Пройдет, если терпеть, — качнулись над толпой успокаивающие Дарьины слова. — Неужто не хватит терпенья?

Может быть, это уже не она сама вопрошала, а ее голосом робким кто-то другой намеревался просить за всех нас. Кто-то другой, трудно обретающий нынче веру... Веру и в самого российского человека, способного наконец оглядеться и понять, откуда что происходит...» Новая повесть костромского писателя обращена ко всем нам, трудно обретающим нынче веру, прежде всего веру в самих себя.

П. Корнилов. Альманах «Кострома», 1997

ПИСАТЕЛЬ И ДИКТАТ КОММЕРЦИИ

Сорок лет назад в Костроме состоялось первое областное совещание литературного актива, нынче Костромская писательская организация отметит свое тридцатилетие. Библиографический справочник «Писатели Костромы» напоминает: начинается период итоговых юбилеев. Впрочем, сейчас нет необходимости перечислять все большие, как говорят, круглые даты. Я говорю о периоде итогов потому, чтобы подчеркнуть: будет повод сказать благодарные слова творческим людям, чьи судьбы в смутное время вроде бы никого не интересуют. Дело не в праздных поздравительных речах, а в повседневном внимании к творческому человеку. И потому не обязательно ждать преклонного возраста, чтобы увидеть, оценить многолетний кропотливый труд, непременно приносящий добро.

Когда народ взбудоражен дефицитами, социальной несправедливостью, ложью, повседневными коварствами, потерей идейных и

нравственных ориентиров, значение творческой выдержанной личности особенно возрастает. К сожалению, это не учитывают нынешние претенденты на монополию мнения и власти. Остро чувствуется нужда в людях с отчетливой гражданской позицией, в людях, чье мировоззрение независимо от скорых крикливых перемен. Уверен, что среди творческой интеллигенции немало таких, чьи интеллектуальные возможности не реализованы по причине уклонения общества от духовных ценностей.

«Люди становятся похожими на то, чему устремлены их сердца». Писатели, разделяя беды и страдания народные, хотят ориентировать к добру, милосердию, справедливости. Каждый — в меру своих сил, мерой своего таланта, своими доступными средствами. Очень важно заметить, оценить и принять этот подвижнический труд еще до периода подведения итогов. Поэтому, не дожидаясь «круглой даты», праздничных литературных встреч и чтений, надо сейчас думать о том, каково живется писателям в условиях безоглядной спешки в рынок. Литература — продолжение или опережение жизни, но, к сожалению, реальная «барахолка» начинает диктовать условия: «Ты хочешь, писатель, проповедовать духовные ценности, бороться за униженных и оскорбленных, тогда отложи перо и начинай действовать локтями возле тощего общенародного «пирога», отвоевывай себе торговое место, издательские и полиграфические возможности, добывай бумагу. Государству и всем его институтам нынче нет до тебя дела. Иди на поклон к ловкачам и приспособленцам, забывай о том, что ты — творец. Приспосабливайся под потребности невежества, иначе не выживешь». Жутко об этом говорить и думать. И затихают сочинители, преданно делая свое дело, без надежды на публикацию.

Боль за поруганные святыни, за растаскиваемое Отечество, за униженное российское крестьянство, за все, что опошляет народную культуру, сдавливает грудь, обостряет зрение и чувство, способность провиденья будущей судьбы России. Творческие работники как бы растерялись, оказались оттесненными, более того, и существование самого писательского Союза было поставлено под сомнение. Значит, кому-то выгодно разъединение людей, конфронтационное противостояние различных группировок. Крик вытесняет тихое писательское дело. Неужели кричащий громче всех, многое отрицающий и критикующий кого попало или всех чохом, лучший писатель? Разве в атмосфере общей смуты хорошо работается писателю? Разве мы не почитаем теперь своим долгом проповедовать этику трудолюбия, стоицизма, терпимости, доброты, любви, красоты?

На эти и другие вопросы даны толковые ответы на VII съезде писателей России, в альтернативном проекте Устава Союза писателей

СССР, который обсуждали, одобрили и костромские литераторы. Есть надежда: здравый смысл восторжествует, неразумное преодолимо. Обуглится, опадет коварно подогретая злоба, ослабнет отчужденность и недоверие между людьми — все вакханальное отступит рано или поздно под житейской необходимостью единения. Злоба, по словам русского историка, результат длительных противоречий, в которых заинтересованы наши «доброжелатели». Уместно вспомнить мудрое изречение: «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

С чего бы это вдруг пошло массированное наступление даже на патриотические чувства? С чего бы это, по каким добродетельным позывам избираются изощренные способы лишения собственной культуры, а средства массовой информации наступательно издеваются над памятью и душой, преподают науку ненависти к собственной стране, выхолащивают не только чувство, но и народный язык всяческими «консенсусами» и «приватизациями»? Писатели уже не раз с болью и тревогой говорили о том, что раскустилось дьявольское искусство, откровенное хамство хочет удивить, испугать, отнять веру, интерес к трудовой жизни. Сейчас, кажется, многие поняли справедливость писательских тревог и предостережений. Но и мы, писатели, слишком преувеличиваем свои возможности, духовное и нравственное влияние даже на тех людей, которые еще не разучились быть читателями, знают и любят литературу. Средства массовой информации срабатывают куда быстрее и влияют на душу смятенных.

Жизнь строится не по газетам, не по законам дискуссионной говорильни. У жизни свои законы и корни. Она движется трудом. Потому и пришла к нам тоска по работнику, который без шума, треска, суеты делает свое жизненно важное дело. Нравственность писателя и в том, чтобы работать, хотя, по словам поэта, мы тоже обманутые дети, но равно Марксом и Христом. К сожалению, в литературной среде и возле нее объявилось много ораторов, демагогов. В атмосфере смуты, безнадежности, торгашества это произошло. Нынче российские писатели поставлены в унижение, способом давления истощены, отняты издательские возможности. Неужели писатель должен выбежать из-за письменного стола и работать локтями средь всеобщей свары? Неужели талант, особенный провидческий дар его никому не нужен?

На общем собрании костромских литераторов мне пришлось говорить о том, что нам тоже надо брать на себя вину за происходящее, искать согласие между собой, чувствуя свою роль в партии национального возрождения. Без патриотизма, собственного достоинства нельзя обойтись ни в экономике, ни в культуре. Очень важно осознанное согласие всех, от кого зависит состояние духовной

культуры. И потому в цепочке писатель — издатель — книгопродавец — библиотекарь — читатель должна быть единая цель, продиктованная прежде всего интересами культуры, а не коммерческим «наваром». Если государство способами законного управления не создает условий, значит, сама народная власть на местах, органы местного самоуправления вынуждены заботиться о сохранении культуры и творческого духа в провинции.

К литературе надо относиться как к искусству слова, передающего то, что непременно нужно сказать людям, что нужно взрастить в душе. Она обязательно несет серьезные мысли, главное ее назначение никогда не было развлекательно-коммерческим. Но почему сегодня диктует ей «моду» не творец, не читатель, а тот, кто в государственной системе книжной торговли ищет собственное благополучие? Разве прибыль от многочисленных переизданий классики не покрывает нынешних временных затрат на производство и продажу книг современных литераторов? Каким это законом дано право на хамоватую смелость определять интересы многих людей, диктовать им вкусы?

Говорят оправдательно: так диктует рынок, поэзия нынче убыточна. Но книги реализуются не в один день. К ним может придти и новое поколение читателей, точно так, как мы сейчас тянемся к неопубликованному и забытому. Да, трудно теперь любому писателю при таких критериях, а живущему в провинции — особенно. Кто-нибудь из книготорговой сети может напрочь перечеркнуть его талант, коллективный опыт писательской организации, труд опытных работников издательства. Остро чувствуется эта проблема по всей России, но в Костроме воспринимается она с большей трагичностью, чем где-либо, потому что нет собственного издательства.

Увы, развлекательная легкость повсеместно наступает в союзе с «чернухой» и садизмом, чтобы опошлить, захламить самые святые истоки, испоганить духовное самочувствие терпеливого работника по городам и весям. Многие сейчас видят, ищут только злое, пошлое, скверное. Конъюнктурные литераторы хотят заработать, показывая самое унизительное для человека, накручивая «убийственно» бойкие сюжеты, передают свой взгляд в форме похмельного балдежа. Леонид Бородин, прошедший долгую школу лагерной жизни, помнится, как раз этим и возмущался на съезде писателей. В нашей писательской организации немного поводов для такого именно возмущения, хотя симптомы общей «заразы» проглядывают.

Надо ли наращивать поток отрицаний, когда и так уже все осквернено, оплевано, обругано? Надо ли вызывать у читателей признание: «Боюсь читать»? Полезен ли, в столь сложной обстановке такой неонатурализм? Не довольно ли накручивать повествований

о патологиях, унижениях, убийствах? Существуют же (или безоглядно забыты?) традиции российской словесности, критерии оценок и понятий эстетического, художественного уровня, чувства меры, соразмерности, элементарного уважения к читателю. Всякая книга должна вести к надежде, сохранять и оберегать богатейший народный язык, оставлять свет и доброту, иначе зачем оно, писательское дело. Конечно, в розовых очках нынче не спасешься, но все-таки необходима вера в человека, необходим спокойный объективный взгляд. Настрадался народ, терпенье кончается. Без нравственного ориентира выстоять трудно, истерики, конфликты, свары не выведут к спасенью. У человека должна быть духовная опора. Литература всегда занималась поиском этой опоры.

Недавно мы принимали в Союз писателей четырех литераторов, творчество которых убеждает в серьезности намерений. И другие литераторы не поддались ныне модной суетливости, разрушительному критиканствующему самомнению.

Нынешняя издательская политика сдерживает становление одаренных людей. Рынок заполнен репринтными изданиями, секс-литературой, чтивом. Не творцы, а дельцы нынче в почете. Они вольно купаются, используя коварно протащенные законы. (В основе некоторых из них, как сказано уже не раз, — концепция примитивного потребительского общества полуколониального типа). Они развращают читателя, подавляют интерес к жизни, чтобы обеспечить спрос на «особую продукцию».

Кажется, здравый смысл уже пробудил понимание опасности обвального рыночного потока. Снижается покупательский интерес к примитивным детективам, жизнеописаниям царей и любовников Екатерины, к похождениям грабителей и космических «развлекательниц». Но еще перегружены полки книжных магазинов и «богато» пестрят на бойких местах расклады ходового печатного товара, поэтому трудно, продавцы говорят, продать скромно изданную книгу нового неизвестного поэта, трудно поддерживать интерес к спокойной художественной литературе.

Уверен, возродится интерес к незлобному тихому слову, если в столице и на местах возникнет подлинная забота о книготорговом, издательском деле, если появится гарантированная материальная основа творчества и культуры для всей российской периферии. Увы, пока конъюнктура политизированного противостояния даже некоторых талантливых людей приспосабливает в пропагандисты насилия и развала.

Костромским писателям трудно верить в лучшие условия, потому что власти лелеют другие приоритеты. Это тема особого разговора. К примеру, наша область не находит нынче способов

поставки лишней сотни кубометров древесины, чтобы заиметь по договору дополнительно несколько тонн бумаги на писательские цели, а изворотливые лесорубы гонят сырьевой поток из наших лесов по бартерным сделкам…

Надо бы говорить о творчестве, о незаменимости и значении писательского слова, о проблемах философского, духовного свойства, но в первую очередь думается о том, как дальше жить творческим людям.

«Л. К.», №7, 1991 г.

МОЗАИКА

* * *

Твердой поступью за семьдесят пять лет прошагал обманутый народ огненные версты, тысячи километров российского бездорожья, гигантские леса новостроек. И легко на сердце было от песни веселой. Так почему же теперь так много хмурых лиц? Так почему же хозяин страны, сгорбленный, изможденный, сирый, стоит от края и до края в очередях? «Русь, дай ответ... Не дает ответа...»

Может быть, простота и доверчивость всему причиной. Та самая простота, что хуже воровства. Та самая наивная доверчивость, которой всегда ловко пользуются ханжи и фарисеи. Именно они, нынче обвиняющие во всем самих русских, навешивают ярлыки фашизма, а тем временем действуют по заветам хотя бы того же Геббельса, запланировавшего расчленить Россию «на свои составные части. Каждой республике, — утверждал он, — надо осторожно предоставить свободу. Тенденция такова: не допускать больше существования на Востоке гигантской империи». В унисон с Лениным Ллойд Джордж — выдвигал задачу: необходимо стремиться к распадению России на несколько независимых государств, из которых ни одно не было бы достаточно сильно...

Как видим, «заветы» исполняются. Приехали, так сказать, не туда, куда хотелось, а куда заказной кучер привез. И во многом другом получилось не по-своему. Вот и возникает вопрос: кто правил и правит русской тройкой? Не он ли заботится о пропаганде темы «русского фашизма», чтобы обстряпать давно запланированные дела? Сегодня наши благодетели открыто заявляют, что видят свою задачу — помогать слабым республикам, чтобы не допустить подъема России, восстановления централизованного государства, которое составит конкуренцию Америке. Потому и ослабляется, распродается, растаскивается Россия.

Потому каждый житель трудовой провинции оказался обману-

тым: нет у него родительской земли — того гляди, вырвут ее из-под ног и продадут какому-нибудь заграничному предпринимателю... Чего ждать, на что надеяться? — так говорят сегодня представители всех слоев населения и Костромской области.

Сельский механизатор.

«С четырнадцати лет работаю в колхозе. Все здоровье угробил на тракторе, радикулитом скрючило. Думал к старости дом свой поставить, родительский-то совсем одряхлел. Деньжонки подкапливал. Тридцать тысяч на книжке. Вся трудовая жизнь тут. А что теперь на эти тысячи купишь? Сколько кубометров леса можно выписать? За мотоцикл с коляской просят двадцать тысяч. Значит, на книжке у меня тысячи три всего. Вот так и оценились все труды, все здоровье. Спасибо государству, позаботилось о человеке. Одно колесо к инвалидному «Запорожцу» две тысячи стоит. Откатался...»

Педагог, преподаватель истории.

«После педучилища начала работать в сельской школе. Училась заочно. Семья, дети. Общественная работа, пропагандистские обязанности. Искренне верила в то, что рассказывала ученикам, студентам. А сама жила в бедности, около десяти лет без квартиры. Тридцать пять лет педагогического стажа. Какое теперь это имеет значение? Заводские пенсионеры от родного предприятия помощь, продовольственную поддержку получают. Учитель, стоявший у нас на такой высоте, на какой он никогда и нигде не стоял, оказался самым низкооплачиваемым. Кто вообще не работал, смотришь, получает примерно такую же пенсию. Подравнялись искренние труженики да хитрые бездельники. Кому-то надобно такое равенство... Сами знаете, что можно купить на пенсию...»

Писатель.

«Семь лет работал над романом. Четыре года готовили его к печати в издательстве. Был договор. Набор решили рассыпать. Минимальный гонорар выплатили, около трех тысяч, т. е. получается — триста рублей за все одиннадцать лет. Печататься негде. С долгами не знаю как расплатиться. Никому, выходит, не нужен. В Монголии еще десять лет назад платили писателям за то, что они есть. В Молдавии, говорят, решено выдавать творческим людям ежемесячное пособие полторы тысячи рублей. Суверенитет что ли заработал, россиянам опять ничего. Всем помогали, а сами у разбитого корыта. Налоги только растут, взиманья всякие, наценки. «Стукнул по карману — тишина, стукнул по другому — не звенит».

Гость из Тамбова.

«Думал, вы тут земледелием живете. Куда ни глянешь, везде дороже нашего. Молоко в два раза дороже. Мясо — тоже. Проезд — в три. Водка дороже, масло дороже. Хлеб тоже. Чего молчите? Вас оби-

рают — вы и рады. Может, свою продукцию по дешевке в Москву гоните, чтобы столичные власти задобрить, для себя перспективу начали выхлопатывать, да? Нет, сюда, а Костромскую область, возвращаться не буду. Хотелось на родину, а теперь передумал. Лучше на чужбине до смерти проживу. Как вернусь, соберу вам посылочку... Что? Посылки не принимают? Это еще надо проверить... Не примут, на своей машине приеду, правда, бензин с прошлой осени в двадцать пять раз вздорожал... Да все заценилось нахально.. Объегоривают нас всех. Получается, мы — народ обманутый. Давай с горя еще по стопарику да и споем что-нибудь вроде «Дубинушки». Здорово живем, «гайдаровцы» обещают, что еще вольнее пойдут цены, С ноября прошлого года хозяйничают, выходит, одни торговые работники, а производственник пляшет под чужую дудку. Эх, ребята. «А ну-ка дай жизни, Калуга, — громко запел он — ходи веселей, Кострома...»

Строитель.

«Профтехучилище окончил. Двадцать лет вкалываю. Квартиру обещали, а теперь говорят: «Скоро не жди». В тещиной халупе с тремя ребятишками живем, Сколько еще протянем так — не знаю. Жену на операцию надо в Москву. Там денежки запрашивают. Где их взять? Детей не с кем оставить. Бедностью своей привязаны. И выхода нет. Страшно жить стало. Побежденные мы какие-то, обманутые. Тайно, исподтишка нас покорили в своей стране, а теперь диктуют условия и дразнят помощью, этой самой гум-ани-тар-щиной...»

На улицах города, в деревне, в поездах и автобусах ропщет обманутый народ, еще не понимая, что процесс перестройки перетекает в страшный процесс завоевания, порабощения. Но уже осознается: сегодня не о свободе и демократии нужно говорить, выживание и правда — главная тема.

«Л. К.», №4, апрель 1992 г.

К ПУБЛИКАЦИИ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Наши читатели без труда поймут, почему именно такой отрывок выбрал этот номер ежемесячника, почему обратились мы к творчеству Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.Вспомните его суд над одним городом, историю «Глуповского Летописца». Вспомните, изображая жизнь, находящуюся под игом безумия, Щедрин «рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства, а не веселонравия». Он не историю предавал осмеянию, а извест-

ный порядок вещей, его ужасала эпоха, ужасало историческое положение, от которого мы ушли вперед только во времени.

На рубеже 1850 — 1860 годов движение истории оказалось заторможенным... Не оказались ли мы заторможенными и теперь? «Поток жизни, — писал Щедрин, — как бы прекращает свое естественное течение и образует водоворот, который кружится на одном месте... Одну из таких тяжких исторических эпох... переживал Глупов — вписываемое летописцем время».

Почти провидческий дар сатирика много предчувствовал в будущем, нашем, столетии? Неужели так оно и есть? Горько это сознавать. Горько от того, что многое как бы повторяется, совпадает... И не происходит нынче веселонравия, а возбуждается горестное чувство... Не осознано еще, что выйти из «заторможенности», спасти города от голода без возрождения кормильца — хозяина земли, трудовых крестьянских семей вряд ли удастся.

«Л. К.», №6, 1992 г.

ПЕРЕВАЛ «ПОДУМАЙ»

Заметки с выставки

Каждая областная выставка — все-таки событие в культурной жизни, праздник для зрителей, а для живописца — новый перевал с названием «Подумай». Нынешнюю отчетную выставку на день обсуждения посмотрели более трех тысяч заинтересованных зрителей. Что дала она им, какие чувства и размышления вызвала, чем обогащает сердце и разум, какую духовную даль открыла?

Творческий человек обязательно ставит перед собой сверхзадачу, помышляя о том, чтобы народ был духовно здоров, нравственно высок и красив. Какой красоты ищут костромские художники? Опираются ли они на законы жизни, определяющие атмосферу и полный облик противоречивого общества, отношения граждан между собою, на те законы, которые, по словам Н. М. Карамзина, должны быть извлечены из собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств?

Состоявшийся разговор высветил гражданскую направленность художественного взгляда у большинства авторов, представивших свои работы. Было сказано, что после успеха на зональной выставке во Владимире костромичи с меньшим интересом и порывом отнеслись к местной традиционной. Зрители это почувствовали: одни и те же работы все тех же художников, нет свежего мироощущения, потому что незаметен приток свежих сил, по-прежнему «рвутся» к самым видным местам «мэтры дежурной тематики прошлых лет».

Сотрудник музея, искусствоведы, зрители сделали обзор произведений. И казалось, что главного на сказано, хотелось задержать художников на перевале «Подумай». Прежде всего подумать о том, насколько приблизились наши опытные живописцы к осуществлению сверхзадачи, насколько разнообразно и с каким болевым порогом выстраивают они собственные понятия из местных обстоятельств? Панибратски занижая уровень разговора в профессиональном общении, может быть, они создают и теперь застойную среду, способствуют заторможенности чувства и мысли?

Вновь проходишь по залам, многое проплывает, как давно знакомое, тавтологическое. Останавливают работы, правда, не восхищают, не задерживают раздумий. Есть и такие, возле которых надо поговорить с самим художником, потому что не проявил, не высветил он самой малости, чтобы произведение вышло на новый уров

Столько событий, столько потрясений пережили земляне, столько лжи, коварства и хамства расплескалось вокруг, что становится жутко. И прорывается иногда, хоть криком кричи, жажда правды, надежды и света. Не скажешь, что костромские художники сумели выразить тревоги, находят способ позвать в даль светлую. Но стремление возбудить, напомнить о законах самой жизни, избавить душу от заскорузлости, накипи, повеять на нее дыханием целительной природы выступает определенно. Однако во многих работах есть удручающее сходство, внутренняя статичность, изобразительное многословие и дежурная фиксация увиденного. Может быть, стереотипность мышления сказывается столь коварно? Наметился некий уровень живописного языка, без поиска адекватных состоянию жизненного пространства выразительных средств. Вот это беспокоит.

Трепетно-пушистый завиток на виске едва видимой в мерцающем свете влюбленной и тревожно красивой женщины может сказать больше, чем бутафорское заполнение полотна «лесными стенами». Иногда через малюсенький пейзажный этюд можно увидеть и принять неповторимый мир талантливого человека.

Уставшие от недавней плакатной торжественности и показного оптимизма, зрители еще не сочувствуют печальному человеку под луной, но останавливаются перед ним, чтобы понять судьбу, уже не отмахиваются от него, словно от чудика (Картина «Луна» вроде бы камерна, лишена эффектации, оригинальна). Но почему сами художники-собратья прежде выискивают какие-то неточности в работе «малоизвестного» автора?

Впрочем, на этой выставке возникают разные вопросы. Один из них: почему долгие годы ждем притока новых сил, а они заявляют себя не столь серьезно, как хотелось бы? За вопросами — неудовлетворенность, желание вместе с художниками выйти на новый

мыслительный уровень, избавиться от банальной прямолинейности даже в названиях картин. Кстати, здесь как раз прежде всего и отражается та самая стереотипность мысли.

Почти у всех костромских живописцев, судя по этой выставке, очевидны нереализованные возможности: опытные вроде бы довольствуются достигнутым — и так хватает званий да почестей, молодым недостает опыта не только профессионального, но и жизненного. Верится, после остановки на ближнем перевале могут они обостренно воспринять и философски осмыслить содеянное с нами в этом веке, чтобы отразилось оно хотя бы в нескольких давно ожидаемых картинах.

«Л. К.», №1, 1991 г.

Интервью дает писатель

У КАЖДОГО — СВОЙ ВЫБОР

Происходящее в стране затрагивает все общественные структуры, сказывается в творческих коллективах, по-разному влияет на людей, казалось бы, объединенных осмыслением истории, народной жизни, стремлением к добру и справедливости, сбережением каждого человека. Об этом говорил наш корреспондент, обращаясь к руководителю областной писательской организации, члену правления СП РСФСР.

— Михаил Федорович, чем определяется настроение писателя и особенность работы писательской организации в столь трудное время, в условиях экономического и социального кризиса?

— Униженных и оскорбленных нынче не счесть, и среди писателей их немало. Унижен мой народ, моя трудовая провинция. Все мы многократно обмануты — больно вспоминать и детство, и юность, и годы творческого становления, но сейчас кажется, что тогда была надежда. На что надеемся теперь? Опять разве только на свой трудовой и безропотный народ. Хочется верить, что Россия через новые беды и страдания движется к возрождению поруганных святынь и основ жизни, вечных духовных и культурных ценностей, к возрождению самобытности великой нации, истерзанной последовательным геноцидом. Надежда — на родники здравого смысла, которые еще можно отыскать, на возвращение к истокам. Сегодня в башне из слоновой кости или в бочке не отсидишься. Но выдержка и терпение необходимы. Суета, шараханье из одной крайности в другую думающим людям противопоказаны. Позиция и намерения писателя — в книгах. Его доброта не на один день и является не в угоду моде, политике, групповым интересам. Классики

стремились виноватого понять и защитить. Такова душа и этика подлинно русского сочинителя. Вместе сочинители — сила, и каждый по отдельности — тоже. Творческие личности аккумулируют на своем болевом пороге все страдания людей, невзгоды и противоречия общества,в уединенной работе проживают их как бы заново с большей обостренностью при отборе — такова их чувствительность. Что и сказывается на психологии общения, рождает способность предвиденья. Но странное пришло время: нынче многие норовят упрекать и поучать писателей, копаться в карманах и сундуках, а раньше почитали как учителей жизни, провидцев.

— Но ведь и среди писателей обострилась конфронтация...

— В столицах шум, гремят витии, идет словесная война. О том, что ли, речь?

— Наверно, этот процесс затронул и областные организации?

— Да, необходимость определиться в принадлежности к Союзу писателей РСФСР была. У нас только один поспешно вышел из Союза — рванул в другую сторону, чтобы не опоздать к возможной дележке портфелей. Однако это не значит, что все мы единомышленники, безличностный монолит.

Творческое дело индивидуально, и потому не требуется никакой коллективистский нажим, как это было раньше. Организация — не производственный коллектив на одном конвейере, она — не учреждение, не контора в привычном структурно-номенклатурном понимании, а место встреч по интересам, для товарищеского профессионального общения — кому с кем хочется, и тут у каждого свой выбор.

Специфика в том, что не дежурство за конторскими столами, не отсиживание рабочего времени за оклад необходимо, а работа на расширение издательских возможностей, на профессиональное и художественное мастерство, на творческое настроение и оказание поддержки литераторам, в особенности молодым. Ни групповщина, ни путчистская инициативность здесь неуместны. Потому что каждый писатель — особая, легко ранимая личность и судьба, всех одной тоталитарной бороной не подравняешь, даже всесильному сталинскому механизму это не удалось.

Главная забота — сбережение индивидуальности. Надо сочетать ее с поиском дополнительных издательских возможностей для каждого. «Литературная Кострома» начиналась с такой целью. Наработали технологию приложений. Сегодня не слова нужны, не обещания, а конкретика сделанного. Как это выглядит на моей невеликой практике?

Поехал в составе делегации встречаться с польскими интеллигентами. Познакомились. После этого в Польше издали несколько книжек с участием предложенных мною наших авторов. Выпустили

поэтический сборник «Слово с Волги», в нем представлены двенадцать наших молодых поэтов. Мы оказались в долгу. Пришлось затевать оперативное издание миниатюрного сборника польских поэтов у нас в Костроме. С минимальными затратами это сделали.

Второй пример. Приезжала к нам американская писательница Джуди Хоган. Обменивались опытом работы с молодыми авторами. Условились о публикациях писательских материалов. Кое-что удалось сделать. Там уже переводят сказ Леонида Попова «О Вохме-реке», стихи других авторов, рассказы костромских писателей. Мы напечатали несколько статей, представили творчество американцев. Это не только содружество, но и разнообразие общения. Кому-то такие начинания не нравятся, у кого-то вызывают зависть. И что же? Сидеть на берегу, слушая нытиков?

Унижены писатели нынешней издательской политикой в государственном масштабе — есть причины для нытья. Пора свое «русло» искать. Предложил идею создания регионального журнала «Русь» — ярославцы за нее уцепились. Мечтается о костромском журнале. Приятно, что находятся люди, работающие и на этот замысел. В перспективе — надежда на линию книгопечатания. Почему об этом говорю? На бюджетности да на дотациях-милостынях нынче не проживешь. А под лежачий камень и вода не течет. Проработал тактику создания товарищества с издательскими правами... Зачем это мне, такое сочетание обязанностей? Так ведь избран на должность не на тридцать лет и не просто для почетного пребывания при ней. Теперь другие времена. По номенклатурному не получается. Таковы особенности текущего момента. Не зря же и секретариат Союза писателей специальным решением предусмотрел необходимость, целесообразность совмещения должностей. Не только для меня, во многих областях — давно так. И российское правительство начинает ценить умеющих работать. Вольготно пожившим номенклатурщикам это не по душе, завистливо шумят.

— Не дискуссии в печати, стычки на съездах и писательских собраниях интересны читателю. Раньше стремился он к познанию жизни с помощью книг, искал путь к добру и справедливости вместе с авторами.

— Вот это — главное. И здесь пора сказать про особенности нашей работы. Пока книги выходили, в общем-то, по планам и в привычной норме: 6 — 10 книг в год. Читатели оценили произведения — не стану сейчас перечислять, заинтересованные знают. Теперь издательские возможности сдавлены коммерцией, болезнью экономики, дефицитом бумаги. Но писатель существует, пока есть возможность где-то прочитать или услышать его произведение. Унизительная очередность, томительное ожидание по пять-шесть

лет нервирует творческих людей, порождает зависть, взаимные придирки в оценке рукописей. Творческий потенциал организации не реализуется и наполовину, более того, сдержано его наращивание, развитие.

Газету начинал в основном для молодых, старшие наработали свою судьбу и авторитет, сами пробьются в журналы, издательства. Но журналам не до литературного процесса. Издательства заняты самоспасением.

— Три года назад костромичи говорили: создавая свою газету, писатели перессорятся. Была такая опасность?

— Ежемесячник существует, совершенствуется. На совещании главных редакторов в Москве назвали нашу газету среди трех лучших областных писательских изданий. Конфликты и противостояния (не мелочные, а серьезные) не газета порождает, а трудности жизни, нарастание развальных событий в обществе, контрастов в обеспеченности. Начиная газету, думал: чтобы что-то сделать, должен кто-то рискнуть. Иначе нельзя. Или все время оглядываться на консерватизм и старые догмы? Вот здесь пора сказать и про вторую особенность нашей жизни. Возраст творческого коллектива по средней цифре старческий — около 65 лет. Старый — что малый. К нему особая чуткость нужна. Ветеранам — особое почтение. Молодым — дорога. Давний девиз.

Притча вспомнилась. У одного маршала отбирали жезл, которым он вгонял в дрожь весь мир. Вместо жезла совали посох, который нагонял на него дрожь отвращения. Бедняга уверял, что еще может принести пользу. «Только себе!» — сказали солдаты. И деликатными уговорами наконец убедили его заняться стариковскими полезными делами. А он все упирается, говорит, что сил явно прибыло — прежде слезал с лошади один, теперь прихватывает еще и седло.

Смех и грех. Старость — не радость. Но всему свой срок, надо милосердно мириться с естественной сменой поколений. У нас она получилась заторможенной: молодых передержали, а теперь они сами медленно подходят. И мое поколение через пять-шесть лет уступит дорогу нынешним сорокалетним. Если кто-то на семидесятилетнем рубеже тешит свое самолюбие властными помыслами, досадой на молодых и жаждой коварного мщения за независимость, инакомыслие, приходится только сочувствовать. Конечно, в таком возрасте больно да и поздно отказываться от наработанных руководящих привычек и стереотипов. Придет и наш срок отступления.

Совсем недавно интересно работающих ни во что не ставили, даже за мусор почитали, а они заговорили правду. Такое противостояние естественно. Помнится, было: заявляешь несогласие, говоришь справедливо и прямо — значит, безнравственный тип, даже преда-

тель. Теперь — у каждого свое мнение. Мысль и чувство собственного достоинства свободны. Наверно, лозунг надо такой вывесить: поймем же друг друга в несоответствии мыслей и чувств. Кто хочет мула без изъяна пусть и останется без него. Да, бывало, поглядывали писатели с опаской, потому что дергали их за рукав: «Голосуй за того, а того вычеркивай. Слушайся, а то не будет тебе ходу». Многие из-за этого пострадали, не одна творческая судьба исковеркана.

Все сказанное — не только наши внутренние проблемы, а отражение общей болезни, застарелой, многолетней, номенклатурно-бюрократической. Многие из нас оказались опаленными холодным расчетливым усердием рассуждающих теперь о высокой морали. В книгах это уже отражено, да не в полной мере. Каждый из нас делает свой выбор — о чем в первую очередь рассказать...

— Правдивое слово писателей еще будет востребовано после нынешней схватки. Устные выступления нередко вызывают интерес. Какие проблемы волнуют костромских литераторов?

— Не всякую правду в каждый час сказать можно: об одной умолчи ради себя, о другой — ради другого. Так советовали древние мудрецы. Но есть вечное правило: лишь правда приносит подлинное облегчение. Никому не дано выйти из тесных пределов человеческого: у каждого есть свое «но», поэтому не принято считать свою натуру эталоном нравственности. Подлая победа — не победа, а поражение. Великодушие само по себе превосходно. А правдой или неправдой у каждого сыщешь родимое пятно. Иногда думаешь: верный знак собственного упадка, когда начинаешь примечать чужой позор. И спасаешься советом: разумный да остережется стать перечнем чужих грехов, всем ненавистной хроникой, иначе заживо погубит свою душу. Другие тоже должны таким советом воспользоваться. Преодолевая свои грехи, помогаем очищаться другим. В этом стремлении сила творческой личности, способной подать урок и пример.

О, великая беда века нашего — скопище страданий! Что в народе, то на уме и в сердце писателя отзывается болью. Спасение нации, экология природы, культуры, духовности — единое направление главных тревог. Все вместе, если думать о выживании. Как выстоять в очередях при дефиците всего и бешеных ценах? И не упасть духом... Злобность слепит и отупляет. Зависть, мелкие счеты, лукавое толкование о нравственности, утонченная мстительность не продвигают и самое малое созидательное дело. Разве на это надо тратить время и последние силы в трагические дни? Злое намерение — яд для высоких достоинств. Найдем же в себе мужество и милосердие. Озаботимся только тем. чтобы во благо общее делать скромные шаги... Каждый в определенный срок осознает: краткий и суетный

земной путь вот-вот кончится. Но каждый ли у последней черты сможет сказать: «жил честно, зла не творил, и меньше добра сделал, чем хотелось бы?» Потому и нет у меня обиды на самых коварных обидчиков. Слава богу, сохранилась и в смутное время способность прощать.

— А трудно пишется? Работать тяжело?

— Пишется медленно. Выходные и творческие дни заняты теми же заботами о выживании, о способностях культуры да и писательской организации в жесточайших условиях рынка. Работать привычно. Давно освоил правило: хочешь быть свободным — научись хорошо работать. Трудолюбие — из детства, от родителей, от самого образа жизни многодетной семьи. Как понимаю, чувствую: работоспособность динамичная. При необходимости могу освоить любое дело. Кажется, нет такого в круге моих интересов, чтобы не получилось. Жизнь не баловала привилегиями. Дольше бы сохранялось рабочее отношение к ней.

В августовском процессе, когда начался заход и против молодых, недавно избранных руководителей писательских организаций (некоторых поспешно заменили прежними), и мне задавали с двух сторон вопросы: «А где вы были девятнадцатого?», «Как относитесь к путчистам?». Отвечал искренне: «В лесу». Там чувствуешь себя человеком и хорошо думается под крылом матушки-природы. Грибная охота — душевная работа. В сокровенном не отчитываются. Уже призваны мы остановиться на путях наших и рассмотреть, и определить, где путь добрый и по нему идти собственной походкой…

Записал Е. Зайцев.
«Северная правда», 13 декабря 1991 г.

ИЗ МЮНХЕНА В КОСТРОМУ

Редактору ежемесячника приходится отвечать на вопросы читателей по различным публикациям. Наибольший интерес проявлен к творчеству нашего земляка Александра Александровича Зиновьева. Люди спрашивают: «Где можно найти его книги?», «Где он живет?», «Когда собирается приехать в Кострому?», «За что лишен всех регалий и выслан из страны?», «Нельзя ли ему написать?», «Может быть повторная публикация отрывка его воспоминаний в «Медвежьем углу»? Люди из разных городов и стран хотят знать о человеке, который знаменит тем, что внес колоссальный вклад в мировую культуру, плодотворно работает в логике, социологии, философии, литературе... Однажды я уже писал об этом, предваряя публикацию его интервью («ЛК» №4 (35), апрель 1992 года. Есть

обстоятельный повод обратиться еще раз к фактам биографии уникального человека.

29 октября 1992 исполнилось Александру Александровичу 70 лет. Мы отправили ему поздравление и просили прислать еще что-нибудь с разрешением опубликовать. Передавая «Литературной Костроме» право первой публикации своих воспоминаний на русском языке в России, Александр Зиновьев счел необходимым пожертвовать гонорар на укрепление нового издания. При этом он не был уверен, что публикация возможна. Писал так: «Что касается нескольких строк для земляков, я приведу эпилог из моей стихотворной книги «Евангелие для Ивана»:

Бесконечная череда, —
Поезда, самолеты, отели.
Промелькнули, прошли, пролетели
Города, города, города.
Убеждаемся скоро мы,
Что тоскливо в них так, хоть вой,
Что хватило бы нам с лихвой
Костромы, Костромы, Костромы.

На Западе опубликованы мои мемуары, в которых большой кусок посвящен нашим краям. Но — не на русском языке. Если в Костромской области надумают печатать что-то мое, я мог бы прислать этот отрывок из мемуаров. Но это должно быть наверняка. Я устал от невыполненных обещаний...».

Конечно, я знал, что означает эта усталость, что стоит за этим признанием в усталости от невыполненных обещаний, и потому сразу же и твердо ответил, ни с кем не консультируясь: «Александр Александрович! В костромской и самой дальней провинции нынче «прорезался» смелый интерес к Вашей судьбе, к Вашей философии. Причины этого интереса, видимо, не надо объяснять... Любой Ваш материал (статья, глава, фрагмент книги, размышления, воспоминания о костромской жизни) в значительной мере поддержали бы наше издание, нашу писательскую газету для всех... Конечно, любой Ваш материал будет землякам интересен, любой отрывок из мемуаров мы готовы опубликовать — это подтверждаю...».

И он прислал 50 страниц машинописного текста — на две книги в газете, фотографии. Наш читатель не сразу разглядел особую публикацию в двух номерах, а потом будто очнулся и начал трезвонить: «Где купить?». Увы, люди не ценят скромно предлагаемые ценности, они в рыночной кутерьме обращают внимание в первую очередь на шумливое, пестрое чтиво... Нет, теперь у нас этих выпусков «Литературной Костромы» и потому повторяю некоторые факты, потому напоминаю, что было опубликовано интервью Зиновьева «Падение

с зияющих высот» и часть еще одного интервью — «Иначе страна погибнет!» («ЛК» №4, апрель 1994 г.). Кстати, «Союзпечать» вернула «нереализованные» экземпляры, а номер этот был замечен, как говорят, не только в Костроме, но и в столицах бывших республик СССР — о нем писали в других газетах. О времена! О нравы!

Люди, люди... Мы проходим мимо искренних признаний знаменитого независимого земляка. Куда торопимся? Куда несемся? Хочу повторить: голос независимого, свободного человека сегодня, вероятно, ближе других к истине, этот голос не подкорректирован условиями группового противостояния, но свободен от показной политизированности в угоду любой власти, любому порядку. В таком голосе особая ценность, он говорит о том, что волнует, говорит искренне, как понимает. Мы забываем, что истину способны говорить одиночки...

Зиновьев вспоминает о том времени, когда его выбросили из страны: «Все мои коллеги проголосовали за это единогласно. Многие даже требовали, чтобы меня посадили в тюрьму. А сейчас эти люди повыходили из партии, стали такими «прогрессивными», антикоммунистами. И теперь они же набрасываются на меня и не дают ходу в Россию. За что? За то, что я остаюсь верным себе. Посмотрите, какой получается парадокс!..». И далее: «У меня есть свой путь, я иду своим путем».

Разве этого мало, когда очень трудно в противоречивом мире оставаться верным самому себе, своим идеалам и принципам. В семьдесят лет человек осмысливает свой путь и хочет уберечь других от повторения горьких ошибок, катастрофических решений. Можно не соглашаться с ним, понимая, что и великие философы не все обладали ясновидением, но прислушаться к голосу своего земляка не повредит, нелишним будет знать его судьбу, причины его тревог и горестных размышлений...

Возвратимся к началу главы «От Пахтино до Нью-Йорка...». Он пишет:

«Находясь на Западе, мне приходилось десятки раз летать по всему белу свету. И каждый раз я подолгу разглядывал географические карты в бортовых журналах. Я находил Москву, затем — города Загорск, Александров, Ростов, Ярославль, Буй, Данилов и Галич, расположенные на железнодорожной магистрали Москва-Владивосток. За Галичем расположена маленькая железнодорожная станция Антропово, которую не найдешь на карте. На север от Галича на карте можно увидеть небольшое озеро. На берегу его расположен городок Чухлома, тоже не обозначенный на карте. Примерно посредине между Чухломой и станцией Антропово когда-то находилась маленькая деревушка Пахтино. В этой деревушке я родился 29

октября 1922 года. Я мучительно вглядывался в карты и видел эту деревушку так отчетливо, как будто только сейчас покинул ее. Видел дома, поля, леса, ручьи. Видел людей. Видел даже коров, овец и кур. А ведь ничего этого давно нет. И никогда не будет. В русской истории вообще мало что сохранялось. Моя жизнь в этом отношении была вполне в ее духе. Почти все, где я бывал, куда-то исчезало. Я часто мечтал вернуться в прежние места и увидеть наяву что-то знакомое и пережитое. А возвращаться было либо не к кому, либо некуда. До войны я не раз ходил пешком от станции Антропово до своего Пахтино. На пути были деревни, обработанные поля, церкви. В 1946 году после демобилизации из армии я последний раз прошел этот путь пешком. Почти ничего не осталось. На месте деревень — развалины домов. Как будто именно тут была война. Поля заросли лесом. И не встретил ни одного знакомого человека. Ни одного!

Я вглядывался в то место на картах, где когда-то находилось мое Пахтино, и удивлялся тому, что меня не удивлял скачок из малюсенькой русской деревушки в многомиллионные современные города Париж, Лондон, Нью-Йорк, Рио-де-Жанейро, Токио, не удивлял скачок от старой клячи по имени Соколка, на которой я ездил верхом мальчишкой и возил навоз в поле в колхозе, к современному самолету «Боинг 747», который переносил меня за несколько часов с одного континента на другой.

— Вот летишь из Мюнхена в Нью-Йорк, — говорил я себе. — Прекрасный самолет. Прекрасное обслуживание. Вино. Фильм. Музыка. Еда такая, какая тебе не снилась в молодые годы. И такой порции тебе тогда хватило бы на неделю. Несколько часов, и ты — на другом континенте. Поразись этому чуду прогресса!

— А зачем мне Нью-Йорк? — возражал я сам себе. — Какая нелегкая сила несет меня туда? Посмотреть на статую Свободы, которая, на мой взгляд, есть верх безвкусицы? Побродить по Манхеттену? Побывать на Уолл-стрите? Как говорят в России, видал я это все в гробу в белых тапочках. Несет меня в Нью-Йорк не любопытство к нравам и обычаям на другом континенте и не интерес к красотам «каменных джунглей», а обыкновенная нужда: прочитать какие-то лекции и заработать на жизнь.

— Но все-таки чудо прогресса то, что европеец может слетать в Америку, прочитать лекцию и получить за это какие-то деньги. Потом ты полетишь с такими же лекциями в Чили и Бразилию. Весь мир в твоем распоряжении.

— Пусть так. Но ведь у всего этого есть и обратная сторона. А почему я не могу заработать на жизнь там, где живу, а должен тащиться за тридевять земель, где я не живу и жить не хочу?! А «весь мир» теперь стал маленьким и тесным.

— Но не будешь же ты отрицать технический прогресс! Возьми те же компьютеры...

— Мир не стал от них умнее. Прошлый век был умнее нашего, а будущий будет еще глупее. Ребенок, умеющий обращаться с компьютером, но не знающий таблицу умножения, есть признак деградации. Ко всему прочему в мире исчезла тайна и святость. Мы превращаемся в умную машину, состоящую из глупцов и служащую еще более глупым ловкачам.

— Что поделаешь? Прогресс в одних отношениях всегда сопровождается регрессом в других отношениях. За прогресс приходится расплачиваться. Вот ты сейчас отказался бы от результатов прогресса, которыми ежедневно пользуешься? Сменял бы ты этот «Боинг 747» на своего Соколку? Если мне не изменяет память, ты еще в 1941 году начал летать на самолетах — предшественниках современных. Будущее все равно принадлежит Нью-Йорку, а не твоему исчезнувшему Пахтино. Ты просто к старости становишься консерватором.

— Ты меня словом «консерватор» не обидишь. Когда в мире все становятся сторонниками прогресса, то самым прогрессивным становится тот, кто протестует против безудержного прогресса, ведущего к невосполнимым потерям. Между прочим, мое малюсенькое и навечно исчезнувшее с лица земли Пахтино существовало (по словам стариков) еще до того, как появился Нью-Йорк. И хотя последний стал городом-исполином, он также исчезнет в небытие, как и Пахтино».

* * *

Наш земляк после окончания средней школы поступил на философский факультет МИФЛИ, из которого, как и из комсомола, был исключен за выступления против культа личности Сталина. Во время войны ушел добровольцем на фронт. Танкист, затем летчик, награжден медалями, орденом Красной Звезды. После армии учился на философском факультете МГУ, затем — в аспирантуре. Защитил кандидатскую, докторскую диссертации. Профессор, некоторое время заведовал кафедрой логики МГУ, был членом редколлегии журнала «Вопросы философии». Автор многих публикаций и книг по логике и методологии науки. Его выдвинули в члены-корреспонденты АН СССР и на Государственную премию. Но... был уволен с работы, лишен степеней, званий и наград, а через два года за критику Л.И.Брежнева в романе «Светлое будущее» выслан из Отечества. С тех пор живет в ФРГ, в Мюнхене, с женой Ольгой и дочерью Полиной. Читает лекции в университетах США, стран Европы и Латинской Америки. Избран в академии наук Италии, Финляндии. За границей опубликовано более двадцати книг.

Указом Президента СССР А.А.Зиновьеву возвращено советс-

кое гражданство, но жить он продолжает в Мюнхене. Вот газетное сообщение:

ВОССТАНОВЛЕНЫ РЕГАЛИИ

Известный философ, автор ряда статей в «Правде», А.Зиновьев был лишен в 1977 году всех научных званий и степеней. И вот сейчас ВАК отменил свое прежнее решение и признал действительными выданные ранее А.Зиновьеву дипломы кандидата и доктора философских наук, а так же аттестаты старшего научного сотрудника и профессора.

В письме, адресованном Зиновьеву, заместитель председателя ВАК СССР Л. Моск- вичев пожелал Александру Александровичу дальнейших творческих успехов в научных исследованиях. К этому пожеланию присоединяется редакция «Правды».

«Правда», 20 сентября 1991 г.

Пожелаем и мы земляку хорошего самочувствия, творческих свершений, добрых воспоминаний о малой родине. Мир велик, многообразен, и при нынешних скоростях трудно его охватить, во многих странах побываешь, но мыслью и сердцем невозможно весь мир обнять. А родина доступна нашим объятиям, отзывчива на заботливую любовь. Что ответит Александр Александрович на приглашения из Костромы, Иванова, Москвы и других городов? Сможет ли он взглянуть на те места, где родной деревни давно уже нет, сможет ли, найдет ли в себе силы побывать там, где хотят его знать, понимать и помнить всегда? Есть ли у нас возможность сказать с надеждой: «До скорой встречи, Александр Александрович!»? Что ответит наш земляк? Однажды он сказал, что ехать просто так, человеком, книги которого неизвестны, нет никакого смысла. «Пусть издадут мои книги, пусть люди узнают, что я такое есть. Ведь о человеке судить на основе одного интервью невозможно. А интервью всегда односторонне, впадаешь в крайности, присутствуют какие-то эмоциональные настроения. А у меня все-таки 25 книг! Сегодня я могу сказать, что такой-то человек — сукин сын, а потом, в какой-то другой связи я могу сказать, что он герой. Так бывает, как вообще в жизни...».

Даже здесь, в ответе на один из вопросов видно, что ученый широко и многообразно осмысливает жизнь человека, историю общества. Зиновьев указывает на трагичность судьбы русского народа. Он утверждает: «Россия стала складываться в нацию к концу XIX — началу XX века, в нацию в собственном смысле этого слова. Не всякий народ есть нация. Революция прервала этот процесс. После революции в СССР проводилась антирусская политика. Россия как нация разрушена. Есть народ, есть множество людей, разбросанных

по огромной территории, но думаю, что нации, русской солидарности в хорошем смысле слова не существует. Я и на себе это испытал сотни раз. Кроме того, история России складывалась весьма неблагоприятно для русского населения. И это сегодня ощутимо. Что же делать? Россия имеет шансы стать великой державой, но есть один путь для этого — делать реальный вклад в мировую культуру. А для этого нужно развивать себя в литературе, музыке, в искусстве. Чем больше русских имен будет появляться в мировой культуре, тем величественнее будет Россия».

Стоит прислушаться к таким выводам не только землякам, администрации Костромской области, но и Российскому правительству, самому Президенту, если они действительно намерены осуществлять лозунги, которые провозгласили, пробиваясь к власти. Многолетнее давление на российскую культуру остаточного принципа продолжается. Сегодня бедствуют писатели, художники, артисты, не желающие приплясывать под дудку разлохмаченной коммерческой бесовщины. Разрушена государственная издательская система, у нас нет перспективного издательского процесса, имеющего цели просвещения и воспитания. О каком же развитии культуры можно сегодня вести речь? А без этого, по мысли Зиновьева, возрождение России невозможно, трудно ей стать великой державой...

Хотелось бы вчитаться в труды нашего земляка...

Тогда мы предложили читателям специального выпуска «Земляки» перепечатку публикации «Сын «антисоветчика» в тылу перестройки», у которой есть подзаголовок «К Валерию Александровичу заглянул младший по званию и шепнул: «Голос Америки» сообщил, что его отца лишили всех званий и наград». А затем, через три года, Зиновьев дважды побывал в России, был тепло встречен, выступал на телевидении.

Воспользовавшись случаем, встречался с Александром Александровичем в Германии костромской журналист Евгений Зайцев. Обстоятельная была беседа с выходцем из чухломской деревни.

Журналист спрашивает:

— Александр Александрович, говорят, что о планах нехорошо распространяться. И все-таки сейчас над чем работаете?

— Ну, я не скрываю. У меня в Москве должны были издать ряд книг, но они почему-то не вышли до сих пор. Одна, очевидно, совсем пропала в издательстве «Андреевский флаг» — может, слышали о таком?

— Нет, не знаю. Сейчас многие себя переименовали.

— Оно давно собиралось выпустить сборник моих статей, но так и не выпустило. Другое издательство должно было выпустить осенью полную книгу «Смута», отрывки из которой опубликованы

в «Нашем современнике». Но пока тоже ни слуху, ни духу. И потом, я написал очень большую книгу о современном Западе. Очень важная книга. Это результат исследования в течение многих лет. Выйдет она или нет — опять-таки трудно сказать. Теперь ведь тоже негласная цензура фактически существует. Достаточно из канцелярии президента сказать пару слов, что нежелательно, и все. Окажется, то бумаги нет, то того, то другого. Так что я не рассчитываю, что что-то выйдет.

Сейчас я заканчиваю одну книгу. Вы знаете, что у меня была серия — это «Катастройка», «Смута»…

— У вас все названия книг парадоксальные. И эта с парадоксом?

— Да, один из вариантов названия, отрывки из которого напечатаны в Италии,

«Гибель «империи зла». Ну «империя зла» — в кавычках.

Почему и как погиб Союз. Все книги актуальные, и все их делаю на основе информации, получаемой из России в избытке. Причем полную, самую последнюю, и молниеносно. Эти книги могли бы играть роль, а их игнорируют. Если бы мои работы выходили вовремя, как, например, книга «Горбачевизм», написанная через год после его прихода к власти, где удалось описать всех известных людей из его окружения, зная, к чему они могли привести. Эту книгу также бойкотировали.

— На Руси она так и не появилась, ни в журналах, ни отдельно.

— Теперь «Катастройка». В 87-м году она написана, но тоже до русского читателя не дошла.

— О ней хоть где-то, что-то говорят. А про «Горбачевизм» — ничего.

— Совсем ничего. А вот «Смута». Совсем «зажали», хотя отрывки напечатали в «Нашем современнике». И так далее. А если бы книги мои вовремя выходили, кто знает, может они повлияли бы на поведение и умонастроения людей.

* * *

«... Иначе страна погибнет!» Это сказано с тревожным предупреждением.

Нарастает противостояние различных жизненных позиций. Нет отчетливых идей на сегодня и на завтра, а конфликтов все больше. Кроме национальных, обостряются политические, нравственные, идейные. Указы и законы не действуют, в каждой области свои цены и свои порядки. Способные приватизировать не хотят знать о самочувствии, прожиточном минимуме и безопасности большинства.

Трудно оставаться верным самому себе, своим идеалам и принципам. За десять лет кое-кто успел перекраситься трижды. А вот

наш земляк Александр Александрович Зиновьев — уникальный человек, знаменитый тем, что внес колоссальный вклад в мировую культуру, плодотворно работавший в логике, социологии и литературе, — говорит о том времени, когда его выбросили из страны...

Может быть, нынче Зиновьев подвергается нападкам, которые достают его за рубежом, в Мюнхене, как раз по той причине, что он говорит истину. Прислушаемся к размышлениям земляка, написавшего более тридцати книг. Прислушаемся к человеку, чей здравый голос все-таки доходит до нас. Заинтересованные читатели могут вернуться к его воспоминаниям «В медвежьем углу», которые на русском языке впервые опубликовал наш ежемесячник. Обращаемся к мнению уроженца чухломской деревни, ученого и писателя с мировым именем, который считает, что его преднамеренно замалчивают. «В чем дело? Почему? Это бойкот! Меня выбросили тогда из СССР не КГБ, не Брежнев, как это пытаются изобразить. Меня выбросила моя Среда, мои друзья, мои коллеги. И сейчас в Россию меня не принимают они же... Да если я туда и приеду, мне глотку заткнут. Первое время, может быть, еще что-то и потерпят, но потом заткнут. Главный враг писателя — это другие писатели, главный враг ученого — это другие ученые. Имя им — легион! Да я уже и не могу приспосабливаться к ситуации. Мне уже поздно тратить силы на то, чтобы пробиваться и выбиваться. Я — творец. Я делаю, я создаю. И меня кто-то должен защищать. А такой защиты у меня нет.

Здесь, в эмиграции, не было ни одного русскоязычного издательства, в котором не поливали бы меня грязью. И до сих пор это продолжается. Почему? Я не пою в общем хоре. У меня есть свой путь, я иду своим путем. Я есть государство. Я — самостоятельное государство, свои принципы поведения и т.д. Я ни на той, ни на другой стороне...»

Голос независимого свободного человека сегодня, вероятно, ближе других к истине, этот голос не подкорректирован условиями группового противостояния, он свободен от политизированности в угоду новой власти. В таком голосе особая ценность, он говорит о том, что волнует, говорит искренне, как понимает. Приведенные здесь цитаты взяты мною из ответов Александра Александровича на вопросы журналистов. Нельзя оставить без внимания рассуждения о культуре. Александр Александрович говорил о том, что ареной культуры в наше время завладели посредственности или люди, имитирующие талант, но не по-настоящему талантливые. Поэтому начинают оплевывать великих творцов…

«Не могу считать себя знатоком западной литературы, но слежу, кое-что почитывал и почитываю... Так вот, советская литература так называемого застойного периода все равно на порядок выше западной литературы, если брать в целом...».

И далее: «Нельзя оплевывать прошлое. Если оплевать прошлое, мы ни шагу не сделаем в будущее».

Цитирование некоторых мыслей — лучший способ, в данном случае, рассказать о знаменитом земляке. При обилии материалов иной, более рациональный, способ мне не удалось подобрать...

ОСМЫСЛИВАЯ КЛАССИКУ

Доктор филологических наук, профессор и писатель Юрий Владимирович Лебедев три года назад издал книгу «В середине века». В ней он говорил об особых явлениях отечественной и мировой культуры, возникших из необычных и в известном смысле уникальных жанровых форм типа «Записок охотника» Тургенева, «Севастопольских рассказов» Л. Толстого, «Записок из мертвого дома» Достоевского, «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина. В этих произведениях впервые зародился целостный художественный образ России, ядром которого стала жизнь и «мысль народная».

Последовательность работы Юрия Лебедева подтверждается его размышлениями о русском крестьянстве (Исторический очерк — предисловие к сборнику повестей и рассказов русских писателей «Деревенские летописи»), исследованиями творчества Писемского, Островского, Некрасова, Максимова... В 1990 году выходит его книга «Тургенев», посвященная жизненному пути и духовным исканиям великого русского писателя. Не просто биография, а проникновение в мир художника, мастера стиля и композиция, каковым считали его французы. Книга написана для того, чтобы стало очевидно: «Нам невредно было бы перечитать его (Тургенева) сейчас, в эпоху, когда писатель не может сказать об одном предмете, не сравнив его с десятком других» (Андре Моруа).

С учетом новых, ранее неизвестных, фактов жизни и творчества писателя Юрий Лебедев создавал биографическую книгу. Его привлекла эта творческая судьба еще и потому, что Тургенев, несмотря на свой возраст (по словам Мопассана) придерживался в отношении литературы самых современных и самых передовых взглядов, отвергая все старые формы романа, построенного на интриге, с драматическими и искусными комбинациями, требуя, чтобы давали «жизнь», только жизнь, — «куски жизни без интриг и без грубых «приключений».

Именно такое прочтение Тургенева привлекает сегодня. Ценность работы Юрия Лебедева еще и в том, что он, сосредоточенный на понимании, поиске истины, узнавал в романах личность писателя — человека мягкого, чувствительного, порядочного.

«Л. К.», №5, 1992 г.

«ТЕПЕРЬ Я ЗА ГРАНИЦЕЙ…»

Опытная журналистка, увлеченная литературой, много лет работала в редакции шарьинской газеты «Ветлужский край». Работала активно, напористо, творчески: немало интересных аналитических материалов написала, интересных начинаний «раскрутила», умела быть заметной в любой компании, вносить незаурядные краски в общение — словом, талантливый она человек. С первого взгляда давала точные характеристики приспособленцам и подлецам. Не лукавила, говорила при необходимости правду каждому, кто заслужил прямых оценок. И в области ее знали многие.

Несколько лет назад по житейским обстоятельствам всей семьей уехали они в Керчь. Наташа, как видно, скучает по костромской земле — в работе она к ней «приросла».И вот она пишет в редакцию «ЛК»: «В 91-м году провела две недели в Шарье (дочки тосковали)-…Народ объединился в компании, чтобы я могла побывать сразу у многих. Все было замечательно. В то же лето у меня, на юге, побывали семьями подруги и друзья из Шарьи, Галича…И все. Отрезано. Теперь я за границей. А цены на билеты таковы, что моим «корешкам» вояж в Керчь не по карману. Конечно, будут еще приезжать, но редко. Если наш гетман Кравчук границу не закроет…

Теперь у русских в Крыму популярна такая песня: «Как же так, я сегодня живу за границей, не покинув старны, не покинув страны…» Или вот эти слова, в которых тоска: «Зарубежье мое называется ближним, но все дальше и дальше оно от меня…». Или вот еще: «Привыкай, привыкай — мы теперь эмигранты…». Следующие строки: «Заграница, заграница — там друзей, любимых лица, там моей любви и грусти города. Жизни добрые страницы, вы сегодня заграница…» Немудреный мотив. Простенькие слова, но поют песню, как свой гимн. И я пою. Под гитару. Появляется ощущение заброшенности. И в моей жизни сегодня преобладает неуверенность. Когда это я была с таким сложным мироощущением? Всегда удавалось от многих проблем отмахнуться, к чему-то отнестись, как обычно относятся к пустякам. Нынче не получается.

Вроде бы все нормально: работа, дом, со здоровьем А пусто как-то. Ни от чего не взлетает душа. Народ только о ценах и говорит. Везде. Я — нет. Не люблю бессмысленные разговоры. Знакомые в крайность ударяются. Кто к Богу, кто доллары скупает из принципа: доллар он и в Африке доллар; кто шмотки коллекционирует, т.к. копить наши «фантики» бессмысленно. У меня явных сдвигов нет, разве что иногда сижу безвылазно дома. Впрочем, я по сути всегда была домашним человеком, хотя это мало кто знал. Всегда любила вязать, шить, вышивать. Теперь все валится из рук.

Сейчас нет «боев», нет общественной чепухи. Но нет и толпы друзей на кухне. Читаю по-прежнему много. Но газет не беру… Чтобы ориентироваться, смотрю «Новости». Да и те раздражают ярко выраженным направлением в одну сторону…».

МЫ ДАВНО ЭТО ПОНЯЛИ

«Литературную Кострому», к сожалению, не имеют возможности читать в районах нашей области те, кому она интересна: не подписались, а газетных киосков в районах не стало. Но, оказывается, читают ее в других городах, в Москве, на Украине, в Казахстане — письма об этом свидетельствуют. Почти каждый номер ежемесячника находит отклик в прессе. Отдел критики «Литературной России» опять правильно понял наши замыслы. Потому и перепечатываем часть статьи из № 2, 1993 г.

«Литературный процесс, как известно, сегодня лишился ряда составляющих, без которых его нормальное течение сильно затруднено, а подчас немыслимо, что и позволяет затевать громогласные «поминки по литературе и ставить под сомнение ее роль в обществе. Расчет здесь, конечно, прост: финансовое удушение (если уж не удалось в свое время идеологическое) коренной, глубинной русской литературы.

Тем более отрадно, что в минувшем году продолжали выходить многие республиканские, краевые и областные литературные ежемесячные газеты — оплот и надежда местных творческих сил. Следует отметить плодотворную, на наш взгляд, тенденцию к выпуску тематических номеров, вокруг которых группируются первоклассные писатели и исследователи, благодаря чему еще недавно робкие провинциальные «очаги культуры» приобретают значение мощных просветительских центров».

От редакции «Литературной Костромы»: тематические тетради мы начали выпускать почти с первых месяцев существования. Вспомним хотя бы «книги в газете», посвященные творчеству Сергея Есенина, Владимира Высоцкого, Сергея Максимова, Сергея Маркова, Александра Зиновьева, и другие. И вот издание «ИЗГОЙ».

Продолжаем цитату из писательского издания «ЛР»:

«...лишний раз понимаешь, как далеко отстоит подлинное обретение исторического наследия от поспешного и грубого политизированного заполнения «белых пятен истории», практикуемого либерально-демократическими изданиями...».

«Строка Павла Александровича Катенина вынесена на обложку специального выпуска ежемесячника «Литературная Кострома»,

посвященного 200-летию со дня рождения поэта: «Одною памятью еще мы в свете живы...»

Этот декабрьский номер (главный редактор М. Ф. Базанков, подготовка материалов Е. В. Сапрыгиной) во многом уникален: здесь публикуются неизвестные ранее произведения П. А. Катенина, очерки «В Российской академии» и «Катенинские места в Петербурге», любопытные изыскания о родовой усадьбе Катениных и жительстве поэта-изгоя в костромском краю под гласным надзором полиции, когда ему был запрещен въезд в обе столицы. Останавливает внимание и программа юбилейных чтений, которые проводились в Костроме и Чухломе при участии видных литературоведов.

Нетрудно догадаться, каких усилий требует в наши дни организация всех этих мероприятий, или, скажем, предвидеть, что далеко не всем согражданам тема «Катенин в литературных спорах 1820-х годов» покажется актуальной... Но земляки поэта пошли на этот осознанный риск, ибо память, как и вера, жива конкретными делами. И пока «элитарные» литераторы с трепетом ждут присуждения престижных европейских премий, русская литературная провинция, не ожидая ни наград, ни похвал, упорно трудится на ниве возрождения отечественной культуры».

От редакции: действительно, нередко приходится идти на риск ради той памяти, которая жива конкретными делами. К сожалению, не всегда это бывает правильно понято. И не каждый костромской писатель готов поддержать новые начинания. Находятся и такие, кто больше озабочен каверзными вопросами, чем поиском путей и способов для поддержки добрых начинаний.

«Л К.», февраль, 1993 г.

НАЧИНАЕМ С ПОЭЗИИ

В Москве появилось благотворительно-просветительское издательство «Рекламная библиотечка поэзии». В меморандуме, подписанном известными поэтами, сказано: «В этот геноцидный для современной отечественной поэзии период спасение поэзии в нашей стране по силам только самой Державе!» Столица начинает издавать рекламную библиотечку поэзии. Костромские поэты достойны быть представленными в этой библиотечке.

Именно такая уверенность определяет часть забот писательской организации. Зная о том, что во все времена, от Киевской Руси и до 1985 года, государство в той или иной форме содержало поэзию, особенно тяжело думать о причинах молчания муз.

При отчетливом понимании того, что поэзия никогда не окупала и не окупит себя, было решено начинать все-таки с поэзии. Самостоятельно, без чьей-либо подсказки и поддержки, независимо от московского благотворительно-просветительского издательства, на одном лишь энтузиазме удалось подготовить и обеспечить издание первой книги из серии «Костромские поэты». Читатели получают первое издание — подарочный сборник избранных произведений известного самобытного поэта Сергея Потехина «Молодой бобыль».

Главный редактор «Л К» Михаил Базанков, по своей инициативе «единолично» затеявший эту поэтическую серию, считает, что возрождение российской культуры надо начинать искусством слова — фольклором и поэзией.

Подготовлена к печати вторая книга — избранное Леонида Попова. Его поэзия влиятельно, убедительно прозвучала в широком поле российской словесности, но государственное Верхне-Волжское издательство под гнетом коммерческих интересов не «изыскало» возможностей уделить внимание признанному поэту.

Председатель областного Комитета по делам молодежи Сергей Ситников, как говорится, сходу понял цели доброго начинания, энергично поддержал замысел председателя правления писательской организации. Иначе невозможно было решиться на издание поэтических книг. Конечно, ранее выделенной суммы уже не хватит и на одну хорошую книгу, но теперь писательская организация получила поддержку руководства области. Начинаем с поэзии. А в перспективном плане — и другие книги. Чтобы осуществлять этот план, нужны терпеливые энтузиасты, способные работать для других без шума и трескотни. Не дискуссии и собрания двигают дело, не борцы-подлецы, а работники. В новых условиях писательской организации требуются и новые работники.

Союз активных творческих сил будет определять не только издательскую, но и культурную политику в нашей области. Не взаимные претензии, а конкретное дело, пусть не очень престижное и даже незаметное на первых порах, обеспечит формирование определенной среды, поддерживать которую дотациями должны государственные структуры.

«Л К», № 8 (51), август, 1993 г.

«НИКУДА НЕ ДЕНЕШЬСЯ ОТ ПРАВДЫ»

Безоглядно полагаемся на тех, кто нам никогда не лгал, кто не демонстрировал доброту. Давно ли «добряки» ради собственной корысти притворялись товарищами, друзьями даже, а вот выждали согласованность между собой, состыковали коварные интересы и начали выкручивать руки с готовностью растоптать... И случилось так: я видел его среди маслянисто раскипяченных, прищурено глядящих, расчетливо действующих, попирающих истину, правду и не знающих стыда; я слышал приглушенное рокотание его голоса — откровенность и прямота в том голосе. Вспоминались его слова: «Воспитатели ворья часто кричат о честности!.. А может, стоит разобраться тому умнику, кто прав? Ведь он журналист, писатель... А иному все «к чему»: и загаженная природа, и тупица да еще ханжа вдобавок на видном месте и все непорядки, которые вроде тебя и, не касаются...»

Как повел бы себя Леонид Иванович в нынешних конфликтах? Да так же, как прежде. Перекрашиваться и менять флаги он не умел, руку в карман не стал бы заталкивать, чтобы кому-то кукиш показать. И тогда он действовал безоглядно. Значит, знал главный земной закон... Почему вспоминаю его часто? Вот взял книгу, изданную уже без него в «Советском писателе».

30 августа 1976 года Л. Воробьев, так он подписывал письма, кратко делился новостями: «Только что появился дома. Был в Костроме, Ярославле, Москве. И в Ленинград (к матери) заехал... Получил верстку из «Сов. писателя». Выкручиваюсь... Книга с автографом за мной...»

Он собирался прислать книгу «Это было недавно», но она вышла в 1979 году. В краткой аннотации сказано: «Новгородский писатель Леонид Воробьев (1932-1976)— автор семнадцати книг, объединенных темой села. Этой теме писатель не изменил до конца своей недолгой жизни. Герои его произведений — труженики колхозов и совхозов, лесорубы, сплавщики, сельская интеллигенция — люди сильного характера, преданные своей работе. В книгу вошли лучшие произведения Леонида Воробьева, написанные им за двадцать лет литературной работы». И все.

Разве дело в том, что герои его преданы своей работе? Разве, к примеру, Арсеня и Татьяна из рассказа «Недометанный стог» дороги нам только преданностью работе? Стойкостью, добротой и мудрым долготерпением дороги они нам... Трагичный этот рассказ

читается сегодня словно реквием нашим крестьянкам.

Помнится, мы по-особому ценили писателя Воробьева. И в редакцию зайдет, и на квартиру доберется в любой переулок, чтобы навестить молодого поэта или прозаика. Летом 1976 года он приехал в дальние костромские районы. Побывал и в Костроме, Кологриве. В Галич к Олегу Калинину заезжал. В Пыщуг, Павино прокатил, в Шарье остановился. Меня разыскал, говорит: «Ты, Миша, меня в Кологриве нашел, я теперь тебя — в Шарье». Пошли в редакцию.

Помнится, он писал: «Вот уже много лет связан я с редакциями. И люблю в них бывать — в любых, а особенно в газетных. Если хорошенько поразмыслить, то, пожалуй, на свете есть три места, где я чувствую себя в своей тарелке: природа, — ну это свойственно многим, стадион и редакция...»

И сразу становится понятно: каков человек. Никакой философии, напыщенной учености, менторства тугодумного на себя не напустит. А ведь сложен был человек. Две ночи мы с ним проговорили... Сколько стихов прочитал, былей и бывальщин рассказал. Произведения многих писателей цитировал в подходящий момент. Любил он прямодушную, искреннюю прозу...Русская литература, говорил Леонид, лукавить не может. Никуда не денешься от правды и поэзии трудовой жизни крестьянства — оно у всех наших истоков. «И не выхожу из себя, не растрачиваю времени и сил на бесцельные крики, ругань, не стараюсь казаться сильнее, чем есть, форсировать голос и силы, совершать нечто непосильное, а потому смешное».

Вновь слышу его голос. Помнится «Счастливый день Терехи Румянцева». Впрочем, в любом рассказе ярко живут костромская природа, костромские деревни, самобытные люди. Нет, не знаю у него ни одной новгородской книги. Тогда почему зафиксировано: новгородский писатель? И тут — трагичность его судьбы.

...А он тосковал по этой земле, по друзьям-товарищам, знакомым. И летом 1976 года приехал, чтобы облететь костромские дали, надышаться здесь, наговориться, словно чувствовал, словно знал, что больше уже не приедет никогда... Удивительны роковые совпадения: второго сентября он надписал книгу «Земной закон», вышедшую в издательстве «Современник». Заглавный рассказ венчает эту книгу.

Когда мы говорим о земляках, непременно видим перед собой тех, кто прямо и честно прошел по жизни. Ошибаясь, винясь, но не завиняя других... Знают, знают земляки свой земной закон. Вспоминают скорбно тех, кто жизнь человеком прожил...

«Л К», №5, 1993 г.

ВЗДОХ СЕМИ ТЫСЯЧ

Законным преемником Союза писателей СССР признано Международное сообщество писательских союзов (МСПС).

Москва. «Литературная Россия». Верховный суд Российской Федерации оставил в силе регистрацию Устава МСПС.

Напомним: Международное сообщество писательских союзов является правопреемником Союза писателей СССР. Такое решение вынес IX Всесоюзный съезд писателей в июне 1992 года. Сегодня МСПС объединяет около сорока крупнейших писательских организаций. И вовсе не «верхушка МСПС», как утверждает «Литературная газета» (9.III.94), но 7 тысяч литераторов, членов Сообщества, однажды справедливо поинтересовались: а с какой стати Литературный фонд СССР, десятилетиями являясь неотделимой частью большого писательского Союза, — вдруг стал «независимым» и зарегистрировался как международная общественная организация «Литературный фонд»? Впрочем, о «независимости» помолчим, знал, под каким пристальным надзором со стороны оппонента МСПС — Союза российских писателей (просим не подменять этим названием Союз писателей России, потому что в «оппонентском» Союзе всего 700 членов — Редакция «ЛК») находится сей международный Литфонд...

Далее: нет надобности перечислять все перипетии. «Литературная Россия» сообщает: «2 декабря 1993 года МСПС (читай — Союз писателей СССР) — «не стало». По этому поводу в ряде печатных органов, известных своей «демократической» ориентацией, появились торжествующие строки.

Веселье, однако, было недолгим. По настоятельному требованию писательской общественности руководство МСПС подало кассационную жалобу в Верховный суд Российской Федерации. Суд отменил решение Мосгорсуда от 2.12.1993 г. в отношении МСПС и оставил регистрацию Устава Международного сообщества писательских союзов в силе. Министерство юстиции РФ перерегистрировало Устав МСПС с поправками, внесенными на февральском съезде сообщества, — за прежним первоначальным номером. Возможно, некоторых работников пера это разочаровало, но 7 тысяч литераторов всего бывшего Союза облегченно вздохнули.

«Л К», №5, 1994 г.

«ЛИТЕРАТУРНОЙ КОСТРОМЕ» — 5 лет

...Всякая деятельность, отмеченная стремлением к добру и правде, любовью к Отечеству, к его благоденствию, славе и просвещению, не будет забыта...

Напрасно быть толпе угодней
Ты хочешь, поблажая ей, —
Твое призванье благородней,
Писатель родины моей!
Ее ты знаешь: не угодник
Полезен ей. Пришла пора!
Ей нужен труженик-работник
На почве Мысли и Добра.

Какова бы ни была собственно русская литература и теперешняя ее деятельность, не забудем, что она во всей своей массе служит представительницею умственной жизни народа — и будем больше уважать ее, будем служить ей осмотрительно!

Николай НЕКРАСОВ.

В 1989 году к Дню печати вышел первый номер нашего ежемесячника с обращением к читателям, в котором были обозначены цели и задачи нового издания, рассчитанного не только на литераторов, учителей, работников культуры, но и на читателей различного рода занятий, увлечений, интересов, уровня образования. Многие трудности пришлось преодолевать редакции, работающей без дотаций: организационные, финансовые, полиграфические; трудности, связанные с изданием и распространением, с отстаиванием собственной позиции, без увлечения политизацией.

У постоянных читателей, имеющих интерес к истории, литературе, искусству, наверняка скопилась уже своеобразная библиотечка любопытных публикаций: «Книга в газете», «Земляки», «Из истории костромского края», «Литературные судьбы», «Веселая ярмарка», «Солнышко», спецвыпуски, посвященные Катенину, Маркову, Максимову, Есенину, Зиновьеву, сборники костромских литераторов, рассказы о художниках, знаменитых земляках, тематические «Чтебники», подборки материалов для семейного чтения и для учебной, воспитательной работы в школах. Таковы были наши основные направления. И потому ежемесячник отличается от всех газет, большинство из которых теперь заняты «текучкой», мрачными общественными явлениями, суетливой бытовщиной и политизированным многословием.

«Литературная Кострома», по мнению обозревателя подобных газет, издаваемых писательскими организациями России, «самая

культурологическая из новых газет, добрые и светлые традиции восстановления отечественной, — и более конкретно, костромской, — словесности, книжности, театральной жизни, зодчества и живописи в ней постоянно присутствуют. И есть отчего: мало краев на Руси, означенных таким созвездием имен, событий, что составили славу государства, его истории и культуры. Тут — и Ипатьевский монастырь, ставший вехой на пути державности, и родовые гнезда многих творцов «отваги и волшебной сказки», говоря строкой Сергея Маркова, тоже на костромской земле родившегося. А. Н. Островский, С. В. Максимов, П. А. Катенин... (от редакции дополним частично: Писемский, Ладыженский, Кустодиев, Некрасов, Воробьев, Григоров, Шувалов, Козлов, Касаткин, Честняков). Имена их как бы освещают поле просветительства, занимающее страницы «Литературной Костромы», придают газете своеобразное обаяние...».

Перелистывая подшивки, невольно останавливаешься на многих публикациях, которые никогда не утратят своей ценности: воспоминания А. Зиновьева «В медвежьем углу» и несколько интервью писателя, философа, живущего в Мюнхене, публикации под рубрикой «Литературные судьбы», статьи-раздумья, очерки, рассказы и стихи...

В этом обычном, но все-таки юбилейном номере редакция и правление писательской организации отмечают плодотворное сотрудничество постоянных и новых авторов. Нам пишут из Ростова, Минска, Харькова, Москвы, Ленинграда, Ярославля, Томска, Твери и Вятки... К сожалению, подписчики за пределами нашей области ежемесячник получать не могут, поэтому иногда приходится, выполняя просьбы читателей, посылать бандероли. Есть еще неблагоприятное обстоятельство: в районах области ликвидированы газетные киоски — негде купить издание, поэтому еще не во всех школах учителя знают о существовании ежемесячника, который им очень необходим при работе по новым программам, уделяющим особое внимание изучению родного края.

«Литературная Кострома» создавалась и существует в первую очередь для учителей и родителей, цели у нее не однодневные — историческое, культурологическое, литературное и нравственное просвещение. Не остаются без внимания и вопросы экологии, быта. Душевное самочувствие земляков, их духовные устремления, житейские заботы — в поле зрения писателей, педагогов, ученых костромских вузов, выступающих с заметками и статьями.

Пятилетие издания — не праздник, а просто дата, позволяющая остановиться и поразмышлять над тем, какой быть газете, какие темы считать главными на будущее при постоянной заботе о возрождении России, ее духовности и культуры.

«Л К», №5, 1994г.

«ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ»

Из читательского дневника

К дню рождения мне подарили книгу Михаила Базанкова «Признание в любви». Заглавие интригующее, Чувство любви волнует людей всех возрастов — «от шестнадцати до...».Думают не только о своей любви. Пожилые заботятся о детях, старики — о внуках. Все интересуются любовью.

Книгу я прочитала быстро, отложив все другие дела. Читала и все ждала, когда же на ее страницах появится та любовь, которой «все возрасты покорны». А ее такой вроде и не было. Зато было, увлекло другое, гораздо более важное. Но об этом позже.

Сразу надо сказать, что таких книг я не читала. Их, наверное, и нет в эти смутные годы. Удивительный интерес двигал меня потому, что Базанкова я знаю как художника. Рассматривая его рисунки, чувствуешь, что автор — писатель, а читая его произведения, понимаешь, что он художник.

И вот книга «Признание в любви». В ней три повести.

Первая повесть «Крик чибиса» очень лирична, похожа даже на то, что мы улавливаем в стихах, в поэзии.

Третья повесть, давшая название всей книге, изумляет характерами героев. Они (характеры) ярки, сильны, своеобразны. Их не спутаешь и не забудешь. Глафира, Алеша, Гриша, старуха-гармонистка Тальяниха и многие другие.

Вторая повесть — «Лабиринт». Она — о сложности, запутанности, кажущейся безвыходности жизни вообще и сельской особенно. Действительно лабиринт. Выход есть, но он один, и найти его мудрено.

Хочу рассказать о своем читательском впечатлении, но как-то невольно сбиваешься на хотя и очень примитивный, но именно анализ или, лучше сказать, пересказ.

Серега Мазуркин и Виталий Крутцов давно не виделись, но общая забота о земле, о пахоте заставила их встретиться Работы тьма, но она тяжела и неблагодарна в том виде, в каком обычно делалась. Оба мужика талантливы: изобретатель Витюха и поэтического склада умелец-трудолюб Сергуня. Они вытащили из потайного люка свой самоходный плуг. Им и стали пахать. Скоро убедились: конструкция несовершенна. Виталий решил, что надо кое-что переделать. И все же мужики чувствовали себя хозяевами поля, однако понимали, как все сложно. Состояние такое, что живешь, как велят. Сергуня образно выразился: «Ходишь, как в этом самом «лабри-ни-те». Начитанный Витюха поправил: «В лабиринте».

Запутанность положения, обстоятельств. Много ходов, в выход единственный. После окончания работы ночью Сергуня начал вспоминать и записывать все неотложные дела на следующие дни. Записал, но понял, что всех дел не переделать. Хотелось найти того, кто мог бы понять, посочувствовать. Неожиданно в душе его сложились слова:

Каждый умник за серость бранит,
А я виновато терплю и молчу
Как будто случайно попал в лабиринт.
Как будто красиво жить не хочу.

Но Сергуня не только хотел, он и жил красиво, сам того не зная. Великий труженик, чуткий человек, он смысл жизни видел в служении другим людям, односельчанам, своим соседям, всем немощным, больным, старым. Сама доброта, безотказность характерны для него в той сложной, запутанной ситуации, которую назвал лабиринтом. Личная судьба Мазуркина крайне тяжело складывалась долгие годы. И все-таки он нашел выход — своим трудом и поэтическим словом укрепился в жизни.

Не провожу анализ других повестей. Уверена, что в свое время были обсуждения книги, на нее писались рецензии, ею занимались критики и литературоведы. Меня захватывает самое существенное. О какой же любви говорит автор, говорит вся книга? О любви к земле, к сельскому труду, к творчеству русского народа, крестьянства, о любви к детям.Книга отражает лучшие человеческие качества — взаимопомощь, дружбу, единение. Понимаешь, что именно народ производит все духовные ценности. Он талантлив, добр, бесконечно трудолюбив. Им все держится.

Книга эта — признание в любви к России, к Родине, ко всему светлому. Она вселяет в душу уверенность, мужество, терпение. Я очень больна, много лет. Естественно, что настроение бывает ужасным. Но книга мне так помогла, что, кажется, ко мне вернулись силы, захотелось еще больше, чем раньше, жить для детей, внуков и правнуков. А может, если сумею, послужу еще и обществу? Мне тоже хочется сделать признание в любви к людям вообще, особенно к людям творческого труда. А книгу М. Ф. Базанкова я уже начала перечитывать. Какое наслаждение читать ее, особенно тогда, когда можешь получать только детективные романы и пакостные передачи по телевидению...

Т. Птицына, педагог

ЧТО НИ СЛОВО, ТО АФОРИЗМ

Встречи.

В первые дни школьных каникул учителя Костромского района встретились с писателем Михаилом Федоровичем Базанковым.

Все прошло на одном дыхании. Такого эмоционального человека, великолепно владеющего русской речью, не так часто найдешь.

Еще присутствующие поняли, как высоко ценит руководитель областной писательской организации своих собратьев по перу. Представляя Леонида Попова, он начал со стихов:

Сумасшедший вокзал Ярославский,
Тетки с сумками валятся навзничь
В толчее, в человечьей пустыне
Горлом плачет мужчина о сыне,
Губы серые шепчут «Серега...
Бог-то где?..»

Разговор, конечно же, коснулся Чечни, судьбы сегодняшних мальчишек. Не мог не сказать М.Ф. Базанков о Сергее Потехине, который «способен на искренность только при естественном освещении, в привычном пространстве»...

Звон малиновый, звон лиловый!
Солнце лупит в колокола.
Не хватает всего лишь слова,
Чтобы улица в пляс пошла.
Вот народец —
Они уже пляшут?!
Эй, раздайся, И я спляшу!
Только кудри свои приглажу
Да подруженьку приглашу.

И вставала перед глазами до боли знакомая картина.

Что стало с русским народом, с Россией — вопрос, который волнует писателя больше всего. Одна за другой вставали картины из жизни Михаила Федоровича, а это значило, что многие из собравшихся листали в голове страницы его произведений, которые отличаются богатством языка. Что ни страничка, то афоризм: «Без правды старый дом не стоит, новый не выстроить», «дом-корень, сторона-похвала», живут — не с кем покалякать, помрут — некому плакать».

Удивляешься всякий раз, когда открываешь его повесть или рассказ, реалистичности образов.

Во время встречи Михаил Федорович много рассказывал о своих «учителях» — матери, школьном учителе-фронтовике, деревенских сверстниках... Именно они послужили прообразами многих литературных персонажей: Агафьи Тальянихи, Нины Лесниковой, Алексея Новикова, Виталия Крутцева.

Удивительно живо представил писатель американскую поэтессу и журналистку, которая захотела побывать на родине своего друга.

— И пришлось везти ее в забытую богом и людьми деревню. Родину, как и мать, не поменяешь, — сказал Михаил Федорович.

«На высоком взгорье за рекою перекликались вечерние петухи. А здесь, в унылой деревне, стояла глубокая, ровная тишина, похожая на ту, что не раз приходилось ощущать то в одном, то в другом нежилом доме... Он стоял посреди молчаливой деревни, вспоминая, кто где жил и чем отличался. Но не возрождались, не виделись отчетливо давние лики односельчан, только их отдаленные живые голоса наносило влажным ветром», — пишет Михаил Федорович в «Повести о любви».

Здесь не скрипнет в тишине калитка.
Петухи не пропоют зарю.
Старый клен, как будто бы с улыбкой,
Может, вспомнит молодость свою?

Грустная картина оживилась впечатлением от купания в родной реке, где знакома с детства была каждая излучина, каждая отмель. Он плыл и пел от радости встречи, а удивленная американка говорила, что ничего подобного в своей жизни не видела и не переживала.

А как великолепен был рассказ о «медовой тропе». Это надо было не читать, а слышать из уст автора. Как образна речь! Как чисты и искренни герои этой истории. Как мудры они были!

Да, такие встречи неповторимы.

Т. Мирошникова,
завуч Зарубинской восьмилетней школы.
«Костромской край», 31 мая 1995 г.

«ХВАЛУ И КЛЕВЕТУ ПРИЕМЛИ РАВНОДУШНО…»

Заметки писателя.

Действительно, дожили. По всей области былые газетные киоски, книжные магазины исчезли или забиты устарелыми «сникерсами» да всяческим «пойлом» отравительным. За доставку нашей литературной газеты подписчику надо отдать 250 рублей за каждый экземпляр... И все не верю, что нет уже ни в ком любви к изящному и духовному. Потому и работается без упования на трудности, нет ощущения напрасной траты времени и усилий. Должна наступить нормальная жизнь, если не для нас, то для молодых литераторов. Сочетание творческих, организационных, издательских, редакционных обязанностей продиктовано экономической ситуацией — приходится терпеть. Сделанное рано или поздно сработает, будет понято.

Писательская организация при двух штатных творческих работниках (председатель и литконсультант) за полугодие подготовила, выпустила в свет четыре поэтических сборника — такое не удавалось и в самые благоприятные годы, повторится ли «когда-нибудь эта удача? Мы рискованно начали с поэзии при общем почтении к поэтам.

Получилось так: поэты по существу не представляли рукописей — житейские обстоятельства. Стихи Сергея Потехина мы собирали сами, часть прислал Олег Каликин. Публикации Леонида Попова, редкие рукописи находили в разных редакциях. По состоянию здоровья не до того было автору. Но всем нам ясно: при единственной книжечке, изданной Верхне-Волжским издательством в 1987 году, поэт в далекой Вохме ритмично дышать не может: время идет, а его никто не услышит. В редакциях толкаться ни времени, ни сил у него нет, да и бесполезно сейчас. Он писал, извиняясь за длительное промедление с ответами на мои письма: «В оправдание скажу, что с мая по ноябрь не видел ни одного выходного: по 11-12 часов на работе (на трех должностях — семью-то кормить надо), да плюс к тому строил двор — обзавелись кой-какой скотиной, чтоб с голоду не подохнуть. Итого рабочий день получается по 16-17 часов. Не жалуюсь, но признаю: быт зажрал. Времени нет ни на что». А тут еще инфаркт грохнул...»

Так сегодня, посреди российской смуты, живут многие честные люди, не только поэты. Надеюсь, простит Леонид Николаевич эту огласку нашей житейской переписки. Строки из письма привел, чтобы показать, «из какого мусора» рождается поэзия. Посреди какой человечьей пустыни приходится плакать о доле народной.

... Небо грозную голову клонит,
Тучи грузные гонит спеша,
А молчанье такое, что стонет.
Задыхаясь в беззвучье, душа.
Лишена даже памяти звука,
Свои клятвы не помнит она.
Безголосья гнетущая мука
Не за прежние ль речи дана?

В поэзии Леонида Попова никаких сугубо личных жалоб не звучит, не пробивается в его сдержанном голосе. «И в праздник чувства волком выть охота./ От своеволья злого душ глухих,/ Когда тугая сытая зевота /Сворачивает скулы у других./ Высоких мыслей непростимый грех.../ Да что с того, что сердцу петь охота,/ Когда надежно заперт слух у всех?»

Может быть, эта поэзия нынче и есть по-настоящему социальная, гражданственная... Как же надо зачерстветь, чтобы препятствовать обнародованию ее?! Пробили десятки «невозможностей» — экономических, издательских и «бумажных», групповыми интересами еще порожденных. Твердо решили: будем издавать стихи Леонида Попова.

Сегодня нас не беспокоит состояние поэзии — здесь мы уверенно себя чувствуем. Беспокоит, как относится к ней читающая публика, сколь равнодушно она проходит мимо редких теперь поэтических сборников — разве только по незнанию значительности костромской поэзии? К тому же удивляет соотношение цен на товары первой необходимости, на продукты и на духовную продукцию. Сборник стихов приравнивается к стакану кофейного суррогата. Удивляет, оскорбляет, печалит: студенты, преподаватели, школьные учителя не покупают поэтические книги. По бедности? И по этой причине…

Вышел из печати сборник избранных произведений Леонида Попова, скоро мы предложим его в реализацию. Надо представить этого поэта — то, что рядом, что не блестит фальшивой позолотой, люди не видят. Помогать им надо. В первую очередь за это взяться должны преподаватели литературы. Для них и рассказываю о Леониде Попове, сохраняющем чувство собственного достоинства «в век сумасбродства и въедливой лжи». Границы его талантливости еще не очерчены, даже не проглядываются — слишком редки встречи с читателями, слушателями.

«В темени мглистой ни проблеска нету. Редкие звезды дрожат. Крикнуть, позвать бы — да голос-то ветром. Голос относит назад...» Один из критиков написал: «Я почти не знаю в нынешнем стихотворческом цехе страны голосов, столь по-русски естественно пере-

дающих глубинное состояние бытия народа, состояние души человеческой, неразрывной с землей этого народа...» Верно. Поэзия Попова утверждает: чем ближе к земле, тем ближе к небесам. Он знает безголосья гнетущую муку и способен на такие откровения, каких еще не было в российской поэзии за последнее десятилетие... Слишком высокая оценка? Но чтобы не согласиться с ней, надо хотя бы прочитать тоненькую книгу «Обреченный на любовь», изданную недавно в Костроме, можно сказать, без организаторского участия автора. Верю, при возможности участвовать в составлении, формировании этой книги сам Леонид Попов сделал бы ее иначе. Но и то, что получилось у нас за короткий срок, освежающим «светом плеснуло в душу» московским знатокам поэзии.

На Всероссийском совещании писателей, как говорят, Леонида «носили на руках». А вы, земляки, о нем так мало знаете. И стихи не читали? Что же это с нами происходит? Или пресытились духовными открытиями? Ценители, профессионалы, прочитав эту книгу, сообщают: «В поэзии русской явился огромной лирической силы художник, самобытнейший в своей традиционности, простой при всей своей небывалости...»; «Прошиб он меня так, что я убежден теперь: если Бог даст Леониду достаточно пожить и поработать, он взойдет на высшие ступени Русского Парнаса. Ах, больно и как тревожно мне за него...»

Умирают — в любую погоду.
Что природе до всех рубежей?..
Выпивают последнюю воду
И об этом не знают уже.
Если б знать...
Если б шаткие шансы...
Но сверх меры — нам нет ничего.
Так, костюмчик наладишь на танцы,
Ан — навечно наденешь его...

Содрогнемся в раздумье о трагических судьбах российских поэтов...

Сменяют друг друга полосы российских бедствий, но они — вот чудо! — оборачиваются взлетами поэзии, «поэтическими взрывами». Бывало: изводили поэтов безгласьем, морили всевозможными способами и в открытую выбивали из жизни, а поэзия жива... В наши годы велико разнообразие удушения, творится разлад по плану. Недавно написаны в райцентре Вохма Леонидом Поповым без преувеличения и рисовки такие стихи:

Под барабанный бой вранья
Какие песни, брат!
В наряде грязного рванья

Не ходят на парад.
Хотя и рубище певцу
К лицу, не худо б знать:
По-русски это — встречь свинцу
В рубахе чистой встать.

Сегодня поэзия доходит «аптекарскими дозами» (на то и снадобье). Поэты, по словам критика, почти начисто лишены в России возможности сказать свое новое слово. «И все-таки: благодаря подвижничеству людей, для которых поэзия — не просто жизнь, но житие...» Следует повторить: мучителен крест художника, избравшего долю слияния с безгласной, заглохшей, оглохшей землей и ее жителями. Такой художник не говорит «о чем угодно», он творит песнь, исполненную жгучей правды. Эта мысль из статьи о творчестве Леонида Попова, напечатанной в журнале «Север» (№ 8, 1992 г.).

Нет, не квасной патриотизм побуждал меня к изданию тоненьких книжек, которые затем писательская организация представила на творческий конкурс.

Впрочем, не только поэзия костромская привлекает ценителей и знатоков. Недавно изданная книга Павла Румянцева «В нашем славном городе» получила высокую оценку. И автор руководителям семинара очень понравился. Есть у этого талантливого человека особое обаяние — это мы знаем, за это его ценим, выделяем из «общей шумливой ватаги» сатириков и юмористов. Только что Павел получил письмо из Москвы. Из одного журнала главный редактор пишет, сообщая о намерении печатать два его сочинения, пригласилл к сотрудничеству, а через него и других костромских новых авторов. Редактор дает такую оценку работам нашего сатирика, какую он получил на наших творческих семинарах, на обсуждении вышедшей книги под «парусом» редакции ежемесячника.

Теперь жалеем, маловат был тираж первой книги. Упрекаем читателей: 25 рублей не могли выкроить на приобретение ее в киосках, вот и не разглядели, не оценили вовремя земляка, теперь через столицу его узнавать придется с удивлением: «Неужели это наш парень?!»

А у него добрый взгляд, ироничное к самому себе отношение, незлобивая улыбка при светлой печали и придирчиво-беспокойное, аналитическое отношение к житейской нашей суете — вот часть отличительных особенностей деликатного юмориста Павла Румянцева. Ценим его работу в жанре сатиры и юмора за эту доброту и деликатность, за умение оставаться на своей точке опоры, когда другие спешат получить международные премии за оплевывание народа «этой» страны, когда бойкие да равнодушные сатирики вокруг не просто высмеивают человеческие пороки, а наотмашь, с какой-то хамоватой грубостью, переходящей в жестокость, бьют растерян-

ных соотечественников слева и справа, «скалозубят» и «хохмят», упиваясь собственной злой изощренностью. Нашему Павлу давно очевидно: интеллигентность юмориста и сатирика — обязательный профессиональный «элемент» обаяния. Он давно уже работает в избранном жанре и стиле, четко определив, что сатира может быть и злой, но через добрую улыбку, без пинков. Литературной работе способствует его основная профессия: врачи имеют возможность для специфического внимания к психологии, пожалуй, точнее других знают, кто нуждается в сострадании, помощи и защите.

Первая книга Румянцева построена так: продвижение различных типов по городскому пространству между прошлым и будущим — главная линия, на которой встречается со своими «пациентами» молодой сочувствующий сатирик. Он действует в конкретном городе, среди конкретных деталей и настроений, несущих печать времени, экономических, нравственных проблем, духовных исканий и политических зигзагов. То купец Охмелкин из сатирической повести «Благодетель» фантазией автора переносится в наше перестроечное время, то, наоборот, большевик дед Матвей из рассказа «Дверь» заплутал между прошлым и настоящим, и когда нам же в 1982 году пытается рассказать, что произойдет с нами и Отечеством, мы ему не верим и смеемся... Сами над собой? Что это? Может быть, необходимый исцеляющий смех, дающий зоркость на сегодня и новое понимание былого? Впрочем, надо читать каждому при собственном настроении, опыте, эстетическом и философском взгляде. Эта первая книга была нужна, причем давно, с ней автор приобретает уверенность, потому что она состоялась... На февральском совещании молодых писателей России по этой книге Павел Румянцев принят в Союз писателей. А нам талдычат, бубнят из-за каждого угла: «Зачем «Литературная Кострома?» Кому нужны эти тоненькие книги?» Пока живы, будем бороться и за такие издания, будем отстаивать право быть услышанными, прочитанными. На очереди — книга Алексея Акишина из Павина. Знаете, это недалеко от Вохмы. Две повести его — «Гурт» и «На цветущем лугу» да публикации в областных газетах убеждают: появился у нас интересный, терпеливый прозаик. И на Всероссийском совещании в семинаре прозы это подтверждено: Алексей тоже принят в Союз писателей России. К сожалению, разговор об особенностях его литературной работы приходится откладывать на будущее...

* * *

После довольно продолжительной паузы в творческой жизни — создали для русских писателей эту паузу коварно и преднамеренно — в начале февраля работало в Москве 1-е Всероссийское сове-

щание молодых писателей. Это совещание проводили совместно Союз писателей России, Литературный институт, ряд организаций, издательства, журналы, заинтересованные в становлении литературной смены, в притоке новых творческих сил. В результате конкурсного отбора были допущены к участию в семинарах три костромича. Подводя итоги, секретариат сообщает: писательские организации России с высокой требовательностью отнеслись к рекомендуемым...

Успех совещания во многом предопределялся организационной и творческой работой на местах. Книги ряда участников, представленные на обсуждение, вышли благодаря подвижничеству отдельных энтузиастов и терпеливой деятельности областных писательских организаций. Большое число молодых писателей прошли хорошую творческую школу на областных, региональных совещаниях, которые проводятся, несмотря на огромные трудности. Можно с уверенностью сказать, именно на такой основе в литературу вошло новое поколение талантливых писателей со своим видением мира, со своей тематикой и по-современному острой формой выражения творческой индивидуальности. Наш профессиональный писательский союз помолодел.

Это строки из письма, в котором секретариат правления Союза писателей России приносит искреннюю благодарность областным писательским организациям. Разве не понятно, что литература питается, формируется по всей России... Но в Костромской области на разных уровнях пытаются создать общественное мнение доморощенные «ликвидаторы»: сокращаться из экономии надо, ликвидироваться пора. Нет уж, извините, господа! С этим повременить придется — общее собрание костромских писателей придерживается другой точки зрения, об этом заявлено 24 февраля. Может быть, не все знают, не слышали. Или не хотят знать?

У нас есть хорошие планы, много интересных рукописей. Мы способны на добрые дела для людей и Отечества. Каким способом задуманное реализовать? Требуется думать, искать возможности, убеждать городское, областное руководство в необходимости, целесообразности создания условий для развития костромской литературы. Надо думать сообща, какие наши нынешние деяния потомкам останутся, как закрепить духовные, культурные ценности, которыми богаты? Прежде всего при помощи печатного слова. И нечего тут разобщаться, лукавить: мы все в одном времени-пространстве, у одной жизненной реки. Нужно закреплять полнокровный и правдивый спектр культурного наследия не обособленными порывами, а на основе единой культурной политики.

Нужна продуманная, с учетом многих интересов, издательская последовательность, просматривающая историю и культуру

области во времени не только к юбилейным датам. Не ликвидировать, не притеснять творческие структуры, а создавать условия для реализации того, чем они богаты. Не сомневаюсь, Костроме требуется собственное издательство. Под каким крылом, под какой крышей оно должно существовать? Под покровительством комитета по культуре, писательской организации — это несомненно, а вот принадлежит оно пусть областной администрации. На том и надо искать согласие, осуществление надежд.

«Костромской край», №65, 7 апреля 1994 г.

«НО НИКОГО В БЕДЕ МЫ НЕ БРОСАЛИ...»

Из предисловия к сборнику В. Лапшина «Кольцо».

Современная поэзия, как утверждают некоторые специалисты на Западе, перестала входить в повседневную интеллектуальную диету. Но Россия — особенная страна, романтическая, поэтическая, песенная. Богатейший русский фольклор, лучшие образцы народного поэтического творчества от самых древнейших времен и до наших дней свидетельствуют о вечном и неувядающем словесном искусстве.

Это искусство — явление уникальное в мировой истории художественной культуры. Приникая к такому «роднику», русские поэты и писатели в каждую эпоху открывали в народном творчестве все новые и новые эстетические ценности. Гениальный Пушкин говорил о том, что писатель должен «повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, которая всегда имеет свою «особенную физиономию». Он улавливал необходимость не подражания фольклору, не простого использования его мотивов, сюжетов и образов (хотя и не отрицал такого), а глубокого и прочного освоения принципов, свойственных языку фольклора. Подлинные поэты понимают это от рождения.

Не потому ли наш поэт Виктор Лапшин, однажды смело и для кого-то «обвально» заявив о себе в столичных журналах, обратил на себя внимание исторической, «а вернее мифологической глубиной стихов, написанных в форме народных баллад»? Не потому ли при многих публикациях в периодике одна за другой выходили его книги в союзных издательствах? Не потому ли, представляя читающей публике нового поэта, критик Вадим Кожинов призывал господ снимать шляпы?

Подлинные знатоки русской поэзии даже сегодня не могут согласиться с утверждением об умирании или упадке, хотя связано это утверждение с общей, мировой, дезинтеграцией языка: усиливаю-

щаяся в мире недостоверность его идет параллельно происходящему в тот же период распаду личностей и сообществ; поэтическая деятельность, некогда столь возвышенная, становится, в общем-то, второстепенной.

Но мы, русские, во дни тревог и сомнений получаем знание, удовольствие, утешение и даже прозрение от чтения стихов, потому что не утратили, может быть, родовую, национальную способность восхищаться поэзией, находить необходимое для души и сердца не только у великих поэтов. Россия — божественная страна. Нет у нас другого литературного жанра, который был бы ближе к божеству, чем поэзия; нет другого вида творчества, в котором писатель способен был бы воспарить так, как возможно в поэзии. Об этом заставляет размышлять сегодня и поэт, живущий в Галиче.

Подлинная поэзия не является в угоду какой-нибудь моде или временной политике. Виктор Лапшин относится к числу тех внутренне собранных, выдержанных по большому счету людей, которые здраво оценивают свои возможности, свое время и потому знают: «нет чувства выше, чем тоска по Родине своей» (Леонид Попов), знают, что не стоит тратить жизнь на улаживание собственного душевного комфорта, благополучия и на улаживание мелких завистнических дрязг незначительных людей. Он как бы уходит в спасительное, найденное тревожной думой-далью, уединение от окололитературных споров. Это по внешнему поведению. Но живет в постоянной тревоге за людей, за природу, за общее житие. Такая тревога и определяет тональность книг, поэтическое мировосприятие. Голос питается от многовековой стихии русского слова и потому звучит выражением «всенародной нравственной высоты».

Его стихи, как говорится в одной из аннотаций, трудно назвать просто лирическими, они скорее мировоззренческие, философские, мифологические. «Главное в них — глубокая, подчас угрюмая, но неожиданно и сильно проявившаяся мысль, богатство содержания и завидное бесстрашие исследования жизни» («Советский писатель», 1989г.). Труден его личный жизненный опыт, но нелегкий груз печали и раздумий он поворачивает в сторону добра и красоты.

Книги Виктора Лапшина «Желание», «Мир нетленный», «Дума-даль» и другие содержат такие стихотворения, которые близки лучшим образцам гражданской лирики. Однажды я уже говорил о том, что «Дума-даль» ведет читателей в осмысление народной нравственности, к пониманию причин духовного обнищания. В напряженности, недосказанности этой поэзии таится загадка, которую каждый волен в силу своих возможностей отгадывать сегодня или завтра, нынче или когда-нибудь позднее. Одни пойдут далью думы, другие — путем любви и верности, третьи остановятся, чтобы понять соб-

ственное самочувствие в соприкосновении с другими судьбами, а кто-то и отмахнется, не принимая такой способ поэтического исследования и выражения чувств, усомнится в предвидениях поэта, не примет жесткой категоричности некоторых стихов. Поэт это предвидит, зная, что «обнаженность нерва» и «гордая державность» («Так будет») ныне не услаждают слух насаждающих иные нравственные ориентиры. Но решительно идет он на трудный диалог, стремясь сочувственно и строго понять каждого собеседника. Кто как, а он живет без маски. В этом убеждает новая небольшая книга избранных стихов под названием «Кольцо».

Развивая свои темы, автор находит новые образы, лучи его тревог «за всех и ради всех» охватывают все более широкое пространство. Многовековая стихия русского слова, из которой произрастает поэтическое самовыражение, чувствуется прочной основой самобытной поэзии — любовной, философской и гражданской лирики. Все направления плодотворны. Такая поэзия не умирает, не может прийти в упадок, она способна спасать национальные ценности действием на каждую конкретную душу. А сама вынуждена спасаться в выходящих небольшим тиражом периодических изданиях и тоненькими, изданными в провинции, книгами.

Октябрь, 1994 г.

100-летие СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

В первом номере «Литературной Костромы» за этот год напечатано несколько материалов о подготовке к юбилею Сергея Александровича Есенина. В «Обращении к гражданам России, соотечественникам за рубежом, друзьям поэзии Есенина в мире», принятом на пленуме Союза писателей России в г. Орле 26 — 28 октября 1994 года, было сказано: «3 октября 1995 года исполняется 100 лег со дня рождения Сергея Есенина. Ныне, на излете века, все очевиднее та истина, что Есенин, несомненно, был и остается одним из гениальнейших поэтов двадцатого столетия. Этим прежде всего определяется в наши дни его первостепенное место в духовной жизни России и мира, особенно — славянского. Пророчески провидя будущее, поэт близок нашему времени, нашей жизни, нашим думам и чувствам, радостям и болям».

Напечатано обращение Государственной Думы, Указ Президента Российской Федерации от 7 ноября 1994 года № 2065 «О 100-летии со дня рождения С. А. Есенина» и другие материалы.

Писательские и общественные организации, учреждения куль-

туры и библиотеки, редакции журналов, издательства и музеи готовятся к этой дате. Скоро будет издано жизнеописание Сергея Есенина, к осени книга выйдет в издательстве «Молодая гвардия». А журнал «Наш современник» с третьего номера начал печатать это жизнеописание, предназначенное для серии «Жизнь замечательных людей».

«Л К», № 5, май, 1995 г.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОЖИДАНИЯ

Книги земляков

Первый трудный путь, самостоятельная дорога, пройденная в серьезных заботах. Дорога эта выявила характеры, обострила восприятие жизни — ребята возвратятся домой, к привычным трудам и естественным радостям, возвратятся с чувством первой любви. Романтическое восприятие будет скорректировано знанием других людей, осмыслением особых житейских обстоятельств. «Дорожное» повествование Алексея Акишина о том, как подростки ходили до райцентра, станет художественным открытием для автора и, можно надеяться, для неравнодушных читателей.Повесть эта — центральное произведение только что изданной книги, но рядом с ней поставлены интересные рассказы «Перегон» и «Вася-Нептун», цикл деревенских этюдов «Всполохи».

Представляя автора, мы, издатели, обращаем внимание на то, что первая книга Алексея Александровича Акишина выходит с большим опозданием — она могла появиться около десяти лет назад, когда он заявил о себе на областном совещании молодых литераторов несколькими рассказами. Могла, но не вышла: в короткий срок в угоду «рыночной благодати» было поспешно разрушено государственное книгоиздание. Многие рукописи костромских писателей «затормозились», хотя уже были подготовлены к печати. В Верхне-Волжском книжном издательстве до сих пор ждет благоприятных экономических перемен одобренная повесть автора из Павина «На цветущем лугу...», произведение особенное, большое по объему и охвату жизненных перипетий, свидетельствующее о творческой индивидуальности. Оно получило одобрение в областной писательской организации, а затем и на Всероссийском совещании.

Встреча с основным произведением Алексея «На цветущем лугу...» не состоялась, и пока трудно сказать, когда это произойдет, когда сработают очередные президентские указы и правительственные постановления о поддержке издательского дела. К тому же, у писателя лучшая книга всегда впереди, которая только задумывается.

Скромное издание исполнено в районной типографии при бди-

тельном участии и большом терпении самого автора (Алексей окончил Московский полиграфический институт), его товарищей, коллег. Земляки, разумеется, сочувственно и доброжелательно отнеслись к замыслу издать книгу в местной типографии. Это первый издательский опыт, полиграфическая практика. Такой путь избрала областная писательская организация по вполне понятным причинам. И надо сказать, эта практика за последние три-четыре года показала, что замысел наш, стратегия и тактика «самоспасения в период беспредела» оказались жизненно важными.

Теперь Алексей своим примером дает и другим авторам «совет»: только при общих усилиях нынче возможно что-то свершить, осуществить. Важно, что и областная, и районные администрации все больше оказывают внимания творческим работникам, поддерживают наши начинания. Глава администрации Павинского района Николай Анатольевич Бобров при первом же деловом обращении к нему сказал твердо: «Будем искать возможности, чтобы поддержать издание книги Алексея Акишина». И получилось так: основную часть материальных забот павинцы взяли на себя. По этим причинам выход книги «Вася-Нептун» (рассказы и повесть) представляется мне определенным успехом…

Главные акценты восприятия, свойственного Алексею, несут рассказы «Перегон», заглавный «Вася-Нептун» и повесть «Гурт». Знание народной жизни в дальней российской провинции, понимание самочувствия трудового человека в «глуши забытого селенья», умение видеть характеры людей с богатым жизненным опытом и только еще начинающих осознавать себя в личностных взаимоотношениях, тонкое восприятие живой разговорной речи, сочувственное и вдумчивое отношение к землякам, естественная живопись словом да какой-то ласкающий свет авторского взгляда на все негромкое и доброе в трудной повседневности создают атмосферу и колорит сочинений, свидетельствующих о том, что Алексей Акишин имеет свое пространство, еще не взятое под художественного осмысление другими литераторами. Вряд ли его работу можно назвать чисто «деревенской прозой». Место действия — деревня, райцентры. А нравственные, философские грани характеров — общечеловеческие. Основные действующие лица — работники среднего возраста, дети, подростки, молодые люди периода первой любви. Впрочем, я не ставлю цели анализировать книгу, а просто представляю ее читателям, чтобы у них была возможность обратиться к этому изданию и сказать для себя об авторе: «Будем знакомы, Алексей!».

Доброжелательность неторопливых читателей любому автору необходима. Искренний и честно работающий человек с литератур-

ным дарованием особенно интересен, если он имеет свой взгляд на все происходящее в мире. И потому, думается, Алексей Акишин может рассчитывать на доброжелательность своих читателей.

* * *

И все-таки издание мы осуществили в Костроме. Эта вторая книга молодого прозаика, живущего в дальнем районе, должна была выйти десять лет назад. Но и теперь, читая повесть, я не испытывал желания просить автора что-то переделать или написать иначе, в другой тональности. Ни автор, ни редактор не почувствовали такой необходимости и после того, как стало уже очевидно, что «все у нас... кувырком покатилось». Яркие картины детства, подростковые впечатления последовательной цепью воспоминаний осмыслены деревенским жителем и превратились в художественное повествование с естественной философией.

Особое знание провинциальной русской действительности, понимание причин многих бед и печалей определяют обстоятельность, неторопливость письма. Алексей Акишин выстрадал собственное понимание драматических событий, без публицистической прямолинейности говорит о том, что печалит и тревожит, чем привлекательна совестливая жизнь не только на цветущем лугу, но и возле трудных проселков, среди снегов и метелей. Картины природы и сельского быта, житейская связь между людьми, противоречия повседневного общения, воспринятые мальчиком, в осмыслении повествующего взрослого человека наполняются то смешным или радостным, то печальным или тревожным содержанием. «Районированная» народная речь, яркие бытовые подробности, одушевленные пейзажи различных времен года и отчетливо проявленные характеры земляков — здесь прежде всего видятся мне достоинства искренней и душевной прозы. В наше время такие книги особенно необходимы тем, кто наследственно воспринял способность любить родную землю.

4 ноября 1995 г.

НЕУТРАЧЕННОЕ РОДСТВО

Выездной пленум правления Союза писателей России в Якутске? Зачем так далеко, зачем в край вечной мерзлоты едут российские писатели? Такие вопросы можно было услышать задолго до этой поездки. Здесь, в центре, и там, в далекой республике, раздавались голоса с критическим «рационализмом»: лучше бы денежки использовать на издание нескольких книг или поделить их пенсионерам — известные и часто практикуемые нынче доводы, некоторые «радетели» и у нас, в Костроме, ими пользуются. Но

руководители Якутии, сам президент Михаил Ефимович Николаев убежденно объясняли: надо пригласить российских писателей, потому что республика в силу своего географического положения не раз являлась своеобразным мостом для взаимосвязей многих народов. Характеры людей, живущих на этой земле, привлекают искренностью, дружелюбием, благородством и гостеприимством. Есть основания для совместного преодоления трагических последствий развала советской державы. Надо помнить, что именно русские много сделали для освоения отдаленных земель, для просвещения и культуры национальных окраин, но сами теперь оказались в бедственном положении.

Якутская интеллигенция более социально защищена, чем в других регионах страны, и готова принять авторитетных гостей. Якутия сумела сберечь и плодотворный творческий климат: регулярно выходят книги, успешно работают театралы, музыканты. Отделиться от проблем общероссийской культуры — значит, затянуть на многие годы разрешение духовного кризиса по всем окраинам. Были и другие весомые доводы у президента, Министерства культуры и Союза писателей Якутии — одной из самых многонациональных республик. И вот Саха на несколько дней стала центром выражения объединяющего беспокойства за российскую культуру.

Состоялась теплая встреча на земле вечной мерзлоты. Мы, собравшиеся из разных республик, вновь ощутили: еще не разрушены, не уничтожены взаимные интересы, межнациональные литературные связи. Творческие люди других республик благодарно ценят влияние русской словесности на литературы других народов, потому что и сами совсем недавно имели возможность участвовать в неизбежном союзе исторически соединяющихся культур.

Выступая с докладом «Стремиться к единству», председатель правления СП России Валерий Ганичев подчеркнул, что мы собрались на берегу великой реки Лены, где держит мерзлота богатства огромных просторов, чтобы согреться духовным теплом, восстановить дружбу и понимание. Да, разрушились издательские системы, позволяющие обмениваться творческими ценностями, нанесен удар по переводческому делу с его богатейшим опытом и многолетними традициями... Литераторы не по своей воле обособились, замкнулись в себе. Легче, лучше от этого не стало ни якутам, ни казахам, ни армянам, ни удмуртам, ни башкирам, ни чувашам — никому.

Остро осознаваемые потери, причиной которых стало разъединение, трагически ударили по национальным отрядам творческой интеллигенции, да и по всей атмосфере народной жизни. Об этом говорили выступающие на пленуме, пресс-конференциях участники творческих дискуссий.

Постепенно выстраивался вывод: этот пленум может стать исторической вехой в духовном возрождении многонациональной России. На чем основан этот вывод? Тема пленума — «Литература народов России. Единство и многообразие». Сегодняшнее состояние литератур, отражающее состояние общества, вызывает у писателей откровенное желание настойчиво говорить о том, что наболело, искать новые пути сотрудничества в период искусственно возводимых препятствий. Премьер-министр Республики Саха (Якутия) Алексей Томтосов, постоянно работавший с писателями в дни пленума, подчеркивал значение этих встреч как знак уважения к литературе, культуре северных народов. «Желание объединить россиян в нынешний трагический момент, — сказал он, — выраженное во многих выступлениях, — это гражданский подвиг, добрый пример для политиков всех уровней и течений, обеспокоенных судьбой Отечества».

Была предоставлена возможность для всех точек зрения на проблему восстановления единого культурного пространства, объединяющего страну. Писатели услышали (выступило 68 человек за эти дни), поняли друг друга. Свидетельствует о том и множество конкретных предложений. Писатели России, представители своих наций, как никто другой, чувствуют необходимость защищать родные языки, не допуская консервации, обособления культур.

Участники пленума сошлись и на том, что ныне для исторической достоверности необходимо внести в разряд национальных русский вопрос. Именно как национальный, потому что русский народ превращен в разделенную нацию, но на русских людей запрограммированные средства массовой информации льют обвинения в национал-имперских амбициях. «Обидно получается, — скажет любой житель и самой дальней российской провинции. — Русские всегда помогали, отдавали последнее национальным окраинам, помогали осваивать, строить, возводить, распахивать и засевать, помогали получать образование, сохранять национальную культуру. А теперь за 5 — 10 последних лет эти люди там, где жили их предки, стали некоренными, стали «оккупантами» на землях, которые освобождали от фашизма».

Постоянный передел рвет живую ткань сложившегося родства между людьми разных национальностей. Перестройка поспешно ликвидировала многие культурные и творческие связи. Со всей очевидностью поняли повсюду: надо восстанавливать единое культурное пространство на основе географической и исторической общности.

В принятом на пленуме заявления писателей России в связи с трагическими событиями в Чечне и Буденновске говорится: «Мы

осуждаем вакханалию кровавых ультиматумов и мифических побед. Законы государства — для всех граждан государства».Практические цели ставят принятые пленумом постановления «О защите национальных языков и русского языка как межнационального государственного языка России», о создании межиздательского полиграфического объединения «Литературная Россия», о комиссии по переводу и переводческой деятельности, другие документы.

Мы побывали в Литературном музее имени П. Ойунского в Якутске, в Русском драматическом театре, в Высшей школе музыки, посетили музей-комплекс «Дружба» в Соттинцах, совершили поездку по реке Лене, побывали в улусах на национальном празднике Ысыах и на празднике народов Севера. Завершилась работа пленума встречей с президентом Республики Саха (Якутия) М. Николаевым в день открытия только что построенного здания Института языка и литературы Академии наук РС (Я). Большая группа писателей, участвовавших в осуществлении переводов на русский язык и в пропаганде литературного наследия основоположников якутской литературы, отмечена почетными званиями, государственными премиями, почетными грамотами президента..

Удивительно получается: суровая Якутия, некогда примечательная как место ссылок, в наше время выступает инициатором возрождения интереса к литературе, подъема авторитета писательского слова. Эта земля, имеющая особые богатства и собственное культурное наследие, обогащенное русским влиянием, подкрепляет идеи реального федерализма конкретными делами, которые в первую очередь опираются на исторические традиции. Вся история этой республики, по словам президента М. Е. Николаева, пронизана целеустремленностью в раскрытии идей дружбы народов, объединения их усилий для экономического, социального, культурного и духовного возрождения. Потому и стал Якутск местом проведения выездного III пленума.

«Л К», №7, июль, 1995 г.

И СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ...

Обращаюсь к изданию с практическим прозаичным названием «Регинальные программы по общеобразовательным предметам для школ Костромской области», вчитываюсь в программу, по которой самому учиться и учить не довелось. И сразу же доверительно воспринимаю первую фразу объяснительной записки: « Изучение литературы на современном этапе сопряжено с весьма существенными трудностями». Это верно сказано: они связаны с ломкой усто-

явшихся представлений о ценностях, с мучительным и подчас драматическим переосмыслением того, что сложилось веками и не подвергалось сомнению или отрицанию. Отдадим должное нашему душевному принципу, не отрицать, а только усваивать и учитывать сделанное до нас, не боясь поспешного «почти инстинктивного недоверия к истинам авторитарным».

Издание подготовлено учеными нашей области и осуществлено благодаря усилиям управления народного образования, областного института усовершенствования учителей и государственного педагогического университета. Идея эта в нашей писательской организации была известна два года назад, писатели с надеждой упоминали ее в дни литературы, проводимые в районах. Мы отвечали на конкретные вопросы по особенностям такой программы. Профессор Ю. В Лебедев давал обстоятельные ответы.

Убежден: об этих программах должны знать не только учителя, но и родители, учащиеся, администраторы городов и районов, библиотекари, издатели и литераторы, конечно, на чьи произведения обращено внимание.

Остановлюсь только на одной из них — по художественной литературе как учебному предмету. Эта программа предполагает системное, последовательное изучение литературы родного края, ей придается органичный для культуры Костромской области региональный поворот. Имеется в виду живой контакт с местным материалом, основа же — общая программа под редакцией Т. Ф. Курдюмовой. В объяснительной записке составители программы подчеркивают: в процессе изучения краевой («региональной») культуры ученик откроет для себя, сколь богата духовно именно та земля, на которой он живет, почувствует сердечно, какая трепетная мысль билась во все времена в краю его отцов, дедов, прадедов. «Только на этой основе и вырастает не декларативный и трескучий, а предметный, укорененный в глубине сердечного инстинкта патриотизм».

В программу, по нацеленности составителей, включаются только лучшие образцы местной литературы с учетом того, что связи костромского края с большой, всероссийской культурой достаточно широки, глубоки и многообразны. В объяснительной записке оговорены основные принципы, а учителям предоставляется возможность проявлять инициативу, творческую самостоятельность, чтобы, они могли взять дополнительно для изучения что-то из местного фольклора, из творчества местных авторов. Во всех классах ученикам предлагаются для чтения как произведения классиков, чье творчество связано с нашим краем, так и произведения современных писателей.

Разумеется, в практическом руководстве учителя литературы обоснованнее оценят достоинства и недостатки программы. Важно узнать

эти отзывы не только составителям, но и костромским писателям. Интересно оценить и проанализировать первый опыт использования местной литературы. Нам же представляется это начинание положительно влияющим на всю культурную политику в нашей области, может быть, оно подтолкнет к возрождению собственного издательства, которое станет культурным объединительным центром для ученых, писателей, театралов, художников. Сейчас разрозненным способом с превеликими трудностями, которые каждый преодолевает в одиночку, нередко кустарным способом в Костроме и районах производится немало печатной продукции — журналы, альманахи, приложения к газетам, книги для детей, поэтические сборники, книги о художниках и вот — просвещенческая специальная литература.

Выход программы предусматривает обязательное издание хрестоматии, включающей сначала произведения костромских писателен, рекомендованные для чтения и обсуждения, а затем — и более полной, позволяющей учителю делать выбор исходя из конкретных «местных отношений». В дальнейшем, надеюсь, и сами составители сделают дополнения, появится, быть может, необходимость более широко взглянуть на творчество каждого писателя.

Возьмем для примера часть программы шестого класса, раздел «Русская литература XX века (всего 32 ч.)». Для чтения и изучения рекомендованы произведения . А. Платонова, М. Пришвина, Н. Заболоцкого, А. Яшина, В. Астафьева, В. Распутина... Для чтения и обсуждения — названы конкретные произведения костромских прозаиков и поэтов. Широкий, конечно, захват для первого знакомства, но ведь предполагается выбор. А для того, чтобы учитель смог выбирать, тоже нужна возможность, более полная информированность. Но книги теперь издаются редко и почти не переиздаются, потому останутся без внимания, не менее значимые для воспитания и обучения. Практика по региональной программе приведет к расширению контактов творчески работающих учителей с писателями. И это придется предусматривать на будущее...

Сборник «Региональные программы» хорошо издан у нас в Костроме — событие приятное и значительное, потому все, кто готовил и осуществлял издание, делали доброе дело, встающее, нынче в один ряд с деяниями, подобными сытинским. Тираж издания — 2000 экземпляров. Нетрудно предположить, что тираж хрестоматии должен быть значительно больше — это со знанием конкретных обстоятельств и возможностей определят ученые педагогического университета и сотрудники управления образования.

«Северная правда»,28 ноября 1995 г.

В ЛЮДЯХ И ДОМА

УЛЫБКА ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Естественной улыбкой человек вызывает доброту для себя и для других, располагает людей к доверительности. Говорят, улыбка помогает стать счастливым. Думаю об этом, получив интересное фото, и словно бы вглядываюсь через океан в незнакомое лицо, дорисовываю воображением предполагаемые черты характера, житейскую судьбу, и кажется эта женщина из Америки виденной где-то однажды, за строками письма слышу ее голос, речь навевает давнюю, может быть, из прошлого века, мелодию. Сейчас на противоположном материке, в штате Северная Каролина, другое время суток. Наверно, миссис думает о своих детях — они, все трое, уже взрослые, находятся в разных городах и материнских забот не убавляют, хотя в письмах, отправленных в Кострому, она их упоминает не часто. Даже однажды подумалось: вот сочиняла бы такие длинные письма моя мама, она обязательно бы вспомнила про каждого из нас одиннадцати, за кого-то порадовалась бы, кому-то высказала упреки, за некоторых — волновалась, сердцем чувствуя неладное; пожалуй, думами о путешествиях и голову свою занимать не стала, лучше бы поехала внучат навестить. Об этом же я вспомню через некоторое время при встрече за океаном…

Но вот улыбка, но вот признания-рассказы о другой жизни, о других интересах и возможностях свидетельствуют: есть и другая психология, иное понимание смысла бытия. «Когда я была молода, ко всему относилась очень серьезно. По мере того, как моя жизнь проходила по разным дорогам, я училась смеяться больше и больше. Думаю, что трудности и борьба с ними требовали, чтобы я улыбалась».

Человек всегда значительнее и лучше того, что знают о нем окружающие. И сам о себе он всего не знает, если не умеет выбраться из привычного многолетнего плена бытовых условностей, он не учитывает, даже не осознает всех своих возможностей, поэтому самого главного может и не сказать. Разнообразие занятий и общения, видимо, принесли моей новой знакомой уверенность в себе. Письма и книги Джуди Хоган открывают ее характер, художественный вкус, организаторские способности. Привлекают размышления о творчестве, концепция человека, обладающего признаками свободы и самоопределения, методика работы с людьми, склонными к сочинительству.

Письма, книги, сборник поэм и рукописная поэма, только что посвященная автору этих заметок, укрепляли интерес и уже обстоятельно вовлекли в разговор о «вечных вопросах», о творчестве, о

мастерах мировой литературы. Мы были деликатны и терпеливы, не умели упрекать друг друга за непонимание или несовпадающие оценки самых авторитетных произведений прошлых и настоящего веков. Оказалось, что нами уже усвоены слова Пушкина из статьи о Радищеве: «Нет убедительности в поношениях; и нет истины, где нет любви». Теперь знаю: прорвалась встречная убедительность в радостных рассказах о передаваемом даре, о приближении к истине через познание — в любимом деле, в любви к соотечественникам.

Расстояние, дефицит времени и языковой барьер замедляли письменное общение. Но литература облагораживала и усложняла его. Она давала нам возможность продвигаться к пониманию, к раскованности суждений и письменной речи, определяла ориентиры бесед. Она открывала перспективу и настраивала на реализацию замыслов по проекту культурных связей между городами-побратимами.

Теперь уже невозможно рассказать обо всех темах нашего письменного диалога через океан. Конечно, не миновали мы Чехова, Тургенева, Пушкина, Достоевского, Бунина, Ахматову, Есенина, Цветаеву... Говорить приходилось только о тех, кто так или иначе известен американке, она, вероятно, тоже ориентировалась по моим упоминаниям каких-то авторов. Нас утешала, давала надежду обоим мысль о том, что есть еще люди способные читать и понимать Пушкина или хотя бы устремленные знать кого-то еще кроме известных в Америке русских писателей. В диалоге проявлялись объединительные устремления, которым не могут быть помехой ни океан, ни языковой барьер, ни различия образов жизни. Вот так все и смыкалось, соединялось: личная жизнь и пережитое, прочувствованное, обдуманное другими — в разных десятилетиях, в разных веках, на разных берегах океана и сторонах земли, в различных деревнях и городах, «общественных формациях».

1996 г.

ВСТРЕЧИ

— Вы показались мне счастливыми, — сказала Джуди Хоган на встрече с журналистами и литераторами редакции шарьиской газеты «Ветлужский край». — Теперь я знаю, что писать о русских, как видеть Россию. Собираюсь приехать еще раз.

Минувшим летом американская писательница побывала в нескольких районах нашей области, отдыхала в писательских Домах творчества недалеко от Москвы и Санкт-Петербурга. Но самые яркие, интересные впечатления, по ее словам, получила она в поездке

во время встреч с руководителями города Костромы, области, Шарьи, Межи, Нерехты, с жителями райцентров, деревень, с работниками культуры, художниками, литераторами. Привлекла американку естественность и доброта наших людей, их терпеливость и трудолюбие. Особенно понравилась жизнь в деревне. Она сказала: «Мечтаю жить в русской деревне. Трудности не пугают».

Правда, Джуди не имеет еще полного представления о том, как выстраиваются будни сельского жителя, что изматывает его и что омрачает душу.

Отношение американцев к нашей действительности было запрограммировано политикой в период «холодной войны». Теперь экзотическое любопытство и определенный страх сменяются удивлением перед правдой нашей жизни, восхищением стойкостью и великодушием русских людей. Даже завидуют они, когда видят нашу жизнь, еще свободную от постоянного расчета, не исковерканную окончательно вторжением бизнеса.Человек, имеющий душу, вызывает у них зависть. Большая и добрая деревенская семья — тоже. Может быть, непознанный мир, неиспытанный на себе образ жизни гостю непременно кажется розоватым? Но Джуди Хоган — творческий человек, много ездит, много видела и потому имеет право давать положительные оценки тому, что мы в своей повседневности уже не ценим, даже не замечаем.

* * *

В нескольких американских картинных галереях (в том числе и в национальной картинной галерее, которая находится в Вашингтоне) я убедился а несомненных достоинствах русской живописи, хотя сравнивать ее приходилось с мировыми шедеврами. Сегодня речь не о классической живописи, не о работах великих мастеров. Там, в Америке, я чувствовал, что в заокеанской стране почти не знают российских современных живописцев, осуществляется пропаганда произведений с целевой направленностью, иллюстрирующей только негативные стороны «бывшей» системы — представляют «певцов застоя». Или что-то в этом роде. Но есть люди, заинтересованные в пропаганде подлинного искусства. В Дареме мне довелось познакомиться с хозяйкой галереи, точнее сказать, художественного салона Джайн Тиндали.

До визита в Америку вел с организаторами переписку- переговоры о том, что надо расширять контакты и для более полного знакомства с культурой, литературой, искусством Костромы составлять группы из представителей творческих организаций. Шел конкретный разговор об организации в Северной Каролине выставок костромских художников. Знаю (в предварительной беседе с

представителями Комитета по связям), Джайн Тиндали, конечно же, живущая с расчетом в условиях конкуренции, не проявила энтузиазма. А вот после встречи с писателями у нее изменилось мнение — она приезжала на несколько наших вечеров после того, как мы побывали в ее галерее, — и в последней прощальной беседе сказала мне: «Слушая вас, я поняла, что вы работаете не для себя, особенность русской души такая. Это важно для меня, это интересно. Теперь я хочу знать костромских художников».

«Л К», №1, 1994 г.

В СЕМЬЕ МАЛЕНЬКОГО КОВБОЯ

Мечталось встретить не литературного, не киноэкранного, не рекламного, а настоящего ковбоя, завязать словесную пикировку, испытывая его северное терпение: я ведь тоже северянин, в детстве водил стадо коров и табунил коней.

Известно, верховые пастухи-ковбои пасли свои стада в северо-западных равнинных штатах, но в долгой — с заездами в разные стороны — дороге до Оксфорда и обратно, когда мы спускались с гор или выезжали на какое-нибудь плато, в подходящих, по моему разумению, местах, из-за перелеска могли появиться герои будущего вестерна. В идеальном для такой встречи месте я просил Джуди притормозить и даже остановиться. Поначалу она не догадывалась о подлинной причине таких задержек, удивлялась моему терпеливому ожиданию и даже нервничала на пятой или шестой остановке.

На всем пути, кроме самоуверенных зазывал с часто мелькавшей придорожной рекламы, никого похожего на ковбоя не удалось повидать. Правда, один раз в туманной низине наперерез вроде бы промчались лихие всадники, и я, чтобы обратить на себя внимание, даже крикнул, не думая о том, что слова мои могут быть не поняты:

— Эй вы там, не толпитесь понапрасну! Поворачивайте сюда!

— Только — смог, — сказала Джуди. — Смог идет к реке. Все движется. Впечатление. Импрессион.

— Такой импрессионизм, да? Свежесть непосредственного восприятия. Пленэр, да? Богатство красок природы. Тонкие психологические нюансы, — начинаю многословить, чтобы затянуть время тайного ожидания. — Светлая, трепетная живопись. Прошлый век. Мане, Ренуар, Дега, Писсаро, Сислей...

— Это Франция. Франция — много культуры, я знаю.

— И нет ковбоев, — вздыхаю с тихой улыбкой.

— Здесь нет тоже. Может быть, будут.

И все-таки разговор был не напрасен: в Оксфорде при посещении богатого книжного магазина мне подарили книгу о творчестве импрессионистов. В таких случаях, оправдываясь перед Джуди, я говорил: «Шутка была, а не просьба о подарке».

И все-таки мне повезло: я общался с ковбоем! Была встреча в доме молодой писательницы Маргарет Стефенс. При обстоятельном разговоре она надписала одну из своих книг, когда я уже знал некоторые подробности творческой жизни. Маргарет окончила Гарвардский университет, специализировалась по английской литературе в университете Северная Каролина и приехала в Севани (восточная часть штата Теннесси), чтобы заняться литературной работой под крылом заботливого мужа-адвоката Джеймса. Наша беседа о жизни, еще — о богатстве художественного языка получилась интересной, и не хотелось ее прерывать. Получив книгу с дарственной надписью, я высказал на перспективу желание продолжить дискуссию в переписке. Мы сошлись на том, что следует изучать встречные языки: мне — английский, а ей — русский. Дарственная надпись передает наше общее настроение: «Михаил, я надеюсь в будущем много разговаривать с вами на русском или английском о творчестве, жизни, политике, литературе и т.д. Мы в восторге от встречи с вами. Вы открыли наши глаза, освежили наши сердца». По этому автографу тоже читается поэтичность натуры, лирическая наклонность писательницы. Ее поведение, естественность и простота в общении свидетельствуют о натуре незаурядной. Когда Маргарет сказала, что еще не видит отчетливо свою будущую книгу, но на две питает надежды, я не сразу понял, куда она клонит.

— Есть две прекрасные детские книги, которые в чем-то уже закончены, но пишутся каждый день, и писать их придется еще очень долго. Эти две книги называются «Маршалл» и «Томи-ковбой».

Муж приходит с работы из конторы, где они ведут дела вместе с отцом, снимает галстук и говорит, взглянув на часы, — 17-30:

— Теперь я не адвокат.

— А я только что почувствовала себя литератором, — сказала Маргарет, потому что несколько минут назад сетовала: тихая эта жизнь среди санаториев и курортов утомляет однообразием общения, нет поблизости писателей .- Томи вновь стал ковбоем. Слышишь, какой шум в саду.

За тонкой стеной южного дома при какой-то воображаемой победе торжествовали мальчики.

— Сегодня они атакуют форт. Опять удача. — Мать выглянула в окно, выразительным жестом поздравила атакующих с победой. — А теперь, пожалуйста, самые храбрые ко мне — с донесением.

Может быть, что-то заманчивое для них было обозначено движениями руки.

Они — пятилетний Маршалл и трехлетний Томи — в готовности к неожиданным событиям разгоряченно врываются в дом и радуются новым людям. Быстро осваиваются, находят свои места между взрослых, охотно отвечают на вопросы профессора, Джуди, отца и уже перебираются поближе ко мне, словно их примагничивает незнакомец, довольный встречей с «ковбоем». Томи снимает сомбреро, чтобы я примеривал. Даже пытается обхватить меня своим широким ремнем, на котором в двух кобурах увесистые браунинги. Он спрашивает, пожалуй, вот что:

— Умеете обращаться с оружием? — и показывает, как надо стрелять.

Старший изучающе любопытен и сдержан, младший атакует в стиле «почемучки». Напористый и не по годам «образованный» малыш обозначает свой характер и свои интересы, предпочтения. Шорты, полосатая майка, сомбреро, легкие сапожки, похожие на ботфорты, обеспечивают ему чувство собственного достоинства. Для подкрепления авторитета идут в ход другие действующие шутливые игрушки, яркие приспособления, картинки. Он быстро усваивает произношение на русском нескольких слов: дядя, Миша, медведь, Волга, Кострома. Устанавливается доверительность и естественность.

Укрепляется понимание во время поездки в лес. Дети ведут себя, как возле дома в саду. Здесь им тоже раздолье. Кричат, улюлюкают и всех нас донимают вопросами.

После прогулки мать уложила сынков в полуденный отдых. Детская комната на втором этаже — особый детский мир, заполненный игрушками, картами, миниатюрной действующей техникой. Томи-ковбой положил один браунинг под подушку, другой держит в левой руке. Так и заснул.

Снова приехал университетский профессор Джеймс Харт для тихого и обстоятельного разговора в саду — видимо, приятно вспоминать поездки в Россию, путешествие по Волге, да и необходимо подновить в памяти кое-что читающему лекции по русской истории. Опять вспоминаем под историческим углом Углич, Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, Петра Первого, Ивана Грозного, род Романовых, Ипатьевский монастырь.

Оказывается, здесь была выставка периода Екатерины II, триста интересных работ. Адвокат Джеймс говорит, что видел фильм о том, как люди убегали из России через Сибирь(?), и читал книгу «Дерсу Узала». «А вообще люди мало читают, только смотрят кино...» Оба Джеймса говорят, что у них много проблем, особенно экономичес-

ких. Но есть и нравственные, эстетические. Во всех смыслах можно увидеть резкий контраст между людьми, не только между богатыми и бедными. О России здесь знают мало, с заданной ограниченностью можно получить информацию о всем спектре истории, литературы. Больше знают «западников», очень мало «почвенников», в этом направлении даже интерес ученых сдерживается. Специалисты вузов обычно в первую очередь перечисляют: О. Мандельштам, Б. Пастернак, М. Цветаева, А. Ахматова, И. Бродский, А. Солженицын; иногда добавляют — Е. Евтушенко, А. Вознесенский и еще два-три имени из этого же ряда. Но Джеймс Харт знает гораздо больше, читал «Прощание с Матерой» и «Пожар» В. Распутина, «Привычное дело» В. Белова, книги В. Пикуля, Д. Балашова, нескольких современных провинциальных авторов. И делал это не только по профессиональной необходимости. Он знаком с русскими специалистами истории, писателями. Другие американцы Юга такой возможности не имеют, потому у них не зародился интерес к познанию истории, литературы, культуры. И свою-то короткую историю узнают без особого прилежания.

— Слепому нужен поводырь, с хорошим поводырем и слепой может видеть больше зрячего.

— Это верно: и зрячий не увидит, если не умеет смотреть. Он вдвойне слеп, если не желает видеть. Полезно смотреть на другой мир, как и на свой собственный...

«СП», 20 ноября 1997 г.

ХРОНИКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ВСТРЕЧ

Ни одна встреча, ни одна, даже случайно прочитанная строка для писателя не исчезают бесследно. Однажды, когда приходит время, после глубокого осмысления, человек фиксирует на бумаге свои мысли, факты. По-моему, именно так родилась последняя книга М. Базанкова «Не ищи жар-птицу за морем». Она только что отпечатана на полиграфкомбинате. К слову сказать, наши издатели каждый раз улучшают свою продукцию. Научились костромичи издавать книги, которые приятно взять в руки.

Много поездил по свету председатель областной писательской организации, не раз побывал в США. О своих впечатлениях от встреч со страной, об особенностях культуры он рассказывает в первой части. А больше всего — о людях, с которыми пришлось познакомиться и подружиться. Дружба продолжается и поныне — в Кост-

роме в конце прошлого года находилась поэтесса и издатель Джуди Хоган, которая прочитала цикл лекций по американской литературе в КГПУ.Приезжали к нам и другие деятели культуры из штата Северная Каролина.

Очерки читаются с интересом. Даже те, где рассказывается о пребывании американцев на нашей земле: восприятие чужестранцами привычной нам жизни автор подметил очень тонко.

Вторая часть сборника очерков имеет подзаголовок «Мозаика коллективного портрета». Действительно, перед читателем проходят судьбы многих известных костромичей от опального Катенина и Касаткина до ныне живущих в разных углах Костромщины писателей и поэтов. Пожалуй, впервые опубликован большой очерк об Александре Зиновьеве, человеке с мировым именем, чьи труды по логике, социологии, а также художественные произведения так и не востребованы полностью в России. Тепло рассказывает автор о своих собратьях по перу Л. Попове, О. Гуссаковской, В. Лапшине и многих других. Воистину, когда прочтешь очерки, складывается образ коллективного портрета костромского творца.

Е. Зайцев.
«СП»,2 августа 1997 г.

ВСЕ ЧТО УГОДНО, КРОМЕ ХОЛОДА...

Любопытное ощущение появляется, когда, закрыв последнюю страницу, начинаешь размышлять о только что изданной книге Михаила Базанкова «Не ищи жар-птицу за морем». Прежде всего, привлекает страстность автора, в полном соответствии с названием сообщающего о своих поездках в Америку.

Получилась по-настоящему «жаркая», даже в определенном смысле «огнеопасная» книга. Трехсотстраничный сборник очерков представляет собой не только картину сопоставлений Америки и России. Это еще и авторская исповедь, местами резкая, точно расставляющая акценты в авторской судьбе и в истории последних лет Костромской писательской организации. Пожалуй, впервые в местной литературе появились страницы, на которых автор, не убоявшись разноречивых толкований и упреков, без ложной скромности размышляет о своем месте в провинциальном литературном процессе, пытается осмыслить и сам этот процесс, путешествуя в пространстве и времени.

Сопоставление русских и американцев, интересное само по

себе, сопровождается углубленным анализом многочисленных линий сближения двух народов и, увы, отдельных точек отталкивания. Писатель ненавязчиво противопоставляет свои американские впечатления ярким картинам костромской глубинки. Он умело смоделировал ситуацию, когда российскую действительность «испытывает на прочность» его американский гость, бизнесмен Джон Джордан с супругой Маргарет. Короткая встреча в дальнем районе. Многотрудная жизнь хозяйственного крестьянина Дудина из солигаличской деревни Одноушево просматривается как бы в системе двойного зрения: глазами богатого заокеанского предпринимателя и через пооощрительный, где-то восторженный прищур (знай наших!) костромского прозаика. Россия и Америка под пером писателя то стремительно сближаются, и вот уже не видно отличий, то внезапно расходятся на разные полюса, и кажется, что мир действительно черно-белый, и нет надежды на окончательное понимание друг друга. М.Базанков не ставит точку в осмыслении черт общности и различий двух великих стран. «Американские» страницы книги активно диалогичны. Постоянно сопоставляя, даже сталкивая «два мира, два образа жизни», автор отчетливо дает понять, что столь существенный разговор вряд ли возможен без вдумчивых, непредубежденных и уважительных размышлений о всех сторонах чужого бытия, которые просто невозможно представить в состоянии зависти, забвения собственных ценностей.

Достойным самого пристального внимания представляется серьезное обращение М.Базанкова к творчеству звезд американской литературы середины 20 века У.Фолкнера и Д.Стейнбека, а также Чарльза Итона, нашего современника, известного поэта и новеллиста. Костромской писатель пытается разобраться в первопричинах своего пристрастия к книгам этих, совсем «нерусских», писателей. Погружаясь в художественный мир корифеев американской литературы, которые работали на принципиально ином материале, чем российские авторы, костромич находит там многочисленные отзвуки и точки соприкосновения со своими мыслями, чертами характера через героев собственных книг. Причем черты сходства лежат не столько в чисто литературной плоскости, сколько произрастают из единства «почвеннических взглядов», в особенности это касается Фолкнера.

Пожизненная зависимость от земли, на которой родился, и не важно, в какой стороне Земного шара она находится, делает писателей членами одной большой земной партии в литературе. Оказывается, у нобелевского лауреата из штата Миссисипи и русского писателя, крестьянского сына, гораздо больше общего, чем принципиальных разногласий: «Природа и труд формировали мировоз-

зрение». Авторские размышления о Фолкнере, отнюдь не отягощенные сопоставлением своих творческих устремлений и выдающегося американца, несут в себе немалый заряд радостного, почти наивного удивления:: оказывается, если люди живут в сходных условиях земными трудами и естественными заботами, то у них и мысли становятся похожими, и взгляд на мироздание приобретает черты поразительной общности. Если посмотреть на название книги именно с такой стороны, то становится понятным ее глубокий, гораздо глубже и тоньше, чем думаешь сначала, большой смысл. Действительно, не стоит искать счастья вдалеке от родных мест. Оно не жар-птица, парящая в поднебесье, а хрупкое, нежное, многолетнее растение, приносящее плоды лишь тому садоводу, кто с молоком матери впитал в себя запахи, краски и тайны родной земли. Красивы и вкусны заморские плоды, однако подлинное, настоящее, свое, в ком и в чем только и следует искать красоту, вкус и ту самую неуловимую птицу-счастье, — оно всегда с нами, рядом, там, где родились, где жили предки, где предстоит жить детям.

Потому мысли писателя, даже за океаном, были о Костроме. «Жар-птица» представляет любопытный документ, где сведены воедино обстоятельно прописанные реалии провинциальной жизни последнего десятилетия и дана их нетривиальная оценка. Но все-таки не документальное начало определяет тональность книги, а высокая степень художественности в интерпретациях костромской действительности.

Интересующийся подробностями литературного бытия нашего края получит представление о таком понятии, как костромской профессиональный писатель; любитель сюжетной беллетристики найдет немало любопытного в занимательных описаниях передвижений автора по американской глубинке; искушенный ценитель нелегковесного художественного слова по достоинству должен оценить усилия автора, сумевшего превратить подчеркнуто субъективное повествование в лирико-философскую исповедь. Право на нее писатель по справедливости заработал количеством и качеством написанного.

В сборнике есть ведущая мысль, которую автор и не пытается скрывать, говорит ли о себе или о творчестве коллег-литераторов. Его удручает невостребованность непроанализированных на высоком профессиональном уровне книг писателей-костромичей, а значит, непонятость, неоцененность реальных творческих достижений наших местных авторов: «... прошу земляков: за рыночной суетой, в борьбе за экономическое оздоровление не забывайте о душе, о нравственности и культуре, не забывайте, что рядом с вами живут, работают, сжигают себя в раздумьях ради других и Отечества люди,

владеющие божественным глаголом. Не видеть, не знать их, не помогать им, давно знающим цену Слова,— обкрадывать себя, свою землю, свою Родину».

М.Базанков убежден, что каждый писатель достоин не снисходительно-деляческого прочтения, а безусловного понимания, объективной оценки и, пусть меня простят за громкие слова, обязательного творческого долгожития. За каждым очерком второй части книги «На что мы расходуем жизнь. Мозаика коллективного портрета», которая содержит творческие портреты художников и писателей-земляков прошлого и настоящего читается мысль: не пропустить самого ценного, вечного, той божественной сути, что причудливо-индивидуально проявляется в каждой творческой личности. Писатель фокусирует внимание на основном, с его точки зрения, что делает, к примеру, Шапошникова и Гуссаковскую, соответственно, Шапошниковым и Гуссаковской.

Своей «Жар-птицей» автор вступил в острую полемику с равнодушием невежества. Как заметили еще американцы, их мнение цитируется в книге: «... в Базанкове есть все что угодно, кроме холода». На первый взгляд кажется, что он отстаивает свои интересы и интересы возглавляемого им литературного цеха, но за темпераментным разговором о современной литературе кроется боль за судьбу всей отечественной культуры, а значит — за судьбу страны.

По рецензии Павла Корнилова

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Заметки к докладу на юбилейном общем собрании 20 декабря 1996 года.

Терпение и надежда еще не выгорели в том пожаре, опасность которого предсказывал Валентин Распутин. А сегодня есть достаточно оснований ставить в один ряд костры, в которых сжигали книги, и огонь чистогана, убивающий души. О таких ли переменах мечтали и самые рьяные либеральные демократы в провинции? Сегодня очевидно: ожидание перемен было более приятным, чем сами перемены. Они обманули большинство из нас. Униженным, бесправным, обездоленным и молчаливым оказался русский писатель Скандалы, конечно, возникали среди столичного имущего писательского класса, нам же они были не нужны, потому что делить было нечего. Но по вине долго царствующих начальников и нас прикрыла тень читательской неприязни, чиновничьего безразличия.

Разрушена издательская и книготорговая сети. Была цель: создать и в художественной сфере коммерческие отношения, поделить иму-

щество Союза писателей, ликвидировать областные организации, лишить финансирования, обрубить телефоны, отобрать печати. «Ату!» — кричали активисты, наставляя Президента: «Распни, распни!». И уже собирали новые литературные кадры по каким-то особым спискам. Спешно создавали альтернативные организации на местах, политизированные творческие Союзы. Надо признать, и наши местные активисты, наши коллеги подливали масла в огонь, многократно призывали к ликвидации — чем был нанесен серьезный вред. Эти призывы финансистами были поняты по-своему: вычеркивали из областного бюджета строку — издательская деятельность. А сами писатели, обреченные на долгое молчание, искали виноватых среди бесправных и обездоленных, серчали друг на друга.

Нынче не напишешь нравоучительный доклад про особо уверенную поступь на главной магистрали, не возгордишься тем, что за долгий период существования организации не допущено ни единого идеологического просчета, не призовешь на помощь обком, секретариат Союза. В чем-то мы стали другими: свободнее, независимее. Но бесправнее по экономической зажатости.

Что с нами было, как жили и как живем теперь? Видимо, пришел час остановиться в реформенной суете и оглядеться, чтобы понять, от чего ушли и к чему прибежали, понять все, что ретиво сделано и во имя чего. Это осмысление — уединенное дело писателя. У каждого свои сомнения — наставники тут не помогут. У нас трудное, сложное индивидуальное ремесло. Но необходимо чье-то понимание, участие, товарищеская сопричастность. В

Приходится учитывать, что в пору рыночной благодати почти десять лет власть и культура говорили на разных языках. Подлинная культура не приемлет торгашеской, политизированной, грязной и зубоскальной эстетики. Она не может принять особую матерную, хулительную лексику. Литература всегда помогала преодолевать некрасивость жизни. Писатели настойчиво говорят об уроках классической русской литературы: учитывала она историческую и просто человеческую потребность в положительном герое. Но нынче торжествует изощренное в пошлости и пакости сочинительство якобы для того, чтобы читатель пресытился ужасами и стал чище, лучше, возвышеннее…

Оценить современность, разобраться — тут нужна дистанция для успешной работы. В эмоциональном, интуитивном плане — быстрее отзывается поэзия. Для нее и старались мы найти хотя бы «окошечко», спасающее от разрушительного молчания. Теперь очевидно: личная стратегия и тактика оказались оправданными.

Сожалея о годах, потраченных на разборки, мы спохватились одними из первых в России, вслед за Иркутском. При партийном

отрицании, без финансов начали «Литературную Кострому», разумея в скором времени превратить ее в журнал, при котором хотелось издавать литературные сборники, альманах. Пошли полосные поэтические подборки. «В век сумасбродства и въедливой лжи, страха и крови» окликал высоким слогом Леонид Попов.

Не спеши, говорю, не спеши,
И поймешь, осененный слезою, —
Кто-то должен курлыкать в глуши,
Чтобы мир устоял под грозою.
Не спеши, говорю, не спеши
Дай доверию к сердцу пробиться…

Да, сердцу было тревожно в сочувствии к другим. Я знал, какие они, литературные силы, какие чистые голоса за лесами. «Крикнуть, позвать бы — да голос-то ветром, голос относит назад...» Ветром рыночной благодати. А люди уже научились отрекаться, «рвать друг другу потроха».

А здесь, в областном центре, поэт, ученый историк Алексей Зябликов, с болью оглядывая стоеросовый лес, не смог пройти мимо «Трубача», И по всему забурьяненному российскому полю зацвели «глупенькие васильки», в наивности и печали думающие не о своей «сорняковой» судьбе. Я знал, верил: неспешно, от глубинных народных корней возвышаются смелые голоса.

Разумеется, наша костромская поэзия сильна не только жестким гражданским звучанием. Это хорошо чувствую, понимаю. И потому радуюсь разнообразию. И потому остро чувствовал необходимость зафиксировать во времени, как в военную пору, небольшими сборниками, плотно набранными, хотя бы часть того, чем богаты.

Но власть, говорящая на другом языке, еще не встрепенулась. Известно, преднамеренная политика убеждения не принимает, у нее собственные установки. Понимая это, стратегический заход был сделан из глубинки, от районов, даже от зарастающей лесами и бурьяном моей родной Межи. «Смотрите, такой район, такая бедность, но есть хорошая библиотека, музей с литературной экспозицией, в школах начали работать литературные студии, издаются детские журналы. И вот книга учителя под названием «Межа» издана на средства администрации.

Разными способами издано около 40 поэтических и прозаических сборников.

Положительное значение имеют публикации, выступления на радио, телевидении. Затевая рубрику «К юбилею организации», я намеренно обходил факты, имена, не просматривал периоды становления, которые следовало упомянуть в первую очередь. Рассчи-

тывал, что подключатся наши писатели, вспомнят коллег, друзей, товарищей. Какие талантливые, интересные были у нас земляки. Мне казалось: они должным образом не прочитаны, редко упоминаются. К тому же «замалчивание» прозы обедняет представление о костромской литературе. Поэтому и родился цикл передач «Антология Костромской прозы» с сочетанием рассказов о жизни, творческих судьбах. Восторг, восхищение, гордость за многих костромичей я уже испытал. Подготовлены 24 передачи. А сколько еще интересного осталось!

Обнаруживается немало забурьяненных, нераспаханных полос, на которых при почтении к предшественникам следует взращивать новые посевы. Внимание к местной литературной истории плодотворно.

Значение дней литературы, проводимых по всем районам, никто не может оспорить. Наполненность их определяется нашей перспективной программой с учетом проблем обучения и воспитания, с учетом «заброшенности» дальних населенных пунктов. До пятисот выступлений ежегодно. Сложилась устойчивая связь с районными администрациями, отделами культуры и образования. Какие прекрасные получаются встречи с читателями, какой яркий резонанс они имеют!

Мы начали писать «летопись» наших встреч. Создаем аудио и видеофонд: записаны передачи, выступления писателей, созданы фильмы о днях литературы.

Всех встреч, обсуждений рукописей не перечислить. Дважды встречались с членами редколлегии журнала «Русь», затем с зам.-редактора журнала «Наш современник» Казинцевым, с бывшим сахалинским администратором, с зарубежными журналистами и литераторами. Литературные чтения памяти Е.Осетрова, И.Дедкова, встречи с художниками, устраиваем выставки. Появилась еще одна возможность для встреч — музей «Литературная Кострома». Работаем совместно с библиотекой им.Крупской, проводим юбилейные вечера, кажется, хорошо складываются они. Заложен фундамент нового отношения к литературе — так сказано на открытии памятника А.Ф.Писемскому.

Удалось сохранить творческое настроение. Выйти к новой качественной ступени наших изданий. Сравните книги, поэтические сборники, в частности, выходящие в благодатные времена: объемы, тиражи, способ подачи. А ведь мы — не издательство.

Рукописей поступает очень много. Есть и нетерпеливые авторы, есть придирчивые, самомнительные. «Почему не меня в первую очередь издаете?» Будто у нас тут крутится технологический профинансированный процесс, только заказывай, рекомендуй.

Способ обсуждения рукописей, прохождения их обусловлен наличием средств, которые сначала нужно выхлопотать, выцарапать. Получается так: кому-то и повезло, кого-то от беды, разрушительного молчания торопимся спасти. Издаем, представляя авторов в развитии, с возможностью прочтения судьбы, личности. Наша поэзия и проза не разлохмачены коммерциализацией жизни. Подтверждают это и тоненькие книжицы.

Наша жизнь — в преодолении всего скверного, в преодолении отчуждения, оторванности провинции от столичных структур, в том числе и от Союза писателей, Литфонда, редакций периодики.

Каков бы ни был государственный строй, он не может быть прочным, если нельзя рассчитывать на честность, порядочность соседа, ближних людей. Так и в организации. Пока еще мы живем сознаньем: радость творчества выше богатств «новых русских». Утверждается впечатление: литературные битвы закончились, размежевание, разделы, столичные ссоры из-за имущества не расторгли творческого интереса друг к другу...

* * *

Вспомним утверждения известных писателей мира: самым ценным достоянием любой страны являются ее литературные идеалы. Литература — отзвук и наших чувств на долгие времена, она движется верой и надеждой, взращивает многократно главную мысль: человека по своей природе всегда влечет к тому, что прекрасно.

Взглянем в начало века. Яснополянский граф, наделенный богатыми возможностями разнообразного общения в девятьсот десятом году, выражая свое отношение к предполагаемому съезду писателей, приветствовал людей, стремящихся к единению, говорил, что относится сочувственно, «особенно в настоящем случае, когда стремятся к единению писатели, люди, занятые деятельностью слова — могущественного орудия людей.» Далее в рассуждениях Лев Николаевич подчеркнул, что всякому уважающему себя человеку, а тем более писателю, нельзя вступать в какие-либо добровольные соглашения с тем сбродом заблудших и развращенных людей, называемых у нас правительством, и тем более несовместимо с достоинством человека руководствоваться в своей деятельности предписаниями этих людей. (Это из письма Градовскому, почетному председателю Второго Всероссийского съезда писателей, который состоялся в Петербурге в апреле — 22-29, 1910 года). Так что писательские организации, съезды — это не придумка советского периода нашей истории.

Но приходится вновь и вновь учитывать, что для действующих под девизом «чем хуже, тем лучше» литература, поддерживающая нравственные начала в человеке, его самосознание и чувство наци-

онального человеческого достоинства, — серьезная помеха. И они ополчаются на нее. Не потому ли так много было сделано для разделения, разобщения писателей, раскола творческих союзов, для разрушения единого культурного пространства. Но все-таки духовное родство оказалось неразрушенным, неутраченным. Это подтверждали Пленумы Союза писателей России в Орле, Волгограде, Якутии, на Северном Кавказе. Сейчас возвращается обоюдный интерес писательских Союзов Белоруссии, России, Армении, Грузии, Азербайджана, других бывших республик. Под напором региональных организаций и писательских Союзов новых государств провели в Колонном зале Дома Союзов юбилейный вечер, посвященный 60-летию Союза писателей. Председательствующий Сергей Михалков задал тон: «Сегодня сама жизнь диктует писателям необходимость сохранения единого культурного пространства». А наш земляк Виктор Розов признался:

— Я переживаю развал страны как разруху, аварию своего собственного дома… Действительно, Михалков прекрасно сделал свой короткий доклад и указал на все, что было ужасного, страшного и прочего. Но лично мне чаще всего в Союзе писателей было хорошо. Я люблю людей, люблю общаться, я не хочу жить одиночкой.

Лучшее, доброе, объединяющее чувство духовного родства никакими личными амбициями перечеркнуть нельзя. Приходится напомнить, что в разладе никому лучше не стало. Еще не утрачено почтительное отношение к литературе. Еще сохраняется в самых дальних районах интерес к нашему художественному и публицистическому слову.

Директор Судайской средней школы Александра Федоровна Борисова через несколько месяцев после нашей встречи пишет:

— Честно признаюсь: самым замечательным событием в школе за прошедший год была встреча с писателями. Покорила Ваша простота, естественность, непринужденность и глубина мыслей патриотических, выданных так доступно и душевно. Казалось, и я так же думаю, я тоже об этом знаю, но до Вас не могла выразить словесно в общении с коллегами и детьми. Вы глубоко затронули душу, заставили тревожно задуматься о настоящей жизни, размышлять о традициях и обо всем русском, нашем, деревенском, о красоте душевной и мудрости простого «маленького» человека. Всколыхнулось чувство гордости за наш русский язык, которым вы так здорово умеете пользоваться. У нас после этого был большой разговор и новый праздник, не хватало только Вас, Вашего умного, зажигательного Слова, патриотизма, оптимизма. Поэтому приезжайте еще к нам, снова будет Праздник!

«НЕ ЖИВУ ПОД ВРЕМЕННЫМИ ФЛАГАМИ»

— Михаил Федорович, разрешите поздравить вас с двойной датой — 60-летием и 40-летием творческой деятельности. За плечами большая человеческая писательская жизнь, книги... В чем, с вашей точки зрения, заключается мудрость народной жизни?

— Сложный вопрос. Над ним бьются все писатели, в особенности те, кого длительное время обзывали «деревенщиками». Авторы именно этого склада наиболее близко подходят к пониманию сути той самой мудрости. Если посмотреть на историю русской классической литературы, наиболее удачными произведениями оказались те, которые были приближены к народной жизни, народной философии, народной мудрости, народной эстетике быта и труда. Даже Пушкин, интеллигент высокого свойства, не смог обходится без сближения с народной жизнью.

— Ваши книги подробно, непринужденно рассказывают обо всех сторонах жизни российской, конкретно костромской, деревни второй половины XX столетия...

— Книга всегда пишется без замысла, кому она адресована. Задача писателя — высказать свое отношение к жизни, свой взгляд на какой-то отрезок исторического времени. Но не сомневаюсь в том, что тот читатель, у кого не зачерствела душа, кто живет не безоглядно, обязательно меня поймет, где бы он ни находился: в городе, деревне, даже за океаном. Главное, чтобы у читателя возникло сочувствие к героям художественного произведения. Раз возникает сочувствие, значит, придет и понимание. Но прежде обязательно должно проявиться сочувствие. Моя задача как писателя — вызвать сочувствие, потом сопереживание и — задать вопрос: а почему ты страдаешь, человек? Именно так, сопереживая простому рабочему человеку, я делал свои первые шаги в литературе.

Необходимо, чтобы каждое произведение несло какой-то жизнеустроительный заряд. Пусть и грусть, и печаль появились, но хочется повторить то, что утрачено. Вообще принцип моей работы такой: чтобы люди о чем-то спохватились, пожалели как раз о том, что помогает человеку быть душевней, лучше, чище.

— Во многих ваших произведениях на первый план выступает вечная житейская коллизия — отношение отцов и детей. Правда, вопреки расхожей традиции вы не противопоставляете поколения, что позволяет говорить о великой, в духовном смысле, неистребимости человека как личности, если он имеет прочные семейные

корни. Такое трепетное отношение к семье как источнику, хранительнице и целительнице человеческого в человеке проистекает, наверное, из вашего костромского детства?

— Не я первый считаю семью жизненной важнейшей опорой. В личном плане для меня семья — мой надежный тыл. Все в моей судьбе произрастало из большой деревенской семьи. Родители умели хорошо работать, вели большое натуральное хозяйство. В начале коллективизации их раскулачили, но они встали выше личных невзгод. Отец даже возглавлял колхоз, причем без озлобленности на ситуацию. Как я сейчас понимаю, та народная мудрость, которая испокон веку жила в народе, помогала выстаивать. И опора всегда — семья. Раньше в деревне жили одной бедой, одной семьей, и в романе это прописано. Я пониманию поэта, сказавшего: мы с одного земного шара, как из деревни из одной. Вот бы во всем мире выстроить такие взаимоотношения, какие строились в трудовой, добросовестной деревне. И там, конечно, не все складывалось идиллически. Но если случилась беда — люди сочувствуют и помогают. Даже изменника, предателя они хотят понять и сочувствуют ему. Возможна временная озлобленность, но она пройдет, уступит место пониманию и прощению. К сожалению, такого прощения в нашем времени нет — выдвигаются другие общественные идеалы. А семья воспитывает совестливость. Если бы нам удавалось своими писаниями хоть как-то действовать на чувства и поведение современников! Чтобы и новое поколение родителей воспитывало своих детей в мысли: делать на земле добро, а это сейчас, к великому сожалению, не ценится, даже будто бы мешает практицизму.

— С тех первых послевоенных голодных лет, что столь ярко и остроправдиво нашли отражение в вашем последнем романе, прошли десятилетия, наполненные созданием собственных книг, а также изданием произведений коллег-писателей. В течение вот уже более десятилетия, с 1986 года, вы возглавляете Костромскую областную писательскую организацию. С высоты прожитых лет, житейского и творческого опыта как бы вы определили специфику костромского литературного процесса?

— Этот вопрос для меня самый главный из всей нашей беседы, потому что по складу своего характера, по натуре, в силу происхождения из большой семьи я не могу жить только личными заботами. Это, наверное, идет от характера. Думаю, что не случайно оказался и во главе областной писательской организации. Сознавая это, порой даже в безвыходных ситуациях работал с надеждой и удовольствием. Почему? Став руководителем писательской организации, я получил возможность вплотную видеть и хорошо узнать тех людей, которые до этого были знакомы только по произведениям. Теперь я увидел их как личности. Каждый из наших писателей был и продол-

жает оставаться для меня безусловно интересным при всех его недостатках. Вообще каждый человек интересен.

— Современная ситуация, сложившаяся в литературе, определяется экономическими проблемами, которые заставляют говорить уже не о существовании литературы, а о ее выживании. И все-таки творческий союз работает. Издаются книги, проходят многочисленные регулярные встречи с писателями. Как, какой ценой это делается?

— Если кратко говорить, это дается кровью и потом, а также с постоянным чувством униженности. Что такое одаренный человек? Имеющий дар. Каждый такой человек имеет право на внимание, должен быть замечен. Не сами писатели, художники, актеры, музыканты должны стучаться в дверь — заметьте нас и дайте нам! Их должны находить, видеть, постоянно помнить о них. Это должен делать каждый руководитель, любого ранга, если он по-настоящему патриот своего города, области, Отечества своего. Может быть где-то и есть такие администраторы, но их не называют — опасно, такой стиль не предусмотрен на данном этапе, верховная власть такой пример не показывает.

Тем не менее, несмотря на трудные обстоятельства, писательская организация живет. Союз писателей существует прежде всего не для того, чтобы решать какие-то материальные проблемы, — он призван объединять людей в творческом плане. Союз помогает выверить себя, проверить в дискуссии, беседе, сравнить свою книгу с книгой другого автора. Главное назначение союза — дать писателю возможность почувствовать себя в сообществе родственных душ. И не надо искать разъединительных причин, надо искать лишь причины для согласованных действий.

— Писатель, такова его профессия, чаще всего вынужден жить прошлым, поскольку без осмысления прожитого невозможно написать что-то серьезное. Однако его взгляд всегда обращен в будущее. Точка в конце последней строки только что завершенной книги есть всего лишь мгновенная пауза перед первой буквой следующего сочинения. Каковы планы?

— В любом, самом скромном труде человек всегда дальше доступного. Он уже другой. Более того, я думаю, что мы дальше сегодняшних навязанных условий. Душа наша дальше, она живет в каком-то другом пространстве. Думы наши дальше обстоятельств. За последнее время замечаю за собой особенность: не пытаюсь выстраивать творческих планов. За одной работой следует другая, все идет как бы само собой. Мне уже не надо рулить. Такое состояние интересно. Понимаешь: у тебя есть свое единственное русло, собственное течение. Но до него надо было дожить...

Беседу вел Павел КОРНИЛОВ

«Костромская панорама», 27 октября — 2 ноября 1997 г.

ВСТРЕТИМСЯ ВНОВЬ

Костромская областная организация Союза писателей России завершает двухгодичный цикл Дней литературы встречами в самых дальних районах нашей области. По согласованию с местными администрациями, с отделами народного образования, культуры, с библиотеками и школами мы получаем благодатную возможность для общения вопреки трудностям, порожденным государственным пренебрежением к провинции. В этой связи можно вспомнить трагические военные и послевоенные годы голода и разрухи: люди спасались не только трудом и надеждами, но и общими праздниками, скромными колхозными гуляньями, кинофильмами и спектаклями в школьных коридорах, детскими концертами, посиделками при лучине и чтением книг. Деревенские собирались зимними вечерами в одной избе — женщины пряли, вязали или штопали детскую одежонку, а мужчины, в малом числе уцелевшие за долгие годы жестокого лихолетья, подшивали валенки, ладили сбрую. Вот для них, для этих терпеливых и многое повидавших деревенских жителей, дети и подростки по очереди читали вслух то сказки, рассказы или повести, то «роман с продолжением»...

Верится, и в обстоятельствах нашего времени произойдет возвращение к чтению — замученные преодолением неразберихи, телевизионным околпачиванием, политической трескотней жители русской провинции вновь вспомнят о книгах. А пока нередко приходится слышать: чтение теперь не в моде, люди читают мало — такая жизнь пошла.

Но вспоминается, вспоминается общий недавний интерес к литературе. Вспоминаю суждение русского мыслителя первой половины двадцатого века И.А. Ильина о том, что чтение необходимо каждому человеку, поскольку оно является «победой над разлукой, далью и эпохой». Дорогие земляки, не такая ли победа всем нам необходима сегодня — во времена коварного отчуждения между людьми, несправедливости, повседневного страха?

Есть в книгах костромских поэтов и прозаиков очень важное — то, что превращает чтение в художественное ясновидение, призванное и способное точно, полно воспроизвести духовное понимание другого человека.

Подумалось вдруг о нынешней равнодушной торопливости, о нежелании вникать в жизнь даже близкого человека, в сказанное, переживаемое другими . Куда уж тут до всего, что выстрадано поэтом, писателем, что укладывается в стихи, повести, романы!.. Нет времени, желания, нет интереса... Тревожат собственные неудачи, невзгоды, обиды, недомогания и нищета (не только материальная). Иногда чувствуешь все-таки — к радости своей — сосредоточенное

замирание в зале после нескольких поэтических строк, произнесенных в унисон настроению...

Поэзия воспринимается... Среди будничной суеты еще не у всех «надежно заперт слух». И при заниженном духовном уровне жизни, не говоря уже о материальном, поэтам все-таки удается найти отзыв, созвучие в читательских аудиториях. Поэзия опять востребована и пошла в классический рост. Не потому ли и нам в писательской организации пришлось издательские начинания первоначально посвятить поэзии?.. Поэтическая «атака» на обстоятельства, содействие общей победе «над разлукой, далью и эпохой» обеспечивается серией «Литературная Кострома» и подкреплена теперь изданием прозаических книг.

Живем в состоянии напряженного преодоления обстоятельств, нередко приходящего чувства одиночества. Я имею в виду не то одиночество, когда рядом нет ни друзей, ни родных, а когда у тебя нет возможности передать чувства, мысли, душевное состояние, с тревогой или печалью высказать свое суждение близкому по сердцу и разуму другому человеку, когда тебя некому прочитать, услышать и понять. Именно в поисках единомышленников, отзвука в другой душе, в поисках душевного простора пишутся книги. Может быть, по таким же причинам стремятся костромские поэты и прозаики в районы — к людям, которые тоже устали в отчужденности, забытости, в неразделенных тревогах о будущем детей и внуков.

Дни литературы в первую очередь служат общению и взаимному интересу. Мы надеемся увидеть заинтересованность в лицах школьников и учителей, работников культуры и библиотек, администраторов и сельских жителей. Уверен: как и повсюду, наши намерения будут поняты и правильно восприняты; как и повсюду, эти встречи помогут увидеть, узнать талантливых, душевно богатых и щедрых людей русской провинции, не утративших интереса к Слову.

Пусть наши встречи окажутся добрыми знаками преодоления заброшенности, одиночества. Убежденный в том, что в России нет более сильных людей, чем поэты, способные жить, никому не угождая, надеюсь на продолжение доброго знакомства. Когда-нибудь мы встретимся вновь, если не очно, то — при помощи книг, которые будут востребованы. Мы выбрали эту возможность обращаться к читателям и с помощью возрожденного альманаха. Условия издания, конечно, не позволяют выдержать определенный качественный уровень, порадовать авторов достойными гонорарами. Но альманах зафиксирует на многие годы часть наших дум и тревог, напомнит людям о том, что очень важно на все времена.

Михаил Базанков,
секретарь Правления Союза писателей России.
Альманах «Кострома»,

СВЕРШЕННАЯ ВОЛЯ

На этот момент в роли главной книги известного писателя определенно выступает эпический роман «Вольному воля». Книга не только значительная, таковой выглядит на фоне современного литературного потока, она предстает достаточно новым словом в осмыслении жизни. Будущим историкам литературы еще придется «спотыкаться» на этом романе: столь объемна его смысловая многоплановость.

Тематически, в глубинном философском плане роман закономерно стоит в русле всего творчества писателя. Даже название «Вольному воля» кажется естественным продолжением большого цикла, начатого романами и повестями. Это произведение имеет непростую издательскую судьбу, позволяющую говорить об определенной ее нестандартности для творческой биографии писателя. Первая часть «Воли» под названием «По праву памяти» в значительно урезанном варианте была напечатана в 1984 году. Она отмечена журнальной премией как лучшее художественное произведение года. Переизданная «Современником» в составе авторской книги «Право памяти» получила конкурсную Всесоюзную премию по итогам 1986-87 годов. Однако пришла к читателю в сильно усеченном варианте, остался отрезанным обширный сюжетный пласт, связанный с освещением и оценкой народной жизни в период тоталитарного страха сталинской эпохи. Только сейчас появилась возможность в полном объеме вынести на читательский суд многолетнюю работу.

События романа разворачиваются в дальнем лесном «раздолье» одной из российских областей. По мастерскому описанию природы, быта, по тончайшей нюансировке малозаметных деталей, знакомых исключительно рожденному в данной местности, становится ясным, что писатель обратился к досконально изученному, обжитому в нескольких поколениях Костромскому краю, в особенности его северо-восточной части, где прошли собственные детство и юность автора, — на пограничье вятской, нижегородской и костромской земли.

В центре крупномасштабного романа, как всегда у Базанкова, стоит не с дачного участка познанный мир деревни. Правда, в этот раз писатель существенно расширил пространство, наполнил книгу живым многоголосием сложных характеров, предельно сконцентрировал лирическое напряжение в раскрытии основных сюжетных линий.

Автор погружает читателя в мир послевоенной российской глу-

бинки, где «не чудом, не оказией, а доброй памятью земляков, состраданием да участливостью» из века в век, трудно, но с внутренним светом в душе живут люди. Главные герои книги — кузнец Тимофей Иванов и его сын Василий, жители деревни Зоряны, не раз взятые на излом. «Покусанные войной», они черпают силы для праведной жизни, находят себя, ощущая духовное родство с другими. Природа этой живительной связи кроется в нравственных истоках крестьянства.

Народный характер, не тот пастушечно-сусальный, что современность признает-таки самобытным, одновременно кивая на его отсталость и неразвитость, а серьезная, иногда и жестокая даже, но неизбывная сила стала основным предметом изображения в романе. Своеобразным образцом русского характера выступает в книге бабка Матрена Глухова: «ни одной минуты не прожила она без сострадания и сочувствия другим... каждый зорянский житель близок и дорог ее душе. Да только ли зорянский».

Убедительно и ярко прорисованы не только главные герои. Основные персонажи книги — Евдокия Иванова, Андрей Зайцев, Татьяна Залесова, Ганька Веселова, Арсений Забродин, Анастасия Барцева, бригадир Хробостов, Иван Поляков, Степан Башурин, Виктор Валков, председатель Иван Фомич, Оленька Носкова — несут определенные смысловую и эмоциональную нагрузки. Философию романа составляет идея снисхождения, терпимости к людям, которая проистекает от выстраданного, не напускного чувства жалости к человеку, а на уровне осмысления вызревает до понимания жизни — трудного испытания, с которым каждый справляется как ему позволяют обстоятельства, и не людскому суду выносить окончательный приговор. Однако природа этого снисхождения не сентиментально-попустительская, а трезво-деятельная. Не только жалеть и через появившуюся сопричастность к чужой боли соболезновать и сострадать, но обязательно помогать ближнему делом, словом, активной верой в лучшее. И даже в том случае, когда надежды практически не осталось.

Одним из центральных нервов романа звучит невозвращение солдат с Великой Отечественной войны. Жены, матери ждут их, веря, что «долго еще будут объявляться без вести пропавшие и даже те, кто числился в списках погибших, кого давно оплакали родные». Думается, разработка этого мотива в какой-то мере определила название романа. Солдаты, ушедшие «в волю», на большую войну, обязательно должны бы вернуться «в волю» Дома, Семьи, Мира. Должен замкнуться круг превратностей и людских радостей, образовав единое целое — полновесную человеческую жизнь. Но война не бывает милосердной. Ее воля еще долгое время диктует людям,

да и сейчас, по-своему, с отдаленным резонансом, но диктует уже новым поколениям свои жестокие условия и последствия.

Уцелевшие, вернувшиеся не сразу находят себя. «Коренной кузнец» Тимофей Иванов возвратился лишенным памяти. Столь желанная и близкая мирная воля оказалась обманчивой. Реальность обернулась душевным смятением, жутким, необъяснимым разрывом с главным: домом, семьей, людьми. В муках безвестности о доме и родных живет, а точнее, выживает в гулаговских условиях его сын Василий, о котором, не имея вестей, страдает мать Евдокия, силится вспомнить отец.

Память, пожалуй, концентрирует философию книги. Автор напряженно работает с этим понятием, добавляя к обнаженному корню глушащую приставку «бес». Противопоставление, а точнее, противостояние памяти и беспамятства — суть итоговой книги. По представлению романиста, память в человеке неразрывно связана с делом его жизни. М.Базанков синхронизировал возвращение памяти у Тимофея Иванова с возвращением трудовых навыков, медленным, не без досадных обрывов, вхождением в прежнее профессиональное мастерство. В книге пропет настоящий гимн крестьянскому труду — нелегкому, но живительному.

Со знанием, обстоятельно, автор буквально заново обучает своего Тимошу-забытошу, как прозвали несчастного кузнеца односельчане, хитростям мужицкого домашнего ремесла. Писатель сочно живописует сам процесс работы. Пахота, плотницкое дело, косьба, столярничество, пчеловодные заботы под его пером превращаются в действо, необходимое для телесного, а главное, душевного самочувствия, для обретения человеком самого себя. Страницы, написанные с доскональным знанием и в то же время с некоторым замиранием перед непознанными возможностями человека, посвященные выздоровлению Тимофея, думается, несут в себе особый жизненный и художественный ток с нарастающим напряжением.

Однако М.Базанков не позволяет растревоженной памяти существовать в замкнутом пространстве только одной человеческой души. Он настаивает, и в том заключается глубинный пафос романа, на вовлеченности в индивидуальную память душевных усилий многих людей, в том числе читателей книги. «Память все поставит на свои места, каждому воздаст должное, через определенное историческое время она может охватить прожитую человеком жизнь и даже все жизни одной семьи, всего рода в многогранной взаимосвязи с другими жизнями, освещая особенным светом самые дальние тени». Образовалась неразмыкаемая цепочка, освещенная «особым светом» —герой-автор-читатель, объединенная памятью и болью за тяжкое, в общем-то, одинаковое у всех, трагическое военное про-

шлое: «Люди, люди... Повязало, породнило нас долгое лихолетье, вроде и нет незацепленных бедой, вроде и нет обойденных».

Казалось бы, жестокая война должна была взять на себя весь груз человеческих страданий. Но, видимо, не дано русскому человеку жить без тяжких испытаний. Рядом с завоеванным на фронте относительным житейски-трудовым благополучием вспучивается приглушенное до поры до времени страшное, злое начало. Сейчас оно еще опасней, потому что угнездилось не за линией фронта, а в своей же родной стороне.

Осмысливая вечное противостояние тьмы и света, писатель возможно впервые в отечественной литературе художественно интерпретирует тоталитарный жизненный порядок по всей провинциальной государственной периферии на рубеже сороковых-пятидесятых годов.

Он детально исследует природу парализующего сознание всеобщего страха, который не просто присутствовал «для порядка», но довлел над людьми, определял их поступки, а значит, диктовал свои условия. «Постоянно казалось: кто-то цепко следит, будто бы читает мысли, предугадывает каждое движение... Не робость охватывала холодом, не страх за собственную жизнь, а нечто большее, вселенское, непредсказуемое».

Свободные, веселые, полноценные люди, неведомо как, но однажды подчинились диктату страха — и весь миропорядок скособочился. Всеобщая атмосфера подозрительности неявно, но властно деформировала жизненный уклад, отношения между людьми.

Следует заметить, что писатель избегает натуралистического показа функционирования репрессивного механизма. Наоборот, Василий Иванов, узник сначала гитлеровского, а потом сталинского лагеря, добром и участием земляка охранника Носкова и лагерного доктора со странным прозвищем Петр Великий вырывается из гулага, и мы следим за перипетиями его судьбы уже на свободе. Гораздо сильнее лобового изображения ужасов сталинских лагерей выглядит тот ход, которым воспользовался М.Базанков. Он «расположил» концлагерь, где находился Василий, в непосредственной близости от его родной Зоряны, вплотную приблизив источник парализующего страха к уюту домашних очагов. Правда, контраст не сыграл, да это, думается, и не входило в задачу писателя. Наоборот, невзгоды Василия, из небытия возвращающегося в родной дом, только подчеркивают трагизм жизни миллионов людей, остававшихся на свободе, но дышавших все тем же воздухом деспотизма и произвола, что и заключенные. Жизнь в лагере и так называемая «свободная» как бы сливаются, и вот уже нет границы между свободой и неволей. Но это состояние противоречит человеческой природе. Несвойствен-

но людям долго жить в страхе. Однажды они распрямляются, срывают с себя истлевшую робу страха и неудержимо идут к обретению воли. Условно говоря, есть к ней два пути. Первый, всем известный — революционный, когда «взбрык» народный сметает все и вся. На время, зачастую очень ограниченное, народ получает желанное освобождение, но потом, как показывает история, он вновь погружается в трясину несвободы. Другой путь менее заметен. Однако за ним будущее. Более того, он и есть будущее, замешанное не столько на пресловутом терпении, сколько на бытовом, бытийственном действии — напряженном ритме извечного круга сезонных работ-праздников. Люди перемогают и эпохи, и времена, с трудом, в тяготах, продлевают себя все в новых и новых поколениях.

М.Базанков показывает, что топливо жизни произрастает все-таки не из страха, злобы и противостояния преждевременной смерти. Они непременные спутники человека, как пожухлые палые листья неотделимы от чарующей прелести осени, но они не вечны. В человеческих силах расчистить от них землю, пусть ценой жизни, но свершить волю. В этом смысле очень показательна финальная сцена романа, поднимающаяся до высокого, символического звучания. Искатели правды Василий Иванов и Николай Барцев разговаривают с прокурором, занимающимся амнистией. Тот, понимая их боль, сочувственно поучает: «Терпение нужно. Терпение.

— Да уж будет, потерпели-пострадали, — в тон ему так же хрипловато обмолвился Николай.

— Что сделаешь. Терпение и надежда. Всему свой срок, ребята.

— Ты, товарищ Бабенков, это не говори. Мы и сами хорошо знаем, — едва слышно уведомил Василий. — А за все остальное — спасибо, низко кланяемся.

Вышли от прокурора безоглядно. На вольную волюшку. Леденящий порывистый ветер гонял стаю мерзлых листьев по булыжной мостовой...»

Много, много зла на свете, говорит писатель. Порой нет сил на борьбу с ним, но на то и дана воля человеку, чтобы, свершая ее, расчищать землю для добра, радости и становиться вольным.

Когда читаешь прозу Михаила Базанкова, возникает ощущение, что автор — личность физически и душевно очень сильная, а главное, ненадломленная, именно по-мужицки ненадломленная. Жизнь и вертела и мотала, пробовала на зуб. Тщетно. Выстоял, выдюжил и, неподдавшийся печали, говорит о сущем веско, трезво, непредвзято.

Литературный процесс в наше время более чем когда-либо еще разделился на два почти непересекающихся потока — столичный и провинциальный. Обособленная, где-то по-снобистски высокомерная московская и питерская литературы уже и не смотрят в сторону

периферийных авторов, довольствуясь собственными творениями и всяческими событиями, разворачивающимися вокруг них. А в это время в стране живут сотни, если не тысячи, писателей, чье слово достойно быть услышанным, оцененным и освоенным отечественной словестностью. Книги, подобные роману Михаила Базанкова, о печалях и радостях извечно немногословной российской глубинки, есть та правда о русской земле, русском народе, русском характере, что будет нужна всегда, покуда есть такая земля, такие характеры, такой народ.

Память лихолетий стучится в современную действительность. В созданных писателем образах ясно проступает русский национальный характер, выраженный не только в типе лица, в особенностях речи и поступков, в облике при различных состояниях природы, в деталях быта и труда, но и в тональности, эмоциональном настрое произведения — в его свете и цвете, музыке и живописи. Без мелодраматической закрученности сюжета, приемов театральной и приключенческой броскости, внешней эффектности роман держит читательское внимание серьезностью мысли, душевной чуткости, отчетливо звучащей любовью, гражданским мужеством, отзывчивой добротой, глубоким знанием народной жизни и правды — всем тем, что нынче оттесняется из ряда человеческих достоинств.

П. Корнилов. Журнал «Нижний Новгород», №5. 1998 г.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ СЛОВО

Одною памятью
еще мы в свете живы.
Павел Катенин

Судьбой предназначена или собственным радением выстроена возможность осуществить с помощью любителей поэзии первое в истории костромской литературы антологическое издание? Дело это трудное, интересное и, надеюсь, полезное для многих. Десять лет назад, затевая писательский ежемесячник «Литературная Кострома», завистникам и доброжелателям пришлось объявить о том, что непременно через некоторое время начнем печатать небольшие книги. Начнем с поэзии. Не только по обстоятельствам, но и с уважением к поэтическому Слову. Обещание такое удалось осуществить. Сначала на страницах ежемесячника были представлены многие поэты Костромской области, молодые литераторы получили первые публикации — почти сто авторов заявили о себе, вызвав чита-

тельский интерес и наши надежды. В труднейших условиях, без издательства, чудесным образом явились более сорока сборников за семь лет. Печатали книги приложениями к «Литературной Костроме», а в районных типографиях — специальными выпусками местных газет. Подтверждается правильность выбора единственного тогда пути. И горжусь, что осенило меня, позвало на инициативу, которую поддержали понимающие люди.

Теперь при определенном багаже можно сказать вслед за Николаем Рерихом, что ужасающий хаос разделения, упадков, ограничений претворяется в свет и гармонию там, где прикоснулся луч Прекрасного. Сама Поэзия пробивала сквозь тьму и неразбериху этот живительный свет? «Для того и родятся поэты на высоких широтах Руси...» Не трудно предположить, что каждый владеющий поэтическим даром духовно живет в нескольких поколениях, а не только великие, гениальные творцы. Сохраняется и в наше время, более того, коварно используется хрестоматийная раскладка, поражающая своей категоричностью суждений об особом предназначении, избранности. Как часто мы слышим: талантливейший, гениальнейший, прекраснейший. По рекламным ярлыкам если судить, по многим шумным премиям если посчитать, то к концу двадцатого века набираются десятки вспученных вершин, «оприходованных» в значительности и гениальности выше Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Тютчева, Шолохова, Есенина, Горького, Бунина... Не только в центре, но и на периферии с расчетливым рвением объявляют иногда местного сочинителя в равности даже Льву Николаевичу Толстому. Случается так. И вот случилось, но мужественный соискатель столь высокой значимости, в возрасте размышлений об итогах и смысле жизни, о ценностях подлинных и мнимых, не оробел, не выказал неудобства, не воспротивился тут же, — услажденный славословием не захотел или по взволнованности не смог подобрать подходящий деликатный способ самооценки? С кем не случается, кто в услаждении не забывал о том, что лесть гнусна, вредна...

Наделенные божественным глаголом — особенные люди. Пожалуй, нет беды в том, что кто-то неизвестный возомнит себя гениальностью — для вдохновения, для уверенности в начатом деле. Находятся иногда и представительницы женской поэзии, определяющие свою работу по уровню Анны Ахматовой или Марины Цветаевой. Ну и пусть себе утешаются, лишь бы от самомнения такого другим не создавались неудобства. Для составителя антологии нет правил, кроме одного: больше поэтов хороших и разных, похожих только на себя. Индивидуальность, неповторимость восприятия и поэтического самовыражения, несомненно, привлекательны.

Поэты по природе своей ранимые себялюбцы, однако еще

никто из них, кажется, не давал повода называть себя Пушкиным XX века. Равных Пушкину в столице и в Костроме пока не объявлено... И все-таки подлинные поэты живут по всему российскому пространству, только мы не всегда осознаем, что неизвестные и невеликие тоже оставляют слово незабываемое. О костромской школе русской поэзии при литературоведческом анализе есть основания поразмышлять. Критика современная этим не занимается. Да и есть ли она — неведомо нам в «лесной глуши». Правда, услышишь иногда: кто-то с помпезной официальностью объявляет сто лучших повестей года, «вычисляет» сто лучших российских поэтов, а кто-то своими лукавыми мерками находит новые «вершины» в центре и на местах. А мы по старинке полагаем: поэты — необыкновенные люди, они из тех, кто заключил в себе талант и потому чище всех должен быть душою, но дотошным измерителем таланта с учетом сотых и тысячных долей никак овладеть не можем. Для нас каждый одаренный человек интересен, услышать и понять его по праву современников необходимо. С такой целью и задумана первая костромская антология.

Стихами предшественников — Павла Катенина, Николая Некрасова, Сергея Маркова — начинается эпиграфический запев сборника избранных произведений, с ним надеюсь пробиться к современникам через пенистые наносы новой модной «словесности». Есть основания смотреть и на два века назад, вспомнить «Пушкинскую эпоху». Необходимо еще раз возвратиться к поэтическим истокам, чтобы у нынешних претендентов на высокие лавры охладился пыл. Обращаю внимание на судьбу Павла Александровича Катенина, рожденного в Кологривском уезде в декабре 1792 года. Получив превосходное образование, в особенности, изучив иностранные языки с их литературою, он определился на службу по министерству народного просвещения и через два года имел чин титулярного советника, но вскоре попал на военную службу...

Неординарная личность с неукротимой энергией и особым талантом. Герой двенадцатого года, участник боевого заграничного похода до Парижа. Состоял в первых тайных обществах. Был широко известен, со многими современниками вступал в полемику. Разносторонне образованный, по словам К.Батюшкова, наделенный большим дарованием, щеголяющий широтой и оригинальностью суждений, он имел свои художественные и нравственные принципы. И сыграл одну из решающих ролей в становлении Пушкина — общенационального поэта. В статье о сочинениях Катенина А.С.Пушкин писал: «Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угод-

но. Он даже до того простер сию гордую независимость, что оставлял одну отрасль поэзии, как скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастие толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающего за собою других. Таким образом, быв одним из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования». А сам Катенин напоминал читателям, опьяненным торжеством очередной литературной суеты, что судить о произведениях по прихотям моды — явный знак слабоумия, что ориентация на конъюнктурные требования ведет к самоотрицанию, самоуничтожению естественной литературы, по самой природе своей призванной воплощать вечные духовные ценности. Он противостоял казавшейся непоколебимо могущественной литературной группе. Стихотворная декларация поэта («Софокл») свидетельствовала о творческой свободе, о том, что для него победа не в увенчании венком, а в обретенном даре самовыражения. Поэма об отставном солдате «Инвалид Горев» привлекательна тем, что автор уравнял себя с многострадальным, но несломленным русским человеком, — в ней отождествление поэта со своим народом. Эта поэма предсказывала образы и темы для другой эпохи, подготавливала поэзию Н.Некрасова.

Перечитывая «давних» поэтов, в современных обстоятельствах открываешь заново значение созданного «для себя».

Удивительный путешественник-исследователь и романист, рожденный вблизи Кологривского тракта в Парфеньеве, оказывается, начинал поэтическое самовыражение еще в двадцатых годах этого века. Один из рассказов его сохранил такую мысль: «Вероятно, боязнь забыть слово и породила поэзию». Многие годы оно было подвластно Сергею Маркову, служило ему в минуты вдохновения, открывая свои тайны, помогало находить живые и осязаемые метафоры, хранящие тепло и сверканье неожиданных свежих эпитетов. В драгоценных образцах его философской лирики являются они с удивительной естественностью и зримостью. Например, представленное здесь стихотворение «Пчела». Вспомните внезапный свет неожиданного эпитета в строфе с волшебным словом: «В хрустальной чаше огненная мгла, в ней опочила синяя пчела».

Особое, поэтическое свойство Маркова оценил составитель сборника «Светильник» Борис Примеров, он причислил нашего земляка к поэтической ветви с соками поэзии Н.Гумилева, М.Волошина, М.Цветаевой, П.Васильева, Б.Корнилова, Л.Мартынова... Такое резонное причисление уместно и деликатно, оно никого не

вытесняет и не замещает, а только напоминает о характерной живописности поэтического слова. И мы согласно повторяем: метафоричность мышления отличает поэта от сочинителя. Метафоры истинного творца поражают естественным прорастанием мысли из чувства, которое живительно продолжает ее, выводит на другой уровень... Неожиданное и точное слово, рожденная естественными метафорами живописность определяют неповторимый «жест» поэта, его стиль... Самобытной дорогой впереди идет художественная интуиция, а не расчетливый, всезнающий разум. Наделенный такой интуицией успешно реализует свои достоинства в любовной лирике. Она требует эстетического такта, художественной тонкости восприятия и воспроизведения эмоциональных многоцветий для того, чтобы делать их предметом искусства. Конечно, и в любовной лирике высокое стилевое отличие постигает не каждый одаренный человек, даже истинному таланту лишь иногда удается при помощи эпитетов и метафор переплавить свои переживания в необходимое достояние многих.

Русская поэзия имеет неисчислимые достоинства, у нас есть такие творения, что и через века богатство их окажется неисчерпанным и неисчерпаемым. В каждом времени рождаются призванные к поэтическому слову, владеющие единственной новостью, которая всегда нова, — талантом. Немногим из них дано найти вечный родник поэзии. И несоизмеримые поэты в равной степени откровенности взывают к благороднейшим чувствам, уповают на отзывчивость сердца. Размышляя о себе и своем времени, они снимают жатву с посевов давних, пользуются многими источниками кроме самой жизни, трудами многих предшественников и современников. Общественная, историческая, творческая обусловленность неизменно подразумевается. Эпоха, состояние человеческого общества, события, все виды искусства и литература формируют мировоззрение. И сохраняется то спокойное, то напряженное дыхание времени в стихах. Старшие поэты сквозь возрастную печаль из суровых фронтовых лет пробиваются правдой человеческого сердца к вере в молодость и красоту. По нашей антологии движется эта живая связь, обусловленная памятью и сыновними чувствами.

Художественная правда, рожденная стихией человеческого сердца и талантом, живет долго, не отменяется последующими открытиями и откровениями. Только дается она не каждому одаренному человеку с первой попытки сказать свое неповторимое слово. Не все опубликованные в антологии подборки претендуют на такую правду, некоторые авторы первых книг, изданных писательской организацией, еще только заявили свою причастность к поэзии, свое почтение к родному слову и тем самым воспротивились утвержде-

ниям об умирании или упадке интереса к русской поэзии, хотя это утверждение связано с общей, мировой, дезинтеграцией языка, с распадом личностей и сообществ.

Молодые литераторы увлекаются поэтической деятельностью несмотря на то, что она, некогда столь возвышенная, становится «по прихоти неустроенного общества» второстепенной, не дающей никаких «потребительских перспектив». Происходит это потому, что мы во дни тревог и сомнений получаем знание, удовольствие, утешение и даже прозрение от чтения стихов, подзаряжаем душевное состояние. Не утрачена способность восхищаться поэзией, выбирать необходимое для души и сердца не только у великих поэтов. Уже сказано не раз: нет у нас другого литературного жанра, который был бы ближе к божеству, чем поэзия.

Но специалисты на Западе совсем недавно утверждали, что современная поэзия перестала входить в интеллектуальную диету. Что ж, у каждого времени свои ориентиры и эстетические потребности. Приходится только сожалеть, если кто-то не чувствует поэтического слова. Россия — особенная страна, романтическая, фольклорная, песенная. У нас была «Пушкинская эпоха», была поэзия пушкинской поры. Пушкин осваивал опыт всей русской литературы. Его гений не отменил литературу. Поэт изучал других с благодарностью, говорил об особенностях Катенина, Жуковского, Батюшкова, Тредиаковского, когда уже чувствовал свои достоинства.

Открытия, удачи в языке, темы и образы, найденные писателями нескольких поколений, отозвались в сочинениях Пушкина. Он говорил о том, что писатель должен «повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа», которая всегда имеет «особенную физиономию». Не подражать фольклору, не просто использовать его мотивы, сюжеты и образы (хотя Александр Сергеевич полностью не отрицал этого), а глубоко и прочно осваивать принципы, свойственные языку фольклора. В наше время возрождается интерес к народному творчеству. И костромские поэты следуют пушкинским заветам. Прочитанные рукописи, публикации, книги дают мне возможность говорить о том, что усвоено почтение к народному говору, к фольклорному и песенному творчеству жителей костромского края. Поэты собирают частушки (Виктор Лапшин, Леонид Попов и другие), составляют специальные издания. Только что появился сборник «Частушки вохомского края» — в нем полторы тысячи из семи тысяч частушек, собранных Леонидом Поповым. В предисловии он цитирует дивные строки Николая Рубцова: «Мы с тобой не играли в любовь. Мы не знали такого искусства. Просто мы у поленницы дров Целовались от странного чувства». Цитирует и доказательно находит побудительный для поэта мотив в

конкретной частушке, горячо говорит о том, что в сегодняшней смуте простые люди еще сохраняют чистую языковую культуру. Мы учимся у них и помогаем по причине любви.

Превосходство природы и жизни над искусственностью — очевидное достоинство наших поэтов. Совпадение интонаций допустимо, если лирически настроенные люди поют об одном и том же. Иногда совпадают темы, выбор предметов, но голоса певцов имеют индивидуальную окраску. На эту индивидуальность рассчитывал составитель, когда обнаруживались условные повторы в поэтических подборках.

Из давних лет пригодились размышления П.А.Катенина о том, что предписывать поэту выбор предметов несправедливо и вредно, т.к. для знатока прекрасное во всех видах и всегда прекрасно. «Но одно исключение из сего правила извинительно и даже похвально: предпочтение поэзии своей, отечественной, народной. Свое ближе чужого. Поэт с ним познакомится короче, выразит вернее и сильнее».

Отдаю предпочтение поэзии своей. Верю в неутраченную способность чувствовать и оберегать родное слово, находить очень важное для души и сердца не только у великих и гениальных творцов, потому обеспечиваю в конце XX века движение в свет первой костромской антологии. На добрую память.

От составителя. Композиция издания, вероятно определена моим эмоциональным и эстетическим субъективизмом. Поэзия, как и музыка, живопись, воспринимается в зависимости от «освещения». Факторы общественной жизни тоже сказываются. Потребовались и формальные, условные ориентиры. Не все поэты представлены полно и разнообразно, не каждая подборка совершенна, отвечает самому высокому уровню. Но костромские авторы в поэтическом содружестве находятся «на общем печатном поле», под одной обложкой, как и в жизни — под общим небом. Перед 200-летием со дня рождения А.С. Пушкина в этом есть особый резон.

Издание было задумано пять лет назад. Осуществляется по программе сотрудничества Костромы и города Дарема (Северная Каролина) при участии американских поэтов, проявивших интерес к русской поэзии. Наша особая благодарность за творческую помощь в осуществлении проекта Джуди Хоган, Ричарду Беркли, Ирине Елевич, Шерон и Джону Юинг…В перспективе возможна антология поэзии штата Северная Каролина на двух языках.

М.Б. , 1998 г.

ЛИТЕРАТУРА «НА ВЕРЕВОЧКЕ»

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль...
Борис Пастернак

Понимаю, о том, что сделано, осуществилось, надо писать скупо, информационно. Писать скупо — не диво, если не переживал, не испытывал особенно сильных чувств, никого не любил, не жалел, никому не сострадал. Если не терзает многолетняя правда: хорошо и много задумывалось, да мало осуществилось, перешли издания на долгие сроки — обмануты надежды. Почему так? Мало ли общественных обстоятельств за эти годы переменилось, но прежний остался спрос. В провинции он всегда капризен: каждый знает больше и умеет лучше.

Несколько писателей мира выражали мысль: провинция может оказаться для таланта долговременной угарной баней, в которой угорают до смерти и не замечают, если поддаются местнической суете. И все-таки думаю, что подлинный талант мужает и укрепляется «дома», умудряясь уцелеть без угара, наращивать творческую состоятельность. Для этого необходимы нравственный фундамент от происхождения, высокий ориентир и умение делом укрощать претензии завистливых «умников». Несмотря ни на что, оставаться самим собой, сохранять достоинство и честь. Уже сказано: честь — это и есть весь человек. «Согласитесь кротко улыбаться на каждое оскорбление и безропотно утираться после каждого плевка в вашу сторону и Вы получите общество навсегда униженных бесчувственных рабов». Он же, Николай Бердяев, говорил, что самоутверждение человека ведет к самоотрицанию; утверждающая только себя, любящая только себя личность разлагается и становится опасной не только для близко с ней соприкасаемых коллег, но и для общества. Не кроется ли здесь одна из причин всех наших неудач и страданий? Разве мы не испытывали на себе интриганство таких личностей? Правда, есть один добрый совет: «Делай, что должно. И будь что будет». Так вот об этом деле, которое представляется спасительным, можно сказать подробнее.

1

Длительное время профессия писателя не была опасной и вдруг оказалась в зоне «повышенного риска»: вместо идеологического давления мы получили экономическое и унижение невостребованностью. Реформы «перевернули» душевные устремления, сориентировали людей на новые ценности? «В столицах шум, гремят витии.

Идет словесная война...» В столицах на пятнадцать лет затянулись разборки-дележки. А областные писательские организации остались у разбитого корыта. Повезло писателям тех областей, которые побогаче экономически, где администраторы были дальновиднее.

По времени, по настроению песня поется и печатное слово дается. Чем жили мы, чем спасались под «суховеями», в атмосфере двойного предательства, избавляющей от совести, чести, достоинства? Верой, верностью призванию, литературой в главных ее качествах по традициям классики — литературой добра, сочувствия, сострадания, красоты, духовной опоры. Но чтобы она была, сохранилась, ее надо культивировать.

Вспоминаются, видятся кривые ухмылки по поводу наших тоненьких книжиц. Вспоминается и первый издательский опыт — сборник польских поэтов на русском «Обетованный край» (Кострома, 1989 г. 27 страничек. 10 авторов. Переводы Н.Снеговой, Вяч. Смирнова. Тираж — 500 экз.). С этого издания и пошла поэтическая серия приложением к ежемесячнику «Литературная Кострома». И зашевелился «спрос»: того и этого издали, а меня нет, меня надо бы вперед, я лучше...

Были и такие претензии: «В коллективном сборнике подборки у других поэтов по 300 строк, а у меня только 150, в два раза меньше. А я все-таки дама, вот на вас посмотрю, устрою вам за это!» Забавно, однако. То ли еще будет! «Подожди, издатель, мы тебя отблагодарим, мы тебе покажем, как наживаться на трудах наших по зарубежному опыту!» Про наживу суматошно запели, не желая знать при какой бедности все делается

Восемь лет назад получился обстоятельный диалог с известным американским писателем Чарльзом Итоном. Разговаривали о жизни, литературе. Я показал первые книжицы поэтической серии. Маленькие, вместительной верстки, без каких-либо издательских излишеств, к сожалению, без простора — «без воздуха».

Чарльз Итон с пониманием уточнил:

— О’ кэй. Бразильский опыт. Литература «на веревочке».

— Нет, — говорю. — Это у нас в Костроме. Мой эксперимент без веревочек. Сам редактор, художник, издатель. Быстрее и проще, без лишних затрат.

Такой опыт, конечно, был и раньше в России. Скромные благотворительные издания для народа выпускал Иван Сытин. Что скажет американцу имя? Нам оно дорого, гордимся. И.Д.Сытин впервые в российской истории предпринял выпуск Народной, Детской и Военной энциклопедий. Начинал с единственным достоянием — нравственным здоровьем и крестьянской любовью к труду. При почтении к Слову накануне Первой мировой войны давал стране четверть

всей книжной продукции. А прославился еще и тем, что книги его предназначались народу, — он распространял миллионы экземпляров в самых глухих местах.

— Хороший бизнес. Большой успех, — определяет Чарльз.

— Не такая главная цель, — поясняю. — Просвещение. Работа не на себя, для бедных людей, на просвещение народа.

Позднее, через два или три дня в университетской библиотеке, перелистывая периодику, вычитал, что крестьяне из отдаленных сельских районов, рыбаки, заводские рабочие, ночующие в бараках, нищие, но гордые, то радостные, то печальные, получают излюбленное чтение «на веревочке».

Что же это за литература? Небольшие по формату издания (11х15 см) объемом 8-16 или 32-48 страниц с неброской обложкой и фронтисписом. Появились они в конце прошлого столетия в северо-восточной Бразилии. Их продавали на ярмарках, на рынках, в центрах хозяйственной деятельности, развешивая на проволоке или на веревке, как белье на просушку. В начале 80-х годов XX века со своими сочинениями выступали (рекламируя и раздаривая) 2500 поэтов.

Бразильские власти, католическая церковь быстро осознали значение этих книг, потому такая литература часто издается на средства официальных учреждений, католических ассоциаций и университетов. А поэты при этом обязаны доносить до широкой публики определенную информацию.

2

Не угасло желание выпевать пережитое. По тем же причинам приложениями к ежемесячнику издавали мы небольшие сборники. Печатали их там, где выгоднее, дешевле. И заронили опыт по всей области: в районных газетах пошли «Книги в газете», приложения. Началось с той самой литературы «на веревочке». Выстрадав опыт, выбиваясь из унизительной бедности, последовательно тянулись мы к более объемным качественным изданиям: «Антология костромской поэзии», альманах, книги прозы.

Недавно вышла книга В.Шапошникова, в приостановленной прокатке тираж сборника «Дозор» В.Лапшина, идут к читателям «Облака над озером» С.Виноградовой, «Фольклорная практика» А.Хлябинова, «Местной почвы певчая щепоть» Ю.Разгуляева. Налажены к производству роман О.Гуссаковской, «Избранное» К.Абатурова, романы и повести нескольких авторов, складывается антология костромского рассказа, готовится альманах «Кострома»-2001, ожидают выхода перенесенные из других лет сборники. Впрочем, о планах вообще трудно говорить, если состоявшаяся книга А.Акишина в ори-

гинал-макете все еще в цехе типографии с 98 года без оплаты; альманах, посвященный 55-летию Победы, до сих пор не профинансирован. И не выдана зарплата (с давностью больше года) тем, кто готовил оригинал-макеты, оформлял издания гравюрами. Департамент культуры, под чьим заботливым крылом оказались писатели, объят многими иными проблемами — сохранить бы «стены и кресла».

Опять кого винить? Конечно, издателя: не затевал бы, посиживал, как раньше было в писательских организациях. А раньше дискутировали, оценивали рукописи, рекомендовали к печати. издание, дальше все шло по договорам, даже реализацию книг государство обеспечивало. Теперь почти весь тираж каждого издания бесплатно передаем в школы и библиотеки. Любая книга, тиражом в пределах области, убыточна, если смотреть с позиции сиюминутной выгоды, искать непременную прибыль. И находятся учетчики возмущенные: «Зачем издавать, если не читают? Не до того!» Что ж, давайте жить без ориентира на будущее в «корытной» философии и деградируем, утратим способность чувствовать, мыслить. Конечно, и память выветрится. Без литературы как же? Ученые давно утверждают: лучший способ укрепления, развития памяти в любом возрасте — чтение, заучивание литературных текстов. Может быть, живущие одним днем, гордясь «нечитанием», видят и собственную перспективу в рамках общества без интеллектуального производства?

Представишь двести литераторов области без единого издания в течение 15 лет — мороз по коже. Необозначенные, неуслышанные — вычеркнутые из общественной жизни, отторгнутые от предназначения. Не придут на смену, не станут зорче.

Но изданий выходит больше, чем раньше. И что же?

Кустарная издательская инициатива, сколачивание «группировок» порождают спешные «медвежьи услуги», валом гонят книжки, девальвируя Слово. Потому цитирую Лессинга «Нет существа более обидчивого, более язвительного, чем несостоявшийся писатель». Опубликовал В.Ростокин из Волгоградской области про таких статью «Сороки в соловьином саду», а они взъерепенились и стращают его: «Если продолжишь писание брехни про нас, тогда мы тебя убьем». Выходит, и с этой стороны наша профессия опасна. Редактора тоже пугают. Не принял к продвижению панибратски «одобренную» многоопытным интриганом рукопись графомана — пойдет накат по всем координатам: «Председатель зажимает таланты!»

Однако творческое дело не исчезнет. И все мы, объединенные главным жизненным интересом, надеемся, что местные чиновники по всей России «дадут нашей жизни вдох». Завершится на местах странное «упоря-до-чи-чи-ва-ние», выработается система поддержки профессиональных писателей и молодых литераторов. Мы мно-

го пережили, вынесли, стерпели. Многое знаем, умеем, опыт не отнять никакими наветами. Как говорится в народе, и работы не боимся, только варева давай.

3

До сих пор писательская организация даже компьютера не имеет. А везде — новая издательская технология. Удивляюсь, каким-то чудом удавалось издавать не только литературу «на веревочке». Как же? Были годы особые. Выпросил «закладную» сумму на издание, затем в течение трех лет «доскребай» по инстанциям, вытягивай «слезничками» запланированное, проживая в постоянном стыдливом долгу перед типографией. Что прошло — миновало, пускай печаль воспоминаний не угнетает нас... В мае 1989 года распахнулось первое спасительное окно для авторов. Начинался ежемесячник «Литературная Кострома» на 16 полосах тиражом 15 тысяч, объективно снижая тиражность, просуществовал до конца 1995 года, хотя по задумке отводился ему трехлетний срок — до перерастания в журнал. Возьмем в среднем на номер 10 авторских публикаций (с учетом вынужденных «анекдотических» номеров) и можем сказать, что из этого «окна» литераторы восемьсот раз обращались к читателям. Немало, правда? А сколько новых голосов разных творческих направлений обозначено в такие суровые годы? Пусть придирчивые «аналитики» в поисках соломинки в чужом глазу по своей методике подсчета голосов это сделают для собственного посрамления. Мы же вместе с читателями, педагогами, музейными и библиотечными работниками еще не раз вспомним все лучшее.

На основе ежемесячника пошла литература «на веревочке», конечно (с экономической целесообразностью), в первую очередь получили «отдушину» поэты. Удалось малыми силами и средствами выпустить в свет более 60 книг прозы и поэзии. Почти к половине из них издатель «удосужился» написать вступительные статьи или творческие портреты, заметки об особенностях литературной работы. Требуется количество авторов, представленных коллективными изданиями? «Антология костромской поэзии» — 40, четыре выпуска сборника «Кострома» — соответственно: 52, 51, 63, 82. Какой наивный издатель — гонится за количеством. Зачем эта «массовость»? А сочувствие к живущим в забвении, не окликаемым хотя бы раз в году? Время такое, коммерческий диктат его суровый вычеркивает сочинителей с поля словесности, только смирись — быстро забудется, что еще живы. Цифры имеют и на будущее значение, а нынче они — назидательный знак для тех, кому выгодно утверждать, что заглохла творческая работа. Потому вынужден упомянуть Дни

литературы в районах, зональные семинары, авторские вечера, презентации книг и другие формы общения.

Издательскую увлеченность не прорегламентируешь. Это наравне с писательством сладкая каторга. Редко, но утешаешься конечным результатом. «Сплюсовывая» сделанное на историю костромской словесности, обретаешь уверенность: оппоненты уже не вытопчут его — сапог не хватит. Нарастает ощущение, что и свое индивидуальное слово в литературе имеется. Высокая критика и читатели пророчат новое прочтение и востребованность в другом веке романа «Вольному воля», сборника «Самое дорогое», нескольких рассказов и очерков. Бог даст, из любви к родине, землякам, из понимания истории, значения нравственных основ заземленного крестьянского образа жизни при философии памяти что-то еще получится на добром художественном уровне. Так же думаю, зная литературные таланты, о каждом из близких мне коллег. Вера и надежда, «жгучая кровная связь с каждой избою и тучею» ведут нас праведным путем. «А вороны? Пускай они каркают...»

* * *

Достоинства творческого труда не определяются тусовочной шумихой, келейными ориентирами, по организованному в далеких от литературы целях «общественному мнению». Некоторых начинающих творцов это сбивает с пути, мешает слышать и чувствовать себя, собственное Слово.

Известными подвижниками давно подмечено, и нынче жизнь подтверждает: вместе с дарованными способностями вдохновенному человеку отведена и часть горестного дара — притягивать, выявлять вокруг себя ненависть мстительных посредственностей, избалованных почестями властолюбцев, ленивцев и подлецов. В групповщинной возне, в стаях они подогревают и мусолят, а затем пропагандируют мнение о собственной непогрешимой значительности. Но сама литература делается чистосердечными уединенными усилиями.

Для реализации способностей нужны условия, в том числе и — минимум материальной обеспеченности. Стихийное, кустарное производство книг в нашей области — не всестороннее благо, если думать о качестве, о тонкостях профессионального свойства. Одновременно с «самиздатом», с литературой «на веревочке» потребуются долговременные книги, созданные в объединенном областном издательском центре, способном стать базой просвещения, воспитания и культуры. Но рынок, рынок... Но — чиновники, чиновники с упорядочиванием. Затратно, видите ли. Будто что-либо достойное создается без материальных и душевных затрат. Культура всегда была дотационна. Основа, фундамент ее испокон веков слагается из того, что создается Словом.

А годы проходят, все лучшие годы. И не только писательские. Отметая пылинки печальной иронии, остаюсь работоспособным при неугасающих надеждах. Когда-нибудь сделанное пригодится, будет признано. Иногда сомневаюсь: столько сил и времени отдано литературе «на веревочке»? Но вместо нее за пятнадцать лет что-нибудь еще удалось? Так мало сделано? А «за бесплатно» чего еще ждете-с нынче, господа? Не желаете ли, чтобы издатель и медведя на цепи водил, заставлял его плясать под чужую дудку, слагать оды в вашу честь. Не желаете? Облегченно вздыхаю. Ставлю точку. Как сложилось — так сложилось. По времени — песня, по времени — мечтание… Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно... Помоги, Господи, каждому амбициозному «нравственнику» в XXI веке при лучших условиях поработать с неблагодарной нагрузкой на себя — для других. А я не стану никого упрекать за то, что моими наработками воспользуются. Только порадуюсь.

Сборник «Пусть будет зорче идущий следом…», 2000 г.

«ДУША ПОЭТА ВСТРЕПЕНЕТСЯ...»

Послесловие к антологии «Земля и душа»

Впервые антологический сборник на двух языках представляет в Костроме поэтов Северной Каролины. Читатели получают возможность полетом фантазии оказаться среди людей разных культур на другом континенте и познавательно удивляться сходству чувств, радоваться совпадению мыслей о природе и человеке. Возможное снижение первозданности мелодии свободного и вольного стиха создает определенные трудности для русского читателя, сформированного на поэзии с постоянными размерами, на благозвучии рифмованных строф. Но чудодейственная сила творческого воображения, дарованная нам от природы, может компенсировать утраченное при переводе. Поэтическое восприятие преодолевает не только языковые барьеры...

Трудно представить, что когда-то человеческая жизнь обходилась без поэзии. С древнейших времен в истории мировой культуры поэтические и философские откровения на пути к Истине и Красоте оказывались рядом. Давая определение вещам, явлениям, событиям, самой Природе, философы и поэты двигались в мировом пространстве с помощью воображения. Собственной практикой очень давно определили: для человека, желающего высказать истину, обращение к поэзии в высшей степени естественно. Повсе-

местное влияние поэм Гомера и Гесиода побуждало философию к соревнованию в метафорических высказываниях. Истина, как и поэзия, находилась под покровительством Муз. Нередко философы изъясняли свои мысли в стихах, поэтическими оборотами. Неслучайно в те давние времена мудрецы руководствовались общим мнением: поэтическое сродни пророческому. Римский поэт Лукреций Кар создал философскую поэму «О природе вещей», посвященную атомизму — учению греческих философов Демокрита и Эпикура. Это было особое единство философии и поэзии, мировая литература такого больше не знала.

Из первых дней третьего тысячелетия оглядываемся очень далеко, думая об истоках поэтического восприятия всеобщей Природы. Редакторская работа над этой книгой — вхождение в полифоничный мир, созданный разумом и чувствами, душевным даром и талантом многих людей. Вспомнились истины, с которыми не поспоришь. Еще и еще раз оказывается полезным напоминание: человек это тоже природа, постигая ее законы, мы движемся к познанию самих себя и убеждаемся, что на самом деле все существующее едино с множественным разнообразием. Понимать это помогает поэзия, умеющая определять вещи через то, что подчас не имеет к ним никакого касательства.

Фантазия, воображение позволяют человеку с помощью зрительных и чувственных аналогий представлять самые далекие, самые невообразимые обстоятельства, явления, события, факты. В свободное путешествие по мировым пространствам увлекал человека поэт и философ Лукреций (1 в. до н.э.), полетом мысли и смелой фантазии учил всюду чувствовать себя свободно, как это было дано только божествам в сочинениях Гомера. С величайшей мудростью древние поэты внушали читателям возможность полета воображением в природе, которая ежедневно окружает и позволяет каждому оставаться своим братом во Вселенной.

Говорящие на разных языках и слагающие стихи — тоже братья, способные ценить гармонию и красоту. Читающие на русском особенно чтут Пушкина. Обращаются к его поэтическим сокровищам вновь и вновь. Но приходилось слышать: раскрытый в лирике пушкинский идеал прекрасного человека утрачивает многие краски в переводе на английский язык. К сожалению, к сожалению... Мир Пушкина — не только Россия. Знаем, что важнейшая особенность русского гения, его творческого облика — всемирность. Пушкин в юности читал античных поэтов, в пору зрелости изучал Шекспира, высоко ценил персидского поэта Саади, самобытную поэзию мусульман, увлекался поэмами Байрона, прочитывал новые романы Вальтера Скотта, сочинения Гете, особенно близкой

была для него французская культура, рано открыл для себя Вольтера и Руссо, Расина и Мольера... Удивительная способность перевоплощаться и понимать дух каждого народа, особенности исторических эпох сочеталась с естественной потребностью решать общечеловеческие вопросы. Его художественное познание жизни обогатило духовное достояние нации, определило бурный расцвет русской литературы и служит неизменным эстетическим ориентиром.

Любой разговор о поэзии подразумевает обращение к явлению чрезвычайному — всемирному гению Пушкина. В нем, по словам Гоголя, русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Поэт увлекает незамутненную публику в незнакомую страну изящного, где «возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства, каждому хочется возвышенно мыслить». Художественно раскрытые нравственные истины предлагаются для умственного роста, но постигаются по способности восхищаться и умнеть.

Своими открытиями на пути поэтического восприятия жизни при умении доверять природе и доверяться ей лучшие поэты Мира увлекают к добру и прекрасному, к искренности, любви и духовному самосознанию. Они учат быть осторожными, улавливать сокровенные движения в душах людей, отзываться на все, что происходит в природе и обществе, устремлять взор в чистое небо. Никто не имеет права принижать возвышенную поэтическую деятельность, считать ее второстепенной. Но довольно часто, к большому сожалению, публикуются признания специалистов, утверждающих, что современная поэзия перестала входить в повседневную интеллектуальную диету.

В действительности последних десяти-пятнадцати лет по всей провинциальной России волна за волной идут новые неизвестные поэты. В трудных обстоятельствах они прививают вкус к разнообразию жизни. И всякий имеющий талант художника слова невольно работает на такую цель, о которой сам Лев Толстой говорил, что цель художника — «заставить нас полюбить жизнь во всех ее бесчисленных и бесконечных проявлениях».

Наши интересы к чтению поэзии определяются давними традициями, образцами народного творчества. Все фольклорные жанры от пословиц до сказов, былин свидетельствуют о вечном и неувядающем словесном искусстве, признанном уникальным явлением в мировой истории художественной культуры. Для читающих на русском языке есть в глубинах истории неиссякаемые родники. Приникая к ним, поэты и писатели в каждую эпоху повиновались, по словам Пушкина, принятым обычаям в словесности своего народа, которая всегда имеет свою «особенную физиономию». Подлинные

знатоки поэзии даже сегодня не могут согласиться с утверждением об умирании или упадке ее, понимая при этом «поспешность мировых перемен в сторону сугубой практичности».

Приходят новые поэты, приходят шумливые новаторы, отдающие предпочтение формальным поискам. Они забывают о читателе, воспитанном или наследственно сформированном на иных истоках, и остаются «непонятыми». Французский мастер философской лирики Поль Валери в свое время размышлял о новаторстве, о сущности познания и природы творчества. Его поэзия отличается смелостью ассоциаций, предельной сгущенностью выразительного языка. Афоризмы поэта с удовольствием цитировал Андре Моруа в литературных воспоминаниях и обратил внимание на рассуждения поэта о новаторстве, среди которых целесообразно сейчас выделяю одну мысль: «Странное свойство — так цепляться за самое бренное в вещах — за их новизну. Или вам неведомо, что самые новые идеи необходимо облекать в благородную, неспешную, но зрелую форму; чтобы они выглядели странными, но бытующими уже на протяжении веков, не созданными или найденными сегодня по утру, но просто позабытыми и обретенными вновь». Нет ли странного свойства и в повторяющихся периодически писаниях по поводу угасания поэзии, замирания живого интереса к ней? Говорят, нынче проблема в читателях, даже аналитически по внешним факторам определяется уровень рядового читателя, способного или неспособного воспринимать поэзию. Может быть, проблема в том, на каком уровне говорят с читателем, на какие темы, каким языком, что проповедуют. Всегда ли разумна метафоричность, усложненность речи, соответствует ли степени общественного развития?

Обращаясь к читателям этого сборника, предусмотрительно затрагиваю лишь часть специфических особенностей восприятия. Первый наш опыт перевода поэтических текстов, созданных на разных исторических, культурных, языковых истоках, обязывал быть предельно осторожными. Известно, речь каждого поэта субъективна, имеет индивидуальную мелодию содержания. Сама природа смотрит на художника и объясняется с ним на особенном языке, давая понять, что в человеке всему мера есть — душа его. Настроение сочинителя оказывается созвучным состоянию природы не только той, что рядом, но и давней — из далекого детства. Опыт личной жизни дает человеку возможность воспринимать мир с неповторимой индивидуальностью и выражать себя тончайшими чувственными инструментами. Каждая струна в тех инструментах звучит в зависимости от прикасания к ней. Трепет и осознанная осторожность с поэтическим текстом объединили нас при подготовке издания. Джуди Хоган, Шерон Юинг, Наталья Рябова, Ирина Елевич, Юлия

Тарасова согласовывали через океан переводы на русский язык.

Наши читатели по природе своей, во всяком случае большинство из них, сформировались на таких стихах, в которых «все понятно, все на русском языке». Но сама жизнь, перипетии реальной действительности стимулируют поиск новых форм и средств выразительности. Возрастает уровень поэтического мировоззрения, стремление к взаимопрочтению работающих от разных этнических истоков. Антологическое объединение авторов обещает быть полезным — рядом печатаются поэты, представляющие, как сказано в деликатном предисловии Шерон Юинг, смешанную историю разных народов. В основе каждой поэтической культуры особые истоки: мифологизм, философия бытия, народный фольклор и литературные традиции. Понятно, настроение человека на любом материке созвучно состоянию общей Природы и той, что рядом, доступна созерцанию. Атомная эпоха обязует прислушиваться не только к собственному самочувствию.

И через дорогу за тын перейти
Нельзя, не топча мирозданья.

В двух строках — позиция Бориса Пастернака. Он лишь один из тех, кто находил и находит поэзию всюду, но и эхо трагедий — тоже повсюду. Только остановись, оглядись, прислушайся — станешь в общей тревоге, передаваемой на разных языках. Это говорят твои единомышленники, у них такие же печали, житейские радости и мечты о лучшем устройстве человеческого общежития.

Каждое общество выстраивает свой пантеон, творит своих кумиров. У каждого народа свои учителя и путеводные вершины. Величайшие поэты — свои. И все же мы интересны друг другу, улавливаем сходство по нескольким строчкам. «Нет уже легконогих дней», — написал поэт Иван Скала. «Мой воз нагружен с верхом» — сказано в сборнике Яна Пиларжа. Многим ли известны эти чешские поэты? Они признаны в своей стране. Они, умудренные жизнью и творчеством, однажды напомнили: если ты понял, о чем сегодня идет речь, ты не сможешь беззаботно играть и весело развлекаться. Эти процитированные строки из другой языковой стихии убеждают, что художники могут родниться духовно. Возникает ощущение общего поля словесности, если есть возможность прочитать, услышать и понять. Поэзия востребована и рождена самой Природой. Разумный, чувственный мир без нее обойтись не могут. Все жизненное пространство выпевает себя поэтическим слогом на разных языках. Такие суждения можно услышать не только из уст поэтов. Критики, литературоведы, ученые, восхищенные читатели и слушатели в самых неожиданных аудиториях, космонавты и домохозяйки — все имеющие разбуженную душу способны настроиться на поэтический лад. Трудно

представить человека разумного неспособным хотя бы однажды высказаться возвышенным порядком слов. Возможно ли, справедливо ли говорить и в наше время о том, что поэзия в упадке?

Однажды в диалоге с американским писателем, поэтом Чарльзом Итоном получился широкий обзор литературного процесса. В естественном течении нашей беседы мистер Итон, прошедший семинары Роберта Фроста, автор многих книг прозы и поэзии, лауреат конкурсных премий, говорил о бразильской поэзии, а затем признался, что не имеет объективного взгляда на океан русской литературы, но некоторых поэтов из тех, что издаются в Америке, знает. В предисловии к его книге говорится: бразильские писатели и критики благодарны мистеру Итону — первому автору из Северной Америки, способному глубоко чувствовать мистерии природы и людей Бразилии. Тогда у меня сложилась фраза — ее сохранил диктофон: «Тихое колыхание падающего лепестка последней розы, слышимое только поэту, вдруг заглушило настойчивый рокот океанского прибоя».

Возникают связи, ассоциации. И вот в Антологии встречаюсь с давним собеседником — художником слова. Возвращаюсь к магнитофонным записям и представляю его на террасе в зеленом кресле среди зеленого мира, который он чувствует, познает, оберегает и поэтически передает другим. Вечнозеленое дерево жизни ветвится со всех сторон, волнисто колышется над седой головой поэта. Читая дискуссионные статьи критиков, предполагаю, что Чарльз Итон разделяет позицию Дональда Холла: «Да здравствует поэзия!»

Литературный критик Джозеф Эстейн и поэт Дональд Холл в журнальном диалоге («Диалог — США») анализировали процесс периодического ослабления интереса к поэзии, давали сравнительный анализ различных поэтических направлений, аудиторий, читающих поэзию в первой половине XX века и в последующие десятилетия. Затронуты многие аспекты творчества и движения его к читателям при перемене условий, интересов, способов популяризации.

Отдавая дань времени великой поэзии, таким индивидуальностям, как Мур, Уильямс, Стивенс, Фрост и другим наиболее известным художникам слова, Дональд Холл высказал уверенность в высоком качестве современной для него поэзии. Привлекает рассуждение: «Если составить, скажем, антологию страниц в 400 «Американской поэзии после Лоуэлла» и ограничить ее только теми поэтами и поэтессами, которые родились между 1920 и 1940 годами, то она может стать собранием разнообразных, умных, красивых, трогательных произведений, которые останутся на долгие годы. И заметьте, в нее войдет лишь одна сотая процента того, что публикуется. Если вы пишете о Поэзии Сейчас, то вы должны признать, что большая часть того, что создается, ужасно — большая часть поэзии

в любой момент ужасна.» Он сделал вывод: к началу 90-х годов в Америке появились куда более благоприятные климатические условия для поэзии, чем в середине века. И в то время, когда университетские специалисты теоретизируют, неизвестные читатели начинают собираться в великую аудиторию, о которой мечтал Уитмен.

Уолт Уитмен почти полтора столетия назад в книге стихов «Листья травы» расширил до космических пределов идею об очищающей человека близости к природе; любой человек и любая вещь у него восприняты на фоне бесконечной вселенной. По свидетельству краткой энциклопедии, чувство родства со всеми людьми и всеми явлениями мира поэт выражает посредством перевоплощения лирического героя в других людей и даже в неодушевленные предметы. А упомянутый Роберт Фрост был одним из первых, кто посвятил свои стихи ломке некогда цельного сельского мира. Эти стихи о трагической утрате живого гармонического контакта между человеком и природой стали глубоко народной лирикой в русле англоязычной классики и фольклора. Вдумчивый читатель и здесь найдет основания удивляться тематическим совпадениям с русской поэзией, с некоторыми стихами современных молодых американцев.

В России давно и хорошо знают американскую литературу, в особенности прозу по классическим изданиям в переводах известных мастеров. И не только профессионалы, выпускники университетов, прослушавшие специальные циклы лекций, ученые и педагоги, но даже дети — школьники тех лет, когда не нагрянуло еще «терроризирующее» телевиденье. Оказывается, американскую поэзию последовательным и увлеченным чтением постигают немногие. В нашей стране современную американскую поэзию издавали мало, поэтому не сформировался постоянный читательский интерес. Невольно соглашаюсь с поэтом Д.Холлом, автором оптимистической статьи: «Нас должно заботить не состояние поэзии, а то, как воспринимает поэзию читающая публика... Поэзии стало больше, чем когда-либо — как же ориентироваться? Как найти и определить новое прекрасное произведение?»

Возможно, изобилие сбивает с толку? Время произведет отбор — надеяться на это? Вопросы, вопросы. Они возможны в любом профессиональном разговоре. В этом смысле и наше скромное издание, представляющее непрочитанных русскими поэтов, имеет конкретную ценность, содействует пониманию всемирной Природы, постоянной связи с местом, где человек родился и начинает осознавать общечеловеческий Дом.

В произведениях данного издания у некоторых авторов заметен интерес к русской поэзии, к творчеству Сергея Есенина и Анны Ахматовой. Русскому читателю полезно об этом знать. Он, с колы-

бели обласканный материнской напевностью, благозвучным сочетанием слов в наилучшем порядке, соединенных чудодейственными рифмами, порадуется за говорящих и думающих на другом языке. Порадуется за тех, кто узнает, что мы принимаем идеалы жизни по наставлениям Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Бунина и других национальных поэтов. Эти идеалы испытаны народной жизнью. Свобода, добрые чувства, сострадание, милосердие. Проповедуют их истинные поэты новых поколений. При подготовке переводов не трудно было убедиться в том, что такие идеалы понятны другим поэтам, представителям других культур.

Поэзия сообщает нашим читателям: все народы проходят тот же сложный путь духовного становления, нравственного возрастания. Духовное самочувствие укрепляется в песнях и танцах, в искусстве и поэзии, в устройстве быта, в отношениях с другими людьми. Поэзия утонченно помогает каждому обрести благородный смысл существования. Не надо отчаиваться из-за того, что новый век начинаем с печальными думами в беспокойстве за нечитающих, за всех, кто обходится без книг, поэзии, искусства, проповедующего добро и красоту, под влиянием убийственно-развлекательного телевиденья погружается в глобальный провинциализм. Пусть люди воспользуются «священным даром» поэтов.

Общеизвестно, в искусстве поэзии много условного: и ритмическая размеренность речи, и необычные обороты ее с метафорическим содержанием слов, и символы, и знаки, и аллегории. Не всегда удается при переводе сохранить особенность авторского стиля, все условное в поэзии передать деликатно, без нарочито субъективного вмешательства, без какого-либо компромисса ради полноты содержания. Душа русского читателя настроена на особый лад. Переводчики это учитывали, стараясь сохранить самое существенное в каждом стихе, но неизбежны были изменения стилевых, ритмических особенностей, отступления от правил родной грамматики ради соответствия авторской пунктуации. После обстоятельных согласований было принято решение не делать на основе уточненных подстрочников повторного поэтического перевода.

Редакторы смело надеются на творческое воображение читателей, на вдохновение любителей поэзии, способных воспринять, постичь созданное на другой языковой, культурной основе. Помните строки Пушкина: «Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется... / Душа поэта встрепенется...» Каждый способный воспринимать чудо поэзии может стать соавтором, если присланный издалека непривычный верлибр коснется души, позовет воображение на поэтическую дорогу.

М. Б. 2001г.

Пушкин и Арина Родионовна в Михайловском. Силуэт работы Н. ИЛЬИНА, 1936 год.

«НЕ ВСЕ, ЧТО ЗДЕСЬ ЦВЕЛО, УВЯНЕТ…»

ТАЙНА ПРОСТОГО ЗВУЧАНИЯ

... и все-таки однажды незамутненный человек вышагивает из толпы, чтобы возвратиться к Пушкину через пространство пустого слова. Он вспоминает сердцем неутраченную первую любовь и обретает живое расположение души ко всему родному. «Бессмертен тот, чья муза до конца добру и красоте не изменяла...»

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал...

Посреди светской суматошной жизни являлось к нему вдохновение такого высокого свойства, что стало оно пророческим и чрезвычайным явлением русского духа. Ни один из самых известных мировых классиков не занимает такого места в духовной жизни своего народа, как этот гений, говорящий с толпой и чиновной чернью. Он говорит со всеми о многих и о себе. Главный пафос поэзии Александра Сергеевича Пушкина, его литературного наследия и жизненной судьбы — образец мужественного непокорства обстоятельствам и утверждения гражданского достоинства творческой личности. Многие, возвращаясь к его нерукотворному памятнику, чувствуют и осознают особую дистанцию: когда мы идем в его мир как читатели, нам легко и свободно, не возникает причин страшиться и робеть в близости гения, но как только начинаем что-то говорить о нем в неизбежном стремлении к пониманию, расстояние между ним и читателем резко возрастает.

Не чувствуя себя в праве легко и свободно говорить о первом из всех корифеев литературы, осознаю себя лишь читателем, которому легко дышится в мире поэзии на все времена, в пространстве исторической прозы, литературных статей, эпистолярного наследия. Пушкин сам себя признавал «поэтом действительности». Но он же и драматург, романист, критик и теоретик литературы, вдумчивый историк. В «Письме к издателю» (1836 г.) Александр Сергеевич повторял свою мысль: поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде. Он же обращал внимание на существенную черту романа — на всестороннее изображение жизни и характера человека в противоречиях его внутреннего мира, в связях с конкретной исторической средой. И настойчиво боролся против пренебрежительного отношения к «презренной прозе». Едва прикасаясь к этому наставительному наследию, повторю сказанное другими: Пушкин навсегда останется великим учителем искусства слова. «Верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность...» считал

гениальный учитель признаком истинно художественного произведения. В нем не должно быть «ничего запутанного, темного... лишнего, неестественного в описаниях, напряженного в чувствах... Что касается до слога, то чем он проще, тем он будет лучше. Главное: истина, искренность». Л. Н. Толстой в связи с этим говорил: «Чем ярче вдохновение, тем больше должно быть кропотливой работы для его исполнения. Мы читаем у Пушкина стихи такие гладкие, такие простые, и нам кажется, что у него так и вылилось это в такую форму. А нам не видно, сколько он употребил труда для того, чтобы вышло так просто и гладко» (взгляните на черновики Пушкина. — М.Б.). По отзыву Вяземского, в Пушкине «глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила». Выражалась она и в уважении «постоянного труда, без коего нет истинно великого». Пушкин в наше время еще значительнее во всех отношениях, мудрее того, каким знали его предшественники в прошлом веке. Нынче он предстает в беспримерном объеме своего национального и мирового значения. Отдадим дань благодарной памяти и почтения Александру Сергеевичу предлагаемым изданием альманаха «Кострома», в котором представлены сочинения скромных последователей, в меру сил работающих на поло российской словесности. Погибший в самом расцвете жизненных и творческих сил, он навсегда остается мудрейшим для всех — даже для корифеев заложенной им великой литературы. В истории этой литературы многое начинается с Пушкина. Он первый возвел ее в достоинство национального дела, между тем как прежде она была, по удачному заглавию одного из старинных журналов, «приятным и полезным препровождением времени для тесного круга дилетантов». Он раньше и глубже всех своих современников понял огромную роль литературы в выражении русской общественной мысли, считал ее фактором духовного развития нации, просвещения и настойчиво защищал идею национальной самобытности, народности. Сказанное лишь легким прикосновением к урокам Пушкина наводит на печальную мысль о том, сколько неестественного и лукавого творится ныне в нашей словесности. Нельзя не тревожиться об этом, понимая, с какой целью рассеивается неестественность, безнравственность, смакование человеческих пороков, с какой целью подогревается различными премиями все чуждое национальным основам духовности и культуры.

* * *

Пушкинский год. Двести лет со дня рождения Александра Сергеевича на исходе двадцатого века. Россия на этом исходе уже другая, не соизмеримая с пушкинской эпохой не только государственным устройством, мировым положением, но и духовно, нравственно. Другая она и по самочувствию коренного населения, по состоянию жизненного пространства. С каждым годом появляется все больше желающих давать рецепты обустройства, вхождения в цивилизован-

ный мир, будто бы Отечество не имело своего вечного пути. Сейчас много сделано силами внешними и чуждыми России для того, чтобы мы реже и реже возвращались к духовному богатству национальных гениев, небрежно и хамовато «прогуливались с Пушкиным», забывали свои дороги к его родникам простоты, благородства, свободы, ума, меры и вкуса, чтобы зарастала народная тропа бурьянами лжи, притворства, суеты и наживы, «пиров во время чумы».

В течение двадцатого века столько было суховеев, ураганов и бурь, столько было изобретено способов издевательства над человеческой сущностью, способов отторжения народа от национальной самобытности, культуры, языка — все делалось для того, чтобы мы оказались без фундамента морали, духовности. Например, радио «Свобода», представляющее отнюдь не наши интересы, 3 декабря 1989 года заявило, что надо «изменить духовный строй русского человека, приблизить его к западному складу сознания», необходимо его «выбить из традиции». Усилия и «местных доброжелателей этой страны» тоже направлены на разрушение души, на отрыв от нравственных ориентиров, от исторической памяти, от чувства уверенности, самоуважения, достоинства.

Неужели кому-то еще не видны приемы широкомасштабной агрессии против государственных, духовных, культурных основ России? Неужели не понятно, к чему ведет опустошение русской деревни — хранительницы национальных истоков морали и культуры? А ломка высшей школы, а обездоливанье учителей и учеников?

Другой стала нынче Россия, Александр Сергеевич. Клеветникам ее следовало бы адресовать новые стихи по мотивам написанных 16 августа 1831 года (поводов — речей в палатах депутатов типа Лайфеста, Могена и других — нынче предостаточно)

...Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Другие времена, но и другие аппетиты к нашим просторам проявились. Разные доброжелатели проблему взаимоотношений славянских народов по своим рецептам разрешать устремлены. Идеолог космополитического направления Бжезинский, предсказы-

вая, что Россия «будет раздробленной и под опекой», заявил: «После разрушения коммунизма единственным врагом Америки осталось русское православие». А социологи на основе исследований делают вывод, что за 70 лет советской власти в Москве была взращена уникальная левая, модернистская субкультура, антихристианская по сущности и по своей политической направленности. И она взяла верх, и нет сейчас реальной силы, которая могла бы ей противостоять. (А .Ципко, «ЛР» , №42 от 16.10.98 г.)

Под давлением обстоятельств нашего времени невольно вспоминаются слова одного из героев романа Ф. Достоевского «Идиот»: «...либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать... он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все... свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм». Не потому ли, словно освобождаясь от замороженности души и замороченности сознания, люди и даже новые деятели «от народа» все чаще говорят о надежде на то, что навязанная «мода» недолговечна, скоро станет противной, отвратительной, что внутренние, духовные, унаследованные из славянской древности качества в людях в какой-то момент восстанут. И в первую очередь это произойдет там, где еще не утрачены честь и совесть, чувство родного языка, о защите которого вдруг заговорили даже политики. Уже и Александр Солженицын, вернувшийся «помогать России», предсказывает, что американщина, какой напаивается сегодня наш язык, в конце концов схлынет. Разве только в языковое общение вторгается чужестранное?

Разве не тревожили наше сознание современные поэты «Видениями на холме», не уговаривали: «Россия, Русь! Храни себя, храни! Смотри, опять в леса твои и долы Со всех сторон нагрянули они, Иных времен татары и монголы»? Разве не было трагических упреков-посланий, жестких приветов столице и с костромской нынешней стороны? «К себе меня ты не зови: Давно уж мы живем инако — Я на слезах, ты на крови».

Трудно живем. Бедствуют люди. Но не утратили еще стыда и совести. Только ропщут, что власть взята теми, кто озабочен не судьбой нации, страны, не коренными интересами России, не развитием национальной литературы и культуры, не сбережением духовных и нравственных ориентиров, обычных человеческих прав, а совсем другим — приватизацией, повторяющимся обкрадыванием и обманыванием народа. А мы все еще говорим о том, что наши традиции впитали в себя черты православного сознания, выстроены по основным заповедям христианства. Такому сознанию характерно главенство духовных качеств над материальными благами, нравственных категорий над рациональными и политическими.

Трудно, не по своим устоям-рецептам живем, словно пляшем под чужую дудку, и терпеливо, даже равнодушно, остаемся в свидетелях детской поспешности к разрекламированным благам с чужого плеча. В таких ли условиях печалиться о судьбе родного языка, русской литературы? В таких ли условиях проводить творческие совещания, уроки словесности в школах?

Но язык сохраняет нацию. А подлинная русская литература, которая создается независимо от рыночной «благодати», сохраняется книгами при мизерных местных тиражах, сохраняется и в региональной разобщенности творческих работников по всей России. Интеллектуальное богатство провинции — российской периферии — не востребовано государством, словно нет нужды в народных духовных ценностях. И кажется, нет единого культурного пространства, если нет единой культурной политики, нет анализа вышедших книг, хотя бесконечны столичные тусовки «эстрадников»-сатириков, юмористов, выдающих себя за великих писателей нашего времени, оттесняющих на задворки истории, с корабля современности самого Александра Сергеевича Пушкина. Раньше говорилось: современники не угадывают гениев. А в реформенной стране развелось «гениальностей» — не пересчитать, не упомнить, если судить по всяческим премиям, учреждаемым с Запада и здесь, в столичных «фондах дележа».

Власть и культура в пору втаскивания в рынок говорят на разных языках. Лукавые лозунги-успокоения «прежде надо накормить народ, а потом думать о духовном» ведут действительность к торгашескому бескультурью и жестокости. Вспомним, классическая литература помогала преодолевать некрасивость жизни. Известные писатели всего мира утверждают: самым ценным достоянием любой страны являются ее литературные идеалы. В русском восприятии литература, искусство — не игра, придуманная для потешных забав, не развлечение и болтовня, не услаждение власть и капиталы имущих. Не являются они украшением жизни особо избранных. Вслушиваясь в литературный текст, читая, созерцая произведение, русский ждет, что откроется ему нечто важное, может быть, самое важное о сущности жизни и мира, о глубинах сердца, о законах личного и общественного бытия и даст душевную опору для веры и надежды. Не потому ли в поспешных заботах о скором переустройстве определенные силы в первую очередь ополчились на русскую литературу, заглушили ее экранной трескотней о вхождении в свободный от морали и нравственности, цивилизованный мир, о вхождении туда без собственного лица, характера, мнения, чувства, языка, без памяти, родины, любви «к родному пепелищу... к отеческим гробам»?

Культуру ориентирует книга, с нее она начинается. Но книга должна быть правдивой. («Одна неправда нам в убыток...») Пестрых и

бессовестно-развлекательных книг за короткий срок прихлынуло до самых дальних поселений несколько обвалов. Всю Россию захлестнули издания грязной эстетики. Нашли на наших городских просторах рынок сбыта халтуры последователи таковой — изощренной в пошлости, жестокости, пакостях. Признаком современного стиля вдруг стала матерная, жаргонная, сленговая, хулительная лексика. Героями оказались наркоманы, бомжи, сутенеры, злые торговки телом да полудурки. Сочинения хулительной лексики, живописующие сугубую телесность, звериное искривление человеческой породы, заполонили не только самые дальние районы, но и неустоявшееся юношеское сознание, травмировали в союзе с телеэкраном детскую психику...

В такое время живем. Власть сначала занималась самообеспечением, укреплением в креслах, а теперь готовится к новым выборам, увлечена дележом и разборками, не замечая зарослей алчного индивидуализма, — никак не спохватится, что есть общественные достояния, другие формы бытия, что нельзя во всем отдаваться чужестранным пророкам. Наша провинциальная действительность повседневно убеждает: люди не отчаялись, не растеряли способностей созидания и по-прежнему испытывают радость творчества. Она выше богатств «новых русских», делающих свои барыши сомнительными коммерческими операциями и на ущемлении добросовестных трудов... Надеюсь, многие это начинают понимать, чувствовать и осознавать. Сегодня очевидно возвращение к истокам, к национальным традициям и святыням. Нет, не зарастают народные тропы... И к Пушкину тропа никогда не зарастет. Мы возвращаемся к нему не только в юбилейный Пушкинский год. Возвращаемся с повинной, понимая, что у широко распространенной литературы для чтива нет ничего общего с Пушкиным. По словам И. Бунина, можно ли представить себе что-нибудь более противоположное, чем она, такая литература, — и Пушкин. Но ведь вот созданы рыночные условия только для таких книг, создана аморальная атмосфера востребования «товара».

* * *

Идем к Вам на поклон, Александр Сергеевич! В меру сил и способностей каждодневно противостоим разрушительной пошлости, оберегаем русский язык, стараемся в долженствовании «повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа», которая всегда имеет «особенную физиономию». И освежаем свое восприятие, свои мысли и чувства незабвенным наследием. Вспоминаем и думаем «о Пушкине и о былой пушкинской эпохе, России, и о себе, о своем прошлом», о своих малых реках и зарастающих полях, о тех деревнях, которых уж нет... Как же не вспоминать своего, родного, сокровенного? Как же не дорожить всем тем, что слышано, видано, воспринято с

младенчества и не выветривается никогда. «У лукоморья дуб зеленый; Златая цепь на дубе том...», «Цветок засохший, безуханный, Забытый в книге вижу я...», «Мороз и солнце; день чудесный!..» Всего не повторить в один час, в один день, в один год.

Поэзия Пушкина, как все гениальные творения, оказалась выше практических забот начала девятнадцатого века, в последующие времена решает возрастающие нравственно-этические задачи, волнуя и воспитывая, увлекая и облагораживая другие поколения. Гений с нами всегда лишь той частью своей поэзии, своих созданий, которую нам удается постигнуть, возрастая духовно и нравственно при каждом прочтении-общении, если мы оказались подготовленными открывать новое мыслями и чувствами.

Очевидна острая нуждае в уроках чести, совести, достоинства. Нам всегда нужен человек с веселым именем — Пушкин, остающийся вечно живым, приходящий к нам «во дни сомнений... тягостных раздумий» из пространства другого измерения. Мы знаем в содрогании: после выстрела за Комендантской дачей 27 января 1837 года Пушкин, оставшись с Шольцем, спросил: «Что вы думаете о моей ране; я чувствовал при выстреле сильный удар в бок, и горячо стрельнуло в поясницу. Дорогою шло много крови. Скажите откровенно, как вы находите рану?» — «Не могу вам скрыть, она опасна». — «Скажите мне, смертельная?» — «Считаю долгом не скрывать и того. Но услышим мнение Арендта и Саломона, за коими послано». — «Благодарю вас, вы поступили по отношению ко мне как честный человек», — сказал Пушкин... Он немного погодя спросил: «Разве вы думаете, что я часу не проживу?» — «О нет!» — возразил Шольц.

...За несколько часов до смерти, испытывая невыносимые страдания, Александр Сергеевич спросил, кто находится в его доме.

— Много людей принимает в тебе участие, — сказал ему друг доктор Даль, — зала и передняя полны.

— Ну спасибо, — отвечал Пушкин. — Мне было бы приятно видеть их всех, — добавил он, обращаясь к своему секунданту Данзасу, — но у меня нет силы говорить с ними.

Дом, где умирал Пушкин, атаковала публика, и друзьям пришлось обращаться в Преображенский полк с просьбой поставить у ворот часовых, чтобы соблюдать хоть какой-нибудь порядок.

Когда Александр Сергеевич скончался, на два дня квартира стала «мавзолеем»: двадцать тысяч человек в глубокой скорби прошло за день. Один из безвестных, но искренне скорбящих почитателей, кому-то отвечая, сказал:

— Пушкин меня не знал, и я его не видел никогда, но мне грустно за славу России.

Скорбное шествие народа, людей разных сословий, это прояв-

ление горя и гнева, по свидетельству очевидца, казались странными не только царским агентам, но даже иностранным послам.

А потом, позднее... Гроб с телом поэта вывозят тайно ночью, тайно отправляют из Петербурга в Михайловское в сопровождении жандарма. Одному из ближайших друзей императора — графу Орлову — незнакомец вручил анонимное письмо. В нем было сказано, что никакое самое строгое наказание Дантеса «не может удовлетворить русских за умышленное, обдуманное убийство Пушкина». Неизвестный автор указывал на угрожающее политическое положение в стране, на «открытое покровительство и предпочтение иностранцам, которое день ото дня делается нестерпимее. Мы горько поплатимся за оскорбление народное и вскоре».

Когда стало известно, что Пушкин скончался, Лермонтова видели у гроба: сохранились свидетельства современников. Возвратившись домой, он пишет элегию — «Смерть поэта». Покровители Дантеса не унимались. Тогда Лермонтов добавил к стихотворению еще строфу. В ней сказано: гения убили палачи свободы и славы. Элегия, написанная на смерть поэта, один из самых значительных памятников. И сам Пушкин воздвиг памятник нерукотворный — с гениальным предвидением сказал на века:

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Эти строки взяты эпиграфом к изданию антологии костромской поэзии, посвященной 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина.

...Своими заметками с тревогами и печалями нашего времени вполне закономерно в юбилейный год обращаюсь к фактам последних часов перед смертью гениального поэта, к тому политическому положению в стране первой половины девятнадцатого века, которое было характерно откровенным покровительством и предпочтением иностранцам. Может быть, через сто пятьдесят лет еще раз наступило время горькой расплаты за оскорбление предков, за допущенное умышленное и обдуманное убийство национального гения? Не придет ли к нашим потомкам расплата за все, что нынче происходит в Отечестве при гипнотическом малодушии и молчании многих?

О том, как сейчас плохо в нашей стране, знает весь мир, нам сочувствуют и в самых слаборазвитых государствах. При таких просторах и богатствах стойкий, мужественный, талантливый, работящий, мудрый и вдохновенный народ унижен откровенным геноцидом, бедностью, долгами перед западными «кредиторами». В такие ли времена говорить о литературных идеалах по заветам Пушкина? А молчать и не тревожиться открыто — разве возможно? Нет, не ради собственной корысти обращаются люди к правде, не ради того, чтобы выставить напоказ свою нищету и свои лише-

ния. История учит: правдивое слово в определенных обстоятельствах — подвиг. А разве повседневная жизнь при таком разоре, обмане, унижении не учит нас быть правдивыми, честными перед собой и своими детьми? Разве работа на энтузиазме, без вовремя выдаваемой зарплаты, разве обманно растущие цены, откровенное и скрытое обворовывание не унижают нас?

Скажите, поступайте откровенно по отношению к себе и к другим в самый трудный час — и этому учит Пушкин. И вся подлинно русская литература замешена, выстроена главным ориентиром борьбы за униженных и оскорбленных: нравственность — есть правда. Известно, Александр Сергеевич не собирался отдавать свою душу на заклание даже на смертном одре. Он помнил встречу с императором в сентябре 1826 года. Срочно истребованный из ссылки на секретную аудиенцию в Кремлевские палаты получил «отпущение грехов», после чего монарх сказал своим приближенным: «Теперь он мой». И хотя поэт признавал частичный относительный успех противника — в многолетней тяжбе приходилось отступать с унизительными уловками, отдавать часть человека, поспешно облаченного в шутовской кафтан камер-юнкера, основная территория высокой личности, самая сокровенная, оказалась недоступной. «Нет, весь я не умру...» На второй день после дуэли, свидетельствует Жуковский, — требовался ответ на ночную записку императора, пославшего прощение («Если Бог не приведет нам свидеться в здешнем свете...») и совет умереть христианином, заверение позаботиться о жене и детях. Пушкин отвечал: «Скажи ему, что мне жаль умереть; был бы весь его...» Никто не в праве считать свободный дух творца своим. И потому правда, зафиксированная в творении, не может быть порабощенной, услужливой в угоду какому-либо режиму.

* * *

Другие времена, другие нравы. А к великим сокровищам Пушкина тропа не загорожена еще. Обращаемся к ним потому, что через Пушкина, по словам А. Н. Остров- ского, умнеет все, что может поумнеть. Поэт ведет незамутненную публику в незнакомую страну изящного, где «возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства, каждому хочется возвышенно мыслить». Но художественные и нравственные истины предлагаются для умственного роста и постигаются по мере сил каждого. «Пушкиным восхищались и умнели, восхищаются и умнеют, — утверждает наш Островский. — Он завещал им (последователям. — М.Б.) искренность, самобытность, он завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским. Ведь это только легко сказать! Ведь это значит, что он, Пушкин, раскрыл русскую душу...»

Кроме таких главных, есть у нас и дополнительные основания

ходить на поклоны к Александру Сергеевичу, они земляческого свойства — по судьбам наших земляков: Павла Катенина, Анны Готовцевой, Павла Свиньина, Натальи Фонвизиной из рода Апухтиных, смело провозгласившей себя прообразом Татьяны Лариной, по судьбам Сергея Максимова, Алексея Писемского, Николая Некрасова, по судьбам известных критиков, литературоведов...

Скромными трудами своими, принадлежностью к русским писателям во дни народных бед полезно сознавать себя одним из тех, кому завещана искренность и смелость быть самим собой, в этом смысле костромские писатели имеют право называться последователями, потому что верны традициям русской классической литературы. Талантливые прозаики и поэты, не получая гонораров за свои сочинения, живут в нищенском родстве с учителями, учеными, врачами, деревенскими работниками, а при этом не имеют возможности бастовать — кого волнует, если писатель не станет писать? Но есть другое родство-братство с людьми костромского края, всех униженных людей России, — патриотическое, духовное, нравственное, родство в честном преодолении обстоятельств нашего времени. Одно волнует все больше: не слишком ли мы терпеливы, не слишком ли часто виним себя и народ во всех трагедиях века?

Но и снимать с себя ответственность за все случившееся нельзя. Искренностью, честной позицией, исторической правдой можно выверить поступки каждого. Человек познается по делам его, творец наиболее очевиден в своих сочинениях, если он умеет самобытно и правдиво говорить общеизвестное. Невозможно уклониться, начиная свое дело, обретая собственное слово и свой слог, невозможно не вспоминать о том, что «искусство, завоевавшее творениями Пушкина право гражданства, несомненность своего существования, язык, им созданный, — стало служить другим началам, столь же необходимым в общественном устроении» (по И. С. Тургеневу).

И в трагическом времени невозможно обойти вниманием радостный факт возвращения к поэзии Пушкина, возвращения к поэзии вообще, к чтению и публикации стихов. «И как о Шекспире было сказано, что всякий, вновь выучившийся грамоте, неизбежно становится его новым чтецом — так и мы будем надеяться, что всякий наш потомок, с любовью остановившийся перед изваянием Пушкина и понимающий значение этой любви, тем самым докажет, что он, подобно Пушкину, стал более русским и более образованным, более свободным человеком!» (Из речи Тургенева по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве 7 июня 1880 года.) К таким речам великих последователей Пушкина прислушается еще не одно поколение. Тогда Тургенев, заканчивая речь, призывал надеяться, «что в недальнем времени даже сыновьям нашего прос-

того народа, который теперь не читает нашего поэта, станет понятно, что значит это имя: Пушкин!» Вспоминаем мы для того, чтобы каждый имеющий душевную причастность к русской литературе — сочинитель, читатель или педагог — ощущал более отчетливо богатство, силу, логику и красоту родного языка, освободительную, возвышающую, нравственную силу Поэзии.

Вопреки обстоятельствам «за роем рой» являются поэты на широких просторах России. «Каким-то чудом еще жива костромская литература, — написал в столичном издании бывавший в Костроме в составе группы литераторов, приехавший из-за границы Г. Клеченов. — Вопреки отчаянию светло и сильно звучат голоса костромских писателей». Далее в публикации говорится о том, что рождаются замечательные, жизнеутверждающие стихи, когда повсюду бедствуют эти загадочные русские, когда вроде бы «не до стихов». А стихи все-таки рождаются в возрастающем качестве, словно их авторы и не придавлены свалившимися бедами, словно живут в ином, благополучном мире. “Так ведь нет. Костромским писателям сейчас очень трудно, — продолжает удивленный гость. — И каждая изданная книжка, газетная публикация —подвиг... Им невыносимо, до отчаяния трудно, но они не сломлены. В только что вышедшей из печати (еще один подвиг костромских литераторов) «Антологии костромской поэзии» помещена удивительная, словно выросшая из костромской земли и впитавшая в себя все ее беды и скорби поэма отца Вячеслава Шапошникова «Изба над Унжей»...”

Каждый поэт и каждый прозаик в меру сил и таланта, творческого потенциала и постигаемого мастерства ведет на поле российской словесности свою самобытную борозду. И вот иногда, что-то сделавший для возрождения костромских изданий, с надеждой думаю: однажды кто-нибудь из лучших поэтов костромской земли будет удостоен российской Пушкинской премии. Есть на примете такие. Запечатлеть, «зафиксировать» их своевременно изданием хотя бы тоненьких книг — организаторский долг и, по велению судьбы, — мое второе призвание. Что-то уже получилось, смог сделать: вот эта «Антология», возрожденный альманах «Кострома», и этот, посвященный юбилею Пушкина. Готовим издание «Антологии костромского рассказа», сборника лирики, книги для детей...

Важно учитывать, что все мы работой своей оберегаем родную речь, — особенность писательской позиции в понимании необходимости охранительных поступков в случаях оскорбления русского языка.

Теперь многие почувствовали и даже осознали: живем в период пренебрежения к народной речи, к родному слову. Писатели, филологи, любители литературы, еще не утраченные читатели сожалеют о том, что

в наше время нет нового Пушкина. Вот и Николай Скатов, давно известный костромичам ученый, ныне директор Института русской литературы — Пушкинского дома, отдавая дань охранительному гению Александра Сергеевича, в недавней статье напомнил: великий поэт оскорбление русскому языку принимал за оскорбление, лично ему принесенное. Это была высшая защита родного слова. В рассуждениях о языке как основе духовности и культуры, ученый призывал всех представителей высшего проявления духа (вспомним, Лев Толстой считал литературу высшим проявлением духа) проникнуться заботой о языке, чувством личной оскорбленности и совершать охранительные поступки. Родное слово выражает исторические глубины народного сознания, и потому у костромских писателей сохраняется почтение к нему. Работая над антологиями костромской прозы и поэзии, убеждаюсь, что наши литераторы немало сделали для сохранения культурной среды в провинции, той самой атмосферы, необходимой для нравственной жизни, по словам академика Д.С.Лихачева, для «духовной оседлости» человека, для его привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социальности.

Может быть, на встречах с читателями передадаем друг другу восхищение художественным словом, значение, оттенок и красоту которого точно чувствовал Пушкин. Именно на таких литературных встречах вспоминаем, что Александр Сергеевич разрешил литературе всякие старомодности и всякие нововведения с одним условием, чтобы они были уместны и нужны, он как бы дал каждому писателю право иметь свой слог.

Говоря о своих скромных трудах, робея перед величием, простотой и силой самого Пушкина, мы делимся радостью редких удач, заботами и печалями, говорим правду о времени и о себе. Никогда не поздно возвращаться к художественному, духовному и нравственному богатству гения, чтобы возбудить способность на лучшие помыслы и повседневные деяния. Каждому необходимо обрести для творчества личное чувство свободы! Мир не устает начинаться сначала при вдохновенном обращении читателей к Пушкину...

М.Б. Альманах «Кострома»,1999

К ЧИТАТЕЛЮ

Очередное издание альманаха, подготовленное без претензий на абсолютную объективность и полноту представления костромской литературы, выходит под особыми знаками исторического времени. Вслед за памятью о тех, кто уже не придет никогда, мы невольно обращаемся

к Великой Отечественной войне, к 55-летию Победы. Особое настроение создает последний год трагического и взлетного века цивилизации. Год, завершающий второе тысячелетие от Рождества Христова.

Костромская литература этого века при построении издания в малом объеме может, лишь пунктирно прикасаясь, «провешить» некоторые аспекты народной жизни. Тематическая избирательность ограничивает многообразие очевидных творческих возможностей, характерных для наших писателей нескольких поколений. Ограничительные жесткие условия не позволяют представить творчество многих наших земляков из первой половины XX века, достижения лучших современных писателей. Уровень художественности предложенных авторами сочинений не всегда соответствовал общему замыслу литературно-художественного сборника, поэтому их место в композиции определялось связью с общественными обстоятельствами. Тип и объем издания обусловили упрощенность, даже схематизм расположения прозы и поэзии по содержанию.

Идеалы правды, добра, красоты, возрастающее стремление к духовности, чувство родного слова — главные достоинства лучших произведений. Некрасовская тема — гражданственность, патриотизм, любовь к простому русскому человеку звучит в основных разделах издания. Достоинство выпуска не только в сути содержания, но и в тематической направленности, в благодарной памяти о тех, кого нельзя предавать забвению, в большом количестве дебютирующих авторов. Со временем и это издание будет иметь библиографическое значение.

М. Б., 2000 г.

НАРОДНАЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

От составителя

Литературный конкурс, посвященный Победе, объявили областная универсальная научная библиотека имени Н.К.Крупской и Костромская областная писательская организация Союза писателей России. К участию в конкурсе были приглашены профессиональные и самодеятельные авторы прозаических, художественно-публицистических и документальных произведений (рассказы очерки, воспоминания, интервью, зарисовки). Главная цель конкурса — увидеть, услышать живущих рядом участников Великой Отечественной войны, по судьбам людей понять особенность сурового времени, обратить внимание на основы патриотизма, мужества, геройства. Сразу было условлено отдать предпочтение авторам из районов, потому что они

имеют возможность рассказать о тех, кого хорошо знают в повседневной жизни, обойденной вниманием не только чиновников, но и писателей, литераторов, журналистов... Иногда нынешние исследователи и художники пытаются донести до читателей «новую настоящую правду о войне». Но она, подлинная правда — в судьбах людей нескольких поколений. Узнать ее, доходчиво оценить вряд ли по силам какому-нибудь одному энтузиасту-субъективисту, запрограммированному на «новое» осмысление всего пути к Победе. Требуются годы неравнодушных поисков, сочувственного понимания нравственных качеств прошедших через военные и тыловые события.

Высшие стратегические замыслы и «окопная правда» каждого человека находятся в кровной взаимосвязи. Вопреки желаниям некоторых западных идеологов по-новому расставить акценты, переписать невозможно судьбы советских людей, ввергнутых в военное лихолетье, свидетельства очевидцев, страдавших на фронте и в тылу, домыслами заменить нельзя.

Личные и семейные трагедии складываются в мозаику общенародных страданий, сокрытых под цифровыми обозначениями общих потерь, разрушений. Материалы конкурса убеждают в необходимости иметь в области специальное ежегодное издание подобных свидетельств — собирательную хронику пережитого. Вчитываясь в биографии, воспоминания, острее чувствуешь особенность сурового времени и горько сожалеешь о том, что многие люди фронтового поколения остались незамеченными, обойденными элементарным вниманием и благодарностью. Учтены огромные, самые большие, потери в той войне, наша страна потеряла около 27 миллионов человек. А сколько раненых, изуродованных, сраженных горем, изнуряющим трудом? Сколько искалечено жизней в сиротстве и безотцовщине…

Когда мировые специалисты, возвышающие роль стран антигитлеровской и антияпонской коалиции, сравнивают «западную долю» в победе над фашизмом, им следует учитывать и многолетние последствия воины на всей территории страны-победительницы. И через шестьдесят лет мы эти последствия остро чувствуем. Героиня одного из присланных очерков сказала: «Москву защитили, в Ленинград врага не пустили, Родину отстояли, а в мирное время родные деревни сберечь не смогли...»

Естественно и просто рассказывают люди фронтового поколения о том, что было с бойцами и страной. Среди ужасов и болей они сохранили человеческое достоинство. С первых дней фашистского нашествия верили в Победу. Эта вера проявлялась в удивительных взлетах духа, мужества и геройства. Не все фронтовики при наградах, не все охотно рассказывают о пройденном и пережитом. Мно-

гие из них шагнули в войну со школьной скамьи, участвовали в самых узловых моментах сорок первого и сорок второго годов, проявляли повседневный героизм в сумятице отступлений.

Вера в Победу давала надежду на жизнь, на будущее, на счастье и тем, кто не вернулся, неизвестно где похоронен...

За короткий срок на конкурс, объявленный без каких-либо материальных обещаний, поступило более восьмидесяти материалов. Почти половина из них похожи — перечислительно-биографические, но в каждом очерке записана жизнь и судьба, опаленная войной. По условиям конкурса отдаем предпочтение «находкам» литературного свойства, особенностям фактуры, подачи событий, оригинальности стиля. Не оставишь без учета сочинения, соответствующие редакторскому замыслу выстроить композицию по годам и территории новыми, неизвестными свидетельствами. Полезная получается коллективная работа. В зарисовках, очерках видны и сами авторы — неравнодушные современники, чьи творческие работы пригодятся собирательным хроникам пережитого, если они появятся в Костроме. А этот сборник составлен в основном по материалам «пробного» конкурса, дающего определенные ориентиры для будущих. Не все из отобранных для публикации произведения вписались в композицию по материалам конкурса. Несколько очерков и зарисовок могут быть использованы в следующих изданиях. Участники конкурса в своих работах показали как зарождалась ненависть к врагу, какой ценой была завоевана Победа, подтвердили неугасающее почтение и благодарность защитникам Отечества. Сердечное спасибо всем участникам.

ПОБЕДИТЕЛЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ…

От составителя

Обыденными словами не передать чувств, вызванных воспоминаниями фронтовиков о Великой Отечественной войне, осмыслением пути к Победе. Мировая война — миллионы погибших, горечь потерь и страданий. Но, думая о Победе, испытываешь гордость за каждого фронтовика и труженика тыла, гордость за народ, явивший миру непревзойденный пример стойкости и мужества. По искренним воспоминаниям прошедших от первого дня до последнего, обозначенного флагом Победы над рейхстагом, великие сражения — огненные жернова, каждый неравный бой — кромешный ад. И все же человек не имел права привыкать к смерти. Пока идет бой, «солдат... знает, что надо делать на войне… уж если свой взвод-

ный пошел, значит, все возможности к тому, чтобы не идти, исчерпаны... Дальше оставаться в окопе неприлично, дальше уж подло в нем оставаться, зная, что товарищи твои начали свое тяжкое, смертное дело и любой из них в любое мгновение может погибнуть».

Что происходило с человеком на войне в такие минуты? На пороге жизни и смерти о чем страдала его душа, куда обращался его памятливый взор, какие слова и жесты родных доносились из мирной жизни? Такие вопросы в штабных документах не зафиксированы, они возможны в неспешном осмыслении пережитого, в документальных и художественных свидетельствах, необходимых сегодня для осознания глубинного течения войны. К такому осознанию и осмыслению обязывает празднование 60-летия Великой Победы. Конечно, важнее всего вслушаться в суждения знающих насквозь войну, постигавших ее солдатским трудом, прошедших разные дороги и судьбы.

Миновали годы, выросли дети и внуки победителей. Живые воспоминания и книги обращены к молодым для пробуждения дорогого чувства доверия и ответственности перед жизнью. В доверительной простоте, в особенностях жизней достойных защитников Отечества открывается большая правда: русские солдаты, по словам Виктора Астафьева, как и в прежние трудные войны, приноравливались к смертному делу, как крестьянин приноравливается к новой земле и рабочий к новому процессу. Вся тяжесть войны остается — подтверждают эту мысль судьбы костромских писателей, прошедших свои «огненные версты».

Празднуя Победу, мы можем с помощью очевидцев грозных событий обрести надежду на продвижение к истинной правде о войне, естественно освободиться от бесчисленного множества мифов и откровенных фальсификаций.

Есть необходимость конкретного взгляда на события военных лет, чтобы преодолеть смутное представление о том, каким был фронт от края до края. Патетика «эпических» представлений звала оглядывать большие пространства, рождала обобщительные мысли и торжественные речи, соответствующие глобальной теме и цели. Сегодня можно услышать самые простые мысли и слова. Через них мы можем понять, что простые мысли дороже всего даются, иногда для них требуется вся жизнь, не каждый успевает такие выстрадать. Война пошатнула устойчивые взгляды у наших предшественников, шагнувших в бой со школьной скамьи. Вероятно, они воспринимали мобилизацию как временную остановку естественной жизни, за которой обещано светлое будущее в мире без войны... Мы, возрастающие без отцов и старших братьев, стремились узнать, какими они были, всякое свидетельство реальных участников Великой Отечественной войны наполняло наше знание чувствительными под-

робностями, позволяющими выстраивать судьбы, характеры, душевные и гражданские достоинства.

Составляя сборник «По праву памяти и долга», напоминающий о костромских писателях фронтовиках, я чувствовал дыхание сурового времени, будто бы сама собой сложилась композиция по дорогам фронта и тыла от Костромы до Берлина…

«По праву памяти и долга», 2005 г.

СОБОРНЫЙ ДИАЛОГ О ЖИЗНИ

Всемирный русский народный собор: взгляд в будущее. Тема Собора: «Россия: вера и цивилизация. Диалог эпох». Эпохальный форум в зале церковных соборов храма Христа Спасителя. Цель — преодоление разногласий, примирение и объединение народов, осмысление роли России в современном мире, поиск собственного пути с национальными концепциями экономики, безопасности, духовности.

Почти две тысячи участников. Открывал и вел пленарное заседание председатель правления Союза писателей России В.Н. Ганичев. Два дня работы с уверенностью показали, что наша страна может сказать миру еще неслыханное Слово.

Областная администрация делегировала на собор писателя М. Базанкова. Читайте его заметки.

* * *

Время безоглядного хищнического потребительского азарта, а Россия ищет свой духовный путь, оглядывается на свои традиционные консервативные основы, отдает предпочтение цивилизации общинного типа, опасаясь идеалов «золотого миллиарда», философски осмысливает условия глобализации. Общественные деятели, политики, представители власти, образования, науки, литературы, искусства, религиозных конфессий, пожалуй, впервые столь примирительно, согласованно, без примет баррикадности размышляли о народе, о будущем Отечества, о мировых проблемах. И все выглядели патриотами по сути, и слово «русский» произносилось безоглядно, с сочувствием или почтением.

Было обоснованно заявлено: русские — государствообразующая нация не только по численности (85 процентов населения страны), но и по особенностям духовной культуры, менталитета. Россия — иной цивилизованный тип развития. Наш консерватизм не стремится к изоляции, способен (со времен Петра I и более ранних) впитывать откры-

тия Запада и Востока, обеспечить прирастание только тому, что соответствует образу жизни, мировосприятию и образу мысли.

Представители других народов, вероисповеданий заговорили о том, что русские (и не только в ближнем зарубежье) оказались в самом драматическом положении.

Девиз Собора, точнее, один из главных девизов: никто сегодня перед общечеловеческими опасностями не может замкнуться в себе, оставляя «решение судьбы человечества — а значит, и собственной судьбы — без внимания» и участия. Государство наше тоже должно активно действовать в европейских и глобальных процессах, будучи открытым к Востоку, Западу и Югу, при этом учитывая, что оно есть один из столпов восточно-христианского мира и центр самостоятельной цивилизации со своим устоявшимся взглядом на мироустройство, духовно-нравственные основы бытия, общества и государства. Об этом сказано и в принятом Соборном Слове.

Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II, открывая Собор, подчеркнул, что церковь и наука вновь вместе, движимые заботой о благе страны и мира. «Чтобы защитить свои интересы, остаться собой, любая страна должна равноправно участвовать во всех мировых процессах.

Никто не в праве навязывать миру свои рецепты и ориентиры». Надо обеспечивать равенство между всеми жителями Земли. Православная церковь, по словам митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, не имеет цели повлиять на политику в стране, так как она не является политической организацией, но церковь несет ответственность за происходящее с народом, в первую очередь, в нравственной, духовной сфере и потому оставляет за собой право давать нравственную оценку программам партий, действиям и заявлениям политиков... Террористическая атака против США не является — так считает митрополит — прелюдией к глобальному противоборству христианской и мусульманской культурно-религиозных моделей. В межцивилизационном конфликте, который противопоставил бы друг другу христиан и мусульман, заинтересованы только силы, стремящиеся к их взаимному ослаблению, преследующие собственные цели и никак не связанные с религиозным выбором. Человечество может и должно избежать конфликта цивилизаций.

Многие выступающие на пленарном заседании, участники дискуссий в трех секциях сходились на том, что невозможно доминирование одной идеологии, одной системы ценностей в ущерб остальным. Опасен и такой сценарий глобализации, который обернется концентрацией всей полноты экономической власти над миром в руках небольшой группы предприимчивых дельцов.

Выступления лидеров политических партий, руководителей

фракций, депутатских групп и комитетов Государственной Думы, участников Собора из зарубежных стран и регионов РФ, представителей традиционных религий России, деятелей науки и других укладывались в общую картину восприятия острых проблем современности. Более детальную проработку получили проблемы в дискуссиях по секциям: «Церковь. Нация. Государство»; «1000 лет вместе: православие, ислам и другие традиционные религии в России»; «В поисках нового мироустройства: глобализация и национально-культурная самобытность». Для себя выбрал третью секцию. Заметил здравую активность. Коллективная мысль пробивалась к рациональным выводам по нескольким направлениям. Как же иначе искать пути к новому, какие ценности брать за основу?

Было признано: базовая основополагающая духовная ценность в сочетании с национальной культурной самобытностью. Но они, как и другие фундаментальные наши ценности, десять лет находились под ударами. Принижено значение образования в воспроизводстве культурных, нравственных ориентиров. Отстранена от воспитания традиционная русская литература. Волны западной массовой культуры затуманили сознание молодых людей. Проповедуется хищнический индивидуализм, право сильного, жажда удовольствий. На что следует уповать? На приоритет значения русского провинциализма. Опираться на русскую идею, которая сочетает в себе идеи православные. Расширять этическую составляющую образования. Возрождать традиционные семейные ценности, религиозные, национально-патриотические. Чувство патриотизма — чувство собственного национального достоинства. Какая реформа образования готовится и почему? Какая нужна армия? Вводить ли закон Божий в школах? Кто определит содержание учебников по истории? Вопросы, вопросы, вопросы. Сотни предложений. Востребован коллективный поиск ответов, востребована отечественная современная философия, этика, эстетика. И, конечно, другие по направленности, учитывающие национальные интересы, СМИ. Общерусская газета, журнал, радио, телевидение, кинематограф — все должно в новом качестве работать на интересы народа и государства. Новые учрежденные СМИ могут создавать чувство духовного родства между людьми, правдиво анализировать суть подготовленных законов, нравственную и мировоззренческую особенность политики, причины самой низкой в мире оплаты труда, фундаментальные причины общественных явлении с признаками геноцида, медицинских преобразований. Необходимо интеллектуальное единение в противостоянии всему, что вредит государственности. Не смакование элитных тусовок и пресыщенности на всех каналах, а естественный разговор о жизни, о подлинной истории и

культуре Отечества. Телевидение, считает академик Н.Н. Страхов, оказывает мгновенное влияние на людей. Остро необходимо общественное телевидение по государственному значению, способное работать созидательным Словом на патриотические настроения.

Подробно говорю о роли информационного влияния, потому что духовная культура изначально создается Словом. Если мир строит цивилизованное общество, надо напоминать человеку высокое призвание его.

Правдивое слово журналиста, художественное слово писателя, духовное слово пастырей сегодня востребованы. «Сейчас самое главное — духовное самоопределение, — сказал Шаховской, гость из Франции. — Европа теряет свой былой облик и статус, кризис европейской цивилизации давно начался. Самое веское слово на пути в будущее будет сказано Россией». А кто будет возрождать и защищать Россию, если сегодня не заботиться о детях, не оберегать их от той же экранной сатанизации, от словоблудия растлителей народа, если не сохраним лучшие традиции образования и воспитания, не вырвем миллионы детей из беспризорности.

Многое надо переосмыслить, чтобы преодолеть результаты безответственных потрясений и произвести капитальный ремонт отечественного Дома. В его центре должен быть русский народ — без сомнений говорили участники Собора. Государственно-правовой статус этого народа должен быть закреплен законодательно. Нужен Закон о русском языке. Тогда и права миллионов соотечественников за рубежом можно отстаивать с иной принципиальностью. Говорилось о демографической политике, законах о русском народе, национальной программе развития духовности в стране. Собор поддержал принципы, изложенные в Основах социальной концепции Русской православной церкви.

В заключительной части «Соборного Слова» говорится о том, что наша цивилизация становится частью единого мира, в котором народы тесно связаны между собой. Но мы не должны раствориться в «плавильном котле» глобализации, ибо призваны сохранить свою веру, культуру и самобытность. Ценности русской цивилизации — вера, жертвенность, самоограничение, приоритет вечного над временным — наверняка будут востребованы людьми всех континентов в поисках путей выхода из морального кризиса. Россия может занять достойное место в мире и привести его к лучшему будущему, к следованию идеалам веры, любви и правды.

Участник VI Всемирного русского народного собора,«С п.», 4 января 2002 г.

ОСТАНОВИСЬ, ОГЛЯНИСЬ И ПОЙМИ

Еще верится: литература способна образумить людей при участии тех, кто не утратил интерес к чтению. Еще верится: каждое сочинительское дарование может быть востребовано, найдет свой стиль и свой путь. Такая вера особенно необходима делающим первые шаги в осмысленном призвании, когда ясно, что и почему надо передать художественным словом, какую правду и красоту открывать для других, в какую сторону «путешествовать» во времени, опираясь на свой жизненный опыт. Такую определенность прочитываю в первом сборнике Вячеслава Арсентьева, изданного недавно. Автор в самом начале свидетельствует о том, что он преодолел желание «эксплуатировать» собственную биографию, впечатления детства. «Многое ушло из памяти, засыпалось обломками последующих впечатлений». Но все-таки вспоминается иногда с ностальгической грустью, при встречах с земляками или в беседе с деревенским приятелем-одногодком за бутылкой водки на кухне его городской квартиры... И уже предполагаешь, в каком направлении пойдет он, не повторяя осмысленного, изображенного в сочинениях известных писателей. Есть своя интонация (мелодия прозы), свое слово. Это очевидно даже в первой зарисовке.

За пределами короткого повествования предполагается-прочитывается трагическое движение к минутам семейного счастья. Двое возвращаются в страдную сенокосную пору из-за реки, довольные свершенным трудом: после затяжного ненастья удалось в солнечный день поставить стожок сена. Естественная радость: сено прибрано, можно омыть пот и усталость свежей речной водой.

Главное тут не само купание, а что за ним. И сам автор, оказавшийся на рыбалке возле омута, знающий оставленные за кадром судьбы этих людей, вздрогнул. Нечто невыразимое, непередаваемое было в ликующем перекликании: «Эх, хорошо-о-о! Хорошо, батько! Как хорошо-о-то!» Конечно, из того, что лишь упомянуто в зарисовке, в заключительной ее части, художественной фантазией можно выстроить развернутый сюжет. Но Вячеслав Арсентьев авторскую волю подчиняет индивидуальной задаче, пока ограничивается вопросом: что в этом действительно необычного, почему эпизод запомнился и часто тревожит память? Под такими вопросами он и входит в свою первую книгу, составленную из рассказов разных лет и продиктованных размышлением о жизни, памятью, болью, сочувствием и желанием привлечь других к поиску ответов на «прокля-

тые» вопросы бытия. Этюды, зарисовки, сложные сюжетные рассказы складываются в развернутое повествование, в книгу с непритязательным названием «Провинциальные истории».

Вячеслав Николаевич родом из деревни Селезнево Макарьевского района. После средней школы работал на северных стройках. Затем окончил Костромской пединститут, учительствовал в сельских школах, работал первым секретарем райкома комсомола. Сейчас преподает историю и литературу в средней школе. Участвовал в зональных и областных творческих семинарах. Печатался редко — так складывались обстоятельства; конъюнктурных заготовок не получалось, а время было равнодушное к провинциальным сюжетам. И вдруг оказался со своим багажом на неповторимой тропе узнал собственную тревогу за людей. В обычных ситуациях увидел судьбы, характеры, истоки бедствий, потрясений, несправедливости, загулов и преступлений. Детские восторги перед жизнью и природой, воспоминания в бессонные ночи захлестываются трагедиями нового дня. Отчужденность между людьми, молодая безоглядность и жестокость, потребительский эгоизм, пришедший из «цивилизованного» мира через экраны телевидения с наглой целью разрушить жизненный лад, общинные деревенские отношения. Писательский взгляд отчетливо видит, как далеко может пойти озлобленность ребенка, посеянная безответственностью родителей. («Ошибка»); сколь опасно элементарное невнимание, сколь жестоки могут быть черствые люди («Жозефина»), к чему приводит эгоизм и безнаказанность, бездушие и власть силы («Случай в деревне»).

Литература — от жизни, от влияния событий, явлений, обстоятельств времени. И первой книгой нового автора это подтверждается. Когда колеблются все основы, в бедствиях и страданиях прорываются бесовские искушения, кто-то обязан по душевному велению сосредотачиваться в сочувствии и сострадании. Так было всегда, если начинали верховодить силы зла, корысти и властолюбия. Независимо от верхосвных устремлений провинция сама находила пути к спасению.

«На самом краю деревни, у реки, тремя окнами в поле, стоит дом Ивана Михайловича Жукова. Дом добротный еще, но и его уже коснулись следы разрухи... Закатное солнце опускалось в заречный бор, последние лучи наполняли избу покоем и умиротворением, высвечивали на стене фотографии давно умерших людей, почетные грамоты ударника-колхозника Жукова, гармонь на комоде, потухший телевизор. Признается старик слушателю, обсказав «этапы» пережитого: ...Да-а, и умирать приходится в такое разбродное время. Не понять, что к чему. Прошлое обгадили, что можно растащить — растащили». («Чапаева» слушает.)

Лучшие рассказы убеждают: автор имеет обостренное зрение и слух, способен за банальным сюжетом встревожить читателя вопросами или одной нераскрытой тайной. В этом особенность его стиля. Незатейливая зарисовка может порадовать серьезным подтекстом. Вот хотя бы песня бомжа из зарисовки в полторы страницы. «Милиционеры ушли, а старик еще долго пытался спеть нечто свое, для него, наверное, не бессмысленное, очень важное и нужное», то, что носила затерянная в измученном теле плачущая душа. Именно здесь, в авторской интонации, в авторском отношении-сочувствии, понимании весь смысл короткого сочинения, фиксирующего не только всероссийское явление, но и равнодушное «мимоходство».

Призыв остановиться, оглядеться и понять подспудно выстраивается сюжетами, дополняющими друг друга, «осколки» жизни, тепло остывающих деревень, перекройка сознания и бытия по всем окрестностям в общем-то недалеко от столицы, утрата природного материнского чувства и многие другие приметы нашего времени складываются в невеселую картину, способную противостоять всем эстрадным «потеханиям» над периферийными людьми. И еще не раз придется нам вместе с автором вздрогнуть в сочувствии и понимании, когда «служивые» мальчишки постарше будут ловить по огородам, по ржаному полю немоватого Сашку, только что отчаянно кричавшего свой отказ от казенного дома: «Ни пиеду-у! Мамк, ни отдавай». А потом, когда тащили к машине, он бился, кричал уже совсем непонятное и сквозь слезы смотрел на крыльцо, на окна родного дома, на родную кособокую калитку...

Об этом рассказано для того, чтобы не повторялось такое расставание, чтобы в государстве не приходилось «отлавливать» детей.

«Северная правда», 17 апреля 2002 г

ДВЕРЬ В ВОЛШЕБНУЮ СТРАНУ

Из предисловия к книге

Откуда берутся достоинства личности, лучшие душевные качества, художественные задатки, творческие устремления? От каких корней-истоков набирает человек собственное душевное богатство, что определяет его неповторимость? Кто приоткрывает однажды двери к пониманию простого повседневного мира труда и житейских забот или к загадочно-

волшебному миру мечтаний и надежд? Неравнодушные люди — творческие работники — обязательно задумываются над подобными вопросами, отдавая предпочтение тем или иным обстоятельствам, в зависимости от меры таланта, личных идеалов, целей и притязаний.

«В тот день впервые приоткрылась для меня дверь... я и сама не знаю — куда? В другое измерение? Но с тех пор и до сегодняшнего дня я изредка вижу то, что недоступно другим. И увиденное всегда упоительно прекрасно», — написала Ольга Гуссаковская. И ненавойливо подчеркнула, что немногим в повседневной суете дано оставаться с мыслями о прекрасном. Немногие способны найти и ценить любимый цветок, звук, аромат... Немногие способны, скажем, продолжая этот ряд, углядеть среди однообразия обыкновенных женщин сказочную королеву, царевну или принцессу — на это необходимы талант и терпение. Впрочем, и немногие женщины — представительницы прекрасной половины человечества — достойны такого восприятия-поклонения. Народная мудрость передает от поколения к поколению поучительные сказки. Напомню одну из них о царевне-лягушке: «Эх, Иван-царевич, Иван-царевич! Зачем сжег мою лягушечью шкурку! Потерпел бы ты еще три дня, и я вечно была бы твоею. А теперь ищи меня у Кощея бессмертного».

До сих пор в дружеских или дорожных беседах прорывается мужская тоска по кроткой и нежной женщине: где, мол, теперь ее взять? Среди замотанных бедностью, неустроенным бытом или среди шикующих, праздно болтающих; среди курящих, пьющих девах или на одном из многочисленных конкурсов красавиц, претендующих на званье «мисс»; среди безработных , стоящих на учете, или среди терпеливых тружениц в деревне? Но не увеличилось с начала века число «джентльменов», мечтающих связать свою судьбу с бой-бабой в кожаной куртке, смелой при нагане на бедре. И мало желающих выстраивать семью с циничной, разболтанной кралей.

Еще сохраняется тоска о живительной женственности, томной нежности принцессы и таинственном обаянии мадонны. Иногда возникают дискуссии о красоте, которая призвана в союзе с добротой спасать мир. Иногда заштатные говоруны толкуют о предназначении раскрепощенной женщины. Многие ждут от нее неувядающей красоты, нежности, скромности и чистоты, не утруждая себя вопросами: что любит современница, почему так выглядит, чем опечалена? И в жизни, и в литературе сказываются манипуляции общественным сознанием, задающие отношение к прекрасному полу «рыночными» установками. Даже в так называемой женской прозе набрался фонд каких-то странных, нервических и высокомерных сочинений. Пошла в моду клановая, «барская» литература, состыкованная с пренебрежением к народной жизни. И женская проза начала омужичиваться, грубеть,

утрачивать совестливость? Разве и для нее нет запретных тем, запретных натуралистических описаний ради разоблачения (без сочувствия) всех несовершенств современной женщины? Разве утрачена необходимость созидания и осмысления идеала — всего того, что делает женщину в лучших ее проявлениях царевной?

Много горькой и жестокой правды рассказано, и, оказывается, все еще мало, надо вновь и вновь полоскать «нелюбимую» в пьянстве, матерщине, табачном дыму и блатном жаргоне? Иногда в провинциальных условиях вдруг явится светлое и душевное бытописание, читаешь новую повесть или хороший рассказ с предчувствием открытий и надеешься, что явится произведение, воспевающее способных стать принцессами.

Вспоминается повесть Ольги Николаевны о судьбе девочки, встретившей испытания военного лихолетья. Другая — о вступлении подростка в юность, о горестях и радостях, приходящих за порогом детства. Одна — о молодых строителях, другая — о большой семье, написанная с глубоким вниманием к социально-нравственным проблемам народной жизни, к непреходящим ценностям. В семидесятом году писательница впервые выступила с повестями для детей. До этого ее произведения были адресованы взрослым, рассказывали о далекой северной окраине — магаданской стороне, куда Ольга Гуссаковская приехала после окончания исторического факультета. Для детей были написаны три повести — «Татарская сеча», «Так далеко от фронта», «Повесть о последней ненайденной земле». Они оказались объединены мыслями об утверждении великой силы деятельного добра, о глубокой ответственности человека за все, что происходит вокруг. Вспоминаю повести с хорошими названиями: «Ищу страну Синегорию», «О чем разговаривают рыбы», «Порог открытой двери», «Незабудки на скалах». «Запах печного дыма», «Перевал Подумай».

К повести «Порог открытой двери» взята эпиграфом народная мудрость — такой человек: дверь откроет, а о порог споткнется. Эта мудрость определяет философское содержание повести о вступлении подростка в юность. Но ведь и на пути взрослых, когда они определяют в какую сторону идти, встречаются высокие пороги. В судьбе писательницы они тоже появлялись не раз.

Ольга Николаевна — костромичка. В Магаданской области она работала преподавателем истории, литсотрудником в газете, корреспондентом на радио и редактором в книжном издательстве. Первый рассказ опубликовала в альманахе «На Севере Дальнем». Через два года вышла первая книга «Дорогой приключений». Затем — учеба на Высших литературных курсах. Четверть века назад вернулась в Кострому, много лет работала литературным консультантом в областной писательской организации. Заслуженный работник культуры. О себе она

рассказывает с предельной, даже с какой-то отчаянной откровенностью. Обнаженность чувств и глубоких размышлений о собственной судьбе прорывается не только в творчестве, но и в интервью для газеты. Творческая натура — особенная. Вот споткнулся талантливый человек об один из последних порогов, и возникает необходимость жестко взглянуть на себя. Жестко, с беспощадной открытостью. Происходит это, на мой взгляд, именно в период напряженной работы над итоговым, сложным и глубоко сокровенным, романом... Отчаянную открытость талантливого человека необходимо воспринимать и ценить по высоким, а не по обывательским законам.

Издаваемая книга — две повести «Семь весенних гроз» и «Персиковая коробка» — предполагалась в большем объеме, но третья повесть «Скамья» при нынешних финансовых возможностях не «вошла». Хотя и две повести подтвердят читателям справедливость затронутого моим предисловием. В работе — объемное повествование «Освобожденная Колыма», для которого требуется и легко ранимая, чувствительная, но и совестливая, даже застенчивая женская душа.

С любви, юношеской, чистой и мечтательной, начиналась дорога от родного порога, начинался жизненный путь. Сколько же на этом пути было порогов, сколько пережито, передумано?! Жизнь, воспринятая собственной судьбой, — лучший опыт для творческого человека. С возрастом приходит непреодолимое желание оглянуться на себя и других, чтобы понять собственное отношение к миру, к судьбам тех, кто небезразличен. Хочется найти, почувствовать, осознать индивидуальные, личностные истоки. В этом стремлении не укроешься за литературными приемами, за художественным вымыслом. Повествовательный стиль все чаще перебивается, все более тяготеет к эпистолярному. Иногда неоправданное использование иностранных слов затрудняет чтение-восприятие. И все же получается хорошая интимно-биографическая проза.

Откуда есть ты, неповторимая и по-своему одинокая дворянка — представительница родовой неприукрашенной действительности? Перед таким вопросом требуется полное доверие воспоминаниям, собственным чувствам, печалям и радостям. Обе повести привлекают воспроизведением пережитого способом «кинематографического» наслоения. Доверительная точность достигается и усложнена сдвоенным взглядом — глазами девочки, совсем еще маленькой, и умудренной талантливой женщины. Таким сочетанием заостряется художественное зрение, позволяющее ослабить авторскую субъективность. Потому и достигается ощущение исторической достоверности. Изломы жизни, деформация чувственного отношения к быту костромской провинции первой половины двадцатого века, вызванная многими обстоятельствами. Открытая «Персиковая коробка» повествует правду увядания дво-

рянского рода. Эта правда свободна от идеологических и политических пристрастий. В книге, может быть, все еще живут цветы, кем-то оставленные на пороге открытой двери. Они способны видящего их и чувствующего спасать от мучительного отчаянья, краткого или затянувшегося одиночества. И приглушают виноватую тоску по ушедшим давно. Утешают в размышлениях «и еще об одном: арестованные по наветам начали исчезать чуть ли не со дня моего рождения, — пишет автор, — но простой люд словно бы и не ведал того».

В этой жизни важно знать, что дверь в волшебную страну изредка приоткрывается. По словам автора, приоткрывается для тех, кто в здешнем мире лишен радости исполнения желаемого страстно...

М.Б.

ШКОЛА ОБЩЕСТВЕННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В зале церковных соборов Храма Христа Спасителя 16 декабря 2002 года открылся VII Всемирный русский народный собор «Вера и труд: духовно-культурные традиции и экономическое будущее России». В двухдневной работе Собора приняли участие представители высшей государственной власти, иерархи Русской православной церкви, главы других традиционных религий России, лидеры политических партий и общественных движений, думских фракций и комитетов, видные деятели науки, культуры и образования, известные писатели и художники, военачальники, предприниматели, представители благотворительных фондов и организаций. Более 70 областей, республик, земель и стран прислали свои делегации. На пленарных и секционных заседаниях под аналитическое внимание были предложены многие аспекты общественного развития, трудовых и социально-экономических отношений, национальной промышленной политики, духовно-нравственных и культурных основ хозяйствования, православия и экономической этики.

Областная администрация делегировала на Всемирный собор писателя М. Базанкова. В своих заметках он выделяет некоторые аспекты соборного исследования проблем экономического развития, духовной и нравственной оценки труда.

* * *

Президент России Владимир Владимирович Путин, приветствуя представителей многих религиозных конфессий, общественных, творческих и предпринимательских кругов, гостей из дальнего и ближне-

го зарубежья, одобрил внимание к фундаментальным вопросам жизни современного общества, страны, мира в целом. Работу высокого форума он считает важной общественной инициативой, направленной на объединение конструктивных сил в России и за пределами нашего государства. Послание святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, вступительное слово председательствующего на пленарном заседании заместителя главы ВСНР, профессора, председателя Союза писателей России В.Н. Ганичева и доклад по основной теме соборных слушаний заместителя главы Собора, председателя отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла.

На рубеже двух веков мир стал другим. Запад диктует законы глобализации, унификации культуры. Славянские страны имеют низкий уровень производительности труда, отстают по валовому производству продукции на душу населения. Происходит сползание славянских стран в разряд развивающихся. «Шоковая терапия» — специально разработанная для России модификация доктрины Вашингтонского консенсуса, выстроенная на основе радикального либерализма, по мнению академика Д.С. Львова, оказалась совершенно неадекватной российской действительности, реальным проблемам социально-экономического развития. «Сегодня мы являемся свидетелями разрушающих последствий для мира навязанной США экономической политики глобализации, — утверждает ученый. — Прежде всего следует обратить внимание на усиливающиеся процессы социального неравенства стран и роста численности беднейшего населения планеты». Два пояса абсолютной и относительной бедности составляют 85 процентов всего земного населения. Остальная часть — население стран «золотого миллиарда». Этот «миллиард» на свою долю берет 80 процентов от общего объема мирового продукта, а пятая часть этого продукта — всему остальному миру. Вот почему социальные противоречия при таком распределении мирового дохода будут резко усугубляться, пойдет разрушение экологического равновесия. Отсюда и происходит тревога за будущее России, возрастает необходимость осознавать, почему наша страна, опережающая на порядок США и Канаду вместе взятые по природной составляющей национального богатства на душу населения, отстает по душевому валовому продукту в 4-6 раз.

Мы надеялись, или, точнее, нас убеждали в том, что реформы нужны для резкого повышения эффективности экономики, чтобы наш народ стал жить лучше. Но народ потерял веру в справедливость происходящих преобразований, в результате которых небольшая часть новых собственников отгородилась от основного населения, появились как бы две России: одна — для разбогатевших в короткий срок, другая — для всех (Д.С. Львов). Чего же стоят тогда

экономические реформы, если человеку, его здоровью эти реформы несут ускоряющуюся смертность? — таким вопросом сегодня озадачены не только известные ученые. Динамика демографических процессов свидетельствует о сокращении коренного населения и позволяет говорить научными доказательствами о скрытом геноциде, потому что к середине XXI века население страны уменьшится на 40 миллионов, а срединного «коренного» населения останется всего 38 процентов. Следует помнить, что большинство населения России в течение многих столетий составляли русские люди. Они — государствообразующий народ и сейчас (85 процентов).

Провалы в проведении реформ покрываются не только за счет разбазаривания природных ресурсов, но и снижением жизненного уровня малообеспеченных граждан России. Они проиграли, потеряв гарантированный набор бесплатных услуг. А реальная заработная плата за годы реформ снизилась почти в 2,5 раза, среднедушевой доход — в 2 раза. В выигрыше оказались лишь 20 процентов наиболее обогащенных, чья зарплата и жизненный уровень баснословно выросли за счет сомнительной эффективности и честности труда.

Период реформ характерен ростом захватнических и потребительских отношений, рождающих эгоизм и жестокость. Началось с опасной монополии идей переустройства, и рыночная эйфория в короткий срок «обеспечила» накопление у обманутого большинства апатии и разочарования, нарастание агрессивности, которая переплавляется на всей территории страны в противоправные действия, организованную преступность. Действует глобальное нарушение прав собственности и социальных гарантий.

Мировые процессы глобализации разрушают извне исторически сложившийся уклад жизни людей с устоявшимися представлениями о добре и справедливости. Экономические доктрины оказались выше исторических преданий и ценностей, национального многообразия, национальное и особенное обменяли на стандартизацию экономической жизни для всех. Государство перестало самостоятельно регулировать систему жизнеобеспечения большинства, обработанного уймой идеологических штампов! Отвергнуты законы нравственности и морали. Неверие и недоверие, неуверенность деформирует жизненные устремления. Труд, мастерство, талант людей, воплощенные в них производительные силы нации полностью не востребованы. Разделенная нация с негативным отношением к государственности. Государство, оказавшееся без высоких духовных идеалов. Что делать в условиях кризиса экономического, в критической гуманитарной и правовой ситуации с признаками морального кризиса?

Множество проблем было взято в поле зрения, Собор начал раскрывать весьма серьезные вещи конструктивным поиском ос-

новных составляющих новой системы, социальных гарантий и прав собственности, нравственных компонентов социально-экономического развития, связанных с культурой человека, с его историческими особенностями. Вопреки либеральным доктринам солидарная забота о будущем должна перестраивать не только саму реальность — экономику, но и отношение людей к этой реальности, которое обязано формировать государство. Приходится признать, что причиной общественного неустройства является экономика, она определяет культурную и духовную атмосферу. Система перераспределения общего блага провоцирует пороки личной, семейной и общественной жизни. Значит, надо признать несоответствие этой системы конечной цели реформ.

В российской экономике обязательно материальное и духовное измерение, нравственная мотивация отношения к труду. Если нет в экономической структуре нравственного начала, то она обречена, и в то же время экономическая нравственность обеспечивает защиту структуры, дает ей иммунитет. Такой коллективный вывод ученых, политиков, предпринимателей, творческих работников представляется спасительно важным. Впервые убедительно обозначена роль духовных начал в экономике. Пропагандистские призывы обогащаться любой ценой, отказываясь от национальной и православной морали, выдают хищнические намерения торопливых реформаторов, действующих по чужим рецептам. Порицая трудовые и культурные традиции, СМИ — проповедники либеральных реформ смакованием пошлости, трагедий и людского горя, человеческих слабостей, унижений бытом, отключениями тепла и света, «зарабатывают» безнравственный доход. На соборе было отчетливо доказано, что и чиновники, лоббирующие выгодные решения ради своей клановой выгоды, поступают безнравственно. Грешит такой чиновник и такой депутат перед народом, перед страной и перед Богом. Обман, махинации, ложь, проволочки с оплатой труда, вымогательство, угрозы, насилие как способы достижения любой экономической цели безнравственны. При такой масштабной практике с очевидным разворовыванием ресурсов и вывозе капиталов могут рухнуть любые, даже самые мощные, государственные и корпоративные структуры. Еще и еще раз подчеркивали выступающие: без нравственного начала экономическая структура обречена — весь вопрос только в сроке. Отсюда возникает вопрос: какое будущее могут выстроить безнравственные реформы?

Система, которая исчерпала в короткий срок свой потенциал добра, должна быть заменена другой. Правда, история революционных движений доказывает: никогда экономические системы, представлявшиеся людям несправедливыми, на самом деле не исчерпывали своего

потенциала к добру. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ученый и философ, анализируя состояние нынешней экономики, обратил внимание на две главы Основ социальной концепции Русской православной церкви, в которых речь идет о труде и его плодах, а также о вопросах собственности. В основах социальной концепции говорится о существовании двух нравственных побуждений к труду: трудиться, чтобы питаться самому и чтобы подавать нуждающимся. Отсюда и два нравственных побудительных мотива. А собственником всего является Бог. Не имея возможности глубоко вдаваться в просветительное нравоучительное значение Основ социальной концепции, заметим, что церковь призвана максимально содействовать развитию этико-экономических норм, направленных на выявление в полной мере положительного потенциала в экономической системе.

«Когда говорится о нуждающихся, — разъясняет митрополит Кирилл, — имеются в виду не только люди бедные, но и вся сфера жизни, которая имеет государственную и гуманистическую ценность, но не производит материальных ценностей. Это наука, культура, образование, спорт, и, конечно, религиозная сфера. Это защита государства, поддержание государственного аппарата и так далее. Значит, когда государство перераспределяет избытки материальных богатств, направляя их в непроизводственные, но важные для общества и человека области, оно делает то, что должно делать. Государство служит добру, опираясь на законную силу». Любопытный вывод сделал митрополит, касаясь утечки капитала из России по 20 миллиардов ежегодно: «Сегодня вопрос об утечке капитала является не только экономическим и политическим. Это вопрос огромного нравственного значения, и от того, как он будет решен в самое ближайшее время, зависит благополучие, стабильность, спокойствие в государстве»... У государства есть законное право силой регулировать экономику, под этой силой подразумевается сила закона и правоохранительных органов. «Не дело церкви давать экономические советы государству. Но и невозможно изменить ситуацию только усилением репрессивной деятельности. Наверное, необходима такая экономическая реструктуризация, которая содействовала бы в полной мере эффективности и справедливости, экономических отношений. Видимо, государство действительно должно быть сильным прежде всего в собственной системе. Пока же слова «эффективность» и «справедливость» используются как лозунги политическими партиями и движениями. Нельзя делить людей своих и чужих по принципу отношения к этой проблеме».

Оторванность от прошлого, морально-этических, культурно-исторических и православных традиций уродует национальное самосознание. Посредством навязываемой массовой культуры

телевидение и бойкая публицистика отсекают сознание современника от прошлого и будущего, превращают его в одномерного потребителя, преднамеренно разрушая неповторимый облик нации, ее нравственные устои, представления о справедливости, красоте и гармонии. Сегодня уже очевидно, что на определенном этапе после принятия Закона о русском языке правительство будет вынуждено во имя укрепления экономической справедливой системы поставить вопрос о политической, экономической и культурной защищенности русских и русскоязычного населения в других республиках. Роль государства, заинтересованного укреплять свое могущество, состоит в защите трудящихся. Экономическое и нравственное самочувствие определяется справедливостью распределения. В обществе должны быть институты, выражающие истины нравственного национального свойства. Всемирный русский народный собор не озабочен политическим подтекстом, в отличие от партий не стремится к власти, декларирует свое невмешательство в государственную власть и потому становится школой общественной справедливости.

«СП», январь, 2003 г.)

М.Б., участник VII Всемирного русского народного собора.

СКАЗИТЕЛЬНИЦА

Немногие читатели нашей области знают самобытное и удивительное творчество Алевтины Николаевны Алферовой, поэтому обращаю внимание на публикацию в предновогоднем выпуске журнала «Наш современник» сказа «Лазоренька». Это ее вторая публикация. Первая, четыре года назад, тоже в двенадцатом номере, представляла нового автора произведением «Паланя», отмеченным премией по итогам года.

На областном творческом семинаре и совсем недавно на собрании членов литературного объединения в Нерехте мы анализировали объемную рукопись Алевтины Алферовой, по которой она была рекомендована в члены Союза писателей России. Сборник сказов подготовлен к печати, проиллюстрирован интересными работами. Осталось его издать, чтобы представить в приемную коллегию. Как обычно бывает, и эта книга слишком долго ждет своего часа. Надеюсь, очередная талантливая публикация поможет обеспечить финансирование редчайшего по содержанию и красоте издания в подарочном варианте. Надеюсь, администрация и предприниматели Нерехты поймут необходимость осуществления издательского проекта, включенного в план издательским советом и правлением облас-

тной писательской организации. При этом учитываю: в сборнике есть произведения, посвященные Костроме, Верхней Волге.

Алевтина Николаевна общительна, хорошо знает русскую историю, литературу. У нее богатая и содержательная биография. Родилась она в Москве, в войну эвакуирована в Татарию (Чистополь). Высшее образование получила в Ярославском пединституте. Испробовала много специальностей и профессий. Работала на шинных заводах страны. Была редактором Ярославского книжного издательства, журналистом заводской и районных газет, работала в лесном хозяйстве Дарвинского заповедника и Ростовского лесокомбината. В Нерехте реализует свои творческие достоинства в работе с детьми, в общении с библиотекарями, работниками культуры, местными литераторами, педагогами. И, конечно, изучает историю города, присматривается к характерам интересных людей, собирает материалы, подходящие под ее сказовое восприятие, осмысление.

Видимо, пришло время и стечение обстоятельств нашей жизни для возвращения к подзабытым литературным формам. Если пробивается сказовый голос, сказовая мелодия, если сказания рождаются вновь, мы должны отнестись к этому явлению заинтересованно, потому что оно, может быть, как и песни, баллады, былины в свое время, выпевается по особому наитию и окажется через века народным эпическим окликанием новых поколений. Сказовость всегда многозначительна и долговременна. Порадуемся этому явлению на костромской земле и постараемся вслушаться в сказовое пение. В нем откроется нам давно прошедшее и забываемое, исторически обусловленное в начале нового века. И отзовется душа напевам, и каждый поймет себя кровно связанным с делами, преданиями, былинами и песнями предков, ощутит в душе волнение узнавания и причастности к самым значительным событиям, делам и творениям на родной земле.

Нет, не простое и не развлекательное это чтение. И подумать придется над тем, чем заканчивается только что опубликованный сказ «Лазоренька» с посвящением современному русскому поэту Ю.П. Кузнецову.

Именно он заметил и оценил талант Алевтины Алферовой при подготовке первой журнальной публикации. Прочитаем, осознаем иносказание. И провидим будущее не только свое собственное. Прислушайтесь:

И пошли по жизни путем земным
Будущий пахарь и будущая мать.
Им еще придется страдать:
Жизнь не конфетка,
Не золотая монетка —
Бывает и знойно!
Прожить бы ее достойно,

Один этот сказ не вбирает все открытия сказительницы. Но десять сказов, в том числе и рожденные на костромской земле, единой, хорошо иллюстрированной, любовно изданной книгой, многих бы порадовали. И не только костромичей.

«СП Культура»

ОДНАЖДЫ Я ПОСМЕЮСЬ НАД СОБОЮ…

Каждый сочинитель в свой срок возвращается к забытым тетрадям при особом настроении, читатели тоже иногда вспоминают не только свои дневники. Интересно, для чего потребовались собственные давние строки донкихотствующему пересмешнику, чье острое, веселое и злободневное «издевательство» или подражание с целью осмеяния потревожило многих признанных и малоизвестных поэтов? Просматриваю страницу за страницей из шестидесятых годов. Что-то кажется знакомым, предназначенным для юношеского альбома, помечающего романтическое желание «пройти сквозь лес и плыть по рекам, идти по земле без грусти». Дальше, дальше за горизонт — не столбовой дорогой, а тропинкою собственной по обочинам.

Романтики и лирики не ищут путей в легкую жизнь, она им противопоказана. Такие люди обречены быть в несогласии с обстоятельствами, потому иногда застенчиво проходят стороной в «местном значении». Над ними «плачет дождь, о крыши спотыкаясь». Но и гениев, случалось так, современники не понимали. Вспомним, читатель, лермонтовского пророка, когда он стал провозглашать чистые учения любви и правды, читал в очах людей страницы злобы и порока — «В меня все ближние бросали бешено каменья!»

А пародист Юрий Семенов, думаю, перелистывая первые страницы, тоже бросал «камешки», даже «Плеть для Пегаса» изобрел, но вдруг почувствовал, что «теперь идет другая драма», и пригодятся новые метафоры, иные качества — пора играть другую роль. Приходится учитывать очевидные приметы времени в стране: душевное одичание, «зачерствение» отношений, озлобленное рвачество. За стальными дверями и оконными решетками оказались разделенные сердца. Каждодневно погибающие сограждане и те, что трагедийно лежат на улицах под ногами прохожих, не у многих вызывают соответствующие эмоции. Лишь изредка прорываются сострадание, искренний плач по любви к ближнему. Проповедуемый эгоцентризм украшает либерально-демократические отношения между людьми. Авангардистские писания щедро питают пародистов нового поколения.

В нашей жизни печального и трагического во много раз больше, чем смешного, но пародии Семенова гротеском, иронией, меткой метафорой заставляли улыбаться, освежать чувство родного слова, лучшие из них помогали профессионально возрастать в том числе и тем, в кого он весело «бросал камешки». Знаю, обиженные говорят: пересмешник не имеет ничего собственного, он кормится в саду поэзии с цветов вдохновения, принадлежащих способным сказать незабвенное слово.

И все-таки терпеливые «жертвы» признают в пародисте лирика по принципу знатоков поэзии — «но иногда попадалась строчка». Такие строчки — авторские удачи, несомненно, найдутся на страницах «Забытой тетради». И не только строчки. Новый, неизвестный еще читателям, индивидуальный свет авторского самопознания. Давно подозреваемый, но скрытый под маской пересмешника, искренний лирик рассказывает о времени и о себе, всматриваясь в других. Дневниковая откровенность звучит даже в неудачных записях, в предметных и «детских» стихах, в посвящениях по случаю. Постепенно, продвигаясь по текстам, начинаешь видеть самого автора — характер, личность, судьбу. Проходишь его тропой от наивной романтики, патриотической патетики к серьезным страданиям и тихой печали, узнавая его знакомых, близких, родных, друзей. Нечто новое добавляется к собственному пониманию ценности и смысла жизни.

Пройдены свои тропы и дороги, много пережито, испытано, передумано в чтении высокой русской поэзии и прозы, но подкупает естественность стихотворных записей знакомого сочинителя, удачное звучание обычной повседневной речи — она тоже представляется одним из существенных проявлений личности. Кажется, что где-то рядом таятся еще не востребованные другие забытые листы, способные помочь седеющему автору рассказывать с убедительной субъективностью о жизни современников.

Над рукописью его будущей книги думалось: однажды я посмеюсь над собою и хорошую песню спою для любимой. Может быть, «домашние признания» из этой «тетради» затронули самые необходимые струны. Если так, можно учитывать еще одну полезность подобных изданий. Вспомнились стихи давнего друга, писателя, историка, редактора и поэта Валерия Шамшурина. Нахожу по рукописи Юрия Семенова сходство в «семейном» цикле («Жене», «Чай вдвоем») этих мотивов и потому повторяю соответствующие строки. «Когда тебе все звезды светят, / Лишь вдохновение — твой суд. / Неплохо, коль тебя заметят. / Опасно, коли вознесут. // ...И не великая награда / Утешит бедного сполна, /А— отчий дом, калитка сада / И постаревшая жена».

Одаренный сочинитель и читатель способны выстрадать возможность посмеяться над собой, тихо спеть для других свои лучшие песни без угождения временной моде, чьим-либо изысканным претензиям...

Июнь, 2003 г.

СОТВОРЧЕСТВО

На февральском совете по культуре и искусству при губернаторе, где обсуждались проблемы библиотек, специалисты самых дальних районов говорили не только о комплектовании фондов и финансах, но и о связи с образованием и патриотическим воспитанием. Круг юношеского и детского чтения, просвещение родителей, возрастающий интерес к истории родных мест и к творчеству костромских писателей. Коллегиальный разговор свидетельствует: библиотеки становятся центрами, играющими важную роль в жизни общества.

Ностальгически вспоминаю встречи с земляками в Межевском районе. Именно в центральной библиотеке было дано ощутить себя на родине под пристальным неравнодушием читателей, задавших много жизненно важных вопросов.

Вписался в разговор и опыт И.М. Касаткина, поддерживавшего из Москвы связь с родиной в первой трети прошлого века. Он присылал книги, содействовал открытию изб-читален, приезжал посмотреть и оценить спектакли народного театра, наставительно переписывался с активистами культуры.

Современные преобразования в России с закономерными потерями обозначили возрастающую роль библиотек. Вновь надо возвращать почтение к собственным традициям, к родному языку, к искусству слова — художественной литературе.

Русская литература была одновременно философией, историей, проповедником морали добра и сострадания. Об этом согласно говорим на встречах с читателями, с коллегами, учителями, работниками библиотек. Такие встречи душевно подкрепляют творческих людей.

Несколько лет назад библиотекари Островского района решили обсудить мой роман. Проникновенные выступления читателей, их пожелания и советы я записывал на диктофон. Сколько было здравых суждений, сердечных свидетельств понимания, примеров совпадения трагедийных эпизодов из реальной жизни с происходящим в судьбах литературных героев. Навсегда сохранилось в памяти живое прочтение всего, что было вложено автором «между строк», ради чего складывался этот роман. Именно такие суждения помогли в работе над третьей частью сложного произведения. Подобную авторскую благодарность может высказать каждый костромской писатель и поэт. Литераторы находят основания считать читателей соавторами. Библиотеки поддерживают соавторскую заинтересованность. Подтверждается эта взаимосвязь на творческих вечерах, читательских конференциях, на встречах в дни литературы.

Областная писательская организация, районные отделы культуры и библиотеки имеют многолетний опыт творческого содружества. Под внимательным покровительством прошли зональные творческие семинары прозы и поэзии в Галиче, Шарье, Буе. В обстоятельствах нашего времени не просто обеспечить достойный прием делегации, создать условия для работы, синхронизировать выступления писательских групп в школах и учреждениях культуры. Третий круг дней литературы мы начали в самых дальних районах. В Вохме и Боговарове еще раз убедились: если Россия — последний оплот духовности в мире, то костромская провинция оберегает естественность, доброту и сердечность. Обнаруживаешь в людях организаторский талант, ценишь инициативу и подвижнический энтузиазм. Директор ЦБС в Вохме Т. Л. Воеводина и заместитель главы района Г.В. Скрябина организовали творческие встречи в семи школах, в нескольких библиотеках, в профтехучилище. Радовала очевидная востребованность писательского слова. Активны дети, учителя, сельские жители. Песни на стихи костромских поэтов, инсценировки по рассказам, желание получить автограф, выразить благодарность за комплекты подаренных книг — штрихи благотворного общения.

Подобные вечера и встречи учат ценить собственные достояния. Свое родное всегда дороже чужого. Свой стиль поведения более соответствует состоянию души. Приходит время эстрадной подражаемости, выстраивания под чужие мелодии. В подражательности люди словно бы перестали видеть, слышать и чувствовать самих себя. Собственное культурное пространство оберегает самобытность дарований, вот почему обращаю внимание еще на одну форму работы библиотек. Речь о литературных объединениях в Нерехте, Буе, Волгореченске, Красном, Мантурове, Нее и в других центрах.

В Волгореченске состоялся кустовой творческий семинар поэтов и прозаиков. Приехали нерехтчане и красноселы. Просторная и теплая библиотека встречала гостей. Заведующая Н.В. Цветкова и все сотрудники библиотеки шесть лет поддерживают работу литературного объединения, они имеют опыт организации творческих встреч, каждый год приглашают писателей и поэтов. В этот раз в семинаре участвовали авторы из трех объединений, для них была подготовлена литературно-музыкальная композиция из произведений волгореченских авторов. Выступления заведующих отделами культуры свидетельствуют о внимании к местным литераторам, музыкантам, художникам. Слушая новых авторов, получивших возможность общаться в библиотеках, замечаю возрастающий уровень литературной работы, у некоторых прошу адреса. Уверен новые встречи получатся обоюдно полезными, работающими на общее культурное пространство. Мы будем вместе преодолевать посеян-

ное средствами информации пассивное потребление псевдокультуры, обережем от этого увлечения детей и возродим в провинции иммунитет против духовной пустоты, расхлябанной подражательности. Усилиями одаренных земляков поможем сохранить свой взгляд, свой голос, чувство меры и красоты.

При встречах с библиотекарями радуюсь: в трудностях не пали духом, не утратили естественность поведения, чувство слова, по-прежнему работают с энтузиазмом и любовью, превращая «книгохранилища» в центры просвещения, творческого содружества талантливых и неравнодушных людей.

«СП»,23 мая 2003 г.

СЛОВО ПАРФЯНИНИ

Отсюда родом Сергей Николаевич Марков, из глухой костромской стороны (12 сентября 1906 г.), где издревле уроженцев Посада Парфентьева называли парфянами. Отец его «межевал земли Северных Увалов, пространства между Унжей и Неей в Кологривском уезде, изучал чертежи старых землевладений, знал удивительные парфентьевские истории»...

На исходе прошлого века читатели и библиотекари редко упоминали земляка, в периодике не появлялись публикации даже к памятным датам. Потому областная писательская организация подготовила специальный выпуск ежемесячника «Литературная Кострома»: стихи, статьи, очерки, воспоминания, страницы рассказов о жизни «под надзором вьюг». Материалы из семейного архива присылала жена писателя Галина Петровна. Просматриваю эти материалы, и слышится голос искателя живой воды: «Всю жизнь я верен звуку «о» — на то и костромич!»...» И говор предков сохранив, я берегу слова: «Посад», «Полома», «Кологрив»...

Истинный поэт, обладающий дарованным свыше метафорическим мышлением, очень долго живет «широкой свободною речью». В одном из самых ранних рассказов С.Н. Марков высказал суждение: «Вероятно, боязнь забыть слово и породила поэзию». Первый его поэтический сборник «Радуга-река» вышел в 1946 году к сорокалетию автора — раньше он не смел объявиться в ряду поэтов или были другие причины? А позднее пошло. Столичные издательства выпустили восемь поэтических книг. Но это малая часть из того, что успел он высказать в прозе, поэзии, науке и вообще для истории русских географических открытий. До сих пор знатоки творчества Сергея Маркова говорят об ощущении недооцененное им сделанного.

Этого нашего земляка называют редкостным, имеющим собственную вселенную. Он с высоким достоинством олицетворял собою одновременно и поэта, и прозаика, и ученого исследователя-географа, путешественника, историка, чей вклад в отечественную культуру объемен и многообразен. Художественная проза органично смыкается с историко-географическими и этнографическими изысканиями.

Он создал исследовательский эпос, наполненный описаниями путешествий, экспедиций, совершенных более чем за тысячу лет. Он и сам сделал немало славных открытий, написал интересные, поучительные книги, роман о русских, обживающих берега Америки.

Среди героев его произведений — Лаврентий Загоскин, Чокан Велиханов, Семен Дежнев, Николай Пржевальский, Миклухо-Маклай, Николай Судзиловский, Василий Мамалыга... Капля по капле всю жизнь собирал Сергей Николаевич фактический материал, дающий нынче возможность по-новому взглянуть на историю географических открытий, на великие подвиги исследователей и путешественников. Еще двадцатилетним журналистом он выступил в «Правде» с проблемным очерком о горнорудных богатствах Средней Азии, который обсуждали в Госплане страны, а вскоре в Кремле обратили внимание на другое исследование по обводнению безлюдных солончаков с помощью подземных рек. Он выступал инициатором восстановления Кутузовской арки в Москве — памятника народному подвигу, предлагал присваивать имена открытым островам, спасал музеи, парки, библиотеки, памятники зодчества, отстаивал доброе имя деятелей культуры и общественной жизни. Его называли и хранителем народной мудрости.

Судьба Сергея Николаевича сложна, многотрудна, иссечена ветрами подозрений, наветами, оговорами. Немало лет находился искатель живой воды «под надзором вьюг». Прислушаемся к его голосу еще раз: «Было два снегопада в бренной жизни моей. / Гнетом стала отрада ослепительных дней. / Не надеясь на кровлю, что меня сохранит, / Сердце к снегу готовлю — облекаю в гранит»... Спецслужбы не оставляли редкостного человека без придирчивого внимания, потому что он обладал голосом правды, способным защищать других. Он состоял в переписке с трудовыми людьми, учеными и художниками, зарубежными историками и географами. Однажды, взятый в заключение, сказал: «Объявляю голодовку до тех пор, пока мне не скажут, где поэт Павел Васильев! И тогда я получу формальный приговор за то, чего я никогда не совершал». На третий день, по его воспоминаниям, когда уже галлюцинировал борщами, бифштексами, приходит начальник тюрьмы и говорит, что по секрету может сообщить: Павел Васильев отпущен распоряжением Коллегии ОГПУ. К исходу дня

Маркова «волокут в Бутырки. А там уже другой мир»... Нынче известна трагическая судьба молодого поэта Павла Васильева. Впрочем, тогда в подозрении находился каждый, имевший личное знакомство или переписку с «буревестником революции»...

Еще в Сорренто Горький прочитал рассказ Маркова «Голубая ящерица», опубликованный журналом «Сибирские огни» в 1928 году, и сразу же определил, что выходец из Парфентьева Посада — прирожденный рассказчик. Через год была издана первая книга прозы, о ней специалисты литературы и читатели говорили похвально. Молодой писатель был заинтересован сотрудничеством с журналом «Наши достижения». Ответственный секретарь издания С.Б. Урицкий писал Алексею Максимовичу: «Мы также заказали писателю С. Маркову статью об обновлении племен, о культуре и быте нацменьшинств. Думаем, что он напишет хорошо и что эта статья могла бы пригодиться для первого же номера».

При первой встрече Горький шутливо и ласково спросил:

— Откуда происходить изволите?

И сердце Маркова, какой сам писал, дрогнуло: больно уж хорошо получалось в речи нижегородца исконное парфянское «о». Услышав ответ, Горький тут же вспомнил о другом парфянине — писателе С.В. Максимове. И, расспрашивая о детстве, юности самого Маркова, несколько раз цитировал описания обычаев нашего края. Заинтересовал, конечно, расположил к беседе. Пришлось пуститься в подробности о своей родине и о том, почему и как попал отсюда в Акмолинск, начал работать с четырнадцати лет в различных учреждениях, затем — в газете.

Теперь известны факты, осложнявшие судьбу писателя, ученого и поэта, путешественника и романтика, подробности литературных и политических баталий в Новосибирске, где некоторое время жил и работал Сергей Николаевич. Здесь творческие силы к началу тридцатых годов оказались тоже под особым контролем. Отрицатели художественной литературы из лефовской группы «Настоящее» вносили подозрительный политический оттенок в полемику. Появилась статья «Почему Шолохов понравился белогвардейцам» и другие доносительские материалы. Горький, защитивший молодых писателей Васильева, Мартынова, Маркова, других поэтов, тоже попал под хулиганские наскоки. Так начались «снегопады» и в судьбе нашего земляка. Нынешние биографы Сергея Маркова сочувствуют ему, в частности Ст. Золотцев, с удивлением вглядываясь в «крутые и опасные повороты», признает: «Начинающий писатель тогда в буквальном смысле еле спасся от физической расправы над ним, готовившейся троцкистами и лефовцами, засевшими в сибирской верхушке РАППа».

Уже в двадцатых годах поэзия Маркова была широко известна в Сибири, но в центре России она замалчивалась. Позднее и проза — тоже. Теперь книги о путешественниках и первопроходцах известны всему миру, точнее сказать, пользуются спросом заинтересованных читателей многих стран.

А поэтическое наследие еще не издано в полном объеме, не проанализировано с достаточной последовательностью и глубиной. Есть у него программное стихотворение «Современник», завершенное такой строфой: «Сочти сейчас мои скитанья, / Мои заботы и труды / И награди высоким званьем / Искателя живой воды!»

Романтик, подвижник и заступник за все справедливое обрел этот единственный желанный титул. Поэт, художник слова, не искал иных наград, иных званий. С детства в его сознании было ключевым слово «землеустроение». Обустройство родной земли, Отечества своего. Культура — возделывание. Писатель родился в семье землемера, землеустроителя, занятого межеванием земли Северных увалов. Детство прошло в провинциально-дворянском культурном доме под крылом любящих родителей. Огромная домашняя библиотека, заповедный лесной край с корабельными соснами поблизости, деревянная архитектура в селах неподалеку от реки да земледельческая по сути и торговая Русь вокруг — факторы, формирующие сознание, душу и образ мысли. Потом были Вологда, Грязовец (в стихах Сергей называл его Снеговец), подарившие расширенное восприятие северной красоты, стилизованной в кружево плетеное, резное, тканое.

Начались необходимые долгие странствия и подневольные скитания. Восток, Урал, Средняя Азия, Сибирь, Поволжье. Открытия, творческие удачи. И вдруг — наветы, арест, Лубянка, допросы, высылка на Север, в Мезень. «Ссыльный поселенец», условное затворничество. Активная работа. И вот выпала доля путешествий ледяными побережьями. Было освобождение, но после смерти Горького — снова арест. Однако в особых условиях появляются у него лирические и гражданственные баллады, поэмы, стихи — не только для тех будущих восьми сборников.

Странное и необъяснимое было многолетнее замалчивание многоплановой работы редкостного человека. Удивляет идеологическая придирчивость к истинному патриоту, зафиксированная, к примеру, в «Сибирской советской энциклопедии». Она сообщала любознательным читателям устоявшуюся точку зрения на известного молодого писателя: «В рассказах и стихах Маркова, написанных иногда со значительным мастерством, но идеологически неустойчивых и подчас вредных, рисуется Сибирь, главным образом Казахстанская степь, в период гражданской войны и колчаковщины». В чем проявлялась эта «идеологическая неустойчивость»

писателя, причисленного к «правым попутчикам», не сказано.

Возрастание интереса к подлинной российской истории, к правде народной жизни, к подвигам первопроходцев и романтиков, расширяющих не только географическое понятие России, видимо, призовет новых читателей к творчеству С.Н. Маркова. Полезно раскрепощенным взглядом перечитать его книги: «Летопись Аляски», «Юконский ворон», «Повесть о Великом охотнике», «Подвиг Семена Дежнева» и другие произведения. Свежо будут восприняты и поэтические откровения «голоса в серебряном просторе».

Главным содержанием и смыслом жизни творческого подвижника всегда были почтение к предшественникам, поэзия и романтическая проза бытия. Рукописи его терялись, горели. Картотеки попадали под бомбежку, в том числе и «Тихоокеанская картотека», созданию которой посвящены многие годы. Эшелон, в котором ехала семья Марковых, дважды бомбили. Галине Петровне чудом удалось найти среди руин драгоценный ящик с архивом. Марков был солдатом. В 1943 году его демобилизовали по причине крайнего истощения. После окопов попал в госпиталь на «подкрепление» — бывали и такие «счастливые случайности». Затем многие годы с архивными хлопотами бедовал без своего угла.

Лишь за два года до смерти Сергей Николаевич смог разместить свою гигантскую картотеку, ценнейший архив и редкостные издания в новой квартире. Тогда он мог хвастливо приглашать друзей. Приезжали и незнакомые люди повидать одного из основоположников русской советской литературы о Востоке создателя научных биографий и поэтических откровений о том, что другим людям увидеть не удалось.

Сергей Николаевич завершил свой скитальческий земной путь в 1979 году, не дожив нескольких месяцев до выхода двухтомника избранных произведений. Предисловием к одному из поэтических сборников поставлено его поклонной «Слово парфянина». Автору сладостно вспоминалось детство. «Тихий Парфентьев в базарные дни шумел и пел». Велика была радость мальчика, когда бабушка покупала ему игрушки, лакомства и вместе с ними — книжки в издании Сытина, Ступина, Саблина. Особенно нравился сытинский календарь «в пурпурно-золотой, как жар-птица, обложке! В нем — рассказы о героях Русской земли и стихи, стихи!». От этих истоков полезно пройти еще раз по его судьбе.

Сочтем скитания искателя живой воды, научим потомков с гордостью понимать его заботы и труды, возвращаться для понимания к романам и книгам-путешествиям, прочитывать прозу и поэзию прошлого века. Другие общественные ориентиры, свободное восприятие гражданских потрясений востребовали проникновенное

прочтение «забытых» стихов, поэм, рассказов и романов. Оказываются востребованными в библиотеках не только произведения, вошедшие в двухтомник избранного. Запрошены для непредвзятого чтения из конца 20-х годов: «Кропоткин в Дмитрове. 1919 год», роман «Рыжий Будда», рассказ «Степные конокрады», поэма «Полярный адмирал Колчак», начатая в 1928 году и завершенная почти через сорок лет баллада «Шемаханская царица».

Возвращаются к слову парфянина биографы, критики и литературоведы. Слышат его голос не только в Парфентьеве, а на встречах с писателями и творческих вечерах в районах области. Теперь и литературное краеведение в школах взращивает, укрепляет познавательный интерес к знаменитому исследователю, путешественнику, прозаику и поэту, чей неистребимый голос слышится на ветру мировых просторов. В это верил Сергей Николаевич еще в 1940 году и сказал в стихотворении, посвященном жене Галине Петровне: «Все равно услышишь на ветру / Голос мой в серебряном просторе».

М. Б.«Литературная Россия», №31-32(2267-2268), 4 августа 2006г.

ИЗ РЕЦЕНЗИИ

Роман «Вольному воля» и книга повестей «Самое дорогое»

Только в конце минувшего года писатели России, благодаря собравшему нас X съезду, получили более полное представление, какие книги нынче пишутся и издаются нашими товарищами. Оказывается, устояли книжные издательства в наших старинных культурных центрах от Смоленска до Владивостока. Да, невелики тиражи (а в Москве что? Больше?). Да, книги расходятся там же на месте, а не по всей стране, как было всегда. Но если написано и напечатано, то, значит, обрело жизнь, свою судьбу, будет издаваться и переиздаваться.

Много сейчас выходит книг по истории. И краеведческая литература, и исторические романы. Но есть в этом ряду книг о былом явление удивительное. Это явление — крестьянские хроники XX века, написанные детьми и внуками — теми кому на самом деле досталось куда больше увидеть, услышать, пережить, понять, запомнить. Вот где бесценный материал для историков — чистая правда народной жизни XX века, когда все исторические катаклизмы, переломы и повороты никого не обошли, вторгались в каж-

дый дом, в каждую семью… Деревенская проза второй половины XX века и создаваемые сейчас крестьянские хроники — явления разного порядка, отличаются друг от друга так же, как памятные :60-е и 70-е, когда Россия успешно перерабатывала чужую коммунистическую идею на свой лад, и нынешний день, когда все рушится опять, сызнова.

Добросовестность и дотошность летописца — общая черта всех появившихся за последние годы крестьянских хроник XX века. Пишут ли о днях сегодняшних, или об увиденном в детстве, или о том, что вспоминают старые люди. Дорога каждая подробность — как работали, какая еда была на столе и почему…белым днем трое стариков отправляются в лес и приносят на плечах бревно, никого не боясь — святое дело поправить обвалившийся от ветхости дом соседа. А потом и помирать можно…

Как люди выжили? Как вообще можно было выжить в невыносимой жизни? Свой ответ на этот вопрос находит Василий Иванов, сын Тимофея и Дуняши Ивановых. Находит в лагере, в который попал после войны: «Ты способен думать о других — значит еще есть на этом свете, еще жив, не уничтожен, не растоптан».

У Михаила Базанкова к первой главе этой книги дан эпиграф: «Допамятуй до сроку, да напамятуй мне». Мучительный путь человека мимо четырех нежилых деревень, растерзанных отчуждением и беспамятством. Мучительные мысли о старшем брате, погибшем на войне: мало писем, не сыщешь документов в военкомате, одна только сохранилась фотография. А дальше что? «Вот не станет меня — и не будет уже моей памяти, все невысказанное исчезнет, словно ничего и не было...» Неприкаянность как итог XX века. На своем родном пепелище русский человек даже не иностранец, как в известном стихотворении Есенина, а беженец. Надо вернуть неприкаянному память, вернуть опыт прежних поколений, он горек и целебен. «Разве в правде нашей и печали нашей нет положительного? — пишет Михаил Базанков обращаясь к своему герою хроники Василию Иванову. — Разве терпение твое, Василий, страстное желание справедливости — не есть положительное?». И дальше он напоминает сегодняшнему, завтрашнему читателю: «Ничто не происходит только сегодня в наших судьбах, все начиналось когда-то раньше».

Вернуть человеку память — значит вернуть ему жизнь. В этом история отца Василия Иванова — Тимофея, контуженного в бою, ставшего беспамятным и безымянным. В госпитале установят его имя, найдут, откуда призывался. Но вылечит, вернет свое прожитое только возвращение в родную деревню. И самые яркие страницы у Михаила Базанкова те, где все сущее освещено радостью узнавания.

А рассказанные в книге женские судьбы еще раз подтверждают известные слова Федора Абрамова, что войну выиграла русская баба. «На работе искала она облегчения, а на работе и надорвалась», — говорят о жене Тимофея Дуняше деревенские женщины, жалея ее и понимая, потому что каждая из них брала на себя сколько могла: чем сильнее тянет, тем больше надеются на нее...

И есть в хронике Михаила Базанкова примечательный человек, не из местных, на лесопункте мастер участка Виктор Васильевич Валков. Потом он исчезнет бесследно, но останутся отданные им на хранение Левоновне дневники и копии писем, которые писал Валков в разные высокие инстанции по просьбам местных жителей. Отдал на хранение — значит, знал ценность своего архива. Вот где материал для историков. И наверняка на Руси еще лежат невостребованными такие неправительственные, народные собрания ценнейших документов...

Какие силы были заложены в русском крестьянстве начала XX века; какие возможности открывались, как много уже было сделано тогда!… Но началась война, позабирали из деревень мужиков... Опять потребовалось терпение святых мучеников — мужество и стойкость. Советские официальные герои и пасынки нашего безжалостного века сделаны из одного материала. Это зримо себе представляешь, читая такие хроники. И маршал Василевский был сыном полка, и Рокоссовский сидел по 58-й... Вершок всего в сторону — и другая судьба. Отсюда и присутствие в жизни высоких надежд — чего в обществе благополучном не бывает, да оно и ни к чему при благополучии.

В повести Михаила Базанкова о наших днях, вошедшей в одноименный сборник «Самое дорогое (Книга для родителей, учителей и старшеклассников)», есть эпизод киносъемок на вокзале. Съемка как съемка, с вопросами из толпы, будут ли платить за массовку. Работают местные кинолюбители, но уже в чем-то поднаторевшие, опьяненные возможностью сотворить какую хотят картинку: «Рассказывай, тетка, свои бывальщины... Давай, пока время не вышло. Запишут на вечную память».

От минувшего времени потомкам останется тьма фальсификаций, выполненных с помощью наисовременнейших технологий. Но противовес этому существует и существовал всегда, при любом тотальном агитпропе правящей власти, тому примером и такие хроники XX века, в них тоже проявилась наша национальная самовыговариемость, о которой говорил на писательском съезде Валентин Распутин как о коренной сущности русского языка русской духовности.

Ирина Стрелкова, «НС», №3, 2000 г.

«КТО-ТО ДОЛЖЕН КУРЛЫКАТЬ В ГЛУШИ...»

Однажды подросток мечтательно пошел в леса, долго блуждал без тропинок и не боялся, самостоятельно пробираясь берегом старицы, вырулил к обочине ржаного поля, за ним на взгорье увидел знакомые крыши. Даже цветочки во ржи радовались, что заблудший нашелся, а люди издалека ласково звали его домой. Осенью на уроке впервые слышал учительские повторы своего откровения: «Вырос в поле глупенький василек голубенький... Не понять ему никак, почему же он сорняк».

Сергей учился в педагогическом училище, познавал доступное и сравнивал домашнее житье с общественным. Летом работал в колхозе, развлекал деревенских экспромтами. Когда остался без матери, одолевала печаль одиночества. «Любить меня? Кому охота?/ Как не крути — невзрачен вид./ Я — человек! И это что-то/ Кому-нибудь да говорит». Понимал, грустно получается, но не думал, что в искусстве поэзии много условного: ритмика, обороты с метафорическим содержанием, символы, знаки, аллегории. Просто пел, когда поется.

За ним «гонялось» Центральное телевидение, редакции просили рукописи. А он испугался трескотни, освещения. Затаился в «глуши забытого селенья». При содействии милиции не удавалось его найти. Однако стихи появлялись, будто бы принесенные ветром на оберточных обрывках, амбарных листках. Кто-то неравнодушный записывал, давал на радио, в районную газету. Литераторы заметили — вытащили Сергея в Кострому на семинар. Приехал с чемоданом (нет, не рукописей) глиняных поделок — раздаривал. После шума по поводу нового «голоса» появилась кассетная книжка «Околица».

Складывалось особое отношение к «аборигену» из деревни Костома: не притязателен, но не прост, завидная непринужденность, душа нараспашку и наивная уверенность. Появились в журнале «Юность» первые стихи, обласкал его вниманием Виктор Боков. Однажды Сергей написал про это знакомство: «Вы ласкали когда-то цыпленка,/ Излучая божественный свет./ Кадры эти хранит фотопленка.../ Только счастья и радости нет».

Во втором сборнике «Людские обычаи» прорезались другие переживания. «Ты не радость моя, а совесть,/ Я не счастье твое, а страх». «Но я не винтик и не гвоздь, /Пусть выгляжу комически./ Я — на земле нежданный гость./ Я — диверсант космический». Услышали его, приняли в Союз писателей. Но время благополучия кон-

чилось: издатели замолчали, деревенское производство заглохло, растащено — живи, товарищ, как знаешь. По всей округе на любую вакансию конкурсы пострашнее, чем в театральный институт. Ни зарплаты, ни трудового стажа, ни пособия по безработице, ни пенсионных накоплений, ни льгот, ни статуса творческого работника. Растерянно замолчали не только поэты местного значенья. Сергей окликал окрестности: «Близится ночь, и на мир опрокинутый/ Падает черная, злая звезда». В любовную лирику пришла особая философия, недоступная для ориентированных на другие ценности. «Все спокойно, но в этом покое,/ Даже в гуще беспечных берез,/ Скоро может случиться такое,/ Отчего затоскуешь всерьез».

Способные разнообразно воспринимать природу и человека увидели совпадение этой судьбы с житием известного сказочника и живописца Ефима Честнякова. Да и скульптурный глиняный «театр» Потехина выдавал его собственную мечту о «Городе всеобщего благоденствия», «Чудесном яблоке», которым можно всех накормить. Он, природы славное дитя, признавался: «Мне хорошо в моей глуши,/ Далек исход ее плачевный,/ Для очищения души/ Вхожу я в лес,/ как в храм священный». Его поэтический дневник складывали местные газетчики, сборники составлял прозаик Олег Каликин. А сочинитель не особенно радовался появлению малотиражных книжиц: «Путеводная звезда», «Слеза на песке», «Снежная баба». Местные издания привлекали ходоков на родину чудака, украшающего мир. Навещали его «радетели» от Сибири, Прибалтики, Алтая, гостили, пользовались доверчивостью, увозили рукописи для безответных интересов...

В трудные минуты он определялся по Марку Аврелию: если не можешь изменить обстоятельства, измени свое отношение к ним. Уверенно знал, что делать: «Покуда нету вдохновенья — паси гусей, коли дрова». Крестьянский быт приучил с детства к добыванию прожиточного минимума, отметал неразумное, лишнее, «зряшное». .

Нашелся для него самый надежный приют дум и мечтаний. Летом поставил в перелеске надежный шалаш, осенью перешел на хутор. За лесными гривами бушевал другой мир. Горланили митинги, кипятилась публицистика, хлынула коммерческой лавиной «чернуха». Красота стала гонимой, искренность подозреваема. «Не чувствуя подвоха, скольжу спиной вперед./ Какая там эпоха за поворотом ждет?». На домашний огонек и душевное тепло пробирались к нему изгои. Сергей обогревал. «Очумелого пьянчугу волоку в свою лачугу». Кантует, катит, по загривку колотит. А у этого пьянчуги нет шелома, нет кольчуги, нет секиры, нет щита — рвань, щетина, нищета.

Из натуралистических сцен вырастает космизм бытовой конкретности, появляется смысловая нагрузка «затертых» слов и понятий,

прорывается дар волшебной простоты. Камень и снег, пень и солома, топор и лопата, крапива и топинамбур, гриб и цветок -житейски необходимы, но превращаются в кристаллы чувств, мыслей, откровений. Наивность полевого цветка и надежность мудрого дуба оказываются соединенными. Мощное дерево из поэтической сказки «Дубовые грезы» становится великаном: «Корни мои в навозе, крона моя в грозе». Этому великану праведный путь знаком, если даже и рухнет он, то станет новым материком. А сам поэт пребывает в кротости: лишь для карнавала по-волчьи нарядился. На всякий случай лукаво сообщает: «Все меняется в этом мире./ Не меняюсь лишь я ничуть». Однако превращения «василька» в лесовика, ежика, синего зайца, в соловья, поющего хрипло, в зяблика нельзя не заметить.

Может впервые подумалось мне:
«Время свой бег не замедлит.
Мир без меня обойдется вполне.
Мне-то его кто заменит?»

Заботливые «идеалисты» устно и письменно советуют дать другое настроение лирическому герою, любить себя без самобичевания и «меняться», чтобы появилась рядом другая добрая душа: тогда и стихи пойдут светлее, совершенней, на уровне лучших о природе. «Да полно тебе, Сергей, комплексовать! — Поучает бывший земляк. — Не лучше ли вырваться из такой глуши, уехать. Довольно умиляться уединеньем». Служащий ивановской городской думы в газетной публикации призывал: проявит евнимание, добрые люди! Знайте, живет в деревне Костоме работящий мужик, почти непьющий, еще не старый, талантливый поэт, мастер глиняных изделий, душевный и добродетельный. Конечно, адресок подметили. Вновь находились «сердобольные», приезжали с надеждой устроить свою жизнь. Голубились — он тихую надежду имел. «Чтоб взошли золотистые зернышки, / Сколько ласки придется вложить! / Все прекрасно при утреннем солнышке, / А до вечера надо дожить».

— Хороший ты, Сережа, — говорила милая, нежная. — Только телевизора у тебя нет. Уеду зимой, насмотрюсь и опять к тебе вернусь.

И опять привыкал к одиночеству. «Обманусь, мол, прошло увлеченье,/ Над самим же собой посмеюсь». Смеялся, конечно, саркастическими частушками палил.

Под давлением общественных завихрений, обстоятельств не только материального свойства меняется бытование и образ мысли. «У коняги шея в мыле, ноги в ссадинах от пут... чтоб услышать голос вещий, люди лезут на вулкан», а шакалы да волки отлавливают ока-

завшихся в покорности овечьей. Тут же про себя сказал: «послушным стал малышом, и воздуха негде хлебнуть...». Пришла пора уединяться для новых. Откровений, после юношеского смятения, застенчивой влюбленности— к решительной житейской простоте, к самостоятельному проживанию:

Зачерпну из бадейки воды,
Тупоносые сброшу ботинки.
От окошка до ближней звезды
По хрустальной скользну паутинке.
Положу тишину на зубок,
Оторву лепесток у потемок.
Нераспутанных мыслей клубок
До утра прокатает котенок.

Иронизируя над философствующими умниками, начал выстраивать «новый быт», улыбчиво познавал свои житейские способности: «До самых окон высится сумет, / Трясет хибару тяжкая простуда. / Любой прохожий сразу же поймет, что в ней живет гороховое чудо». Котенок все-таки распутывал клубок, указывал возможные адреса. «Перепутав, где право, где лево./ Чуя жар неуемный в крови, /Я опять преклоняю колени / Перед таинством гордой любви». Бывали новые рассуждения: мужику не полагается жить без бабы да в лесу; дескать, что тебе приспичило в буреломе строить скит?

Мечтательно проглядывал возможный вариант: «Пироги умеем хряпать,/ Надо в срок детей настряпать,/ Чтоб когда не станет сил,/ Кто-то воду подносил». И все же на всякий случай признавался: «Лживым словом не мани, / Будь оно свежо и ало./ Мне фантазии мои / Только сердце нашептало». Музыка была уместна, но оборвана струна...

На мои письма-приглашения Сергей отвечал, что стал «на данный момент не выездной», оказался аборигеном, проживает бобылем, весной перешел на подножный корм: прошлогодняя брусника да клюква из-под снега, щавель, сморчки, рыбешка. Отсюда и появилось название нового сборника «Молодой бобыль» — приложением к ежемесячнику «Литературная Кострома» мы его напечатали. Выслали автору небольшую «помощь» — откликнулся стихами. «Отскребли на сердце кошки,/ Не успел я духом пасть./ Разноцветные сапожки/ На одну сменяю масть./ Навострил Пегас подковы, / Бьет копытом: и-го-го!/ Ой, спасибо Базанкову/ И компании его». Тут же улыбнулся в нашу сторону, насочинял частушек. Среди шуток, иронии, сарказма, удачных и несуразных частушек, отчаянных вскриков и неразборчивого бормотанья прорывался и звенел чистый поэтический родник. За чудаковатой простотой слышались добрые песни, зовущие людей на новые тропинки.

Добирались до него и письма-упреки. «Случайно услышала ваши стихи в передаче «От всего сердца» и возмутилась. Поймите же, признаки творческой личности — врожденный вкус и врожденная культура. — В модную линию клонила «звезда». — Откуда они могут взяться в вашей деревне? Для чего вам все это?» И горделивая подпись: «Эстрадная певица». А бойкая журналистка, при лукавом интересе проведав «смешного соловья», прямо спросила: «Зачем вы пишете стихи?» Он простенько ответил: «Люди просят...»

Отзываясь на просьбы Сергей Потехин, бредущий без дорог, еще не раз напомнит о привлекательности полевого цветка и надежности «незамеченного» дуба, протестующим образом жизни естественно явит миру добродетельную «диверсионную» способность остепенить и образумить лезущих на вулкан к последнему извержению. В своем захолустье он имеет тревогу глобального свойства: люди перестают видеть и понимать друг друга, многим из них праведный путь уже не кажется знакомым и спасительным, они сворачивают на кривые дорожки, указанные коварными проповедниками. От своей «кочки», иронизируя над рецептами «умников», наивно зовет себя и других в природную дорогу к согласию, оберегает право каждого довольствоваться малым и не потворствовать алчно диктующим унизительную жизнь для большинства.

С годами стал общительнее, пишет редкие письма, рассказывает о своих житейских радостях и печалях. Вот получил мизерный гонорар. Накупил продуктов. Купил и бутылку — «не пойдешь Новый год встречать с пустыми руками», а на конверты не осталось, потому долго не отвечал. Сообщает, что привык надеяться только на себя. «Голова и руки пока целы. В снегу барахтаюсь, дрова пилю, из полыньи могу рыбку достать. Метельные условия для стихов не шибко подходящие, но зима, считай, сломана, солнышко пригревает уже. Правда, в холодах одичал... Видеть вас, встретиться было бы неплохо для оттаиванья души, но добраться до моей лачуги сейчас не так-то просто. По тропинке, словно по жердине, придется топать. Лучше летом приезжайте, когда у меня рай земной».

В другом письме оценил полученный альманах «Кострома»: «На высоком уровне получилось издание, прочитал с превеликим удовольствием, теперь сия книжка по деревне путешествует из рук в руки. Есть для меня радость... О своих каких-либо перспективах наивно мечтать. На прозу все-таки не перешел, это на меня навалилась она, как и на многих других граждан российских. Насчет новой книжки не знаю, что и сказать. Конечно, любому автору хочется увидеть себя опубликованным. Стоят ли мои сочинительства того? Я и так живу помаленьку. К лету стремлюсь, огород надо посадить. Тогда

оживу — не для благих дел, так для более достойного существования. Стишков горсточку все же посылаю, чтобы убедились: нечем особо хвалиться. Прочтете и в корзину бросьте. Может быть, летом веселее споется...».

Бывать у него приходилось зимой, летом и по осени. Один приезжал и районное начальство под разными предлогами удавалось зазвать (проводим, к примеру, дни литературы в районе, в школах выступаем — грех Костому не навестить). Засылали писательские «десанты» в страну Сергея Потехина, на его день рождения поехала делегация, телефильм надумали снимать — повод найти можно, вот и спохватятся чиновники: как там бедолага? Напоминаю: пора новую книгу издать? Не сразу, но надо подумать — отвечают. Районные работники культуры еще одно предложение восприняли: в областной Дом народного творчества привезли скульптора с чемоданом «игрушек» — пусть горожане глазеют, может, купят чего. А он возразил: только не на продажу. Привел я на эту выставку гостей американских: ахают, вопросами автора смущают, про бизнес начали толковать. «Нет, не бизнес, — говорит Сергей Александрович. — Только подарки детям, иногда -для гостей сувенир». Джон — свое: хороший бизнес лучше, подарки — нельзя, много подарков — декларация, большой налог. Не складывался разговор, но строки пригодились: «Положась на волю Божью,/ Я бреду по бездорожью — /С тех, кто ходит без дорог, / Бог не требует налог». Переводчик вряд ли смог объяснить, что хотел сказать этот, по мнению гостей, неформальный «артист».

Прилипший к разговору костромской веселый собеседник напомнил:

— Не отвертишься, Сергей. Скоро будешь платить налог на имущество, строенья, земельный и за аренду леса, реки с тебя возьмут по новым законам.

— Не я один тропинкой узкой ушел от смуты, суеты, — будто бы только для себя самого сказал «обвиняемый».

А позднее оказалось, что этот его ответ стал началом стиха, завершенного строфой: «Но сам Господь слезу уронит,/ Прощая всех, кто глух и слеп,/ Когда медведь возьмет с ладони / Тобою выстраданный хлеб»...

Верно, не сразу — в течение трех лет в ожидании обещанного готовилась новая книга. Сергей терпеливо жил на хуторе, без замков, без электричества. Есть печь, лампадка, лучина. «Бояться некого, не трогают, разве рыбку из снастей вытрясут — раньше меня иждивенцы на реку ходят. Для понимания смысла жизни, чувства свободы необходимо уединение. Живи, радуйся. В этом плане я

счастлив». К земному плодородию у него интерес — считает спасительным труд на земле, она легкая здесь, отзывчивая. В хороший год вырастил тыкву, больше двух тонн отправил. Орешник порадовал, свекла, морковь, капуста. Летом был сладкий сезон: клубника хорошо набиралась. Селяне бидончиками и ведрами носили ягоды от него, дети лакомились — часто навещали.

Осенью по согласию еду к нему, чтобы вжиться в пространство и определить графический стиль для сборника «А музыка народная...», композиционно выстроенного уже. С огородных грядок все прибрано, а стебли топинамбура топорщатся, желтыми цветами разгоняют низкие облака. Под сосенками грибы поздние прогляну-ли, в мягкой отаве два зайчонка таились. Белка фыркала и бросала сверху сухие хвоинки. Сергей показывал овощи в землянке с буржуйкой из бочки — тут зимовал сам в прошлом году и сохранял запасы, под Новый год о пальмах под низким потолком мечталось: «Придет весна — посею пальмы/ И буду финики срывать». Не знал, что лето будет дождливое…

В разговоре между делом (он лопатой компост окучивал) вспомнил телефильм, ему посвященный, — весь район судачил по этому поводу: «Наконец-то заметили. Теперь -знаменитостью стал, живи не тужи!» Последние кадры зимой были сняты. Уходил Сергей под гору на свой хутор. Заснеженное поле белизной слепило глаза.

Читаю письмо — слышу тот же его голос: «Удалось посмотреть снятые в наших краях кадры. Красива природа... Сделано то, что надо. Простительны некоторые проколы... Для понимания главное показано — нелегкая участь сочинителей в наше время. Буду здравствовать, пока поется».

Но бывает страх потерять песню. «В куче неубранных яблок,/ Скрытых опавшей листвой, / Ищет взъерошенный зяблик/ Голос потерянный свой». А выйдет хуторянин в луга — дергачом себя чувствует или молодым петушком: летать не умеет, «зато кукарекает знатно». И являются стихи без названий то на вдохе, то на выдохе, складываются в историю души. Конечно, тяжело в минуты отчаянья и тоски. Затихает округа, зарастают поля. «За себя не так уж больно, — хрипло скажется на взгорье. — За других — больнее мне». Пока нет гениальных поэтов, а у простых застужены голоса...

От осени до весны он живет ожиданием. Тоскует без гостей. Не трудно догадаться, «о чем вздыхает клоун рыжий». Скоро опять будет сообщать друзьям: уже разлив речной широк. И новыми словами скажет о том, что понимающим известно: «О, сколько же за мной грехов! / Лицо зато свое, не в гриме». Мы знаем: не гонялся за синею птицей, прилетела сама на крыльцо. Ложатся строки судьбы, словно камешки в мозаику Сергея Потехина: Ясно, звездно, мороз-

но, / Ветерок, тишина. / Домик маленький в соснах / — Два горящих окна./ Паутинка-тропинка/ Меж сугробов крутых...

По особым картинкам вспоминаю других периферийных поэтов. «Кто-то должен курлыкать в глуши, чтобы мир устоял под грозою», — голосил в самом дальнем районе теперь безвременно ушедший Леонид Попов. Ему было дано спеть свое об этом мире свободно, с предельной полнотой бытия. «Ах, как сладко я нынче живу — целый вторник уже, целый вторник». Друзья пишут выстраданные признания и говорят о том, что каждому нужны такие дивные строки, такие вторники самоценной, неповторимой жизни...

Опубликовано с незначительными сокращениями в «Литературной Газете» (№4, 2005 г)

Печальное примечание.

«Подземное» зимование ослабило восприятие Белого света. После операции в глазном отделении областной больницы особого улучшения не получилось — Сергей Александрович Потехин стал инвалидом по зрению…

«НЕ ВСЕ, ЧТО ЗДЕСЬ ЦВЕЛО, УВЯНЕТ...»

Иногда получаем заманчивые приглашения из новых столичных издательств, лукаво демонстрирующих заботу о неизвестных авторах. Некоторые нави писатели наивно думают, что в издательском коммерческом раю спохватились и вспомнили: есть российская периферия, где и создается подлинная литература. Зазывательные письма официально признают: утрата с массовой литературой некогда присущих ей высоких нравственных позиций вызвана не переменами писательских взглядов, не переменами в духовной, материальной и социальной жизни общества, а поведением азартных рыночников, навязывающих растлительное чтиво. Сначала не где-нибудь, а в столичных структурах был сформирован информационный вакуум вокруг отечественной литературы, создаваемой на периферии. Много было накручено хитросплетений в угоду коммерческой чужестранщине. Теперь наши просветители напоминают: социально значимая правдивая книга передает долговременные ценности, восстанавливающие у читателя человеческое достоинство, чувство семьи и родины. Достигается эта жизнеустроительная цель показом преемственности нравственного и культурного сознания. Не трудно заметить, что от таких ориентиров мы не убежали к ры-

ночному преуспеванию, но не изданы именно такие книги и вряд ли кто-либо возьмется сейчас же издавать и переиздавать. Писатели из провинции не получат социальных заказов, готовые рукописи сквозь конкурсные сито не пройдут, книги малых тиражей, предлагаемые к переизданию, отвергнут не читая — по критерию: не наш автор! Лишь много позднее окажется: не оценили.

На прошедшей не очень давно конференции отмечалось, что кризис русской литературы в начале девяностых годов низвел ее до уровня тяжело больного, исчезли с книжных прилавков новинки русской словесности, когда рухнули под тяжестью рыночного давления крупнейшие издательства. Если книги не издаются, откуда знать, в каком состоянии литература, чем она дышит сегодня? Чем заняты неизвестные писатели, конечно, не упоминаемые в привычных «обоймах», участвуют ли они в формировании духовного и культурного микроклимата хотя бы по месту жительства? Могут ли провинциальные силы противостоять псевдокультуре потребительства, расхлябанной стадности. Еще недавно верилось: провинция хранит нравственные истоки высокой культуры и потому имеет иммунитет против духовной пустоты, против бацилл массовости. И не впадает в болезненную зависть к обласканнным множеством премий, сохраняет свой взгляд, чувство меры и красоты. Но печальны будни затянувшегося ожидания перемен, будни выживания.

В дневниковых заметках известных писателей всего мира встречаются совпадающие мысли: провинция может оказаться для таланта долговременной угарной баней, в которой угорают до смерти и не замечают того, если поддаются местнической суете. Но и самые скромные издания наших авторов позволяют думать, что подлинный талант нередко рождается в провинции, мужает и укрепляется «дома», умудряясь уцелеть без угара, наращивает творческую состоятельность. Для этого пользуется нравственным фундаментом от происхождения, высокими ориентирами классической литературы и сохраняет достоинство, не желая кротко улыбаться на каждое оскорбление.

Чем жили мы, чем спасались под «суховеями» в атмосфере двойного предательства, если не тройного? Верой в литературу, хотя она сама оказалась невостребованной в главных своих качествах по традициям классики — литературой добра, сострадания, красоты, духовной опоры. Так русская литература, которая всегда была одновременно философией, историей и проповедником нравственности, морали. Но чтобы она была, сохранилась, ее надо культивировать и оберегать в нелегкой борьбе и повседневной работе. Какие на то есть возможности? Насколько сильно наше писательское братство, какими издательскими возможностями оно располагает?

Более десяти лет в самостоятельном плавании областные писательские организации успевали, отбиваясь от бюрократических и перерегистрационных обстоятельств в ранге общественных объединений, без издательств выпускать книги прозы и поэзии, нередко усилиями только самого руководителя, выступающего издателем, редактором, художником и толкателем.

Вспоминаются кривые ухмылки заматеревших на прежних хлебах коллег по поводу тоненьких книжиц, издаваемых приложением к ежемесячнику «Литературная Кострома». Эта поэтическая серия и сам ежемесячник в начале девяностых были спасительным окном. А книги поэтической серии я называл по бразильскому опыту литературой» на веревочке» — конечно, с местным двойным смыслом, не только потому, что в заокеанской стране для обозрения вывешивали такие маленькие книжки на веревке или на проволоке. В нашей области и такие издание придерживались хитрой экономической веревочкой. И не только поэтические. По известным причинам тиражи этих изданий упали от пяти тысяч до пятисот. Ни дотаций на издание, ни авторского гонорара. В поисках отдушины для молодых литераторов издавали их произведения разрешенными «Книгами в газете» в районных типографиях. Обозначали талантливых людей во времени, ежемесячник и альманах «Кострома», книги прозы и поэзии преодолевали бюрократические барьеры, заглушали придирчивые голоса: зачем издавать, если не читают, если книги убыточны?! Вопреки «корытной» философии все-таки за трагические годы удалось осуществить 85 изданий. Много или мало? В спасительном смысле кое-что есть.

И что же имеем от своих стараний? Упреки, синяки и шишки. Наскоки завистников и доброжелателей, хлопочущих об «урезании» последних возможностей? Достоинства творческого жертвенного труда нельзя определять по рентабельности, исходя из заботы о прибыли, не увидишь роль этого труда по альтернативной тусовочной шумихе, по организованному в далеких от литературы целях «общественному мнению». Убедился на горьком опыте (историческом и собственном) сколь трудно оставаться самим собой, какая жертвенность необходима, какую душевную цену надо платить за верность бескорыстно избранному возвышенному делу. Несешь на себе и часть горестного дара — притягивать, выявлять вокруг себя ненависть завистников, жаждущих затоптать ростки доброго делания. Не о том сегодня речь, о самой литературе надо бы говорить. Она делается чистосердечно без коммерческой суеты уединенными усилиями, для которых однако нужны условия, в том числе хотя бы минимум материальной обеспеченности, минимум ответного внимания. Нынче писатели не знают социальных заказов, готовые рукописи

никто не запрашивает. И все же изданные книги ушли работать в будущее. Что бы ни говорили, вреда ни одна из них принести не может. Все изданное областной писательской организацией вне нравственных сомнений.

Но стихийное «валовое» производство печатной продукции создает обманное впечатление свободы слова. И кое-кого радует. Нарастает в культурной среде потребительский процесс, удовлетворяющий спросы сего момента. Он благоухает и торопится, радуясь всякой неосмотрительной распре в литературном братстве. За пределами каждой области не увидишь того, что делают коллеги в других регионах, хотя творческое братство еще не угасло. Аналитическая и объединительная роль Союза писателей России прослушивается слабо. Незамеченные, непрочитанные писатели в провинциях все еще ждут понимания. Они меняются медленно, если даже и вынуждены поворачивать к переменам. Чувство слова не утратили, сострадательность не выветрилась. «Не все, что было здесь, пройдет».

Редко, но утешаешься незамеченным в профессиональной сфере результатом «сплюсовывая» сделанное на историю не только костромской словесности, обретаешь уверенность: оппоненты уже не вытопчут литературную правду десятилетия — сапог не хватит. Осталось дождаться справедливого анализа всего, что удалось создать и сохранить в качестве «горестных замет». Без этого сберегающего дела не всходят в провинции новые литературные имена.

Костромская литература, как и литература большинства областей, не проанализирована, не осмыслена по-настоящему в главных своих особенностях и достоинствах. Немногие читатели знают даже отмеченные в центральных журналах романы. Произведения современных литераторов в специфических и заведомо сфабрикованных условиях выходят «на всеобщее внимание» по воле случая, если вообще выходят, чаще и самые достойные остаются невостребованными. Потому и представление о современном литературном процессе, о направленности и качестве произведений, построенное на одних и тех же известных именах, не может быть полным и правильным.

На какую перспективу выходим? Складывается целевая программа «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (до 2020 года)», в которой пока еще литература не обозначена в достаточной мере. Подлинная возрастающая культура выстраивается преемственно многими коллективными усилиями. В этом смысле областная целевая программа имеет особую ценность. Концептуальные основы программных мероприятий по сохранению и развитию культурного и духовного наследия нельзя

выстроить без отчетливого понимания необходимости труда русской культуры по самопознанию, она выстраивается на донной глубине и вырастает через века. Такой труд становится нашей гражданской обязанностью, потому что пришло время выбираться из глубокого экономического, нравственного и культурного кризиса, деликатно возвращаться к истокам национального и государственного самосознания, к пониманию родного языка и словесности, как основы воспитания.

Язык, словесность с древнейших времен являются первоэлементом в основе культуры. «В начале было слово... «Возрожден праздник языка, праздник Слова — праздник славянской письменности и культуры. Уже отмечено 1100 лет славянской письменности, 1000 лет украинской, белорусской и русской литератур. Вспомним Ивана Бунина: «Молчат гробницы, мумии и кости, — /Лишь Слову жизнь дана:/ Из древней тьмы, на мировом погосте, / Звучат лишь Письмена.». Вспоминается и другое поэтическое наставление на века: «Мы знаем, что нынче лежит на весах/ И что совершается ныне./ Час мужества пробил на наших часах./ И мужество нас не покинет./ Не страшно под пулями мертвыми лечь,/ Не горько остаться без крова.../ И мы сохраним тебя русская речь,/ Великое русское слово./ Свободным и чистым тебя пронесем,/ И внукам дадим и от плена спасем/ Навеки!» (Анна Ахматова).

Литература задает вечные вопросы каждому времени и каждому человеку лично, с младых лет ведет каждого путем познания и воспитания, она бережет, сохраняет, передает национальные особенности, нравственные и духовные идеалы. Сохранились, помнятся, найдутся достойные основы для особого внимания к первооснове культуры и в Костромской области от восемнадцатого века до наших дней.

Русская литература и поныне (признают специалисты всего цивилизованного мира), сохраняет достойный образ и, по словам издателя, литературоведа В. Вебера, сумела выстоять в этом достоинстве в период многих усилий, приложенных на разбазаривание сего золотого запаса нации, созданного веками. Подлинная русская литература — единственная из великих литератур, в которой нет разлада между умом и сердцем. К тому же она еще и философия, эстетика, этика, история, хранительница духовных и патриотических ценностей. Она — философия жизни в образах. Сегодня как раз и необходимо иметь в фондах наследия литературу жизни, а не сочинения «развращающих ужастиков». Чтобы сохранить и приумножить сам предмет запланированных исследований, нужно вспомнить и оценить опыт талантливых предшественников, рожденных на костромской земле.

Возникают уточнения и дополнения в проект концепции на пятнадцать лет, чтобы акцентировать внимание на значении литературы как составной части историко-культурного и духовного наследия. Следует обозначенные введением в программу основные понятия дополнить составной частью духовного (нематериального) наследия — ЛИТЕРАТУРУ. Далее — по всему тексту концепции, где это необходимо. Концепция позволит для достижения воспитательных целей рационально использовать богатое литературное наследие от последнего десятилетия восемнадцатого века до наших дней с учетом важного книгоиздательского опыта земляка И. Д. Сытина. Основа — проект областной писательской организации «БИБЛИОТЕКА КОСТРОМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

* * *

До недавнего времени, пожалуй, до конца восьмидесятых годов прошлого века, книга была надежной связью между людьми, поколениями, народами. У нас богатейшие основания думать о самых прекрасных неувядающих садах на мировом поле художественной литературы, о многовековом духовном и эстетическом значении словесного искусства. Мы гордились вершинными гениальными творениями от самых дальних, доступных нашему знанию столетий. Красота, величие, богатство родного языка, по словам М. В. Ломоносова, явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не только никаких правил для сочинений наши предки не знали, но о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

Удивительное имеем наследство, плодородные поля изящной словесности, неувядающие сады творений. Литература дает ощущение общего пространства и личной близости к всемирной природе. Любовь к планете Земля укрепляется через постоянную сердечную и душевную связь с местом, где родился человек, осознающий принадлежность к общечеловеческому Дому при своей культурной индивидуальности.

Без литературы ни один народ не обходится, потому что она эмоционально, с предчувствиями осмысливает жизнь, способна творить добро по духовным и эстетическим ориентирам, анализировать душевное состояние человека. Люди вновь призваны понимать, что без книги, без возрастания роли родного Слова, без фундамента всего культурного развития — русской литературы страна не сможет выкарабкаться из трагических обстоятельств экономического и нравственного порядка. Все чаще пробивается беспокойство за судьбы детей и внуков, потому что многое в обществе меняется в спешном порядке. Уже и литература выбита из ряда основных учебников жизни. Ни левые, ни правые политики

национальную литературу, создаваемую по всей российской периферии, кажется, знать не хотят, даже горделиво признаются: не читаем — есть дела поважнее. Видимо, не обдуманы перспективы, не осмыслены пути. Как же возрождать Россию, выстраивать ее государственную независимость, если граждане «потребляют» нынче фильмы, книги, спектакли, картины, мелодии вопреки собственному менталитету?

Не потому ли ученые поговаривают о приметах одичания... В суетливом переустройстве на отечественных просторах не первый раз «доброжелатели» пытаются отторгнуть народ от всего родного, самобытного, национального. Есть люди, которые оберегают и выращивают красоту в мире, но есть и те, кто вытаптывает ее ради единообразного цивилизованного пространства. Многие будто бы и не заметили, как ловко была отторгнута русская литература от собственного назначения: сначала упреками за традиционность, обвинениями всякого рода, затем замалчиванием и недопущением. Скоро была возвышена и пригрета всякая развлекательная книга, не имеющая целью доброту, совершенство, мораль, идеал, но принижающая человеческое достоинство, совесть и естественную красоту. Забывается, что в размышлениях о жизни с помощью литературы всегда было принято говорить прежде всего о человеке. И в прошлое мы смотрим через судьбы предшественников, история очеловечивается художественными произведениями.

Известны статьи о творчестве поэтов, прозаиков, драматургов. В последние десятилетия появились диссертации, посвященные роли провинциальной творческой интеллигенции в общественной жизни. Имеется достаточно материала для исследования особенностей региональной литературы, ее тематики, разнообразия стилей и богатства языка, эстетической, философской направленности. Но пока основательных обобщающих литературоведческих работ почти нет. Может быть, такие исследования сдерживаются в условиях перемен по вполне понятным причинам. Не принято упоминать о том, что высшие достижения культуры исходили от живущих на земле людей, нравственно и духовно сформированных в деревенском пространстве. Многие русские писатели, не только наши земляки по происхождению или длительному проживанию, профессионально возрастали от местного бытия, именно на этой основе вносили свой вклад в развитие отечественной культуры, получали широкую известность.

После «ласковых» шестидесятых и выжидательных семидесятых с середины восьмидесятых по всей российской периферии литературные судьбы складывались драматически под

угрозой «непригодности» по таланту. Вскоре для новой культурной политики творческие союзы оказались обременительными, их перевели в разряд общественных организаций. Издатели вынужденно поспешили в бизнес. Совестливая проза оказалась оттесненной коммерческими бестселлерами, лучшими были объявлены «новые» поэты, поспешно были отменены мешающие понятия: доброта, совестливость, любовь к родине. Неуместными назывались упоминания о том, что в «несметном нашем богатстве слова драгоценные есть: отечество, верность, братство... и есть еще совесть и честь». Разыгрались другие востребования.

Какие книги нынче обеспечивают связь с общественной жизнью, что они берут в поле зрения? Какие сомнения одолевают уединенных литераторов? В закоулках общественного сознания еще пульсируют совестливые вопросы, так ли надо было вести себя раньше и следует ли уединяться теперь? Не уходит ли человек от самого себя без таких сомнений, когда «все засмеялось и заспешило, завыигрывало миллион и заугадывало мелодию?» (критик Валентин Курбатов). Обережет ли тишина забытой провинции от многих утрат и разочарований, сумеет ли разоряемая природа врачевать наши души? Будут ли услышаны здравые откровения способных беспокоиться не за себя только? Вот уже видные политики забеспокоились. Даже министр обороны главной из трех причин общественного неблагополучия назвал ДЕВАЛЬВАЦИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ИДЕАЛОВ НРАВСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. Это признание очень важно для размышлений о том, что делать дальше.

Содержание

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА 3
Три вопроса от «Литературной газеты» 9

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ И ПОВОРОТАХ 11

ТВОРЧЕСКОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ 12
ФРОНТОВОЙ СВЯЗИСТ 19
В ДЕРЕВНЕ ВИДНЕЕ ПРИРОДА И ЛЮДИ... 28
ЗДРАВСТВУЙТЕ, РОДНЫЕ! 32
В СЕРДЦЕ ОТОЗВАЛОСЬ 33
ОТ АВТОРА 35
НА ОСТАТОЧНОМ ПРИНЦИПЕ 35
В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО 42
А ГОДЫ ПРОХОДЯТ... 50
ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБОРА ОТНОСИТЕЛЬНА 55
СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ? 59
СОГЛАСИЕ И НЕЗАВИСИМОСТЬ 60
ЖИВИТЕ ЛУЧШЕ НАС 64
«Я БЫ В СКОТНИКИ ПОШЕЛ...» 65
НОВЫЕ ПРАЗДНИКИ 65
ИЗ ДНЕВНИКА 67
ДЛЯ ТЕХ, КТО ВЕРИТ В РОССИЮ 69

НА ПЕРЕВАЛЕ 71

ОБРЕТАЮЩИЕ ВЕРУ 72
ПИСАТЕЛЬ И ДИКТАТ КОММЕРЦИИ 74
МОЗАИКА 79
К ПУБЛИКАЦИИ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА 81
ПЕРЕВАЛ «ПОДУМАЙ» 82
У КАЖДОГО — СВОЙ ВЫБОР 84
ИЗ МЮНХЕНА В КОСТРОМУ 89
ОСМЫСЛИВАЯ КЛАССИКУ 98
«ТЕПЕРЬ Я ЗА ГРАНИЦЕЙ…» 99
МЫ ДАВНО ЭТО ПОНЯЛИ 100
НАЧИНАЕМ С ПОЭЗИИ 101
«НИКУДА НЕ ДЕНЕШЬСЯ ОТ ПРАВДЫ» 103
ВЗДОХ СЕМИ ТЫСЯЧ 105
«ЛИТЕРАТУРНОЙ КОСТРОМЕ» — 5 лет 106
«ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ» 108

ЧТО НИ СЛОВО, ТО АФОРИЗМ 110
«ХВАЛУ И КЛЕВЕТУ ПРИЕМЛИ РАВНОДУШНО…» 112
«НО НИКОГО В БЕДЕ МЫ НЕ БРОСАЛИ...» 118
100-летие СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА 120
ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОЖИДАНИЯ 121
НЕУТРАЧЕННОЕ РОДСТВО 123
И СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ... 126

В ЛЮДЯХ И ДОМА 129

УЛЫБКА ИЗ-ЗА ОКЕАНА 130
ВСТРЕЧИ 131
В СЕМЬЕ МАЛЕНЬКОГО КОВБОЯ 133
ХРОНИКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ВСТРЕЧ 136
ВСЕ ЧТО УГОДНО, КРОМЕ ХОЛОДА... 137
ПРЕОДОЛЕНИЕ 140
«НЕ ЖИВУ ПОД ВРЕМЕННЫМИ ФЛАГАМИ» 146
ВСТРЕТИМСЯ ВНОВЬ 149
СВЕРШЕННАЯ ВОЛЯ 151
НЕЗАБЫВАЕМОЕ СЛОВО 156
ЛИТЕРАТУРА «НА ВЕРЕВОЧКЕ» 163
«ДУША ПОЭТА ВСТРЕПЕНЕТСЯ...» 169

«НЕ ВСЕ, ЧТО ЗДЕСЬ ЦВЕЛО, УВЯНЕТ…» 177

ТАЙНА ПРОСТОГО ЗВУЧАНИЯ 178
К ЧИТАТЕЛЮ 189
НАРОДНАЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ 190
ПОБЕДИТЕЛЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ… 192
СОБОРНЫЙ ДИАЛОГ О ЖИЗНИ 194

ОСТАНОВИСЬ, ОГЛЯНИСЬ И ПОЙМИ 198
ДВЕРЬ В ВОЛШЕБНУЮ СТРАНУ 200
ШКОЛА ОБЩЕСТВЕННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ 204
СКАЗИТЕЛЬНИЦА 209
ОДНАЖДЫ Я ПОСМЕЮСЬ НАД СОБОЮ 211
СОТВОРЧЕСТВО 213
СЛОВО ПАРФЯНИНИ 215
ИЗ РЕЦЕНЗИИ 220
«КТО-ТО ДОЛЖЕН КУРЛЫКАТЬ В ГЛУШИ...» 223
«НЕ ВСЕ, ЧТО ЗДЕСЬ ЦВЕЛО, УВЯНЕТ...» 230

СОДЕРЖАНИЕ 238

Михаил Базанков

ВОЗВЫШЕННЫЙ ИНТЕРЕС

Книга вторая

ХРОНИКА, КРИТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ,
ОЧЕРКИ, ПУБЛИЦИСТИКА

За справками обращаться по адресу: 156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1. Костромская областная писательская организация.Телефон: 31-21-09.
Web page: http://www.kosnet.ru/~bam

Общеее и художественное редактирование автора.
Дизайн, компьютерный набор и оригинал-макет — А.М. Базанков

Подписано в печать 30.03.2007.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 16. Усл. п. листов 15. Заказ 3283 .
Тираж 800 экз.

Отпечатано в ГП «Областная типография им. М.Горького»
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.